Ж. А. МЕДВЕДЕВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ

Macmillan

Д-р Жорес МЕДВЕДЕВ — биохимик и геронтолог, снискавший себе известность также и за рубежом Советского Союза. Он не только талантливый ученый, но и выдающийся публицист, смело подходящий в настоящей книге к ряду важнейших вопросов, связанных с положением на родине.

Автор, пользуясь исключительно проверенными фактами, раскрывает всю подноготную ограничения гражданских прав в СССР и требует превратить советское общество «из полузакрытой в открытую систему». Большое внимание Медведев уделяет проблемам свободного международного сотрудничества ученых и убедительно доказывает, что только путем открытых отношений с остальным миром, советская наука сможет полностью развить свои огромные потенциальные возможности. Читатель знакомится с личным опытом автора в области связей с иностранными коллегами, приглашавшими его на научные конференции, чтение докладов и т. д. Но все попытки Медведева выехать за границу неизменно пресекались власть имущими. Эта изоляция обрекает советскую науку на отставание от Западного мира и наносит народному хозяйству большой ущерб. Весь труд «Международное сотрудничество ученых и национальные границы» проникнут глубоким патриотизмом и чувством долга перед своим народом.

Во второй части этой волнующей книги, не без иронии названной «Тайна переписки охраняется законом», автор с изумительной точностью анализирует работу советской цензуры. Официальное заявление, что «советское государство обеспечивает сохранение в тайне всех видов почтовой, телеграфной, а также радио и телефонной корреспонденции граждан», полностью опрокидывается собранными Медведевым фактами.

price:£3.50

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
УЧЕНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ

1/3515

Zhores A. Medvedev

THE MEDVEDEV PAPERS

FRUITFUL MEETINGS
BETWEEN SCIENTISTS OF THE WORLD

SECRECY OF CORRESPONDENCE
IS GUARANTEED BY LAW

English Edition available now
Price £4.95

Macmillan
1972

Жорес А. Медведев

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ

Macmillan
1972

(C) Zh. A. Medvedev 1970

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted, in any form or by any means, without permission.

First published 1970 by
MACMILLAN AND CO. LTD.
London and Basingstoke
Associated companies in New York, Toronto, Dublin, Melbourne, Johannesburg & Madras.

First published in this edition and format
by MACMILLAN LONDON LTD. 1971

Printed in the U.K. by Ukrainian Publishers Limited, 200 Liverpool Road, London N1 1LF.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 11

РАЗДЕЛ I. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМОЙ 13

1. Пятый международный конгресс по геронтологии 13
2. Шестой и Седьмой международные конгрессы по геронтологии 31
3. План совместных исследований с Д-ром Бернардом Стрелером и попытка его реализации . . . 38
4. Традиционная Годичная лекция по проблеме старения 63
5. «Планшет» Ч. Дарвина, Медаль Г. Менделя, Премия Ж. Кимбера 93

РАЗДЕЛ II. СОВРЕМЕННЫЕ МАСШТАБЫ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА 141

1. Современные формы обмена информацией в мировой науке 142
2. Совместные международные исследования . . . 174
3. Образование за рубежом 185
4. Зарубежные путешествия ученых 187
5. Проблема «утечки» мозгов 190
6. Развитие международного научного и культурного сотрудничества ведет к созданию интеллектуального общества 198

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАРУБЕЖНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ 213

Введение 213

1. «Всеобщая Декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций, и ее отношение к проблеме международного сотрудничества 218

2. Советский человек и его паспорт, внутренний и заграничный 224

3. Как оформляется зарубежная поездка из СССР
а. В капиталистические страны 240

б. В социалистические страны Восточной Европы 257

4. Как оформляется поездка в СССР из других стран 267

5. Государственная граница 302

6. Современные тенденции в развитии международной интеграции человечества 317

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Что бы автор хотел сказать некоторым организациям, определяющим в СССР политику и практику международного сотрудничества советских граждан 337

1. «Интуристу» 337

2. Всесоюзному Географическому обществу 346

3. Идеологической Комиссии ЦК КПСС 344

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 365

1. ПЕРВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ПОЧТОЙ 369
2. ПРОБЛЕМА ОБРАТНОГО АДРЕСА 379
3. ЗАГАДОЧНЫЙ ПАРАДОКС МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ 387
4. ЕЩЕ ОДИН СТРАННЫЙ ПАРАДОКС МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ 397
5. ВЛИЯЕТ ЛИ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНОГО АВИАПИСЬМА НА СРОК ЕГО ДОСТАВКИ АДРЕСАТУ? 402
6. ПРОВЕРКА ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ С ПЕЧАТНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ. СТРУКТУРА ЗАГРАДИТЕЛЬНОЙ СЕТИ 407
7. ПРОБЛЕМА КОНФИСКАЦИЙ И ИЗМЕНЕНИЙ ПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРИБЫВАЮЩИХ ИЗ-ЗА РУБЕЖА 435
8. ТАЙНЫ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА» 457
9. ЛИЦО «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА» — СОВРЕМЕННОЙ ПОЧТЫ 477
10. МЕСТЬ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА» 496
11. ЗАКОН И ПРАВО ПРОТИВ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА». ПЕРВЫЙ ЭТАП 510
12. ЗАКОН И ПРАВО ПРОТИВ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА». ВТОРОЙ ЭТАП 542
13. ОХРАНА ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЧТЕ 567

14. ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ, ПОЧТОВЫЕ ЗАГАДКИ, ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ . . . 576
а. Трудности редкого языка 576
б. Осложнения, связанные с рассеянностью . . . 579
в. Проблемы мира и социализма 581
г. О профессиональной репутации при решении сложной задачи 582
д. О привилегиях некоторых корреспондентов . . 585
е. Встреча со слушателями 590
ж. Можно ли читать письмо, не вынимая его из конверта? 592
з. Ваша фамилия у нас на контроле 594
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 596

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЧЕНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные наука и техника, а вместе с ними и разнообразные формы искусства, все очевиднее объединяют человечество в единую и взаимосвязанную систему. Всемирное сотрудничество ученых и технических специалистов, по мере прогресса науки, все в большей и большей степени приобретает характер особого дифференцированного интеллектуального содружества, в котором вместо антагонизма возникают взаимовыгодное разделение труда, координация усилий, общий язык для обмена информацией и солидарность, во многих случаях независимые от социальных и политических различий отдельных государств. Этот процесс находит свое выражение в создании и развитии многочисленных международных научных и технических обществ и ассоциаций, в быстром росте числа международных конгрессов, конференций и совещаний, в организации международных институтов и лабораторий и совместных научных и технических разработок. Удельный вес т. н. секретной научной информации в общем объеме научных знаний непрерывно уменьшается.

Однако в разных странах этот исторический процесс научно-технической и культурной интеграции происходит с разной скоростью и иногда наталкивается на определенные препятствия. Далеко не все группы населения нашей планеты с одинаковым энтузиазмом и пониманием стремятся к той всечеловеческой интеграции, которая необратимо захватила мир науки. Некоторым кажется, что свободному общению людей всех наций и стран должна обязательно предшествовать политическая унификация, переустройство всех стран по тем образцам, которые предлагают миру СССР или Китай, США или Франция. Задача настоящей работы состоит

в том, чтобы показать несомненную ошибочность такой концепции и тот проигрыш, который неизбежен для стран, осуществляющих ее на практике.

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из трех разделов. В первом из них описываются несколько конкретных историй, по существу стимулировавших интерес автора к обсуждаемой проблеме. В них показано, как индивидуальные усилия в области международного научного сотрудничества могут сталкиваться со старыми предрассудками и системой изоляции, усложняющими и затрудняющими естественные и необходимые связи ученых.

Во второй части дан общий анализ того непосредственного экономического и политического ущерба, который приносится стране политикой ограничения масштабов и форм международного сотрудничества ученых и технических специалистов.

В третьем разделе книги рассмотрены те правовые нормы и законоположения, которые регламентируют в СССР и в других странах зарубежные путешествия граждан и сохраняющие в ряде случаев то игнорирование и нарушение прав человека, которое вступило в резкое противоречие с современными тенденциями развития человеческого общества.

Ж. А. Медведев

РАЗДЕЛ I

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМОЙ

Ученый вступает на путь международного сотрудничества не под влиянием каких-либо директив, а в силу естественной необходимости, естественной потребности, связанных с текущей научной работой, с быстрейшим решением каких-то проблем и задач. Сама структура и бурная деятельность мирового общества ученых вовлекают индивидуального научного работника в современное научное сотрудничество, засасывают его, как смерч песчинку, в общий, несущийся вперед круговорот науки. И если эта песчинка придавлена к земле какой-то силой, мешающей ей войти в общее круговращение, то смерч уходит вперед, а песчинка остается лежать на своем старом месте.

Настоящий первый раздел этой работы посвящен рассмотрению индивидуальных стремлений научного работника, связанных с его желанием не отстать от уровня современной науки, войти в систему разумной кооперации со своими коллегами, обрести те же возможности для работы и сотрудничества, которыми пользуются другие. Мы не могли избежать при этом и показа того, как эти индивидуальные стремления, рождаемые международными традициями, сталкиваются с силами и правилами, стремящимися удержать песчинку на месте, предохранить ее от засасывающего действия смерча мировой науки.

1. Пятый международный конгресс по геронтологии

В самом конце марта 1960 года я получил письмо из Калифорнии в служебном конверте Международной

Ассоциации геронтологии. В то время еще не все знали, что геронтология — это название особой науки, изучающей процессы старения в живом мире. Письмо, написанное на английском языке, было для меня неожиданным. Его текст я привожу ниже в точном переводе.

Д-ру Ж. А. Медведеву
Кафедра биохимии и агрохимии
Тимирязевская сельскохозяйственная академия

Москва, СССР Март, 22, 1960

Дорогой Доктор Медведев,

Как Президент Пятого международного конгресса по геронтологии, я имею удовольствие и привилегию направить Вам это официальное приглашение участвовать в конгрессе, который состоится в августе текущего года в Сан-Франциско. Мы все уверены, что Ваше участие будет способствовать успехам геронтологии, благодаря взаимному обмену опытом и знаниями.

Через несколько дней я вышлю Вам предварительную программу и регистрационные формы.

Я надеюсь иметь удовольствие приветствовать Вас персонально в Сан-Франциско. В то же время, если я смогу быть чем-нибудь полезен в осуществлении этой поездки, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

Примите мои лучшие пожелания и уважение

Искренне Ваш

Луис Каплан,
Президент Международной Ассоциации геронтологии

Письмо Луиса Каплана меня сильно взволновало, и несколько дней я думал о причине внимания с его стороны к моей в то время мало кому известной работе в области геронтологии. Наука эта в 1960 г. в СССР еще не имела достаточного развития, и большинство ученых ею увлекавшихся были геронтологами-любителями, занимаясь геронтологическими исследованиями в качестве дополнения в основной работе в какой-то другой классической области биологии. Таким же геронтологом-

любителем был тогда и я, и моя основная, т. н. «плановая» работа состояла в изучении биосинтеза белков и нуклеиновых кислот в растениях. Как геронтолог, я опубликовал в период между 1952 и 1960 гг. лишь несколько исследований о возрастных изменениях белкового обмена в растениях и несколько теоретических статей, содержавших попытку создания новой гипотезы о механизмах старения. Эта гипотеза, объяснявшая процесс старения клеток накоплением ошибок синтеза белков и нуклеиновых кислот, привлекала к изучению процесса старения молекулярную биологию и генетику, интерес к которым, как известно, резко возрос к концу пятидесятых годов.

И тем не менее, письмо Луиса Каплана, специалиста главным образом в области психологических и социологических аспектов старения, было для меня непонятным. Однако через несколько дней я получил новое письмо, рассеявшее мои недоумения и возбудившее новый прилив энтузиазма. На этот раз письмо было от Натана Шока, известного американского геронтолога, с которым уже несколько лет я был в переписке, включавшей и обмен оттисками научных работ. С удивлением я обнаружил из этого письма, что мой коллега является Президентом Американского геронтологического общества. Он был избран на этот пост, как я узнал позднее, в начале 1960 г. Письмо Н. Шока было более длинным и детальным, и его перевод я привожу ниже с рядом сокращений.

Д-ру Ж. А. Медведеву
Тимирязевская сельскохозяйственная академия
Москва, СССР Апрель, 1, 1960

Дорогой д-р Медведев,

По поручению исполнительного комитета Международного Конгресса по геронтологии, я рад пригласить вас участвовать в работе этого конгресса, который состоится в Сан-Франциско, Калифорния, с 7 августа по 12 августа 1960 года.

Научные сессии конгресса будут посвящены в раз-

деле биологии следующим проблемам: Генетика старения, Сравнительное долголетие, Состав тела, Регуляторные системы, Внешние факторы, Клеточные структуры, Клеточная физиология, Соединительная ткань.

Национальный институт здоровья выделил Геронтологическому обществу специальный фонд для проведения конгресса и это позволяет нам оплатить Ваш проезд самолетом до Сан-Франциско и обратно. Мы полагаем, что остальные расходы могут быть оплачены Вашим институтом.

М-р Каплан, Президент конгресса, решил обратиться к туристическим агентствам в Сан-Франциско с тем, чтобы они подготовили обменные ордера для авиа и морских линий, которые наиболее удобны для наших зарубежных гостей. Эти ордера будут высылаться в те оффисы транспортных компаний, которые обслуживают города наших гостей.

Я искренне надеюсь, что Вы сможете принять это приглашение и сообщите мне немедленно название той авиалинии, которую Вы намерены использовать, и того международного аэропорта и города, откуда Вы начнете свою поездку. Я должен информировать об этом М-ра Каплана, чтобы он распорядился о предварительной оплате этого путешествия.

Но я полагаю, что Вы сделаете заказ на полет, в случае принятия приглашения, сразу, не дожидаясь прибытия обменного ордера.

Искренне Ваш

Н. В. Шок,
Президент геронтологического общества

Почти одновременно с письмом Шока прибыли и остальные материалы конгресса, программа тем сессий и симпозиумов, формы регистрации, формы для представления тезисов докладов и туристическое описание Сан-Франциско и прилегающих к нему районов побережья.

Письмо Н. Шока было конкретным и требовало быстрых решений. В это время я, как и большинство моих коллег, не представлял себе всех акций, необходимых для быстрого оформления зарубежной поездки. В пре-

дыдущих четырех международных геронтологических конгрессах советские ученые не участвовали и в Международную Ассоциацию по геронтологии СССР не входил, так как в нашей стране тогда еще не было Геронтологического Общества (оно было создано в 1963 г.). Единственной общественной научной организацией по геронтологии была в это время у нас секция геронтологии Московского общества испытателей природы. Возглавлял бюро секции профессор В. В. Алпатов, ученым секретарем секции был я.

На очередном заседании секции геронтологии мое сообщение о Пятом Международном конгрессе по геронтологии было встречено с воодушевлением. Все мы понимали, какое значение участие в Конгрессе могло бы иметь для развития этой науки в нашей стране. Секция приняла решение об участии в работах Конгресса и рекомендовала для поездки в США трех своих членов, проф. В. В. Алпатова, Л. В. Комарова и меня. Решение секции было утверждено Президиумом общества и вместе с копиями информационных материалов Конгресса направлено в дирекции тех учреждений, в которых работали рекомендуемые. Одновременно секция геронтологии подготовила обращение к ряду организаций, заинтересованных в этой науке (Киевский институт геронтологии, только что организованный, Харьковский центр по возрастной физиологии, Академия медицинских наук, отдел науки при ЦК КПСС и другие) с предложением способствовать максимально широкому участию советских ученых в работе Конгресса. В эти организации были высланы и фотокопии информационных материалов.

Вооружившись решениями секции геронтологии и Президиума Общества, я пошел к своему служебному начальству для того, чтобы обсудить конкретные возможности такой поездки лично для меня. Следует отметить, что сельскохозяйственная наука, в системе которой я тогда работал, не стоит совсем в стороне от геронтологии. Например, влияние возраста родителей

на свойства и продуктивность потомства, изучение изменений качества сельскохозяйственной продукции (мясо, молоко, шерсть, кожа) с возрастом животных (оно резко меняется), регуляция продолжительности жизни растений и животных, стадийность развития, омоложение растений в практике плодоводства, вырождение вегетативно размножаемых форм и ряд других проблем, являлись одновременно и проблемами интенсивно изучаемыми геронтологией, как общебиологической наукой. (Медицинские разделы геронтологии выделились в отдельную науку — гэрматрию).

Заведующий кафедрой агрономии и биологии, в состав которой входила моя небольшая биохимическая группа, профессор В. М. Клечковский энергично поддержал мои намерения и направил представление о целесообразности поездки ректору академии. В свою очередь ректор академии быстро подготовил соответствующее предложение в Министерство высшего и среднего образования СССР. В Иностранном отделе Министерства представление от академии в короткий срок обросло нужными резолюциями, включая министра, и я получил разрешение написать в США о своем согласии участвовать в работе Конгресса. Мне было разрешено также принять и оплату проезда и выразить по этому случаю свою благодарность Оргкомитету Конгресса. Примерно через 10 дней после письма Шока я уже послал ему телеграмму о принятии приглашения и сообщил заголовок доклада «Старение на молекулярном уровне».

Через неделю, в конце апреля, пришло новое письмо Н. Шока, точный перевод которого приводится ниже:

Д-ру Ж. А. Медведеву,
Кафедра агрохимии и биохимии
Тимирязевская сельскохозяйственная академия
Москва, СССР

Дорогой Д-р Медведев,

Ваша телеграмма о принятии приглашения участво-

вать в Пятом международном конгрессе по геронтологии в Сан-Франциско получена сегодня утром. Мы все рады, что Вы будете иметь возможность встретиться с нами. М-р Каплан вышлет вам дорожные поручительства в течение нескольких ближайших недель.

Я также хотел бы пригласить Вас в качестве почетного председателя (Honorary Chairman) сессии клеточной физиологии. Д-р Стрелер из нашей лаборатории будет американским председателем и будет заботиться о всех деталях и приготовлениях.

Я хотел бы также пригласить Вас посетить наши лаборатории в Балтиморе по окончании Конгресса в Сан-Франциско. Если Вы будете в состоянии принять это приглашение, то расходы по этой поездке будут оплачены нами по прибытии в Балтимор.

Искренне Ваш,

Н. Шок,

Директор центра геронтологии

Спустя несколько дней пришло письмо и от Д-ра Б. Стрелера, американского руководителя секции клеточной физиологии. Он сообщал о планируемом порядке работы секции. Этот план состоял из подготовки нескольких заседаний, каждое с главным теоретическим докладом т. н. «дискутанта» и с последующим его обсуждением. Для такого обсуждения разрешались и экспериментальные сообщения, но лишь связанные тематически с главным теоретическим докладом. Мой доклад стоял в категории основных и его обсуждению посвящалось одно из заседаний. Б. Стрелер просил прислать тезисы доклада срочно, к 10 мая, так как для публикации тезисов требовалось не менее двух месяцев.

Б. Стрелера я знал по литературе, как очень оригинального исследователя, который совмещал интерес к геронтологии с работой в области биохимии растений и считался крупным специалистом в проблемах фотосинтеза.

Быстро подготовив требуемые четыре экземпляра тезисов на английском языке, я отправился на Главный почтамт, чтобы без задержки послать их Стрелеру экспресс-авиа-заказным письмом. Но здесь меня ждало первое затруднение.

«Что у вас?» — спросила сотрудница почтамта в окне международной корреспонденции, повертев в руках толстый пакет уже с марками и заклеенный. При этом она прежде всего посмотрела на обратный адрес. Я объяснил. «Рукописи статей мы принимаем только от учреждений и по форме № 103а» — ответила сотрудница почтамта, возвращая мне конверт. «И сдавать его необходимо незапечатанным... Частным лицам пересылка машинописных материалов за границу запрещена».

Вернувшись с почтамта, я сразу обратился в канцелярию академии, ведавшую служебной корреспонденцией, с просьбой подготовить мне форму 103а или отправить мое письмо в США служебной почтой. Но оказалось, что и это невозможно. Согласно строгой инструкции, любые рукописные материалы, предназначенные для опубликования за границей, должны быть предварительно снабжены особым «Актом» о несекретности, с тремя подписями экспертов, обсуждены на Ученом Совете, одобрены Дирекцией, Иностранным отделом Министерства и, наконец, получить визу Главлита, вернее цензуры. В итоге в обратном порядке выдаются последовательно справки о возможности высылки материала за границу, и на основе этих справок составляется для почты форма № 103а, подписанная директором и заверенная обязательно гербовой печатью учреждения. Форма эта готовится в трех экземплярах, два сдаются на почту вместе с письмом, а один заверяется почтой и хранится в учреждении вместо почтовой квитанции. При этом в Главлит необходимо направлять русский текст, а английский потом проверять на идентичность. И только после такой обработки почтовое отправление начнет свой путь к адресату.

На все это у меня было не более семи дней, если вычесть те 6-7 дней, которые следовало резервировать для движения письма уже в почтовом ведомстве. Б. Стрелеру, конечно, и в голову не приходило, что стра-

ничку тезисов теоретического доклада необходимо запрашивать у советских авторов по крайней мере за два месяца. Объяснить ему разницу между мною и каким-нибудь французом было бы и бесполезно, он просто не поверил бы в возможность такого рода ограничений в почтовой отправке отпечатанной на машинке страницы теоретического текста. За границей признано очевидным, что не цензура, а сам автор определяет, секретен или нет его материал и, следовательно, автор, а не комиссия экспертов, несет ответственность в случае публикации секретных материалов. Причем все это касается лишь работников секретных учреждений, а отнюдь не сельскохозяйственных колледжей.

Но делать было нечего. Однако, как выяснилось, ближайший Ученый Совет предполагался лишь через десять дней. Это делало очевидным невыполнимость просьбы Б. Стрелера. Было лишь три возможности выйти из создавшегося положения, во-первых, отказаться от участия в Конгрессе, во-вторых, укоротить как-то путь к форме 103а и, в третьих, обойти все эти ограничения без криминала, на законном основании.

Параграф «Почтовых Правил», соответствовавший этим ограничениям гласил, что к пересылке запрещаются рукописи, содержащие государственную или военную тайну и могущие принести нашей стране политический (?) или экономический ущерб. Определить с этой точки зрения характер материалов в конечной инстанции может только «Главлит». Но согласно инструкции, речь идет о машинописных, подготовленных для печати текстах. Текст, написанный от руки и посланный как частное письмо, может быть отправлен без формы 103а, но в обычном маленьком конверте. Это и подсказало мне идею, как удовлетворить просьбу Стрелера, не нарушая цензурных правил. Я не стал посылать ему машинописных текстов, да еще в четырех экземплярах. Я просто отправил ему написанное от руки личное письмо, в котором высказал свои соображения о меха-

низмах старения на молекулярном уровне. При этом я обратился к нему с просьбой отредактировать их в форму тезиссв, сославшись на то, что мои знания английского языка не позволяют найти наиболее лаконичные «тезисные» выражения. Стрелер мою просьбу быстро выполнил и вскоре прислал мне копию тезисов, подготовленную для публикации.

Тем временем из Министерства, после положительной визы Министра, проф. В. Елютина, пришло в Тимирязевскую академию указание готовить на меня «Выездное дело». Одновременно положительное решение об участии советских ученых в работе этого конгресса было принято Министерством здравоохранения СССР и началось формирование делегации. Руководителем делегации был назначен заместитель директора Киевского института Геронтологии АМН СССР, проф. П. Д. Марчук, остальные члены делегации оформлялись как туристы. В состав делегации был записан и я, но согласно правилам, мое «Выездное дело» и все связанные с ним акции производились тем ведомством, к которому принадлежала Тимирязевская академия.

«Выездное дело» для поездки в капиталистические (а в 1960 г. во все) страны состоит, как известно, из серии длинных анкет, подобных анкетам «на засекречивание». Эти анкеты включают традиционные вопросы о ближайших родственниках, был ли в плену и прочее, описание всех служб и должностей, на которых работал в своей жизни отъезжающий. Кроме того, в «Выездное дело» включается подробная автобиография, копии метрических свидетельств на детей, копия брачного свидетельства, справка о здоровье, программа поездки с указанием сроков и целей визита и характеристики, которая считается главным документом. Все бумаги готовятся в двух экземплярах и к ним прикладываются 12 фотографий. Характеристика, с обязательным упоминанием о политической зрелости и моральной устойчивости, должна визироваться всеми непосредствен-

ными общественными и административными руководителями в трех экземплярах и утверждаться на заседании партийного бюро или парткома, а затем на заседании бюро райкома КПСС. После этого она скрепляется печатью райкома. Все эти бумаги и составляют «Выездное дело», которое может быть передано дальше в Министерство и затем в ЦК КПСС.

Мое «Выездное дело» прошло все эти стадии очень быстро, и уже к концу мая мне сообщили, что Министр высшего и среднего образования СССР подписал приказ о моей командировке в США сроком на две недели.

Однако мои более опытные коллеги уверяли меня, что оптимизм еще преждевременен и что главная ступень еще впереди. Решение Министерства вместе с моим «Выездным делом» должно было поступить на одобрение в ЦК КПСС и пройти там утверждение в Отделе науки и высших школ и в некой «Выездной Комиссии». Только «Выездная Комиссия» могла рассматривать сведения о командируемом из его «досье» в органах государственной безопасности. И только после прохождения этих стадий «Выездное дело» поступало в Министерство Иностранных дел, где для отъезжавшего готовился заграничный паспорт и запрашивалась по нему виза в соответствующем посольстве.

В начале июня, Московское представительство авиакампании «САБЕНА», принадлежащей Бельгии, пригласило меня в свою контору в гостинице «Метрополь» для уточнения маршрута полета. Мне следовало сделать выбор между полярным и трансатлантическим рейсами. Оплата проезда была получена из США и Министерство высшего образования оформило билет, совпадающий по срокам с отлетом остальной делегации. Прощаясь, приветливая девушка, служащая «Сабены», подарила мне как будущему пассажиру, элегантную сумочку «Сабена».

Сроки отъезда приближались, и я интенсивно засел за подготовку текста доклада, который предстояло про-

износить на английском языке. К этому времени окончательная программа Конгресса была отпечатана и разослана участникам. Мне по этой программе предстояло сделать 20-и минутный доклад и заключительный анализ дискуссии на одном из заседаний секции клеточной физиологии.

Программа прибыла ко мне 15 июня. Но через два дня я был неожиданно вызван в Министерство, где низший по чину сотрудник Иностранного отдела (вернее отдела международного сотрудничества) Ю. С. Самохин сообщил мне, что моя поездка в США, по-видимому, не состоится и мне следует заблаговременно известить об этом моих зарубежных коллег, сославшись на занятость или болезнь, или на «семейные обстоятельства».

Такой поворот событий был для меня неожиданным, и я отказался выполнить рекомендацию до тех пор, пока мне не объяснят причин изменения прежних решений. Сначала я подумал, что отменена общая поездка всей делегации. Но оказалось, что это не так. Однако и мои коллеги по секции геронтологии В. В. Алпатов и Л. В. Комаров получили в своих ведомствах (Иностранный отдел АН СССР и АМН СССР) аналогичные рекомендации и сообщили в Оргкомитет конгресса о своей «болезни».

На следующий день я попросил ауденции у Министра, но был переадресован к его Первому Заместителю, проф. М. А. Прокофьеву, ответственному за международные связи министерства. Заместитель Министра выразил мне свои сожаления, но рекомендовал от поездки отказаться. На мой вопрос о причинах он с видимым возмущением обвинил работников иностранного отдела, которые затянули передачу моих бумаг в ЦК КПСС, а согласно инструкции все дела должны поступать туда не позже чем за два месяца до планируемого отъезда. (Это было не совсем точно, так как мне было известно, что все «Выездные дела» делегации уже находились в ЦК КПСС). Причиной отказа М. А. Про-

кофьев также рекомендовал выдвинуть состояние здоровья. Я попытался спорить, возражать, и это было очень непривычно для М. А. Прокофьева. Разговор стал обостряться. Я сказал, что напишу реальную причину — отказ Министерства в оформлении поездки. Прокофьев пришел в негодование и обвинил меня в отсутствии патриотизма. По его словам, честный советский человек никогда не станет обвинять перед иностранцами государственное учреждение. На этом мы с ним и расстались, но он, как мне стало известно, тут же позвонил ректору Тимирязевской академии и рекомендовал применить ко мне воспитательные меры.

На следующий день я был в конторе авиакомпании «САБЕНА» и попросил их аннулировать заказ на билеты и возвратить деньги Оргкомитету Конгресса. Сумма была значительной, почти 1000 долларов. Но оказалось, что авиакомпания без просьбы непосредственно от Оргкомитета сделать этого не может. При этом, если Оргкомитет не аннулирует заказ по крайней мере за месяц до отлета, то деньги останутся у «Сабены». Нужно было, следовательно, срочно информировать Н. Шока о ситуации. В этот же день я отправил ему заказное экспресс-авиа письмо, кратко сообщив, что Министерство высшего образования, к сожалению, не может оформить мою поездку и что Оргкомитет должен запросить обратно суммы, израсходованные на бронирование билета на самолет. Одновременно я сообщил ему, что продолжу свои усилия по организации поездки и что возможность моего приезда еще не равна нулю. (Я имел в виду обратиться по этому поводу непосредственно в ЦК КПСС).

Спустя две недели я получил от Н. Шока письмо следующего содержания:

Д-ру Ж. А. Медведеву
Тимирязевская сельскохозяйственная академия

Июль, 5, 1960

Дорогой д-р Медведев,

Благодарю вас за ваше письмо от 29 июня. Как Президент Геронтологического общества, я написал Министру, проф. Елютину, относительно вашего участия в работах Конгресса по геронтологии. Я также попросил проф. Каплана, как Президента конгресса, написать ему тоже.

Я написал также в Оргкомитет проф. Кирку с просьбой отменить сделанные транспортному агентству платежи и возвратить эти фонды Геронтологическому обществу. Как только это будет сделано, М-р Кирк подготовит вам чек, оплачиваемый в долларах, который вы получите по прибытии в Сан-Франциско, как возмещение ваших расходов по поездке. Я сам остановлюсь в отеле «Вайткомб».

Я был очень опечален узнать о болезни д-ра Комарова и о том, что он не сможет приехать на Конгресс.

Я несомненно надеюсь, что все ваши трудности будут разрешены и мы увидим вас в Сан-Франциско и Балтиморе.

Искренне Ваш

Н. Шок

В это письмо была вложена копия обращения, направленного Н. Шоком Министру высшего образования СССР. Текст обращения гласил:

Профессору В. Елютину,
Министру высшего образования СССР
Москва

Дорогой профессор Елютин,

Пятый международный конгресс по геронтологии, который состоится в Сан-Франциско в Калифорнии с 7 по 12 августа 1960 г. пригласил д-ра Медведева (Тимирязевская сельскохозяйственная академия) участвовать в программе. Мы весьма желаем узнать о текущих исследованиях по проблеме старения, проводимых в СССР. Мы хорошо знакомы с публикациями д-ра Медведева, и нам особенно хочется узнать больше о его работе по проблемам биосинтеза белка в связи

с развитием и старением. Я пишу Вам в надежде, что вы поможете д-ру Медведеву иметь возможность присутствовать на Конгрессе с тем, чтобы мы могли больше узнать о научных вкладах в биологию, сделанных в вашей стране.

Искренне Ваш

Н. Шок,
Президент геронтологического общества

Спустя несколько дней я получил и копию телеграммы, направленной Министру от Президента Конгресса, проф. Каплана.

В этот же период прибыло письмо из Федерального Совета по проблеме старения в Вашингтоне. Автор письма еще, конечно, не знал о моих трудностях и писал следующее: (здесь, как и везде дальше, перевод с английского).

Дорогой д-р Медведев,

Федеральный Совет по проблеме старения и старости был информирован Геронтологическим обществом США о вашем намерении участвовать в работе Пятого геронтологического Конгресса.

Совет приветствует ваше решение по поручению многих деятелей Правительства Соединенных Штатов, участвующих в нашей программе и нашей активности, направленных на улучшение здоровья и положения старых людей. Наша программа и наша деятельность описаны во вложенной брошюре «Отчет президенту».

Если вы планируете посетить Вашингтон, то мы будем рады встретить вас и организовать ваш обмен мнениями с рядом руководителей нашей программы. Если есть какие либо лаборатории, которые вы хотели бы посетить, пожалуйста сообщите нам.

Мы надеемся, что вы сможете побывать здесь. Если мы могли бы содействовать в организации любых интервью и визитов, сообщите нам область ваших специальных интересов, и мы будем рады сделать все возможное.

По поручению Совета

Уоррен Родебуш,
Исполнительный директор
Федерального Совета по старению

Это письмо открывало новые возможности в моей поездке в США, и я чувствовал, что я не вправе прекращать усилий с тем, чтобы принести посильную помощь делу развития геронтологии в нашей стране. Единственной организацией, которая могла оказать реальное содействие за тот неполный месяц, который оставался до открытия Конгресса, был ЦК КПСС, и естественно, что я направился туда.

Узнав, что «Выездную Комиссию» ЦК КПСС возглавляет Секретарь ЦК тов. М. А. Суслов, я подготовил на его имя обстоятельную докладную записку, приложив к ней копии и переводы полученных приглашений. В докладной записке я попросил М. А. Суслова разобраться в создавшемся положении и принять решение, которое основывалось бы на принципах разумной целесообразности. Вместе в тем я попытался вкратце объяснить Секретарю ЦК КПСС значение геронтологии и ее прикладной отрасли — гериатрии для борьбы за долголетие человека. Я рассказал об успехах геронтологии в США и отметил весьма слабое развитие этой науки в СССР. Также я сообщил в своем письме, что полученная мною от Геронтологического общества сумма будет использована для закупки с выставки Конгресса испытательных образцов того большого ассортимента гериатрических комплексных лекарств и средств, которые выпускаются в США и в других странах, и налаживание производства которых в СССР все время задерживается. (В США очень распространены общеукрепляющие и тонизирующие комплексы, состоящие из 20-40 компонентов, гормонов, витаминов, солей, стимуляторов. В СССР первое такое лекарство из 11 компонентов было разработано и испытано только в 1966 г.).

Докладная записка в ЦК КПСС была передана в окно для приема почты непосредственно в здании ЦК КПСС примерно 9 или 10 июля, и я был уверен, что дня через два-три меня вызовут в ЦК для беседы. Однако только через десять дней мне, наконец, позвонили по слу-

жебному телефону, указанному в докладной. Меня вызывала к себе назавтра для беседы инструктор Отдела науки и высших школ тов. Филиппова. С волнением вошел я в Третий Подъезд столь знакомого всем нам здания на Старой площади. Я был полон самых оптимистических надежд.

Войдя в комнату с табличкой «Филиппова» (инициалов я не помню), я увидел пожилую, внушительного вида женщину. И вдруг, вместо приветствия, или ожидавшегося мною рукопожатия, резкий вопрос:

«Вы, товарищ Медведев, газеты читаете?»

Читаю, конечно, ответил я.

«Так плохо читаете, очевидно. Вы должны знать, они к нам самолеты У-2 запускают, шпионов сбрасывают, а Вы к ним в гости собрались».

Я не в гости, я на конгресс, ведь это международный конгресс, а не американский.

«Ну и что же, что международный, а если в Западной Германии будет международный конгресс — Вы тоже захотите поехать?»

Начатая в таком стиле беседа не предвещала ничего хорошего. На все мои аргументы у Филипповой находились стандартные демагогические ответы. Когда я попытался доказать, что участие советских ученых в международных конгрессах способствует повышению престижа советской науки, Филиппова сразу отвергла мои аргументы: «Мы не нуждаемся в признаниях американских лже-ученых, мы раньше них запустили спутники» ... На мое упоминание о том, что поездка оплачивается Оргкомитетом конгресса, последовала не менее быстрая реакция: «Нам не нужны подачки американских капиталистов ...» Когда я спросил, почему именно ко мне такое отношение, ведь делегация от СССР все же выезжает для участия в работах Конгресса, Филиппова сразу обрадовалась. «Вот и хорошо, что едут. Приедут и вам расскажут, что там было. Материалы привезут, о чем же вам беспокоится, ЦК знает

кого нужно посылать...» На мою попытку доказать несбходимость более широкого развития геронтологии в СССР она прореагировала таким же образом «... Это уже не ваша забота, когда будет нужно мы в ЦК об этом позаботимся...»

Из дальнейшей беседы выяснилось, однако, что Филиппова, хотя на ее столе лежали аккуратной стопкой книги по физиологии и медицине, была совершенно неосведомлена в вопросах, которые мы обсуждали, не знала ничего о проблемах геронтологии и даже не прочитала моей докладной записки.

Выйдя от Филипповой, я тут же написал заведующему отделом науки ЦК письмо-протест по поводу абсолютной неудовлетворительности полученных мною разъяснений и некомпетентности инструктора в вопросах, которые ему было поручено обсудить. Заведующим Отделом был в ту пору проф. В. А. Кириллин. В связи с этим протестом меня пригласил вскоре к себе Заместитель заведующего отделом тов. Мохов, ответственный за высшие учебные заведения. (Я, как сотрудник ВУЗа, входил в его сферу).

Тов. Мохов был более вежливым, чем Филиппова. Он авторитетно объяснил мне, что сроки запроса виз все равно уже прошли и теперь только Секретариат ЦК КПСС мог бы своим решением помочь делу. Но ведь дело слишком незначительное, чтобы ставить его на обсуждение Секретариата ЦК. «Вот если вы были бы научный корифей, ну, скажем, как академик Опарин, или если бы дело шло об атомной физике, тогда может быть мы и вошли бы с этим вопросом в Секретариат ЦК» — сказал Мохов. «... Но ведь вы же не корифей, не правда ли?» — спросил меня Мохов. Естественно, что я не мог с ним не согласиться. Во всяком случае я не был, конечно, академиком Опариным, эталоном корифея в понимании тов. Мохова.

«Но вы не огорчайтесь, — пожимая мне руку, сказал тов. Мохов, — мне ваш энтузиазм нравится. В сле-

дующий раз позаботьтесь обо всем заранее и мы вас обязательно пошлем. Можете мне верить».

На конгресс в Сан-Франциско вылетала 5 августа небольшая делегация из 6 человек. Я пришел в аэропорт, чтобы проводить их. В делегации было 5 научных работников и один молодой работник КГБ, за ними наблюдавший. Он был записан как сотрудник института научной информации. При подготовке Конгресса Оргкомитет пригласил 5 ученых из СССР, изветных в США по их работам. Никто из них не смог приехать на Конгресс. Все же поехавшие не приглашались заранее. Руководитель делегации путешествовал за счет Министерства, четверо туристов за свой собственный счет, каждый из них платил за поездку по 110 000 рублей (старых). Трое из них к серьезной науке отношения не имели, и лишь один из членов делегации сделал на Конгрессе доклад о женских болезнях в пожилом возрасте. Он был специалистом по женскому климаксу, директором Тбилисского института физиологии и патологии женщин.

Спустя месяц я прочитал в АМН СССР отчет руководителя делегации об этой поездке. Он содержал лишь формальное перечисление секций и докладов. Примечателен был последний обзац отчета. Он гласил: «*Все советские ученые вели себя с достоинством и подчинялись строгой дисциплине. Однако член группы Р., не всегда адэкватно реагировала на указания руководителя, не посещала заседаний и увлекалась хождением по магазинам . . .*»

2. Шестой и Седьмой Международные конгрессы по геронтологии

Международные конгрессы по геронтологии проводятся один раз в три года. Согласно традиции, каждый

новый международный научный конгресс проводится в новой стране, успехи которой в развитии той или иной науки являются признанными мировой научной общественностью. Шестой международный геронтологический конгресс было решено провести в Дании, в Копенгагене с 11 по 16 августа 1963 г.

Хотя я и не был знаком с датскими геронтологами (в Скандинавии преобладают клинические разделы этой науки), но поскольку в Трудах Пятого геронтологического Конгресса мой доклад «Старение на молекулярном уровне» был полностью опубликован, мне было автоматически обеспечено приглашение и на Шестой конгресс, так как Оргкомитет в первую очередь приглашает для участия в новом конгрессе всех активных участников предыдущего.

С конца 1962 г. я уже не работал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии в качестве геронтолога любителя, а профессионально занимался проблемой нормального и радиационного старения во вновь организованном Институте медицинской радиологии АМН СССР в г. Обнинске, Калужской области. Я был избран в этот институт по конкурсу на должность заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии. Создаваемый институт представлял собой широкий комплекс различных лабораторий, отделов и клиник для изучения всех аспектов действия излучений на организм и практического применения излучений в медицине. Облучение же организма, помимо прочих эффектов, ускоряет процесс старения, и выяснение молекулярных механизмов этого явления было важной задачей вновь создаваемой лаборатории.

В связи с этим мне особенно хотелось побывать на Шестом геронтологическом конгрессе. Вопросы радиационного старения были для меня новой областью, в СССР эту проблему никто ранее не разрабатывал, а на Шестом конгрессе планировался специальный симпозиум «Радиация и старение», с участием главных спе-

циалистов в этой области из США, Англии, Франции и Австралии.

Однако моя попытка обсудить возможность участия в Шестом международном конгрессе по геронтологии в Дании окончилась неудачей на самом начальном этапе. Как оказалось, инструкция о выездах содержит строгое правило; «Характеристика» для поездки за границу может быть выдана лишь сотруднику, проработавшему в данном учреждении *не меньше года*. За меньший срок его моральная устойчивость и политическая зрелость не могут быть должным образом проверены.

Прошли еще два с половиной года. В июне 1965 г. я получил письмо, текст которого в русском переводе дается ниже:

Д-ру Ж. А. Медведеву
Институт медицинской радиологии
Сбнинск, СССР

Дорогой д-р Медведев,

По поручению Международной Ассоциации геронтологии я пишу вам с тем, чтобы просить выполнить функцию Европейского председателя Четвертого симпозиума Седьмого международного конгресса по геронтологии, который состоится в Вене, Австрия с 26 июня по 2 июля 1966 г.

Этот Симпозиум планируется провести в среду, 29 июня. Предмет обсуждения: «Старение в тканях, клеточных популяциях, клеточная смерть». Вашим Американским Со-председателем будет Д-р Тонна (Аптон, США) и вводным спикером д-р Б. Стрелер (Балтимора, США).

Пожалуйста дайте мне знать при первой возможности — сможете ли вы принять это приглашение.

С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш

проф. д-р Ф. Верцар
Президент Европейского Комитета
Международной Ассоциации
по геронтологии

Не скрою, мне было особенно приятно получить такое

письмо именно потому, что оно было подписано Верцаром. Имя Ф. Верцара очень популярно среди геронтологов. После смерти основателя геронтологии проф. Коренчевского, создавшего и Международную Ассоциацию по геронтологии, Ф. Верцар стал признанным главой этой Ассоциации. По национальности Верцар венгр. Геронтологией он стал заниматься уже на склоне жизни, после того, как прославился своими работами в области физиологии и биохимии. В 1965 г. Верцару исполнилось 80 лет, но он продолжал активную научную и организационную деятельность. Ф. Верцар создал первый в Европе экспериментальный Институт геронтологии в Швейцарии и при этом на собственные средства.

Незадолго перед этим я получил приглашение принять участие в составлении коллективного труда «Перспективы экспериментальной геронтологии», посвящавшегося 80-летию О. Верцара. Мне предстояло и подготовить одну из 30 глав этой книги. Редактором книги был Н. Шок и она открывалась, согласно проспекту, биографией Ф. Верцара и описанием его института. На Венском геронтологическом конгрессе планировалось отвести специальное заседание чествованию Верцара и на этом заседании книга «Перспективы экспериментальной геронтологии» должна была вручаться ему, как подарок от коллег и друзей. Это план, подготовленный группой американских и европейских геронтологов, был мне известен и поэтому письмо от Верцара было для меня очень приятной неожиданностью.

В 1960 г. я получил приглашение всего за четыре месяца до Конгресса. Теперь же в моем распоряжении был целый год, срок достаточный для спокойной подготовки.

В соответствии с существующей практикой я составил краткую докладную записку директору своего института, сообщив ему о полученном приглашении и приложив фотокопию и перевод письма. Директор должен был дать мне рекомендации относительно характера ответа. Вскоре ответственный за международное со-

трудничество помощник директора информировал меня, что участие советских ученых в Венском геронтологическом конгрессе предусмотрено официальным планом Академии медицинских наук на 1966 г., разосланным по системе АМН СССР. Согласно этому плану, формирование межинститутской туристической группы в 15 человек для поездки на конгресс возложено на Киевский институт геронтологии АМН СССР. На мой запрос директор Киевского института прислал письмо следующего содержания:

Глубокоуважаемый Коллега!

Туристическая группа для поездки в Вену на 7-ой Международный конгресс геронтологов была сформирована весной 1965 г. В состав группы входят 15 человек.

В свое время на наш запрос Московскому обществу геронтологов о кандидатурах для поездки в Вену нам сообщили фамилии ряда ученых, но среди них Вашей, к сожалению, не было. Поэтому считаю наиболее целесообразным, чтобы Вы обратились с присланным Вам приглашением непосредственно в отдел международных научных связей АМН СССР (Зам. начальника Захарова Валентина Георгиевна) с тем, чтобы Вас включили дополнительно в эту группу.

проф. Д. О. Чеботарев
Директор института

Я, конечно, не понял, почему меня должно было назвать Московское общество геронтологов, членов которого я не являлся, как житель Калужской области, и почему, будучи членом Правления Всесоюзного общества геронтологов, центр которого расположен в Киеве, я не получил предварительной информации о Конгрессе непосредственно от председателя правления этого общества профессора Д. Ф. Чеботарева. Но я был, тем не менее, благодарен ему за дельный совет, которым я сразу же и воспользовался.

В. Г. Захарова, энергичная женщина и кадровый руководящий работник, приняла меня в своем вместительном кабинете в здании Президиума АМН СССР

очень любезно. Ее большой письменный стол и многочисленные полки были заполнены разнообразными зарубежными изданиями, на стене висела карта мира с указанием обширных связей Академии медицинских наук с другими научными учреждениями всего мира. Убедительно и вежливо она мне разъяснила, что советские ученые получают в последние годы слишком много персональных приглашений из-за рубежа. Но поскольку у АМН СССР и Министерства здравоохранения строгий утвержденный свыше лимит на заграничные командировки в человеко-днях и особенно в валюто-днях, то естественно, что удовлетворяются только официальные приглашения, направленные зарубежными организациями на имя Президента АМН СССР, или в адрес Министерства здравоохранения. И пока на меня по официальным каналам не поступило приглашения, отдел международного сотрудничества, к сожалению, не может принять мою кандидатуру для оформления.

Вернувшись домой, я написал Верцару письмо, поблагодарив его за почетное приглашение. Я также сообщил ему, что был бы рад принять его и весьма заинтересован в работах конгресса, но поскольку его письмо пришло слишком поздно и состав туристической группы уже намечен, то без официального приглашения Оргкомитета, направленного Президенту АМН СССР или Министру здравоохранения СССР моя поездка вряд ли может быть оформлена.

Примерно через месяц я получил ответное письмо Ф. Верцара. В него были вложены копии официальных приглашений, направленных от Оргкомитета и от Верцара Министру здравоохранения СССР и Президенту АМН СССР. В одном из этих писем, направленных Президенту АМН СССР, Ф. Верцар писал:

Дорогой профессор Блохин!

Как Президент Европейской биологической секции Международной Ассоциации геронтологии и Почетный Президент Седьмого Международного конгресса по геронтологии в Вене (Июнь 27—Июль 2), я пригласил

нашего уважаемого коллегу Ж. А. Медведева (Институт медицинской радиологии, Обнинск) прочитать лекцию и быть председателем Симпозиума по старению в тканях, который состоится 29 июня 1966 г.

Я беру на себя свободу просить вас сделать возможным для Д-ра Медведева прибыть на Конгресс. Мы были бы очень рады иметь председателем этого симпозиума советского ученого.

Аналогичное письмо было послано Министру, проф. Б. В. Петровскому.

Прошли еще два месяца, но ни АМН СССР ни Министерство не показывали никаких признаков реакции, во всяком случае в моем направлении. Между тем, я получил дополнительное приглашение принять участие в специальном коллоквиуме по генетическим аспектам старения. Этот коллоквиум организовывался группой участников Конгресса непосредственно за четыре дня до его открытия. Предполагалось провести его в небольшом городке, недалеко от Вены. Кроме того, прибыло письмо от Оргкомитета, в котором меня, как предполагаемого председателя одного из симпозиумов, запрашивали о возможности высылки мне текстов, получаемых на Симпозиум докладов, для подготовки дискуссии и формирования программы. К письму была приложена стандартная инструкция для председателей сессий о правилах ведения заседаний, регламента и т. д.

Было ясно, что мне следовало срочно сообщать в Оргкомитет и Верцару реальную ситуацию, с тем чтобы в случае моего отсутствия, предварительная организационная работа могла быть выполнена другим ученым, более свободным в смысле международных передвижений.

И вот я снова в Отделе международного сотрудничества Академии медицинских наук. В. Г. Захаровой нет, она в отпуске, а может быть в командировке. Одна из сотрудниц, порывшись в журнале регистрации почты, не без труда нашла упоминание о письме Верцара. В журнале стояла отметка о том, что ответ на письмо

составлен и передан на подпись Президенту АМН СССР. В особой папке найдена и копия этого ответа. Он гласит:

Глубокоуважаемый Профессор Верцар,

Благодарю Вас за письмо с приглашением Д-ра Медведева прочитать лекцию и участвовать в работе Конгресса по геронтологии в Вене. Академия Медицинских наук направляет на Конгресс делегацию советских ученых. К сожалению, Д-р Ж. Медведев не сможет приехать в Вену для участия в работе Конгресса, так как в это время он будет очень занят выполнением ряда работ.

Искренне Ваш и пр.

Я тут же поехал в Международный отдел Министерства здравоохранения, чтобы узнать о судьбе второго письма Верцара. Меня беспокоило, уже не то, что Министр ответит отказом, а то, что он при этом сошлется на еще какую-нибудь причину, болезнь, например, или семейные обстоятельства. Но я, конечно, ошибся. Государственная машина работала четко. Министр тоже ответил на письмо Верцара и тоже с чувством сожаления отметил, «что д-р Медведев не сможет приехать, в связи с крайней перегруженностью работой».

Когда через полтора года в июне 1967 г. я встретил профессора Верцара в Киеве, куда он приехал на Симпозиум по геронтологии по приглашению АМН СССР и Министерства СССР, он с юмором сказал, что его не удивило, что и Министр и Президент АМН СССР точно знали, что будет делать один из десятков тысяч сотрудников, живущий в Калужской области, через полгода, в период с 27 июня по 2 июля 1966 г. Его удивила та исключительная быстрота, с которой оба высоких руководителя откликнулись на его послания и почти полная идентичность их писем.

3. План совместных исследований с д-ром Бернардом Стрелером и его реализация

Современная наука настолько пронизывает в наши

дни всю жизнь общества и столь обширна и разнообразна, что ни одна страна или группа стран не могут обеспечить у себя весь комплекс необходимых для развития общества научных исследований. Любая серьезная научная проблема стала интернациональной и совместно разрабатывается учеными разных стран, внимательно следящими друг за другом. Изоляция приводит лишь к бессмысленной трате времени и средств. Между участниками такой разработки возникают связи, рождается сотрудничество, иногда заочная дружба, часто полемика. Уместить эти персональные связи в рамки каких либо официальных соглашений невозможно и бессмысленно. И если какая-либо страна ограничивает и тормозит эти естественные связи, она же и страдает в первую очередь, создает предпосылки для национального отставания наук.

Ученых, независимо от силы и глубины их мышления и от их экспериментального мастерства, можно разделить на две группы: специалистов и энтузиастов. Специалист становится ученым благодаря способностям и образованию, но для него наука — это служба и выбор проблемы для разработки определяется случайными причинами; конъюнктурой, условиями, имеющимися в лаборатории, профилям учреждения, заданием свыше и т. д. Специалист с равным умением будет выделять новые бактериальные продуценты антибиотиков и смертоносных бактерий для войны. В последнем случае он, конечно, будет нервничать, но просто в связи с опасностью самой работы. Энтузиаст независим от условий, он обычно одержим какой-то определенной научной идеей, иногда с детства или с юношеских лет, и он при любых условиях и при любых обстоятельствах стремится к ее разработке и осуществлению. Часто энтузиазм рождается и у зрелых ученых под влиянием каких-то собственных или чужих открытий.

Я не хочу создать впечатление, что следует отдать какое-то предпочтение именно энтузиастам. Науке не-

обходимы обе группы, ибо разработка мелких деталей, отработка точных методов, исследования во многих на первый взгляд скучных отраслях науки абсолютно необходимы для развития науки и технического прогресса. Более того, среди энтузиастов немало людей, одержимых ложными, псевдонаучными идеями, приносящих науке большой ущерб. Больше среди энтузиастов и людей субъективных, фанатичных.

Но когда в науке создается новая область — это чаще всего дело энтузиастов. Геронтология, как наука, это тоже продукт энтузиазма ряда ученых, которые были, по существу, любителями в изучении проблемы старения и профессиональный вклад которых в другие области биологии и медицины был часто более значительным. Некоторые из первых энтузиастов геронтологии всем известны. Это микробиолог И. И. Мечников, физиологи А. А. Богомолец, эндокринолог В. Коренчевский (предложивший само название науки «геронтология» и создавший первые общества геронтологии в Европе и Международную Ассоциацию геронтологии), физиолог А. В. Нагорный. Все это, как мы видим, русские ученые. Профессор В. Коренчевский, которого на западе называют «отцом геронтологии», до 1919 г. был профессором Петербургского Университета. Затем он эмигрировал в Англию и работал там до конца своей жизни, до 1958 г.

Одним из современных наиболее активных энтузиастов геронтологии является американский биохимик Бернард Стрелер. До 1957 г. он спокойно занимался биохимией растений, получил широкую известность, как ссздатель исключительно остроумного био-люминисцентного метода определения богатых энергией соединений (т. н. макроэргов). В 1957 г. он увлекся проблемой старения и сейчас является очень крупным авторитетом в этой области.

Впервые я прочитал одну из теоретических работ Стрелера по проблеме старения в 1959 г. Она произвела

на меня очень большое впечатление глубиной и оригинальностью подхода к разработке узловых проблем. Ранее большинство ученых в этой области, в том числе и я, увлекались попытками выяснения какой-то главной причины, основного механизма старения. Б. Стрелер убедительно показал, что старение имеет много самостоятельных механизмов, что оно многоканально. Этим он создал предпосылки для объединения различных, казавшихся противоречивыми концепций.

Моя переписка со Стрелером, начавшаяся после 5-го Конгресса по геронтологии в 1960 г., стала вскоре постоянной. В 1961 г. я впервые встретился с Бернардом Стрелером в Москве в августе 1961 г., когда он приехал в СССР на Пятый международный биохимический конгресс. На этом конгрессе присутствовало более 1000 американцев. Мы быстро стали друзьями. Нас сближал и одинаковый возраст и общность взглядов на многие научные и общественные проблемы. Б. Стрелер оказался человеком широких прогрессивных воззрений, в молодости он был близок к коммунистам, изменив несколько свой образ мыслей после Венгерских событий в 1956 г. В пятидесятых годах его несколько раз вызывали для проработки в Комиссию по борьбе с антиамериканской деятельностью.

Свою работу по изучению механизмов старения Б. Стрелер начал в геронтологическом центре в Балтиморе, возглавляемом и созданном Н. Шоком. Но в 1964 г. Б. Стрелер организовал самостоятельную лабораторию. В 1964 г. Б. Стрелер стал известен и многим советским ученым, так как его книга «Время, клетки, старение», изданная в США в 1962 г., вышла в 1964 г. в русском переводе в Москве.

В 1964 г. я также завершал создание лаборатории в Обнинске и старался направить ее на разработку молекулярных механизмов старения. Поэтому, я надеюсь, был понятен мой интерес и мои чувства, когда я получил из США следующее письмо от Д-ра Стрелера:

Д-ру Ж. А. Медведеву,
Лаборатория молекулярной радиобиологии
Институт медицинской радиологии
Обнинск, СССР 10 ноябрь, 1964

Дорогой д-р Медведев,

Прошло много времени с тех пор, как я имел от Вас известия. Много событий произошло в течение последних 6-12 месяцев, которые имели большое значение для развития геронтологии в Соединенных Штатах. Административный Совет ветеранов организовал, например, серию взаимосвязанных лабораторий в различных местах всей страны для того, чтобы стимулировать геронтологические исследования. Новое здание Геронтологического центра при Национальном Институте здоровья будет завершено в 1967 г., и я был недавно приглашен для организации современной лаборатории, которая будет работать в кооперации с учеными лабораторий Национального Института здоровья.

Вместе с выражением моих личных приветствий и надежды и веры в то, что установившиеся в последние годы сердечные взаимоотношения между учеными разных частей света не изменятся в ближайшем будущем, я хотел бы запросить вас о возможности вашего приезда на год или около этого срока в нашу лабораторию. Я искренне не знаю какого рода трудности могут возникнуть для вас в этом отношении, могут ли они быть финансовыми или административными. Если финансирование вашей поездки с семьей может оказаться проблемой, то ее решение будет найдено здесь. Наша лаборатория может полностью взять на себя финасирование совместных исследований.

Я уверен, что Вы найдете такой визит очень полезным и приятным и он даст вам возможность изучить нашу страну, ее народ и ее обычаи, и это будет способствовать сохранению дружеских отношений. Он будет также поучительным для тех американцев, которые еще не имели возможности встречаться с русскими.

Искренне Ваш,

Бернард Л. Стрелер,
директор лаборатории
по изучению старения

Администрация моего института весьма положительно

отнеслась к этому приглашению. Только совсем недавно, в октябре 1964 г. вместе с отставкой Н. С. Хрущева произошли серьезные изменения и в биологии. Господствовавшая повсеместно так называемая »мичуринская биология» или «лысенкоизм» подверглась резкой критике во всех газетах, и по всем инстанциям принимались решительные меры к восстановлению в СССР генетики, молекулярной биологии и многих других научных дисциплин, в области которых наша страна сильно отстала за 25 лет «лысенкоизма» от США и многих стран Европы. И среди срочных мер при обсуждении путей ликвидации этого отставания, одним из важных звеньев во всех решениях упоминались длительные командировки советских ученых для работы в зарубежных лабораториях.

Наука, в отличие от промышленности и экономики, может очень быстро преодолеть возникшее отставание, если осуществить широко совместные разработки экспериментального и теоретического характера. И поскольку развитие науки всегда взаимовыгодно, то ни одна страна обычно не препятствует широкому научному обмену и высокоразвитые страны всегда готовы предоставить другим странам возможность прямого сотрудничества. Работая, например, в США, любой ученый из СССР, Индии, Польши, Болгарии и других стран, получая нужный для его страны современный методический уровень исследований, опыт, знания, в то же время способствует взаимному развитию науки страны его пригласившей и оставляют здесь результаты своих исследований, часть своей интеллектуальной энергии. Присутствие иностранцев, кроме того, как показал опыт, очень стимулирует работу основного состава лаборатории.

Естественно, что поскольку зарубежные научные командировки повсеместно планировались, полученное мною приглашение могло рассчитывать на благосклонное отношение администрации, тем более, что летопись

научного обмена в области медицины не зафиксировала еще ни одной поездки советского ученого за границу специально для проведения исследований в области геронтологии. Приглашение хорошо коррелировало и с недавним решением Президиума АМН СССР, предусматривавшего расширение командировок в США по вопросам генетики и биохимии.

Однако при обсуждении в Международном отделе АМН СССР представления нашего института по этому поводу, возник вопрос — является ли приглашение, полученное мною, односторонним, или же оно предполагает обмен, то есть одновременный приезд в СССР какого-то американского геронтолога для работы в Обнинске, или в каком-либо другом институте АМН СССР. К приезду американца в нашу страну для длительной работы в области геронтологии Академия медицинских наук была явно не расположена.

Для меня было ясно, что предложение Стрелера не предусматривает обязательного обмена. В большинстве современных лабораторий США всегда планируется несколько вакансий для иностранных ученых, приезжающих на разные сроки. Коллегу для совместных исследований выбирает в этом случае заведующий такой лаборатории, а не «посылающая сторона», как при межгосударственном обмене.

Но тем не менее вопрос о характере приглашения требовал уточнения. Я отправил Стрелеру письмо, в котором, сообщив о предварительной положительной реакции на его предложение, просил его уточнить по официальным каналам характер приглашения, является ли оно самостоятельным, или же входит в какую-либо договорную систему обмена учеными. Я также сообщил ему, что если я и приеду, то один без семьи. Мне было хорошо известно, что в таких случаях вывоз семьи за рубеж невозможен. Разрешают выезд с семьей лишь при командировках на срок более года и дипломатам, постоянно работающим за границей.

Получив мое письмо, Б. Стрелер принял необходимые меры, но официальное приглашение было направлено на имя Президента АМН СССР проф. Н. Н. Блохина только через три месяца, в марте 1965 г. Следует отметить, что Н. Н. Блохин, будучи главой АМН СССР, является одновременно и Президентом Общества СССР-США (Институт советско-американской дружбы), входящего в Союз обществ дружбы с зарубежными странами.

Официальное приглашение было оформлено на бланке Федерального Департамента здравохранения и образования США. Его текст, составленный очевидно не без участия Б. Стрелера, гласил: (Перевод с английского):

Профессору Н. Н. Блохину,
Президенту Академии
медицинских наук СССР
Москва 24 марта 1965

Дорогой профессор Блохин:

Нам доставляет большое удовольствие сделать в настоящем письме д-ру Медведеву Ж. А. официальное приглашение от имени Администрации ветеранов посестить Равен госпиталь в Балтиморе сроком до одного года для проведения фундаментальных научных исследований в области генетических основ процесса старения Этот госпиталь является частью вновь созданной геронтологической лаборатории, занимающейся под руководством Бернарда Л. Стрелера исследованиями в области причин старения человека и подопытных животных.

Мы полагаем, что коллективное сотрудничество с Д-ром Медведевым могло бы способствовать получению сведений, касающихся природы процессов старения. Теория, предложенная Д-ром Медведевым о связи возрастных изменений с ошибками, накапливающимися при синтезе белков и нуклеиновых кислот и программированным проявлением некоторых генов, может получить в этой совместной работе быструю экспериментальную проверку.

Мы верим, что наше предложение является великолепной возможностью для творческого сотрудничества в интересах человечества и что, кроме того, оно будет

служить делу взаимопонимания и дружбы между нашими двумя странами.

Мы приветствуем вас и ваших коллег и выражаем надежду, что предлагаемое сотрудничество в области научных исследований доведет до успешного завершения и развития эту область знания для обоюдной пользы наших стран.

Если вы разделяете наши намерения в отношении приглашения Д-ра Медведева, мы просим вас сообщить как осуществить его визит. Со своей стороны мы готовы сделать все, чтобы этот визит состоялся.

Искренне Ваш

Джозеф Макнич,
Главный медицинский директор

Копия письма была послана и мне.

Прошло более двух месяцев, но до меня никакие сведения о судьбе этого письма не доходили. Но в начале июня я неожиданно узнал из весьма своеобразного источника о том, что письмо Д-ра Макнича не пропало и тщательно, пожалуй даже слишком тщательно, изучается. Один из моих коллег по институте был награжден запоздалым боевым орденом, в связи с 20-тилетием победы над Германией. Ордена вручали в Калуге. На последовавшем в честь награжденных банкете присутствовал Начальник областного Управления КГБ. Может быть, и он получил по случаю юбилея орден. Подойдя к моему коллеге, он стал его расспрашивать обо мне, именно в связи с моей предполагаемой поездкой в США.

В середине июля я узнал, что Президент АМН СССР направил в США в общей форме положительный ответ, и вскоре в наш институт прибыло распоряжение Международного отдела АМН СССР о подготовке на меня «Выездного дела», характеристики и справки о здоровье «для поездки в США сроком на 6-8 месяцев».

Вернувшись в сентябре из отпуска, я получил знакомые анкеты и инструкцию о правилах составления программы поездки. Срок отъезда был намечен на январь 1966 г. Естественно, что я уведомил сразу же об этом и Стрелера, который уже почти год держал

свою иностранную вакансию свободной, хотя вполне мог бы пригласить на 1965 г. кого-нибудь другого.

Б. Стрелер был рад получить мои, хотя не окончательные, но все же обнадеживающие сведения.

«...Благодарю вас за хорошие новости, — писал он, — я был рад узнать о прогрессе в деле организации визита в нашу лабораторию. Я надеюсь, что все будет, как вы предполагаете.

Зима в Балтиморе не очень сурова, но весна и лето — самые замечательные. Д-р Д. Рубинштейн присоединится к нашему коллективу в ближайшее время. Он очень умный и компетентный биофизик и работает в основном по генетическим аспектам старения. Я уверен, что мы втроем, плюс другие члены нашей лаборатории, сделаем что-то очень достойное, если представится возможность.

Что касается меня, то вы можете быть уверены, что я сделаю все, чтобы ваш визит был максимально продуктивным научно и чтобы вы имели наилучшие возможности познакомиться с нашей страной, ее народом. Я также надеюсь, что вы будете чувствовать полную свободу критиковать любые аспекты жизни здесь в Соединенных Штатах. Это не будет принято нами за плохие привычки иностранца, наоборот, именно такая критика позволяет нам получить максимальную пользу от пребывания иностранного коллеги».

Но через два месяца Б. Стрелер, как мне кажется, начал терять терпение. Об этом свидетельствовало его новое письмо, которое я уже не переводил для вышестоящих инстанций.

«Дорогой д-р Медведев», — писал Стрелер, — Я с нетерпением ожидал услышать от вас что-либо касающееся даты вашего возможного прибытия в нашу лабораторию, с тем чтобы мы могли планировать соответственно ряд специальных вопросов.

Как я писал ранее, я получил сообщение от руководства Администрации ветеранов о том, что письмо от Президента Академии медицинских наук, проф. Н. Н. Блохина, от 7 июля 1965 года было получено. Письмо выражало согласие относительно совместных исследований здесь по генетике старения в 1966 г., но в нем говорилось, что окончательное решение будет принято в ближайшем будущем.

Но уже прошло несколько месяцев и очевидно можно уже узнать, когда такое решение состоится и будет ли оно действительно принято. Если русские администраторы похожи на американских и так же заняты, как и наши, то соответствующие бумаги могут лежать без движения на столе у каких либо технических исполнителей, не полномочных принимать ответственных решений. Но обычно достаточно напоминания директоров организаций, чтобы привести этих «бумажных суфлеров» в действие».

Но дело было не в бумажных суфлерах и даже не в позиции АМН СССР, которая в предварительной стадии, как мы видели, оказалась положительной. Вопросом об этой поездке занимались уже другие органы, решение которых, особенно в реализации длительной поездки в капиталистическую страну, является обязательным. Копия письма Н. Н. Блохина к ним поступила тоже, «Выездное дело» и характеристика должны были поступить к ним вскоре и для того, чтобы сказать свое «да» или «нет», им требовался контакт с кандидатом на заграничную командировку.

В один из дней этого периода симпатичный молодой человек в штатском нанес мне визит в институте. После обстоятельной беседы о геронтологии, планируемой работе, истории нашего знакомства со Стрелером и т. д., он очень вежливо сообщил, что со мной хочет побеседовать один из его непосредственных начальников. Я согласился, так как понимал, что избежать подобной встречи невозможно, если всерьез думать о реальной поездке в США. В конце концов, очевидно и американцев инструктируют перед поездкой в СССР особые органы.

Встреча с более высоким по должности работником вскоре состоялась во вполне приемлемой обстановке. Опять последовала подробная беседа на научные темы, обмен мнениями о текущих событиях. И лишь в самом конце разговора мой собеседник сделал мне неожиданное предложение о сотрудничестве в период моей поездки в США.

Я мгновенно понял, что мою поездку в лабораторию Стрелера можно считать несостоявшейся. По моральным соображениям я, конечно, не мог на таких условиях воспользоваться предложением и приглашением своего американского друга. Но я также мгновенно понял, что и к поездке в США это предложение тоже прямого отношения не имеет и является фрагментом какого-то другого замысла. Поэтому я не выразил сразу решительного отказа, мне было важно установить с чем в действительности связано подобного рода предложение. Я, однако, и не согласился, отметив, что все зависит от того, в чем будет состоять это сотрудничество, и если моего собеседника интересует более глубокое понимание причин успехов США в области биологии или геронтологии, то я с удовольствием могу отдельно для него подготовить такой анализ после возвращения.

Дома я тщательно продумал сделанное мне предложение. Мне было ясно, что к моей поездке в США оно непосредственного отношения не имеет и сама поездка используется как некая приманка для других целей. Мой собеседник, как мне было точно известно, являлся работником областного масштаба и к работе в США никакого отношения не имел. Само собой разумеется, что если у отдела, занимающегося США, возникли бы какие-то планы, связанные с использованием услуг ученого, то посвящать в эти планы работников внутренней службы невысокого ранга никто бы не стал. О любом деле такого рода должно знать минимально возможное число людей.

Мне было также ясно, что интерес ко мне у организации, представленной в состоявшемся собеседовании, прямо или косвенно связан с их интересом к писателю А. И. Солженицыну, в то время планировавшему переезд в г. Обнинск. Жена А. И. Солженицына, Н. А. Решетовская, физико-химик и биохимик, кандидат химических наук, была избрана по конкурсу на должность старшего сотрудника в лабораторию химической дозиметрии в наш институт. Ранее она работала в Рязан-

ском сельскохозяйственном институте и Рязанском политехническом институте доцентом на кафедрах химии. Но хотя Ученый Совет нашего института избрал подавляющим большинством голосов Н. А. Решетовскую на должность (18 голосов за, против 2), в Москве предпринимались меры, чтобы не допустить переезда А. И. Солженицына в Обнинск. Более того, именно в этот период, в сентябре 1965 г., у писателя на квартире его друга в Москве были конфискованы три экземпляра рукописи романа «В круге первом» и часть личного архива. Редакция «Нового мира» уже приняла и анонсировала этот роман, и он спокойно лежал в «портфеле» редакции несколько месяцев. Но когда автор взял лежавшие в редакции экземпляры для некоторой переработки, то спустя четыре дня после этого ордер на обыск в квартире одного московского математика вызвал перемещение рукописей романа в новые руки. После этого некоторых московских друзей писателя вызывали в одно знаменитое здание в центре города и я допускал, что сия чаша может дойти и до меня, поскольку в организации переезда Н. А. Решетовской в Обнинск я принимал посильное участие и был среди возможных, с точки зрения конфискаторов, читателей «взятого» романа.

В Рязани А. И. Солженицын чувствовал себя неважно, жили они там в плохеньком сыром деревянном домике, без удобств, и местные власти, раздраженные рассказом Солженицына «Для пользы дела», описывавшим рязанскую историю, уже в течение длительного времени отказывали писателю в улучшении условий для работы.

Обнинск же привлекал писателя, как тихий научный городок, недалеко от Москвы. В Москве он поселиться не мог из-за трудностей с «пропиской». Идея переезда семьи А. И. Солженицына в Обнинск возникла в начале 1965 г. после теплой встречи писателя с его старым другом Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, заведующим в нашем институте отделом радио-

биологии и генетики. Н. В. Тимофеев-Ресовский, генетик и биолог с мировой известностью, человек исключительно яркого научного таланта и широкого кругозора, так же как и А. И. Солженицын пережил после войны арест, тюрьму, лагерь, арестантское научное учреждение и ссылку. И волей случая пришлось А. И. Солженицыну и Н. В. Тимофееву-Ресовскому «сидеть» в одной общей камере Бутырской тюрьмы в Москве несколько месяцев вместе. В камере было человек 70 в основном интеллигенции. Н. В. Тимофеев-Ресовский организовал в камере «Научно-техническое общество», которое ежедневно заседало у окна после утренней «пайки». А. И. Солженицын, физик и математик по образованию, незадолго перед войной окончивший Ростовский Университет, сделал на одном из заседаний этого «Общества» доклад об успехах в области атомной энергии. После возвращения к нормальной жизни в 1957 г. А. И. Солженицын предпринимал попытки узнать местонахождение Н. В. Тимофеева-Ресовского и его судьбу, но встретились они только в 1965 г., после того как руководитель тюремного научного общества переехал с Урала в 1964 г. в Обнинск.

Но само по себе участие Н. А. Решетовской в конкурсе от этих всех обстоятельств не зависело, и большинство членов Ученого Совета не знало даже, что она жена А. И. Солженицына. В конкурсной комиссии об этом тоже знал лишь один человек и узнал он об этом случайно из письма своей бывшей сотрудницы, когда-то учившейся вместе с Н. А. Решетовской.

Конкурс в институт был большой, замещалось около 60 разных вакансий во многие отделы и лаборатории. Заселялся целый новый лабораторный корпус. В короткий срок следовало «заполнить» около 70 новых вакансий научных сотрудников и почти 100 вакансий инженеров, техников, лаборантов. Ставки были специально выделены институту Государственным Комитетом по науке и технике и по какому-то немудрому

правилу следовало их заполнять срочно, все незанятые вакансии к концу года обычно сокращаются безвозвратно. Таким же образом все неизрасходованные к концу года ассигнования «срезаются» и это-то, введенное с целью экономии правило, приводит на деле к напрасной растрате средств.

Но прием научных сотрудников на работу в институт в Калужской области дело исключительно сложное. Москва близко и она перенаселена научными кадрами. Институты (в Обнинске их шесть) для того и создавались недалеко от Москвы, чтобы разгружать столицу, рассредотачивать науку. Но на деле барьер, создаваемый «московской пропиской» и необратимостью ее потери, препятствовал переезду в Обнинск специалистов из Москвы, и в конкурсах у нас участвуют в основном ученые из разных других городов, из Сибири, Урала, Украины, Грузии, Средней Азии. В 1965 г. особенно много было из Ташкента, стремившихся уехать от непрерывных землетрясений. На фоне общего научного конгломерата, привлеченного конкурсом в Обнинске, Н. А. Решетовская выделялась с самой лучшей стороны. Было ясно, что она хороший химик, окончила аспирантуру химического факультета Московского университета, имела прекрасную служебную и научную характеристику, в течение многих лет руководила кафедрой химии, была хорошим преподавателем, что тоже немаловажно в условиях вновь создаваемого коллектива. Серьезных конкурентов на должность, по которой она проходила по конкурсу, у нее по существу не было.

После состоявшегося голосования возник естественно вопрос о переезде, предоставлении квартиры и т. д. И тут вдруг местные власти забеспокоились. Возможный переезд А. И. Солженицына в Обнинск стал реальностью и помешать ему было нельзя, так как жилые дома в городе были ведомственными. События эти происходили в июне-июле 1965 г. До этого городок был тихим, спокойным. Ни горком КПСС, ни ВЛКСМ, ни

прочие службы города не знали треволнений. И вдруг обнаружилось, что нужно выделять квартиру А. И. Солженицыну с семьей. А он ведь — фигура, к которой приковано внимание разных, иногда высоких инстанций. В Рязани, по-видимому, система наблюдения за писателем уже была отработана, и теперь ее следовало ломать и создавать на новом месте. В Рязани писатель был в какой-то степени одинок, а в Обнинске попадал в способную к брожению среду ученых. Да и Москва вдвое ближе.

Какие уж тут происходили процессы, я не знаю, но в конце июля Ученый секретарь института сообщил мне «по секрету», что Н. А. Решетовскую не включили в список прошедших конкурс ученых, который направлялся на утверждение в Академию медицинских наук СССР. Следует сказать, что старшие научные сотрудники, прошедшие по конкурсу, зачисляются приказом на должность после утверждения результатов конкурса Президиумом Академии медицинских наук и Управлением кадров АМН СССР. Младших сотрудников директор имеет право зачислять сразу после положительного голосования Ученого Совета.

Я быстро информировал о ситуации Н. А. Решетовскую, чтобы задержать ее увольнение в Рязани. Случайно в это время А. И. Солженицына и А. Т. Твардовского пригласил для беседы о литературных делах Секретарь ЦК КПСС и Председатель Идеологической Комиссии ЦК КПСС тов. Петр Нилович Демичев. Попутно с обсуждением разных вопросов А. И. Солженицын рассказал Демичеву и о препятствиях, чинимых в деле переезда его семьи в Обнинск. П. Н. Демичев заверил писателя, что положит конец беззаконию, и тут же в присутствии писателя позвонил по прямому проводу Первому Секретарю Калужского обкома КПСС и самым строгим образом распорядился создать максимально благоприятные условия к переезду Солженицына и его жены в Обнинск, выделить им хорошую

квартиру и лично проверить все необходимые меры в этом отношении. На следующий же день Первый Секретарь Калужского Обкома прибыл в наш институт. Два часа он провел в кабинете у директора, а затем, после короткой экскурсии по институту, отправился в горком КПСС. Директор института, получил директивы, сразу же вызвал из Рязани Н. А. Решетовскую и в присутствии заведующего лабораторией, в которой ей предстояло работать, дал ей самые четкие гарантии быстрого оформления, просил выбрать квартиру в вводившемся в строй жилом доме и поторопил с увольнением ее в Рязани.

Но хотя она эту рекомендацию выполнила, дело с оформлением в институт и утверждением в АМН СССР почему-то задерживалось. Вскоре в Москву затребовали все конкурсные дела, как младших, так и старших научных сотрудников. Искали, по-видимому, повода к чему-нибудь придраться. Трудно сказать наверняка, но не исключено, что отдел науки в Идеологической Комиссии получил совсем другие указания. Но мы были спокойны за Н. А. Решетовскую, ее личное дело, проходившее в конкурсной комиссии, было в полном порядке. Однако среди 60 комплектов других личных дел можно было найти некоторые недостатки. У одних характеристика представлена не по форме, у других список печатных работ не заверен печатью. Все это мелочи, на которые обычно не обращают внимания, если специалист известен и подходит.

И вдруг решение Президиума АМН СССР — «Отменить результаты *всего* конкурса», по всем 60 вакансиям, изменить состав конкурсной комиссии и провести весь конкурс вторично. И в конце решения, в нарушение элементарного законодательства о труде, особый пункт. «Всех сотрудников, зачисленных по результатам конкурса, *отчислить* с занимаемых должностей». Мы уже отмечали, что директор института имеет право зачислять младших научных сотрудников, сразу без утвер-

ждения в Москве. Люди уже зачислены в новый институт, уволены со старой работы, переехали, и вдруг остаются без работы.

Но спорить бесполезно, объявлен новый конкурс. Н. А. Решетовская снова в списке кандидатов на голосование. Но тут произошло удивительное явление конфискации рукописей романа «В круге первом», романа, который по договору с «Новым Миром» уже принадлежал государству. Вместе с романом был «арестован» и архив писателя, в котором хранились некоторые произведения, написанные им еще в заключении.

Александр Исаевич сразу поставил об этом в известность группу своих обнинских друзей, понимая, что теперь шансы на благополучный исход с оформлением его жены на работу в институт еще более уменьшились. Безмолвствовал и П. Н. Демичев, к которому писатель обратился с письмом о незаконных действиях некоторых служб.

И действительно вскоре Президиум АМН СССР принял решение об изменении состава Ученого Совета нашего института. 7 обнинцев в составе Совета были заменены почему-то пятью москвичами. Москвичи приехали только один раз, на голосование второго круга. На последующих заседаниях они уже не появлялись и для того, чтобы Совет работал, обнинцев в него опять вернули, а москвичей вывели. Но и в измененном составе Н. А. Решетовская при тайном голосовании могла вполне снова быть избрана. Поэтому по неизвестно кому принадлежавшему указанию и опять в нарушение «Положения о конкурсах» голосование по той вакансии, на которую претендовала Н. А. Решетовская, было отложено на неопределенный срок. Оно должно было состояться и члены Совета могли бы этого потребовать. Но оказалось, что бюллетени для тайного голосования по данной кандидатуре не были подготовлены и не могли быть розданы членам Совета, а без особого типа бюллетеней, шуми не шуми, а проголосовать не удастся.

А вскоре, в октябре 1965 г. в Президиуме АМН СССР под председательством Президента АМН СССР Н. Н. Блохина было созвано специальное совещание. На повестке совещания был лишь один вопрос: допустить или не допустить Н. А. Решетовскую к участию в повторном конкурсе на вакантную должность старшего научного сотрудника. На совещание были вызваны: Директор и секретарь партийного бюро нашего института, Главный Ученый секретарь и вице-президенты академии, Начальник Управления кадров АМН СССР, Начальник Управления кадров Министерства здравоохранения, Секретарь парткома АМН СССР. Все заседание стенографировалось и, как я выяснил позднее, копия стенограммы была направлена в Идеологическую Комиссию ЦК КПСС. На совещание был вызван и я, как человек, подавший на имя П. Н. Демичева докладную записку о нарушениях, допущенных при рассмотрении вопроса о конкурсном избрании Н. А. Решетовской на объявленную вакантной должность. Подавая П. Н. Демичеву докладную записку, я еще полагал, что он был искренен, когда обещал писателю свое содействие в ликвидации беззаконий и особых препятствий, созданных на пути переезда Н. А. Решетовской в Обнинск. Эта докладная записка была по существу жалобой на произвол, допущенный руководством АМН СССР. В связи с этим я специально просил П. Н. Демичева в этой докладной записке разобраться в этом вопросе лично, или в отделе науки ЦК, и не передавать ее для рассмотрения в Президиум АМН СССР. Об этом я также попросил помощника П. Н. Демичева, принимавшего у меня докладную записку. Он уверенно обещал мне выполнить эту просьбу и сразу же информировать о ситуации своего шефа.

Но когда я прибыл на совещание в АМН СССР, то с удивлением увидел размноженную копию своей докладной записки Демичеву перед всеми членами Президиума АМН СССР, каждый из которых указывал мне

в своем выступлении, что я занимаюсь не своим делом. Все выступления были одного типа и сводились к тому, что сотрудник сельскохозяйственного института не может подойти для медицинского, даже если речь идет о химической работе. Следует сказать, что заведующий лабораторией, где должна была работать Решетовская, кандидат физико-математических наук, на совещание приглашен не был.

Перед начальником Управления кадров АМН СССР лежала папка с конкурсным делом Н. А. Решетовской. Ее брал на просмотр то один, то другой член заседания. Мне бросилась в глаза одна важная деталь. В личном деле всегда имеется список научных работ «конкурента». Принято подтверждать его оттисками самих работ для конкурсной комиссии. Однако не все журналы высылают авторам оттиски публикуемых статей и поэтому не всегда у «конкурента» есть возможность приложить к своему делу все свои издания. У Н. А. Решетовской, при подготовке конкурсного дела, две работы из списка не были подкреплены оттисками, мне это было хорошо известно. Однако в папке на заседании эти работы были в наличии, в виде фотокопий, изготовленных в Ленинской библиотеке. Эти фотокопии были заказаны Управлением кадров, которое, по-видимому, надеялось обнаружить в них повод для придирок и критики. Как я узнал впоследствии, все документы Н. А. Решетовской подвергались экспертизе.

Нужно отметить, что директор нашего института, профессор Г. А. Зедгенидзе, не согласился с мнением Президиума, отказался отстранить Н. А. Решетовскую от участия в повторном конкурсе. Законная процедура не позволяла какой-либо дискриминации по отношению к Решетовской, она, как доцент и кандидат химических наук, как научный работник с 15-летним стажем, имела бесспорное право на участие в конкурсе. И дело Ученого Совета было решить этот вопрос тайным голосованием.

Противники такого подхода сначала попытались найти на вакантную должность более сильного кандидата, а затем Президиум АМН СССР вдруг изменил штатное расписание института и аннулировал «химическую» вакансию, передав ее в клинику института, сделав «медицинской». Вакантная ставка, на которую происходил конкурс, была выделена в ряду других из фондов Государственного Комитета по науке и технике специально для изотопного корпуса. Передача ставки в клинику означала одновременно и передачу ее в фонд Министерства здравоохранения СССР. По положению, существовавшему в 1965 г., подобная неведомственная передача может быть осуществлена лишь решением Совета Министров СССР. Но случай был особый, может быть и согласовали его во всех инстанциях.

Во всех этих событиях я, как и Н. В. Тимофеев-Ресовский, принимали посильное участие, хотя Н. А. Решетовская «проходила» не в наш отдел. Приходилось постоянно информировать Н. А. Решетовскую и А. И. Солженицына о ходе дел, писать и звонить в Рязань, несмотря на очевидное присутствие в такой переписке и разговорах третьих, невидимых лиц.

И вот на фоне этих бурных событий я беседую с двумя сотрудниками по поводу практической реализации моей поездки в США, а АМН СССР дает формальное согласие на эту поездку. Конечно, я понимал, что эти беседы больше связаны с описанной историей, чем с действительно серьезным намерением отправить меня на полгода или год в США для совместной работы по проблеме старения.

Спустя недели две после второй встречи сотрудники в штатском встретились со мною снова. С торжественной важностью мне сообщили, что высшие сферы их организации очень заинтересованы в моей поездке в США и она открывает уникальные возможности. Я ответил, что прежде, чем решить, я должен больше знать о характере возможного поручения.

Старший по должности собеседник, после многих

общих рассуждений, перешел в конце концов на литературные темы, поинтересовался моим отношением к произведениям Солженицына и даже спросил, нет ли у меня книжки с его повестью «Один день Ивана Денисовича», которую мой собеседник, к сожалению, еще не прочитал, хотя и очень хотел. Достать же, по его словам, эту повесть было очень трудно. Я охотно пообещал выполнить его просьбу к следующей беседе, на которой мне и предстояло узнать кое-что о моих дополнительных задачах в Соединенных Штатах Америки.

Эти задачи оказались весьма интересными и несложными. Предпосылкой задания, по словам моего собеседника, служило то, что я являюсь автором неофициально широко распространенной рукописи по истории генетической дискуссии и что эта рукопись резко критиковалась в печати и даже на Пленуме ЦК (в 1963 г.). По мнению инстанций, эта моя деятельность в борьбе с Т. Д. Лысенко не могла пройти незамеченной за рубежом, тем более, что в этом плане меня критиковала и газета «Правда». В связи с этим, как было предвидено в кругах представляемой моим собеседником организации, к моей персоне в США будет привлечено пристальное внимание американской разведки. И если американская разведка попытается установить со мной контакт, то мне предписывалось не отвергать его, а возможно полнее изучить все те способы, которыми производится вербовка советского ученого в США. Следовало, по словам моего инструктора, «пофлиртовать» с американской разведкой... Дело было таким образом несложное и состояло в том, чтобы не отказываться от бесед, с кем бы они в США не происходили. Естественно, что я сказал, что такого рода поручение я, по-видимому, если поеду в США, смогу выполнить и подробно сообщу им о всех случаях внимания к моей персоне со стороны вненаучных американских организаций.

Затем вновь последовала беседа на литературные темы в связи с повестью А. И. Солженицына. Мой собеседник при этом сказал, что если я столь высокого

мнения о писателе и его патриотизме, то было бы полезно изложить мои соображения в письменном виде, и тогда их смогут прочитать компетентные товарищи их системы и это будет способствовать ликвидации недоразумений. Я ответил, что творчество и личные качества писателя широко обсуждались в советской прессе, нашли самую позитивную оценку даже в международном коммунистическом органе «Проблемы мира и социализма», и мое мнение не расходится с мнением этого журнала. Возник короткий разговор и о конфискованном романе, который я, как оказалось к сожалению своих собеседников, не читал.

Вскоре произошла еще одна встреча, уже после описанного выше заседания в АМН СССР. Собеседники были те же. Они сообщили мне удовлетворение высших сфер по поводу моего согласия выполнить миссию. В связи с этим, *поскольку я согласился на сотрудничество* (это было особо подчеркнуто), высшие сферы просили меня об одной формальности, обязательной для работника, принявшего подобное обязательство. Я должен представить список моих личных друзей и близких знакомых, о которых меня могут спрашивать и в период «обработки» в США, и дать каждому из них краткую характеристику, особо выделив тех, кто может знать государственные и военные тайны. На составление такого списка мне предоставлялось две недели.

Эта формальность была, конечно, непреодолимой. Я кратко информировал Б. Стрелера (это было в декабре 1965 г.), что оформление моей поездки в его лабораторию встретило трудности и что вряд ли эта поездка будет возможна в 1966 г.

К этому времени на партийном бюро была, наконец, поставлена на обсуждение характеристика к «Выездному делу» по этой поездке. Понимая однако, что «Выездное дело» после оформления все равно далеко не уйдет, я попросил представителя нашего отдела в партийном бюро высказаться за отсрочку поездки, в связи с необходимостью налаживания работы в лаборатории,

отсутствием заместителя, или другими причинами. По его предложению решение об отсрочке и было принято.

Когда через несколько дней мои собеседники снова встретились со мной и поинтересовались — готов ли список моих деловых и дружеских связей, то я сообщил им о решении партийного бюро, откладывавшем командировку. Мой собеседник пытался уверить меня, что список не обязательно связывать с данной поездкой, что решение партбюро можно изменить, если будет указание сверху, и т. д. Затем, потеряв терпение, он стал в резкой форме требовать составления списка и даже с некоторыми угрозами. Но это уже было бесполезно. Такой срыв и угрожающий тон были вредны лишь для моего собеседника, ибо они выдавали его истинные намерения и нарушали конфиденциальность наших переговоров. Ибо если одному из участников беседы начинают угрожать, то он вправе аппелировать к защите, вправе ставить в известность о ситуации тех, кто может ему помочь. С того момента, как мой, доселе исключительно вежливый, собеседник применил грубый нажим, я стал чувствовать себя свободным, тем более, что никаких формальных обязательств в отношении конфиденциальности бесед я не давал.

Бернард Стрелер, умный человек, понял, по-видимому, мои трудности. Его дружеское письмо меня очень тронуло. Я приведу его ниже в русском переводе, который, к сожалению, не передает некоторых весьма специфических английских выражений.

Д-ру Ж. А. Медведеву
Институт медицинской радиологии

16 декабря 1965

Дорогой Д-р Медведев,

Благодарю вас за ваше короткое письмо от 8 декабря. Я с большим сожалением узнал, что конечное решение о вашей поездке еще не было принято. Хотя иногда случаются различные задержки с оформлением зарубежных поездок и для граждан моей страны, но я думаю, что вы должны помнить, что ваша страна не имеет длительного опыта в организации между-

народного научного сотрудничества, особенно на индивидуальной основе.

Поэтому только естественно, что ответственные официалы должны рассматривать слишком много факторов и условий, стремясь к абсолютной уверенности.

Если бы я имел возможность и случай приехать в другую страну для подобного вашему научного визита, представляющего взаимный интерес для обеих стран, то я имел бы в виду ряд условий, необходимых для такой поездки. Во-первых, я должен был бы быть уверен, что научная выгода действительно взаимна. Во-вторых, мне бы хотелось чувствовать, что мое пребывание в чужой стране служит делу мира и взаимопонимания. Я бы естественно уважал гостеприимство этой страны. Несомненно, что я бы не поехал в другую страну, если бы чувствовал, что такой визит может нанести какой-либо вред моей родине, либо стране, оказавшей мне гостеприимство.

Я уважаю вашу любовь к России, как выражение определенных идеалов, и я надеюсь, что вы уважаете мою любовь к моей стране. Мой патриотизм не основан на негативном отношении к другим странам. Даже в пятидесятых годах, когда я резко протестовал против политики ряда лиц здесь, которых я считал почти дьяволами, как например сенатора Маккарти, и когда я был подвергнут неприятному допросу правительственными чиновниками, я всегда пытался говорить правду, потому, что я считаю это частью исторических прав каждого американца. Несправедливости, еще существующие в Америке, не гасят моей любви к ней, и у нас есть достаточно хорошего, что привлекает людей.

Мой друг, я надеялся, что мое приглашение будет лишь очень выгодным для вас и вашей страны.Меня глубоко огорчит, если этим я внес какое-то беспокойство и несчастье в вашу жизнь.

Пожалуйста делайте то, что считаете нужным и лучшим. Если по каким-либо причинам вы не можете приехать к нам в намеченное время, то я уверен, что придет день взаимопонимания и дружбы между нашими странами, когда подобный визит станет возможным.

С лучшими пожеланиями в Новом году

Искренне ваш

Б. Стрелер

Через полтора года в одном из номеров журнала «Доклады Национальной Академии наук США (Proc. Nat. Acad. of U.S.A. vol. C57, № 6, 1967), публикующем наиболее значительные и интересные достижения американских ученых, я встретил и с большим интересом прочитал статью Б. Стрелера и двух его сотрудников по итогам той экспериментальной работы, участвовать в которой приглашали и меня. Б. Стрелера можно было поздравить, он организовал и провел действительно блестящее исследование молекулярных механизмов старения. В условиях Обнинска, да и в условиях любой другой лаборатории СССР в 1966-1967 годах, эту работу нельзя было не только провести, но и воспроизвести из-за отсутствия соответствующей номенклатуры оборудования и необходимого ассортимента биохимических реактивов.

4. Традиционная годичная лекция по проблеме старения

Еще один случай из моей собственной практики, последний, о котором я хочу рассказать на страницах этой книги, является пожалуй наиболее сложным. Подобно тому, как начинающий спортсмен в ходе тренировок прыгает все выше и выше, так и я от одного случая к другому в деле международного сотрудничества приходил в соприкосновение с все более и более высокими сферами, решающими такого рода вопросы.

Исходным пунктом этой истории также было письмо и опять достаточно неожиданное. Пришло оно весной 1965 г. из Лондона от Международной организации по развитию интернационального сотрудничества в области медицинских и химических исследований, известной под названием «Сиба Фоундейшн» (Ciba Foundation). Как можно догадаться по названию, эта организация была основана знаменитой международной фармакологической фирмой «СИБА», поставляющей почти половину всех лекарств, производимых в Западной Европе. Центр

«Сиба Фоундейшн» расположен в Лондоне, но СССР входит в нее в качестве члена-участника.

Однако к моменту получения письма я очень мало знал о характере этой организации. Мне были лишь известны изданные ею в пятидесятых годах очень интересные сборники работ по проблеме старения. Письмо, перевод которого приводится ниже, было выслано еще на мой прежний московский адрес, и поэтому я получил его с большим опозданием.

Д-ру Ж. А. Медведеву,
Тимирязевская академия,
Москва

41 Портланд Плейс,
Лондон,
24 марта 1965

Дорогой д-р Медведев,

Как вы может быть знаете, между 1954 и 1959 гг. «Сиба Фоундейшн» имела специальную программу для вовлечения молодых исследователей в изучение проблемы старения. В 1959 г. мы решили, что уже достаточно сделано в этой области, но мы считали необходимым поддерживать этот интерес одной ежегодной специальной лекцией по проблеме старения.

С тех пор стало традицией организовывать эту особую лекцию в связи с конференцией Британского Общества по изучению старения в каком либо из научных центров Великобритании. Такие лекции в прошлые годы уже состоялись в Бирмингеме, Линде, Ливерпуле, Оксфорде, Глазго, Лондоне, и в этом году лекция состоится в Ньюкасле-на-Туне.

В 1966 г. мы планируем провести такую лекцию при Шеффилдском Университете на совместном заседании Британского Общества по изучению старения и Британского Общества экспериментальной биологии. Эта лекция планируется на период между 6 и 12 сентября 1966 г. Лекция будет приурочена к конференции по биологии старения.

Я пишу вам в надежде, что вы может быть смогли бы приехать в нашу страну для прочтения этой традиционной 10-й лекции по проблеме старения.

Лекции обеспечиваются небольшим гонораром в 35 фунтов стерлингов и в дополнение мы оплатим ваш проезд по авиа между Лондоном и Москвой, гостиницу и все другие расходы в течение 5-7 дней вашего визита.

Мы предоставляем вам свободный выбор аспекта

лекции, однако мы полагаем, что вы будете рассматривать проблемы молекулярной биологии старения.

Лекция будет напечатана в трудах конференции.

По-видимому, вам будет интересно посмотреть вложенный список наших прежних лекций этой серии.

Я был бы весьма благодарен за быстрый ответ на это приглашение и очень надеюсь, что Вы сможете его принять, и мы увидим Вас здесь в сентябре 1966 г.

Искренне Ваш

Д-р Г. Е. В. Вольстенхолм,
Директор «Сиба Фоундейшн»

К письму был приложен список девяти предыдущих лекций, начиная с первой, прочитанной в Лондоне в 1957 г. Д-ром Н. Шоком, на тему «Возрастные изменения физиологических функций животных». В последующие годы лекции читались учеными из Англии, Франции, Голландии, Чехословакии, Германии. Имена большинства из них были мне известны.

Годичные научные чтения такого рода являются широко распространенной традицией во многих областях науки. Родилась такая традиция кажется в Англии лет двести назад. Предложение прочитать Годичную традиционную лекцию — это большая честь, которой редко можно удостоиться дважды в жизни. И я это прекрасно понимал. Я также понимал, что от подобных предложений не отказываются. Следовало мобилизовать все силы, все возможности, но выполнить миссию и выполнить ее на самом лучшем уровне. Это был случай, когда ученый должен был прежде всего решить сам, а затем с чувством долга добиваться реализации собственного решения. Поэтому я ответил д-ру Вольстенхолму незамедлительно, ответил согласием, но в моем первом письме были все же элементы неопределенности.

Дорогой д-р Вольстенхолм, — писал я,

Большое спасибо за Ваше письмо от 24 марта и ту честь, которую Вы оказали мне своим предложением о прочтении ежегодной лекции по проблеме старения в сентябре 1966 г. Я прошу извинения за задержку ответа на Ваше письмо, что было связано с тем обстоятельством, что я уже более двух лет не работаю в

Тимирязевской сельскохозяйственной академии, адрес которой Вы указали на своем письме, и я получил его только недавно. В настоящее время я работаю в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук СССР в г. Обнинске, недалеко от Москвы.

Я понимаю, что задача, которую Вы передо мной поставили, является исключительно трудной, так как все Ваши предыдущие лекторы были хорошо известными учеными и лучшими специалистами в той или иной области геронтологии. Хотя я не считаю вправе ставить себя рядом с ними, однако я понимаю, что перспектива подготовки такой лекции по молекулярным аспектам старения могла бы оказать вдохновляющее и стимулирующее действие на мою экспериментальную и теоретическую работу в этой области.

В ближайшее время я тщательно продумаю и проанализирую все свои возможности и материалы, которыми я располагаю для подготовки такой лекции и тогда смогу написать Вам более определенно относительно того, насколько в силах я буду оправдать доверие, которое Вы оказываете мне своим предложением.

Нужно сказать, что я действительно не был уверен, что «Сиба Фоундейшн» сделала правильный выбор для своей годичной лекции. Но если бы речь шла об общебиохимических, физиологических, морфологических, клинических и прочих аспектах старения, я бы несомненно предложил бы Д-ру Вольстенхолму замену собственной кандидатуры на более достойную. Но в узкой области молекулярной геронтологии, я мог рекомендовать ему взамен себя лишь кого-либо из зарубежных коллег. И не потому, что я представляю собой сколь-либо заметную величину. Градации «размеров» ученого легко проводить в классических науках, представленных в стране сотнями и тысячами ученых. Молекулярная же геронтология у нас еще не была развита, бедна кадрами, и я просто не знал никого, кто мог бы на достаточно хорошем уровне, да еще английским языком прочитать такого рода лекцию. Но и для меня эта задача была отнюдь не простой и требовала исключительно напряженной работы.

Я чувствовал, что принятие приглашения «Сиба Фоундейшн», это не только вопрос моего личного престижа, не только кульминационное событие моей научной жизни, но и гражданский долг. На короткий срок, на небольшом участке научного фронта, мне предстояло быть полноценным представителем советской науки. Я знал, что если я откажусь, сославшись на любые объективные причины, традиционная годичная лекция несомненно будет предложена кому-либо из моих зарубежных коллег.

Однако трудности, которых я ожидал при обсуждении вопроса о поездке в Англию, первоначально даже не возникли. Вопрос решился удивительно просто. Только что был, как я уже описывал в предыдущем случае, положительно решен в Академии медицинских наук вопрос о моей поездке в США в 1966 г. на 6-8 месяцев, и Иностранный отдел Министерства здравоохранения, через который эта поездка должна была оформляться, предложил мне включить визит в Англию в программу этой поездки. У меня была принята программа, по которой я участвовал в конференции в Шеффилде на обратном пути домой из США. Это была блестящая перспектива, и главное, не требовавшая нового оформления «Выездного дела» и заграничного паспорта. Такая программа усиливала реальность более ценной для меня длительной поездки для работы в лабораторию Б. Стрелера и давала мне возможность прекрасной подготовки самой лекции и совершенствования в знании английского языка.

Представление от нашего института по этому вопросу получило положительную визу Заместителя Министра здравоохранения СССР А. Ф. Серенко и Заведующего Международным Отделом АМН СССР С. А. Саркисова, и я смог уже окончательно и с согласия этого отдела сообщить д-ру Вольстенхолму о том, что я принимаю его предложение и сделаю все возможное, чтобы выполнить миссию. И хотя до самой лекции был еще почти год, я начал постепенно готовить ее текст, стараясь

сделать его достаточно интересным для той аудитории, которую ожидал встретить в Англии.

Но в конце 1965 г. поездка в США для работы в лаборатории Б. Стрелера, оказалась, как мы уже видели, сорванной. Письмо Д-ра Вольстенхолма, извещавшего меня об окончательном утверждении Программы Симпозиума, пришло ко мне почти одновременно с письмом Стрелера, выражавшего свое глубокое сожаление по поводу неудачи намеченных планов.

Дорогой д-р Медведев, — писал мне Вольстенхолм 21 декабря 1965 г., —

Я не хочу завершить этот год, не послав Вам наших лучших пожеланий и сообщения о прогрессе наших планов на следующий сентябрь. Я вкладываю в письмо копию программы конференции в Шеффилде, включающую Вашу лекцию. Я также хочу сообщить Вам, что согласно традиции, этой лекции предшествует особый обед, и я уже пригласил ряд коллег на этот обед во вторник вечером 6 сентября.

Я надеюсь, что благоприятное отношение к нашей конференции со стороны администрации в Вашей стране сохранится и что Вы приедете, чтобы прочитать эту Важную лекцию для нас. Мы все ждем возможности видеть Вас здесь.

С лучшими пожеланиями в 1966 году

Искренне Ваш

Г. Е. Вольстенхолм

С большим интересом я прочитал программу Симпозиума по биологии старения. Она делилась на две части: научные тематические доклады 5, 6, 7, 8 и 9 сентября и годичную лекцию вечером 6 сентября в Большой аудитории Университета. Лекция была публичной. Отдельные заседания Симпозиума были тематическими и посвящались следующим проблемам: «Молекулярные и хромосомные изменения при старении», «Метаболические и клеточные аспекты старения растений», «Метаболические и клеточные аспекты старения животных», «Гормональные явления при старении» и «Старение целого организма». Я был очень рад увидеть среди участников Симпозиума многих коллег, хорошо извест-

ных мне своими работами, и нескольких друзей, в том числе и Д-ра Стрелера, который выступал с докладом «Клеточные возрастные изменения у людей».

Однако неудача с поездкой в США возвращала и планируемую поездку в Англию на исходные позиции. Организацию ее следовало начинать сначала и притом как самостоятельное мероприятия, и в более сложной обстановке.

Мой первый визит в Министерство здравоохранения СССР показал, что отношение в Иностранном отделе к вопросу о моей поездке в Англию резко изменилось. Заместитель Начальника этого отдела М. А. Ахметелли очень неопределенно начал говорить о том, что договор о культурном и научном сотрудничестве с Англией еще не подписан на 1966 год и поэтому еще не ясно сколько человеко-дней командировок будет иметь в 1966 г. их отдел. Естественно, сказал он, что если план в человеко-днях на 1966 г. не будет очень большим, то они смогут реализовать только наиболее важные поездки, согласованные на высшем уровне. Другой, рядовой сотрудник этого же отдела, к которому ранее поступали на хранение материалы из нашего Института, порывшись в бумагах, не смог найти моей папки с перепиской по поводу лекции и с резолюциями соответствующих начальников. Эта, ранее бывшая у него папка, куда-то исчезла. Аналогичную неопределенность встретил я и в АМН СССР. А между тем нужно было по срокам начинать подготовку «Выездного дела». Анкеты же «Выездного дела» относятся к бумагам строгой отчетности и высылаются из Иностранных отделов ведомств для конкретных лиц, поездка которых согласована с ведомством. Институт по собственной инициативе «Выездные дела» в капиталистические страны не готовит.

Подождав около двух недель, и не сумев получить четких решений, а тем более официальных указаний в институт о подготовке «Выездного дела», я достаточно ясно дал понять Д-ру Вольстенхолму о возникшей неопределенности. Я сообщил ему, что процесс оформле-

ния такого рода поездок — дело многоступенчатое, и что первая позитивная реакция при переходе к конкретным решениям на разных уровнях может меняться. Я не мог прямо сказать ему о характере возникших трудностей, тем более, что я и сам их точно еще не знал. Приходилось говорить намеками.

«...Процесс оформления поездок подобного рода, — писал я, — подобен очистке вещества из смеси с помощью ионобменной хроматографии, с применением как катион, — так и анионобменных адсорбентов. Какаго рода соединения могут пройти через такую установку вы, конечно, представляете...»

Всякий знакомый с химией и биохимией, а Д-ру Вольстенхолму это полагалось по должности, понимал, что через подобную систему очистки не проходят соединения, как с положительным, так и с отрицательным зарядом, а также и с теми и другими зарядами одновременно в разных группах. Проходят лишь полностью нейтральные, незаряженные вещества, без плюсов и минусов.

«...У меня нет полной уверенности, — писал я, — что я смогу собственными силами обеспечить приезд в Англию и полученные мною личные приглашения не подвергаются пока рассмотрению ответственными лицами. Учитывая имеющиеся трудности, я хочу предупредить вас, что мой приезд в Англию является пока проблемой. У вас есть два пути к обеспечению традиционной лекции по старению, во первых, приглашение для этой миссии другого ученого, личное согласие и желание которого являются достаточной гарантией его приезда на Симпозиум в Шеффилд, либо, во-вторых, перенос переговоров об этой лекции на официальный уровень, по-видимому, не менее низкий, чем уровень Министра здравоохранения...»

Опять, как и в 1960 г., я не хотел брать на себя чужие грехи. Если ответственные инстанции не принимают благоприятного решения, то пусть они и ведут по этому поводу переписку, пусть берут на себя ответственность за срыв этого дела. Я же свой долг выполню при любых обстоятельствах, и лекция будет написана, переведена

на английский язык и отправлена в Англию в любой ситуации. 10-ая традиционная годичная лекция по проблеме старения будет существовать, независимо от самого визита в Англию. С этим настроением я начал готовить первый, пока слишком большой вариант лекции, который в последующем предполагал сократить, выбрав наиболее существенное. Лекция не могла продолжаться более 70-80 минут.

Полученная мною ранее программа была предварительной, она рассылалась пока только участникам для уточнения их действительного приезда в сентябре в Шеффилд, тем более, что половина участников была из других стран. Программа еще не была опубликована, и «Сиба Фоундейшн» пока еще имела возможность поручить подготовку лекции другому ученому. Но откровенно говоря, я был уверен, что Д-р Вольстенхолм выберет второй путь и будет добиваться приезда ранее приглашенного лектора путем переговоров на высоком уровне. Спустя очень небольшой срок я получил этому подтверждение. Д-р Вольстенхолм подготовил официальное письмо Министерству здравоохранения СССР, причем копии этого письма были высланы директору нашего института и мне. Перевод письма приводится ниже.

СИБА ФОУНДЕЙШН ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В МЕДИЦИНСКИХ И ХИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Попечительский Совет

Лорд Браин Л. Д., Член Королевского Общества
Лорд Флорей О. М., Член Королевского Общества
Лорд Джордж Л. Я., Член Королевского Общества
Лорд Тодд, Член Королевского Общества

Директор, Д-р Г. Е. В. Вольстенхолм
41 Портланд Плейс, Лондон 2 февраля 1966

копия Д-ру Ж. А. Медведеву

Профессору Б. В. Петровскому
Министру Здравоохранения СССР
Рахмановская ул. 3. Москва

Дорогой Профессор Петровский,

Моя приятная обязанность написать Вам официально по поручению «Сиба Фоундейшн», чтобы просить вас дать официальное одобрение и помощь в осуществлении приезда в Англию Д-ра Медведева для того, чтобы прочитать лекцию о его исследованиях по проблеме старения.

Сиба Фоундейшн в Лондоне является независимой научной и образовательной международной организацией, которая работает в области развития международного сотрудничества в медицинских исследованиях в течение последних шестнадцати лет. Нам в нашей работе помогают видные ученые из разных стран, которые участвуют в нашем научном консультативном Совете. Представителями от СССР являются академики В. А. Энгельгардт, А. И. Опарин и М. М. Шемякин. Любой из этих ученых несомненно охотно даст вам дополнительную информацию об активности Сиба Фоундейшн.

Несколько лет назад, как часть нашей программы стимуляции медицинских исследований, мы предприняли особые усилия в развитии новых исследований в международном плане в области проблемы старения. Мы провели ряд конференций по этой проблеме и каждый год мы приглашаем известных ученых посетить Англию для прочтения традиционной лекции, касающейся их особого направления в изучении проблемы старения.

Мы теперь хотим пригласить Д-ра Медведева (Руководителя лаборатории молекулярной радиобиологии в Обнинске) прочитать Сиба Фоундейшн 10-ую ежегодную лекцию по проблеме старения на тему: «Молекулярные аспекты старения». Мы очень хотели бы, чтобы он рассказал нам о своей работе, которая, как мы верим, имеет международное значение, и мы хотели бы, чтобы это было сделано в связи и вместе с Симпозиумом по биологии старения. Этот симпозиум состоится в Шеффилде в начале сентября 1966 г. и будет организован Британским обществом экспериментальной биологии, совместно с «Сиба Фоундейшн» и Британским обществом по изучению старения. Мы надеемся, что Д-р Медведев приедет и примет участие в этом пятидневном Симпозиуме, с его собственной лекцией (на второй день), которая будет основным докладом недели.

Предварительные письма были посланы Д-ру Мед-

ведеву, и мы извещены о его готовности и желании подготовить лекцию специально для этого случая.

Мы надеемся, что его визиту в Англию будет дано официальное одобрение.

«Сиба Фоундейшн» предполагает обеспечить все необходимые транспортные расходы и остальные расходы, связанные с визитом в Англию.

Копия этого письма послана Директору института медицинской радиологии в Обнинске.

Мы были бы очень благодарны за ваш быстрый и благоприятный ответ по этому вопросу, который, как мы верим, усилит взаимное уважение и сотрудничество Советских и Британских ученых.

Искренне Ваш

Д-р Г. Е. В. Вольстенхолм,
Директор Сиба Фоундейшн

Через три недели после получения этого письма меня вызвали телефонограммой к заместителю начальника Иностранного отдела Министерства здравоохранения М. А. Ахметелли. Я немедленно отправился в Москву, почти уверенный, что письмо Д-ра Вольстенхолма оказало необходимое действие. Познакомившись за это время по литературе с размахом международной деятельности Сиба Фоундейшн, я понял, что СССР получает весьма ощутимую выгоду от деятельности этой организации, особенно в сфере здравохранения.

Однако мои надежды не оправдались. М. А. Ахметелли принял меня не слишком любезно. Он сообщил, что Министр здравоохранения отрицательно решил вопрос о моей поездке в Англию. При этом Ахметелли сделал ясный намек на то, что англичане, по-видимому, оказали мне слишком большую честь и что вряд ли мне следует столь упорно ее добиваться. От ответа на мой вопрос о том, кого он считал бы более достойным для данной миссии, Ахметелли, однако, уклонялся. Ахметелли сказал также, что Министру не совсем удобно отвечать отказом на письмо Д-ра Вольстенхолма и поэтому мне самому надлежит отправить в Англию резонный отказ. Если же я этого не сделаю, то их отдел

вряд ли когда либо в будущем сможет иметь со мной серьезные дела. Это была уже очевидная, хотя и вежливая угроза, и мне оставалось лишь откровенно высказать Ахметелли свое мнение о нем и его отделе.

Спустя несколько дней в Министерство был вызван директор нашего института. Ему, уже в более официальной форме, предложили подписать короткое письмо д-ру Вольстенхолму, с тем, чтобы избавить от этой задачи Министра. Об этом я узнал уже позже после того, как д-р Вольстенхолм прислал мне фотокопию этого письма и копию своего ответа на него.

Письмо-отказ было следующим: Оно было написано хорошим английским языком.

9 марта 1966

Дорогой Профессор Вольстенхолм,

Я был очень рад получить копию вашего письма, в котором вы просите содействия в осуществлении приезда в Англию д-ра Медведева из нашего института с тем, чтобы прочитать лекцию по проблеме старения.

Однако я выражаю свое сожаление и полагаю, что д-р Медведев не будет в состоянии приехать в Англию в этом году, ввиду огромной загруженности работой в его лаборатории.

Искренне Ваш

проф. Г. А. Зедгенидзе,
Директор Института
медицинской радиологии

Реакция д-ра Вольстенхолма была почти немедленной.

Дорогой профессор Зедгенидзе, — писал он, —

Ваше письмо от 9 марта прибыло как глубокое разочарование не только для всех нас в Сиба Фоундейшн, но и для многих людей, которые соберутся в Шеффилде в сентябре.

В прошлом годичные учтения по проблеме старения по нашей программе были сделаны учеными из США, Франции, Голландии, Израиля и других стран, и мы будем очень сожалеть, если СССР не будет представлен в этой серии.

Так как д-р Медведев должен был бы провести в нашей стране не более недели и поскольку даже приезд на 2-3 дня был бы несомненно лучше, чем ничего, то неужели вы сочтете невозможным разрешить ему на 2-3 дня оторваться от его обязанностей, тем более, что он может быть согласится компенсировать этот ущерб за счет своего отпуска.

Я буду весьма благодарен, если вы найдете возможным пересмотреть свое решение, и надеюсь, что благоприятный исход еще возможен.

Я посылаю копию этого письма профессору Петровскому, Министру здравоохранения СССР, а также академикам Энгельгардту, Опарину и Шемякину, которые представляют Сиба Фондейшн в вашей стране.

Искренне Ваш

Г. Е. В. Вольстенхолм

Одновременно с направлением В. А. Энгельгардту и другим двум академикам копий переписки, Д-р Вольстенхолм написал каждому из них письмо с просьбой использовать свое влияние для положительного решения вопроса о Годичной Сиба лекции.

Академик А. И. Опарин, как и следовало ожидать, полностью игнорировал эту просьбу и даже не ответил на письмо Д-ра Вольстенхолма, тогда как В. А. Энгельгардт (Директор Института молекулярной биологии) и М. М. Шемякин (Директор Института химии природных соединений) активно взялись за выполнение этой просьбы. Я узнал об этом много позднее, когда академик В. А. Энгельгардт, после завершения всей кампании, прислал мне копии своей переписки по этому вопросу и рассказал о тех мерах, которые были им предприняты.

В. А. Энгельгардт, совместно с М. М. Шемякиным, подготовил в конце марта специальную Докладную записку для Министра здравоохранения СССР и, добившись приема у Министра, лично вручил ее Б. В. Петровскому с настоятельной рекомендацией принять положительное решение.

Глубокоуважаемый Борис Васильевич! —
писали в своей докладной записке советские
представители «Сиба Фоундейшн»

Разрешите нам обратиться к Вам с просьбой уделить внимание вопросу о предоставлении возможности заведующему лабораторией молекулярной радиобиологии Института медицинской радиологии в Обнинске Ж. А. Медведеву принять участие в качестве главного докладчика на международном Симпозиуме по биологии старения в Англии осенью этого года.

Симпозиум созывается научной организацией «Сиба Фоундейшн». Мы оба являемся членами Совета этой организации, представляя Советский Союз. В этот Совет входят ученые большого числа стран, поскольку «Сиба Фоундейшн» имеет международный характер. Это очень солидная организация с хорошей интернациональной репутацией. Ею проводится обширная научно-организационная деятельность, созывается много тематических конференций, издается большое число монографий и сборников. Она служит активным центром научного общения представителей различных отраслей медицинской науки с учеными смежных специальностей — химиками, биофизиками, фармакологами и пр. В частности одной из областей, которой «Сиба Фоундейшн» уделяет особое внимание, является геронтология в ее различных аспектах. Симпозиум, о котором идет речь, является очередным мероприятием текущего года по этой линии.

Подготовка Симпозиума началась более года тому назад, и организаторы наметили в качестве основного докладчика для традиционной лекции Ж. А. Медведева, как автора ряда серьезных работ по проблемам биологических основ старения.

Однако в настоящее время ситуация в отношении поездки Ж. А. Медведева в Англию сложилась отрицательно.

Директор «Сиба Фоундейшн», Д-р Вольстенхолм обратился к нам, как к членам Совета, с просьбой, если это возможно, оказать содействие, дабы избежать срыва давно подготовленного Симпозиума, так как Годичная лекция является центральным пунктом всей программы.

Обращаясь к Вам с просьбой рассмотреть этот вопрос, мы хотели бы подчеркнуть, что «Сиба Фоундейшн» постоянно весьма внимательно относится к советским ученым, принимающим то или иное участие

в ее мероприятиях. Наши ученые очень часто останавливаются в общежитии Сиба, где имеются прекрасные условия для научной работы, и пользуются теми или иными формами содействия со стороны администрации Сиба. Затруднения, вызванные отказом в содействии успеху намечаемого симпозиума, несомненно не будут в интересах расширения и укрепления наших зарубежных научных связей.

Академик В. А. Энгельгардт
Академик М. М. Шемякин

Министр здравоохранения действительно обратил внимание на это письмо и уделил внимание поставленному в нем вопросу, но совсем в ином плане. Меня вызвал, на этот раз, Начальник Иностранного отдела Министерства здравоохранения (этот отдел почему-то называется в списке отделов «отдел внешних сношений») тов. Новгородцев и в категорической и высокомерной форме предложил прекратить всякую переписку и деятельность, касающуюся участия в Симпозиуме.

Поездку можно было явно считать несостоявшейся. Однако я решил «не сдаваться» и попытаться разрешить проблему несколько в ином направлении. Впереди были еще четыре месяца, срок достаточно большой.

Я снова написал письмо Д-ру Вольстенхолму, сообщив, что Министерство здравоохранения еще не пересмотрело своего решения. «Поскольку, — писал я, — программа Симпозиума уже сформирована и в этой программе объявлена моя лекция, то «Сиба Фоундейшн» при любых обстоятельствах получит текст этой лекции на английском языке не менее чем за две недели до Симпозиума». Однако, сообщал я Д-ру Вольстенхолму, было бы по-видимому целесообразно предпринять еще одну попытку, а именно контакт по этому вопросу стороны «Сиба Фоундейшн» с Представителем Государственного Комитета по науке и технике, который, будучи Заместителем Председателя Совета Министров СССР, является следующей, более высокой инстанцией, полномочной рассматривать и пересматривать любые решения такого рода.

В успех такого контакта я уже не верил, но эксперимент следовало провести, тем более что Государственный Комитет возглавлял академик В. А. Кириллин, когда-то в 1960 г. руководивший Отделом науки ЦК КПСС, а позднее — вице-президент АН СССР. В 1963 г. акад. В. А. Кириллин, на посту вице-президента АН СССР прочитал мою рукопись по истории генетической дискуссии и, как мне передавали, отнесся к ней положительно.

Не прошло и двух недель, как я получил от Д-ра Вольстенхолма копию его письма в Государственный Комитет по науке и технике.

Дорогой Академик Кириллин, — писал Вольстенхолм, —

Я имею честь обратиться к вам, как к Председателю Государственного Комитета по науке и технике Совета Министров СССР, и буду весьма признателен, если вы будете любезны рассмотреть следующий вопрос.

В марте 1965 г. я официально, по поручению Совета «Сиба Фоундейшн», пригласил д-ра Медведева (Институт медицинской радиологии в Обнинске) подготовить и прочитать нам 10-ю ежегодную лекцию по проблеме старения. Эта лекция будет частью международного симпозиума по старению. Доктор Медведев любезно согласился принять наше приглашение.

Далее Д-р Вольстенхолм вкратце излагал историю его переписки с Министром здравоохранения и директором нашего института, а также объяснял задачи и цели «Сиба Фоундейшн». В конце письма он писал:

«...Наше большое желание способствовать более широкому признанию советских научных достижений и сделать все возможное для развития официальной и персональной дружбы ученых. Мы будем поэтому очень благодарны, если вы сможете использовать свое влияние в устранении, по-видимому, незначительных препятствий, мешающих Д-ру Медведеву реализовать наше приглашение и свое желание участвовать в симпозиуме в Шеффилде».

Академик Кириллин использовал свое влияние, но,

как и Министр, совсем в ином смысле, чем надеялся Д-р Вольстенхолм. Член коллегии Государственного Комитета по науке и технике Д. Пронский, он же и Начальник международного отдела этого комитета, в конце мая, переправил письмо Вольстенхолма в Министерство здравоохранения СССР со своим сопроводительным письмом. В этом письме он настоятельно и в достаточно оскорбительной форме указывал на нарушение Ж. А. Медведевым правил «общения с иностранными фирмами» и рекомендовал объяснить Медведеву эти правила. Он, судя по его письму, даже не понял из переписки, что «Сиба Фоундейшн» не являлась «фирмой», а была научной организацией. Но тем не менее его письмо нашло нужный отклик в Министерстве здравохранения.

В середине июня меня вызвал Начальник Спец-отдела нашего института и, выполняя указание директора, ознакомил с поступившим в институт письмом Начальника Иностранного Отдела Министерства здравоохранения, тов. Новгородцева (от 10 июня 1965), к которому была приложена копия письма Пронского в Минздрав СССР. Частично повторяя выражения Пронского, Новгородцев писал в своем письме, что Ж. А. Медведев «нарушил правила переписки с иностранными фирмами», что «он любыми средствами добивается осуществления этой поездки, привлекая к этому посторонних ученых». Он имел при этом в виду обращение В. А. Энгельгардта и М. М. Шемякина. Далее Новгородцев высказывал сомнение в достаточной компетентности Медведева в проблемах, по которым ему было предложено выступить с лекцией, а также предлагал принять необходимые административные меры и указать Медведеву на недопустимость его поведения и противопоставления своей позиции решениям Министерства.

Следует отметить, что письмо Новгородцева было направлено в Институт по линии спец-отдела умышленно, для психологического эффекта. Копии этой переписки Минздрав направил и в АМН СССР.

Спустя десять дней по той же линии пришел запрос

из Международного отдела АМН СССР, подписанный новым начальником этого отдела, академиком АМН СССР Ковановым. В этом письме институту предлагали сообщить, — какие конкретные меры приняты партийной организацией и дирекцией института по отношению к Ж. А. Медведеву, в связи с нарушением им норм переписки и контактов с иностранцами, и следовала ссылка на письмо Новгородцева по этому поводу.

Спец-отдел нашего института потребовал мою объяснительную записку по данному делу. Я ее написал, достаточно ясно изложив ту непоследовательность, которую проявили в этом деле и АМН СССР и Министерство здравоохранения. Кроме того, я также достаточно ясно высказал свое мнение о способности тов. Новгородцева судить о моей компетентности в области геронтологии. Насколько мне известно, моя объяснительная записка была отправлена в АМН СССР и Минздрав СССР тем же каналом, по которому прибыли письма оттуда, и ни ответа, ни «разбора» дела не последовало.

До начала Симпозиума оставались два с лишним месяца. Лекция была уже написана, близился к концу перевод ее на английский язык. В конце июля на Международный микробиологический Конгресс в Москву приезжал из Англии мой старый друг Ральф Купер, и я рассчитывал, что он поможет мне отредактировать перевод текста. Доктор Ральф Купер работал вместе со мной в биохимической лаборатории Тимирязевской сельскохозяйственной академии в 1958-1959 гг., приехал в СССР по программе обмена учеными. Тогда это был молодой биохимик, только что окончивший аспирантуру в Оксфорде и работавший около года на Ротамстедской опытной станции. Приехав в Москву, не зная русского языка, он оказался почти беспомощным, тем более, что условия для экспериментальной работы у нас весьма отличались от английских. Сначала он был прикомандирован к кафедре микробиологии, а затем перешел на нашу кафедру агрохимии и биохимии. Я разделил с ним свой маленький кабинет и по вечерам мы взаимно

обогащали друг друга знаниями языков. Большинство реактивов для работы он выписывал из Англии. За год мы стали хорошими друзьями и впоследствии постоянно переписывались. В 1961 г. Ральф Купер стал преподавателем биохимии в Хатфильдском Колледже.

На Конгресс по микробиологии Ральф Купер ехал с сыном, Паулем, которому было 12 лет. На время Конгресса Пауль должен был жить у нас в Обнинске, вместе с моими сыновьями, старший из которых, Саша, мог говорить немного по-английски.

В начале июля пришло очередное письмо от д-ра Вольстенхолма.

«Дорогой д-р Медведев, — писал он, —

Мы не получили пока никаких новостей ни от Вас, ни от советских официальных лиц, но мы надеемся, что в этот период дело продвинулось вперед благоприятно для Вашего выезда в Англию и осуществления важной лекции для «Сиба Фоундейшн» и вашего участия в очень интересном симпозиуме в Шеффилде.

Я уезжаю в отпуск 28 июля и возвращусь в Англию лишь за день-два перед симпозиумом в Шеффилде. Я надеюсь, что Вы сообщите мне хорошие новости еще до моего отъезда. В любом случае, однако, мои сотрудники будут в контакте со мной даже в период моего отпуска.

Для вас будет резервирована комната в нашей гостинице на 2-3 сентября. Комната будет подготовлена для вас и в Шеффилде на период Симпозиума.

Если случится худшее из всего худшего, что можно ожидать, и Вам откажут в разрешении на приезд в Англию, хотя я не могу представить какой предлог может быть поводом к этому, — тогда мы все же надеемся получить рукопись Вашей лекции с необходимыми иллюстрациями перед Симпозиумом, с тем, чтобы эта лекция могла бы быть представлена и зачитана на том заседании Симпозиума, которое будет специально отведено для этого.

К этому времени я уже сдал русский текст лекции, около 40 страниц, для соответствующего оформления, без которого его не могло принять для пересылки ни одно почтовое отделение страны. Процедура такого

оформления с 1960 г. практически не изменилась. Получение разрешения на отправку в виде особой формы 103а требовало предварительного рассмотрения текста на Ученом Совете (с двумя рецензентами), Акта Комиссии о несекретности, решения Отделения АМН СССР, Международного отдела АМН СССР и Главлита. После этого выданное на отправку текста за рубеж разрешение распространялось и на английский перевод, удостоверить идентичность которого с русским текстом доверялось самому институту.

Неудача с попыткой добиться пересмотра прежнего решения о поездке через Государственный Комитет по науке и технике, оставляла для меня лишь одну возможность дальнейших усилий, — обращение в ЦК КПСС, в конечную и самую главную из всех инстанций для всех решений по зарубежным поездкам в капиталистические страны.

Секретариат ЦК КПСС, в отличие от всех других учреждений, обладает правом посылки за границу за любой самый короткий срок, даже немедленно. Мне был известен случай, когда один футболист, в котором срочно возникла необходимость в международном матче, был вызван и доставлен на самолете с курорта, где он отдыхал, оформлен через все инстанции, включая визу, и доставлен из Москвы в Англию, приехав на стадион непосредственно из аэропорта, и все за одни сутки, за 24 часа. Он играл в «сборной мира» против сборной Англии. Идея матча возникла как-то случайно и подготовиться к нему не успели. Англия, насколько я помню, выиграла. Но это, конечно, особый случай, футбол, игра, азарт, спортивный престиж. Может быть, сам председатель «Выездной Комиссии» смотрел этот матч на английском стадионе, или дома по телевизору. Это не лекция по геронтологии.

Предварительное обсуждение моего вопроса с некоторыми работниками ЦК КПСС, главным образом по телефонам, привело меня, наконец, в отдел, который в максимальной степени мог бы взять на себя решение

возникших проблем, в контакте с другими отделами. Это был Международный отдел ЦК КПСС по капиталистическим странам. Существует еще один Международный отдел, ответственный за проблемы, связанные с социалистическими странами востока и запада.

В самом конце июня меня принял Первый помощник Секретаря ЦК КПСС тов. Пономарева, возглавляющего этот отдел. Сам тов. Пономарев был в это время в отъезде, он сопровождал Президента Франции Де-Голля в его поездке по нашей стране. Помощник Секретаря ЦК, тов. В. С. Шапошников встретил меня очень приветливо, и наша беседа продолжалась больше часа. Он интересовался геронтологией, ее успехами, причинами отставания нашей страны в ряде направлений биологии. Подробно и внимательно ознакомился тов. Шапошников и с деталями всей истории с годичной лекцией. Твердо обещал принять все необходимые меры к исправлению положения и осуществлению визита и в случае нужды доложить об этом деле лично тов. Пономареву. После этого посещения ЦК КПСС у меня впервые возникло чувство уверенности, что все будет сделано и поездка в Англию состоится.

Однако в течение двух последующих недель никаких результатов не было заметно. Получив цитированное выше письмо Д-ра Вольстенхолма, я снова обратился к В. С. Шапошникову в письменной форме и одновременно послал фотокопию и перевод письма из Англии. В разговоре по телефону В. С. Шапошников сказал, извинившись, что у него пока не было достаточно времени, чтобы заняться моим делом, но снова пообещал сделать все возможное в ближайший период.

В конце июля приехал в Москву мой друг Ральф Купер. Я естественно рассказал ему о своих проблемах и, подробно обсудив ситуацию, мы решили, что мне наиболее целесообразно послать для гарантии экземпляр английского перевода лекции с ним, так как оформление ее отправки по официальной линии протекало очень медленно. Международный отдел АМН СССР направил

рукопись лекции сначала на отзыв в Институт геронтологии в Киев, а впереди был еще «Главлит», который не поторопишь. Купер обещал дома отредактировать перевод с точки зрения языка, перепечатать его снова на машинке, если будет много исправлений, и отдать в «Сиба Фоундейшн» в середине августа. Один экземпляр лекции он должен был выслать Д-ру Стрелеру. Бернард Стрелер участвовал в Симпозиуме, и я обратился к нему с просьбой зачитать мою лекцию в случае, если я сам не смогу приехать. По Биохимическому Конгрессу в Москве в 1961 г. я знал, что Б. Стрелер прекрасный оратор, и сможет наилучшим образом осуществить эту миссию.

Отправка текста лекции с оказией не была, конечно, в бюрократическом смысле «нормой взаимоотношений с иностранными фирмами». Но иного выхода у меня не было. Не обеспечить своевременное получение текста лекции моими английскими коллегами я не мог, это была бы в их глазах моя вина, мое банкротство. Ведь не поверит никогда разумный англичанин в реальность той процедуры для отправки научного текста, который я выше привел. Не поверит и будет думать, что я все придумал для того, чтобы оправдать собственную неудачу в подготовке лекции. А ведь я уже сообщил в Англию, что подготовка лекции завершена.

Ход событий показал, что я поступил правильно. Официальная процедура по срокам (и то только под моим нажимом) была следующей. Отзыв из Киева, из Института геронтологии, был получен в августе. К счастью, киевские эксперты не предлагали никаких изменений. Разрешение Главлита на отправку лекции за границу было выдано 4 сентября, и текст лекции был выслан в Англию 5 сентября, за день до лекционного заседания. В Англии он был получен 11 сентября, после того как Симпозиум уже закрылся.

В 1939 г. Н. И. Вавилов, которому было отказано в поездке в Шотландию на Генетический конгресс, президентом которого он был избран, послал текст своего

доклада неофициально, через своего болгарского друга Дончо Костова, отправлявшегося на Конгресс из Ленинграда. В тот период Н. И. Вавилов рисковал намного больше, чем я. Этот пример я считаю образцом для ученого, и поэтому нарушение иногда становящихся нелепыми инструкций не составляло для меня в данном случае моральной проблемы.

В середине августа я получил из Англии несколько листовок с объявлением о моей лекции. Эти листовки рассылались по научным центрам, Университетам и Колледжам Великобритании. Листовки крупным шрифтом объявляли:

10-я ЕЖЕГОДНАЯ ЛЕКЦИЯ
СИБА ФОУНДЕЙШН
ПО ПРОБЛЕМЕ СТАРЕНИЯ
БУДЕТ ПРОЧИТАНА
Д-РОМ Ж. А. МЕДВЕДЕВЫМ
ИЗ СССР
НА ТЕМУ
«МОЛЕКУЛЯРНЫЕ АСПЕКТЫ СТАРЕНИЯ»
во вторник 6 сентября 1966 г.
в лекционной аудитории № 1
Шеффилдского Университета
Лекция начнется в 8 часов вечера
Председатель заседания — Профессор Х. Н. Робсон
ДЛЯ ВСЕХ ИНТЕРЕСУЮЩИХСЯ
ВХОД СВОБОДНЫЙ

Не был он свободным лишь для самого лектора.

Одновременно с высылкой листовок, Заместитель директора «Сиба Фоундейшн» сообщал мне, что в качестве последней меры для обеспечения моего приезда в Англию они, совместно с обществом культурных связей «Британия—СССР», обратились в Советское Посольство в Лондоне с просьбой о содействии и сообщили в Британское Посольство в Москве, чтобы, в случае за-

проса визы на мой визит в Англию со стороны советских властей, виза могла бы быть выдана без промедления, связанного с обычной в таком случае перепиской.

Я снова послал эти материалы и одну из листовок в ЦК КПСС в Международный отдел, тов. Шапошникову, сопроводив их своим письмом. Ответа, однако, не последовало.

В конце августа пришло письмо от Ральфа Купера. Он сообщал, что корректирование текста лекции закончено и она в руках «Сиба».

> «...Заместитель директора «Сиба», — писал Купер, Д-р Реук послал телеграмму Б. Стрелеру, чтобы быть уверенным в его прибытии. Он также предложил мне приехать в Шеффилд, чтобы быть там вашим представителем и, в случае необходимости, дать объяснения вашего отсутствия. Так что все организовано как нужно...»

Приближался сентябрь и мои надежды на возможность поездки окончательно угасали. В. С. Шапошников, Первый помощник Секретаря ЦК КПСС, был в отъезде, в отпустке, начинать новый раунд обращений в высшие инстанции было уже поздно. Во мне росло возмущение тем отсутствием всякой законности вокруг столь важного аспекта прав человека и ученого, к которому во всем мире относят свободу зарубежных путешествий и международного сотрудничества. Когда мне стало ясно, что лекция состоится без ее автора, я решил отправить в Англию специальное заявление, в котором и объяснить причину моего отсутствия. Я подготовил такое «Заявление» за 6 дней до лекции и отправил его из Москвы с Международного Почтамта заказными экспресс-авиаписьмами с «Уведомлениями о вручении», для гарантии сразу трем лицам, д-ру Вольстенхолму, уже в Шеффильд, Председателю заседания, профессору Робсону, и Ральфу Куперу. Я просил их зачитать этот текст до или после лекции, когда это будет удобнее. Я не был вполне уверен, что эти мои письма достигнут Англии, но оказалось, что пропало только одно из них, два

других прибыли в Шеффилд 5 сентября, и «Уведомления о вручении» вернулись ко мне.

И вот наступил день 6 сентября, день, который мог бы стать днем триумфа любого ученого. С раннего утра я перевел свои часы на три часа назад, на время по Гринвичу. Моя лекция была на вечернем заседании. Утро было отведено для двух заседаний по проблемам старения растений. На одном из них я значился в качестве председателя. В Обнинске меня ждала, однако, более суровая действительность.

Осенью, как известно, все городские организации месяца два занимаются уборкой картофеля. И надо было так случиться, что именно 6 и 7 сентября очередь на уборку дошла до нашего отдела Общей радиобиологии и генетики, образованного четырьмя лабораториями. С утра на автобусе, вместе с сотрудниками своей лаборатории, я поехал за 25 километров в совхоз. В Шеффилде еще только готовилось первое утреннее заседание, кто-то вместо меня занимал председательское кресло, а мы к этому времени уже раздобыли корзины и начали сбор картофеля, двигаясь вперед и назад по выпаханной плугом борозде. Отделу отвели поле, гектара на два. Картофель нужно было собрать, отсортировать на крупный и мелкий и крупный погрузить в кузовы грузовиков. Мелкий шел на скотный двор. Закончили мы трудовой день часам к четырем. К этому же времени в Шеффильде заканчивалось второе утреннее заседание.

Обед в Шеффильде был назначен на 17 часов по Гринвичу. В Обнинске к этому времени у меня дома тоже собрались некоторые мои друзья. Обед в Шеффильде не был продолжительным, после него следовала лекция. Нам же в Обнинске некуда было торопиться, и мы просидели за беседой дольше. Когда по моим расчетам в Шеффильде могло быть зачитано мое заявление, я зачитал его и у себя дома своим гостям.

Дорогие коллеги и друзья!

Невозможность приехать в вашу страну и участвовать в международном симпозиуме по биологии старения была для меня огромным разочарованием. Мне особенно тяжело сознавать невозможность личного выступления с традиционной ежегодной лекцией по проблеме старения, оказавшись не в состоянии сделать то, что с таким успехом, начиная с 1957 года, сделали девять моих уважаемых предшественников. Подготовка этой лекции занимала почти все мои мысли, все мое время и все мои надежды в последние несколько месяцев, и эта работа давала мне огромное удовольствие и удовлетворение. И я с особым волнением ждал встречи с вами. Я чувствую глубокую благодарность к «Сиба Фоундейшн» и особенно к Д-ру Вольстенхолму и организаторам Симпозиума за их почетное приглашение и доверие, которые были большим стимулом в моей работе и дали мне возможность почувствовать важность этой работы.

И в этот великий день моей жизни я чувствую себя среди вас, несмотря на расстояние, которое отделяет меня от Главной лекционной аудитории Шеффильдского Университета.

«Сиба Фоундейшн» для развития международного сотрудничества в медицинских и химических исследованиях, представители этой организации в нашей стране, академики В. А. Энгельгардт и М. М. Шемякин, Британское Общество культурных связей с СССР, мои друзья и я сам сделали все возможное для осуществления этой поездки в Англию, но нелепая и унизительная система оформления деловых, научных и туристических зарубежных поездок и получения заграничных паспортов, еще существующая в нашей стране и основанная на законах противодействия в значительно большей степени, чем на законах сотрудничества, уничтожила результаты этих усилий. Эта многостадийная, многоканальная и иерархическая система на всех своих уровнях, снизу и до вершины, является одним из наиболее позорных пережитков прошлого недоверия к людям.

Но я очень надеюсь, что этот искусственный барьер для международного сотрудничества советских ученых с учеными других стран тоже должен стареть и умереть с течением времени, как любая вещь в этом мире. И я также надеюсь, что мое собственное старение будет немного медленнее, чем угасание этого недоверия. Это и есть главная основа моей надежды по-

сетить в будущем вашу страну, и геронтология — является могучей силой, увеличивающей реальность этих надежд.

Позвольте мне выразить мою глубокую благодарность моему другу д-ру Куперу за его помощь в редактировании и переводе текста лекции на английский язык, моему другу д-ру Стрелеру за зачтение этой лекции в Шеффильде и вице-канцлеру Шеффильдского Университета, профессору Робсону за его любезное согласие быть председателем на этом заседании.

Я особенно благодарю д-ра Вольстенхолма, директора «Сиба Фоундейшин», за его постоянную поддержку и помощь в течение всего времени, прошедшего после направленного им приглашения, за его письма Министру здравоохранения и Председателю Государственного Комитета по науке и технике, письма, к сожалению, оставшиеся без ответа. Действия д-ра Вольстенхолма показали мне ясный и незабываемый образец серьезного лидера эффективного научного сотрудничества. Благодарю всех вас, собравшихся для обсуждения этой лекции.

Хотя «Заявление» было получено в Англии в срок, зачитать его публично мои коллеги не решились. Впоследствии я узнал, что они беспокоились за меня. На заседании присутствовали газетные репортеры и, в случае публичного зачтения, текст «Заявления» мог появиться в широкой прессе.

7-го сентября, на следующий день после лекции, я получил международную телеграмму из Англии. Ее текст гласил:

«...Лекция прекрасно представлена и принята. Вся конференция разочарована вашим отсутствием. Шлем лучшие пожелания и надеемся на встречи в будущем. Вольстенхолм. Сиба».

Спустя несколько дней от Д-ра Вольстенхолма пришло более подробное письмо.

Дорогой Д-р Медведев, — писал он, —

Я только что возвратился из Шеффильда и хотел бы сообщить о всех событиях, связанных с вашей лекцией. Д-р Стрелер рассказал нам о вас, и из его введения к лекции чувствовалась глубокая симпатия к

вам. Он провел много часов с тем, чтобы сделать текст вашей лекции более компактным и во время лекции он часто повторял основные положения и делал комментарии для того, чтобы очень большая аудитория весьма компетентных в биологии и медицине слушателей наслаждалась каждой минутой лекции. Внимательная тишина в течение всей лекции и длительные аплодисменты показали, что аудитория блестяще приняла как весь материал, так и способ его представления.

После лекции было много комментариев и о том анализе вами многих проблем старения и намеченных в лекции перспективных исследований. Я думаю, что вы должны быть полностью удовлетворены реакцией аудитории. Была сделана полная магнитофонная запись всего заседания, и лента будет вскоре выслана Вам.

Д-р Купер выступил спокойно и трогательно в конце лекции, рассказав нам о ваших персональных качествах. Он показал нам вашу фотографию на экране.

Ваша лекция будет опубликована в трудах этого замечательного симпозиума.

Весь этот успех заставил нас еще больше сожалеть, что вы не смогли приехать. Обструкция, которую встретил ваш визит, несомненно не принесла никакой пользы ни вашей стране, ни науке в целом. Мы надеемся, что придет время, когда вы сможете встретиться здесь с вашими английскими друзьями и коллегами.

Перед лекцией был обед, на котором присутствовали: Проф. Робсон, Проф. Крон, Проф. Д. Джонс, Проф. Булхауз, Д-р Купер, Д-р Стрелер, Д-р Комфорт, Д-р Хилл и многие другие. Мы все стоя выпили за ваше здоровье, и я надеюсь, что вы уже чувствуете пользу этого!

Мы чувствуем глубокую благодарность и солидарность с академиком Энгельгардтом и другими, кто стремился преодолеть те трудности, которые некоторые недалекие официалы воздвигли на пути вашего визита. Будем надеяться, что эти усилия не пропадут и послужат началом создания условий для более свободных контактов между учеными в вашей стране и их коллегами в других странах.

Мы получили большее удовольствие от вашего доклада, так как он демонстрировал оригинальность и глубину. К сожалению, если говорить откровенно, многие из работ ваших соотечественников, с которыми

ранее нам приходилось сталкиваться, по общему мнению, намного ниже уровня мировой науки. Имеются, конечно, индивидуальные исключения, но Советский Союз несомненно смог бы сделать намного больший вклад в мировую науку и принести большую пользу людям, если бы ученые вашей страны могли свободно и без всяких препятствий общаться со своими коллегами во всех частях света. Создавая трудности на этом пути, Ваша страна, несомненно, проигрывает, и не только в уважении и престиже, но и для себя самой. Мы в «Сиба Фоундейшн» продолжим нашу работу по созданию лучших условий международного сотрудничества ученых.

С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш

Г. Е. В. Вольстенхолм

Почти одновременно с этим письмом я получил подробный отчет о заседании от Ральфа Купера. Затем пришли письма от Б. Стрелера, Председателя симпозиума, проф. Вулхауза, Вице-Канцлера Шеффильдского Университета проф. Робсона и от нескольких других участников симпозиума. Наконец в полной сохранности пришла магнитофонная лента заседания, продолжавшегося, судя по записи, около двух часов. Я мог с радостью убедиться, что Б. Стрелер действительно сделал прекрасное представление лекции, добавив в нее собственный опыт и талант оратора и ученого.

Пришло также и порадовавшее меня письмо от научного редактора шотландского издательства Оливер и Бойд в Эдинбурге. Это издательство готовило английский перевод несколько дополненной моей книги «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», вышедшей в Москве в конце 1963. Редактор издательства в Эдинбурге, м-р Беррилл, сообщал, что они приняли меры к тому, чтобы приурочить выход английского перевода книги к началу симпозиума в Шеффильде и смогли экспонировать сигнальные экземпляры книги для участников симпозиума.

Что можно прибавить к описанной здесь геронтологической истории? Всего через два дня после окончания

симпозиума, когда я еще остро переживал все связанное с ним, меня сразу привлекла набранная жирным шрифтом передовая статья в газете «Правда» от 11 сентября 1966 г., озаглавленная «Международные связи ученых». Статья давала ответы на многие мои вопросы и лила бальзам на мою душу. С удовлетворением я читал:

> «... Последние месяцы были на редкость богаты плодотворными встречами ученых мира... Огромный подъем, достигнутый в последнее время во всех областях знания, вызвал необходимость более тесного общения ученых. Широкое научное сотрудничество стало потребностью жизни... В наше время возможности в познании законов развития природы и общества непрерывно возрастают. А это привело к тому, что на повестку дня выдвигаются задачи грандиозного масштаба, которые затрагивают жизненные интересы всех государств... Весомый вклад в сокровищницу знаний внесли советские исследователи. Вместе с тем, они получили возможность изучать достижения зарубежных коллег, чтобы применить их в интересах дальнейшего развития советской науки и техники, успешного строительства коммунизма... Советские ученые посещают многие страны мира для чтения лекций, консультаций и совместных работ с зарубежными специалистами...»

Два месяца спустя я получил новое письмо от Д-ра Вольстенхолма. Помимо всего прочего, он писал:

> «...Вам наверное интересно узнать, что Академик Кириллин, к которому мы столь напрасно взывали в связи с вашим визитом, был недавно в Англии для того, чтобы получить Почетную степень и посетил здесь нашего Премьер-Министра. При этом Кириллин подчеркнул необходимость принять эффективные меры для развития культурных и научных связей между нашими странами. Он приближает тот день, когда вы сможете быть здесь!»

Я так и не понял, воспринял ли Д-р Вольстенхолм заявление Академика Кириллина серьезно, или же в этой его фразе был скрыт знаменитый английский юмор.

Сама лекция была опубликована к лету 1967 г. в очередном томе Симпозиумов Британского Общества экспериментальной биологии. «Сиба Фоундейшн» оплатила изготовление и высылку мне 200 отдельных оттисков лекции.

Но главный сувенир, оставшийся у меня от всего происшедшего — это магнитофонная лента заседания, хранящая запись вступительной речи Профессора Робсона, вступительную речь и лекцию, зачитанную Бернардом Стрелером и теплые слова Ральфа Купера. По всей этой записи вполне можно совершенствовать английское произношение.

5. «Планшет» Ч. Дарвина. Медаль Г. Менделя. Премия Дж. Кимбера

В 1959 г., во всем мире торжественно отмечался 100-летний юбилей опубликования в Англии классической работы Ч. Дарвина *«Происхождение видов»*, положившей начало современному этапу в развитии биологии. В связи с этим юбилеем Немецкая (общегерманская) Академия естественных наук *(Deutcshe Akademie der Naturforscher Leopoldina)*, центр которой находился в Германской Демократической Республике, учредила особую Премию имени Ч. Дарвина, символизированную в форме четырехугольной медали-планшета и Почетного диплома. Было установлено 15 премий, которые Академия присудила тем ученым мира, заслуги которых в развитии эволюционного учения и идей Дарвина были наибольшими. В Англии Дарвиновскую премию получил Дж. Холдейн, один из классиков современной биологии и теории эволюции, в США — Г. Мёллер, открывший искусственный мутагенез, то есть процесс усиления естественной изменчивости, в Австрии К. Чермак, один из создателей генетики, вторично открывший в начале века законы наследственности, ранее открытые Г. Менделем, но забытые.

Но относительно наибольшее число Дарвиновских премий было присуждено советским ученым. Немецкая Академия присудила Планшет Дарвина четырем советским исследователям. И это были действительно наиболее достойные. Это были ученые, имена и работы которых известны биологам всего мира.

Самым заслуженным из них был профессор Сергей Сергеевич Четвериков, создатель популяционной генетики, науки, объединившей около 40 лет назад дарвиновскую теорию эволюции с генетикой, наукой о наследственности. С. С. Четвериков, справедливо считающийся «отцом» отечественной генетики, создатель первой школы советских генетиков еще в двадцатых годах, лежал в это время больной и слепой у себя дома в г. Горьком. Он уже несколько лет жил здесь в безвестности и нищете, обретя покой после многочисленных преследований, увольнений, поношений, начавшихся еще в 1928 г. арестом и высылкой на Урал. Особенно тяжело отразился на его судьбе 1948 год, год разгрома советской генетики.

Вторым советским ученым, удостоенным этой награды, был Иван Иванович Шмальгаузен, блестящий теоретик и крупнейший зоолог-эволюционист, создатель многих современных концепций эволюционного учения, автор десятка книг и более двухсот научных работ. Академик, один из создателей Института эволюционной морфологии и в последующем его директор, заведующий кафедрой дарвинизма в Московском Университете, И. И. Шмальгаузен в 1948 г. был объявлен менделистом-морганистом, что действительно соответствовало его убеждениям истинного дарвиниста. Но после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. он был уволен со всех должностей, книги его подлежали изъятию из библиотек и уничтожению. Долгое время имя его нельзя было даже цитировать. К 1959 г. И. И. Шмальгаузен занимал скромную должность рядового научного сотрудника в когда-то руководимом им институте.

Третьим советским ученым, отмеченным Дарвинов-

ской медалью, был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, ученик и последователь С. С. Четверикова, один из создателей радиационной генетики и учения о микроэволюции, талантливый генетик, биофизик, радиобиолог и зоолог. В 1959 г. он работал в Уральском филиале Академии Наук, после того, как в 1955 г. вместе с группой своих сотрудников он вышел из заключения, в котором он вторично сделал свою научную карьеру, пройдя путь от тюрьмы и лагерного рабочего до научного руководителя секретной радиобиологической лаборатории на атомном «объекте».

И, наконец, четвертым ученым — лауреатом той же премии стал Член-корреспондент АН СССР, Николай Петрович Дубинин, крупный специалист в области радиационной и популяционной генетики. В 1948 г. он, как известно, был объявлен лидером морганистов и подвергнут преследованиям. В 1958 г. ему удалось организовать институт генетики и цитологии в Новосибирске, но в одной из речей Н. С. Хрущев обрушил на Н. П. Дубинина поток резкой критики и как раз в период Дарвиновского юбилея, по прямому указанию Н. С. Хрущева, Н. П. Дубинин был снят с поста директора этого института.

Всех этих ученых Немецкая Академия естественных наук приглашала приехать в Берлин для участия в Юбилейной Сессии и вручения им Дарвиновских премий

Но 1959 год был, как и 1948 трудным для советской биологии. В самом конце 1958 г., по личному распоряжению Н. С. Хрущева, была расформирована за критику Т. Д. Лысенко редакционная коллегия «Ботанического журнала» и на генетику и ее представителей снова начались гонения. Естественно, что в этих условиях ни один из премированных советских ученых не смог прибыть в Берлин, чтобы получить заслуженную награду. Вопрос о поездке в ГДР ни для кого из них даже серьезно не рассматривался.

Не получив ответа от Академии Наук СССР, Президент Немецкой Академии, после окончания торжеств, сам приехал в Москву, привез медали и дипломы для того, чтобы организовать процедуру торжественного их вручения в Посольстве ГДР. Но Академия Наук не согласилась и на это. Представитель Иностранного отдела АН СССР принял от Президента Немецкой Академии медали и дипломы для Н. В. Тимофеева-Ресовского и С. С. Четверикова, запечатал их в пакеты и отправил по почте каждому из них. За С. С. Четверикова получил пакет с медалью его брат. Классик советской и мировой генетики был похоронен в г. Горьком незадолго до прибытия заказного пакета, означавшего признание его научных заслуг международной научной общественностью.

Н. В. Тимофеев-Ресовский работал в то лето в Миассово, на экспериментальной базе Уральского филиала АН СССР. Один из его сотрудников, увидевший в Свердловском филиале прибывший пакет, бросил его в рюкзак и привез в Миассово, где лауреат и смог поздравить сам себя с полученным по почте признанием.

Этим событием и ознаменовалось для советской науки празднование 100-летнего юбилея открытий Дарвина. Четверо выдающихся советских ученых были насильственно лишены заслуженного ими международного чествования, события, которое лишь, как исключение может произойти дважды в жизни.

И тем не менее, никто из советских граждан не мог быть сколь либо удивлен таким исходом этого необычайного для любой страны события. Именно такой исход его мог быть предсказан каждым из нас. Он считался естественным, но, конечно, естественным для той системы оформления и рассмотрения зарубежных поездок граждан, который существовал в 1959 г. в СССР. Для этой системы было характерно именно отсутствие всякой законности, равных прав граждан, элементарного доверия. Политический характер всех процедур до конца 1959 г. не скрывался, и только в 1960 г. была отме-

нена система, по которой, помимо массы разных документов, анкет, характеристик, оформлений для заграничной поездки, беспартийный гражданин должен был получить не менее двух поручительств от членов партии с достаточным стажем, удостоверяющих его благонадежность.

Но вот прошли пять лет. В октябре 1964 г. Н. С. Хрущев ушел в отставку и с этим совпал конец бесправного положения генетики. «Безраздельное господство мичуринской биологии» кончилось. Из четырех лауреатов премии Дарвина встретили этот поворот только двое, И. И. Шмальгаузен, не дождавшись его, разделил судьбу С. С. Четверикова. И хотя генетиков классической школы осталось к 1964 г. в СССР уже немного, каждый из них стал героем дня, каждый начал работать за троих. Нужно было создавать заново почти все, лаборатории, кафедры, курсы, учебники, институты. Нужно было воссоздать быстрейшими темпами большую и важнейшую отрасль знания и внедрить ее в сельское хозяйство, в медицину, в просвещение.

Н. В. Тимофеев-Ресовский, блестящий педагог и пропагандист генетики, один из лучших в мире знатоков ее, получил широкое поле деятельности. Его энергия не знала предела. С Урала он еще в начале 1964 г. переехал с группой своих сотрудников в Обнинск, в Институт медицинской радиологии АМН СССР и за короткий срок создал здесь большой центр исследований в области радиационной, теоретической и медицинской генетики. Он стал признанным лидером большой школы советских биологов. Работа его протекала в бешеном темпе, с утра и до поздней ночи. Не было ни одного приглашения о лекциях, докладах, курсах из любого провинциального учебного заведения, из любого института, которое он бы не принял и не выполнил. Его лекции и курсы слушали студенты Москвы и Ленинграда, Калуги и Новосибирска, Красноярска и Еревана. Под Москвой, в летнем лагере московских комсомольцев он организует ежегодную летнюю школу по теорети-

ческой биологии, где могли повышать уровень своих знаний и научного мышления каждое лето по 200-250 молодых ученых. Я не знаю никого, кто отдался делу восстановления советской биологии с такой энергией и страстью. Меньше чем за год имя Н. В. Тимофеева-Ресовского стало одним из самых популярных среди биологов и не только среди биологов.

1965 год был знаменателен для советской науки не только возрождением биологии и генетики. В 1965 году исполнялось ровно 100 лет с того времени, когда чешский ученый Грегор Мендель опубликовал свою классическую работу о законах наследственности, появление которой генетики считают днем рождения своей науки. Открытие, сделанное Г. Менделем, общепризнано считается равнозначным открытию Ч. Дарвина, ибо только после открытия законов наследственности теория эволюции смогла стать основой современной биологии. 100-летний юбилей открытий Г. Менделя был знаменательной датой не только в Чехословакии. Организация Объединенных Наций включила его в число дат, которые должны торжественно отмечаться всем цивилизованным миром, как события, повлиявшие на прогресс человеческого общества. Имя Г. Менделя в этом ряду стояло рядом с именами Коперника, Леонардо-да-Винчи, Ньютона, Галилея и Дарвина.

Первым в Советском Союзе отметило Менделевский юбилей Московское общество испытателей природы, единственное из научных обществ, которое в годы преследований генетики не отреклось от Менделя. В феврале, ровно в столетнюю годовщину со дня выхода в свет первой работы Менделя о законах наследственности, Московское общество испытателей природы устроило в Московском Университете юбилейное заседание, на котором доклад о жизни и трудах Грегора Менделя был предложен Н. В. Тимофееву-Ресовскому. И он сделал его с обычным для него темпераментом и талантом. На этот доклад специально приехали представители Чехословацкой Академии Наук и сотрудники

Чехословацкого посольства и он был широко освещен в чехословацкой прессе. Это было понятно, так как после стольких лет самого грубого глумления над именем Менделя в СССР, глумления остро задевавшего национальную гордость чехов, заседание с докладом Н. В. Тимофеева-Ресовского было первым официальным, публичным, наглядным признанием того, что с позорным периодом поношений великого ученого покончено.

Но естественно, что главные международные торжества, связанные с юбилеем, планировались на родине Г. Менделя, в г. Брно, где Мендель и проводил свои исследования во дворике монастыря. Здесь в Брно по решению Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Чехословацкой Академии Наук и Международной Ассоциации генетики созывался международный мемориальный симпозиум памяти Менделя. Он был намечен на август 1965 г., так как массовые международные научные съезды принято созывать летом, или в начале осени. В начале 1965 г. были учреждены особые медали Г. Менделя, которые вместе с дипломами Чехословацкая Академия Наук присудила двадцати выдающимся генетикам мира. И каждый из двадцати лауреатов медали Менделя был приглашен в Чехословакию для торжественного вручения ему медали и для доклада на мемориальном Симпозиуме о тех проблемах, за разработку которых гость Чехословацкой Академии и был удостоен столь высокой чести. Доклады лауреатов премии Менделя и составляли первую часть мемориального симпозиума. Вторым отделением программы был научный симпозиум по мутациям, планировавшийся в Праге, и всех генетиков мира приглашали приехать в Чехословакию для участия в этих заседаниях и связанных с ними национальных торжествах.

Почетная медаль Менделя была присуждена и ряду советских генетиков. Для вручения ее были приглашены в Чехословакию специальными письмами Прези-

дента Чехословацкой Академии Наук, проф. Ф. Шорма советские ученые: Б. Л. Астауров, Н. П. Дубинин, М. Е. Лобашев, Н. В. Цицин и Н. В. Тимофеев-Ресовский. Каждое из приглашений, направленных Ф. Шормом, было адресовано не только лично ученому, но и отдельно в Президиум Академии Наук СССР.

Ведущие научные центры нашей страны приняли решение об участии в обоих симпозиумах (в Брно и Праге) и предполагалось, что в Чехословакию приедет около 100 советских ученых. Даже ряд недавних лысенковцев, много лет яростно обвинявших Менделя в реакционности и мракобесии и применявших слово «менделист», как самое тяжкое обвинение, решили добиваться поездки на менделевский симпозиум, хотя из Чехословакии их, конечно, никто не приглашал.

Узнав о награждении Н. В. Тимофеева-Ресовского медалью Менделя, мы, сотрудники возглавляемого им отдела, конечно, очень обрадовались. Удостоенный еще в тридцатых годах медалью Спаланцани, наш шеф стал лауреатом трех почетных международных научных премий. Однако сам Н. В. Тимофеев-Ресовский сначала как-то мало поверил, что разрешат ему поехать в Чехословакию на эти столь волнующие для каждого генетика торжества.

И начало действительно не было обнадеживающим. Иностранный отдел АН СССР принял для оформления все приглашения Чехословацкой Академии, кроме того, которым приглашался Н. В. Тимофеев-Ресовский. Главный Ученый секретарь АН СССР, академик Н. М. Сисакян, бывший еще совсем недавно ярым лысенковцем и противником «реакционного менделизма», направил Ф. Шорму письмо, в котором сообщал, что Н. В. Тимофеев-Ресовский работает в институте, который входит в систему Академии медицинских наук СССР и что поэтому приглашения для него следует направлять в адрес его ведомства. Это была бюрократическая отписка, так как Академии Наук СССР Правительство СССР предоставило право создавать межведомственные

научные делегации и оформлять выезды за границу любых ученых.

Чехословацкая Академия повторила приглашение и соответствующие письма прибыли, как в адрес Президента АМН СССР, так и директору нашего института. Академия медицинских наук СССР тоже готовила небольшую делегацию в Чехословакию на туристической основе и в состав этой делегации входили несколько сотрудников нашего института, представивших доклады на симпозиум по мутациям в Праге. И было поэтому естественно, что когда в АМН СССР решался вопрос о составе этой делегации, то в нее был включен и Н. В. Тимофеев-Ресовский и его супруга Елена Александровна, тоже генетик, соавтор многих его работ.

Когда формировались делегации на симпозиумы в честь Менделя — всякий понимал, что тут уже не до старых грехов. Всех настоящих генетиков когда-то преследовали, снимали с работы, ругали в печати. Некоторые исключались из партии. Некоторые арестовывались, высылались. «Чистых» анкет и автобиографий не было ни у кого, кроме лысенковцев, увешанных орденами и всякими анкетными почестями. И если бы при поездке в Чехословакию отбор, как это делается в обычных случаях, шел по анкетно-биографическим показателям — некому было бы ехать. Был бы очередной международный скандал. Но ведь и сам Г. Мендель, когда-то объявленный «реакционным немецким монахом на службе германского расизма», теперь был реабилитированным великим сыном братского чешского народа, гордостью мировой науки. Перед лицом этого превращения, хотя бы на период юбилея, верным последователям Менделя следовало отпустить старые грехи.

Это «отпущение грехов» для Н. В. Тимофеева-Ресовского пришло в наш институт в форме маленькой бумажки в четверть тетрадного листа. На этой крохотной печатной формочке, подписанной Зам. нач. Международного отдела АМН СССР В. Г. Захаровой, директору института предлагалось подготовить и выслать в АМН

СССР «Выездные дела» на Н. В. Тимофеева-Ресовского и Е. А. Тимофееву-Ресовскую. Другая такая же бумажка с той же подписью была адресована в медсанчасть и в ней предписывалось провести медицинское освидетельствование намеченных к выезду кандидатур и представить письменное заключение об их здоровье. Вслед за этим пришли и анкеты «Выездного дела».

В социалистические страны Европы оформление поездок происходит несколько проще чем в капиталистические. Отъезжающему требуется представить не 12, а 6 фотокарточек, заполнить не 2, а одно «Выездное дело», к которому нет необходимости прикладывать копии метрических свидетельств на детей и копию брачного свидетельства. Но характеристика по той же форме нужна и она должна быть также заверена и утверждена на заседании партбюро или парткома и затем райкома КПСС, а в условиях маленького города, горкомом и обкомом КПСС. Анкеты «Выездного дела» идут в Иностранный отдел ведомства, а «характеристика» — в партком, горком и затем в обком. И если затем она соединяется с «Выездным делом», оно, оплодотворенное, начинает развиваться дальше.

С непривычки Н. В. Тимофеев-Ресовский и его супруга очень долго трудились над заполнением длинных анкет. На все вопросы следовало отвечать полностью. Нужно было перечислить всех родственников, живых и покойных, детей, родителей, братьев и сестер. А оба выросли в многодетных семьях. И не просто перечислить, а указать, когда родился и умер, где родился и умер, где работал, кем работал и последнее местожительство и последний служебный адрес каждого. Нужно было указать все собственные места и даты работы, а к 65 годам таких сведений набегает немало. Нужно перечислить все поездки за границу, даты, сроки, с какой целью, а ведь оба прожили за границей почти 20 лет. Наконец все закончено, получено и медицинское заключение, согласно которому у обоих генетиков «отклонений от нормы нет».

После этого Н. В. Тимофеев-Ресовский начал подготовку двух докладов, один из которых «Генетика дрозофилы», был включен в программу пленарных мемориальных заседаний в Брно, другой, «Индукция мутаций» нужно было делать в Праге. Оба доклада следовало произносить на английском языке.

«Выездные дела» ушли в АМН СССР, а проекты «характеристик» в партийный комитет института. И здесь возникла первая трудность. Секретарь партийного комитета, фармаколог К. С. Шадурский, отказался ставить на ней свою подпись, хотя большинство партийного комитета утвердило характеристику Н. В. Тимофеева-Ресовского. Но, к счастью, в июне К. С. Шадурский убыл в отпуск и в его отсутствии и директор, заместитель секретаря парткома и председатель местного комитета характеристику подписали и она ушла вслед за другими в горком КПСС. Завершив круг, через обком КПСС и некоторые другие областные службы, несколько других характеристик прибыли в АМН СССР, соединились здесь с «Выездними делами» и двинулись дальше, в Министерство здравоохранения СССР, а оттуда в Международный отдел Государственного Комитета по науке и технике, который со своим «Решением» передал их в следующую инстанцию, в ЦК КПСС.

Но никто в институте еще не знал, что среди всех этих характеристик, слившихся из разных учреждений в общий поток, впадавший в большой дом на Старой площади в Москве, не было наиболее важных, на Н. В. Тимофеева-Ресовского и его супругу. Эти характеристики из Калужского обкома КПСС не поступили в АМН СССР, но и не вернулись в институт. Сотрудники отдела генетики в нашем институте лишь случайно узнали, что «Выездное дело» на Тимофеева-Ресовского не продвинулось в Министерство здравоохранения и не оформляется.

А в это время как раз прибыли из Чехословакии готовые отпечатанные Программы Симпозиумов, рассылавшиеся по всему миру. В Программе стояли доклады

Н. В. Тимофеева-Ресовского и, кроме того, он был назначен председателем одного из заседаний, в среду, 11-го августа. В это же время пришло письмо от председателя Оргкомитета Симпозиума, который просил Н. В. Тимофеева-Ресовского сделать еще один, третий доклад по проблемам эволюции. Он писал, что благодаря участию в Симпозиумах Н. В. Тимофеева-Ресовского они надеются привлечь к заседаниям большее международное внимание. Одновременно Президент Чехословацкой Академии наук Ф. Шорм, не получив от Н. В. Тимофеева-Ресовского подтверждения о том, что он обязательно приедет, вернее заполненных анкет с указанием, в каком отеле он предпочитает остановиться и в каких визитах, торжествах и экскурсиях будет участвовать, снова обратился с письмами к Президентам академий АМН СССР и АН СССР и к директору нашего института с просьбой помочь Н. В. Тимофееву-Ресовскому приехать в Чехословакию, так как по его словам «это значительно повысит научный интерес к симпозиуму многих ученых». Вслед за рассылкой Программы симпозиумов, Н. В. Тимофеев-Ресовский начал получать письма от своих многочисленных зарубежных друзей, выражавших радость скорой встречи в Брно.

Однако дело с оформлением «разрешения на выезд» не продвигалось. В связи с этим группа заведующих лабораториями нашего института в начале июля 1965 г. обратилась со специальным письмом в ЦК КПСС. Письмо было послано в Секретариат ЦК, в отдел науки ЦК и в Международный отдел ЦК по социалистическим странам. В письме было рассказано о роли Н. В. Тимофеева-Ресовского в возрождении советской генетики, о премии Менделя и полученных им приглашениях, о заинтересованности чехословацких ученых в его приезде и о фактах волокиты и недопустимой неясности при оформлении его поездки на Менделевские торжества. Письмо было составлено достаточно обосновано и игнорировать его было нельзя. В письме указывалось, что оформление «Выездного дела» «застряло» в Ка-

лужских областных организациях. Наверное поэтому письмо и было переправлено из Отдела науки ЦК в Калужский обком КПСС. По-видимому, Калужских руководителей попросили при этом разобраться в чем дело. Разбор, однако, пошел по другой линии, по линии выяснения, кто такие авторы письма, и почему они вмешиваются в это дело.

Но Международный отдел ЦК не переадресовал письма обратно в Калугу. Он взялся за это дело сам и с весьма благожелательных позиций. Ответственный за Чехословакию сотрудник этого отдела твердо заверил представителя нашего института, что Н. В. Тимофеев-Ресовский поедет в Чехословакию. Дело-то в общем было несложное, виза для поездки в Чехословакию не требовалась и при желании ЦК КПСС мог обеспечить выезд в Чехословакию за несколько часов. И мы были все уверены, что сделанное обещание не останется «колебанием воздуха».

Вскоре наиболее многочисленная группа отъезжавших в Чехословакию за свой счет «научных туристов», получив удостоверения, выехала в Брно за несколько дней до начала Симпозиума поездом. Делегаты от СССР, в основном академики АН и ВАСХНИЛ, отправились в Чехословакию за счет ведомств и академий самолетом Аэрофлота примерно за сутки до начала заседаний. Одновременно с ними вылетали за счет Чехословацкой Академии почетные гости академии, лауреаты медали Менделя и докладчики мемориального симпозиума. Только один из них, Н. В. Тимофеев-Ресовский, вместе с женой в тот же день поехал совсем в другом направлении, на Урал, в местечко Миассово, туда, где много лет подряд в трудные для нашей генетики времена собирал он каждое лето во славу Г. Менделя подпольные всесоюзные генетические симпозиумы, которые стали первой научной школой для большого числа молодых ученых.

В Брно советским и всем другим лауреатам медали Менделя она была вручена в торжественной обстанов-

ке, в храме, где Мендель много лет работал как ученый и служил как священник, рядом с небольшим участком, где он проводил свои опыты с растениями. Медаль же, на которой было вычеканено имя Тимофеева-Ресовского, осталась у Президента Чехословацкой Академии Ф. Шорма. Он не стал передавать ее представителю делегации для вручения в СССР. «Раз вы не смогли обеспечить приезд Тимофеева-Ресовского, я не могу передать вам его медаль. Чехословакия вручит ее лауреату на своей территории, в Чехословацком Посольстве в Москве, в соответствующей торжественной обстановке».

Прошло несколько месяцев и наступил декабрь 1965 года. В один из морозных дней в кабинет Тимофеева-Ресовского прибежал помощник директора института и сообщил, что накануне вечером была телефонограмма из Москвы из АМН СССР и что сегодня, ровно в 15-30 Тимофееву-Ресовскому надлежит прибыть в Чехословацкое посольство для вручения Медали Менделя и Почетного Диплома Чехословацкой Академии наук.

До назначеного времени оставалось три часа, а до Москвы от института 109 километров. На помощь пришел заместитель директора по хозяйственной части. Он согласился выделить для поездки в Москву старый «Москвич», который, ввиду ветхости, уже не использовался для транспортировки руководящих кадров. Тимофеев-Ресовский мигом собрался, с трудом втиснулся в машину, и я тоже сел рядом с ним. Нельзя было отправить его одного, а со стороны администрации института никто сопровождать лауреата в этот день не мог. Но Николай Владимирович, несмотря на нехватку времени, настоял на том, чтобы сначала заехать за несколько километров, в город, домой. Все же он ехал в дипломатическое представительство, нужно было надеть черный костюм, галстук и прочее. В рабочем лабораторном костюме на такой торжественный прием являться было нельзя, там мог присутствовать Посол, председатели АМН СССР, приглашенные Посольством ученые, может быть даже председатель Чехословацкой Академии.

Но поездка оказалась не из легких. Машина по обледенелому шоссе шла не быстрее 40 километров в час. Стекла в кабине плотно не закрывались, нас продувало жгучим морозным воздухом. На 70-м километре от Москвы, там, где Московская область соединяется с Калужской, нас остановили. Путь был закрыт ветеринарным шлагбаумом. В Калужской области был ящур, пропускали лишь те машины, у которых была справка о прохождении дезинфекции колес. А дезинфекцию проводили на 90-м километре от Москвы возле Балабаново. Мы поехали назад в Балабаново, прошли дезинфекцию. Но оказалось, что справку о том, что мы прошли дезинфекцию можно было получить и на 105-м километре от Москвы, рядом с Обнинском. Начинай путь сначала. Но времени уже не было. Мы сошли с машины и бросились на станцию. На наше счастье очень скоро прибыла электричка и мы доехали до Москвы в теплом вагоне, прибыв на Киевский вокзал за 20 минут до назначенного времени. Такси доставило нас к зданию Посольства почти точно в срок. Мы вошли в здание, но в холле приглашенного для вручения медали лауреата никто не встречал. Дежурный «привратник» тоже ничего не знал. Я начал звонить по телефонам. Наконец, после нескольких звонков, удалось узнать, что вручение медалей и прочих премий входит в компетенцию 2-го Секретаря Посольства ЧССР, Ярослава Никла. Я позвонил ему, но его на месте не было. Мы подождали минут двадцать и уже подумывали об уходе, но М-р Никл прибыл и я смог сообщить ему по телефону, что лауреат медали Менделя ждет его в холле. Он спустился вниз и повел нас в другое здание, предназначенное, по-видимому, для приемов. Мы вошли в огромный зал для банкетов и встреч. Зал был в беспорядке. Накануне вечером здесь несомненно был большой банкет и еще не было прибрано. В воздухе еще чувствовался острый запах прокисшего салата и винного перегара. Мы поскорее ушли в небольшое боковое помещение, сели за столик, обменялись несколькими

фразами и сразу перешли к главной процедуре. Ярослав Никл встал, Тимофеев-Ресовский и я тоже. Затем Никл зачитал адрес Президента Чехословацкой Академии наук и вручил лауреату медаль и диплом. Я тепло поздравил лауреата и предложил распить по этому поводу бутылку вина. Никл вышел и вскоре вернулся с бутылкой французского вина и бокалами. Мы выпили в честь юбиляра и с полчаса побеседовали о разных делах. Затем, пожелав Никлу успехов в его деятельности, мы покинули Посольство. К вечеру этого же дня Тимофеев-Ресовский был уже дома, где мы и отпраздновали это незабываемое событие в жизни ученого.

Прошло всего несколько дней и судьба приготовила Н. В. Тимофееву-Ресовскому новый сюрприз. В конце декабря 1965 года из США пришло заказное авиаписьмо с печатями Национальной Академии Наук в Вашингтоне, адресованное Н. В. Тимофееву-Ресовскому. Адресат был в это время в кратковременном отъезде и его супруга Елена Александровна, получившая письмо, прочитала его группе коллег, чтобы посоветоваться. Письмо было от М-ра Гаррисона Брауна, иностранного Секретаря Национальной академии.

В этом письме Браун сообщал, что Совет Национальной академии США принял решение о присуждении Н. В. Тимофееву-Ресовскому Международной Кимберовской премии, «За выдающийся вклад в генетику». Премия присуждалась Тимофееву-Ресовскому за его работы в изучении мутаций. «Премия, — сообщал Браун, — состоит из золотой медали и денежной награды в 2000 долларов. И медаль, и денежная премия по традиции вручаются ежегодно на специальном премиальном заседании Национальной академии ее Президентом». Такое заседание приурочено к ежегодной конференции академии в Вашингтоне в апреле. Иностранный Секретарь сообщал также, что Президент Национальной Академии США, проф. Фредерик Зейц в специальном послании от 9 декабря 1965 г. информировал Президента Академии Наук СССР проф. М. В. Келдыша

о решении Совета Национальной Академии США и просил М. В. Келдыша передать Тимофееву-Ресовскому официальное приглашение Национальной Академии приехать в США 25-28 апреля для участия в ежегодной конференции и вручения ему премии. Расходы по этой поездке Национальная Академия принимала на себя.

Никто из нас, сотрудников отдела, к сожалению, ничего не знал о Кимберовских премиях, об их статуте, характере и пр. Нобелевские премии известны всем, а о Кимберовских мы слышали впервые. Когда через два дня приехал сам лауреат, то оказалось, что и он об этой премии ничего не знает. Но все равно, конечно, и он и мы были рады событию. Каждый из сотрудников отдела пытался в последующие дни узнать что либо об этой премии, но это было не просто. Однако, когда о премировании Тимофеева-Ресовского узнал его старый друг Б. Л. Астауров, он вспомнил, что в период поездки в Брно на Менделевский симпозиум он видел в Музее Менделя стенд с надписью «Лауреаты Кимберовских премий».

В этом музее было в период Симпозиума два больших приема и у участников симпозиума соотвественно должно было быть много фотографий, сделанных в залах музея, прикрепленными к Симпозиуму фотографами и коллегами. Просмотр нескольких фотоколлекций, наконец, дал результат. На одной фотографии была видна часть Кимберовского стенда. Можно было различить очертания большой барельефной медали с изображениями Дарвина, Менделя, Моргана и Бетсона и несколько фотографий лауреатов премии. Виден был портрет Курта Штерна — крупного специалиста в области генетики человека, Г. Мёллера — открывшего радиационный мутагенез, Г. Бидля — создателя биохимической модели работы гена. Характер премии таким образом прояснялся и уровень лауреатов тоже. Достаточно сказать, что и Мёллер и Бидл были также и лауреатами Нобелевской премии. Дело было,

следовательно, серьезное, более серьезное, чем прежние уже потому, что оно не было связано с юбилеем.

Авиа-письмо из США идет до Москвы обычно около 7-9 дней. М. В. Келдыш должен был получить послание Президента Национальной Академии США Ф. Зейца в середине декабря. Однако и к концу декабря никаких признаков реакции на него еще не было. Во всяком случае до Обнинска они не дошли. Мы все были уверены, что академик М. В. Келдыш, лично знавший Н. В. Тимофеева-Ресовского, прежде всего пришлет ему поздравительную телеграмму. Но прошла половина января 1966 г., а из канцелярии Президента АН СССР не поступало никаких свидетельств о послании Ф. Зейца. А между тем сроки Ежегодной конференции Национальной Академии США приближались. Кроме того, Н. В. Тимофееву-Ресовскому нужно было отвечать на письмо Г. Брауна, а для этого нужно было знать хотя бы содержание послания Президента Академии. Когда стало ясно, что молчание АН СССР столь длительного характера могло быть связано лишь с пропажей письма Ф. Зейца, Н. В. Тимофеев-Ресовский написал личное письмо академику Келдышу с запросом по этому делу. Он сообщал М. В. Келдышу об информации, полученной от Г. Брауна и просил прислать копию письма проф. Зейца, если оно прибыло в АН СССР.

В один из моих еженедельных библиотечных визитов в Москву Николай Владимирович попросил меня передать это письмо для Келдыша в Президиум АН СССР.

Секретарь академика М. В. Келдыша, почтенная дама, сидящая возле его кабинета в старинном особняке на Ленинском проспекте, немедленно, прямо при мне открыла и прочитала «личное» письмо Тимофеева-Ресовского. После этого она вернула его мне, хотя М. В. Келдыш, как мне было известно, был у себя в кабинете. Даже не глядя в журнал регистрации почты Президента, она сказала, что с письмом Тимофеева-Ресовского следует обращаться в другое здание, в Иностранный

отдел. Я пытался возражать, стараясь убедить секретаря Келдыша, что письмо Н. В. Тимофеева-Ресовского по своему характеру адресовано лично М. В. Келдышу и никому другому передавать я его не могу. Я пытался также уверить ее, что письмо Президента Американской Академии не может не быть зарегистрировано в почте Президента АН СССР. Но все было тщетно. Я двинулся в Иностранный отдел.

Но и в Иностранном отделе в книге регистрации иностранной корреспонденции письмо Президента Американской Национальной Академии от 9 декабря 1965 г. не значилось и секретарша Заведующего ничего о таком письме не знала. Она посоветовала мне обратиться в сектор капиталистических стран, в группу по США. Сотрудник этой группы, ведавший перепиской, тоже ничего о письме проф. Ф. Зейца не знал. Однако он вспомнил, что как раз в период с 15 по 20 декабря он был в отъезде и его замещал другой сотрудник. Этого заместителя удалось найти. И он, наконец, оказался в курсе дела, ему врезались в память те фразы письма проф. Зейца, где говорилось о 2000 долларов. Письмо Ф. Зейца, по его словам, было сразу передано Главному Ученому Секретарю АН СССР академику Н. М. Сисакяну, который и должен был доложить о нем Президенту АН СССР.

Н. М. Сисакян, которого я счастливо настиг в момент его прибытия в здание Президиума АН СССР, тоже не сразу вспомнил об этом письме тем более, что и его секретарша не зарегистрировала письмо, как поступившее в АН СССР. (Зачем брать ответственность по такому делу?)

Но после того, как я познакомил Н. М. Сисакяна с текстом письма М-ра Брауна, память его начала просветляться и, потерев лоб, он, вспоминая, произнес: «... Да, было такое письмо Зейца, но мы переслали его Н. Н. Блохину в Академию медицинских наук. И профессору Зейцу мы написали, что Тимофеев-Ресовский работает в Академии медицинских наук...»

В Международном отделе АМН СССР у меня как раз были дела по возможной поездке в Англию для ежегодной лекции по старению. Обсудив их, я попутно поинтересовался у В. Г. Захаровой, Заместителя заведующего этим отделом, не получал ли ее отдел письма из АН СССР касающегося Кимберовской премии. В. Г. Захарова сначала несколько смутилась, а затем, увидев, что я вполне в курсе дела, стала осторожно меня расспрашивать о характере премии, за что она присуждена Тимофееву-Ресовскому и т. д. Как выяснилось, Президент АМН СССР, получив письмо Ф. Зейца вместе с сопроводительной запиской Н. М. Сисакяна, поручил своему Международному отделу выяснить статус премии, установить список всех лауреатов и, главное, узнать, кем был сам Кимбер, основавший премию, как он создал свое состояние.

Вопрос об источниках состояния Кимбера не имел, вообще, серьезного значения. Ежегодные именные премии начисляются, как известно, с процентов на положенный в банк капитал. 2000 долларов в год на одну ежегодную премию означали около 50 000 долларов в банке. Ясно, что Кимбер пролетарием не был, а принадлежал к классу состоятельных людей. Но ведь и Нобель, шведский капиталист, основавший знаменитые Нобелевские премии, каждая из которых достигает 35-50 тысяч долларов, тоже не был социалистом. Он производил динамит и взрывчатые вещества и был поставщиком мин и снарядов для русского царского Балтийского флота. И было, конечно, только хорошо, что, не имея прямых наследников, он завещал свой капитал на столь благородное дело поддержки фундаментальных научных исследований, литературы и искусства. О самом Нобеле и его премиях написано много статей и книг, а вот о Кимбере и его премиях В. Г. Захарова не могла найти никаких сведений ни в Советской, ни в Британской, ни в Американской энциклопедиях. А без этого АМН СССР не решалась даже просто поздравить

лауреата. Прощаясь, В. Г. Захарова очень просила меня помочь ей узнать что-либо об этой премии.

Информацию, однако, можно было получить только из США. Я написал своему коллеге Михелю Лернеру, профессору генетики Калифорнийского Университета и, осветив вкратце ситуацию, попросил прислать срочно какую-либо информацию о премии Кимбера. Я знал, что проф. Лернер обязательно выяснит все возможное. При переписке с иностранными учеными всегда со временем начинаешь узнавать по быстроте и характеру ответных писем — кто из них относится к тебе с максимальным дружелюбием и готовностью помочь, на кого можно рассчитывать в любой ситуации. В М. Лернере, хотя он значительно старше меня по возрасту и выше по научному положению (он член Национальной Академии США, т. е. по-нашему — академик), я всегда чувствовал друга. Кроме того, М. Лернер родился в русской колонии в Харбине и прекрасно знает русский язык. Он следит поэтому за русской научной литературой и хорошо понимает ситуацию в СССР. Случайно оказалось, что проф. Лернер как раз и был человеком, лучше всего способным ответить на мой вопрос о премии Кимбера, так как этого Кимбера, тоже калифорнийца, он хорошо знал и даже консультировал по вопросам генетики животных. Ответ Лернера прибыл исключительно быстро.

Дорогой д-р Медведев, — писал он в письме от 1 февраля 1966 г.

Я был весьма рад узнать, что Кимберовская премия 1966 г. была предложена Н. В. Тимофееву-Ресовскому, и очень огорчен нерешенностью еще вопроса о его приезде в нашу страну для получения этой премии. Очень трудно представить, что бы мы могли сделать для содействия успешному решению этого вопроса. Но я уверен, что как Ф. Зейц, так и Г. Браун сделают все, что они могут и время покажет, каковы результаты этих усилий.

Кимберовская генетическая премия была учреждена Джоном Кимбером, одним из наиболее успешных животноводов и птицеводов в США. Он был пионером

в применении точных генетических и статистических методов для улучшения пород животных и, начав с небольшой фермы в 20-и милях от Беркли, здесь в Калифорнии, превратил ее со временем в многомиллионное всемирно-известное дело, способствовавшее улучшению селекции животных во всем мире.

Я имел огромную привилегию быть в той первой группе ученых, которым было поручено выработать критерии, по которым должны выбираться лауреаты этой премии. В полном соответствии с пожеланием Д-ра Кимбера было решено, что Золотая медаль и денежная премия в 2000 долларов будут присуждаться не за отдельные, даже крупные открытия, как Нобелевские премии, а за общий вклад ученого в генетику. Это означает присуждение премий только действительно заслуженным, всю жизнь активно работающим генетикам. Премия была установлена в 1955 г. и я рад сообщить, что в течение первых пяти лет я был в Комитете по Кимберовским премиям. Этот комитет обновляется полностью каждые пять лет.

Лауреатами премии в прошлые годы были: В. Е. Касл, Г. Меллер, С. Райт, А. Стертевант, Ф. Добжанский, Т. Сонненборн, Г. Бидл, М. Демерец, Дж. Холдейн, К. Штерн, М. Дельбрюк, и А. Херши.

Каждый год присуждается одна премия, только в первый год было две премии.

Передайте мои наилучшие поздравления Н. В. Тимофееву-Ресовскому и мое искреннее пожелание встретить его в апреле в Вашингтоне.

Кимберовская ферма издает листовки с биографией каждого лауреата, и я высылаю вам те, которые были изданы в прошлые годы.

Искренне Ваш

М. Лернер

Отдельной авиа-бандеролью вскоре прибыли и печатные материалы о Кимберовской премии; общее описание ее статута в листовке 1955 г. и серия листовок с портретами, биографией и научной характеристикой достижений лауреатов этой премии. Эти листовки издавались Кимберовской фермой каждый год и рассылались в научные учреждения и музеи разных стран.

В первой листовке приводилось крупным планом изображение Кимберовской медали и ее описание. Отлитая из чистого золота, весом почти в 400 грамм, она была

несомненным произведением искусства. Согласно описанию, эта медаль была работой всемирно известного скульптора Мальвины Гоффман, ученицы Огюста Родена. М. Гоффман прославилась ранее созданием скульптурной группы из бронзы, изображавшей 100 человек, выставленной в Чикагском музее. По словам автора листовки, эта группа была наиболее замечательным скульптурным групповым изображением, когда-либо созданным за всю историю человечества. Листовка описывала и другие работы М. Гоффман. На Кимберовской медали М. Гоффман, как свидетельствовало описание:

> «...с необычайным сходством и мастерством представила изображение четырех великих ученых в области генетики, *Вильяма Бетсона,* впервые распространив-эпические работы по изучению эволюции подготовили мир к изучению законов наследственности, *Грегора Менделя,* установившего основные законы и принципы генетики, *Вильяма Бетсона,* впервые распространившего законы Менделя на мир животных, и *Томаса Гента Моргана,* установившего цитологические основы наследственности...»

Над барельефным изображением этой группы были вычеканены слова: «Кимберовская Генетическая Премия Национальной Академии Наук», а под барельефом стояла другая надпись «За выдающийся вклад в науку генетики».

В описании Кимберовской премии указывалось, что она является единственной международной премией специально по генетике.

Нет необходимости перечислять здесь заслуги двенадцати ученых удостоенных Кимберовской премии до Н. В. Тимофеева-Ресовского. Перечисленные в письме Лернера имена знают все генетики и биологи мира. С их работами в огромной степени связано все развитие генетики в последние 30-40 лет. Среди них только один, Джон Холдейн был европеец, остальные американцы. Однако двое американцев, Штерн и Дельбрюк были

эмигрантами из Германии, один, Ф. Добжанский эмигрант из СССР.

Таким образом Кимберовская премия была несомненно весьма почетной, а сам Джон Кимбер вполне приемлемым бизнесменом с точки зрения происхождения капитала. Таким же точно фермером-селекционером-капиталистом был, по существу, и Бербанк, которого мы чтим как «американского Мичурина». Как удалось выяснить, и советское птицеводство было в выгоде от успехов Кимберовской фермы и его породы закупались в СССР для селекционной работы.

Все эти сведения были немедленно сообщены Международному отделу АМН СССР, а далее, надо полагать, и Президенту АМН СССР. Между тем Президент АМН СССР не торопился с ответом в США, хотя Фредерик Зейц, получив препроводительное письмо Н. Сисакяна, направил Президенту АМН СССР Н. Н. Блохину особое, очень подробное послание. В конце февраля Иностранный Секретарь Национальной академии Г. Браун также направил письмо Н. Н. Блохину, копию которого прислал и в Обнинск, чтобы показать Н. В. Тимофееву-Ресовскому, какие принимаются усилия для разрешения проблемы его приезда в США.

Дорогой Президент Блохин, — писал Г. Браун в письме от 17 февраля 1966 г.

25 января 1966 г. Президент нашей академии, профессор Фредерик Зейц известил Вас специальным письмом о нашем желании вручить Кимберовскую генетическую премию вашему выдающемуся ученому Н. В. Тимофееву-Ресовскому. Как профессор Зейц подчеркнул, является традицией вручение этой премии в Вашингтоне в период ежегодной сессии академии, которая в этом году состоится 25, 26 и 27 апреля.

Мы полагаем, что профессор Тимофеев-Ресовский был бы рад посетить во время своего визита в США своих американских коллег и друзей в их институтах. Для того, чтобы иметь возможность организовать эти визиты заранее, мы были бы рады узнать, на какой срок смог бы приехать в США Н. Тимофеев-Ресовский. Так как время до ежегодной сессии академии уже

ограничено, мы были бы благодарны, если вы сочтете возможном сообщить свое решение телеграфом.

Члены Национальной академии наук США и особенно биологи с большим удовлетворением узнали о присуждении премии Кимбера Тимофееву-Ресовскому и будут очень рады персональной встрече с ним. Кимберовская премия, установленная с 1955 г., присуждалась, как высшее отличие в области генетики и мы уверены, что вы разделяете нашу радость в связи с присуждением этой премии советскому ученому.

Но это искренее письмо, как и письмо Ф. Зейца, осталось без ответа. Н. Н. Блохин хранил полное молчание. Он не ответил и на просьбу Тимофеева-Ресовского прислать копию письма Ф. Зейца. Незадолго перед этим Николай Владимирович отправил Г. Брауну письмо, в котором благодарил Национальную академию за высокую честь, оказанную ему присуждением Кимберовской премии. Но в отношении приезда в США лауреату пришлось ограничиться выражением неопределенной надежды. Но эта надежда гасла с каждым днем. Чудес не бывает. Прошел март, прошел и апрель. Прошла и ежегодная сессия Национальной академии США с ее премиальным заседанием. На этом заседании были вручены какие-то другие премии академии, в области физики, химии, технологии и т. д., а Кимберовская премия осталась неврученной. Ни звука не раздалось и из АМН СССР. Не только поздравления, но и простого извещения не получил лауреат от официальных советских инстанций, и если бы Г. Браун не прислал в декабре 1965 г. свое письмо-поздравление, то Н. В. Тимофеев-Ресовский может быть и до самого апреля ничего бы и не знал о присуждении ему Кимберовской премии. Похоже было, что какие-то сферы решили просто игнорировать, замалчивать все это дело.

Был лишь один способ разрушить этот план; публикация сообщения о премии советскому ученому и статьи о первом советском Кимберовском лауреате.

В мае 1966 г. трое сотрудников Н. В. Тимофеева-Ресовского, не извещая его, конечно, об этом, написали не-

большую статью-информацию, посвященную присуждению Тимофееву-Ресовскому Кимберовской генетической премии. В статье был описан статут премии, дана фотография медали и портрет ее тринадцатого лауреата. Был сжато прослежен его путь в науке, его основные достижения в генетике и смежных областях. В статье сообщалось о письмах Президента Национальной академии наук США Президентам АН СССР и АМН СССР и о традиции вручения премии на сессии Национальной академии США в Вашингтоне. Статья заканчивалась поздравлением лауреата от имени многочисленного коллектива советских генетиков.

Сначала эту статью предложили для опубликования местной обнинской газете «Вперед». Расчет был на местный патриотизм, вот, мол, какие у нас в Обнинске ученые! Но ничего из этого не получилось. Редакция статью взяла и даже очень охотно, но в газете она не появилась. Пришлось ориентироваться на научный журнал, хотя это отодвигало публикацию на несколько месяцев. Выбор пал на журнал «Генетика», только недавно созданный. Главным редактором журнала с момента его основания является известный ботаник, профессор Петр Михайлович Жуковский, его заместителем профессор С. И. Алиханян.

П. М. Жуковский — мой первый учитель в науке и верный товарищ. Я начал работать под его руководством с первого курса студенческой жизни в 1944 г. и был его учеником до завершения кандидатской диссертации в 1950 г. И хотя с 1950 г. мы работали в разных направлениях, я стал биохимиком, и в разных городах (П. М. Жуковский переехал в Ленинград, где возглавил Всесоюзный Институт растениеводства), наши научные связи продолжались. Поэтому я, начиная с ним переговоры о публикации статьи о Кимберовской премии, был уверен, что он с энтузиазмом поддержит эту идею. Не сомневался я и в том, что вся редколлегия «Генетики» займет в этом вопросе решительную положительную позицию. Так оно и случилось. Статья о Н. В.

Тимофееве-Ресовском, озаглавленная «Международная Кимберовская премия по генетике присуждена советскому ученому Н. В. Тимофееву-Ресовскому», сразу пошла в набор и притом как редакционная. Но впереди была цензура, не подвластная Главному Редактору.

Несколько лет назад «Главлит», или цензура должна была знакомиться уже с рукописями и давать визу-разрешение в набор. Второй раз цензор («редактор «Главлита») читал и визировал верстку и в третий раз читал уже сигнальный экземпляр, для разрешения выпуска тиража «в свет». Но затем, для экономии времени (печатная продукция растет) цензура перешла на двукратное чтение, верстки и сигнала. В набор же статья могла идти при наличии визы главного редактора, или его заместителя.

Уже в конце июня верстка статьи с двумя фотографиями, медали и ее советского лауреата, была готова. Фотография Н. В. Тимофеева-Ресовского была особенно удачной. Ее сделал один из лучших любителей-портретистов нашего института. От этого портрета статья в журнале сильно выигрывала, читатель видел вдохновенное, усталое, волевое лицо ученого, много пережившего. Оно как-то очень гармонировало с изображениями ученых на самой медали.

Но цензор еще не дошел до статьи, как случилось нечто необычное. Также в конце июня Н. В. Тимофеева-Ресовского срочно вызывали к Президенту АМН СССР. Одновременно с ним вызывали и директора нашего института, проф. Г. А. Зедгенидзе. Можно было полагать, что вызов имел отношение к премии. Все ждали хороших новостей.

На следующий день мы узнали подробности. Президент АМН СССР принял Тимофеева-Ресовского очень сухо. Официально он сообщил ему, что по мнению авторитетных инстанций присуждение премии Тимофееву-Ресовскому является провокацией американцев. В связи с этим Тимофееву-Ресовскому настоятельно рекомендуют от премии отказаться. АМН СССР премии не при-

знает и отвечать на письма по поводу премии не будет. По словам Президента АМН СССР, присуждение премии вызвано в первую очередь не заслугами ученого в области генетики, а тем фактом, что он жил до войны много лет в эмиграции, а затем в СССР в заключении. По этому признаку, как считал Н. Н. Блохин, американцы и выделили Тимофеева-Ресовского из среды советских генетиков.

Конечно, хирург Н. Н. Блохин и его инструкторы не читали работ Тимофеева-Ресовского и не представляли его сравнительного потенциала среди других лауреатов и возможных конкурентов на премию в СССР. Как президент академии, он привык, по-видимому, измерять величину и значимость ученого по его академическим званиям. Но каждому генетику в СССР было ясно, что в ряду Кимберовских лауреатов именно Н. В. Тимофеев-Ресовский был в нашей стране наиболее достойным. Автор 250 научных работ и нескольких монографий, он по широте кругозора и научному вкладу стоял на одном уровне с Меллером, Холдейном, Стертевантом. Некоторые другие Кимберовские лауреаты по общему вкладу в генетику явно отставали. Дельбрюк, десятый лауреат и несомненно выдающийся ученый был учеником Тимофеева-Ресовского, переквалифицировавшимся из физика в генетика под влиянием Тимофеева-Ресовского и в его лаборатории.

Было совершенно ясно, что не американцы выбрали для премии советского ученого по его биографии. По биографии пытались решать вопрос только отечественные руководители науки. Именно для них некоторые пункты анкеты значили больше, чем престиж советской науки, чем право, логика и справедливость.

Но что же это за биография, которая заставила Н. Н. Блохина занять столь неумную и жестокую позицию в вопросе о премии?

Это наиболее острая, драматическая и замечательная биография из тех, которые я знаю, по крайней мере у ученых.

Калужский дворянин по происхождению, он в молодости 17-18-летним парнем воевал в Гражданскую войну в Красной армии. После войны, еще студентом он начал работу у С. С. Четверикова по генетике в институте, которым руководил тогда выдающийся биолог Н. К. Кольцов. Н. В. Тимофеев-Ресовский быстро выдвинулся, как прекрасный экспериментатор, и когда институт мозга в Германии в порядке «обмена» на помощь по организации в СССР лаборатории по изучению мозга В. И. Ленина, обратился к Кольцову с просьбой помочь им в организации лаборатории генетики, то на эту миссию был выделен молодой Н. В. Тимофеев-Ресовский. Двухнедельные научно-туристические поездки за границу тогда еще не придумали. В другие страны ученые ездили не на экскурсии, а для серьезной работы, и сроки поездок варьировали от двух до шести лет. У Тимофеева-Ресовского срок по договору был максимальным.

Несколько лет работы в Германии сделали молодого ученого широко известным в Европе и Америке. Он опубликовал более 50 статей и монографию, участвовал в двух Международных конгрессах по генетике и во многих конференциях, включая Всесоюзный съезд по генетике и селекции в Ленинграде, на который Тимофеев-Ресовский представил две работы. Этот съезд происходил в начале 1929 г., года «Великого перелома». «Великий перелом» сводился, в частности, к волне невиданно массовых репрессий не только среди крестьян в форме «раскулачивания», но и среди интеллигенции и «буржуазных» ученых. Кроме того, лиц дворянского происхождения десятками тысяч выселяли из столиц. И хотя Тимофеев-Ресовский направил на Съезд в Ленинграде два доклада, впоследствии опубликованные в Трудах Съезда в 1930 г., вызов для приезда в СССР ему не был послан. Друзья из Института экспериментальной биологии боялись, что приезд в СССР может обернуться для Тимофеева-Ресовского не очень хорошо. Его свободомыслие, острота его высказываний, прямота

и нетерпимость ко всякой лжи были хорошо известны. Кроме того, только незадолго перед Всесоюзным съездом был арестован и выслан на Урал создатель первой генетической школы в СССР С. С. Четвериков, учитель Тимофеева-Ресовского. У ряда участников созданного им кружка генетиков-дрозофилистов ДРОЗСООР (дрозофильный Союз орущих) произведены квартирные обыски, а один из членов кружка, аспирант П. Ф. Рокицкий тоже выслан из Москвы. Арестовали и нескольких сотрудников Кольцовского Института экспериментальной биологии.

Однако к концу германской командировки Тимофеева-Ресовского ситуация на родине не улучшилась, а ухудшилась. Травля крупных ученых шла полным ходом. Серия «открытых», явно фальсифицированных процессов над «буржуазными спецами» до предела накалила обстановку и обострила подозрительность. Печать, включая центральную, полна самыми нелепыми обвинениями генетики и генетиков. Даже Демьян Бедный публикует в газете «Известия» сатирическую поэму о генетиках и генах, высмеивая генетические теории, как чепуху. В Коммунистической Академии идут бурные дискуссии о реакционности морганизма-менделизма, кончающиеся разгромом классической генетики и победой ламаркистов. Но что особенно заметно для ученого, работающего за рубежом, — это запрет на выезды за границу. После 1929 г. участие советских ученых в международных научных совещаниях и симпозиумах практически окончилось. Даже на Международный Генетический конгресс в 1932 г. в США приехал только один человек из СССР, Президент ВАСХНИЛ академик Н. И. Вавилов. В этих условиях Н. В. Тимофеев-Ресовский решил продолжить свою работу в Германии, тем более, что вокруг него уже собрался большой творческий коллектив, созданы уникальные исследовательские установки, экспериментальная и теоретическая работа отдела генетики, возглавляемого Николаем Владимировичем приобрела общеевропейский

масштаб. Но он строго сохраняет свое советское гражданство и советские паспорта, надеясь, что со временем обстановка на родине улучшится.

Но улучшения, как мы знаем, не произошло ни в СССР, ни в Германии. В Германии был спровоцирован поджог рейхстага, послуживший поводом для террора противников национал-социализма, в СССР было организовано убийство С. М. Кирова, послужившее началом широчайшей волны репрессий. В биологии вышли на сцену Т. Д. Лысенко и И. И. Презент с их полным отрицанием генетики и всех тех научных истин, изучению которых посвятил свою жизнь Тимофеев-Ресовский. Начались аресты в среде генетиков. В «Кировском потоке» был в 1935 г. арестован родной брат Тимофеева-Ресовского, ленинградский партийный работник, арестован и расстрелян как «враг народа». Двумя годами спустя в Иркутске, арестован второй брат, зоолог и зверовод. Еще один брат — киноработник и сестра, напуганные событиями, отреклись от Николая Владимировича и прекратили с ним переписку. Иметь родственника за рубежом, да еще в Германии, было слишком опасно.

Арестованы и сестры жены, кузины жены и многие другие родственники и друзья. Запрещен намечавшийся в Москве Международный генетический конгресс.

Но террор расширяется и в Германии, здесь тоже усиливается политическое давление на науку. И Тимофеев-Ресовский решает покинуть Германию, уехать оттуда вместе с семьей.

Ему предлагают ряд мест, включая США. Но он чувствует, что американский образ жизни чужд, покидать Европу не хочется. В конце концов победил русский характер. Н. В. Тимофеев-Ресовский запрашивает Н. К. Кольцова и Н. И. Вавилова о возможности вернуться в СССР. Это было в конце 1937 г.

И Н. И. Вавилов и Н. К. Кольцов прекрасно отдают себе отчет, что ждет всю семью их коллеги и друга, сразу по приезде в СССР, но они уже не доверяют своих

мыслей и предупреждений государственной почте. Н. И. Вавилов просит Г. Меллера, американского генетика, уезжавшего из Ленинграда в Республиканскую Испанию, на фронт, заехать в Берлине к Тимофееву-Ресовскому и передать ему строгое предупреждение о тех последствиях, которые ждут его в случае возвращения на родину. Н. К. Кольцов, директор института экспериментальной биологии, когда-то пославший Тимофеева-Ресовского за границу, пошел на очень рискованный шаг, чтобы остановить своего друга и коллегу. Он пришел в Шведское Посольство и через посольскую дипломатическую почту, тайно, переслал ему письмо. «... Из всех способов самоубийства, писал Кольцов, — вы выбираете самый мучительный и трудный. И не только для Вас, но и для Вашей семьи...» «... Если вы уж решили приехать — то покупайте билеты прямо в Сибирь...»

Это письмо Н. К. Кольцова сохранилось, оно находится в «досье» Кимберского лауреата, в «досье», оставшемся в одной организации с времен ареста Н. В. Тимофеева-Ресовского и еще до того, как я впервые увидел его самого. Когда решался вопрос о переезде Тимофеева-Ресовского в Обнинск, это было в 1963 г., одному спецсотруднику, обслуживавшему секретность в институте, было поручено выявить возможность предоставления кандидату в заведующие отделом т. н. «допуска». Спец-сотрудник и выезжал в Москву для изучения «досье» и как-то, не «удержавшись», рассказал моему коллеге об этом письме»... Да... — прокомментировал он это сообщение... Романтическая история...» И санкционировал выдачу «допуска», открыв тем самым дорогу Тимофееву-Ресовскому в наш институт. Институт наш, хотя и открытый, но избранных по конкурсу на руководство крупными отделами проверяют и по этой линии и утверждают на бюро горкома и обкома КПСС.

И Тимофеев-Ресовский остался в Германии. А когда в 1939 г., заключив с СССР Договор о дружбе и сотруд-

ничестве, Германия неожиданно напала на Польшу, развязав Вторую мировую войну, все лица с советскими консульскими паспортами были интернированы, так же как и граждане западных стран, вступивших в войну. Выезд из Германии был закрыт, а нелегальный выезд с семьей дело далеко не простое.

Старший сын Тимофеева-Ресовского, студент, вступает в подпольную антигитлеровскую организацию. В 1943 г. его арестовали за участие в студенческом заговоре с целью убийства Гитлера. Как несовершеннолетний он не был казнен, а отправлен в концлагерь Маутхаузен, где и погиб. В период войны Германии с СССР в отделе Тимофеева-Ресовского было налажено производство фальшивых документов и справок для военнопленных, прежде всего русских. Ему удалось спасти несколько советских ученых — биологов из числа военнопленных, работавших на немецких предприятиях. Это было уже в последний период войны, когда большое число русских, сбежавших с небольших и плохо охраняемых объектов, с ферм, с некоторых предприятий искали убежища и защиты до прихода советских войск.

Когда советская армия приближалась к Берлину, Тимофееву-Ресовскому предложили уехать на запад, в зону англо-американской оккупации. Но Н. В. Тимофеев-Ресовский отказался. Он решился встретить своих соотечественников, полностью сохранив оборудование отдела, по тем временам уникальное.

Оккупационные власти первоначально отнеслись к нему хорошо. Он был назначен даже директором всего Кайзер-Вильгельм Института мозга, к которому принадлежал и отдел генетики. Но через несколько недель после окончания боев, в институте во множестве появились эмиссары, уполномоченные демонтировать и вывезти все оборудование. Тимофеев-Ресовский резко возражал против некомпетентного, разрушающего, хаотического вывоза уникального оборудования, которое этим приводилось в негодность. Как директор инсти-

тута, он не выполнял некоторых явно нелепых распоряжений охотников за научным оборудованием в полковничьих и подполковничьих погонах.* Тогда один из них с особыми полномочиями распорядился вывезти из Института и самого директора. Его привезли в Москву и уже в Москве арестовали по всем правилам того времени. Следствие старалось доказать, что он немецкий шпион, старалось по методу, проверенному годами, без улик, на основе истязаний, добиваясь признания. Но следствие и в этом не достигло цели, Тимофеев-Ресовский соглашался признать, что он Чилийский шпион, но на немецкого не соглашался. Приговор, 10 лет заключения (тогда еще не было 25-и летних сроков) не зависел от того, признался подследственный или нет.

После Лубянской внутренней тюрьмы Тимофеев-Ресовский попадает на несколько месяцев в Бутырскую тюрьму в Москве, в камеру, в которую втиснуты 75 человек, хотя в царские времена она вмещала лишь 25. Это была та самая камера, которая описана в новелле А. И. Солженицына «Улыбка Будды». Сам А. И. Солженицын, подружившийся в этой камере с Тимофеевым-Ресовским, прожил в ней несколько дольше.

Тимофеев-Ресовский организовал в камере «Научно-техническое общество», систематические доклады. Из 17 членов этого общества живыми остались шестеро, создатель общества, физик В. Коган, и физик и капитан артиллерии, а в последующем писатель А. И. Солженицын, электронщики Н. А. Семенов и С. С. Карпов и химик Мартур.

Из Бутырской тюрьмы Тимофеев-Ресовский попадает в спецлагерь на Северном Казахстане. И здесь он снова организует научное общество, в ученых, очевидно, не было недостатка. В сопроводительном документе на Тимофеева-Ресовского было сказано: »использовать только на общих работах». Это означало смертную

*) Звания полковников, подполковников, майоров и т. д. временно присваивались всем штатским работникам, командированным в Германию за оборудованием.

казнь, быстрые и безболезненные формы которой после войны, как известно, временно были отменены в ознаменование победы. И через полгода строгого выполнения предписания будущий Кимберовский лауреат стал верным кандидатом на ту участь, о которой на лагерном научном семинаре был сделан наиболее замечательный доклад. Этот доклад назывался «О непостыдной смерти» и его автор, в прошлом священник, скончался в бараке через две недели после доклада.

Тимофеева-Ресовского спасла и на этот раз наука, атомная физика. Особые «атомные» объекты создавались и в системе МГБ. Началась организация закрытых лагерного типа научных институтов, в которых работали по 12-14 часов в день заключенные ученые и военнопленные ученые-немцы. Потребовались и радиобиологи, специалисты по действию облучений на организм. По всем лагерям шли поиски ученых и специалистов для таких институтов и объектов, т. н. «шарашек». Вспомнили в Москве и о Тимофееве-Ресовском, крупном авторитете мира в области радиобиологии и радиационной генетики, тем более, что еще в период следствия в Лубянской внутренней тюрьме к его консультации при планировании некоторых «объектов» неоднократно прибегали. И когда один из таких «объектов», созданный по проекту арестованного ученого, был построен на Урале, в спецлагерь пришло распоряжение, — отправить Тимофеева-Ресовского в Москву. Две недели ехал он в Москву в «столыпинском» тюремном вагоне, в котором в каждое по проекту шестиместное купе вталкивалось по 30 человек. При приближении к Москве в купе стало свободнее, четверть его обитателей скончалось. Люди все время ехали стоя, плотно прижавшись друг к другу, полки были сняты.

В Москву Тимофеев-Ресовский прибыл уже без сознания, его сразу доставили в центральную тюремную больницу МГБ. Врачи получили строгий приказ вылечить ценного ученого во что бы то ни стало. А у цен-

ного ученого была жесточайшая дистрофия и авитаминоз.

Но врачи, когда хотят, могут делать чудеса и через несколько месяцев лечения Тимофеев-Ресовский снова на ногах, снова бодр и энергичен, как всегда. Только зрение, когда-то развитое изучением всевозможных мутаций у малюсенькой мушки, до необычайной остроты, не восстановило прежней силы. Николай Владимирович потерял способность различать очень мелкие детали. Он уже не мог смотреть в микроскоп, в бинокулярную лупу, не мог читать и очки не помогали. Чтение стало для него мучительным процессом, а читать было необходимо. Через сильную лупу, придвинув хорошо освещенную страницу близко к глазу, только так мог он разбирать печатный текст. В конце концов, он привык и читал много часов каждый день, нужно было решать массу новых научных задач. Попав, после больницы, на Уральский атомный «объект», Тимофеев-Ресовский быстро начал превращать его в серьезное научное учреждение. Он, кроме того, впервые за два года смог написать жене в Германию. Елена Александровна, попрощавшись с ним в 1945 г., два года не знала ничего о судьбе мужа. На ее запросы никто не отвечал, все инстанции хранили молчание. И вот приходит письмо. Николай Владимирович пишет, что живет хорошо, что работает в научном учреждении, что у него квартира. О том, что он в заключении, что его лаборатория за колючей проволокой писать было нельзя.

Но получив письмо, Е. А. Тимофеева-Ресовская немедленно собирается в дорогу. Упаковав багаж, книги, оттиски, даже часть мебели, она вместе с младшим сыном выезжает в СССР. Семья воссоединяется, но за колючей проволокой. Хотя Елену Александровну никакой суд не судил, покинуть «объект» она уже не может.

Но недолго смог работать в области радиационной генетики Тимофеев-Ресовский и за колючей проволокой. «Автустовская сессия ВАСХНИЛ», закончившаяся

разгромом генетики, распространила свое влияние и на МГБ. На этой сессии лысенковец И. Е. Глущенко в своей погромной речи вспомнил и о Тимофееве-Ресовском, назвав его «нашим заклятым врагом». Глумление над заключенными во времена Сталина было занятием почетным и поощряемым. Приказы о запрещении генетических исследований принимались во всех министерствах. Не отстало от этой кампании и Министерство Государственной Безопасности. Здесь знали, как бороться с врагами советской власти. Не только исследования по генетике было приказано прекратить, но и всех мушек-дрозофил, классический объект лабораторной генетики, было приказано *уничтожить*. Их следовало по инструкции утопить в кипятке. Миллиарды этих мушек свободно живут в природе. Они относятся к группе плодовых мушек и выполняют полезную функцию уничтожения растительных отбросов. Но не для того существовало МГБ, чтобы выпускать на свободу, даже плодовых мушек. В учреждениях Академии наук и в ВУЗах поступали с мушками более гуманно. Был запрещен отпуск корма для мух в лаборатории, но выпускать их на свободу из пробирок не запрещалось. Н. В. Тимофеев-Ресовский начинает на «объекте» разработку новой отрасли биологии, «радиационной биогеоценологии». В короткий срок он создал теоретический аппарат, количественные критерии и основные принципы этого раздела науки, а его группа накопила обширный и уникальный экспериментальный материал. К сожалению, значительная часть этой работы «похоронена» в архивах МГБ в виде отчетов, а часть использована без ссылки на заключенных авторов, их свободными номенклатурными «кураторами».

Свобода пришла лишь посл есмерти И. Сталина. Но в первые годы въезд для работы в Москву и в Ленинград для освобожденных еще не разрешен. Тимофеев-Ресовский с 1955 г., уже как свободный гражданин Советского Союза, зачинает создавать отдел биофизики в Уральском филиале Академии наук. В короткой срок

этот отдел становится самым продуктивным биологическим учреждением Урала и Сибири. Здесь публикуются десятки работ, сборников, монографий. Недалеко от Свердловска, в поселке Миассово, на экспериментальной базе филиала, Тимофеев-Ресовский создает ежегодный летний семинар по генетике и теоретической биологии, первый учебный центр по генетике, после запрещения ее в 1948 г. Этот семинар быстро приобрел исключительную популярность. Десятки людей приезжают сюда каждый год, приезжают без командировок, живут в палатках и шалашах, проводят заседания на полях. Я видел фотографию; несколько профессоров спят на одном тапчане, укрывшись одним одеялом. Другое фото; известный генетик В. П. Эфроимсон, в жару, по пояс в воде, с указкой в руках читает доклад об аномальных гемоглобинах. Его слушатели тоже сидят в воде. Так создавалась оригинальная Миассовская школа генетиков, влияние которой на последующее развитие генетики в СССР было очень большим.

Но казенная бюрократизация научных разработок создает для обретшего свободу ученого новую, весьма деликатную проблему. У него нет советских ученых степеней и званий и даже диплома об окончании высшего учебного заведения. В Германии, как и вообще в Европе, отсутствие присуждаемых ученых степеней не отражается на положении, работе и зарплате известного и вообще зрелого ученого. Если у человека есть научное имя, есть серьезные труды, никто не будет требовать от него еще и защиты диссертации для научной аттестации. Защита диссертации — это удел новичка, молодого человека, это мандат для начала научной работы. Если бы где-нибудь в Англии всемирно известный ученый, автор 250 работ и десятка монографий, заведующий крупным отделом и достигший солидного возраста 60 лет, был бы вынужден доказывать свою научную квалификацию в форме публичной защиты диссертации, то его могли бы считать ненормальным, чудаком, юмористом, кем угодно.

Но бухгалтерии научных учреждений в СССР не признают научных открытий и трудов за доказательство квалификации ученого. Администратор, будь он даже Президент академии или Министр, не волен устанавливать оклады по столь эфемерным показателям, как научные заслуги. Есть общегосударственный табель о рангах и степенях и он плодит кандидатов и докторов наук, ученых со степенями ради зарплаты, он приводит к разбуханию научного племени до огромных масштабов и он создает большую разницу между ученым со степенью и ученым без степени, разницу совершенно независимую от научных заслуг. Бухгалтериям нужен только диплом доктора или хотя бы кандидата, а не списки научных работ. Без них заведующий отделом биофизики Уральского филиала Академии Наук лишь специалист с незаконченным высшим образованием.

К 1962 г. друзья убедили, наконец, Тимофеева-Ресовского, что такая система может быть просуществует еще долго и что ему все же следует защищать диссертацию. Защита проходит блестяще. Старому ученому Объединенный Совет Уральского филиала АН СССР единогласно присуждает степень доктора биологических наук, минуя степень кандидата.

Во всех почти странах решение ученого совета о степени — окончательно. Неужели допустили бы Кембриджский или Оксфордский или Гарвардский Университеты, чтобы их решения о научной квалификации ученых утверждались, либо отменялись какой-либо правительственной комиссией в Лондоне или Вашингтоне. Подумаешь о такой возможности и то становится смешно. Но у нас же смешно думать наоборот. Решение Ученого Совета даже Московского Университета — это только рекомендация, ходатайство перед особой Высшей Аттестационной Комиссией, существующей в Москве под самостоятельной вывеской, как межведомственное заведение. Возглавляет Комиссию, известную у нас под именем ВАК, Министр высшего образования, и состоит она из экспертных комиссий, секций-плену-

мов по отраслям и Президиума. И как это часто бывает, заседают во всех этих центральных комиссиях и секциях во множестве, или во всяком случае в большинстве, те, кто уже давно забыл воздух лабораторий и волнение творческой работы. А что еще хуже, в 1962 г. там еще господствовали лысенковцы и сам Т. Д. Лысенко с почетом восседает возле министерского председательского кресла, и И. Е. Глущенко и многие другие. Мичуринец П. Генкель возглавляет и «экспертную» комиссию, а заместителем у него тоже лысенковец Н. И. Нуждин. Попробуй, пройди через этот мощный заслон. Мой друг В. П. Эфроимсон «проходил» через ВАК от защиты до присуждения степени ровно 15 лет. Было собрано на его работе 60 отзывов, несколько раз собирались экспертные комиссии, простые и объединенные, были представлены ходотайства двух академий, АМН СССР и АН СССР, двух проблемных комиссий, а ВАК стоял как гранит, отказываясь принимать какое-либо решение. Но это был рекорд, может быть мировой рекорд аттестационной волокиты. Но когда в ВАК попала диссертация Тимофеева-Ресовского было похоже, что ВАК решил бороться за побитие этого рекорда. Уже было собрано около 45 отзывов, включая 6 от академиков, а Председатель экспертной комиссии все еще заявлял, что его «партийная совесть» не позволяет ему утвердить результаты защиты. Так прошел год, пошел второй. Весной 1964 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский с группой сотрудников переезжает в Обнинск, для организации здесь большой лаборатории радиационной и экспериментальной генетики и отдела общей генетики и радиобиологии. В состав этого отдела вошла и моя лаборатория. В подчинении у Николая Владимировича четыре лаборатории и две самостоятельные группы, почти десять старших сотрудников, тридцать младших. По масштабам — это средний институт. Тимофеев-Ресовский не только возглавляет его номинально, он действительно стоит у истоков всех дел, он цементирует отдел своей энергией, своей эрудицией, своим опытом.

Он создает особый научный стиль, свою школу, формирует направления, сразу выделяя отдел из общего хаоса бурно растущего нового научного комплекса.

Но в ведомости на зарплату заведующий отделом занимает весьма скромное место. Ему платят вдвое меньше чем младшему сотруднику с кандидатской степенью, 98 рублей в месяц, всего на 10 рублей больше чем лаборанту. А работает он за десятерых и работает весело, с юмором, легко. Директор испытал все способы, чтобы установить заведующему отделом персональный оклад, независимый от задержанной ВАКом степени. Но ничего не получается. Такое решение может принять лишь Совет Министров СССР.

Но вот произошло другое. В октябре 1964 г. сменился Председатель Совета Министров. Изменилось и положение в биологии. Чувствительный к ветрам сверху, ВАК сразу изменил свое отношение к диссертации Тимофеева-Ресовского. Изменилась и «партийная совесть» председателя экспертной комиссии. Ведь на повестке может возникнуть вопрос и о его собственной научной квалификации. ВАК, столько времени, в нарушение собственного устава, остававшийся глухим к многочисленным отзывам и письмам, в срочном порядке поставил на утверждение диссертацию Тимофеева-Ресовского. А когда утвердили, Председатель ВАК, он же Министр, что было уже и вовсе необычно, лично позвонил в тот же день директору нашего института и попросил передать Тимофееву-Ресовскому поздравления с присуждением ученой степени.

Казалось, решены все проблемы, можно спокойно работать, воспитывать учеников, создавать, в какой раз, новый научный центр.

В долгу ли Тимофеев-Ресовский перед родиной? Или может родина перед ним в долгу? Эти вопросы можно было бы не ставить, но их опять поставил Н. Н. Блохин своим требованием отказа от почетной и заслуженной международной премии. Будет или нет повторено на этот раз в науке известное «дело Пастернака»? Тимо-

феев-Ресовский решительно отверг рекомендацию Президента АМН СССР.

Вернувшись из отпуска, я первым делом поехал в редакцию журнала «Генетика». Я отдавал себе отчет, что если цензор в чем-то усомнится, куда-нибудь позвонит, что-то попробует согласовать, статья о присуждении премии не появится в печати.

В редакции по лицам сотрудников, как-то погрустневших после моего прихода, я понял, что дело плохо. Заведующая редакцией, сразу сообразив, что меня интересует, окольными путями начала объяснять мне ситуацию. «...Вы знаете, со статьей о Кимберовской премии случилась неприятность...» Сердце мое сжалось. «...Главлит не пропустил обе фотографии...»

А как сама статья? — спросил я, почти не веря в успех.

«...Сама статья прошла, идет в восьмом номере, уже есть сигнальные экземпляры...»

Черт с ними с фотографиями, подумал я. Но все же поинтересовался с видимым возмущением, почему их «сняли». Цензор, оказывается, в обоих случаях дал объяснение своим действиям. Фотографию медали сняли, чтобы не рекламировать американскую медаль. Портрет же лауреата не поместили потому, что про него и так хорошо написано, — зачем же еще и фотография — получится слишком хорошо.

В США все это время о присуждении Кимберовской премии не было официальной публикации. Даже неприезд лауреата на сессию не комментировался в печати. Американские ученые были осторожны, они не хотели шума, который мог бы повредить человеку, ими премированному. Это лишний раз доказывает, что награда не была провокацией. Это был акт научного признания.

Журнал «Генетика» со статьей о Кимберовской премии был немедленно выслан М. Лернеру и в Национальную академию. М. Лернер сделал перевод статьи на английский, и Г. Браун распространил его среди

членов Совета академии. Об этом я узнал позже из письма Лернера, в которое он вложил свой перевод статьи.

В октябре 1966 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский получил короткое письмо от Президента Национальной академии США, Фредерика Зейца.

Дорогой профессор Тимофеев-Ресовский, — писал Зейц, —

Мы были глубоко рады прочитать статью в советском журнале «Генетика», объявившую о том, что Кимберовская премия присуждена вам нашей академией. Мы снова хотели бы пригласить Вас приехать в США, если это вообще возможно для вас. Если же нет, то мы начнем рассмотрение других путей вручения вам этой премии.

Лауреат, как и следовало ожидать, выбрал другие пути. Поскольку для перепечатки писем мужа Елена Александровна использовала мою пишущую машинку с латинским алфавитом (письма писались по-английски), то я на всякий случай просил ее оставлять одну копию писем у меня.

«Дорогой профессор Зейц, — писал Николай Владимирович в ответном послании:

Благодарю вас за ваше любезное письмо от 18 октября 1966 г., которое я получил два дня назад. Присуждение Кимберовской премии по генетике для меня большая честь. Мне было очень радостно оказаться в этом отношении среди известных генетиков, пользующихся моим глубочайшим уважением. Примите мою искренную благодарность за эту честь.

Мне было бы исключительно приятно вновь посетить Вашу страну, встретить там моих старых друзей и завязать новые знакомства. Но мне кажется, что по крайней мере в ближайшие годы подобное желание неосуществимо реально. И я был бы весьма признателен, если Вы сможете найти другие пути для соединения Кимберовской премии и премированного ею.

Долгое время после этого не было никаких сведений об официальной переписке по поводу премии. Лауреат был в полном неведении. Но поскольку «Уведомление

о вручении», которое было послано вместе с его письмом Зейцу, вернулось в Обнинск с личной подписью Зейца, лауреат премии был спокоен. И события показали, что он был прав в своей уверенности на правильное развитие событий. Прошли пять месяцев. Какие велись в это время переговоры в официальных кругах неизвестно, но результаты вышли на поверхность 30 марта 1967 г. В этот день Зам. заведующего Международным отделом АМН СССР В. Г. Захарова получила срочное задание — вызвать Н. В. Тимофеева-Ресовского в Москву 31 марта к двум часам дня в кабинет Президента АМН СССР. В этом кабинете прибывший из США Вице-президент Национальной академии наук США, профессор Г. Б. Кистяковский, в присутствии Иностранного Секретаря этой академии м-ра Гаррисона Брауна и Вице-Президента АМН СССР, проф. Кованова вручит Н. В. Тимофееву-Ресовскому Кимберовскую премию.

В Обнинск В. Г. Захарова не дозвонилась. Тогда она позвонила жившему в Москве мужу одной из сотрудниц нашего института и попросила его позвонить в Обнинск вечером. Этот муж имел в Обнинске друга-физика, у которого дома был телефон, связанный через Физико-энергетический институт прямо с московской телефонной сетью. Муж сотрудницы немедленно позвонил этому физику и попросил его сообщить о вызове своей жене по внутреннему Обнинскому телефону. Жена, получив известие, позвонила Заместителю директора института по научной работе, и заместитель директора к вечеру сообщил о вызове в АМН СССР самому лауреату. Новость сразу стала известна многим сотрудникам. Не сговариваясь, под действием одинакового стимула, сотрудники стали вечером звонить своим коллегам в Москву, приглашая московских биологов и генетиков придти на процедуру вручения.

К двум часам 31 марта у дверей кабинета Президента АМН СССР собралось около 60 человек. Стало известно, что Н. Н. Блохин решил присутствовать на процедуре. Для Международного отдела АМН СССР прибытие та-

кого числа ученых было неожиданным, отдел готовил быструю, деловую процедуру вручения премии. Не было поэтому ни переводчика, чтобы переводить для аудитории и для американских ученых возможные приветственные выступления, ни шампанского, чтобы поднять по традиции бокалы за здоровье лауреата и гостей. Н. В. Тимофеев-Ресовский срочно послал одного из своих аспирантов за несколькими бутылками шампанского. Н. Н. Блохин в последнюю минуту решил вести церемонию сам. Прибыли американцы, их было шестеро.

Наконец, все уселись по местам, вернее, сели лишь главные фигуры, остальные остались стоять вдоль стен, так как никто не готовился к их прибытию на торжество. Вступительную речь произнес Н. Н. Блохин. Ее для американских гостей не переводили. Кто-то предложил свои услуги для перевода, но Блохин отмахнулся, «Ничего, мол, и так поймут . . .» Затем Г. В. Кистяковский зачитал адрес Президента Национальной академии наук США профессора Фредерика Зейца и вручил взволнованному лауреату сначала адрес Президента, затем Диплом, затем золотую Медаль Кимберовской премии, затем ее настольный бронзовый дубликат и затем чек на 2000 долларов.

Ответную речь Н. В. Тимофеев-Ресовский произнес на английском языке. Знающие этот язык понимали, о чем он говорил, но и не знающие тоже понимали, это было легко сделать по выразительному лицу говорившего. От имени советских генетиков теплую речь произнесла А. А. Прокофьева-Бельговская. Официантка буфета разнесла бокалы шампанского и церемония окончилась. Беседа Н. В. Тимофеева-Ресовского с американской делегацией не была запланирована и их сразу увезли. Лауреат хотел устроить в их честь обед на следующий день, но оказалось, что они утром следующего дня уже улетали домой.

Как выяснилось позднее, делегация американской академии, прибывшая для официальных переговоров

с Академией наук СССР о научном сотрудничестве и подписании согляшения по этому вопросу, привезла в СССР и премию Кимбера. Вопрос о ее вручении был поставлен перед советскими инстанциями в первый же день. Однако целая неделя понадобилась, чтобы получить разрешение на описанную выше процедуру. АМН СССР сначала отказалась организовывать вручение. Американцы, которым не хотелось увозить медаль и премию обратно, настаивали на встрече с Тимофеевым-Ресовским. Посольство США, информированное проф. Кистяковским о возникшей проблеме, предложило пригласить лауреата для вручения премии на прием в посольство. Когда официальным органам стало ясно, что визит в посольство не составит для лауреата неразрешимой проблемы, в одном высоком учреждении состоялось совещание, на которое был вызван и директор нашего института. Н. Н. Блохин и там настаивал на отказе от премии, но на этот раз его не поддержали, никаких способов избежать той или иной формы вручения медали уже не было.

Но когда, наконец, медаль и премия обрели своего владельца, когда были произнесены приветственные речи, все вдруг ясно поняли, что ведь он действительно ее достоин, что он, может быть, больше всех других лауреатов заслужил эту особую медаль, которую вручают не за отдельную, даже выдающуюся работу, а за общий вклад, за весь жизненный путь ученого, за его бескомпромиссное служение генетике. И все поняли, что гордиться нужно такими учеными, которые ставят нашу науку на уровень мировых достижений, радоваться таким событиям и свято хранить их в летописи нашей культуры. И столь это было очевидно, что центральная газета «Комсомольская правда», на следующий день, 1-го апреля, на первой странице «жирным» шрифтом поместила сообщение о заседании в АМН СССР под заголовком «Главная премия по генетике — советскому ученому». И обнинская газета «Вперед» опубликовала статью о Кимберовской премии и ее со-

ветском лауреате, ту самую статью, которая уже почти год лежала без движения в портфеле редакции.

Замечательный очерк о Н. В. Тимофееве-Ресовском написал и опубликовал в журнале «Природа» академик Б. Л. Астауров и Главлит уже не исключил из этого очерка ни фотографию медали, ни фотографию ее лауреата, на которой был запечатлен момент ее вручения.

Что же касается всех злоключений и трудностей на пути к этому заслуженному признанию, то и они нашли себе разумное объяснение. В ответном письме на послание Президента Национальной академии наук США Н. В. Тимофеев-Ресовский писал по этому поводу:

> «...Я приношу искренние извинения за то, что невольно причинил столько беспокойства и хлопот, связанных с вручением мне Кимберовской премии. Но я хочу отметить, что эти беспокойства можно и понять, ведь я был *тринадцатым,* среди тех, кому эта премия была присуждена...»

Четырнадцатому лауреату было уже, конечно, намного легче. Им стала женщина, американский генетик, Барбара Мак Клинток, которой Кимберовская премия была присуждена за выдающиеся исследования в области генетики растений, неизменно уже почти сорок лет привлекавшие к себе внимание биологов всего мира и открывшие новые направления в изучении наследственности.

Казалось, на этом можно было бы поставить и точку. Советский ученый с трудностями, но все же обрел свои права, получил признание не только в мире, но и у себя на родине. Казалось, что теперь не В. Г. Захарова и не председатель месткома института будут решать вопрос о принятии и реализации им тех или иных почетных приглашений от организаций международной науки. Но оказалось, что это не так. Когда в сентябре 1967 г. Организационный Комитет XII Международного Конгресса по генетике, который должен был происходить в августе 1968 г. в Японии, пригласил Н. В. Тимофеева-Ресовского приехать для участия в работах симпозиума

и чтения лекции, заслоном на пути его опять стал Отдел Международного сотрудничества АМН СССР, отказавшийся принять ходатайство от нашего института по этому вопросу, от оформления этой поездки, хотя бы на туристической основе. И специальный Оргкомитет по подготовке к XII Международному Генетическому Конгрессу, созданный Академией наук СССР и Всесоюзным обществом генетиков, тоже показался бессильным оформить это приглашение для Тимофеева-Ресовского.

Где будет следующий Генетический Конгресс еще неизвестно. Это решат в Японии в августе этого года. А состоится он по традиции через пять лет, в 1973 году. Тимофееву-Ресовскому, ровеснику века, будет тогда тоже 73 года. И, может быть, международное сотрудничество советских ученых окажется к этому времени нормальным. А может быть решат в Японии провести следующий конгресс по генетике в Москве или в Ленинграде*. И будет этот конгресс тоже тринадцатым. Пожелаем же Николаю Владимировичу доброго здоровья и долголетия. Может быть, сможет тринадцатый лауреат главной премии по генетике встретить своих старых друзей, тех из них, кто доживет до этого времени, на тринадцатом генетическом конгрессе. Кто знает, не является ли два раза по тринадцать счастливым предзнаменованием?

---

*) *Примечание в сентябре 1968 г.*

Как мы и предполагали, Н. В. Тимофеев-Ресовский не был включен в состав советской делегации на генетический конгресс. Однако и вопрос о проведении следующего XIII-го генетического конгресса в СССР также не был решен. Генетический конгресс в Японии открылся 18 августа. Сразу же на заседании Исполкома Международного генетического союза был поставлен вопрос о проведении конгресса в Москве. Но в период работы конгресса, 21 сентября произошло вторжение войск Варшавского Пакта в Чехословакию и в создавшейся на Конгрессе атмосфере решать вопрос о проведении следующего конгресса в Москве было нельзя. Однако, поскольку вопрос о проведении его где-либо в другой стране тоже не был подготовлен, то никакого решения не было принято. Обсуждение этой проблемы будет проведено позднее и возможность созыва конгресса в Москве пока еще не исключена.

РАЗДЕЛ II

СОВРЕМЕННЫЕ МАСШТАБЫ И ЭФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Описанные в предыдущем разделе случаи имеют, конечно, несколько персональный оттенок, и мне могут сказать, что они «не типичны». Однако я знаю *десятки* других случаев достаточно нелепых отказов, полученных учеными, при попытках использовать то или иное приглашение из-за рубежа для участия в научном совещании, совместной работе и других мероприятиях. И это по личным наблюдениям и рассказам моих ближайших коллег. Это означает, что на самом деле таких случаев в десятки тысяч раз больше, если брать масштабы Союза. Сугубо приблизительный подсчет показывает, что из каждой сотни приглашений, полученных нашими учеными от ученых, лабораторий, институтов, конференций, оргкомитетов конгрессов из-за рубежа не менее 80 остаются неизвестными администрации учреждений приглашенных и не предъявляются к оформлению, ввиду безнадежности. Из остальных 20, представляемых для решения вопроса о выезде, реализуется не более одного-двух, остальные встречают отказ на той или иной стадии. И при этом реализуются преимущественно те приглашения, которые получают ученые, относящиеся к категории научных администраторов (директора институтов, их заместители, руководители проблемных комиссий, председатели обществ, руководящие работники министерств и т. д., иногда руководители отделов и лабораторий). В результате этого средний возраст советских делегаций на каком-либо международном конгрессе или конференции обычно на 10-15 лет выше среднего возраста членов делегаций многих других стран.

Но может быть такое положение и следует считать нормой? Может быть это и есть результат действитель-

но правильной и разумной политики международного научного сотрудничества? Может быть для того и существуют многочисленные и многолюдные отделы международного сотрудничества при десятках ведомств, комитетов, академий, чтобы не расширять это сотрудничество беспредельно, а осуществлять его экономное и целесообразное ограничение, отбирать достойных от недостойных, выбирать такие формы связей советских граждан с иностранцами, которые с государственной точки зрения являются наиболее правильными? Может быть и в других странах применяются аналогичные формы контроля и планового ограничения научных контактов, чтобы не отвлекать ученых от творческой работы в лабораториях, не превращать научную работу в развлечение, в международный туризм? Может быть, классические, непрямые, безконтактные формы получения научной информации через научную литературу, журналы, книги, технические бюллетени вполне достаточны для поддержания в нашей стране необходимого высокого уровня научных исследований?

Для того, чтобы разобраться во всем этом необходимо рассмотреть по существу элементарный, но очень важный вопрос о современных масштабах, формах, условиях и принципах международного научного сотрудничества и их значении в развитии мировой науки.

1. Современные формы обмена информацией в мировой науке

То что любая наука реально существует в форме *общемировой науки* (например, общемировая химия, общемировая генетика, общемировая физиология и т. д.) сейчас уже не оспаривается. Это непреложный факт. Но из этого факта неизбежно следует, что возникает как реальность и общемировая дифференцировка и специализация в разработке научных проблем. И эта дифференцировка становится все более и более координированной. Иными словами, стало очевидным, что если

в США или в Англии начаты достаточно сложные и дорогостоящие работы, например, по расшифровке структуры вещества *X*, или по разработке сложного синтеза вещества *У*, то разрабатывать эти же проблемы во Франции и Бельгии уже нецелесообразно. Более разумно использовать научные возможности Франции и Бельгии для расшифровки структуры вещества *С* и разрабатывать синтез соединения *М*. В то же время система научного сотрудничества должна обеспечить для всех четырех стран использование результатов всех исследований. Так оно в действительности и происходит. Это особенно наглядно видно в изучении структуры белков. Расшифровка последовательности аминокислот в белках, даже для одного какого-либо белка, — это работа на несколько лет для хорошо оборудованной лаборатории. А интересных белков тысячи. Лабораторий, которые систематически заняты расшифровочными исследованиями, в мире около 50-70. Конечно, этим лабораториям целесообразнее договариваться о разделении сфер разработки, чем стихийно начинать изучение одного и того же белкового соединения. Вначале, когда изучение структуры белков в этом плане только начиналось (около 10-15 лет назад), было несколько случаев дублирования. Например, и в Чехословакии и в США расшифровывали строение одного и того же вида гемоглобина. Работа шла около 5 лет. Через пять лет, когда американцы закончили расшифровку полностью, чехи были на половине пути. Естественно, что они прекратили эту дорогую работу, как только стало известно, что она завершена в США. Такая же ситуация была с белком вируса табачной мозаики, почти одновременно независимо расшифрованного в Германии и в США. Сейчас же, когда число белково-структурных лабораторий увеличилось, эти лаборатории предпочитают согласовывать свои работы. Им стало выгодно и взаимодействовать по методическим достижениям. Благодаря этому общий поток мировой информации по структуре белков резко увеличился и польза от этого для каждого

участника разработок несомненна. И подобная ситуация существует почти по всем научным большим разработкам.

Фронт всех наук в настоящее время настолько расширился, что ни одна, даже великая страна, не может обеспечить у себя исследований по всем проблемам, лежащим в основе развития экономики, промышленности, сельского хозяйства, медицины и т. д., тем более, что сами исследования становятся все более дорогими и сложными. Национальная научная замкнутость в любой области знаний выглядит глупо и нелепо. Она существует пока еще и то очень ограниченно в военных областях науки и обеспечивается различными формами секретности. Обеспечивая секретность в оборонных разделах науки и препятствуя здесь дифференцировке, каждая страна приносит в этом случае прямой и косвенный экономический ущерб своему потенциальному противнику, заставляя его расходовать свои национальные рессурсы на разработку задач и проблем уже решенных, но засекреченных.

В большинстве же невоенных областей знания и даже в некоторых косвенно военных областях замкнутость разработок уступила место разумной и выгодной дифференцировке, взаимной дополняемости научных учреждений и экспериментальных групп в масштабах всего мира. *В этих условиях разнообразное и эффективное научное сотрудничество стало необходимой формой организации научной работы.*

В СССР, особенно перед Второй мировой войной и в первые годы после нее, доминировал, как известно, лозунг создания полной экономической, технической и научной независимости от капиталистического мира. Изолированное положение СССР до 1945 г., как единственной социалистической страны, и теоретическая возможность конфликта со всем капиталистическим миром, диктовали желательность непрерывного фронта научных и технических разработок, равноценного тому, который мог быть создан в капиталистическом мире.

Создание такого непрерывного фронта научных исследований в одной стране, даже в столь большой как СССР, никогда, однако, не стало реальностью. Оно вело к дроблению сил, гипертрофии научных учреждений, и все равно импорт техники, приборов, реактивов, научных достижений и покупка услуг иностранных специалистов были необходимы для создания и поддержания в СССР индустриального общества на современном техническом уровне.

После образования в Европе и Азии блока социалистических стран политика изоляции и полной независимости сначала усилилась, так как технические и научные возможности социалистического сектора возросли, и это создавало иллюзию возможности автономного более быстрого развития науки и техники. Однако научно-технические возможности социалистического блока после войны оказались меньшими, чем у экономически более развитого капиталистического сектора человечества. В результате этого политика изоляции СССР и его социалистических соседей от остального мира, приводила к все большему и большему отставанию многих наук и технических отраслей в СССР от мирового уровня. Она приводила также к расцвету в СССР ряда псевдонаучных обширных и дорогих систем, вроде лысенкоизма, запрещения квантово-резонансной химии, запрещения кибернетики, учения о «живом веществе», порождения микробов из вирусов и ряда других.

Научное и техническое отставание СССР от мирового уровня в период 1946-1955 гг. постепенно усиливалось, причем это происходило, несмотря на свободу копирования и заимствования любых технических достижений из-за границы, обеспечиваемых отказом СССР от участия в международных конвенциях и договорах по патентам, лицензиям, приоритету. В СССР доставлялись все журналы, книги, образцы машин, приборов, соединений. И все это можно было копировать и использовать

бесплатно, без обязательного разрешения стран — собственников патентов. Это отставание стало настолько значительным и очевидным, что начиная с 1955 г. Советский Союз начал, хотя и в очень еще ограниченной форме, включаться в традиционные формы международного научного сотрудничества.

Если раньше, приезжавшие из-за рубежа советские граждане, в первую очередь старались описать все плохое, все отрицательное, чем отягощен мир капитала, то после 1955 г. характер поступавшей по этому каналу информации резко изменился. За рубеж отправились общеознакомительные делегации, часто на высоком уровне, по многим отраслям знания. В массе появились статьи, брошюры, даже книги под заголовками «Что мы видели в США», «Что мы видели в Англии» и т. д. Лозунг использования достижений других стран стал очень популярным. Мы, как Колумбы, заново открывали для себя мир заграничной науки и техники и жестоко критиковали собственный консерватизм во многих направлениях. И хотя результаты этих новых тенденций были весьма быстрыми и значительными, все же общемировое развитие науки и связанное с ним развитие форм международного научного сотрудничества в последующие годы (1955-1967) намного обгоняло наши робкие шаги в этом направлении. В результате этого, отставание СССР по очень многим разделам и проблемам науки и сейчас сильно заметно и мы далеко еще не вписываемся в те общие структурные формы мировой науки, которые обеспечиваются именно международным научным сотрудничеством. Лозунг «догнать и перегнать» еще до сир пор неразумно и экономически разорительно используется в направлении дублирования, повторения, достижения уже достигнутого, а не на попытку участия в общемировой дифференцировке и общемировой специализации, возможных лишь на основе максимальной свободы сотрудничества. И если американцы построили какую-нибудь установку в 100 миллионов долларов для теоретических работ, то вместо

того, чтобы послать в США для работы на этой установке десяток ученых, а самим построить что-либо совсем другое, мы строим такую же или несколько более мощную, но такую же принципиально установку за 500 000 000 рублей, которая материально устаревает, часто еще до того, как она завершена.

Каковы же в современном мире формы научного сотрудничества, обеспечивающие взаимовыгодную дифференцировку научных усилий наций и стран? и как обстоят в этом отношении дела в СССР?

В первую очередь — это, конечно, обмен печатной научной информацией, централизованной и *индивидуальной*, обмен научными работами между государствами, академиями, институтами, библиотеками, лабораториями и *отдельными учеными*. Я специально выделяю здесь индивидуальный обмен информацией между учеными с близкими интересами, так как именно он в общем балансе обмена информацией, в современном мире становится все более и более доминирующим.

В СССР ранее всегда преобладал и преобладает сейчас централизованный, плановый обмен научной информацией между учреждениями и получение научной информации ученым посредством чтения или копирования материалов, поступающих в библиотеки. Я имею в виду текущую информацию, публикуемую в журналах, так как книги обобщают данные с опозданием на полтора-два года. В большинстве же других стран уже несколько десятилетий преобладает индивидуальный обмен информацией в форме обмена оттисками научных работ, опубликованных в журналах, и «препринтами», то есть копиями статей, направляемых в печать.

Сейчас, когда число научных работников в мире измеряется миллионными цифрами, возможность бесполезного дублирования, повторения исследований резко увеличилась. В одной и той же, иногда узкой области, работают десятки и сотни лабораторий. У нас в лаборатории изучается, например, в радиобиологическом аспекте, синтез гемоглобинов в ядерных эритроцитах.

Лет 25 назад синтезом гемоглобинов занимались два, максимум три исследователя в мире. Сейчас синтез разных гемоглобинов у разных животных изучают примерно в 90-100 лабораториях, а если подсчитать число лабораторий, которые вообще работают с гемоглобинами (строение, аномальные гемоглобины; видовое разнообразие, эволюция форм, генетика гемоглобинов и т. д.), то число таких лабораторий возрастает в мире до 300-350. И такое положение существует во многих областях. А ведь, допустим, синтез гемоглобинов — это лишь небольшой раздел общей проблемы синтеза белков, которая в десятки раз крупнее, ибо белков тысячи, и следить за работами в этой более обширной области тоже необходимо. С другой стороны, нужно следить и за работами по действию излучений на синтез белков. Повторять уже пройденный путь, изучать уже изученное, открывать открытое, проверять проверенное — это значит бесполезно расходовать ресурсы и время. Неэкономично и бесполезно пользоваться устаревшими методами, получать данные недостаточной точности. Тем более, что стоимость экспериментальных работ резко возросла почти во всех областях знания.

Следовательно, для того, чтобы работать с пользой, научный работник должен быть хорошо информирован в своей области, должен всегда иметь возможность получения необходимых сведений о текущих исследованиях в мире, должен иметь всю доступную информацию под рукой. Но объем информации, необходимой в этом отношении каждому ученому, исключительно быстро растет. Это увеличивает степень специализации научных работников и доводит ее до таких величин дробления, которые становятся уже не подвластны организованным, планируемым сверху, системам координации и взаимодействия. Межгосударственные связи можно планировать по отраслям в целом (металлургия, уголь, медицина, фармакология, биохимия, приборостроение и т. д.). И это достаточно сложно, ибо таких отраслей

сейчас *тысячи*. Межинститутские связи могут формироваться по большим проблемам (психиатрия, рентгенология, радиология, онкология, радиобиология, молекулярная биология, изучение лунной поверхности, конструкция электронных микроскопов, конструкция центрифуг, эрозия почв и т. д.). Таких проблем десятки тысяч. Для их разработки и создаются институты, как форма организации, способная обеспечить сбор, переработку и утилизацию основной информации по данной проблеме. Межлабораторные связи уже имеют более личные формы и касаются подпроблем, которых в каждой проблеме иногда десятки (Молекулярная биология дробится на молекулярную биологию вирусов, фагов, белки, РНК, ДНК, изучение кода, изучение синтеза полимеров и т. д. Радиобиология дробится на радиобиологию клеток, тканей, всего организма, количественную радиобиологию, действие излучений на продолжительность жизни, проблему радиочувствительности, молекулярную радиобиологию и т. д.). Каждая из подпроблем дробится на темы. Например, молекулярная радиобиология делится на изучение действия излучений на синтез белков, РНК, ДНК, нуклеопротеидов, рибосом. Темы делятся на конкретные вопросы, доступные для изучения отдельным научным сотрудником. В области молекулярной радиобиологии, это, например, изучение действия излучения на определенный белок, гемоглобин, или коллаген, или лактатдегидрогеназу, или еще какой либо из тысяч возможных. Таких конкретных вопросов разрабатывается в науке и технике сейчас более миллиона, а вообще возможное их число беспредельно. Научные связи по разрабатываемым темам и вопросам имеют индивидуальный характер и не поддаются общегосударственному планированию.

Ни одна институтская, академическая, отраслевая, городская библиотека не обеспечивает для сотрудника полного получения информации по темам и отдельным экспериментальным вопросам. Пользуясь той или иной

библиотекой для сбора какой-то группы основных сведений, *творческий* работник создает собственную сложную систему всестороннего сбора сведений, в которую обязательно должен входить личный контакт и постоянная связь с наиболее тесно соприкасающимися экспериментальными группами, постоянный обмен оттисками. Подсчитано, что работа по сбору и анализу теоретической информации по теме занимает не менее 50% творческого времени добросовестного научного работника. У руководителей экспериментальных групп и лабораторий этот процент может иногда быть еще выше. При этом соблюдать необходимый уровень знаний становится все труднее и труднее. Точно подсчитано, что объем научной информации в настоящее время удваивается каждые 10-15 лет. В ряде же прогрессирующих новых направлений он удваивается каждые 2-3 года. Число научных журналов возрастает ежегодно в мире на 400-500 названий. Г. М. Добров в своей интересной книге «Наука о науке» (Киев, 1966 г.) сообщает, что в мире в 1964 г. издавалось 100 000 периодических научных журналов, в которых в год публикуется около 4 миллионов статей.

В связи с таким растущим потоком информации множится число реферативных, информационных, библиографических изданий. Но они помогают лишь найти нужные работы. Чтение оригиналов статей попрежнему остается главной формой теоретической работы, и заменить ее пока нельзя.

Но сейчас не только институт, но даже крупный город, не может накопить в библиотечном фонде *полной* научной информации, скажем в области биологии или физики. Даже Центральная научная Государственная библиотека имени Ленина в Москве, которая по замыслу должна была собирать *всю* мировую научную информацию, не имеет очень многих журналов по многим отраслям знания. Я знаю это по личному опыту. Например, в области геронтологии в Ленинскую библио-

теку не поступают такие важные журналы, как: Experimental Gerontology, Gerontologia, Geriatrics, Journal of American Geriatric Society, Advances in Gerontological Research, и знакомиться с ними приходится в других библиотеках Москвы (Центральная медицинская, Иностранной литературы, Биоотделения АН СССР). Некоторые же национальные журналы (бельгийский, датский, финский, шведский, австрийский) вообще не поступают в СССР ни в одну библиотеку.

Но это касается Москвы. А если взять такие крупные города, как Киев, Свердловск, Харьков, Горький и т. д., то дефицит доступной научной информации, скажем, по биологии здесь исключительно большой. Вряд ли в каждый из этих городов поступают по всем каналам больше, чем 10% научной информации. И такое положение существует в любой другой стране.

В этих условиях неспособности государственных систем снабжать ученых полной научной информацией по частным, конкретным темам и вопросам исследования, главную роль в сборе и получении информации *приобретает личная, индивидуальная инициатива.*

В чем же состоит эта личная инициатива? И что делает для обеспечения полной информированности, например, какой-нибудь Доктор Браун из Висконсинского Университета в городе Медисон в США, или Доктор Кэмпбел из Института молекулярной биологии в Эдинбурге?

Имея на столе стопку стандартных форменных открыто-запросов, он просматривает основные профильные текущие журналы и многочисленные печатаемые сейчас уже электронными машинами реферативные издания и предметные указатели к ним по всей мировой литературе, библиографические карточки по темам, получаемые по подписке лабораторией, от специальных информационных центров и прочие материалы, быстро заполняет запросы на работу его заинтересовавшие и сдает их в канцелярию института для отправки авторам работ, или в учреждения, где работа выполнялась. Все

реферативные иностранные журналы, например «Кемикл эбстрактс» или «Байолоджикал эбстрактс» и другие библиографические издания, обрабатывая всю мировую литературу, печатают вместе с рефератом обязательно и адрес авторов. В некоторых больших лабораториях, например в лаборатории биохимической микробиологии Иллинойского Университета общий просмотр журналов и реферативных справочников и заполнение запросов по серии тем осуществляет специальный электронный робот.

На большинство этих запросов к ученому в лабораторию поступает требуемая статья в форме печатного отдельного оттиска из журнала. Иногда поступает отказ, с указанием, что запас оттисков уже кончился. Тесно связанные тематикой лаборатории и ученые включают друг друга в т. н. «почтовые списки» и направляют друг другу статьи до или после опубликования без запросов, сразу.

В свою очередь, автор статьи, получающий запрос, обычно всегда в состоянии его удовлетворить. В среднем на каждую статью в основном журнале поступает от 200 до 400 запросов, а на некоторые особо важные, до 1000. В связи с этим, любой иностранный журнал изготовляет по заказу автора, за плату, любое количество оттисков статьи, 100, 200, 500 или 1000 экземпляров. Оплата заказа осуществляется за счет фонда, финансирующего данную конкретную тему. (Руководители тем имеют чековые книжки.) Рассылка оттисков часто централизована и большие лаборатории распространяют каталоги оттисков, которые могут быть высланы по запросам, бесплатно. Здесь процесс стимулируется личной заинтересованностью автора и лаборатории в распространении их работы. Существуют специальные конверты всех размеров с металлическими зажимами для рассылки оттисков.

Благодаря этой системе, ученый создает у себя в лаборатории или дома личный, собственный фонд ориги-

нальных статей по разрабатываемой и смежным темам, фонд, достигающий с годами многих тысяч работ. Я сам, переняв эту практику, получил за 10 лет, с 1956 по 1966гг., около 6000 оттисков. В личном фонде оттисков Н. В. Тимофеева-Ресовского около 25 000 статей. Фонды оттисков некоторых больших лабораторий за рубежом превышают 100 000 названий.

Только при такой системе ученый избегает трудоемкого и неэффективного конспектирования по журналам и может читать оригиналы тогда, когда это нужно. С этой формы научной работы и начинаются сейчас все другие формы взаимосвязей между учеными и отдельными лабораториями, возникает сложнейшее переплетение взаимных усилий.

Теперь перейдем к положению в этом отношении советского ученого, скажем, кандидата наук Сидорова из Свердловского университета, или доктора наук Петрова из Института физиологии в Ленинграде.

Советские журналы он читает и конспектирует, те, конечно, на которые он не производит личной подписки. Дело в том, что запрашивать оттиски у советских авторов обычно бесполезно. Многие журналы отдельных оттисков статей не изготовляют. Те же, которые изготовляют, присылают авторам не больше 25 штук. Раньше, лет 6 назад, это число было 50, но с 1964 г., ради экономии бумаги, было уменьшено до 25. Заказать дополнительное количество оттисков за наличный или безналичный расчет нельзя ни в одном журнале, так как набор журнала рассыпается сразу после изготовления тиража. Оттиски в СССР готовятся путем разброшуровки журнала, а не отдельной печатью каждой статьи в нужном числе экземпляров, как за границей. Конвертов большого формата с зажимами для рассылки оттисков обычно нет и многие клеят их сами, если нужно.

Иностранные журналы поступают в большинство библиотек с большим опозданием. Дело в том, что в связи с экономией валюты, большинство институтских

и городских библиотек получают иностранные журналы не непосредственно по подписке из-за границы, а в форме электрокопировальных репродукций или фотоофсетных копий, осуществляемых в Москве Производственным комбинатом Всесоюзного института научной и технической информации, нарушающим этой практикой элементарные международные правила. Копируется таким способом около 500 научных и технических журналов, и подписка на них включается в свободно распространяемые каталоги «Союзпечати». Валюта, таким образом, может быть и экономится, за счет нанесения некоторого убытка иностранным издательствам, но копии журналов поступают в библиотеки с 6-7 месячным опозданием, а это весьма существенный разрыв, равный сроку серьезного исследования. По межбиблиотечным абонементам высылаются в другие города лишь журналы прошлого года и притом дубликаты, которые имеются не для всех изданий. Даже такие универсально известные и самые читаемые научные журналы, специально существующие для быстрых публикаций и выходящие еженедельно, как Нейчур (Лондон) и Сайенс (США), почти во все библиотеки, кроме центральных московских, поступают с 4-5 месячным опозданием в форме копий ВИНИТИ.

Запрос оттисков по журналам, поступающим в руки ученого с таким опозданием, вести уже нецелесообразно, автор уже обычно израсходовал имевшийся у него запас. Советские реферативные журналы, например, РЖ «Химия», РП «Биология» и другие, помимо слабой оперативности к публикации рефератов с 1-1,5 годовым разрывом, не печатают адресов авторов статей и поэтому не годятся для сбора оттисков. Кроме того, они не готовят квартальных и годичных предметных указателей и поэтому пользование ими затруднительно. В связи с этим большинство советских исследователей не ведет интенсивного сбора оттисков из-за рубежа, а тем более обмена, так как собственные запасы оттисков обычно весьма ограничены.

Кроме того, контакты советских ученых с зарубежными лабораториями, даже для сбора доступной информации, долгое время искусственно сдерживались различными ограничениями, и инерция этих ограничений пока еще сохранилась, особенно вне Москвы. До 1956 г. оттиск статьи (печатное произведение без продажной цены) мог быть послан за рубеж лишь через Иностранный отдел соответствующего ведомства. В противном случае почта возвращала отправление автору, да и то не всегда. На международных конгрессах и конференциях, вплоть до самого последнего времени, советских ученых часто упрекали в некооперативности, в смысле высылки работ по запросам. Но и после 1956 г., когда почтовая служба получила указания о свободной отправке оттисков печатных работ за-границу, и даже были введены льготные тарифы на обмен печатными работами, в большинстве научных институтов и ВУЗов, особенно на периферии, сохранилась практика проверки отправляемой за рубеж корреспонденции спецчастью или администрацией института. Почта, даже в Москве, и сейчас получает от Международного Почтамта самые противоречивые указания. Лишь совсем недавно, в конце 1967 г., Международный Почтамт и почтовые отделения в Москве перестали принимать без особой формы 103а всю корреспонденцию, оттиски, письма и пр., если на конверте ставится *служебный адрес* научного работника. А форма 103а означает проверку корреспонденции перед отправкой администрацией, составление списков в трех экземплярах и подпись директора и круглую печать. Все это создает психологический барьер и лишний расход времени и, естественно, резко ограничивает обмен информацией. (В конце 1968 г. это правило было сужено и сохранилось лишь для тех отправлений, на которых нестоит фамилия отправителя). В итоге, средняя советская лаборатория имеет запас текущей, быстро доступной информации намного (может быть, в 7-10 раз) меньший, чем средняя лаборатория в США.

Недостаточная информированность советских специалистов ведет к изобилию ненужных, повторных, дублирующих исследований. В обычной работе в области биологии, физики, химии и пр. учесть убытки от этого трудно, но они наверняка в десятки раз превосходят ту небольшую экономию, которая создается нарушением издательских конвенций. Но в деле патентно-изобретательском убытки от повторных решений поддаются статистическому и экономическому учету. Г. М. Добров в своей книге «Наука о науке» (1966) приводит следующие демонстративные цифры. В Англии и США в 1960 г. повторные технические разработки составляли 10-20% и это принесло убыток на сумму около 1 миллиарда долларов. В СССР в ряде отраслей техники число повторных изобретений возросло с 40% в 1946 г. до 85% в 1961 г. В среднем из каждых 1000 поступающих заявок на изобретения в СССР не дублируют старые решения лишь около 240-280. Г. М. Добров рассчитал удельный вес повторных заявок и обнаружил, что максимум повторов приходится на 1966-68 гг. и 1950-1955 гг. В эти годы, как известно, боязнь связей с заграницей также достигала максимумов.

Такое положение приводит не только к экономическому ущербу и хроническому отставанию многих отраслей науки и техники. Оно резко усиливает центростремительные тенденции в организационной структуре советских научных систем. Возникает непреодолимая тенденция сосредоточения научных институтов и лабораторий в зоне нескольких крупных городов и прежде всего в зоне Москвы. Далее идут Ленинград, Киев, Новосибирск, Рига. В зоне Москвы расположено не менее 70% всех научно значимых лабораторий и институтов в области биологии, биохимии, генетики, эмбриологии, биофизики. Вокруг Москвы создана серия научных городков-спутников — Дубна, Пущино, Обнинск, Черноголовка, Крюково и ряд других. Ничего подобного нет в США. Журнал «Федерейшн Просидингс» *(Fede-*

ration Proceedings) публикует иногда карты распределения научных кадров в области биологии по штатам. Распределение оказывается примерно равномерным и пропорциональным населенности штатов. Выделяются насыщенностью научных учреждений лишь штаты с хорошим климатом и природными условиями; Калифорния, Флорида, Техас. Насыщен наукой, естественно, и Нью-Йорк, но он от Калифорнии заметно отстает. Периодический журнал Национальной Академии наук США *(Proc. of the National Academy of Sciences of USA)* публикует списки членов Академии США и их адреса. Если сравнить эти списки со списками академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, то получается картина резкого различия. Почти 85% академиков и членов-корреспондентов АН СССР имеют московские адреса. Распределение же членов Национальной академии США по всей территории США весьма равномерное, с максимумами опять в штатах Калифорния, Нью-Йорк, Массачузетс, Мерилэнд, Техас, Коннектикут, Иллинойс, в которых максимальна и плотность населения.

Такова роль правильно организованной научной информации, правильно организованного материального снабжения лабораторий, правильно организованного научного сотрудничества централизованного и личного.

Второй главной формой, необходимого любому ученому обмена научной информацией, являются разнообразные международные совещания, конгрессы, конференции, симпозиумы, коллоквиумы, проблемные школы. Нужны ли они, как важный фактор развития науки? Ведь скорость публикации результатов работ в печати в среднем значительно возросла. В СССР она, к сожалению, отстает от среднемировых сроков, и в некоторых журналах очень резко. Здесь играет роль лимитирование объема журнала. За границей объемы отдельных номеров и томов журналов обычно не лимитируются и зависят от количества поступлений. Совет-

ские научные журналы имеют точно лимитированный объем каждого выпуска, и поэтому в них часто создаются большие очереди статей.

Если говорить об объеме и посещаемости международных совещаний ученых, то они очень резко растут, особенно в последнее десятилетие. Здесь имеет значение, конечно, не только возрастание их роли в научной работе, но и улучшение средств сообщения, ликвидация системы паспортов и виз в Западной Европе и во многих других группах стран. Но главный фактор роста числа и разнообразия форм научных совещаний состоит в улучшении системы международного сотрудничества ученых и развития специализированных международных научных организаций, обществ, ассоциаций, союзов.

Чтобы продемонстрировать масштабы международной активности ученых в этом направлении приведем некоторые данные. Институт научной информации в Москве (ВИНИТИ) уже много лет издает ежемесячный *«Бюллетень международных научных съездов, конференций, конгрессов»*, являющийся практически переводом аналогичного Бюллетеня ЮНЕСКО и ряда других изданий. В этом Бюллетене публикуются предварительные списки намечаемых на следующие год-два международных совещаний, регистрируемых их организаторами в ЮНЕСКО и в других объединениях, то есть самых важных и со свободным доступом для всех желающих. Списки более узкоспециальных и небольших совещаний публикуются другими объединениями, Всемирной организацией здравоохранения, Международной ассоциацией по атомной энергии и другими.

Если взять Бюлетени ВИНИТИ за начало 1967 г., которые анонсируют планы международных совещаний на 1968 г., то можно увидеть, что каждый месячный бюллетень дает список около 150 крупных совещаний (Январский выпуск Бюллетеня анонсирует 200 конгрессов, симпозиумов и конференций, февральский, 121, мартовский — 82, апрельский — 133, майский — 152 и т. д.). Всего в 1968 г. планируется около 1600 больших

международных совещаний. Если проследить только за международными конгрессами, то есть за главными традиционными многотысячными собраниями ученых, объединенных отраслью науки (а не проблемой) и собираемых раз в несколько лет по каждой отрасли, то в 1968 г. их должно быть около 400 (по генетике, двигателям внутреннего сгорания, чистовой обработке металлов, древесине, геологии, сахарному тростнику, бетону, лабораторному оборудованию, торговле зерном, реактивным двигателям, физиологии, фотобиологии, офтальмологии, источникам энергии, нейрохирургии, алкоголю, транспортному строительству, коррозии, литейному делу, цитохимии и гистохимии, эферным маслам, эндокринологии, зоологии, поверхностно активным веществам, лепре и т. д.). Ориентировочно, по данным ЮНЕСКО, в научных конгрессах и совещаниях международного характера принимает участие до миллиона человек ежегодно. А сколько других мелких частных, межинститутских, межлабораторных симпозиумов и коллоквиумов, не учитываемых статистикой. В мире, по данным ЮНЕСКО в 1964 г. было 2 500 000 научных работников. Из них каждый четвертый имел ученую степень. Таким образом ученых высокой квалификации в мире около 650 000 (для 1964 г.), или около 700 000 для 1968, если учитывать темпы роста научных кадров. Из этого числа около четверти регистрируется за счет СССР. По официальным данным (доклад Л. И. Брежнева XXIII Съезду КПСС) число научных работников в СССР в 1966 г. равнялось 660 000. В 1967 г. это число возросло до 700 000. Если каждый четвертый из них имеет ученую степень, то число научных работников высокой квалификации составит около 180 000. По этим показателям СССР в два раза превосходит США. По числу научных работников на 100 000 населения СССР также превосходит страны Европы в два раза.

Таким образом, если миллион человек ежегодно в последние годы принимает участие в международных

научных совещаниях, то пропорционально при равном представительстве, на долю советских ученых также должна была бы приходиться четверть от этой цифры, то есть 250 000 человек... Если учесть, что четверть участников каждого международного совещания представлена гражданами той страны, где это совещание проводится, то тогда при равном с другими странами участии советских ученых в международном сотрудничестве, должно было бы выезжать за границу ежегодно для этой цели около 200 000 советских ученых.

Посмотрим теперь, как в действительности обстоят дела в этом отношении. К сожалению, точные данные выездов советских ученых за границу, для участия в международных совещаниях, имеются только по системе Академии наук СССР, которая находится в значительно лучшем положении, по сравнению с другими ведомствами. Это делает приводимые ниже общесоюзные коефициенты несомненно завышенными. В системе Академии наук СССР (с Академиями наук Союзных республик) работает около 80 000 научных работников. Это составляет около одной пятой от общего числа научных работников в открытых научных учреждениях. (Работники закрытых научных учреждений выезжают за границу лишь, как исключение). Число научных работников с учеными степенями в системе АН СССР около 20 000 или 25 000. По данным, опубликованным в отчетном докладе Главного Ученого секретаря АН СССР, академика Я. В. Пейве (Вестник АН СССР, № 3, стр. 186-190, 1967) в 1966 г. выезжало за рубеж во все страны (социалистические, капиталистические, развивающиеся) 3459 сотрудников академии, включая случаи научного туризма. Академия наук СССР приняла из-за рубежа втрое больше, 9305 иностранных ученых. Из общего числа выездов за границу советских ученых лишь около 50% приходится на участие в различных совещаниях. Если даже округлить эту цифру в сторону увеличения, то она составит около 2000 человек. Если взять цифры по АН СССР в качестве средних для всех

других научных систем Союза (чего в действительности далеко нет), то число советских участников международных зарубежных конгрессов и конференций в 1966 г. не превышало, по-видимому, 15 000 или в лучшем случае 20 000. При этом многое зависит, конечно, от локализации конгрессов и конференций. Несомненно, что больше половины от этой величины приходится на международные совещания, проводимые в восточноевропейских социалистических странах*.

Таким образом, цифра в 20 000 составляет лишь 10% от теоретически ожидаемой и то, если уравнять АН СССР с другими ведомствами. Следовательно, в 1966 г. участвовал в международных научных совещаниях примерно лишь 1 научный работник из 30-40. К сожалению, мы не можем привести аналогичных расчетов для ученых Англии, Франции и других стран, но нам кажется, что коэфициент участия в этом случае должен быть в 20-30 раз выше.

Если взять другие данные того же доклада академика Я. В. Пейве, то оказывается, что в США (на долю США приходится не менее 50% научной информации капиталистического мира) побывало в 1966 г. 95 научных работников АН СССР и АН союзных республик. В СССР же по линии АН СССР побывало 2183 американских ученых, то есть в 20 раз больше. В Англии побывало 326 советских ученых, в СССР — 820 английских, а в Англии ученых в 10 раз меньше, чем в СССР и т. д.

Каждый, кто участвовал в работе того или иного международного конгресса, хорошо знает сколь мало-

*) По данным, приведенным в отчетном докладе Я. В. Пейве за 1967 г. (Вестник АН СССР, № 5, 1968), в 1967 г. выезжало за границу несколько большее число сотрудников АН СССР — 4522 человека. Однако в СССР в 1967 г. по линии Академии Наук побывало втрое меньшее число иностранных ученых — 3590 человек. (Из 4522 человека, выезжавших по линии АН СССР за границу, 2362 выезжали в социалистические страны, а из 3590 человек, приезжавших к нам, 2900 приходилось на граждан социалистических стран (см. дополнительные данные в статье И. Н. Киселева, Вестник АН СССР, № 9, 1968). Таким образом, число ученых, посетивших нашу страну в 1967 г., резко уменьшилось, особенно за счет стран Западной Европы и США. Из всех капиталистических стран в 1967 г. приехало в СССР меньшее число ученых, чем в 1966 г. приехало только из Англии (820 человек).

численны обычно советские делегации. На международном конгрессе по геронтологии в Вене присутствовало 15 ученых из СССР. А из США, через океан, приехало почти 200 человек. На 3-ий Международный конгресс по генетике человека в США в 1966 г. было представлено лишь 4 доклада от СССР, но никто из докладчиков не приехал. Была разрешена лишь поездка одного ученого, академика Н. П. Дубинина, но и он не смог приехать. А только из Швеции на этом Конгрессе было 16 человек, из Израиля — 12, из Голландии — 14 и т. д. Общий список участников, опубликованный в сборнике основных докладов Конгресса, 920 ученых. На 5-м Международном конгрессе по биохимии в Москве в 1961 г. присутствовало 1200 американских биохимиков. А на следующем 6-м Конгрессе по биохимии в Нью-Йорке в 1964 г. участвовало около 30 советских биохимиков. И так почти на каждом конгрессе, не говоря уже о том, что на очень большом числе международных совещаний советская наука вообще не представлена*.

*) В издаваемом в Англии наиболее известном международном научном журнале «Нейчур» (природа) в январе 1968 г. (том 217, № 5124, стр. 123-124) была опубликована интересная статья физика Джона Зимана, члена Королевского общества. Статья озаглавлена *«Письмо к воображаемому советскому ученому»*. Главным мотивом статьи, написанной в доброжелательном тоне и с юмором, является показ того, насколько странным и непонятным для английских ученых оказываются случаи неприезда советских ученых на международные конференции, уже после того, как приезд был запланирован и согласован. Автор статьи обращает внимание на очень сухой и официальный стиль большей части писем от советских ученых, большие задержки в ответах на письма, на случаи приезда на конференции совсем не тех лиц, которые были приглашены и на невозможность просто пригласить советского коллегу для работы в лаборатории. Он справедливо отмечает, что такая ситуация приносит ущерб прежде всего той стране, которая осуществляет на практике политику изоляции.

В СССР оригинал журнала «Нейчур» поступает лишь в немногие библиотеки Москвы. В остальные части страны и по свободной подписке распространяется репродукцируемая Институтом информации фотоофсетная копия. Естественно, что открытое письмо Дж. Зимана в эту копию не было включено. Однако, чтобы порядок страниц не был нарушен и читатель не заподозрил изъятия, вместо статьи Зимана в «советский» вариант журнала включили на это место различные рекламы, взятые из других номеров. В прежние времена «нежелательные» статьи просто вырезались из журналов, поступавших в библиотеки с купюрами. Современная техника позволяет, как мы видим, прибегать к более тонким способам фальсификации. Что же касается американского журнала «Сайэнс» (Наука), то в нем почти из каждого номера не включают в «советский» репродуцированный вариант одну-две статьи.

Однако важно прежде всего определить, является ли столь слабое представительство советских ученых на международных совещаниях действительным недостатком, влияющим на развитие науки в нашей стране. Может быть, это лишь разумный путь рационального ограничения ненужных затрат валюты и творческого времени?

Международные конгрессы, симпозиумы и конференции — это тот же, хотя и качественно своеобразный, путь обмена научной информацией. Конечно, наука не остановит своего развития, если конгрессов и совещаний вообще не будет. Но темп этого развития, несомненно, замедлится. В чем же состоит смысл, задача и польза международных совещаний?

Остановимся прежде всего, на традиционных Конгрессах. Задача традиционных последовательно нумеруемых конгрессов по отраслям науки, собираемых обычно не чаще чем раз в три года, подвести итог исследованиям в данной отрасли знания в течение последних лет и провести выборы нового руководства соответствующего международного научного объединения. На конгрессе обычно предстоит обозреть текущее состояние всей мировой науки по данной отрасли знаний и обсудить все главные проблемы на особых сессиях и симпозиумах. Материалы каждого конгресса, выкристаллизовывая данную отрасль знания из смеси колоссального множества компонентов общемировой системы научных учреждений, при вдумчивом изучении ясно показывают все главное и все второстепенное, чего данная отрасль достигла в прошедшие годы, и чего она может достигнуть в ближайшем будущем.

Ученые определенной специальности смешаны с множеством других ученых других специальностей в самых причудливых соотношениях. Генетиков можно, например, встретить в медицинских, химических, физических, космических, геологических, и во всяких других учре-

ждениях, в колледжах и школах, университетах и частных фирмах. Международный конгресс, раз в несколько лет, собирает их всех, как магнит, отсеивая от остальной породы. В своей работе каждый ученый по необходимости очень узкий специалист. Приехав на конгресс, он получает ориентировку сразу во всей области и смежных с нею разделах науки. Наверное, 80-90% ученых знают не более одного иностранного языка. И если англичанин, знающий французский язык, или немец, знающий английский, читают литературу на этих языках, то своевременно следить за русской, японской, итальянской, испанской, шведской литературой они уже, как правило, не могут. Международные конгрессы с их резким ограничением рабочих языков и синхронным переводом на рабочие языки всех докладов делают для участника конгресса доступной всю текущую мировую информацию. Следует отметить, что если до 1917 года и по традиции вплоть до тридцатых годов, русский язык был одним из рабочих языков на всех основных конгрессах, особенно в Европе, то после 1946 г., когда русские ученые прекратили участие в конгрессах в сколь либо значительном объеме, русский язык исчез из программы конгрессов и более не является рабочим. Почти на всех международных совещаниях доминирует английский язык. Он стал основным рабочим языком даже, когда международные совещания проводятся в Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии. В частности, Менделевский мемориальный симпозиум в Брно и Симпозиум по мутациям в Праге в 1965 г., Геронтологический симпозиум в Праге в 1967 г., Радиобиологический симпозиум недалеко от Праги в сентябре 1967 г., проводились исключительно на английском языке. Доклады на русском языке не принимались и синхронный перевод с русского не обеспечивался.

По-видимому, существует у ученых какая-то периодическая потребность приобщиться к мировым масштабам их собственной науки, оценить темпы ее развития.

Не случайно, несмотря на все большее и большее отраслевое дробление конгрессов и все более узкую специализацию Международных ассоциаций (Ассоциация по общей генетике выделила в самостоятельную отрасль генетику человека, Ассоциация микроскопий выделила в самостоятельную отрасль электронную микроскопию и т. д. (масштабы созываемых Ассоциациями конгрессов непрерывно растут. Кроме того, растет и сама армия ученых. На отраслевой международный конгресс прибывает сейчас со всего мира не менее 2-3 тысяч человек, а на многие значительно больше. На 5-ом биохимическом конгрессе в Москве было 5500 участников, а на 6-ом в Нью-Йорке — 7000. На микробиологический конгресс в Москве в 1966 прибыло 6000 ученых. На конгрессы по молочному делу собирается до 9000 человек. Даже на международный конгресс по такой, казалось бы, узкой отрасли, как электронная микроскопия, и проходивший в столь отдаленной от Европы и Америки стране, как Япония, приехало в 1966 г. около 2000 человек. Программы конгрессов отличаются обычно исключительным разнообразием. Имеющаяся у меня программа XII международного конгресса по генетике, который состоится в текущем году в Японии, включает 26 проблемных симпозиумов, 22 тематические многодневные общие сессии, несколько пленарных заседаний, 7 выставок и несколько более узких совещаний ведущих специалистов после конгресса в разных городах Японии.

Помимо большого организующего и информационного значения, каждый международный конгресс вызывает сложную стимуляцию творческой активности его участников посредством обсуждений, дискуссий, бесед. Это не только психологический фактор, которым в науке нельзя пренебрегать. Следует подчеркнуть, что при всем том обилии и разнообразии средств информации, которыми пользуется современная наука в своем взаимодействии с индивидуальным исполнителем, *главным средством и способом критического обсуждения той или*

иной работы, выявления ее слабых и сильных сторон, ее методических недостатков и ее положения в ряду других исследований в данной области и по сей день является устное, прямое, непосредственное обсуждение в кругу понимающих коллег. И максимально полезным, объективным и беспристрастным оно может быть именно на международной основе.

Современная наука столь сильно разрослась и дифференцировалась в междунардном масштабе, число разрабатываемых конкретных вопросов столь возросло, что очень многие учение просто не имеют в своей собственной стране понимающих их соратников. По данному конкретному, иногда очень важному вопроссу, ученый может быть в своей собственной стране *единственным* специалистом. Такое положение часто встречается не только в малых странах, где оно просто типично, но и в больших государствах. Я мог бы привести множество примеров по СССР в области биологии и биохимии.

Например, проблему пострадиационного восстановления на удобном для этого объекте — дрожжевом грибке изучает в СССР только одна экспериментальная группа В. И. Корогодина в нашем институте. Несколько других такого рода исследовательских групп есть в 5-6 странах. На международных конгрессах по радиоционной биологии представители этих групп обычно собирают небольшой симпозиум. Важнейший вопрос биосинтеза белка — изучение последовательности нуклеотидов в транспортных РНК — разрабатывают во всем мире 7-8 групп и две из них имеются в СССР (в Москве и Новосибирске). Казалось бы, даже столь большой вопрос, как генетика процесса старения, изучается в СССР лишь двумя научными работниками — Г. Д. Бердышевым и мною. В мире вопросы генетики старения входят в сферу исследований примерно 20 ученых. И естественно, что когда в 1966 г. на геронтологическом конгрессе в Вене был намечен перед конгрессом небольшой четырехдневный симпозиум по генетике старения с 20-

25 участниками и каждый из нас получил приглашение, то для нас было бы весьма небесполезно там присутствовать. И от того, что это не удалось, проиграли, конечно, прежде всего мы сами.

Подобная ситуация существует в очень многих, по-видимому, в большинстве случаев. Наряду с большими вопросами, разрабатываемыми сотнями специалистов даже в одной стране, имеются тысячи экспериментальных групп, работа которых просто не может получить компетентного обсуждения в национальных границах. Кроме того, межнациональные взаимосвязи науки сильно усложнились, так как множество новых стран, ранее не имевших национальных научных кадров, сейчас интенсивно развивают многие разделы науки... В них создаются экспериментальные группы, часто не имеющие никакой связи с промышленно-экономическими интересами данной страны, и приобретающие смысл только в системе международной дифференцировки науки.

Все мы знаем, что в научной работе одна удачная мысль, возникшая в каком-либо пятиминутном обсуждении, одно критическое замечание, один совет опытного коллеги могут определить и изменить направление работы ученого на многие годы.

Иногда кажется, что в науке стало слишком много обсуждений, дискуссий, совещаний, что это мешает непосредственной творческой экспериментальной работе. Иногда это, может быть, и так, особенно при неумелом руководстве наукой и плохой организации конференций и совещаний. Но, в сущности, этот рост баланса обсуждений есть неизбежное следствие резкого удорожания экспериментальных работ и лабораторных установок. Прежде чем затрачивать на опыт миллионные фонды, следует очень тщательно и всесторонне обсудить, насколько этот опыт действительно необходим, насколько полученная в результате его проведения информация действительно оригинальна и однозначна, не проводит

ли кто-либо в других лабораториях и в других странах аналогичных работ. Поэтому представляемые учеными экспериментальные проекты (в странах с фондовым финансированием каждой конкретной темы, по ее точно рассчитанному балансу), с течением времени обсуждаются все более и более тщательно. В СССР, где доминирует бюджетное финансирование структурных единиц (Академии, институты, отделы, лаборатории), а не индивидуальных тем, научная эффективность затрачиваемых на исследования средств удельно резко снижается именно из-за недостаточно серьезного профессионального обсуждения проектов. В этом случае доминирует обсуждение работы в административно восходящем разрезе, всегда мало компетентное, а не экспертно-профессиональное, как при фондовом финасировании. (Фондовое финасирование означает, что государственные и частные ассигнования на науки не двигаются по нисходящим инстанциям, а поступают в профессионально дифференцированные, независимые фонды, которые финасируют темы, во многих случаях минуя административную субординацию учреждения. В США таких фондов около 1800. Ученый запрашивает финансовую поддержку лично и непосредственно от фонда. Отказы в финансовой поддержке проектов, основанные на очень тщательном обсуждении результатов предыдущих исследований, мирового опыта и квалификации ученых, например, в геронтологии в США, судя по материалам, опубликованным в журнале «Сайенс» (№ от 15 декабря 1967), составляют не менее 50% от общего числа предложений. В других, более «дорогих» науках они по-видимому, выше.

Очевидно, далее, что если в мире создаются разнообразные международные научные общества и ассоциации с все более и более узкой специализацией интересов, то члены этих обществ, объединяемые совместной организационной деятельностью, должны обязательно время от времени собираться. Помимо научных дискуссий и обсуждений очень важных для участников, им

также важно осуществлять выборы и перевыборы руководящих органов, правлений, бюро секций, редакционных и проектных групп, пересмотра уставов и т. д. Непреложная традиция международных научных обществ — это обязательная полная сменность руководящих органов в периоды, определяемые сроками между конгрессами или общими конференциями. Тоталитарное руководство обществами, когда избранный президент остается президентом до самой смерти, может осуществляться просто. Периодическая сменяемость всех организаций требует личного знания кандидатов, личного знакомства специалистов данной профессии, хотя бы в пределах проблем и подпроблем.

Сейчас в мире созданы *тысячи* международных профессиональных обществ и ассоциаций. Несколько сотен обществ, очень крупных и с национальным и региональным дроблением осуществляют в своей работе союз с ЮНЕСКО (см. списки, опубликованные в книге «ЮНЕСКО и современность», изд. «Международные отношения», Москва, 1966. Приложение № 8, стр. 256-262). Однако сотни обществ независимы от ЮНЕСКО. Кроме того, огромное множество обществ имеет международный характер и международный статус, но не имеет национального деления, так как во многих странах по данной проблеме работает лишь несколько ученых, иногда один-два. Такие общества имеют обычно один руководящий орган для всего мира. Мне хорошо известно одно такое общество с текущим центром в Сан-Жуане в Порто-Рико (после следующих выборов штаб квартира общества сменится). Это «Общество по изучению биологических ритмов». В списке членов общества около 100 ученых. Общество собирает общемировую специальную библиотеку работ, в основном оттисков, по биоритмам, проводит ежегодные международные конференции, издает проблемные сборники и, между прочим, оказало очень большое влияние на многие разделы биологии, биохимии, физиологии и т. д.,

показав совместной исследовательской деятельностью своих членов, что любой процесс в организме, начиная с дыхания и кончая активностью генов, имеет суточные, сезонные и прочие ритмы и их теперь необходимо учитывать при любых исследованиях во времени.

Ученый в современном мире не может работать замкнуто. Он творит, как член мирового содружества науки, и он должен быть полноправным членом этого содружества. Мыслим ли в Европе ученый, скажем в возрасте 50-60 лет, который ни разу не выезжал за пределы своей страны, ни разу не участвовал в международных совещаниях за границей, ни разу не посетил ни одной зарубежной лаборатории, хотя бы в соседних странах? Конечно, не мыслим, невозможен ни в Англии, ни во Франции, ни в Бельгии. А в СССР таких ученых пока еще большинство. Ограничивая их желание и право на эффективное сотрудничество с учеными других стран, их лишили в жизни очень и очень многого. Но многого лишилась при этом и советская наука, наша страна.

Но если взять в целом всю группу 50-60 летних, то ее возможности сейчас все же лучше, чем у молодежи. Максимальное количество выездов за границу, например, на каждые 100 человек в год, приходится, по-видимому, на академиков, затем идут члены-корреспонденты, затем доктора наук, далее кандидаты и уже потом научная молодежь. А ведь в целом международные конференции, конгрессы и совещания почти по всем наукам резко «помолодели» после 1946-50 гг., как только начался мировой научный «бум». Причин значительно большего, чем средний, возраста советских научных делегаций несколько. Во-первых, это связано с предварительным лимитированием числа участников любого международного совещания. Предварительная информация о конгрессах и симпозиумах, рассылаемая, например, Министерством здравоохранения, прямо указывает, Конгресс такой-то — 10 мест, Симпозиум та-

кой-то — 8 мест, Конференция такая-то — 12 мест и т. д.* Эти цифры намечаются еще до выявления реально желающих поехать для участия в совещании. И поэтому, например, на 10 мест на какой-либо важный конгресс всегда найдется 10 академиков и членов-корреспондентов.

Вторым фактором, ограничивающим участие молодежи в международных совещаниях, является высокая стоимость путевок Интуриста. Большинство ведомств оформляет сейчас почти все групповые поездки через Интурист, как туристические, с дополнительними днями для простых видовых экскурсий. Англичане, французы, финны, шведы едут на Конгресс, например, в Италию на своих машинах без всяких туристических агентств. Если они стремятся к экономии, то ночевать могут в кемпингах (отели в Европе и США очень дороги). Большинство получает оплату расходов за счет какого-нибудь фонда. Многие оплачиваются Оргкомитетом конгресса или Симпозиума. Оргкомитет любого конгресса всегда создает фонд для оплаты ученых из отдаленных развивающихся стран и молодежи. Кроме того, любой конгресс имеет весьма дифференцированные системы участия и оплаты и обслуживания. Т. н. «студенческий» класс, которым пользуются часто и солидные ученые, очень дешев, он обеспечивает общежитие, вместо гостиницы, проезд поездом или пароходом, вместо самолета, сниженный членский взнос. Если западный ученый оплачивает расходы на участие в международном совещании из собственных средств, то объявленная им для этого сумма не облагается подоходным налогом (даже если он поехал с семьей). Интурист СССР, обслуживая советских участников, объединяет их в одну группу, без категорий оплаты, без студенческого класса для молодежи. И если, например, уже объявлено, что цена путевки на генетический кон-

*) Соответствующее инструктивное письмо АМН СССР о Конгрессах в системе здравоохранения на 1969 г. почти все выезды планирует группами по 5 человек. Это намного ниже планов 1968 г.

гресс в Японию в текущем году будет равна 700-800 рублей, то конечно это не для младших сотрудников и аспирантов.

Нельзя не отметить, что ЦК ВЛКСМ имеет особую программу международного сотрудничества под названием «СПУТНИК». Иногда по «СПУТНИКУ» организуются поездки научной молодежи. Но ради науки, очень редко. В основном программа «СПУТНИК», как нам кажется, обеспечивает болельщиков за советские команды на международных матчах и соревнованиях.

А сколько моральных травм наносится существующей системой организации международного сотрудничества ученым, которым отказывают в поездке на разных стадиях оформления! Сколько времени тратится напрасно! Сколь резко это снижает ту пользу, которую наша наука получает от участия в международных совещаниях и может быть не всегда общий баланс положительный. Особенно переживают те, кто прошел все стадии, но не был включен в группу на последнем этапе из-за недостатка мест. Международные отделы ведомств, ориентируясь на отсев, всегда запрашивают больше «Выездных дел», чем разрешено мест в группе. Институты по всему Союзу представляют, скажем, пятьдесят ученых на поездку на какой-нибудь конгресс, а Международный отдел, отсеивая 30 сразу, заказывает в сумме 20 кандидатов. Тридцати отсеянным на первом этапе, конечно, неприятно, но это самый легкий случай. По валютным лимитам разрешена, например, группа только в 10 человек и, следовательно, из 20 заполненных и подготовленных «Выездным делом» будет передано в «Интурист» только десять. А ученые готовят доклады, шлют за границу тезисы, включаются в программу. Они чистят оружие и набивают сумки патронами, как бойцы перед атакой. Они идут вперед, но не знают, сколько их дойдет до конечного рубежа. Вот трех из них «уложил» на землю приказ Министра, еще четверо не прошли через заслоны «Выездной комиссии».

Тринадцать прошли все преграды, но трех из них все же срезает бюджетно-валютный план. А Программа Конгресса уже разослана, время докладов фиксировано. Весь зал будет сидеть и молча ждать положенное время в тишине, так как следующий доклад передвинуть нельзя, он объявлен по времени, и слушатели планируют переходы с секции на секцию строго по расписанию. Больше всего таких молчаливых заседаний бывает за счет неприехавших советских ученых. Десятки и сотни людей сидят на заседании без дела, а сам докладчик очень остро переживает эти минуты где-нибудь у себя дома, в Ташкенте или в Баку.

Как-то я наблюдал, еще в 1960 г., во время обсуждения в Иностранном отделе Министерства высшего образования возможности участия на 5-ом геронтологическом конгрессе в США, следующую картину, врезавшуюся мне в память. Шла выдача зарубежных паспортов нескольким участникам какого-то конгресса в Швеции, кажется лингвистов. Последним подошел к сотруднику отдела высокий грузин, профессор из Тбилиси, приехавший в Москву специально для отъезда. Но ему паспорт не выдали. А на следующий день вся делегация вылетала утром. Сколько горя и недоумения было на лице грузинского ученого. Как настойчиво добивался он узнать причины столь неожиданного отказа. Сотрудник отдела, устав, наконец, от расспросов, вынул из сейфа «Выездное дело» тбилисского лингвиста и показал ему выведенный на обложке жирный красный минус. «... Вы видите — ткнул он пальцем в этот минус — вот! Что я могу сделать...» А кто поставил этот минус, почему, кому было дано такое право? Грузинский ученый сразу онемел, и не знаю, домой ли он поехал в свои Тбилиси или в больницу его положили в Москве. А когда он совсем растерянный вышел из комнаты иностранного отдела, сидевшие там сотрудники стали весело смеяться. Минус поставил кто-то из них.

2. Совместные международные исследования

Конгрессы, симпозиумы, конференции, коллоквиумы, — все это в основном мероприятия для обмена информацией, для дискуссий и обсуждения уже выполненных работ, определения планов на будущее и личных контактов, личных знакомств ученых. Главной же формой прямого международного сотрудничества являются совместные исследования, обмен учеными для длительных экспериментальных, практических и теоретических работ. Возможность для ученого поехать в ту или иную зарубежную лабораторию, в максимальной степени соответствующую задачам планируемой им работы, на несколько месяцев или один-два года, является ничем незаменимой традицией современной (и не только современной) организации мировой науки.

Любой активно работающий научный центр, институт, отдел, например в Англии, США, Канаде, Франции имеет до одной трети вакансий, специально предназначенных для работы зарубежных ученых и стажеров стипендиатов, приезжающих работать на несколько месяцев, год, два года, а иногда и больше. У нас есть один такого рода международный институт по ядерным исследованиям в Дубне. Строится другой, тоже физический, недалеко от Серпухова. Но при современной ситуации в науке международным должен быть практически каждый десйтвительно хороший институт, если он, конечно, не засекречен.

Институты свободного сотрудничества обладают исключительной продуктивностью. В них не может быть застоя. Мировой славой пользуется много десятилетий Институт Пастёра в Париже, с момента основания работающий по этому принципу. Не менее известен Калифорнийский институт технологии, с его плеядой выдающихся ученых, среди которых не менее 6 были удостоены Нобелевских премий (Т. Морган, К. Мёллер и др.). Сравнительно небольшая Кембриджская лабора-

тория молекулярной биологии в Англии в течение многих лет определяет главные тенденции развития этой науки во всем мире. Пять ученых з этой лаборатории получили Нобелевские премии (Сингер, Перутц, Крик, Вотсон, Кендрью). Я мог бы привести десятки других исключительно плодотворных институтов и лабораторий в области биологии, публикации которых обычно представляются ученым из разных стран. Если проследить за историей крупнейших открытий в биологии последних 15 лет, то отчетливо видна их интернациональная основа. Раскрытие структуры ДНК — это совместная англо-американская работа; экспериментальный синтез РНК вне организма — совместная американо-французская работа; экспериментальное открытие информационной РНК — совместная франко-англо-американская работа, первая публикация о которой сделана совместно шестью соавторами; открытие полирибосом — совместная американо-английская работа; систематическая расшифровка генетического кода, после открытия первого триплета Ниренбергом выполнена в лаборатории Очоа экспериментальной группой, в которую, кроме американцев, входили бразилец, индиец, аргентинец. Множество примеров подобного рода можно, повидимому, привести и по другим наукам и отраслям.

Работа по такому международному принципу, путем создания свободных проблемных групп, обладает большими экономическими преимуществами и интеллектуальными возможностями.

Мы уже подчеркивали, что современные исследования очень дороги. Исключительно высокая стоимость работ в физике, астрономии, авиации, ракетном деле и подобных областях всем известна. Важнейшие проекты здесь оцениваются в сотни миллионов долларов, а так называемый «выстрел в Луну» более миллиарда. Не менее сотни миллионов долларов стоит современный большой телескоп, даже оптический. А радиотелескопные установки под Серпуховым растянулись чуть ли

не на километр. Разработка проекта нового самолета — это работа на много лет и на сотни миллионов долларов. Различные синхрофазотроны и им подобные установки, иногда по четверть километра в диаметре и предназначенные для теоретических исследований, обходятся также в сотни миллионов рублей или долларов. Очевидно, что создание таких экспериментальных систем большинству стран просто не под силу. Не говоря о странах Азии и Африки (весь государственный бюджет Индонезии на год намного меньше одной «мягкой посадки» на Луне), следует указать, что даже для экономически развитых и достаточно больших стран Западной Европы многие из современных исследований, осуществляемых в США или в СССР недоступны и для их осуществления создаются междугосударственные общеевропейские фонды.

Но и в биологии дороговизна и сложность исследований растут. Подсчитано, что технические средства на одного медицинского доктора наук в США (доктор наук в США — это эквивалент нашего кандидата наук и доктора тоже, так как в США присваивается после аспирантуры сразу степень доктора и зрелый ученый далее второй раз диссертации не защищает) в области биологии составляют в год около 50 000 долларов (при этом учитывается группа вокруг него). Некоторые приборы, без которых немыслима работа современного биохимика, например аналитическая центрифуга, аминокислотный анализатор и т. д., стоят десятки тысяч долларов каждый. Современная аналитическая центрифуга советского производства с ультрафиолетовой оптикой стоит не менее 100 000 рублей. Столько же расходуется на жилой дом в 30 квартир. При такой ситуации — создание хорошо оборудованных лабораторий и институтов — дело весьма и весьма дорогое. В этих условиях многие страны значительную часть исследований, необходимых для различных проектов, осуществляют на чужих базах, на основе взаимности по каким-то другим проблемам. Так и создается постепен-

но национальная специализация и дифференцировка. Она экономически и творчески оправдана не только в физике или космологии, но и в биологии. Если в какой-то работе по логике эксперимента необходимо нейтронное облучение, аналитическое центрифугирование или ультрафиолетовая микроцитоспектрофотометрия, то далеко не всегда разумно строить для этого ядерный реактор, покупать ультрацентрифугу или заводить ультрафиолетовый микроцитоспектрофотометр. Проще и дешевле отправить сотрудника для работы на месяц, два или год в другой институт, где все эти методы уже налажены. Может быть и в другую страну. А между тем, далеко не всегда именно так и поступают и часто одинаковое необыкновенно дорогое оборудование закупается рядом расположенными институтами и используется в каждом из них на десятую часть своих возможностей. Когда проектировали наш институт медицинской радиологии, то было решено строить на его территории ядерный реактор для целей облучения. Уже был создан проект, со сменой в несколько миллионов рублей. В другом, химическом ведомстве, в это же время создавался рядом с нашим институтом, через дорогу институт радиохимического профиля (им. Карпова) и в нем тоже спроектировали ядерный реактор, еще более мощный. Случайно один рядовой сотрудник Государственного Комитета по науке и технике обратил внимание на близкое расположение институтов и добился отмены строительства реактора в нашем институте. Ордена этому сотруднику не дали, хотя он сэкономил для бюджета миллионы рублей. И все же в Министерстве здравоохранения очень жалели об этом, хотелось им иметь свой собственный реактор, все же удобнее, чем носить пробы на облучение к соседям.

Но не только приборы, даже просто реактивы для работы часто имеют четырех и пятизначные цены за какую-нибудь небольшую склянку. Особенно меченые, радиоактивные синтетические органические соединения с высокой удельной активностью, соли и вещества

особой чистоты, многие биологические препараты и ферменты. По международным каталогам можно видеть, что фасовка с миллиграммом тритированного тимидина с очень высокой удельной активностью стоит 1000 фунтов стерлингов, больше чем хороший автомобиль. А ведь это на несколько опытов с несколькими крысами, не больше. И все же исследования с тритированным тимидином можно встретить в публикациях любого цитологического журнала. Когда в 1966-1967 г. в США были начаты работы с применением аспарагиназы для лечения дейкозов, количество фермента, необходимое для лечения одного больного стоило 50-100 тысяч долларов.

В последние годы возникло множество международных организаций, специально для поощрения и поддержки совместных интернациональных исследований, международного научного сотрудничества. На первом месте стоит, конечно, Организация Объединенных Наций в области науки, культуры и образования (ЮНЕСКО)*. Весь мир охватывают Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международное агентство по атомной энергии в мирных целях (МАГАТЕ) и другие. Существует множество самостоятельных независимых орга-

*) *Справка о ЮНЕСКО.* ЮНЕСКО (UNESCO) — это сокращенное название «Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры». ЮНЕСКО создана на Учредительной Конференции в Лондоне в ноябре 1945 г. В Конференции принимали участие 44 страны. С 1946 г. ЮНЕСКО стала одним из главных специализированных учреждений Организации Объединенных Наций. Советский Союз в первые годы существования ЮНЕСКО критиковал ее деятельность и отказывался от вступления в эту организацию. Только после смерти И. Сталина, в 1954 г., СССР, а также Украинская ССР и Белорусская ССР, признали устав ЮНЕСКО и вступили в эту организацию. К этому времени в составе ЮНЕСКО были 64 страны. К настоящему времени в работе ЮНЕСКО принимает участие 120 стран. ЮНЕСКО является наиболее всеобъемлющей и авторитетной организацией для международного научного и культурного сотрудничества наций и государств. К ЮНЕСКО примыкает много международных ассоциаций, организаций, союзов, альянсов, федераций, советов, комитетов, клубов. (243 международные научные социальные, религиозные, туристические, писательские, женские, образовательные, молодежные и прочие организации с самостоятельными уставами). Центральная штаб-квартира ЮНЕСКО расположена в Париже. В СССР имеется правительственная Комиссия по делам ЮНЕСКО.

низаций поддержки международного сотрудничества в различных науках (Сиба Фоундейшн, Рокфеллеровский фонд, Фонд по изучению врожденных дефектов и т. д.). Огромную роль в международной кооперации исследований играют ассоциации научных обществ. Они очень часто организуют международные курсы обучения и повышения квалификации, создают исследовательские группы. Все эти организации в сумме имеют тысячи стипендий, обеспечивающих межгосударственный обмен молодыми учеными для длительных исследований.

При объяснении причин слабого участия советских исследователей во всех этих программах обычно принято ссылаться на экономию валюты. Но этот довод абсолютно несостоятелен. Годовой расход валюты столь большого государства, как СССР, очень велик, и доля, расходуемая на международное научное сотрудничество, на оплату зарубежных поездок ученых, в общем обороте валюты не может быть настолько велика, чтобы это влияло на наши экономические интересы. Напротив, действительно эффективное и широкое научное сотрудничество в итоге создает большую экономию валюты, так как создается достаточно квалифицированная прослойка ученых и экспертов, знающих зарубежные технические и научные достижения по собственному опыту и способная обеспечить действительно экономное и максимально разумное расходование государственных валютных и золотых фондов. Кроме того, лучшая связь с миром должна обеспечивать выявление дополнительных ресурсов для реализации советских товаров, для улучшения их качества и т. д. К тому же правильное научное сотрудничество строится на основах взаимности и валютный баланс его для СССР может и должен быть положительным. Мы уже видели, что в 1966 г. из США в СССР по линии АН СССР приезжало в 20 раз больше ученых, чем из СССР в США. Следовательно, только у АН СССР были большие потенциальные валютные долларовые ресурсы, которые просто не были использо-

ваны и таким образом потеряны для государства. И такое же положение было в программе обмена с Англией, Францией, Японией.

Если уж говорить серьезно, то следует признать, что очень большое количество валюты расходуется нашей страной совершенно зря, именно в связи с недостаточной свободой научного сотрудничества и искусственным сдерживанием совместных исследований. Помимо того, что очень многие валютные закупки за рубежом на огромные суммы — есть плод экономических и плановых просчетов общегосударственного характера (валютные и золотые закупки пшеницы в Канаде в 1963-65 гг.), закупки пшеницы в Австралии и Новой Зеландии, в ФРГ и США, закупки макарон в Италии, масла в Дании, мяса в Аргентине, целлюлозы в Финляндии и т. д. Все эти традиционные товары российского и советского экспорта стали на определенный период продуктами валютного и оплачиваемого золотом импорта, большие суммы валюты тратятся на закупку научного оборудования для работы без достаточно серьезной необходимости и непродуманно. Это делается именно потому, что закупкой оборудования за рубежом государство старается поднять уровень научной работы, компенсируя таким значительно более дорогим путем ограничения научной работы советских специалистов за рубежом. Сколько я повидал за 17-18 лет работы в научных учреждениях дорогого и сверхдорогого научного импортного «валютного» оборудования, сильно устаревшего и бездействующего из-за отсутствия запасных частей, до времени сломанного, или ненужного, в связи с существованием вполне эквивалентных отечественных образцов. А сколько еще у нашей страны неиспользованных ресурсов валюты. Один большой осетр может компенсировать достаточно длительную работу ученого за рубежом. А ведь СССР с его когда-то почти неограниченными ресурсами этих ценнейших и уникальных рыб столь резко уменшил их поголовье из-за загрязнения рек Каспийского бассейна, что теперь

по вылову осетровых и экспорту черной (осетровой) икры занял в мировой торговле второе место после Ирана, хотя Иран владеет лишь кусочком Каспийского моря и имеет лишь маленькие речушки для нереста. Вопросы о валютной политике мы специально рассмотрим в разделе «Валютные барьеры», где будет видно, что отнюдь не валютная экономия сдерживает международный обмен в области науки. Здесь же мы хотим подчеркнуть, что даже те валютные ассигнования, которые предоставляют СССР в форме стипендий ученым МАГАТЕ, ВОЗ, ЮНЕСКО и другие отделы ООН из части наших же собственных валютных платежей в эти организации, полностью не используются и пропадают для советской науки. Подавляющее число приглашений советских ученых на конгрессы, симпозиумы, лаборатории, курсы с полной оплатой за счет приглашающей стороны, что является обычной международной традицией, не используются. Приглашение ученого зарубежной лабораторией с полной оплатой дорожных и прочих издержек взаимовыгодно. Приглашающая сторона несет расходы, но вкладывая в иностранца запас знаний и опыта, она оставляет у себя плоды его труда. В 1966 г. ни одно личное приглашение из США такого рода не было реализовано.

При серьезном изучении проблемы международного научного сотрудничества видно, что его ограничение в основном наносит ущерб именно той стране, которая проводит это ограничение. Выключаясь из полноценного широкого круговорота знаний и опыта, изолируясь от мировой науки, эта страна создает у себя условия для застойных явлений во многих отраслях знания. А в науке отставание означает прямой и косвенный экономический ущерб. При этом отставание, конечно, неравномерное. Некоторые области, находясь под особым вниманием государства, получая значительные дотации, могут, конечно, даже опережать мировой уровень. Все мы знаем выдающиеся успехи СССР в изучении космо-

са, в самолетостроении, в строительстве атомного ледокола, атомных электростанций, математике, металлургии, строительстве гидростанций, сверхдальных линий электропередач и т. д. Но множество областей, которые невозможно планировать сверху, которые разбиты на тысячи независимых исследовательских групп, со свободным выбором проблем, в СССР очень заметно и по сей день отстают от мирового уровня, и именно в связи с недостаточно развитым взаимовлиянием с международной наукой, из-за изолированности советских ученых от прямых контактов с лучшими зарубежными центрами.

В 1960 г., когда я начал серьезно изучать тот вред, который монополизм т. н. «мичуринской биологии», а вернее лысенкоизма, нанес советской биологии, я, как биохимик, решил сопоставить некоторые сравнимые показатели советской биохимии и американской биохимии.

О генетике и говорить не приходилось, ее у нас просто, как серьезной отрасли, тогда и не было, но биохимия по официальным декларациям находилась в полосе расцвета. Время было как раз перед Международным биохимическим конгрессом в Москве, намеченным на август 1961 г. Я выбрал ряд показателей по итогам 1960 г., иногда во второй половине 1960 г. для объективного сопоставления: число членов биохимического общества (профессиональные биохимики), число биохимических публикаций, число научных журналов по биохимии, число лабораторий (по адресам на публикациях), ассортимент биохимических реактивов (по коммерческим каталогам), процент исследований, выполненных с помощью изотопов, ассортимент радиоактивных органических соединений и их удельная активность, скорость публикации работ, после представления в печать, число открытых новых ферментов, число расшифрованных меламинокислотных связей в белках и пептидах, число работ с ультрацентрифугированием.

Все эти сравнения проводились, конечно, без абсо-

лютной точности, это можно сделать только группе сотрудников и не очень быстро. Просто при текущих просмотрах журналов и реферативных журналов я регистрировал в специальном порядке приведенные выше показатели, на основе беглого просмотра статей. После сбора статистически достоверных величин для части 1960 г., они были пересчитаны на весь год. Эту работу я предполагал изложить в форме статьи, но картина была слишком отрицательной для СССР, и от оформления этой работы в окончательном виде пришлось отказаться.

Отставали мы в 1960 г. от американской биохимии очень значительно. Списочный состав членов биохимического общества (в США оно существовало много лет, в СССР было создано лишь в 1959 г.) был примерно одинаковым, на уровне 2300 человек в обеих странах. По быстроте публикации статей в журналах мы отставали от США в 3-4 раза, в США между сдачей статьи в журнал и выходом ее проходило 3-4 месяца, у нас до 1-1,5 лет. В связи с этим мы резко отставали и по числу публикаций в год на профессионального биохимика (примерно в 2 с половиной раза). Общий объем (с учетом числа журналов) биохимических изданий был в США в 3-4 раза выше (они собирают статьи со всего мира), а при сравнении по реферативным журналам в 5 раз выше, т. к. многие американцы публикуют свои работы в европейских журналах. По применению ультрацентрифуг мы отставали в десятки раз. Номенклатура коммерческих диохимических препаратов в СССР измерялась десятками названий, в США — тысячами. Биохимические препараты в СССР входили в общехимические каталоги, в США уже много лет рассылаются специальные каталоги биохимических препаратов. Новых ферментов в СССР описано не было, меламинокислотные связи в белках не определялись, тогда как в США эти разделы биохимии переживали период бурного накопления материала. Резко отставали мы и по

номенклатуре радиоактивных соединений и, главное, по их удельной активности.

И хотя к 1967 г. советская биохимия сделала несомненные успехи в своем развитии, разрыв среднего уровня, очевидно, не уменьшился, или уменьшился незначительно. Достаточно сказать, что на главном направлении этих лет — в расшифровке генетического кода, установлении четырехмерной и трехмерной структуры белков и в изучении последовательности аминокислот в белках и нуклеотидов в нуклеиновых кислотах, то есть в работах, требующих первоклассного оснащения, мы еще очень далеко позади американских коллег. Ни один из 64 кодонов генетического кода не был экспериментально расшифрован в СССР. Этих работ мы не смогли обеспечить у себя технически, но самое плохое, что мы не захотели послать советских исследователей хотя бы для участия в такого рода работах, проводившихся во многих случаях на международной основе.

Некоторые советские биохимики, имевшие в последние годы возможность длительной работы за рубежом, заметно выделяются сейчас по уровню своих исследований, проводимых уже на базе отечественной науки. И если бы такая возможность не была особой привилегией одиночек, если бы, наконец, решились на стимуляцию свободного научного обмена, то уже давно имели бы мы первоклассную и современную биологическую науку, давно бы наше сельское хозяйство избавилось от разрушающей стихии псевдонаучных рекомендаций, давно были бы мы впереди по уровню естественных наук, во всяком случаю в Европе. Я уверен, что если бы вопрос о введении *свободного* научного обмена с другими странами решался бы поименным голосованием, то подавляющее большинство ученых проголосовало бы за свободный, широкий, эффективный путь международного сотрудничества, за действительный расцвет советской науки, как участка всемирного научного фронта.

3. Образование за рубежом

Возможность для части молодежи получения образования за рубежом в университетах, колледжах и в аспирантуре должна быть частью программы свободного научного сотрудничества. Эта возможность возникает спонтанно, как только отпадут существующие ограничения зарубежных путешествий для советских граждан, о которых мы будем говорить в следующей «правовой» главе.

СССР достиг весьма серьезных успехов в развитии образования, особенно высшего. Но тем не менее в ряде аспектов оно не полноценно. Прежде всего, оно не дает знания иностранных языков, во всяком случае разговорного. Незнание или слабое знание иностранного языка — это в современных условиях проявление научной неполноценности специалиста. Вторым важным недостатком образования в СССР, как среднего, так и высшего, является его общесоюзная универсальная стандартизация, явление невозможное в странах Западной Европы и Америки. Все школьники СССР занимаются по одному стандарту, по одним и тем же программам и одним и тем же учебникам. Это же относится и к ВУЗам. Все 100 сельскохозяйственных ВУЗов страны получают одни и те же программы, с небольшими вариациями для зоотехнических, плодоовощных и агрономических факультетов. Такая система, обладая многими удобствами для управления, имеет в то же время большие скрытые опасности. Неизбежные дефекты программ и учебников сразу становятся общесоюзными. Это особенно ярко проявилось в биологии и химии. Программы по биологическим наукам, измененные в сторону «мичуринской биологии» еще в 1937 г., и полностью переделанные в псевдонаучном лысенковском направлении после 1948 г., нарушили и исказили биологическое мышление у нескольких поколений *всей* советской молодежи, принеся этим огромный ущерб

стране. Такой же дефектностью обладали в период между 1950 и 1960 гг. университетские программы по химии, что отразилось на экономике всей страны. По-видимому, аналогичные примеры, но меньших масштабов, можно привести и по другим наукам. Я не говорю уже о гуманитарных науках, все время метавшихся от одной крайности к другой и всегда во всесоюзном масштабе. Образование за рубежом, хотя бы на основе взаимности, даже 2-3% молодежи создавало бы компенсаторные явления, подобные гетерозиготности, и увеличивало бы жизненность тотального запаса знаний нашей интеллигенции.

Для тех, кто не знаком с генетикой и не знает понятия «гетерозиготность», очень хорошо объяснявшего смысл нашего предложения, я должен сделать небольшое разъяснение. Все признаки организма определяются двойным запасом генов, один от матери, другой от отца. Этих генов десятки тысяч. И если ген от матери дефектен, то очень мало вероятно, что этот же ген от отца тоже дефектен. И у отца есть дефектные гены, но они не совпадают с материнскими. Создается т. н. гетерозиготность, при которой недостатки генов одного из родителей компенсируются нормальными генами другого. Материнский набор генов может нести десятки смертельных, летальных изменений, но они не приводят к смерти, так как компенсируются нормальными генами отца, и, наоборот, летальные гены отца, не совпадая с материнскими, тоже невыявляются в фенотипе. Но как только два летальных одинаковых гена у отца и матери совпадают, их потомство погибает. Такое совпадение чаще всего начинается при гомозиотности, при инбридинге, т. е. близкородственном скрещивании, при скрещивании родных братьев и сестер в нескольких генерациях. Но особенно неустойчивы гаплоидные наборы, когда нет парной детерминации признаков и нет возможности компенсировать возникающий неизбежно где-то дефект. Вот по этому гаплоидному, или в лучшем случае гомозиготному принципу

строим мы образование в пределах всей страны по каждой специальности. В этом случае, как говорят генетики, возникают чистые линии, но их жизненность и устойчивость весьма невысоки. Что же касается полноценной аспирантуры за рубежом, то она сдерживается, помимо ограничений с выездами за рубеж, особенно на длительные сроки, тем, что иностранные ученые степени не признаются советской системой аттестации научных кадров. ВАК требует перезащити или переаттестации, причем в советскую степень доктора наук не может быть переведена ни одна из иностранных ученых степеней.

4. Зарубежные путешествия ученых

Чарльз Дарвин начал свою научную карьеру натуралиста с того, что отправился в кругосветное путешествие на корабле «Бигль» и путешествовал с научными целями пять лет. В этом путешествии и накопил он тот запас знаний, который привел его к закону естественного отбора, объяснившему происхождение целесообразности в природе и видообразование. И если бы Дарвин не совершил такого путешествия, если бы в Англии ему нужно было бы получать на это столь сложную систему разрешений, которые непреодолимой стеной встают перед советским натуралистом, не стал бы он основоположником современной биологии.

Д. Н. Прянишников не смог бы принести столь большую пользу отечественному земледелию, если бы в свое, еще дореволюционное время, не объездил бы вдоль и поперек всю Европу, проводя исследования в разных лабораториях, наблюдая и изучая сельское хозяйство. Он это сам признает в книге «Мои воспоминания» (посмертное издание, Сельхозгиз, 1957), практически описывающей зарубежные путешествия автора и их роль в его формировании, как ученого.

А как бы смог решить свою грандиозную задачу сортового обновления сельскохозяйственных культур Н. И. Вавилов, если бы ему запрещали поездку за границу? Не было бы у нас в этом случае мировой коллекции культурных растений, советская селекция не могла бы эффективно и производительно работать во всех климатических зонах СССР. С 1934 г. Н. И. Вавилову действительно запретили поездки за границу, и это несомненно принесло нашей науке большой вред.

А кто оценит сколько пользы принес науке И. И. Мечников, имея возможность длительной работы в Институте Пастёра в Париже?

Примеры такого рода можно приводить во множестве.

В Японии, в США и во многих других странах ученый обязательно, хотя бы раз в несколько лет, должен совершить обширное зарубежное путешествие. Оно считается способом повышения его квалификации и кругозора. Каждый профессор в США в 5 или 6 лет получает особый свободный год, специально для путешествий и работы вне своего учреждения с полным окладом и оплатой переездов.

Как-то в 1962 г., на заседании Московского Общества испытателей природы я познакомился с профессором Блиссом, биометриком из Коннектикута, США, прочитавшим московским биологам две лекции по биометрии. Блисс считается очень крупным авторитетом в этой области. В 1936-37 гг., еще молодым ученым он был приглашен на два года в СССР налаживать биометрические исследования и опытное дело в ВАСХНИЛ, работал в Ленинграде, знал хорошо Н. И. Вавилова.

В СССР проф. Блисс оказался в 1962 г. проездом из Индии в Швейцарию и Англию во время своего кругосветного путешествия в свой «свободный» год. В СССР он приехал на 10 дней, после того, как побывал в Новой Зеландии, Австралии, Филиппинах, Японии, Тайване, Гонконге, Тайланде, Турции, Египте, Ливане, Индии. А

еще предстояло ему побывать в 10 странах Европы. И везде на своем пути читал он лекции по биометрии, консультировал по методике опытного дела и агитировал за создание национальных биометрических научных обществ.

Вместе с Блиссом поехал я в некоторые московские сельскохозяйственные институты знакомиться с методикой постановки сельскохозяйственных опытов в СССР и с развитием биометрических исследований. Побывали мы и на кафедре методики опытного дела в Тимирязевской академии. Постановка опытного дела в сортосети СССР, в смысле методики и статистической обработки результатов, очень удивила проф. Блисса. Даже в Турции и Индии, по его словам, не встречал он столь устаревших, архаичных методов. Они остались нам от дореволюционных времен. Научная биометрия не получила в СССР сколь либо серьезного развития. По-видимому, это было на руку господствовавшим тогда в сельскохозяйственной науке лысенковцам, которые после 1948 г. добились даже отмены преподавания в сельскохозяйственных вузах высшей математики, ранее обязательной во всех высших учебных заведениях.

Но ведь если бы не профессор Блисс, а наши ученые-опытники могли бы свободно разъезжать по миру и знакомиться с достижениями других стран, то наверное не продержалась бы в нашей стране в этом деле столь застойная ситуация вплоть до 1962 г.

Недостаточный контакт советской науки с остальным миром влияют не только на среднюю образованность, знание иностранных языков, общую культуру. Отражается он и на обратном влиянии социалистического мира на экономику и политику других стран, особенно развивающихся. Это прекрасно учли американцы, своей программой «Корпуса мира», старающиеся приобщить эти страны к американской культуре и науке. Мы же, пренебрегая личным влиянием наших граждан, возлагаем слишком большие, но напрасные надежды на печатную и радиопропаганду.

Работая в Тимирязевской сельскохозяйственной академии до 1962 г., я неоднократно имел возможность убеждаться, что СССР не может выполнить многих своих обязательств перед МАГАТЕ и ЮНЕСКО по программам обеспечения экспертами по сельскому хозяйству и мирному использованию атомной энергии, для международных курсов обучения и т. д. в других странах. Значительная часть запросов на посылку экспертов и советников в Пакистан, Бразилию, Ирак, африканские страны не выполнялась, так как не удавалось найти сочетание всех необходимых качеств, политической благонадежности, в том глупом смысле, как это у нас понимают, моральной устойчивости, хорошего знания дела, свободного владения языком (особенно французским, испанским и др.) и добровольного желания. А ведь в задачу экспертов входит консультация при создании экспериментальных опытных станций, мелиоративных сооружений, закупке оборудования, обследования территорий и т. д.

А в конечном итоге недовыполнение этих программ в какой-то степени отражается и на нашей экономике, так как уменьшает закупки советского оборудования другими странами.

5. Проблема «утечки мозгов»

Наша пресса любит писать о проблеме «утечки мозгов», особенно из Европы в США, как бы намекая, что это есть существенный недостаток свободы межгосударственных передвижений граждан, свободы выезда из страны.

Следует отметить, что проблема «утечки мозгов» действительно существует и действительно связана частично со свободой путешествий. Однако, одетая многими слоями колючей проволоки государственная граница не слишком экономный способ уменьшения возможности такой «утечки». Каждая страна, несомненно

теряет от эмиграции за рубеж квалифицированных специалистов и ученых. Однако в любой системе всегда нужно учитывать общий баланс пользы и вреда. И если польза от свободного сотрудничества больше того ущерба, который возникает из-за некоторых потерь образованных специалистов, меняющих свое гражданство, то случаи эмиграции не должны вызывать какого-либо беспокойства. Прежде всего следует разобраться в причинах такой эмиграции и уменьшить их действие.

Мне известен лишь один достаточно наглядный пример, когда свобода передвижения, не только неуравновешивалась пользой от сотрудничества, но действительно была бедствием для страны. Это было в Германской Демократической Республике до постройки знаменитой Берлинской стены. Альтернатива между государственными интересами и демократией здесь была решена в пользу государственных интересов, и путь, по которому происходила нелегальная «утечка» специалистов и просто населения, был закрыт. Но он был закрыт после того, как из ГДР в ФРГ через Западный Берлин переехало более 2 миллиона человек, среди которых было очень много специалистов и ученых, лучшие силы науки. Обратная миграция тоже имела место, но в значительно меньших масштабах. Однако это особый случай, это миграция в пределах одной нации, искусственно разделенной на три части (ФРГ, ГДР и Западный Берлин). Односторонний характер миграции в данном случае естественнен, так как ФРГ вчетверо больше и из Восточной Германии и Восточной Пруссии в 1945-46 гг. были переселены с отошедших СССР и Польше территорий более 12 миллионов немцев, в основном уехавших в ФРГ. Оказались разделенными между ФРГ и ГДР миллионы семей, миллионы друзей, коллег, десятки организаций. И поскольку ФРГ вчетверо больше, то теперь по всем, семейным, дружеским и прочим связям она развивает большую силу притяжения, уровень экономики в ФРГ выше, зарплата ученых выше. Кроме того, из ФРГ ученый может свободно

выезжать во все страны, а из ГДР только на восток. Поэтому равняться на этот случай нельзя. Несколько, таким образом поделенных географически, экономически и социально наций, ранее единых, плод рискованных экспериментов великих держав, теперь стали источником беспокойства всего мира. Это Китай, от которого отделили Тайвань, Корея, Вьетнам и Германия.

В остальном мире существуют два главных потока «утечки» мозгов (Brain drain), из Европы в США и из развивающихся стран Африки и Азии в Европу. Из всех стран Европы ежегодно переселяются в США сотни и тысячи специалистов и ученых, привлекаемые лучшими условиями для работы и более высокой зарплатой. По данным отчета ООН, опубликованного, в частности, газетой «Морнинг Стар» (6 марта 1967 г.) в течение 2 лет (1963 и 1964) из Великобритании в США переехало 5000 специалистов, а всего из Европы 15 523. За 15 лет, с 1949 по 1964 г. в США из Европы переехало 85 000 инженеров, ученых, врачей. Из 43 Нобелевских лауреатов, ныне работающих в США, 16 — европейцы, удостоенные премии в период своей работы в европейских странах. Минимальные потери, согласно Отчету ООН, понесла в этом отношении Франция, патриотизм французов оказался наивысшим. Большое число специалистов переехало в США из Канады и Южной Америки. Обратная миграция ученых из США в Европу значительно слабее выражена, обычно это возвращение домой бывших европейцев, не сумевших адаптироваться к условиям Америки. Однако в Европу приезжает ежегодно много тысяч американских ученых для временной работы, по договорам в совместных исследовательских группах. В какой-то степени это очевидно компенсирует потери европейской науки, но, конечно, не полностью. Следует отметить, что в последние три года эмиграция из Англии и вообще из Европы в США резко сократилась. Это связывается главным образом с агресией США во Вьетнаме, с войной очень непопулярной в Европе и с милитаризацией США. Кроме того, был

принят ряд мер для улучшения условий работы европейских ученых. По данным, приведенным в статье «Мировая экономика и международные отношения», (№ 9, стр. 111-116, 1967) вопросом сокращения эмиграции из Англии занималась специальная парламентская комиссия. Эта комиссия пришла к выводу, что значительную роль в миграции ученых из Англии в США играет большая оплата американских ученых той же квалификации. В Англии заработки ученых варьируют от 800 до 3000 фунтов в год (от 2000 до 7500 долларов по курсу до девальвации). В США — от 5250 до 18000 долларов в год, то есть они почти вдвое больше. Для того, чтобы уменьшить значение этого фактора все оклады научным работникам в Англии были повышены на 30%.

В США недавно вступил в силу новый закон об иммиграции, который должен резко уменьшить иммиграцию из Европы и соответственно «утечку европейских мозгов». Однако новый порядок иммиграции вызовет, по предсказаниям американской печати, потери в этом отношении Азии и Африки.

США, как мы знаем из истории, это страна почти целиком созданная за счет европейской эмиграции. Главную роль в создании американской нации играла эмиграция из Англии, затем из Германии, далее из Ирландии, Италии, России, Франции и т. д. Эмиграция из Азии и Африки не имела существенного значения. Я имею в виду свободную эмиграцию, а не работорговлю, когда-то процветавшую в США.

Прежний иммиграционный закон, принятый в 1920 г. и просуществовавший до 1965 г., ограничивая иммиграцию из Восточного полушария 150 000 человек в год, имел квоту по нациям, соответственно пропорции лиц данной национальности в населении США. Поэтому, например, англичане, доля которых в американской популяции максимальна, имели практически неограниченную возможность постоянного поселения в США и получения гражданства. Затем шли немцы, ирландцы

и т. д. Индийцы же, или пакистанцы, которых в США было немного, имели по старому закону очень ограниченные лимиты для въезда в США (на постоянное жительство, конечно, а не как туристы). Лимиты для иммиграции из некоторых стран Африки и Азии не превышали в год 100 человек. В то же время из Британии могли приехать 65 000, из Германии 25 000, из Ирландии 18 000. На эти три страны приходилось 70% иммиграционных лимитов. (См. Science, vol. 159, № 3812, 1968).

Новый закон отменяет национальные квоты и увеличивает общий лимит иммиграции из Восточного полушария до 170 000 человек в год (и 120 000 из остальных стран Америки). Но по новому закону имеются категории преимуществ для родственников. Общее число иммигрантов-специалистов из всех стран мира, приезжающих не по категориям преимуществ, а по свободному найму, ограничено 10%, то есть 17 000 в год. Из каждой отдельной страны не может приехать в год более чем 20 000 человек по всем четырем категориям иммиграции. Новый порядок иммиграции резко уменьшает возможности утечки специалистов из Европы, но он усилит утечку из развивающихся стран, что весьма беспокоит правительства этих стран. Ранее очень большое число специалистов этих стран оседало в Европе, особенно тех, кто получал в Европе высшее образование. Из Европы в США уезжали специалисты, получившие образование в основном у себя на родине. Из Азии и Африки много способных молодых людей уезжает в Европу и Америку получать образование, которого они не могут получить у себя на родине. После многолетней учебы в Университетах, колледжах и в аспирантуре, многие из них, почти 70-80%, не возвращаются к себе на родину, они женятся и оседают в странах, давших им образование, находят здесь работу. Этот отток частично компенсируется приездом в развивающиеся страны по разным программам специалистов и преподавателей из Европы и США. По данным ООН, профессорско-преподавательский состав Университетов

Центральной Африки на 70% комплектуется иностранцами.

Хотя возвращается, получив образование в Европе, меньшая часть уехавших для учебы молодых людей развивающихся стран, тем не менее, конечно, они не могут ограничивать выезд своих граждан для учебы за рубеж. В этом случае они проиграют еще больше. Но постепенно и в этих странах создается собственная база для высшего образования и научной работы и это уменьшит остроту проблемы.

Следует подчеркнуть, что идущая сейчас бурными темпами межгосударственная научная дифференцировка в мировом масштабе, естественно создает и взаимные перемещения ученых. В связи с удорожанием многих проектов, т. н. «малые страны», как в Европе, так и в других частях света, не в состоянии поддерживать у себя очень многих разработок, они специализируются. Поэтому те ученые, которые представляют в этих странах «затухающие» проблемы, естественно, предпочитают иногда переезд в другую страну переквалификации. Бельгия, Швейцария и, по-видимому, другие небольшие страны Европы прекратили разработку новейших конструкций сверхзвуковых самолетов. Эти разработки стали непосильными для бюджета. Поэтому специалисты в этой отрасли техники неизбежно мигрируют в США, ФРГ, Францию и Англию, которые продолжают и развивают такие разработки. Серьезные программы космических научных исследований проводятся сейчас лишь в США и СССР и естественно, что энтузиасты этого дела стараются примкнуть к этим работам. Большая часть, конечно, едет в США, где эти исследования менее засекречены. В период, когда исследования космоса основывались на маленьких ракетах, небольших телескопах и прочей не столь дорогой технике, ученые и конструкторы этой специальности были в мире более рассредоточены.

Многие страны отнюдь не считают уехавших со-

граждан «изменниками родины» и часто гордятся успехами своих соотечественников за рубежом. Это способствует сохранению связей, которые в общем полезны для государства-родины. Индия ведет специальный государственный реестр индийцев, живущих и работающих за рубежом, и часто обращается к ним за помощью в тех или иных научно-технических разработках. Было бы, по-видимому, интересно изучить проблему «Русские ученые за рубежом». Особенно много выдающихся русских ученых покинуло родину в 1918-1929 гг., в 1918-22 гг. многих ученых часто просто изгоняли и преследовали, как буржуазных специалистов. Второе поколение этой эмиграции тоже богато талантами и в публикациях иностранных работ очень часто можно встретить русские фамилии. Значительная часть этих ученых не перестала считать себя русскими и не потеряла интереса к родине. И я уверен, что при соответствующих условиях свободного сотрудничества мы еще будем свидетелями некоторой реэмиграции, особенно из Западной Европы.

Рассмотренные нами выше данные по миграции ученых, за исключением особых случаев разделенной Германии и эмиграции из России в период гражданской войны, являются миграцией в пределах одной, капиталистической социальной системы. В пределах социалистической системы межгосударственная миграция очень мала, почти ничтожна, и связана лишь с созданием семейных пар в период совместной учебы.

Особый случай — это миграция ученых между двумя мировыми системами, социалистической и капиталистической. Она происходит на самом минимальном уровне. И не только потому, что сам по себе научный обмен между этими системами незначителен. Не только потому, что принимаются меры к затруднению «невозвращения» в форме запрещения выездов с семьей, включения в делегации сотрудников органов безопасности, и дорогостоящей многослойной и сплошной пограничной охраны огромной территории. Я не сомневаюсь, что

если отменить все эти экономически весьма обременительные меры и ввести свободу путешествий, случаи невозвращения, хотя и возрастут пропорционально росту общего числа выездов, но их число будет попрежнему исключительно невысоким. Ценных ученых мы не потеряем, а общий объем полезной научной информации, которым владеют советские ученые значительно возрастет.

Советский Союз — великая страна с возможностями большими чем в США, не говоря о странах Европы. Важная для науки масштабность задач у нас максимальная. Мы развили у себя особую идеологию, резко повысили патриотические тенденции народа, национальную гордость. Все это очень важные моральные факторы, обеспечивающие стабильность. Столь обширная и богатая страна в условиях большей демократизации неизбежно должна стать не источником оттока кадров, а объектом притяжения. Развитие современной науки и образование единой мировой научной системы создает проблемы в первую очередь для ученых малых наций и государств. Большие государства от этого выигрывают и это неизбежный процесс. Он особенно резко отражается в вопросе о языке науки. Когда-то очень давно язык науки был единым — латинским. Затем произошла национальная дезинтеграция научного языка. Сейчас малые языки, как научные, снова постепенно умирают. Они перестают быть даже средством выражения национальных научных достижений. Греки, шведы, румыны, норвежцы, датчане почти не публикуют своих научных работ на национальных языках. Они переходят в основном на английский, иногда на французский или немецкий. Большинство научных журналов в этих странах выходят на английском или немецком языке. Такой же процесс идет и в СССР. Здесь русский язык вытесняет в научной литературе все остальные десятки национальных языков. Научные журналы в Африке и Азии издаются на английском или французском языках. Таким образом происходит

интернационализация ученых малых стран. По данным ЮНЕСКО, мировая научная продукция в настоящее время следующим образом распределена по языкам. На долю английского приходится 60% мировой научной информации, на долю русского — 11, немецкого — 8%, французского — 9%, японского 3%, испанского — 2%, итальянского — 2%. На все остальные языки мира приходится около 4% научной информации. Естественно, что изучением этих языков ученые других стран уже не занимаются.

Русский язык является, как мы видим, вторым по значению в мире источником научной информации и усиление связей советской науки с остальным миром будет способствовать лишь увеличению национальной научной информации, выражаемой русским языком.

6. Развитие международного научного и культурного сотрудничества ведет к созданию интеллектуального общества

Мир, в котором мы живем, очень неустойчив. Он находится в состоянии постоянной готовности к глобальной войне. Он сохраняет некоторый запас стабильности, не благодаря разумному согласованию вопросов, а в результате баланса ракетно-ядерных сил уничтожения. Силы удара компенсируются в группе мировых держав силами возмездия, и под прикрытием этой неустойчивой гарантии происходит экономическое развитие человеческого общества, расцветают науки, совершенствуется образование, растет культура, возникает проблема улучшения самой биологической природы человека.

Казалось бы, что в разумно организованном многонациональном человеческом обществе каждая нация и каждая страна должны получать от существования других стран и других наций огромную выгоду, прямую и косвенную и тем большую, чем выше технический,

научный, культурный и экономический уровень других стран. Ведь каждая страна в отдельности не может обеспечить того темпа технического и научного прогресса, который типичен для всего человечества в целом. Даже великая держава, вроде СССР или США. Каждая страна неизбежно большую часть условий для материального, технического и культурного прогресса, в форме изобретений, патентов, идей, результатов научных работ, получает из-за рубежа. Великие открытия и выдающиеся изобретения — это достояние и продукт почти любой большой нации.

Я не был в США и не могу судить — сколь сильно развитие этой страны зависело от Старого Света в последние несколько десятилетий. Но судя по знакомой мне истории, ясно, что США — это по существу продукт Европы, это в интеллектуальном отношении очень жизнеспособный гибрид британской, итальянской, ирландской, немецкой, русской и вообще европейской эмиграции.

Что же касается Советского Союза, то каждому очевидно, что несмотря на интервенцию в период гражданской войны и германскую агрессию 1941-1945 гг., принесшие нам неисчислимый ущерб экономический, человеческий и сельскохозяйственный, в технической и научной областям в течение всех 50 лет нашего развития мы очень много получили и заимствовали от остального капиталистического мира. А отчасти и в области культуры, музыки, кино, живописи, не говоря уже о сфере мод, быта и прочего. Если бы СССР все эти годы развивался абсолютно изолированно, то его научно-технический и культурный прогресс был бы несомненно значительно более медленным, хотя отечественная наука сделала за этот период огромный скачок вперед.

Но все же, если серьезно анализировать проблему, то очевидно, что те способы, формы и каналы, по которым мы осуществляли использование и внедрение достижений других наций и стран, не были совершенными, и это замедляло темпы нашего развития, снижало уро-

вень нашей экономики и особенно качественный уровень наших товаров, техническое совершенство нашей продукции и технологии. Мы хорошо знаем, что повышенный темп нашей индустриализации происходил на базе технической реконструкции по отношению к имевшимся у старой России условиям, путем подтягивания СССР к общеевропейскому уровню. Значительная часть индустриализации во многих отраслях происходила не за счет изобретений новых методов и моделей, а путем импорта иностранной техники и промышленного оборудования, по тем временам передового. Были, конечно, и собственные оригинальные решения, особенно в военной технике, но в целом по всей промышленности они не могли составлять большинство. Это было просто невозможно. Что же касается *темпов*, то они обеспечивались прежде всего ростом численности рабочего класса, за счет крестьянства и увеличения т. н. прибавочной стоимости труда, то есть за счет жизненного уровня рабочих и служащих. Будучи единственной социалистической страной в мире, мы не вступили в различные буржуазные конвенции о патентах, лицензиях и прочем и могли иметь полную свободу заимствования, утилизации чужих изобретений, без выплаты компенсации странам — собственникам патентов. В тот период мы поставляли на мировой рынок главным образом сырье и поэтому неприсоединение к соглашениям о лицензиях нас не беспокоило. Наши промышленные товары почти не шли за границу. По-видимому, в предвоенные годы этот способ индустриализации для СССР был наиболее быстрым и дешевым.

Но в послевоенный период, когда промышленность капиталистических стран переживала период реконструкции и технической революции и когда образовался блок социалистических стран с общей экономической политикой, продолжение старых способов заимствования вместо кооперации перестало обеспечивать экономический подъем на нужном уровне. К 1955 г. наша страна оказалась в отношении качественных по-

казателей промышленной продукции, автомобилей, локомотивов, приборов, сельскохозяйственной техники, изделий легкой промышленности, автоматов и многого другого намного позади США и стран Западной Европы. Отставали мы и по производительности труда. Многих важных товаров, вроде электронных счетных машин, мы тогда вообще не производили.

До тех пор, пока СССР проводил политику резкой изоляции от капиталистических стран (до 1955 г.), это отставание не было очень заметным, вернее, оно всячески затушевывалось. Многие из нас помнят кампанию борьбы против низкопоклонства перед Западом, которая гасила всякие разговоры о технических и научных достижениях западного мира. И не только гасила, но и пресекала. И в то время, когда вся наша пропаганда пыталась доказать, что все основные изобретения и открытия были сделаны в России или в СССР, в промышленности основных капиталистических стран происходила небывалая реконструкция, внедрялись оригинальные изобретения и конструкции. Номенклатура товаров и технических средств за короткий срок увеличилась в десятки раз. Под воздействием запрещенной в СССР кибернетики внедрялась на западе программная автоматизация производства. Резко возросла и сложность приборов.

То, что происходило в этот же период у нас, прекрасно описывает роман В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым», действие которого как раз происходит в эти годы. У нас даже боялись цитировать иностранную литературу в научных статьях. Из программ музыки по радио исключались западные мелодии, росла ширина брюк, и поощрялись доморощенные лжеученые вроде Т. Д. Лысенко, И. И. Презента, Г. М. Бошьяна, О. Б. Лепешинской и других, объявлявших о создании особых антизападных наук.

Но когда к 1955 г. атмосфера несколько очистилась, когда начались первые шаги в установлении научных

контактов, была разрешена переписка с другими странами, начались выезды за границу первых делегаций ученых и работников министерств и ведомств, когда руководители государства так же, как в старину еще Петр I, стали ездить за границу и смотреть, что там и как, стало ясным наше научно-техническое отставание. Был провозглашен лозунг использования научного и технического опыта других стран. Но пути использования этого опыта, кроме зарубежных экскурсий, остались по существу еще прежними. Это были пути заимствования, изготовления по готовым образцам, а не включение СССР и стран социалистического блока в нормальную систему свободного научного и технического сотрудничества, немыслимого без свободы передвижения граждан СССР в мире, и вступления в международные конвенции по патентам, лицензиям и изобретательству.

Но как оказалось, практика копирования в новых условиях не обеспечивала прогресса, а лишь перманентное отставание. Темпы технического прогресса в мире настолько возросли, смена конструкций и приборов настолько ускорилась, что принцип копирования все время оборачивался копированием устаревшего, вышедшего из употребления. К тому же период освоения производства скопированного удлинялся, так как номенклатура приборов была большой, а их сложность резко повысилась. Приведу лишь один пример из близкой мне области, но он типичен для других случаев.

Развитие многих областей химии и биохимии, а также ряда научно-технических оборонных направлений сдерживалось после войны отсутствием в СССР особо скоростных так называемых аналитических центрифуг, в которых вещества разделяются, в зависимости от тяжести их молекул. Простые центрифуги осаждают крупные частицы вещества, у биохимиков и биологов — целые клетки. Аналитические центрифуги могут осаждать из растворов молекулы. Ускорение силы тяжести в таких центрифугах достигает 400 000 и более и

прибор исключительно точный. Аналитические центрифуги были разработаны еще в тридцатых годах в Швеции, но к 1946-47 гг. лучшие по совершенству модели были только в США — это знаменитые «Спинко». Америка понимала значение центрифуг в техническом развитии и поэтому на все виды центрифуг с ускорением свыше 40 тысяч, еще Гарри Трумен наложил эмбарго на продажу в социалистические страны, отнеся их к группе стратегических товаров. (Доставать их через нейтральные страны все же, конечно, удавалось, так как прибор не военный и продавался на мировом рынке свободно).

Примерно в 1947 г. промышленность приборов в СССР получила задание — освоить производство аналитических центрифуг. Но прибор это не простой, в нем тысячи деталей тончайшей точности, выделки, так как работа его идет на колоссальных скоростях. При этом во время вращения ротора, кювета с веществом должна фотографироваться на поглощение и преломление света, что позволяет визуально следить за скоростью осаждения вещества. Рабочие части центрифуги вращаются в условиях глубокого вакуума. Такие центрифуги в 1947 г. были крупно-габаритными, с множеством самостоятельных узлов. Использовались они не только для разделения, но и для определения молекулярных весов веществ, главным образом, полимеров.

Заново, целиком такую машину изобретать слишком долго, и поэтому созданные специальные конструкторские бюро стали на путь копирования. За основу для копирования был выбран не американский, а немецкий вариант, более простой, но технически менее совершенный. Она копировалась в препаративном и аналитическом вариантах (УЦП и УЦА). Ушло на это много лет, так как копирование сложного прибора дело не легкое, нужно дублировать и качество металла, обеспечить ту же точность обработки, наладить производство, то есть завод. А тут нужны и особые машины для

обработки, а достать средства производства без лицензий — это намного сложнее чем готовый товар — прибор.

Реальное производство таких центрифуг было налажено на заводе, построенном в городе Фрунзе, только через 12 лет и к 1960 г. модели УЦП-1 и УЦА-1 можно было приобрести на внутреннем рынке лабораторной техники. Однако любителей покупать эту модель было немного, так как она за 12 лет безнадежно устарела. За это время американская и немецкая фирмы, слившись, сменили несколько моделей, соответственно возросшим запросам науки. УЦА-1 не только была устаревшей технически, она и не могла решать тех новых задач, которые стояли перед наукой. Класс веществ, доступных изучению в видимом свете, был освоен и наука перешла к изучению веществ в ультрафиолетовой части спектра. Стали выпускаться центрифуги с ультрафиолетовой, кварцевой оптикой. Увеличились скорости. Советсткая УЦА-1 давала ускорение в 280 000, новые модели «Спинко-Бекман» 600 000 и больше. Эти модели уменьшили габариты, число узлов. УЦА-1 была компрессорной, она требовала особых фундаментов и устанавливалась только в подвале зданий. Американские модели 1960 г. уже давно были электрическими, фундаментов не требовали и могли устанавливаться на любом этаже здания. Они обладали большей надежностью и поэтому не требовали особого инженера для эксплуатации.

Существовало многих других преимуществ технического и научного характера. Кроме того, и эмбарго на продажу аналитических центрифуг было отменено. Поэтому всем хотелось иметь «Спинко» и никто не покупал УЦА-1. Имевшиеся же в ряде институтов «Спинко» работали с полной нагрузкой, для работы на них приезжали биохимики издалека.

А план — есть план. Завод в г. Фрунзе производил УЦА-1 в немалом числе. КБ срочно осваивали новые модели, более современные, а старые УЦА-1 накапли-

вались на складе завода. Не знали, что с ними делать. Когда завод перешел к производству новой модели, кажется УЦА-4 или 5, старые стали со склада предлагать учреждениям бесплатно, только вывозите. Случайно, по недосмотру инженера-снабженца, соблазнившегося даровым прибором, приобрел в 1964 г. такую УЦА-1 и наш институт, да впридачу еще и УЦП-1. Лежат они с тех пор, вот уже четыре года на складе, портяться. Для установки их нужны инженеры, четыре подвальные комнаты, фундаменты и прочее. А работать на них все равно никто не будет, институт имеет аналитическую центрифугу венгерского производства и две препаративных «Спинко». А ведь сколько труда затратили киргизские рабочие и инженеры для производства бесполезных центрифуг этого типа. Таковы издержки метода копирования.

Но это еще не самый тяжелый случай. Кто не помнит, как копировалось с Америки производство кукурузы. Только в США она выращивается в увлажненном и теплом «кукурузном» поясе, а у нас ее чуть ли не до тундры пытались продвинуть.

Метод копирования, кроме того, очень быстро вступил в противоречие с потребностями внешней торговли. Приборы и технику, скопированные без лицензий, нельзя было продавать на внешний «валютный» рынок.

Но все же т. н. «использование зарубежного опыта и достижений» давало, конечно, определенные положительные результаты. Оно не обеспечивало выхода вперед, но стимулировало какой-то прогресс. Развитие нашей экономики после 1955 г., когда начались экскурсионные поездки за рубеж, стало более быстрым и его результаты ощутимее.

Только в 1966 г. наша страна положила конец практике копирования и вступила в Международную конвенцию по патентам, лицензиям и изобретениям. Мы перешли к методу покупки прав на производство определенных изделий мирового стандарта и на использование

изобретений, и соотвественной продаже собственных патентов. Пока, по данным некоторых заслушанных мною устных докладов работников системы Госплана и Комитета по лицензиям, в 1966 и 67 гг. баланс был для нас отрицательным. Советских патентов было продано очень мало. Со временем, надо думать, ситуация должна измениться.

Однако, встав на этот разумный путь международных взаимовыгодных и честных соглашений, единственно правильный в современных условиях, мы должны реорганизовать и нормализовать и систему международного научного и технического и вообще интеллектуального сотрудничества. Мы только таким образом можем поднять до современного уровень наших специалистов в их массе. Вводя правовые гарантии в деле межгосударственных научных и технических взаимосвязей, мы должны ввести твердые правовые гарантии и в личные взаимосвязи советских ученых с гражданами других стран. Мы должны ввести правовые нормы туда, где пока господствует административный произвол. Этим мы сделаем очень важный шаг в развитии социалистического общества, в превращении его из полузакрытой в открытую систему.

В конечном итоге, как я уже отметил, существование других наций и стран с любой политической и экономической и культурной спецификой, для каждой данной страны выгодно. Приносят вред мировому содружеству наций и стран лишь фанатичные, экстремистские режимы, независимо от того капиталистическая или коммунистическая у них основа. При таких режимах возникает агрессивность, стремление к мировому господству, к подчинению себе других стран, к конфликтам, а не к плодотворному сотрудничеству. Мы все знаем примеры острейших конфликтов и антагонизма и между капиталистическими странами и между социалистическими. В то же время между социалистическими и капиталистическими странами может быть и острая вражда и самая искренняя дружба. Примеры

такого рода в изобилии дает нам самая современная история. Конфликт между Гитлеровской Германией и Францией и Англией, конфликт Сталина и Тито, война между СССР и Финляндией, сменившаяся хорошей дружбой, без изменения социальных основ в какой-либо из этих стран. Острейший конфликт между Китаем и СССР, последовавший за периодом самой вечной и нерушимой дружбы и т. д. Мы знаем острые конфликты в пределах стран с одной нацией. Конфликт двух Германий, двух Корей, двух Вьетнамов. Постоянно ссорятся и мирятся между собой арабские страны. На конфликты социальные наслаиваются иногда более острые расовые. Короткая война между Израилем и соседними арабскими странами не была неожиданностью. Но мир был потрясен, когда вспыхнула, жестокая, но, к счастью, кратковременная война между миролюбивыми нациями, Индией и Пакистаном. Китай и СССР все время обвиняют друг друга в вероломстве, но вместе помогают борьбе Вьетнама. Советским и китайским оружием бьют во Вьетнаме американцев, а в Женеве СССР и США в обстановке полного взаимопонимания согласовывают проект договора о нераспространении ядерного оружия, в котором они дают совместные гарантии неядерным державам против ядерной агрессии, явно намекая в этом на неприсоединяющийся к договору Китай. Во Вьетнаме СССР и Китай вместе помогают дружественной стране. А в Индии СССР помогает индийскому народу в борьбе против китайской агрессии, направляя в Индию современное вооружение. Куба получает огромную экономическую помощь от СССР и всячески ругает Советский Союз. Насер пересажал в тюрьму всех коммунистов в Сирии и в ОАР и запретил коммунистическую партию, король Хуссейн давно уже сделал то же, а СССР вооружает эти страны против Израиля, в котором 90% экономики и сельского хозяйства кооперировано, у власти т. н. «рабочая партия» и коммунистические партии (их две) работают в условиях полной легальности. Все в мире перемешалось. Руководство слиш-

ком многими странами осуществляется некомпетентно, иногда, как в Родезии и ЮАР, преступно. Опасными для мира стали, да и всегда были, не столько различия в экономических системах, а прежде всего характеры сосредоточения власти в стране, являются ли они тоталитарными, диктаторскими, сосредоточена ли власть в руках одного или немногих, или же она имеет благоразумные демократические формы. Только в последнем случае руководство страной может осуществляться научно, и взаимоотношения с остальным миром и соседними странами ставятся на взаимовыгодную основу. Тоталитарный режим, как мы теперь с большим сожалением знаем, возможен и очень опасен и в экономически социалистических странах. Не только жестокая диктатура Сталина с ее культом личности у всех свежа в памяти, а в странах Восточной Европы режим Ракоши, Берута, Готвальда и Югова. Но и сейчас у всех на глазах Энвер Ходжа и Мао Цзе-Дун установили в своих странах единоличную диктатуру, опирающуюся на грубую силу, а не на закон.

Между тем, мы видим и другие примеры, когда недавно агрессивные страны, потерпев жестокое поражение и встав после этого на путь дружеского сотрудничества с соседями, на путь экономической и научной кооперации, на путь свободы общения с внешним миром, демонстрируют бурный подъем науки, экономики, культуры. Я имею в виду прежде всего Японию и Италию. Темпы промышленного и экономического развития в этих странах в последнее десятилетие достигли величин в мире максимальных (10-11%), более высоких, чем у СССР. Никакая агрессия, никакие захваты не давали Италии и Японии таких результатов, которые дает им теперь разумно организованное мирное сотрудничество с другими странами. И если бы эти страны не попали бы в сферу американского влияния, способствующего милитаризации, то экономическое благосостояние в них было бы несомненно еще более высоким. Не случайно,

например, максимальный жизненный уровень в Европе и мире достигнут в нейтральной стране, в Швеции.

В США, судя по материалам, опубликованным в одном из номеров журнала «Сайенс» (Science, v. 153, № 3806) в конце 1967 г., поступления фондовых и государственных ассигнований на науку на 1968 г., не только не увеличились, как это было ежегодно в прошлом, а снизились почти по всем видам научных исследований. По свидетельству журнала, опубликовавшего цифры ассигнований по всем подразделениям науки, это связано с расходами на войну во Вьетнаме. Эта война уже поглотила такие богатства США, что их хватило бы, чтобы сделать весь Вьетнам самой богатой страной мира и этим ликвидировать всякую основу вражды между Севером и Югом. Ведь основа социальной борьбы — это прежде всего неравномерность распределения национального продукта.

Примеры такого рода парадоксов, несоотвествий догмам и просто нелепых, неразумных решений в мире десятки и сотни. Они возникают в пределах любых социальных систем, любых экономических построений, любых идеологических основ. Они связаны с государственным проявлением обычных человеческих пороков, властолюбия, эгоизма, жадности, жестокости, самолюбия, тщеславия, культа силы, нетерпения, некомпетентности, мании величия, излишней эмоциональности, недоверия, престижа и прочих. Когда эти качества, эти пороки становятся присущими социальным, националистическим и политическим группам, возникают спасные для народов, а в современных условиях опасные для всего человечества ситуации. Особенно, когда во главе страны оказывается психически аномальный субъект или преступник. И такие случаи, к сожалению, дает нам история и не очень древняя.

В мире есть лишь одна социальная группа людей, которая не только в силу положения в обществе, но и просто в силу неизбежно присущих ей человеческих

качеств, в силу отбора в популяции людей по этим качествам, в силу характера повседневной деятельности связана в общемировую взаимозависимую, взаимовыгодную, взаимоуважающую систему, в содружество, независимое от национальных границ, постоянно общающаяся между собой всеми возможными способами и максимально заинтересованная в прогрессе человечества, и являющаяся по существу, носительницей и двигателем этого прогресса. Это — ученые, научные работники, по-видимому, интеллигенция, в смысле научно-технической и культурной творческой интеллигенции, а не вообще слоя лиц, имеющих среднее или высшее образование.

Эта группа количественно в последние годы непрерывно растет, и сейчас в экономически развитых странах ее рост сдерживается прежде всего биологическими факторами, ограниченностью в человеческой популяции процента лиц, способных к научной и вообще к интеллектуальной деятельности, ограниченностью случаев проявления тех или иных талантов.

Ученые, технические специалисты и деятели культуры своими бесчисленными международными организациями уже создали в мире особое всемирное сообщество, систему, развитие которой происходит по принципам взаимной заинтересованности в успехах каждого звена. Взаимное сотрудничество и в этой системе еще, конечно, не совершенно, сталкивается с препятствиями, но все же межгосударственные и межнациональные взаимоотношения на уровне ученых и деятелей культуры являются максимально благоразумными и надежными. При этом благоразумие и надежность этих взаимоотношений растут по мере роста масштабов международного сотрудничества. Мы имеем в виду средние показатели, общие тенденции, а не отдельные случаи, отдельные нарушения правил. И среди ученых нередко встречаются, как мы знаем по примеру лысенкоизма, псевдоученые, одержимые манией величия и стремлением подчинить своему влиянию весь мир. Мы

также знаем, что бывший Министр обороны США Макнамара — квалифицированный математик. Но если взять научную корпорацию США в целом, то она представляет собой главного противника войны США во Вьетнаме, а Университеты и колледжи — это центры движения интеллигенции против вьетнамской войны. Студенческая молодежь во всем мире сейчас проявляет максимальную активность в борьбе за демократические тенденции.

Нам кажется, что расширение взаимосвязей и взаимного сотрудничества в этой части человечества ведет нас в сторону создания действительно интеллектуального и нравственного общества. В таком обществе любые аспекты общественной активности основаны на принципах максимальной целесообразности в масштабах всего человечества, перспектив всего мира. Такое общество возникает не путем революций или военных переворотов. Оно появится в результате постепенного развития, как социалистической, так и капиталистической систем. За общемировой научно-технической дифференцировкой, уже реально существующей, неизбежно последует более медленная промышленно-экономическая всемирная дифференцировка.

Мы уже много говорили о влиянии научно-технического прогресса в капиталистических странах на развитие техники и науки в нашей стране. Обратное научно-техническое влияние было слабее. Но социально-политическое влияние социалистического общества на капиталистический мир было несомненным. Оно стимулировало и модернизацию общественных отношений в США, Франции, Англии и других странах, усилило активность трудящихся за повышение жизненного уровня и, в конечном итоге, снизило уровень эксплуатации, улучшило характер распределения национального дохода. И если бы не жестокий режим сталинизма, резко ослабивший это влияние, сближение между двумя системами в сторону не только сосуществования, но и сотрудничества несомненно было бы большим.

Сейчас максимальный уровень сотрудничества и кооперации между двумя основными мировыми системами идет по линии науки. Рост влияния науки на все сферы жизни общества и увеличение армии ученых усилит неизбежно и взаимное сотрудничество наций и стран.

Следовательно, деятельность прогрессивных элементов общества должна быть сосредоточена на борьбе с теми силами, порядками и правилами, которые в тех или иных странах направлены на ограничение свободного сотрудничества ученых и деятелей культуры. Нужно бороться с любыми тенденциями узкой «национализации» науки, превращения ее в сферу обслуживания узко-эгоистических интересов различных политических групп, милитаризации. В конечном итоге и киногангстеры, вроде Фантомаса, опираются на научный прогресс и новейшие специально гангстерские технические усовершенствования. Нужно добиваться правового законодательства, обеспечивающего свободу полезного международного сотрудничества, через которое проявляются те тенденции развития, на которые человечество должно возлагать свои главные надежды.

Все ли благополучно в этом отношении в нашей стране? Есть ли в СССР твердые правовые гарантии международного сотрудничества? Есть ли у нас конституционные гарантии такого сотрудничества? Как регламентируются в СССР зарубежные поездки граждан? На основе закона, или по типу привилегий, на основе принципов разумности, или произвола администрации? Каковы тенденции развития в этой сфере человеческой деятельности в последние годы у нас и во всем мире?

На все эты вопросы мы постараемся дать ответы в следующем разделе.

РАЗДЕЛ III

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАРУБЕЖНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

В общем заголовке настоящей работы мы упомянули «национальные» границы, имея в виду, что международное научно-техническое сотрудничество влияет не только на сферу междугосударственных, но и межнациональных взаимоотношений в федеративных государствах типа СССР, Югославии, Чехословакии, Индии и т. д., способствуя тенденциям внутригосударственной межнациональной интеграции. В настоящем разделе нас будут прежде всего интересовать межгосударственные взаимосвязи, определяемые международными путешествиями граждан.

Международное сотрудничество ученых — это лишь частный случай международных связей граждан разных стран. Поэтому естественно, что это сотрудничество попадает под действие того общего законодательства, которое регламентирует права всех граждан данной страны в этом отношении. Если подавляются права граждан, уменьшаются и возможности ученых. В разных странах политическая структура и действующее законодательство по разному реагируют на международную интеграцию науки и на стремление ученых к расширению индивидуальных прав человека. По словам Президента Международной Ассоциации научных работников, примыкающей к Всемирному Совету мира, С. Ф. Пауэлла (см. журнал «Мир науки», № 1, 1967). «...Во многих странах всего мира, старых и новых, существующие там военные режимы враждебно относятся к формированию в стране влиятельной научной общественности и связанному с ним развитию независимого мышления. В этих странах ученых лишают пра-

ва выезжать на международные научные конференции» (стр. 3).

Естественно поэтому, что нельзя рассматривать вопрос о современных тенденциях в развитии международного научного сотрудничества, не затронув и не разобрав более общей и более важной проблемы международных гражданских связей вообще, проблемы права международных путешествий людей, проблемы права человека, как человека, и долга человека, как человека, то есть таких поступков человека, которые вытекают из чувства его ответственности перед всем человечеством, перед судьбой всего мира, а не только перед его собственным народом, собственной страной.

О правах граждан существует большая и серьезная наука. На основе этой науки формируются и формулируются законы. Если перед законами равны все граждане, то мы имеем систему равноправия. Если разные категории лиц выделяются законом в особые группы с разными правами, то мы имеем систему привилегий. Системы привилегий имеются почти во всех, самых демократических странах. Например, в США человек, не проживший на территории США более 10 лет (из числа родившихся вне США) не имеет американского гражданства и не пользуется защитой всех статей закона. Лица с американским гражданством и прожившие в США почти всю жизнь, но родившиеся вне США, не могут выдвигать свою кандидатуру на пост Президента США. Во всех странах лица, не достигшие совершеннолетия, пользуются меньшими правами, не могут участвовать в голосовании и т. д. Так что привилегия избирать принадлежит только совершеннолетним. Обширная система различных ограничений прав и привилегий имеется и в нашей стране. Например, беспаспортный колхозник имеет значительно меньше прав даже на перемещение и поселение в пределах собственной страны и трудоустройство, чем «паспортный» горожанин. Лица с «московской пропиской» паспорта имеют привилегии в трудоустройстве и жительстве в Москве перед

всеми остальными гражданами СССР. Бывшим немцам Поволжья, после реабилитации их нации, разрешено устраивать поселения в любой части СССР (в сельской местности), кроме территории бывшей Республики немцев Поволжья и т. д. Число групп граждан с ограниченными правами в СССР до 1953 г. было очень большим. Постепенно в развитии нашей страны положение в этом отношении нормализуется и равноправие расширяет свои границы. Увеличились и расширились вообще индивидуальные права граждан. Это относится и к праву на зарубежные путешествия, на международное сотрудничество. До 1955 такое право у граждан СССР полностью отсутствовало и все выезды за рубеж носили служебный характер. Никто в тот период, по существу, и не помышлял о необходимости борьбы за такое право.

Однако право на зарубежные путешествия, внешняя видимость которого сейчас существует и подтверждается сотнями тысяч ежегодных чисто туристических поездок граждан СССР за границу, в действительности не стало пока *законодательно установленным правом*, одинаковым для всех советских граждан. Появившись в 1955 г. в форме права-привилегии для некоторых слоев населения, возможность зарубежных путешествий и далее продолжала развиваться по типу возникновения новой особой привилегии, в известной степени, поощрительного характера.

В период культа личности поездки граждан СССР за рубеж имели исключительно служебный характер и, в основном, преобладали выезды дипломатов, торговых работников, иностранных корреспондентов, не говоря уже о работниках МГБ. Они были связаны, таким образом, с осуществлением общегосударственных функций и не были какой-то привилегией. В большинстве своем советские граждане даже опасались зарубежных поездок, так как положительный ответ на вопрос любой анкеты о пребывании за границей рассматривался как серьезный повод для недоверия.

Сейчас такой подход к этому пункту анкеты уже редкое явление. Исчезли и многие из прежних привилегий некоторых слоев граждан. Но общеправовой основы для зарубежных путешествий советских граждан не появилось. Поездки за границу стали не правовым достижением, а, по существу, более обычной практикой в работе государственных учреждений. Расширился круг служебных вопросов, решаемых с помощью зарубежных командировок. Зарубежный туризм стал способом служебного поощрения. Осуществление туристической поездки за границу стало не личным, частным делом каждого человека, как это бывает в любой стране, а одной из функций учреждения, его профсоюзной и партийной организации. При этом осуществление этой функции и реализация привилегии зарубежной поездки обросли сложнейшими процедурами и зависят от множества факторов. Здесь учитывается и общественная работа кандидата, его партийность, членство в профсоюзе, взаимоотношения с женой, «моральный облик», политическая зрелость, «пятый» пункт анкеты, прошлая биография, происхождение, число детей, наличие родственников за границей, возраст и пол, состояние здоровья, был ли ранее за рубежом, ученое звание и степени, уровень образования, отношение к алкоголю, отношение к женщинам и соблазнам, служебное положение, знание иностранных языков, а иногда и просто внешний вид.

Неразводившиеся граждане имеют преимущества перед разводившимися, женатые перед холостыми, детные перед бездетными, многодетные перед малодетными, желающие поехать в одиночку перед желающими поехать с супругой, а тем более с семьей. Колхознику поехать в смысле юридической возможности (независимо от средств) за рубеж намного труднее, чем рабочему, рабочему труднее, чем интеллигенту. Русскому поехать легче, чем казаху или еврею, а еврею легче, чем татарину, причем татарину казанскому легче, чем крымскому. Гражданину СССР — немцу труднее всего

поехать в Германию, а гражданину СССР — еврею в Израиль. Поехать в Болгарию легче, чем в Польшу, в Польшу легче чем в Чехословакию (до августа 1968), в Чехословакию легче, чем в ГДР. Поехать в социалистическую страну в десятки раз легче, чем в капиталистическую. Но и капиталистические неодинаковы: попасть во Францию легче, чем в Италию, в Италию легче, чем в Англию, в Англию легче, чем в ФРГ, в ФРГ легче, чем в США и т. д. Поехать в Югославию так же трудно, как и в капиталистическую страну. И все это помимо чисто материальных различий, существующих везде. Человеку с большей зарплатой всегда легче осуществить зарубежную поездку, чем человеку с низкой зарплатой, причем это различие в СССР сильнее, так как у кандидата на отъезд требуют за много месяцев вперед письменное обязательство о том, что он сможет уплатить такую-то сумму за свое турне, и только после этого вопрос, например о поездке на какой-то конгресс, начинается ставиться в серьезных инстанциях, непосредственно с Интуристом (которому выплачиваются деньги) не связанных.

И все эти конкурсные условия незаконны, все они произвольны, определяются практикой, а не правом, связаны с процедурой оформления, а не с законодательством.

Но может быть такая практика существовала всегда и везде? Может быть, это обычная и естественная картина, характерная для любой страны? Может быть, право и закон не должны, согласно науке, вторгаться в эту область?

Для ответа на эти вопросы мы должны взглянуть на право граждан к осуществлению зарубежных путешествий в международном и историческом аспектах.

1. «Всеобщая Декларация Прав Человека», принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций, и ее отношение к проблеме международного сотрудничества

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН на сессии в Париже приняла знаменитую «Всеобщую Декларацию Прав Человека», замечательный документ эпохи. Текущий 1968 г., в ознаменование 20-летия этой «Декларации», объявлен ООН «Годом Прав Человека».

Однако в СССР текст «Всеобщей Декларации Прав Человека» известен очень немногим, так как эта «Декларация» на русском языке в советской широкой печати *никогда* не публиковалась. Не публиковалась она и на языках народов СССР. Ее текст был опубликован лишь в специальном малотиражном сборнике документов международного права, обсуждался в специализированных журналах по праву и международному праву. Только в 1963 г. некоторые советские читатели смогли прочитать текст «Декларации» в издаваемом ЮНЕСКО в Париже журнале «Курьер», русский вариант которого поступает в ограниченном количестве в некоторые советские библиотеки. Декабрьский номер этого журнала был полностью посвящен 15-ой годовщине «Декларации».

Принятая почти 20 лет назад, «Всеобщая Декларация Прав Человека» и сейчас обладает большой духовной силой, особенно в борьбе со всякого рода ограничениями прав и свобод человека, препятствующими всестороннему развитию человеческой личности. Мы, однако, не будем анализировать всех параграфов этого документа и обратим внимание лишь на те, которые непосредственно относятся к теме нашего исследования.

Статья 13-ая «Декларации» гласит:

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая собственную, и возвращаться в свою страну.

«Декларация Прав Человека» была принята на сессии Генеральной Ассамблеи ООН редким для того времени большинством. Только СССР, Украинская ССР, Белорусская ССР и пять стран, называвшиеся у нас в печати «странами народной демократии» при голосовании «Декларации» *воздержались*.

Советский Союз был представлен на этой сессии ООН Министром Иностранных дел А. Я. Вышинским, когда-то главным инквизитором сталинского произвола, Генеральным Прокурором СССР в период массовых репрессий, организатором фальсифицированных судебных процессов 1933 и 1938 гг., виновником гибели тысяч и тысяч советских людей, человеком, исказившим и нарушившим все элементарные нормы юридической и правовой наук.

Вместо «Всеобщей Декларации Прав Человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН, советские газеты того времени напечатали длиннейшую речь Вышинского, содержавшую критику «Проекта» Декларации (Центральные газеты от 12 декабря 1948 г.). Эта критика носила лицемерный и казуистический характер. Вышинскому просто нужен был повод, чтобы не голосовать за «Декларацию», и он придумывал «поправки», которые были явно неприемлемы для большинства делегаций. К тем общим декларациям и положениям о правах человека, которые содержали проект, Вышинский требовал добавления обязательной конкретизации, при каких условиях они могут осуществляться и при каких нет. Декларация об общих и универсальных правах человека превращалась при этом в своего рода тенденциозную Инструкцию, которая могла трактоваться любым правительством весьма произвольно, и которая удовлетворяла прежде всего интересы руководящих слоев, а не массы населения планеты. Например, к общему положению «Декларации» о праве

человека распространять идеи, причем, независимо от государственных границ, Вышинский требовал добавить обязательный пункт о том, какие идеи можно распространять безпрепятственно («прогрессивные», «демократические»), и какие нельзя распространять вовсе («реакционные», «расистские», «фашистские»). Вышинскому резонно возражали, что понятия «реакционный», «расистский» и пр. очень противоречивы и многообразны, особенно в государственной пропаганде. Каждый политический деятель уверяет, что именно его идеи прогрессивны. В то же время часто действительно прогрессивные идеи нередко запрещались, как якобы реакционные. И такие возражения были вполне оправданы. Все мы помним, что именно в 1948 г. в СССР были объявлены расистскими и реакционными идеи классической генетики, реакционными стали у нас в стране проблемы кибернетики и даже теории относительности. Мы также помним, что именно в 1948 г. выдающийся антифашист и коммунист, герой антигитлеровской войны, маршал И. Тито, был объявлен в СССР фашистом, а государственный строй в Югославии — фашистским, хотя по всем объективным критериям он был социалистическим. С другой стороны, именно в это же время в «свободной и демократической» стране, в США, начинал процветать государственный маккартизм и специальные комиссии по борьбе с антиамериканской деятельностью начали преследования истинных демократов. В этих условиях было очевидным, что возражения Вышинскому со стороны большинства делегаций были вполне обоснованными.

«Декларация» первоначально голосовалась по отдельным параграфам и пунктам. Делегация СССР, так же, как и делегация Украинской и Белорусской ССР в этом голосовании по некоторым параграфам голосовали «за», по некоторым «против» и по остальным воздерживались. Газеты того периода не сообщают в этой части конкретной информации, и я не знаю, каким было отношение СССР к цитированному выше параграфу «Декла-

рации». Я полагаю, что оно было отрицательным, либо воздержательным, так как положительное отношение к этому параграфу находилось бы в полном противоречии с тогдашней политикой и практикой сталинского руководства страной.

Но несмотря на противодействие Вышинского, «Декларация прав» была принята Генеральной Ассамблеей ООН и, согласно Уставу ООН, который признан и Советским Союзом, стала документом, обязывающим к определенной линии поведения всех членов ООН. Возможностей «вето» для несоблюдения «Декларации» не было. Чтобы не соблюдать положения «Декларации», чтобы игнорировать их в той или иной стране, можно было прежде всего скрыть от граждан этой страны текст «Декларации», скрыть содержание этого документа. Такой метод был применен и в СССР, население которого не получило почти никакой информации о содержании «Декларации», кроме негативной. Следует отметить, что иностранные передачи на русском языке в этот период тотально глушились и поэтому и этот источник информации был закрыт*.

*) Следует отметить, что в современных учебниках по международному праву для советских юридических и международных факультетов уже нельзя обойтись полным игнорированием «Всеобщей Декларации Прав Человека». Однако текст «Декларации» не приводится, а кратко излагается в произвольной трактовке. Положение о свободе путешествий и свободе покидать и возвращаться в свою страну, конечно, не приводится и не обсуждается, равно, как и положение о свободе выбора местожительства в пределах собственной страны, свободе распространения идей, свободе печати, свободе творчества и другие. Нигде в учебниках не сообщается и о том, что СССР при голосовании «Декларации» воздержался. Иногда, как например в учебнике «Курс международного права» (Изд. «Международные отношения», Москва, 1966), авторы, вопреки правде, пишут прямо противоположное. «... Благодаря последовательной борьбе Советского Союза, принимавшего активное участие в разработке «Декларации», в ней были закреплены основные социально-экономические права ...» (стр. 268). На самом же деле, «Декларация» была принята и разработана в удовлетворительном варианте, не благодаря, а вопреки позиции тогдашней делегации от СССР.

Советский Союз присоединился к программе ООН, объявленной в 1968 г. «Годом прав человека». Будем надеяться, что в связи с 20-ти летней годовщиной в этом году «Декларации», она будет, наконец, опубликована и прокомментирована в советской широкой прессе. Примечание в феврале 1969 г. Этого, к сожалению, не случилось. И через 20 лет после голосования в ООН, «Всеобщая Декларация» все еще слишком демократична для существующих в СССР правовых условий.

Негативное отношение советской делегации к «Декларации прав» можно было предвидеть заранее. Ведь всего за год перед заседанием Генеральной Ассамблеи, когда только началась разработка проекта «Декларации», Президиум Верховного Совета СССР принял «Указ» от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений и должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» (см. «Ведомости Верховного Совета СССР», № 5, 1948), который до предела ограничил все возможности общения граждан СССР с гражданами других стран, как личные, так и посредством переписки. Под «должностными лицами» «Указ» понимал всех лиц, находящихся на государственной службе, то есть работающих в государственных учреждениях и на предприятиях. Указ Верховного Совета СССР запрещал всем служащим всех учреждений и предприятий всякое общение с иностранцами и свободную переписку с гражданами иностранных государств. И общение и переписка должны были, согласно «Указу», осуществляться только через Министерство Иностранных дел СССР и Министерства Иностранных дел Союзных Республик и их отделы в соответствующих отраслевых министерствах. Эти отделы следовало ставить в известность о всех обращениях, просьбах, письмах, запросах со стороны иностранных граждан... «не входя в обсуждение вопроса по существу». «Указ» распространялся, как было особо отмечено, и на иностранцев, проживающих или прибывающих в СССР для работы, но не распространялся на просьбы иностранцев бытового характера. Был приведен длинный список номенклатуры учреждений, которым было дано право обслуживать иностранцев «по существу», без обращения за согласием в Министерства иностранных дел СССР и Союзных республик. Этот список включал: прачечные, парикмахерские, бани, телеграф, почтовые отделения, магазины, газетные киоски, кафе, сапожные мастерские и ряд других такого же характера учреждений. Аналогичные «Ука-

зы» были вскоре изданы Президиумами Верховных Советов всех Союзных Республик и это обеспечило соответствующими директивами все учреждения республиканского подчинения. (По РСФСР см.: «Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР. Госюриздат». 1958). Действие этих Указов официально не отмечено и по сей день, а они предусматривают за нарушение своих параграфов уголовное и дисциплинарно-административное наказания.

Таким образом, не только право выезда за пределы страны, но и элементарное право на любые формы прямого и косвенного общения с иностранцами стало, после этих Указов, под запретом. В СССР стала возникать, вернее усиливаться, боязнь всяких контактов с иностранцами. О любой встрече, любой беседе с иностранцем, о любом письме из-за границы, если оно доходило до адресата, следовало доносить, докладывать по инстанциям служебного аппарата. Пережитки этой боязни существуют и сейчас, они еще не выветрились до конца, хотя практическое осуществление вышеприведенных «Указов» сейчас почти невозможно. Объем и количество контактов, переписки, поездок оттуда и туда настолько возросли, что за всем этим с помощью лишь Министерств иностранных дел не уследишь. Системы контроля, конечно, тоже выросли, однако немалое число контактов с иностранцами происходит сейчас, по-видимому, незафиксированными, особенно во время поездок советских граждан за границу.

Однако правовой основы для поездок за рубеж так и не появилось и осуществление такой поездки не только со служебной, но и чисто с туристической или образовательной целью осталось по-прежнему административной проблемой, произвольно решаемой длинной иерархией чиновников, ориентирующихся не на закон, а на субъективные рекомендации и показатели. Все эти процедуры оформления выезда и приезда существуют в их современном виде не для реализации и защиты

гражданских прав, в соответствии с какими-то законными нормами, а для избрания, для селекции, для отсева, для выделения из множества желающих наиболее «достойных», наиболее благонадежных, для решения вопросов о зарубежных поездках не с точки зрения прав человека, с точки зрения интересов государства, интересов, понимаемых, конечно, бюрократически. Здесь мы подходим к актуальнейшему вопросу о правах отдельной личности в социалистическом обществе, о правах теоретических и реальных, и лучше всего начать его анализ с рассмотрения паспортного режима, с того документа, который удостоверяет гражданскую принадлежность человека.

2. Советский человек и его паспорт, внутренний и заграничный

В большинстве стран мира нет паспортной системы для удостоверения личности гражданина и его права жить в том или ином месте страны, подтверждаемого «пропиской» паспорта в местном отделении милиции или полиции. Иначе говоря, паспорт, как «вид на жительство», в большинстве стран отсутствует, и само понятие «паспорт» подразумевает лишь *заграничный паспорт*, документ защиты при выезде гражданина за пределы своей страны и бланк для получения въездных и выездных виз от государственных органов других стран. Получение паспорта гражданином таких государств означает предоставление ему права покинуть свою страну на тот или иной срок.

В СССР, так же как и в старой России, паспортная система имеет двойную функцию, внутреннюю и заграничную, каждая из которых представлена разными паспортами. Паспорт внутренний — это «вид на жительство» и удостоверение личности гражданина СССР при осуществлении им определенных функций, например, при получении почтового перевода, поступле-

нии на работу, уплате штрафа и т. д. Однако эту функцию внутренний паспорт выполняет не для всех граждан СССР, а лишь для жителей городов и городских поселков. На последней странице любого паспорта есть *«извлечения»* из «Положения о паспортах», утвержденного Советом Министров СССР 21 октября 1953 г.* Статья 1 этого «Положения» гласит «Граждане СССР в возрасте от 16 лет и старше, проживающие в городах, районных центрах, поселках городского типа ... обязаны иметь паспорта». Жители сельских поселений, как известно, паспортов не имеют, взамен паспорта им выдается колхозная книжка, или какой либо другой документ местного значения. Документ, удостоверяющий личность крестьянина, не является, как паспорт, правовым документом и видом на жительство. С таким документом в городах не прописывают и на работу в государственные учреждения и на заводы не принимают. Даже переезд в другое место сельского типа не может быть осуществлен без специального разрешения.

Такое деление населения страны на городских «паспортных» и сельских «беспаспортных» имеет в России старую историю и истоки его связаны с крепостным правом, с тем временем, когда большую часть населения России составляли крепостные крестьяне, не имевшие свободы передвижения, а в городах жили вольные, мещане, дворяне и прочие городские сословия. Отмена крепостного права в 1861 году не отменила паспортной дифференцировки жителей и привилегий городского

*) Следует отметить, что в каждом паспорте в форме «Извлечений» приведена лишь небольшая часть «Положения о паспортах», утвержденного Советом Министров СССР в 1958 г. Полностью же это «Положение» не было вообще опубликовано и является секретным. Оно не вошло ни в один сборник Постановлений Совета Министров СССР, ни в «Ведомости Верховного Совета», ни в «Бюллетени Совета Министров СССР», ни в прочие издания. Таким образом, повседневная реальность нашего быта, быта каждого гражданина СССР регламентируется закрытым постановлением. Отнесение «Положения о паспортах» к секретным документам и привело к тому, что паспортная система в целом перестала быть объектом изучения и исследования со стороны специалистов в области права. Кроме постановления от 1958 г., в последующем были приняты дополнительные постановления, усиливающие паспортный режим и режим прописки, особенно в крупных городах.

населения. Этим небольшие по удельному весу города спасались от наплыва сельского населения. И этот же отлично отработанный метод был использован и после победы социализма в стране, для того, чтобы удержать колхозников на месте, чтобы предотвратить массовое их бегство в города, чтобы предупредить переход их из бедного колхоза в богатый, из одного села в другое и т.д.

Следует подчеркнуть, что Октябрьская Революция отменила режим паспортов, разделявший крестьян и городских жителей. Долгое время это считалось одним из важных достижений Революции, уравнявшей права крестьян и городских жителей, а старая паспортная система критиковалась, как пережиток крепостничества. Однако в 1932 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря паспортная система в стране была вновь возрождена в своем принципиально прежнем виде, то есть с введением паспортов только для городских жителей. Это решение было связано с коллективизацией в деревне. Кроме того, начался голод во многих сельских районах страны. Голодающее деревенское население устремилось в города. Паспорта создали строгий заслон на пути бегущего из деревень и из колхозов голодавшего населения.

Таким образом, отсутствие паспорта при такой системе означает определенное ущемление гражданских прав человека, способ принуждения его к работе в определенном месте и в определенном направлении (крестьянская работа). Но и наличие паспорта у городского жителя, предоставляя ему больше права в смысле работы по найму в учреждениях и предприятиях, также служит в первую очередь не интересам личности, а интересам власти. Оно обеспечивает контроль властей за перемещениями владельцев паспортов и местами их постоянного и временного поселения. Паспорт дифференцирует граждан страны по национальности, указанной в нем, и некоторым другим признакам. Согласно тем же «Извлечениям», приведенным на последней

странице паспорта, лицо, прибывшее в какую-нибудь местность на срок свыше 3 суток, обязано в суточный срок сдать свой паспорт в милицию для временной или постоянной прописки. Если оно этого не сделает, то милиция должна подвергнуть его штрафу. (Статья 37). При повторном нарушении правил прописки виновные подвергаются уголовной ответственности (Статья 38). Эта же статья возлагает уголовную ответственность на лиц, которые проживают без паспортов, хотя по положению им следует иметь паспорт.

Вполне очевидно, что при такой системе, паспорт, кроме своей функции удостоверения личности, является типичным полицейским документом надзора, позволяющим с помощью милиции вводить разнообразные ограничения для граждан. Главное из них — это отказ в прописке, без которой человек не может устроиться в данном городе или районе, или области на постоянную и временную работу.

Как-то в Музее В. И. Ленина в Москве я видел российский паспорт В. И. Ленина, выданный кажется Псковским полицейским ведомством. Этот паспорт был намного проще по системе записей, чем современный паспорт городского жителя СССР.

Вообще наличие паспортов, как удостоверений личности, представляет определенные удобства в повседневной деятельности человека, связанной с необходимостью частого подтверждения своей идентичности. В беспаспортных странах, вроде США, такую же функцию выполняют некоторые другие документы, свидетельство о рождении, водительская книжка и т. п. Что же касается других функций паспортов-разделения на городских и сельских жителей, контроль за передвижениями, прописка в милиции, и прочие, то они, с точки зрения гражданских прав, являются, конечно, несовместимыми с демократическим обществом и должны быть отменены.

Однако общий анализ паспортной системи в СССР не входит в задачу настоящего исследования. Нас в данной

работе интересует прежде всего проблема заграничных паспортов, традиционно олицетворяющих во всем мире право на заграничную поездку. Советский заграничный паспорт воспел еще В. В. Маяковский.

Я волком бы выгрыз бюрократизм,
К мандатам почтения нету.
К любым чертям с матерями катись
Любая бумажка. Но эту...

Я достаю из широких штанин
Дубликатом бесценного груза.
Читайте, завидуйте, я — гражданин
Советского Союза.

В. В. Маяковский написал свои гордые стихи о советском заграничном паспорте в 1929 г. (тогда еще не было внутренних паспортов). И в этом же году он был лишен права на получение этого паспорта. Это было связано не только с введением именно в 1929 г. особых ограничений на поездки граждан СССР за границу, но и с причинами личного характера. Вот как описывает это событие Александр Гладков в своей пока неизданной книге «Встречи с Пастернаком».

«...Я прошу Г. О. (Винокура) прокомментировать мне странную фразу, недавно сказанную Б. Л. (Пастернаком) о том, что «квартира Бриков была, в сущности, отделением московской милиции...» Г. О. усмехается, молчит, но потом с оговорками, что это только его личное мнение и прочее, начинает рассказывать о дружбе Бриков со знаменитым Яном Аграновым, крупным чекистом, занимавшимся по своей линии литературными делами.

Агранов сначала заведовал специальным отделом в ГПУ и НКВД, потом стал заместителем наркома и погиб в 1937 г. Агранов с женой бывал у Бриков. Г. О. сам его у них встречал. По его могучей протекции В. В. Маяковскому так легко разрешали заграничные поездки, но когда В. В. Маяковский влюбился в Париже в Татьяну Яковлеву, сделал ей предложение, и должен был снова ехать осенью 1929 г. в Париж, ему не дали визу. Возможно, Брики опасались женитьбы

Маяковского на эмигрантке, и, вероятно, информировали об этом Агранова. На Маяковского этот первый в его жизни отказ в визе произвел страшное впечатление. С его цельностью он не мог понять и примириться с тем, что ему, Маяковскому, не доверяют. Тут начало той внутренней драмы, которая привела его к самоубийству...»*

Советский Союз, как мы видели, с рядом усложнений, восстановил в 1932 г. старую Российскую паспортную систему. Некоторое время после Октябрьской революции сохранялась прежняя система выдачи заграничных паспортво, во всяком случае, юридически. Однако затем система получения гражданами СССР заграничных паспортов была коренным образом изменена в сторону ограничений.

Мы знаем, что получение заграничного паспорта в дореволюционной России не представляло проблемы. В. И. Ленин, будучи уже известным революционером, неоднократно легально выезжал за границу, по выданному ему заграничному паспорту. Многие партийные конференции и съезды РСДРП, большевиков, меньшевиков, эсеров, бундовцев и других нелегальных организаций, стремившихся к свержению царизма, происходили с полным кворумом за границей, в Англии, Швейцарии и других странах, причем большинство участников этих собраний получали заграничные паспорта вполне легально, через городские управления. И это было естественно, так как существовала хорошо известная, юридически понятная, общедоступная система получения гражданами России заграничных паспортов и оформления заграничных поездок. Историческое развитие этой правовой и гражданской системы хорошо описано в «Энциклопедическом Словаре» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, вышедшего в С. Петербурге в конце прошлого века. Эта система не менялась вплоть до 1917 г. Том 44 этого Словаря (1897 г.) со-

*) Эта же версия причин самоубийства В. В. Маяковского более подробно развивается в очерке «Любовь поэта» (журнал «Огонек», 1968).

держит две обстоятельные статьи «Паспорт» и «Паспорта заграничные». Уместно привести несколько выдержек из последней статьи:

«...В допетровской Руси поездки за границу были затруднены уже тем, что через заставы отдельных областей никто не был пропускаем, без проезжей грамоты местного воеводы, в воеводствах же пограничный надзор за заставами был особенно бдительный...»

«...Петр I не только не затруднял поездки русских за границу, но всячески их поощрял».

«...Павел I в видах охранения русского общества от революционных идей воспретил поездки молодых людей за границу для учения. Император Николай I, находя, что молодые люди, получившие образование за границей, возвращаются иногда в Россию с самыми ложными о ней понятиями, не зная ее истинных потребностей, законов, порядка, нравов, а нередко и языка, установил Закон от 18 февраля 1831 г., что молодые люди от 10 до 18 лет обязательно должны воспитываться в России, под опасением потери права поступления на государственную службу. Согласно этому же Указу, отлучка дворян за границу не должна была превышать 5 лет, а лиц прочих сословий 3 лет, после чего они считались «оставившими отечество».

«...В 1851 г. эти сроки сократились до 2 лет и 1 года».

Статья в Энциклопедическом Словаре следующим образом описывает процедуру оформления заграничного паспорта, обычную для конца 19-го века.

«...Заграничные паспорта выдаются главными начальниками края, губернаторами или градоначальниками. Лица, просящие о выдаче заграничного паспорта, должны предоставить удостоверение полиции об отсутствии законных препятствий к отъезду их за границу. В выдаче такого удостоверения полиция может отказать лишь в том случае, когда к данному лицу предъявлены законные требования со стороны частных лиц или правительственных мест и лиц. Удостоверение полиции может быть заменено ручательством благонадежных лиц...»

«...Срок дозволенного пребывания за границей всех вообще русских установлен 5-летний...»

«...Отлучившихся за границу без взятия узаконенного паспорта подвергают по возвращении денежному взысканию, но не свыше тройной платы за пас-

порт и сверх того вносят установленный срок за пребывание за границей...»

Согласно существовавшим правилам, за получение паспорта вносилась плата в 50 копеек и, кроме того, за каждые полгода пребывания за границей вносилась особая пошлина в 10 рублей. Для посещения Иерусалима и других святых мест были установлены льготы.

Эта система действовала просто и эффективно. Мой дядя, живший до Октябрьской революции в Тифлисе, решил в возрасте 18 лет поехать в Швейцарию обучаться ремеслу гальванопластики, потратил, по его рассказу, на получение и оформление заграничного паспорта около 3 часов.

После октябрьской революции, несмотря на сложнейшую международную обстановку и огромное число агентурно-диверсионных поездок в СССР и из СССР многочисленных тогда контрреволюционных и заговорщических элементов, сама процедура оформления зарубежной поездки была весьма простой. Увеличился лишь денежный сбор за оформление выезда, так как стремилась к таким выездам в основном состоятельная часть населения (коммерсанты, нэпманы и т. п.). Барьер для выездов за рубеж существовал, но он был чисто идеологическим, такие поездки просто не поощрялись. Многочисленными были в этот период и поездки ученых на различные международные конференции и совещания. В частности, на Берлинском Конгрессе по генетике в 1927 г. Советский Союз был представлен весьма многочисленной делегацией. В нее входили Н. К. Кольцов, С. С. Четвериков, Г. Д. Карпеченко, Н. И. Вавилов, А. С. Серебровский и многие другие советские ученые. Обычным явлением до 1929 г. были и длительные многолетние поездки молодых ученых за границу с образовательными целями и для работы в различных лабораториях, в основном в Европе.

Такое положение было естественным. В. И. Ленин и его соратники, многие из которых получили образование

за границей и долгое время провели в эмиграции, поддерживая при этом тесную связь с родиной, психологически не могли закрыть свободу перемещения граждан, свободу заграничных поездок, и даже свободу эмиграции за рубеж. Европейски образованные люди, они, придя к власти, просто не могли вообразить возможности изолированного от остального мира социалистического государства. Это государство мыслилось ими, как всеми возможными нитями связанное с пролетариатом и народами других стран. Они понимали, что социалистическое отечество должно объединять своих граждан идеями, энтузиазмом, грандиозными проектами, перспективами достижений, образования, подъема культуры, а не колючей проволокой вдоль всех пограничных постов. Высылка за границу была в этот период высшей мерой наказания, внесенной в Уголовный кодекс и неоднократно применявшейся по отношению к опасным политическим преступникам и даже диверсантам.

Такое положение подверглось решительному изменению в 1929 г. и, конечно, не случайно. Дело было не только в субъективных факторах, не только в том, что И. Сталин, расправившись к этому времени с оппозициями, приобрел исключительную власть в стране. (Сталин не знал иностранных языков, не жил за рубежом в эмиграции и вообще не был человеком образованным). В 1929 г. началась, как известно, широчайшая волна репрессий. Мы привыкли с болью вспоминать 1937 и 1938 гг. О них много говорят, потому что в эти годы репрессии настигли тысячи известных стране партийных и военных руководителей, сотни тысяч членов партии, коммунистов, руководителей предприятий, советского аппарата, людей, выдвинувшихся строительством социализма и Октябрьской Революцией. Но нельзя забывать, что не менее мощная и жестокая волна репрессий прошла в 1929-30 гг., но захватила она не партийных работников и советский аппарат, а другие слои населения. Она сметала на своем пути четыре слоя граждан нашей родины — 1) более обеспеченные груп-

пы крестьянства, т. н. «кулаков» и «подкулачников» и счет здесь шел на сотни тысяч, 2) эксплуататорские элементы города, т. н. «нэпманов», доселе поощрявшихся. Эта группа, стимулированная к жизни «Новой экономической политикой» В. И. Ленина, держала в своих руках значительную часть розничной торговли, ресторанов и кафе, производства предметов быта. Она обладала значительными финансовыми ресурсами и связями с заграницей. Счет здесь шел на десятки тысяч. 3) Бывших дворян, десятками тысяч выселявшихся из Ленинграда и Москвы и 4) Так называемых «буржуазных спецов», а по существу старую российскую интеллигенцию. Как раз в 1929 г. над группами ученых и технических специалистов были организованы первые фальсифицированные процессы, отрепетированные для публики.

Кроме этих слоев в известной степени профессионально-социального характера, подлежали репрессиям бывшие члены других партий, эсеры, кадеты и т. д.

Именно эти репрессии, а отнюдь не какая-то угроза извне, послужили поводом для ликвидации почти всякой возможности для выезда граждан СССР за рубеж, за исключением тех, которые касались торгово-дипломатических связей. Страна, в которой планировалась и проводилась столь массовая полоса репрессий, не могла оставаться открытой. А поскольку эти репрессии уже не останавливались до самой смерти Сталина, переживая лишь периоды максимумов и временных спадов, то именно изоляция советского народа от всякого общественного мнения за рубежом, именно железный занавес, чтобы закрыть всякую утечку и приток информации, особенно о репрессиях, чтобы лишить жертвы произвола возможности уйти от уготованной им судьбы, возможности обратиться к мировому общественному мнению, стали основой государственной политики. Связь с иностранными государствами поддерживалась только на высшем уровне, она стала абсолютной монополией ЦК ВКП(б) и Совнаркома. Простой контакт, обычная

беседа с иностранцем, могли стать поводом для ареста или доноса. Возникла особая «заграницобоязнь».

Во время Отечественной войны эта изоляция неизбежно ослабла. Стране были необходимы союзники в остальном мире. Прежняя вражда со всеми могла привести лишь к гибели государства. На короткий срок боевая дружба с рядом стран и союзнический долг оздоровили психологию нашего общества. Миллионы советских солдат и офицеров прошли по Европе с оружием, по Польше, Венгрии, Германии, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Австрии, Китаю, везде по братски деля с населением тяготы войны и радость освобождения от фашизма. И эти события не исчезли бесследно, несмотря на резкую смену курса в 1946 г.

И когда после смерти Сталина и расстрела его ближайших подручных по репрессиям, Берия, Абакумова и ряда других, начал медленно возникать в стране частичный правопорядок, возник неизбежно вопрос и о расширении практики зарубежных поездок граждан СССР и приезда в СССР граждан иностранных государств. И не только по чисто служебной надобности, но и по личным делам, просто с целью туризма. Возникали международные экономические и политические системы и страна, изолировавшая свое население от внешнего мира, не могла обеспечить привлекательность своих доктрин, не могла играть важной роли в развитии мирового общества.,

Первые «просто туристы» от нас и к нам появились в 1956 г. после XX съезда КПСС. Сначала советские граждане смогли посетить ряд стран социалистического блока, но в этом же году небольшие группы советских туристов побывали и в Западной Европе. Была введена туристическая линия на теплоходе вокруг Европы. Первый теплоход с советскими туристами был всюду в Европе сенсацией. На каждой стоянке в порту устраивались пресс-конференции для иностранных журналистов. Среди туристов было много советских журналистов и писателей, которые систематически давали

сообщения в советскую печать. ТАСС информировал советских граждан на родине о всех событиях на пути теплоходов вокруг Европы. После рейсов в журналах появились подробные очерки, затем и книги о том, что путешественники увидели в Европе. В свое время за рейсом «Челюскина» через льды Арктики не следили в СССР столь внимательно, как за поездкой группы советских граждан на комфортабельном теплоходе по безопасным водам Средиземноморья.

Но со временем к таким поездкам привыкли, они стали обычными. Число туристов начало измеряться десятками тысяч, а затем и сотнями тысяч в год. Резко усилился приезд иностранцев в СССР. Создавались многочисленные Общества дружбы с зарубежными странами. Стала популярной политика «мирного сосуществования» с другими политическими системами. Это был здоровый и по своему революционный процесс, приветствовавшийся почти всеми советскими людьми.

Казалось бы, что в связи с расширением практики зарубежных путешествий, должна быть разработана и правовая их основа, изложены какие-то общие принципы оформления и получения заграничного паспорта и выездных виз. Но, к сожалению, этого не произошло и при оформлении зарубежной поездки главным стало не право, а принцип отбора на основе унизительной процедуры проверки и изучения личности. По форме эта процедура практически идентична той, которая необходима для получения т. н. «допуска» к секретной работе. Даже анкеты для заполнения в обоих случаях были одинаковыми. Впрочем, получение «допуска» все же происходит проще и быстрее. Рост научного и общего туризма сопровождался лишь ростом различных отделов и учреждений, осуществляющих оформление. Всевозможные Управления, отделы, сектора международного сотрудничества, внешних сношений, международных связей и т. д. размножались в небывалом числе и, по-видимому, проедали немало процентов от

той пользы, которую страна получала от международного сотрудничества. Нужны были тысячи высокооплачиваемых чиновников для проверки бумаг и анкет, для осуществления оформления в соответствии с особыми инструкциями, которые никогда не публиковались для всеобщего сведения.

Когда-то в старину процедура оформления заграничного и внутреннего паспортов излагалась в энциклопедиях общего типа. Сейчас даже специальные юридические энциклопедии не дают на сей счет никаких понятных сведений. В поисках информации по этому вопросу я просмотрел все хронологические своды законов и постановлений открытого доступа Центральной Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина, но не нашел никаких ясных указаний о правовой основе зарубежных поездок советских граждан и процедуре оформления зарубежного паспорта. Интересно отметить, что даже система внутреннего паспортного режима, одна из основ нашего быта, полностью закрыта для какой-либо научной разработки и юридически не обсуждается в советской печати. По-видимому, вопрос о паспортах входит в список запрещенных Главлитом тем. В предметном каталоге и в предметном указателе Главной библиотеки страны, систематизирующем, как книги, так и статьи (на русском языке) среди примерно 60 000 тем слово *«паспорт»* не фигурирует. *«Паслен»*, *«пасленовые»*, *«пасмо»* (болезнь льна), *«пасока»*, и далее *«пассажирские топки»*, *«пассажирские вагоны»* и масса других пассажирских вещей. Между *«пасокой»* и *«пассажирской топкой»* должен по алфавиту был бы стоять *«паспорт»* и рядом с ним библиографические карточки статей или книг, рассматривающих эту тему. Но его не было. *«Паспорта»* не было, «молоткастого, серпастого, советского паспорта» в каталогах не было. Лишь после долгих поисков в специальном предметном каталоге по вопросам государства и права и смежных с ними наук, среди не менее миллиона систематически дифференцированных работ, я, наконец, нашел раздел *«Документы*

об удостоверении личности» (код Фа 322.41). Но в этом разделе стояла лишь одна библиографическая карточка, указывающая на наличие в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина только одной небольшой брошюры на эту тему, изданной в Воронеже в 1932 г., под заголовком «Как восстановить утраченный документ».

Не справившись с задачей поисков какой-то юридической основы для существующей в СССР практики выдачи зарубежных паспортов, я решил получить по этому вопросу консультацию в Институте Государства и Права АН СССР. Этот институт, расположенный в Москве на улице Фрунзе, 10, в старинном особняке, как мне казалось, должен иметь в своих фондах какую-то информацию на этот счет.

Я ходил по коридорам и, обнаруживая подходящую табличку отдела, заходил для беседы по интересовавшему меня вопросу. В секторе правовых норм международного сотрудничества мои вопросы поставили находившихся там двух сотрудников в полный тупик. Они были в недоумении, зачем еще нужны какие-то правовые нормы для выдачи зарубежных паспортов. Кому нужно, тому они и выдаются. Не получил я логичных и понятных разъяснений и в Секторе проблем социалистической законности . . . Мне нужен был какой-то правовой основополагающий документ, но о его существовании никто в этом секторе не знал, даже заведующий, спешивший на заседание Верховного Суда. Я прошел в Сектор гражданского права, а затем в лабораторию конкретных правовых исследований. В этой лаборатории меня ждала удача. Один из сотрудников вспомнил, что при институте есть кабинет регистрации правовых Актов и при нем справочно-библиографическая группа. Там, по его мнению, могли знать что либо по интересующему меня вопросу. Комната справочно-библиографической группы кабинета регистрации правовых Актов была вся уставлена библиографически-

ми ящиками. После долгих поисков, ответственная за регистрацию Актов пожилая женщина, сообщила мне, что порядок выдачи зарубежных паспортов гражданам СССР регламентируется Постановлением Совета Министров СССР, опубликованном в 1959 г. в № 12 еженедельного «Собрания Постановлений Правительства СССР» на стр. 325-329. Однако, быстро найдя в этом же кабинете нужный выпуск «Собрания» и соответствующее Постановление я, к сожалению, не нашел в нем ни правовой преамбулы, ни процедурных норм оформления заграничных паспортов.

В Постановлении просто констатировалось, какие существуют типы зарубежных паспортов (дипломатический, служебный, общегражданский зарубежный паспорт и т. н. «вид на жительство»). Далее было указано, что заграничные паспорта выдаются Министерством Иностранных дел и Министерством внутренних дел СССР и соответствующими министерствами союзных республик. И, наконец, далее было указано, каким категориям лиц выдаются дипломатические и служебные паспорта. О том, кому и при каких условиях могут быть выданы общегражданские заграничные паспорта Постановление полностью умалчивало. Туристам, согласно этому постановлению, должны выдаваться *служебные* паспорта. Туризм, таким образом, переводился с личной на служебную основу. В конце Постановления было указано:

> Инструкции по применению настоящего Постановления издаются: а) Министерством Иностранных дел СССР, по согласованию с Министерством Внутренних дел и Комитетом Государственной безопасности.
> б) Министерством внутренних дел, по согласованию с МИД СССР, КГБ и Министерством обороны.

Было ясно, что все, что я хотел узнать, как раз в этих инструкциях и изложено. До них мне и следовало добраться, чтобы получить, наконец, ответы на мои вопросы. Однако кабинет регистрации правовых Актов

помочь мне здесь уже не смог. Мне разъяснили, что такие Инструкции относятся к категории «совершенно секретных» документов. Институт же права регистрирует лишь акты, имеющие законодательную силу, то есть такие, которые публикуются в открытой печати.

Инструкцию с грифом «Секретно» нельзя прочитать, а прочитав нельзя цитировать. Здесь мы останавливаемся перед тем, что называется «Государственной тайной». Именно тайна выводит саму проблему за рамки закона, за границы правовой науки. Закон может применяться лишь тогда, когда он известен, опубликован в доступном виде.

Но хотя практика, которую следует регламентировать законом, управляется секретной инструкцией, суть самой этой инструкции не может оставаться секретной. Ведь эта инструкция применяется при оформлении тысяч выездов, она диктует процедуру, известную тысячам и сотням тысяч людей. И по характеру этой процедуры, по системе оформления можно ясно представить смысл секретной инструкции, можно догадываться о содержании ее параграфов. По процедурной прописи студент проводит те или иные работы, те или иные реакции. Но опытный химик может, наблюдая реакцию, составить и ее процедурную опись. Может быть, эта опись не будет дословно соответствовать той, которая изложена в учебнике, но суть записей в обоих случаях будет сходной. Автор настоящей работы не является опытным специалистом в правовых проблемах. И хотя эмпирическая картина реакций, происходящих на основе вышеназванной «Инструкции», ему хорошо известна, тем не менее обобщение эмпирических данных в теоретически грамотную форму для него задача достаточно сложная. И поэтому он заранее извиняется перед читателем за возможные упущения, пробелы и ошибки при изложении следующего раздела.

3. Как оформляется зарубежная поездка из СССР

Эту тему следует прежде всего разбить на две по тому же принципу, по которому разбиваются на два любые вопросы, касающиеся внешнего нам мира.

а. В капиталистические страны

В первой части нашей работы мы уже коснулись в общих чертах проблемы оформления зарубежных поездок в капиталистические страны. Практически такого же типа оформление необходимо и для чисто служебных поездок, то есть для тех случаев, когда гражданин СССР посылается за границу по инициативе или по заданию Высших государственных инстанций. Но такие случаи выходят за рамки настоящей работы, за рамки правовых проблем. Когда реализуется не собственное желание индивидуума, не его собственная инициатива, даже служебного или научного характера, а производится *посылка или направление* гражданина за границу для государственной службы в посольстве, в торгпредстве, корреспондентом, экскурсоводом на выставку, инженером на предприятие, экспертом в ООН, делегатом на межгосударственные переговоры и совещания, то государственные органы вполне вправе устраивать отъезжающему, вернее посылаемому, любую проверку, вправе изучать его со всех сторон, начиная от характера его прабабушки и кончая его сексуальными наклонностями. Однопартийное государство вправе посылать для государственной службы за границу только членов партии. Работающему за границей специалисту государство платит зарплату, и немалую, и естественно, что оно должно рассчитывать, что эти затраты будут оправданы наилучшим образом. Это же относится и к тем поездкам ученых, которые осуществляются на основе межгосударственных специальных соглашений. Если государство сочло необходимым послать за рубеж инженера по тормозам автомобилей для изучения этого дела,

то специалист по женским болезням не вправе обижаться, что поехал не он, а действительно дельный инженер. Мы можем критиковать малые масштабы такого рода соглашений, отсутствие связей по многим разделам науки, плохую организацию научного сотрудничества и этому был, по существу, посвящен второй раздел. Но непосредственно к вопросу гражданских прав этот аспект международных путешествий отношения не имеет. Не интересуют нас в данном случае и многочисленные поездки за рубеж баскетбольных, футбольных, хоккейных и прочих спортивных команд, театральных коллективов, ансамблей и т. д. Если Министерство Культуры хочет в данном году показать во Франции Грузинский ансамбль, а не бурят-монгольскую оперу, то это дело Министерства.

В настоящем разделе мы ограничиваем свою задачу теми достаточно многочисленными случаями, когда поездка за границу планируется к осуществлению на основе *личного* желания и личного решения, либо для работы по приглашению из-за рубежа, либо на конференцию или конгресс по типу научного туризма, либо в образовательных целях, либо просто для отдыха по типу простого туризма, либо в гости, или по частным делам. Короче говоря, нас интересуют здесь все те случаи, когда гражданин сам несет материальные расходы, связанные с поездкой, или же эти расходы несет приглашающая сторона, а СССР никаких затрат, связанных с осуществлением поездки, не несет, а часто получает прямую или косвенную выгоду.

Все эти случаи весьма разной сложности. Поездка на короткий срок туристом легче, чем на длинный. Поездка на конференцию легче, чем на длительный срок в лабораторию. Поездка в группе легче, чем индивидуальная. Поездка в гости к брату легче, чем к другу и т. д. Однако все эти различия сложности не имеют правовой основы, они субъективны и возникают за счет субъективных факторов тех работников аппарата, которые отвечают за прохождение разных ступеней в

целом почти универсальной системы. Поэтому начнем с самого легкого случая.

... Гражданин СССР, допустим средних лет и в должности старшего научного сотрудника, с окладом 300 рублей в месяц, проходя мимо «доски объявлений», увидел приколотую к ней бумажку со следующим текстом... *«Имеются туристические путевки для поездки в Италию на ... конгресс. Стоимость путевок 400 рублей. Срок поездки 13 дней. Дирекция».*

Такие поездки имеют квалификацию «научного туризма». 4-5 дней члены группы заседают на конгрессе, а затем контрагенты Интуриста в Италии возят их по стране, показывая достопримечательности. Иногда объявление может иметь такой вид: *«... В ЦК профсоюза медицинских работников имеются следующие туристические путевки за границу на 1967 г.: «В социалистические страны: ... В капиталистические страны: Франция — 10 мест, Италия — 8 мест, Бельгия — 12 мест ... Стоимость путевок 450 рублей. Срок — 14 дней».*

В данном случае речь идет о чисто туристической поездке. Такой туризм практикуется за счет отпуска. Научно-туристическая поездка за отпуск не засчитывается и право на очередной отпуск сохраняется. Но с точки зрения оформления «Выездного дела», разницы между научно-туристической и туристической поездкой нет, и та и другая, в конечном итоге, проходят через иностранный отдел Министерства, хотя планируются по разному; научно-туристическая через администрацию, просто туристическая — через профсоюзную организацию.

Итак, старший научный сотрудник, в данном случае медицинского учреждения, увидел одно из таких объявлений.

Инженеры, врачи, аспиранты, даже младшие научные сотрудники проходят мимо такого объявления равнодушно. 450 рублей за две недели для них слишком дорогая цена, для некоторых — это трех, а для других

даже шестимесячный заработок. Конечно, можно было бы поехать в Италию и дешевле, без интуристовского сервиса, поездом, а не самолетом и жить там по студенческому классу. Или автотуристом, взяв машину «на прокат». Но это индивидуальная форма туризма. Для поездок в капиталистические страны она пока Интуристом не практикуется. В делегации, под наблюдением, посылать советских граждан за рубеж как-то спокойнее. Англичане, французы и другие европейцы уже давно не ездят в туристические поездки и даже на разные конгрессы стадно, группами. На 80-90% преобладает индивидуальный и авто-туризм. И живут, если денег мало, в кемпингах или в студенческих общежитиях за минимальную плату. В большинстве случаев они не прибегают в этом случае к услугам туристических фирм. Советские же граждане могут иметь дело только с Интуристом и его агентами и в этом деле господствует принцип рынка. Спрос (число желающих) всегда превосходит предложение (число разрешенных мест в группе) и поэтому каждый туристский человекодень можно продать по максимальной цене. Поэтому и отходят «среднеоплачиваемые» от туристских заграничных объявлений.

Но сотрудники рангом повыше уже не столь равнодушны и вскоре в месткоме появляется ряд заявлений (или в дирекции, если планируется поездка на конгресс, плюс туристический «довесок»). Но институт имеет лимит, например 7 человек и не более. Эту цифру сообщили из Министерства здравоохранения. В Министерство цифра тоже не взята с потолка. У Министерства тоже годовой лимит на туристические поездки за границу, полученный из Совета Министров СССР через какую либо специальную службу. Допустим, что Министерство получило на год 20 000 валюто-человекодней, из них 15 000 в социалистические страны и 5 000 в капиталистические. 5 000 — это немного, можно послать за границу в год 500 человек, в среднем на 10 дней каждого. В первую очередь подсчитываются мини-

мальные потребности на научно-туристические группы для участия в конгрессах и других совещаниях, немного выделяется и для простого туризма. В соответствии с планом, Министерство решает послать в Италию в данном году группу в 20 человек. По 7-8 учреждениям сходного профиля распределяется заказ на 35-40 кандидатов, с избытком, на случай последующего отсева. Если заказать только 20 «Выездных дел», то после отсева останется меньше контрольной цифры, допустим 12-13 человек. Министерству это хорошо, экономия валюты. А Интуристу невыгодно. Накладные расходы на одного туриста увеличиваются, а ведь цена путевки остается той же. Приходится и гидов «заказывать» за границей на 12, а не на 20 человек, и руководителя и «наблюдателя» и автобус и прочее. И если Министерство не обеспечит группы, приносящей Интуристу какой-то доход (группы меньше 10 человек убыточны для Интуриста), то Интурист отказывается от обслуживания, и поездка срывается. Поэтому Министерство заключает с Институтом предварительный договор на группы определенного размера и должно компенсировать убытки, если таковые возникли. Для этого и нужен резерв «Выездных дел», он гарантирует от финасовых убытков и Интурист и Министерство. А то что многим из этого «резерва» в последний момент придется все равно отказать во включении в группу, это уже никого не волнует, за это денег платить не требуется.

Вернемся, однако, к месту действия. Лимит от министерства (с учетом резерва) для данного большого учреждения 7 человек, вернее 7 «Выездных дел», а на объявление поступило 13 заявлений. И все от заведующих лабораториями, отделами, старших научных сотрудников. Если речь идет о простом туризме, не связанном с конгрессом или симпозиумом, то сначала не отказывают никому. В случае научного туризма преимущество получают, естественно, докладчики, те, чьи доклады вошли в программу совещания. Всем кандидатам, изъявившим желание поехать в Италию, разда-

ются сброшюрованные наборы «Выездных дел» для заполнения. Отдел кадров получает задание — подготовить на каждого кандидата главный документ — *характеристику*. Она готовится по особой форме, с обязательным упоминанием об определенных качествах, политической зрелости, моральной устойчивости, семейном положении и прочим данным. В «Выездном деле» — большая анкета на 25 вопросов и среди них традиционное перечисление всех ближайших родственников, и не просто, а с указанием дат их рождения и смерти, места рождения и смерти, где работали или работают, домашний адрес и степень родства. Тяжелая это работа для многосемейных, или для тех, кто родился в большой семье. Кроме того, заполняющий анкету должен перечислить все места службы за всю жизнь и все свои должности на этих службах, ответить на вопрос о том был ли он, или были ли его ближайшие родственники в плену или интернированы в Отечественную войну, указать число научных трудов или изобретений, места учебы и много прочих сведений о наградах, о выборных должностях и т. д. Нужно все это представить в двух экземплярах. К этому нужно приложить в двух экземплярах подробную автобиографию, представить 12 фотокарточек-визиток, по два экземпляра копий метрических свидетельств на детей и копию брачного свидетельства. Все это нужно отнюдь не для поездки с семьей. Просто высшие инстанции должны видеть доказательства того, что предложенный для поездки с туристическими целями кандидат является почтенным отцом семейства, то есть человеком, связанным с отечеством не только любовью к родине, но и семейными узами. В состав «Выездного дела» входит и справка о здоровье по особой форме и выданная на основе тщательного обследования (рентген, кардиограмма, давление крови, общее и мозговое, невропатолог, анализы крови и мочи). В медицинской справке для молодых указывается «практически здоров», для пожилых и старых «отклонений от нормы нет». Ведь у пожилых

и старых всегда какие-то болезни, гипертония, эмфизема, слабое зрение, слух, сердце пошаливает. Но это все в пределах нормы для пожилого возраста. Главное — это определить — не умрет ли турист в ближайшие 10 дней от перемены климата. Но справка выдается за 4-5 месяцев до отъезда, а перед самым отъездом уже никто уезжающих не осматривает.

Анкеты и всякие копии и справки заполняются и сдаются отдельно, а *характеристика,* по инструкции, на руки кандидату в туристы не выдается. Будущий турист, теоретически, ее даже не видит, практически это, конечно, не так. Проект характеристики составляется непосредственным начальником и через отдел кадров поступает в партком или партбюро. До 1959 г. в дополнение характеристике для беспартийных нужны были два поручительства от членов партии со стажом. И беда тем членам КПСС, чьи рекомендованные чем-то за рубежом провинились.

Как в партийном комитете (или бюро) обсуждаются характеристики, я описывать не берусь. Беспартийных на эти заседания не приглашают. Но здесь то и происходит первичная селекция. Ведь в Министерство нужно отправить 7 дел, а кандидатов 13. Но до 7 на парткоме еще не доводят. Нужно оставить резерв отсева для райкома или горкома и обкома. На партбюро поэтому забраковали только двух, явно не подходящих для иностранного туризма. У одного из них третья жена, моральной устойчивости нет. У другого нет воздержанности по части алкоголя. На 11 характеристиках появляется надпись «Утверждена на заседании партийного бюро от... 196... года» и они поступают в райком (в городах с районным делением), или в горком (в маленьких городах). В райкоме КПСС (или в горкоме) характеристика снова обсуждается на бюро, через которое проходят 10. На них делается надпись «Утверждена на бюро райкома» от... 196... года и ее подписывает первый секретарь, прикладывая при сем рай-

комовскую печать. Один из «туристов» не прошел и здесь, вспомнили его низкую политическую активность и отказ от работы агитатором при выборах народных судей. Только в Москве последней инстанцией является райком, в Москве райкомы имеют статус обкомов. В других же частях СССР характеристики следуют далее в областной центр, в обком. Они должны быть рассмотрены на бюро обкома и пройти через «Выездную комиссию» обкома. В этой комиссии есть представители КГБ и тут-то просматривается «досье» туриста. «Досье» на граждан СССР хранятся при областных управлениях КГБ, только в Москве отделы КГБ состоят при райкомах. И в этих «досье» скрыты все тайные пороки и недостатки кандидата, все, что написали о нем доносчики и осведомители за всю его жизнь. КГБ не открывает «досье» перед выборными партийными деятелями. Оно только дает собственную справку, возражает или нет в отношении возможности посылки гражданина туристом за рубеж. Но в «досье» по самой их сути попадают только негативные сведения. Осведомители не тратят времени на сбор положительных событий в жизни людей. Мне рассказывали случай, произошедший ряд лет назад при назначении одного известного ученого для работы в ЮНЕСКО, в Париже. По всем деловым и политическим показателям кандидат был подходящим и его уже наметили в ЦК КПСС. Но КГБ не решалось дать свое «добро». Тогда в ЦК затребовали все «досье». (Только ЦК может инспектировать полные «досье»). И чего там только не было, доносы, начиная с 1927 г. И даже фотография кандидата рядом с Бухариным и Зиновьевым в Ленинграде. Бухарин беседует с ученым и при этом улыбается благосклонно. Вопрос о назначении в ЮНЕСКО пришлось снова специально рассматривать на Секретариате ЦК КПСС, но он был решен положительно, Бухарин в этот период уже не был международным шпионом.

Из обкома, после проверки и утверждения, характеристики отправляются, наконец, в Москву, в то ведомство, которое занято оформлением туристической поездки. В капиталистические страны заграничные паспорта выдаются для граждан РСФСР только в Москве, даже для жителя Крыма при его поездке в соседнюю Турцию. И уходят характеристики из обкома не все вместе, а по очереди, одна за другой.

Когда подходит срок, Министерство сообщает, что к 10 «Выездным делам», полученным от института ранее, прибыло из обкома 8 утвержденных характеристик. 2 через обкомовский фильтр не прошли, а почему, об этом не информируют, да и не спрашивает никто. Задержанные сами догадываются. Один из них жил в детстве на временно оккупированной территории, у другого слишком вольная переписка с иностранцами. В институте об этом не знают, а «досье» все отразило. А может быть и наоборот, настолько человек чист и достоин, что доверили ему когда-то важные тайны и его «иммунитет» пока не прошел, он еще не «охладился». Считается, что людей, знающих секреты, посылать за границу не следует (кроме номенклатурных работников, конечно). Для разных тайн время «охлаждения» разное. В биологии кажется три года, а в технике 7 лет. За это время, как подсчитано, любой секрет теряет свою ценность. Поэтому-то сейчас редко кто в открытых учреждениях соглашается добровольно читать бумаги с грифом «секретно» или «совершенно секретно». Прочитаешь, распишешься, и сразу попадаешь в одну категорию с неблагонадежными.

Итак, было 13 желающих, а до соединения анкет с характеристикой дошли только 8. Солидарности в группе обычно нет Протестовать за других никто не будет. «Прошедшие» 8 радуются, что они оказались достойными и только. Совсем как в денежно-вещевой лотерее. Выигрыш, хоть и за счет других своих сограждан, получают с радостью. Все ведь знают, что число мест

меньше, чем число кандидатов, а отбор еще не закончился.

В Иностранном отделе Министерства «Выездные дела» в данную поездку собираются из многих институтов, из разных частей страны. По плану формируется группа в 20 человек, а прибыло из разных мест 27 «Выездных дел». Но ведь процесс оформления туристов еще не кончен. В Иностранном отделе откладывают в сторону только одно дело, недавно уже выезжавшего за рубеж кандидата, а остальные двигают дальше. По категории научного туризма все дела могут поступить в ЦК КПСС только через Государственный Комитет по науке и технике при Совете Министров СССР. На него возложена координация усилий. Ведь может случиться, что два разных ведомства готовят делегации туристов по одному и тому же поводу и их в этом случае следует объединить в одну группу.

Самое главное *«решение»* принимается в ЦК КПСС в особой «Выездной комиссии». Дела по научному туризму должны еще пройти «Отдел науки и Высших школ» ЦК КПСС. Без *«решения»* «Выездной комиссии» Министерство Иностранных дел СССР не может выдать заграничный паспорт на руки кандидату в туристы. Но подготовку паспортов обычно начинают заранее, по заявкам Иностранных отделов ведомств, передающих в МИД СССР один экземпляр особой справки по «Выездному делу» и фотографии. Дело в том, что «Выездные дела» передаются в «Выездную комиссию» ЦК не меньше, чем за два месяца до планируемого отъезда. Торопить «Выездную комиссию» не принято, она собирает тысячи дел со всего Союза и по всем вопросам, начиная от простого туризма и кончая делегатами ООН. Согласно же международным соглашениям, «виза» в капиталистическую страну должна запрашиваться не меньше, чем за четыре недели до отъезда. А для запроса «визы» в посольство нужно сдать паспорт. В других странах гражданин, получая паспорт, сам несет его в посольство или консульство, или же делает

это через агента туристической компании. В СССР же заграничный паспорт выдается гражданину лишь накануне отъезда и все дела с посольствами ведут государственные службы. Поэтому и «визы» запрашиваются часто заблаговременно, пока еще нет *«решения»* Выездной комиссии ЦК. К этому времени все кандидаты в туристы получают предупреждение «подготовить по 450 рублей к такому-то сроку». В последнее время письменное обязательство об уплате нужной суммы в нужный момент требуют от кандидата вместе с «Выездным делом». Их предупреждают и о возможных сроках вызова в Москву, чтобы все были готовыми. Напряжение среди кандидатов начинает возрастать. Никто еще не знает, пройдет ли он конечную инстанцию, а ведь каждый как-то готовится к поездке. В случае «научного туризма» эта подготовка особенно серьезная, нужно перевести доклад на иностранный язык, оформить его через Главлит. Кандидаты читают литературу о стране, обновляют свой гардероб, расходуют на подготовку время, средства и энергию. И в то же время никто не знает точно, вызовут его в Москву или нет. А отсутствие вызова болезненно воспринимается как недоверие.

К этому времени вступает в силу договор с «Интуристом». Хотя в «Выездную комиссию» передано 26 дел, «Интурист», согласно договору, готовит отъезд группы в 20 человек. На 20 человек заказываются билеты туда и обратно, места в гостиницах, экскурсии. Интурист тоже не может ждать последнего дня. 6 человек все равно обречены на отказ, даже если их утвердят в «Выездной комиссии» ЦК. И вот этот день наступил. За 10-12 дней до планировавшегося отъезда (а иногда и за 3-4 дня) Министерству сообщают имена тех, кто утвержден в ЦК КПСС. Их 23. Почему не «прошли» трое никто не спрашивает. Три дела отвергают по случайным признакам в Министерстве, или два, а остальным кандидатам шлют вызов прибыть в Москву к

такому-то сроку, имея при себе все необходимое для выезда и оплату тура. Одного-двух нужно держать в резерве, может быть отказ в визе, срыв на собеседовании в ЦК и, наконец, отказ по причине денежных затруднений у самого кандидата. Последний случай весьма част при поездках на далекие расстояния, в Японию, в США, в Южную Америку. Для этого нужно от 800 до 1400 рублей, сумма достаточная, чтобы у прошедшего все рифы кандидата в последнюю минуту дрогнула собственная рука.

По вызову прибывают в Москву кандидаты. Уже есть все решения и начинается в быстром темпе последняя стадия. Но это в лучшем случае. Иногда, особенно летом, когда выездов много, а работников в Выездной комиссии мало (время отпускное), *«решение»* западывает. Шлют вызов кандидатам, когда «решения» еще нет. О нем узнают в последние один-два дня, а иногда и задерживается выезд. В 1966 г. туристы в Японию на конгресс по электронной микроскопии опоздали по этой причине на 3 дня на этот конгресс. Они, уже заплатив деньги Интуристу, собирались каждый день на площади Революции, возле гостиницы «Метрополь», где находится касса Интуриста, с чемоданами и ждали по нескольку часов *«решения»*, а затем разъезжались по своим гостиницам. А Конгресс в Японии уже начался и у некоторых там были доклады в первые два дня. Наконец, *«решение»* состоялось, все получили паспорта и специальным рейсом Аэрофлота вылетели в Токио. Три дня пропало, срок возвращения не изменился, но Интурист, конечно, часть денег не вернул. Ведь не по его вине была задержка, а платить японским контрагентам все равно нужно договорную сумму.

Заграничный паспорт выдается на руки только после *«решения»* в ЦК, и, даже если оно уже давно было, незадолго до отъезда, обычно за один-два дня, не раньше. Ведь с паспортом и визами человек может уехать и один, раньше чем намечено. Погранохрана его

уже не остановит. Поэтому-то в самый последний момент вручается этот паспорт, а внутренний на этот срок отбирается. Отбирается «в залог», чтобы по возвращении сразу заграничный паспорт был сдан.

Но это еще не все фазы. Еще одна, обязательная, бывает, как правило, в последние 24 часа перед отъездом. Это — собеседование в ЦК. Для этого в Иностранном (Международном) отделе ЦК КПСС есть особый штат инструкторов. Они по списку беседуют с каждым отъезжающим в капиталистические страны (несколько лет назад и в социалистические). Нужно, чтобы о каждом отъезжающем было личное впечатление. Сначала в приемной Международного отдела ЦК каждому туристу и не туристу дают особую брошюру с грифом «секретно». В ней рекомендации и правила поведения советского гражданина за границей. Кандидат на туристическую поездку расписывается в прочтении и следует в кабинет на собеседование. Инструктор международного отдела может быть в тысячный раз, работа у него такая, задает стандартные вопросы и высказывает разные советы и суждения, некоторые сексуального характера, предупреждает о недопустимости посещения ночных заведений. Кандидатам иногда неловко, это обычно серьезные люди. К тому же все они, согласно характеристикам, «морально устойчивы». Многие выезжают не в первый раз и уже проходили собеседования такого рода (они повторяются перед каждой поездкой). Но никто обычно не спорит, зачем искушать судьбу, да и деньги уже уплачены. Ведь собеседник твой может отменить поездку в самый последний момент. Бывают случаи, когда паспорт отбирается у туриста прямо в аэропорту или на вокзале. Это сработало неблагоприятное впечатление. Собеседование — обязательный ритуал любой поездки. Но бывают исключения. Одно из них известно и мне. Один мой коллега, биохимик, работающий во Владивостоке был в составе группы, отъезжавшей по линии научного туризма на Биохими-

ческий Конгресс в Японию. Это было в 1967 г. Во время пребывания в Москве в командировке он договорился с руководителем делегации о том, что зарубежный паспорт получит для него руководитель и во время пересадки во Владивостоке с самолета на теплоход мой коллега присоединится к делегации. Оставил он руководителю группы и деньги на оплату Интуриста. Руководитель делегации, имея доверенность от Иностранного отдела АН СССР, может вести финансовые и прочие операции за всех членов делегации. Но про собеседование в ЦК мой коллега забыл. И вот накануне отъезда ему шлют во Владивосток вызов, «прибыть в Москву для собеседования». Паспорт ему уже был выписан, «*решение*» на него было, а «собеседования» он не прошел. Раньше он уже бывал за границей, характер «собеседования» ему известен, лететь ради этого за свой счет из Владивостока в Москву, а затем обратно во Владивосток, ему не хотелось. Он телеграфировал в Иностранный отдел АН СССР, что отказывается от поездки в Японию. Каково же было его удивление, когда руководитель делегации, прибыв на пути в Японию во Владивосток, привез ему не возвращенные деньги, а заграничный паспорт со всеми визами. Очевидно всем была ясна нелепость ситуации и это помогло добиться исключения из правил.

Но вернемся к нашей группе и сотруднику, увидевшему объявление о туристической поездке. Ему повезло, он прошел все проверки, все комиссии, оказался чист и достоин. 450 рублей, казавшихся ему большой суммой, теперь в самолете выглядят, как мелочь. Он понимает, что государство все равно в данном случае, даже при оплате стоимости тура самим туристом, терпит материальный ущерб. «Интурист» еще кое-как сводит концы с концами. А кто оплачивает сотни чиновников на предварительных стадиях? Срок поездки 12 дней, а сколько дней ушло на оформление, сколько людей заседало в комиссиях, комитетах, бюро, решая вопрос о достоинстве

кандидата в туристы. Сколько времени ушло у кадровиков и спецовиков на изучение и проверку анкет и документов? на беседы и собеседования? На работу врачей? И все за те же 450 рублей. Едет человек как будто за свой счет, а на самом деле за счет государства, оплатившего щедрой рукой из госбюджета всю эту армию проверяющих и оформляющих.

Но все, что здесь рассказано — это наиболее легкий случай организованного туризма. Если же речь идет об индивидуальном туризме — то для поездки в капиталистические страны — это ведь практически нереальная. Интурист просто не имеет индивидуального сервиса для советских граждан. Бывают лишь редкие исключения и каждое из них требует специального решения высших инстанций. Известно, например, что поэт Е. Евтушенко свободно разъезжает по Европе, Америке и другим странам. И даже имеет постоянный заграничный паспорт (как когда-то Маяковский) и приходит с ним сам за визой в иностранные посольства. О его визите в посольство США за визой, как о сенсации, передавало как-то американское радио. Но это не пример демократии. Просто состоялось особое *«решение»*, выделившее Евтушенко из общего правила, сделанное его прикрытием бесправия других писателей. И он с благодарностью принял эту милость, эту привилегию, он усердно старался показать, что любой советский гражданин может свободно гастролировать по любым странам.

В большинстве случаев отказываются оформлять и все индивидуальные поездки по приглашениям из-за рубежа, полученным от коллег, друзей, общественных организаций, даже, если эти приглашения сопровождаются оплатой поездки приглашающей стороной. Только старые пенсионеры, у которых есть за границей близкие родственники, могут иногда, после многомесячных блужданий, получить разрешения на поездку «в гости» через ОВИР (отдел виз и регистраций) при областных

управлениях милиции. Но и в этом случае нужна характеристика и прочие бумаги в дополнение к особо оформленному «вызову» из-за границы. Раньше отказывали и в таких случаях, но после серии международных ходатайств и рекомендаций, СССР стал разрешать свидания прямых родственников и браки с иностранцами, ранее категорически запрещенные. Теперь дочь — гражданка СССР, может иногда навестить свою мать, живущую во Франции. Это, конечно, большое достижение, но оно не касается общих гражданских прав и выходит за рамки настоящего исследования.

Вся описанная выше типичная практика оформления зарубежных поездок, *осуществляемых по личному желанию*, придает этому оформлению такие формы, при которых все основные решения принимаются партийными органами разного уровня. Органы советской власти и ведомства имеют вспомогательное значение. Каждой простой туристической поездке придается государственное значение и турист получает служебный паспорт. Турист не едет за границу, его посылают, направляют в туристическую поездку, ему доверяют трудную миссию туризма.

Мы понимаем, что в любой европейской стране была бы абсолютной нелепостью ситуация, при которой простая туристическая поездка за границу должна организовываться и разрешаться специализированным ведомством, типа Министерства здравоохранения или угольной промышленности, или каким-нибудь Комитетом по печати. Нелепым было бы рассмотрение вопроса о таких поездках комитетами правящей партии. Если уж турист решил воспользоваться услугами туристического агентства, то оно все для него сделает. Сам же вопрос о паспорте является правовым и поэтому находится вне компетенции специализированных ведомств и партийного аппарата. Отказ может быть санкционирован только судом, как толкователем законов.

Наша же система не предусматривает правовой основы, единственной для всех. Государство обеспечивает не *право,* единственное для всех, а план поездок в «валюто-человеко-днях» и этим создает основу отборочно-конкурсной системы привилегий.

При подобной системе организации международного туризма и в связи с необыкновенно раздутыми штатами всяких отделов и управлений международного сотрудничества, создаются условия для коррупции, злоупотреблений, системы товарного взяточничества, обычаев привозить чиновникам этих отделов дорогие «подарки» из-за рубежа в благодарность за их благосклонное внимание. Чиновники же обычно подчеркивают свою важную роль при отборе кандидатов.

Во всех цивилизованных странах отказ государственных органов в выдаче заграничного паспорта по простому заявлению гражданина является событием экстраординарным и подлежит подкреплению решением суда. Суд рассматривает, насколько отказ в выдаче паспорта является *законным.* Все мы помним еще по газетам сталинских времен, как правительство США в 1950 г. отказало выдающемуся негритянскому певцу-коммунисту Полю Робсону в выдаче заграничного паспорта для поездки в СССР и для гастролей в Европе. Несколько лет Поль Робсон, как писали газеты, был лишен гражданских прав. Наконец, певец обратился в Верховный Суд США. Этот суд большинством в один голос признал решение правительства США антиконституционным, и Полю Робсону был выдан заграничный паспорт. Он приехал в Москву и его «победа» отмечалась здесь очень торжественно.

В СССР нет закона, предусматривающего подобные права граждан. А раз нет законодательной основы, — нет и возможности судебного рассмотрения конфликтов, случаев отказа. Верховный суд СССР и Верховные Суды Союзных Республик рассматривают лишь конфликты, связанные с переселением в другую страну

для соединения с частью семьи или с прямым родственником (например, дочери к матери). В этом случае отказ может быть рассмотрен судом, так как существует международное правовое соглашение по таким делам. Все же другие случаи отказов в выдаче паспортов и виз обжалованию в суде не подлежат. Решения партбюро, решение горкома, обкома, министерства, «Выездной комиссии», КГБ и т. д., все они являются окончательными и обжалованию не подлежат. Министерство Иностранных дел СССР вообще не проводит приема граждан по делам выезда и получения паспортов. Даже если вдруг по какому-то конкретному приглашению в Англии посол СССР в Англии решил, что осуществление его целесообразно, а секретарь партбюро учреждения думает иначе, то посол должен уступить. Не его задача заботиться о правах своих сограждан.

Но так обстоит дело с поездками советских граждан в капиталистические страны Европы, Азии, Африки, Америки и в Австралию. При поездках в социалистические страны дело обстоит иначе. Вернее, в некоторые из них. Дело в том, что если капиталистические страны попадают в общую категорию, то по отношению к социалистическим странам существует столько особых случаев, сколько этих стран. Особую сложность имеют поездки в Китай, Северную Корею, и Албанию. Но это по причине правил, существующих в самих этих странах. В один разряд с капиталистическими странами попадает Югославия, у нее открытая граница с соседями. Между остальными странами тоже есть различия, но они меньше и поэтому мы и рассмотрим вопрос об этих странах объединенно.

б. В социалистические страны Восточной Европы

Туризм в социалистические страны Восточной Европы (Чехословакия, Польша, Румыния, Венгрия, Болгария, ГДР) является пока основной формой международного туризма для граждан СССР. На долю этих стран

приходится более 90% выездов граждан СССР за границу. Несомненно, что в таком соотношении играют роль не только серьезные ограничения туризма в капиталистические страны, но и вполне естественные факторы; близость расстояния, сравнительная дешевизна; то есть доступность туризма для более широких слоев населения, общность социального строя и славянское единство с некоторыми из этих стран. Путешествия в каждую из этих стран из СССР имеют самостоятельную историю и специфические оттенки, регулируемые двусторонними соглашениями. Например, до сооружения Берлинской стены, ГДР, в смысле оформления поездки из СССР, находилась в одной категории с капиталистическими странами. Это было связано с тем фактом, что гражданин, приехавший в социалистическую Германскую Республику, мог сравнительно легко посетить и Западный капиталистический Берлин. Туризм в Венгрию, после событий осени 1956 г., был надолго прекращен. Туризм в Югославию, сначала переживший период подъема, в последние годы подвергся ограничениям с нашей стороны. Дело в том, что Югославия около трех лет назад открыла свои границы для свободного проезда иностранцев с запада, для транзита в Грецию, ослабила пограничные посты, ликвидировала тотальную пограничную охрану, типичную для других социалистических стран, и разрешила свободное передвижение своих граждан через границу в соседние страны. Это сразу поставило Югославию, в смысле поездок туда советских граждан, в одну категорию с капиталистическими странами. К этой же категории для советских туристов относятся социалистические страны, отдаленные от СССР, например, Куба. Ведь для того, чтобы добраться до них, нужно пересечь много капиталистических стран.

Все это показывает, что главным при оформлении туристических поездок советских граждан в другие социалистические страны является не социальный ха-

рактер строя, не степень дружелюбия по отношению к СССР, а просто учет того, насколько эта страна изолирована от капиталистических стран.

Поскольку в балансе советского туризма доминируют страны Восточной Европы, то соответственно и обратный туризм граждан этих стран в СССР доминирует в общем объеме туристов, приезжающих в нашу страну.

Следует отметить, что экономика международного туризма весьма проста. Любой стране с коммерческой стороны очень выгодно, чтобы она была объектом иностранного туризма. Это сравнительно легкий и не связанный с капитальными затратами источник притока иностранной валюты. Страна продает свои естественные красоты, пейзажи, достопримечательности, курорты, памятники культуры. Для многих стран приток туристов из-за рубежа приносит такой же доход, как и международная торговля, а в некоторых странах туризм — это основная статья дохода. С другой стороны, если число собственных граждан, выезжающих в зарубежные путешествия, становится большим, чем число иностранцев, приезжающих в данную страну, то создается невыгодная для страны ситуация. Для стран, лишенных природных красот, хорошего климата, пространств, древней истории, архитектурных памятников и т. д. и в то же время промышленно развитых, с высоким жизненным уровнем населения, отрицательный туристический баланс неизбежен. Например, число англичан, выезжающих ежегодно в туристические поездки в Европу (в Италию, Францию, Испанию и т. д.) равно 6 миллионам и вдвое превышает число иностранцев, ежегодно приезжающих с туристической целью в Англию. В Испанию же ежегодно приезжает около 17 миллионов человек, тогда как число испанцев, покидающих страну с целью туризма, вряд ли превышает один миллион в год.

Долгое время приезд граждан из Восточной Европы в СССР был легче, чем обратный туризм и организацион-

но и экономически и поэтому туристический баланс для них был отрицательным, то есть невыгодным. А поскольку и торговый баланс для многих из этих стран тоже был отрицательным, то, естественно, что они оказывали на СССР определенное давление в смысле стимуляции и облегчения туризма граждан СССР. Это давление, оказываемое по всем каналам, принесло свои плоды и в 1965 г. были приняты реальные меры в этом направлении. Мы имеем ввиду подписание Советским Союзом соглашений с рядом социалистических стран Восточной Европы о безвизовых поездках граждан, включая не только туризм, но и просто поездки по частным делам, минуя государственные туристские организации. Соответствующий Протокол, подписанный между Чехословакией и Советским Союзом 17 сентября 1965 г., предусматривает, что граждане одной договаривающейся стороны, совершающие поездки по частным делам по приглашению родственников, друзей и знакомых, могут выезжать, въезжать и пребывать на территории другой договаривающейся стороны без виз в пределах срока, установленного в приглашении, но не свыше 90 дней, а также следовать без виз в третьи страны, с которыми обе договаривающиеся стороны имеют соглашения о безвизовых поездках по частным делам. Эти соглашения разрешают сравнительно свободный обмен валюты (но не свыше 15 рублей в день на одного человека) и создают предпосылки для индивидуальных поездок советских граждан за границу, формы туризма и отдыха, ранее не практиковавшейся.

Такого рода соглашения имеют принципиальное значение. Они юридически признают *право* любого советского гражданина на *свободное* посещение соседней страны, при наличии повода для этого. Договорное признание этих прав — несомненно значительное достижение демократических тенденций. Благодаря такого рода соглашениям, возникает ситуация, при которой любой гражданин СССР, получив приглашение частного

характера, может поехать, например в Чехословакию, просто в гости, свободно, без заграничного паспорта и виз, с наличными внутренними документами, удостоверяющими его советское гражданство. Внутренний паспорт, колхозная книжка, удостоверение личности, наряду с приглашением, будут признаны чехословацкой пограничной службой достаточными для свободного проезда на территорию ЧССР. Без такого частного приглашения гражданин СССР может приехать в Чехословакию (Болгарию и т. д.) с группой по линии «Интуриста».

Однако, взаимно подписав такого рода соглашения, обе стороны отнеслись к ним по-разному. Правительства соседних с нами социалистических стран встретили эти соглашения с энтузиазмом и сделали все, чтобы граждане их стран узнали все детали соглашений и воспользовались ими. Население было очень широко информировано об этих соглашениях в печати. На следующий день после подписания протокола в Министерстве Иностранных дел СССР, центральная чехословацкая газета *«Руде Право» (Rude Pravo)* в номере от 18 сентября 1965 г. на видном месте на первой полосе опубликовала переданное по телефону сообщение своего московского корреспондента о подписании соглашения. Газета под крупным заголовком сообщила детали соглашения, охарактеризовав его, как новый этап в развитии дружеских связей стран.

Иначе отнеслись к этому соглашению советские органы информации. Они попросту скрыли его от населения. Советские центральные газеты (Правда, Известия, Труд и др.) в выпусках от 17, 18, 19, 20 сентября и в последующем ни словом не обмолвились о подписании в Москве столь важных документов. В то же время значительно неизмеримо более мелкие дипломатические события (приемы послов, посланников, обед в честь ... переговоры с Бразильской торговой делегацией и т. д.) нашли достаточное отражение в дипломатической хро-

нике в этих же газетах. Не были опубликованы эти соглашения в широкой советской прессе и позднее. Не сообщили о них даже советские специальные международно-дипломатические журналы хотя бы в разделах, излагающих хронику дипломатической жизни. Только в одной специальной малотиражной научно-дипломатической брошюре (Б. В. Клименко «Право прохода через иностранную территорию», 1967) на стр. 4 есть краткое упоминание о таких соглашениях. Оно просочилось в эту книгу очевидно по недосмотру цензора. Поэтому и до сих пор почти никто в СССР про подобные соглашения не знает и существующими свободами не пользуется.

Да и сами эти «свободы» весьма относительны. Признав на словах и зафиксировав в тексте Протоколов юридическое право советских граждан на свободный безвизный проезд в некоторые соседние социалистические страны, советская сторона поручила реализацию этого права органам милиции, которые в свою очередь создали для этой цели такую процедуру, которая на деле наличие каких-то прав полностью отрицает и создает любые возможности для произвола. В соответствии с этой процедурой оказалось, что наличие внутреннего паспорта и приглашения, являясь достаточной основой для въезда в Чехословакию и пропуском для чехословацкой пограничной службы, не является, однако, достаточной основой для *выезда* из СССР и пропуском для пограничной службы нашей страны. Советская пограничная служба разрешает проезд только тех граждан, которые имеют специальные «выездные» удостоверения, выдаваемые взамен паспорта Областными Управлениями милиции. Но эти удостоверения выдаются милицией не просто в обмен на паспорт, а после специальной процедуры, которая принципиально от процедуры оформления в капиталистические страны на первых стадиях не отличается. Различие существует только на высших стадиях, в том смысле, что конечное разрешение дается не «Выездной комиссией» ЦК КПСС,

а «Выездными комиссиями» при областных комитетах партии. Для получения разрешения по-прежнему необходимо заполнить столь же сложную анкету, а главное иметь «Характеристику» от учреждения (кроме этого, автобиографию, справку о здоровье, приглашение-вызов, заявление о целях поездки).

В отличие от оформления выезда в капиталистические страны, не требуется копий брачного свидетельства и метрических свидетельств на детей, если выезд членов семьи не планируется. Анкеты и другие материалы следует готовить в одном экземпляре. С момента подачи документов в областной ОВИР, до получения удостоверения на выезд может пройти от двух и более месяцев. Статистика положительных и отрицательных решений мне пока неизвестна, так как практика «частных» визитов пока еще слишком ограничена. Я только могу отметить, что в сомнительных случаях высшие инстанции все же вмешиваются и в этот процесс. Один мой знакомый писатель прогрессивного направления летом 1967 г. оформлял поездку в Польшу. Оформление заняло несколько месяцев и для данного конкретного случая конечное разрешение получалось в «Выездной комиссии» ЦК КПСС. Иностранный отдел Союза писателей, имеющий полное право окончательного решения вопросов выезда в Польшу, Чехословакию, Болгарию, Венгрию, в отношении данного писателя решил передать вопрос на рассмотрение высших сфер. И он был решен положительно. Но в отношении другого писателя, пожелавшего летом 1967 г. воспользоваться серией приглашений из Чехословакии, было принято негативное решение. Он получил письмо от Иностранного отдела Союза писателей, в котором было сказано «... Ваша поездка в Чехословакию признана нецелесообразной».

Таким образом, как мы видим, «свободный» безвизный путь поездок в социалистические страны Восточной Европы на деле оборачивается необходимостью получения серии внутренних разрешений, от учреждения,

где работает гражданин (в форме характеристики), от милиции, областной «выездной комиссии», ОВИР, и каких-то неизвестных дополнительных инстанций, ориентирующихся на определенные идеологические критерии, на систему поведения. Что же касается т. н. научного туризма в эти страны, то есть туристических, оформляемых через «Интурист» поездок ученых на различные симпозиумы и конференции, полностью оплачиваемых самим ученым, то они и теперь готовятся и разрешаются через министерства и ведомства, жестко лимитируются количественно и качественно. Никаких свободных, безвизных поездок ученых на научные совещания, допустим в Чехословакию или Болгарию, даже в период отпуска, пока не существует. И отказы в этой сфере — вещь обычная, хотя юридически, при наличии межгосударственных соглашений о свободном, безвизном обмене, они незаконны. Незаконны и все прочие процедуры получения разрешения для частной деловой поездки по приглашению. Ведь если действие указанных выше межгосударственных соглашений распространяется на всех полноправных граждан обеих стран, то способ оформления должен основываться на правах граждан, а не на решении разных инстанций, получении характеристики и т. д. Милиция, как в старой России полицейская управа, должна в данном случае следить лишь за тем, чтобы разрешением на выезд за границу, не воспользовались лица, находящиеся под следствием, судом, лишенные прав по суду, рецидивисты и т. д. Медицинская справка также, конечно, необходима для предупреждения выездов психически больных, заразных больных (открытые формы туберкулеза и т. п.), если только они не приглашены друзьями или организациями для лечения.

Существующие ограничения для поездок в социалистические страны Восточной Европы, хотя они и не столь серьезны, как ограничения выездов в капиталистические и нейтральные страны, все же резко ослаб-

ляют тенденции развития дружеских и деловых связей в лагере социалистических стран, уменьшают социалистическую интеграцию небольших социалистических стран Восточной Европы не с Востоком, а с Западом. Не знающая никаких межнациональных ограничений в передвижениях граждан Западная Европа оказывает через массовый туризм и деловые визиты огромное влияние на пограничные с СССР социалистические страны, неизбежно занося сюда все формы западноевропейской культуры, а заодно и идеологии. Общение людей — это великая сила, и для показа того, сколь слабо она используется нашей страной, ориентирующейся на контакты на высоком уровне, мы приведем здесь несколько реальных цифр.

Отдел конъюнктуры «Интуриста» СССР издает на гектографе ежемесячный журнал для внутреннего использования в системе «Интуриста», «Бюллетень туристской информации». Этот «Бюллетень» рассылается по отделениям «Интуриста» и в некоторые библиотеки. Есть он, в частности, и в Государственной Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Этот небольшой журнал публикует обширный статистический материал, характеризующий тенденции международного туризма во всем мире. В № 4 за 1967 г. приведены, например, такие цифры распределения иностранцев, прибывших в Чехословакию в 1966 г. В 1966 г. Чехословакию посетили: 907 334 граждана Польши, 872 601 граждан из Венгрии, 832 332 из ГДР, 284 455 граждан Австрии, 223 311 граждан Федеративной Германии и 49 533 граждан из Советского Союза. За СССР почти вплотную шла Болгария (40 901 человек). А ведь население в Болгарии (8 млн.) в 20 раз меньше, чем только в Европейской части СССР. У Болгарии нет с Чехословакией общей границы, и для того, чтобы проехать из Болгарии в Чехословакию нужно пересечь две страны, Румынию и Венгрию. Поездка из Болгарии в Чехословакию заметно дороже, чем из СССР, а ведь материальный уровень советских граждан в среднем выше уровня жизни граждан Болгарии.

Я уже не говорю о технических и экономических связях, которые между СССР и ЧССР по объему намного выше, чем между ЧССР и Болгарией. А по числу туристов Болгария нас догоняет в абсолютных цифрах. Что же касается более близких соседей Чехословакии, то, как мы видим, отставание СССР разительное. Число поляков, побывавших в Чехословакии практически равно общему числу советских граждан, выезжавших в 1966 г. во все страны мира. Туризм даже из отдаленных капиталистических стран в Чехословакию находится на близком уровне с туризмом из СССР. Из Франции в ЧССР в 1966 г. приезжало 37 872 человека.

Несколько выше цифры поездок граждан СССР в 1966 г. в Венгрию (см. «Бюллетень туристской информации», № 7, 1967 г.). Но все же число визитов из СССР в Венгрию было в 6 раз меньше, чем из Чехословакии, в два раза меньше, чем из Польши и из Болгарии, и меньше, чем из Австрии.

А ведь очевидно, что если в страну, например в Чехословакию, для общения с ее народом прибывает в год более полумиллиона западных граждан только из Австрии и ФРГ и ровно в 10 раз меньше советских граждан, то и влияние, оказываемое этими странами на население Чехословакии окажется также сильнее, чем влияние Советского Союза и обратный туризм чехов и словаков в Австрию и ФРГ будет выше туризма в СССР. Такая картина наблюдается и в реальной жизни и число граждан Чехословакии, выезжавших в 1966 г. в ФРГ и Австрию было тоже в 10 раз выше, чем число этих граждан, побывавших в СССР. Стоит ли после этого удивляться росту «прозападных» настроений в Чехословакии и постепенному «разрыхлению» ее связей с нашей страной? В современных условиях зависимости экономики, техники, науки, культуры от творческой активности огромного числа людей и увеличившейся роли индивидуальных контактов, дружба стран

уже не может базироваться на дружбе лидеров партий и правительств. Нужна не заочная, а очная дружба народов.

4. Как оформляется поездка в СССР из других стран

Наш обзор не был бы объективным, если бы мы обошли молчанием этот вопрос. Хотя из капиталистических стран приезжает в СССР намного большее число граждан, чем выезжает из СССР в эти страны, но по отношению к некоторым социалистическим странам Восточной Европы баланс в обе стороны близок. А этот баланс, как мы видели, сходится на весьма низком уровне, намного меньшем, чем аналогичные балансы между иностранными государствами, как социалистическими, так и капиталистическими. Это то и может навести на мысль о том, что и приезд в СССР связан в любых странах с какими-то ограничениями при отъезде, или, что наша страна вводит какие-либо ограничения въезда для граждан других государств. Может быть, чехословацкому гражданину так же сложно оформить свою поездку в СССР, как и гражданину СССР в Чехословакию. Может быть, это же верно для французов, англичан, немцев и жителей многих других стран? Мы имеем, при этом, в виду только процессуальные, правовые вызовые и паспортные барьеры, а не валютные. Вопроса о валютных барьерах, созданных для въезда в нашу страну и для выезда из нее, мы особо коснемся в следующем параграфе.

Ответ на поставленный выше вопрос может быть только отрицательный. Для поездки в СССР из социалистических стран Восточной Европы по деловым и частным приглашениям с 1965 г., а фактически намного раньше, все формальности сведены к минимуму. Юридические процедуры занимают не более одного дня и никакой процедуры обмена внутреннего документа на специальное удостоверение для выезда не существует.

Граждане Чехословакии, Болгарии и ряда других стран могут приехать в СССР, имея при себе те удостоверения личности, которые действительны и при внутреннем употреблении. Никаких характеристик для поездки в СССР при оформлении выезда для чехословацкого или болгарского гражданина не требуется, а в период отпуска житель этих стран может приехать к нам, не ставя об этом в известность свое служебное руководство, не говоря уже о ведомстве. Это тем более относится к поездке, осуществляемой через государственные туристические агентства. Количественные ограничения туристических визитов из-за рубежа, по договорам с другими агентствами, вводит однако наша страна; и это связано с недостатком гостиниц, кемпингов, туристических маршрутов. Кто из нас, ездивших в служебные командировки по родной стране, не знает о печальной практике немедленного выселения советских граждан из гостиниц, если прибыли иностранцы, которых некуда поместить. Советскому гражданину в хорошую гостиницу дают номер, лишь после того, как он письменно удостоверит, что готов выселиться по первому требованию администрации. Визиты же к нам по приглашениям специально не ограничиваются, так как в этом случае заботы о прибывшем несет приглашающая сторона. Приглашение, однако, должно быть подготовлено по особой форме, подписано городской администрацией и в милиции и для получения этих подписей необходимо, чтобы приглашающая сторона имела некоторый избыток жилой площади и вообще благоустроенную квартиру.

В конце 1967 г. я получил приглашение из Чехословакии принять участие в праздновании 150-летия Моравского музея в Брно. Этот музей имеет отделение, посвященное Г. Менделю, жившему и работавшему настоятелем монастыря в Брно. Имея печальный опыт неудач с оформлением поездок через ведомства, я на этот раз решил оформить свою поездку по категории частного визита, тем более, что при музее было обще-

житие. Директор музея, Д-р Орел прислал мне частное приглашение и я на этот срок решил взять двухнедельный отпуск и совершить поездку в Чехословакию на основе Соглашения между нашими странами от 1965 г. Однако оформление, начатое за 3 месяца до празднования 150-летия, к началу торжеств весной 1968 г. так и не закончилось, и поездка сорвалась. Д-р Орел был огорчен моей неудачей, и в марте я получил от него письмо, которое считаю возможным привести здесь, как свидетельство той системы выездов, которая существует в Чехословакии.

Д-ру Ж. А. Медведеву
Институт медицинской радиологии
Обнинск, Калужской обл. СССР Брно, 20 марта 1968

Дорогой д-р Медведев,

Я был огорчен узнать, что Вы не сможете приехать в Чехословакию к намеченной дате празднования 150-летия Моравского музея. Однако, я надеюсь, что Вы сможете приехать в нашу страну в ближайшем будущем, и я возобновляю свое личное приглашение и вкладываю вызов, заверенный нашими властями на двухнедельный визит в мае или летом этого года.

Каждый гражданин в нашей стране имеет паспорт с постоянным разрешением поехать в любую социалистическую страну. Для поездки в СССР нужно разрешение советских властей, которое можно получить в течение 10 дней, и это все, что нужно для поездки. Этот же паспорт действителен и для поездки в капиталистические страны, с той разницей, что в этом случае для получения визы необходимо приглашение (любого характера).

Я надеюсь увидеть Вас вскоре. С наилучшими пожеланиями

Искренне Ваш

В. Орел

Для приезда в СССР граждан из капиталистических стран условия особенно льготные, что связано с желанием получения иностранной конвертируемой валюты. Особенно большие льготы установлены для Финляндии. Приехать в СССР финну сейчас намного легче, чем болгарину. Торговый баланс с Финляндией у СССР

отрицательный. Мы покупаем в этой стране на большую сумму, чем продаем. Поэтому, открыв в одностороннем порядке свою границу для въезда финнов, мы стремимся таким образом уменьшить торговый дефицит и усилить обмен финской валюты на советскую.

Поскольку внутренних паспортов в Финляндии не существует, то разрешенный для финнов свободный безвизный въезд в районы Ленинграда, Выборга, Петрозаводска, в Эстонию допускает въезд финнов в СССР через финско-советскую границу вообще без документов. Регистрируются номера машин, число пассажиров в автобусах и т. д. Жителям Ленинграда на предприятиях сообщаются инструкции следить за тем, чтобы под видом финнов не приезжали в Ленинград люди, говорящие на английском, немецком и прочих языках и сообщать о подозрительных. Из Хельсинки в СССР некоторые финны, из-за «сухого» закона в Финляндии, приезжают в Ленинград или Выборг просто для того, чтобы посидеть с друзьями в ресторане.

Поездки же из СССР в Финляндию регулируются попрежнему правилами, выработанными для капиталистических стран. Некоторые льготы имеются лишь для жителей Прибалтийских республик, для коротких групповых поездок (чтобы не простаивали без дела финские теплоходы, привозящие туристов из Финляндии в эти республики). Эти льготы состоят в оформлении визитов (при обязательном наличии «характеристик») в пределах Союзной Республики, а не в Москве*. Однако это «послабление» было введено лишь после того, как Финляндия обязалась не предоставлять «права политического убежища» гражданам СССР и теперь выдает под охраной тех визитеров из СССР, которые не пожелали возвратиться к себе на родину. Финляндия присоединилась в этом отношении к практике, установленной ранее между социалистическими странами.

*) Однако лимиты на общее число поездок советских граждан в Финляндию очень малы. Эстонская ССР может посылать в год лишь 750-800 человек.

Хорошо известно, что в Западной Европе существует уже давно полная свобода межгосударственных передвижений граждан, без всяких паспортов и виз. Существует и свобода трудоустройства граждан одной страны на предприятиях другой. Эти традиции многовековые, они прерывались лишь в период различных войн, потрясавших Европу. Еще Эмер-де-Ваттель в своей классической книге «Право народов», впервые изданной в 1758 г. (последнее издание этой книги в переводе на русский язык вышло в 1960 г.), писал, что в Европе право свободного въезда в любую страну и право свободного выезда из нее предоставлено всем. В качестве стран, во вред себе и по непонятным причинам отрицающих это право, де-Ваттель приводил Японию и Китай. Более близких географически примеров у него в 18-ом веке не было.

Однако для поездки из западно-европейских стран в СССР необходимо получение паспорта. (Под паспортом в этих странах имеют в виду только зарубежный паспорт). Не довольствуясь сведениями о процедурах получения таких паспортов, приведенными в последних изданиях Британской и Американской энциклопедий, я побеседовал при случаях на эту тему с рядом коллег. В результате комплексного изучения вопроса, я мог представить, что получение зарубежного паспорта для гражданина Англии, Франции или США процесс элементарный, не требующий в норме ни ведомственных характеристик, ни партийно-профсоюзных решений, ни вообще служебных разрешений. Паспорт оформляется специальными службами и отделениями Министерств Иностранных дел через туристические или паспортные агентства, а также любым посольством или консульством за рубежом. Получающий паспорт гражданин может вообще не ставить об этом в известность свое служебное начальство, особенно если выезд планируется на период отпуска. Паспорт выдается не на одну поездку, а на несколько лет и не отбирается по возвращении. Он всегда может быть использован снова, так

как паспорт обеспечивает автоматически выездную визу. Паспорт, выданный мужу, действителен и при поездках с семьей, дополнительных документов жене и детям не требуется.

В США, согласно данным Американской энциклопедии, уезжающий за границу гражданин ставит службу Госдепартамента по иностранным делам в известность, какие страны он собирается посетить. (Сейчас американцам запрещены визиты на Кубу, в КНР, Северную Корею и Сев. Вьетнам). Срок пребывания американца за границей не должен, согласно правилам, превышать двух лет, после чего он может быть официально продлен. Для англичанина, француза, итальянца и прочих европейцев такого рода ограничения могут рассматриваться, как антидемократические, и они вольны не сообщать своего маршрута.

Следует указать, что и социалистические страны Восточной Европы, когда-то следовавшие за СССР в создании ограничений в выездах своих граждан в страны Западной Европы, в последние годы многие из этих ограничений отменили (за исключением ГДР). Югославия установила для своих граждан полную свободу въезда и выезда в соседние страны и сейчас тысячи граждан Югославии в пограничных районах ездят на работу в соседнюю страну в Австрию, Италию, Грецию, возвращаясь на конец недели домой. Это только способствует благосостоянию страны и ее граждан, создавая лучшие возможности экономического сотрудничества.

Конечно, и в других странах возможны и существуют некоторые ограничения, иногда связанные с политическими мотивами. Далеко не все страны равноценны в правовом законодательстве, регламентирующем эту сторону жизни общества. Мы знаем, что в ряде стран сейчас запрещена деятельность коммунистических партий (Индонезия, Португалия, некоторые южно-американские и арабские страны). Неоднократно о случаях

отказа в выдаче заграничного паспорта гражданам США сообщалось в нашей печати. Долго не мог получить такой паспорт Поль Робсон, лидер американских коммунистов Уинстон и некоторые другие прогрессивные деятели. Большинству из них приходилось добиваться этого через Верховный суд США. И хотя суд США принимал в этих случаях, как правило, положительные решения, это несомненно происходило, по свидетельству нашей прессы, под давлением мировой общественности. Серьезные ограничения, как известно, установила сейчас для выезда из страны ряда прогрессивных деятелей военная хунта Греции.

Однако даже для коммунистов в общемировом масштабе приезд из капиталистического мира в социалистический для участия в различных совещаниях, за некоторыми исключениями, в целом, не проблема. Советские биохимики, физиологи, генетики, востоковеды или агрономы никогда не пользовались такой свободой общения со своими зарубежными коллегами, причем для задач и целей полностью поддерживаемых Советским правительством, которой коммунисты большинства стран Западной Европы и мира пользуются для общения со своими советскими коллегами, причем для целей замены, а иногда и свержения собственных правительств. Об этом легко судить по представительству проводимых в Москве международных совещаний коммунистических партий. Еще в 1957 г., во время Всемирного совещания Коммунистических партий в Москве, куда съехались лидеры и члены ЦК более 70 коммунистических партий, которые затем легально, за некоторыми немногими исключениями, разъехались к себе на родины, каждый советский гражданин мог отчетливо представить, что выезд и въезд даже самых крайних оппозиционеров существующим режимам в большинстве капиталистических стран не проблема. Честно говоря, насколько я помню собственные впечатления того времени, меня не очень удивил факт представительности совещания. Я понимал, что коммунисты — люди реши-

тельные и предприимчивые, особенно в тех странах, где они в оппозиции, и что они хоть по тайным тропкам, через соседние страны доберутся до Москвы. Насколько я помню, преодолели опасность такого рода португальские коммунисты и делегация Венесуэлы или какой-то другой Южно-Американской республики. Все же другие делегации, из самых империалистических стран, прибыли и убывали регулярными рейсами международных авиалиний, прямо из собственных столиц, где их торжественно провожали, а затем встречали единомышленники, явно привлекая к поездке своих лидеров в Москву внимание прессы.

А ведь и потом, в 1960 г., новое Всемирное совещание коммунистических партий не встретило помех, связанных с неприбытием какой-либо партии. На этот раз в Москву съехались делегации коммунистов около 100 стран. На XXIII Съезд КПСС в Москве в марте-апреле 1966 приехали делегации компартий 90 стран. Почти 100 коммунистических и рабочих партий прислали свои делегации на празднование 50-ти летия Великой Октябрьской Революции. А ведь только очень немногие из этих партий принадлежат к правящим партиям в своей стране. Большинство в резкой оппозиции, и приезжают они в Москву на совещание, где подписывают документы, клеймящие позором собственные правительства, требующие быстрейшего устранения этих правительств. В публикуемых в московской прессе речах делегаты компартии, например, Франции, самым резким образом требуют положить конец диктатуре де-Голля, режиму личной власти, делегаты США осуждают кровавые преступления американского империализма. А затем и те и другие беспосадочными рейсами возвращаются домой, с тем, чтобы на следующий год вновь прибыть в СССР, на съезд, на праздник, или просто на отдых на государственной даче на берегу Черного моря.

Я не думаю, что правительства Франции, Италии, США или Австралии в большом восторге от той дея-

тельности, ради которой представители коммунистических партий этих стран собираются в Москве. И, может быть, они рады бы были этому воспрепятствовать. Но они, если говорить откровенно, просто не могут сделать этого законными способами. У них нет реальной возможности предотвратить выезд гражданина своей страны за границу. И не только потому, что граница этих стран не имеет сплошной, непроходимой технической, военной и режимной охраны. Не потому, что она по существу открыта. Просто выезд гражданина страны за рубеж — это право, охраняемое законом, и как таковое оно находится под защитой суда, решение которого сильнее, чем решение правительства. Верховный суд и в СССР в вопросах трактования законов и прав граждан имеет приоритет перед правительством. Но поскольку самого-то закона, предусматривающего право свободного выезда граждан СССР не существует, поскольку Конституция СССР вообще о такой возможности не упоминает, то реальное вмешательство суда в ограничения, устанавливаемые правительственными органами, практически невозможно. Если бы подобный порядок существовал в большинстве стран, то никакие представительные совещания коммунистических партий никогда бы не могли собираться в Москве, чтобы рыть здесь могилу буржуазной демократии.

5. Валютные барьеры международного сотрудничества

Очень распространено мнение, что в основе всех главных трудностей зарубежных путешествий для граждан СССР лежат валютные проблемы, недостаток валюты, неизбежно расходуемой при поездках советских граждан в капиталистические страны. И нужно сказать, что валютный барьер действительно существует. Однако этот барьер в большей степени создан искусственно. Он был изобретен именно, как барьер, изолирующий СССР от остального мира в период ликвидации НЭПа, в 1929-

30 гг., после кампании, проведенной ОГПУ по изъятию у населения золота и иностранной валюты, после ликвидации реальной обеспеченности золотом находящихся в обращении советских денежных знаков (червонцев). Червонцы, послужившие когда-то в 1923 г. ядром денежной реформы, остановившей инфляционное бедствие и экономическую анархию, прекратили свою жизнь в тот период, который в истории нашей страны стал концом ленинского курса развития экономики, сельского хозяйства, культуры и науки, в период «великого перелома», сопровождавшегося невиданно массовыми актами насилия, как в городе, так и в деревне, ликвидацией «кулачества», как класса, ликвидацией городской мелкой и средней буржуазии, репрессиями в среде старой интеллигенции и очисткой самой партии от всех оппозиционных и вообще свободомыслящих элементов, в период начала жестокой диктатуры Сталина, или начала т. н. «периода культа личности».

Но прежде всего нужно разобраться в том, что же на деле представляет собой валютный барьер, каков механизм его действия.

В классической форме международный туризм всегда был связан с валютными проблемами, принося доход одним и убыток другим странам. Возьмем типичные примеры: Франция и Италия, являясь традиционными и заслуженно привлекательными странами иностранного туризма имеют в результате этого огромный валютный доход и положительный туристический баланс. Англия и США, менее привлекательные для туристов (Англия как промышленно очень развитая страна, США по причине дальности от Европы и дороговизны путешествий, особенно для автотуристов), имеют отрицательный туристский баланс и большие ежегодные потери валюты, «уплывающей» за границу вместе с пользующимися свободой выезда американскими и английскими туристами. С экономической точки зрения эти страны были бы заинтересованы в некотором ограни-

чении выездов своих граждан за границу, в введении лимитов, в какой-то степени подобных планам лимито-человеко-валюто-дней, получаемых советскими ведомствами. Однако противоречие между гражданскими правами и экономикой в данном конкретном случае решается в этих странах в пользу гражданских прав, если не считать пропагандистские призывы к населению ограничить свои расходы за границей. Но может быть для СССР, страны, еще не достигшей экономического уровня США и Англии, действительнее правильнее решать вопрос не с точки зрения гражданских прав, а с точки зрения экономики? Это очень важный, действительно принципиальный вопрос всей проблемы, анализируемой в настоящей работе, ибо от ответа на него зависит очень многое. Если ликвидация системы дискриминации и ограничений международных связей граждан нашей страны, упрощения трудностей, связанных с выездами за границу, в конечном итоге, принесет нашей стране экономический ущерб, ухудшит в общем балансе плюсов и минусов жизнь народа, то, по-видимому, поднятые в нашей работе вопросы следует перенести для рассмотрения лет на 10-15 в будущее, когда благосостояние народа неизмеримо возрастет и международный туризм, путешествия станут *потребностью* быта, потребностью требующей удовлетворения, после того как другие потребности общества и его членов в основном удовлетворены. Как мы увидим в одном из следующих разделов, в большинстве стран Европы такой переход отдыха в форме международного туризма в категорию потребности основной массы граждан уже произошел.

Однако при переходе к рассмотрению валютных проблем международного туризма в условиях СССР можно обнаружить, что здесь все аспекты этих проблем выглядят совсем иначе и имеют совсем иные предпосылки.

В классическом, обычном виде, в каком валютная

проблема международного туризма выступает перед Англией, США, Бельгией, ФРГ и другими промышленными странами с высоким экономическим уровнем населения, но с отрицательным туристским балансом, в этом виде для СССР валютная проблема даже не стоит. При том богатстве природными ресурсами, территорией, лесами, озерами, морями, охотой, рыбной ловлей, разнообразием климатических зон, горами, могучими реками, традициями культуры, памятниками старины и искусства, музеями и промежуточным расположением на путях между Западом и Востоком, у *СССР туристический баланс раньше, сейчас и в будущем во веки веков может быть только положительным.* При *нормальной* организации дела к нам всегда из Европы и Азии будет приезжать больше людей, чем при полностью открытой границе сможет выезжать в туристические поездки граждан нашей страны. Это элементарно и не требует особых доказательств. Это ясно каждому.

Но может быть, сдерживая выезд своих граждан и поощряя приезд иностранцев, мы стремимся к еще большей экономической выгоде? К сожалению, это отнюдь не так. Туризм, как и всякий серьезный бизнес международного характера, невозможен при полной стихийности. Он должен быть организован. Нужны маршруты, авто-кемпинги, отели, дороги, указатели, литература, гиды, переводчики, рестораны. Нужен особый специализированный туристический сервис. Даже самый внешне «дикий» международный автотуризм не может избежать управления и организации, особенно в нынешнее время, когда значительные участки территорий любых стран закрыты для въезда не только иностранцев, но и своих собственных граждан. Турист должен поэтому знать, даже если он «дикий», какой дорогой можно следовать и какой нельзя, где можно фотографировать и где нет, где дозволено разбить ночной лагерь и т. д. Весь этот сервис обеспечивается особыми специализированными туристическими

фирмами, и, независимо от того, купил турист или нет свой тур в целом, за отдельные виды сервиса он должен платить в той или иной форме. Поэтому без туристических фирм и агентств международный туризм в современном объеме обойтись не может, он превратился бы в хаос и бродяжничество. Этих фирм и агентств, больших и малых сейчас в мире больше десятка тысяч, только в Италии их более 1000. И в СССР есть одна такая фирма, очень большая и разветвленная — «Интурист», полный монополист в международном туризме в нашей стране.

И вот здесь то мы подходим к весьма важному вопросу о причинах развития туризма наших советских граждан, начиная с 1956 г. К этому времени стало ясно, что туризм в современном мире — это важнейшая статья поступлений иностранной валюты, это отрасль промышленности, развивать которую у себя мы обязательно должны. Тем более, что все большее и большее число людей из-за рубежа желали к нам приехать. Было ясно, что и для СССР туризм извне исключительно экономически выгоден. Весь мир начал путешествовать и мы не могли без серьезной потери престижа оставлять свои границы закрытыми для широкого туризма из других стран. Нужно было ликвидировать внешний политический и финансовый барьер для приезда иностранцев в СССР не по делу, не по приглашениям, а по их собственному желанию. Внешний финансовый барьер, о котором я скажу несколько дальше, представлял собой неимоверно дорогую стоимость поездки в СССР для иностранца, созданную абсолютно произвольным обменным курсом рубля до 1956 г. Но развивать туризм из-за границы в СССР можно было лишь на основе взаимности, на основе деловых соглашений с иностранными туристическими фирмами. Здесь существует обязательный принцип взаимности. Это строгое международное правило. Такой же принцип существует, например, и в создании между-

народных авиалиний. Если «Аэрофлот» хочет установить исключительно выгодные для него транзитные международные авиалинии в Индию, Пакистан, Японию (европейцам короче и дешевле лететь в Азию через СССР), то он может сделать это только на основе соглашений с авиакомпаниями этих стран, по которым половина рейсов должна обслуживаться самолетами этих стран. Иными словами, половина дохода от эксплуатации авиалиний, большая часть которых пролегает над СССР, должна получаться иностранным партнером «Аэрофлота». На иных условиях сотрудничать с «Аэрофлотом» никто не будет.

Такая же ситуация существует и в международном туризме. Иностранные туристические фирмы будут обслуживать своих граждан в организации туристических поездок в СССР и разрешат «Интуристу» иметь на территории своих стран представительства и отделения, только в том случае, если «Интурист» обеспечит им обслуживание советских туристов в их странах. «Интурист» обслуживает, например, чехословацких туристов в СССР, но предоставляет чехословацкой тоже монопольной фирме «Чедок» право на обслуживание советских туристов в ЧССР. «Чедок» обеспечивает «Интуристу» доход за счет чехословацких туристов только в том случае, если «Интурист» обеспечивает «Чедоку» доход за счет советских туристов. Такого же рода соглашения необходимы и с фирмами капиталистических стран. Тут, конечно, не обязательно вести обмен туристами в эквивалентных количествах, столько-то туда и столько же точно обратно. Это невозможно в большинстве случаев по многим причинам. Но прекратить полностью или существенно уменьшать организованный выезд граждан СССР — туристов в страну, с которой существуют такие договоры, мы не вправе без неизбежности такого же снижения обратного туризма. Таким образом мы можем собирать иностранную валюту за счет внешнего туризма только в том случае, если какая-

то часть, по-видимому, не меньше половины ее будет возвращаться обратно в форме советского туризма в эти страны. Я не ручаюсь за точность допускаемой здесь пропорции «дележа» доходов, он может быть различным в случае разных стран-партнеров. *Но совершенно ясно, что СССР может увеличивать свой валютный доход, может расширить приток иностранной валюты по данному каналу, не путем снижения числа выездов советских граждан за рубеж, с одновременным увеличением приезда в СССР иностранных граждан, а исключительно за счет роста общего объема обменных путешествий, с неизбежным положительным балансом в свою пользу.*

Мы видим, таким образом, что объяснение ограничений, существующих для выезда сколь-либо больших групп советских граждан за границу, особенно в страны со свободно конвертируемой валютой, необходимостью экономить валюту, расходуемую на оплату поездок иностранным фирмам (в обмен, конечно, на оплату поездки самим туристом в рублях), является совершенно произвольной отговоркой. *Практически мы искусственно ограничиваем взаимный туризм и из совершенно других, очевидно предрассудочных политических соображений, лишаем нашу страну важнейшего и весьма значительного источника поступления иностранной валюты.*

На протяжении последних 15 лет, в связи с неуклонным расширением технических и экономических связей с иностранными государствами, в связи с возрастающим объемом закупок средств производства и потребления за границей, и что совершенно необычно, основных продуктов питания (пшеница, масло, мясо, фрукты умеренного климата), покупаемых в больших количествах в капиталистических странах, потребности Советского Союза в притоке иностранной валюты постоянно растут. Можно привести много примеров неразумного расходования валюты и не только в народном хозяйстве, но и в науке. Огромное множество закупленных за границей

приборов валяется в учреждениях и институтах без должного использования и технического обслуживания, или не эксплуатируется из-за недостатка запасных частей. Но это совсем другая проблема. Даже при самой разумной и жесткой экономии валюты и золотых запасов страны, при тщательном анализе целесообразности тех или иных закупок за рубежом, все же очевидно, что научно-техническая интеграция в современном мире требует от СССР с каждым годом все большего и большего объема валютных расходов. Следовательно, должен быть обеспечен и приток валюты всеми доступными средствами. Опыт многих стран показывает, что туризм — это важнейшая статья валютного баланса. Даже такая экономически развитая страна, как Франция, обеспечивает за счет туризма *половину* всех своих валютных доходов. Что же касается маленьких стран, таких как Иордания, Португалия, Норвегия, или даже больших, промышленно не сильно развитых, но географически привлекательных (Испания), то здесь иностранный туризм приносит в некоторые годы до 80-90% всех валютных доходов. Число туристов из-за рубежа в Норвегию в 1967 г. почти сравнялось с числом жителей этой страны и вдвое превысило число иностранных туристов в СССР (по данным «Бюллетеня туристской информации»).

Естественно, что Советский Союз рано или поздно должен был ликвидировать ту очень и очень дорогую и обременительную изоляцию страны от внешнего мира, которая была создана при Сталине. Изоляция СССР от внешнего мира, отнюдь не связанная с какими-то угрозами извне, начала, как мы уже отмечали, создаваться в 1929-1930 гг. До 1929 г. поездка за рубеж гражданина СССР не ограждалась системой политических и юридических запретов. Относительно процветал и туризм в СССР, в то время ограниченный во всем мире верхними буржуазными слоями общества. Отдыхали в заграничных путешествиях только богатые люди. Мы все помним

психологию международного туризма того времени по детским стихам «... Мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер, миллионер, владелец заводов, домов, пароходов, решил на досуге объехать мир...» В Советском Союзе самым дорогим выигрышем в лотереях были тогда не автомобили, а кругосветные путешествия.

В 1929 г. эта обстановка была резко изменена. Поскольку поездками за границу интересовались в тот период лишь более обеспеченные слои общества, которые в это время как раз и уничтожались, то ликвидация права выезда, с одновременным ограничением въезда из-за рубежа разных мистеров-твистеров прошла незамеченной. Вместе с тем была введена самая строгая система отбора кандидатов для служебных поездок за границу. Эта система последовала за докладом С. Орджоникидзе 3 июля 1930 г. на XVI Съезде ВКП(б). Серго Орджоникидзе в своем докладе Съезду очень остро поставил вопрос о большом числе «невозвращенцев» из числа работников торговых и дипломатических представительств за рубежом, отметив, что число «невозвращенцев», среди которых почти четверть составляли члены ВКП(б), растет по годам, с 26 человек за 1927 г. до 43 только за первое полугодие 1930 г. (См. Стенографический отчет XVI Съезда ВКП(б), Госиздат, 1930). Эти цифры вызвали возмущение Съезда. Из президиума и с мест доклад Орджоникидзе прерывался репликами «... Нужно посылать за границу только рабочих от станка...», крикнула тов. Землячка и система отбора кандидатов для работы за границей была отменена.

Изоляция с годами все прогрессировала, так же как прогрессировал и «культ личности». И эта изоляция была исключительно убыточной экономически. Убытки эти имели не только косвенный характер (неиспользование возможностей дохода), но и прямой. Изоляция столь огромного государства от внешнего мира — это неимоверной дороговизны дело. Ни одно государство

никогда не несло и не несет столь большого экономического бремени, которое нес и отчасти несет и по сей день Советский Союз по охране своего населения от внешнего мира с помощью тотальной пограничной служебной и технической охраны, защиты «эфира» от зарубежных передач, почтовой «таможенной» цензуры и массы прочих средств и способов. И одну из главных функций в этой изоляции, также весьма убыточную для бюджета, сыграл изобретенный Сталиным *«валютный барьер», работавший в обе стороны.* Хрущев, встав перед валютными проблемами, сначала попытался изменить характер «валютного барьера», превратив его в «валютный клапан», открывающийся извне, но закрытый изнутри. Однако оказалось, что в таком деле система «клапана» не эффективна. С этого периода и начался медленный, на первых порах экспериментальный *взаимный* туризм. Но пока процесс этот в самом начале и устойчивости в его развитии еще нет.

В чем же на самом деле состоял созданный Сталиным «валютный барьер» и какова была механика его действия? Я не финансист и не экономист, но надеюсь, что некоторые факты и соображения, которые я приведу ниже, соответствуют реальной ситуации в прошлом и теперь. При этом я не буду рассматривать довоенный период, а остановлюсь на ситуации, созданной денежной реформой 1947 г. До войны СССР был единственной социалистической страной в мире и поэтому меры изоляции, экономически, конечно, весьма убыточные и политически вредные, все же имели какие-то психологические предпосылки, субъективные корни, базировались на каких-то реальных предрассудках. После войны, когда СССР стал центром группы социалистических стран, стал в центре мировой политики, стал одним из создателей ООН, членом большой пятерки великих держав, субъективные предпосылки международной изоляции исчезли.

В 1947 г., при осуществлении давно назревшей денежной реформы, был установлен жесткий, но абсо-

лютно нереальный золотой курс советского рубля. Один грамм золота стоил по официальному курсу 4 рубля. Соответственно 1 доллар обменивался на 4 рубля. В то же время даже официальная продажа золотых изделий населению в государственной торговле (кольца, брошки, корпуса часов и т. д.) оценивала грамм золота в 70-80 рублей, то есть в 20 раз выше официального золотого курса. По доллару была определена и обменная ценность других твердых валют. Курсы валют стран народной демократии были несколько лучше, но все же резко измененными в пользу рубля.

В то же время естественно, что покупательная способность доллара и 4 рублей, соответствоваших ему по курсу, резко различались, причем в пользу доллара. Поскольку на доллары внутри СССР никто ничего не покупал, то никто такой разницы и не замечал, но реально она существовала. Очень активно пользовались этим курсом для контрпропаганды журналы «Британский Союзник» и «Америка», тогда еще свободно распространявшиеся в Москве (Их выход был прекращен с 1949 г.). Они часто сравнивали цены товаров в рублях, долларах и фунтах и демонстрировали, что различные вещи в США и Англии стоят во много раз дешевле, чем в СССР.

Что же касается международной торговли, то столь нереальный обменный курс рубля по отношению к иностранным валютам создавал особую ситуацию. Вести расчеты в рублях было невозможно. В результате этого сразу появились две разные советские валюты, простые рубли и золотые (инвалютные) рубли. Соответственно появились у каждого экспортно-импортного товара две цены, в рублях и в инвалютных рублях. Какой-нибудь товар (мука, ткань, костюм, нефть, бумага и т. д.) мог стоить за определенное количество или число единиц, например, 1200 обычных рублей и 95 золотых, инвалютных рублей. По первой цене он шел на внутреннем рынке, по второй на международном рынке. Но золотые,

инвалютные рубли были все же символическими, они не были представлены какими-либо особыми денежными знаками.

Но при такой ситуации иностранец, приезжавший в СССР, при обмене своих долларов или фунтов на рубли, получал не символические «золотые» рубли, а обычные рублевые бумажки, которыми расплачивались за товары в магазинах и советские граждане. Получалась своеобразная картина. Если бы иностранец захотел купить какие-либо товары советского производства у себя на родине, то он платил за них, допустим, 100 долларов. Если же он пожелал сделать ту же покупку, приехав в СССР, то ему следовало заплатить за нее в 10-15 раз дороже. В других странах товары на месте их производства всегда стоят дешевле, в нашем случае все обстояло совсем наоборот и в весьма значительной степени.

В результате подобной системы поездка в СССР обходилась туристам и бизнесменам в несколько раз дороже, чем в любую другую страну. Визит в СССР для иностранца был возможен, но для этого нужно было быть очень богатым человеком. В то же время невозможно было устроить в СССР какое-либо серьезное международное совещание, конференцию, конгресс. Поездка в нашу страну для научных работников была недоступна. И если Академия Наук или другое ведомство решало устроить то или иное совещание на международной основе, то всех приглашаемых иностранцев необходимо было оплачивать полностью за счет СССР. Международное сотрудничество стало очень убыточным для страны. Сейчас международные конгрессы и конференции, проводимые в СССР международными ассоциациями, приносят Советскому Союзу большой валютный доход и приезд иностранных ученых в СССР обеспечивается через «Интурист». После же 1947 г., в течение многих лет на оплату иностранцев для любых конференций, иногда проводившихся в СССР для под-

держания престижа, планировались и отпускались ведомствам огромные суммы. Произвольный обменный курс рубля был поводом для постоянной критики со стороны иностранцев, но он тем не менее существовал и как раз и выполнял роль *валютного барьера,* препятствовавшего сколь либо заметному приезду в СССР иностранных граждан, не говоря уже о туристах. Этот барьер удерживал иностранцев вдали от границ СССР лучше любого «железного занавеса».

Но система «валютного барьера» действовала и в обратном направлении. Она серьезно препятствовала и выездам за границу советских граждан, но уже по другой причине. Иностранцы рассматривали существовавший обменный курс рубля, как грабительский. Но когда гражданин СССР должен был ехать за рубеж, то ему нужно было поменять рубли на доллары или фунты, причем по официальному курсу. Но такая операция была крайне невыгодна уже самому нашему государству. Взамен 4-х бумажных рублей гражданин СССР должен был получить от Министерства финансов через Госбанк СССР один реальный доллар. Двухнедельные командировочные, которые в условиях СССР, имели бы незначительную реальную стоимость, при поездке за границу оборачивались огромной суммой в смысле покупательной стоимости, увеличивающейся в 10-20 раз после обмена рублей на иностранную валюту Госбанк СССР, естественно, не хотел продавать советским гражданам иностранную валюту по столь низкой цене, хотя это был его собственный курс. Это и приводило к строжайшему лимитированию подобных операций, к воплям о необходимости экономии валюты. И можно было понять наших финансистов. Насколько была дорогостоящей и невыгодной для иностранца поездка в СССР, настолько же была дорогостоящей для Советского Союза поездка советского гражданина за границу. Но для самого этого гражданина она была весьма и весьма выгодной и интерес к получению заграничных команди-

ровок быстро возрастал. Таким образом, очевидно, что т. н. «валютный барьер», в ущерб экономическим интересам государства, был создан специально для торможения туристического и гражданского обмена. В международной торговле произвольный курс рубля не давал нашей стране абсолютно никаких преимуществ и выгод. Все равно приходилось пересчитывать все цены за покупаемые товары в золото или в доллары и за рубли никто нам ничего не продавал. Более того, произвольный курс приводил к полному подрыву доверия к рублям на международном рынке. Даже, когда в 1950 г. Мао Цзе-дун подписывал в Москве соглашение о кредите для Китая, он попросил этот кредит в долларах, хотя речь шла о кредитных поставках советских товаров. Китаю был предоставлен очень скромный кредит в 300 миллионов долларов, их у нас самых было немного. Но получить даже многомиллиардный кредит в рублях Китаю было невыгодно, ведь отдавать нужно было китайскими товарами с пересчетом их стоимости по международным ценам. Оценив свой рубль слишком дорого, мы несли неисчислимые экономические убытки, но зато создавали прочную валютную изоляцию советского общества. При этом Сталин рассчитывал, что в стране хватит золота для покупки необходимых товаров за рубежом для государственных нужд. Кстати, следует отметить, что золотой запас страны, размеры которого обычно засекречены, не мог быть в то время значительным. Война требовала больших валютных расходов. На покупки вооружения в США и Англии расходовались большие количества золота. США за период войны почти удвоили свой золотой запас, главным образом за счет поступления золота из Советского Союза.

Но подобная ситуация не могла продолжаться вечно. Нельзя было в угоду политическим соображениям лишать страну простого и легко доступного валютного дохода, тем более, что валютные потребности страны по-

стоянно росли. Когда после смерти Сталина выяснилось, что мы отстаем от многих стран по самым разнообразным отраслям промышленности и по техническому уровню, был взят курс на техническую реконструкцию, на введение в народное хозяйство СССР передовых технических достижений других стран. Требовалось закупать за границей множество предприятий и заводов химической технологии, синтетических тканей, легкой промышленности и т. д., образцы машин и приборов и просто большие партии потребительских товаров. Туризм, как самый быстрый и простой путь получения иностранной валюты сразу обратил на себя внимание.

Однако ни одна туристическая фирма не хотела заключать контрактов с «Интуристом» СССР, мотивируя это несправедливым курсом рубля. В итоге, как и следовало ожидать, Советская сторона пошла на неофициальную девальвацию рубля по отношению к иностранным валютам. С 1956 г. Госбанк СССР принял особый, так называемый «туристический курс» рубля. В газете «Известия», периодически печатающей таблицу обменного курса рубля по отношению к основным валютам мира, все еще стояло старое соотношение: 4 рубля за 1 доллар, но приезжающим в СССР иностранным гражданам Госбанк СССР менял 1 доллар на 10 рублей. Такой же туристский курс устанавливался и для других «твердых» иностранных валют. Была проведена несколько меньшая девальвация рубля и по отношению к валютам социалистических стран. Но обратный обмен рублей на иностранную валюту при выездах за рубеж советских граждан остался прежним, хотя менять советским туристам и командировочным разрешали значительно меньшие суммы. Таким образом высокие инстанции стремились создать «систему клапана», поощряющую въезд, но не выезд.

Если раньше существовало двойственное положение рубля по отношению к иностранным валютам, то теперь, после введения «туристического курса», оно стало трой-

ственным. «Туристический курс» все равно был невыравненным на международные цены, он был недостаточно справедливым. Обмен валюты по этому курсу производился только в системе «Интуриста», иностранец просто пришедший в Госбанк СССР, чтобы поменять доллары, получал все те же 4 рубля за доллар. Возникла абсолютная неразбериха. Если, например, иностранец покупал поездку в СССР у туристической фирмы у себя в стране, скажем, за доллары, то один обед по расчету стоил ему примерно 1 доллар. Но получить его он мог лишь в особых интуристовских ресторанах по купонам. Тот же обед по «туристскому» курсу, после обмена в СССР части долларов (вдруг не оказалось поблизости интуристского ресторана, а есть хочется), обходился ему уже в 3 доллара. Но если он не успел обменять по туристскому курсу, голод усиливается, а поблизости лишь Госбанк или его отделения, где меняют доллары по таблице в «Известиях», то тот же самый обед требовал 7 с половиной долларов, сумму феноменальную с точки зрения любой европейской страны. (Мы говорим здесь о простом, каждодневном обеде туриста). Долго такая система существовать, конечно, не могла. Нужно было проводить официальную девальвацию рубля и значительную. Но этого не решались делать по соображениям престижа, ведь девальвация всегда, по нашим взглядам, означала экономическую несостоятельность. Наконец какому-то умному финансисту в 1961 г. пришла в голову спасительная мысль. Он придумал произвести девальвацию под прикрытием дефляции рубля. Хрущев быстро понял ценность предложения и осуществил новую денежную реформу, тем более, что она давала возможность постепенного незаметного повышения цен на некоторые товары. Механизм реформы был простым. Осуществлялась девальвация рубля в 2 с половиной раза, то есть примерно по туристическому курсу. Но вместе с тем осуществлялась и дефляция рубля, все старые рубли менялись на новые по соотношению 10 : 1 и все цены

снижались в 10 раз. Раньше 1 доллар обменивался на 4 рубля и 1 грамм золота стоил тоже 4 рубля. Теперь после дефляции один доллар обменивался по официальному курсу на 90 копеек, но и грамм золота тоже стоило 90 копеек. Газеты справедливо писали об увеличении золотого содержания рубля, раньше 1 рубль соответствовал 0,25 грамм золота, с 1961 г. 1 рубль соответствовал уже 1,1 грамма золота. Но никто не обращал особого внимания на то, что это был вообще уже совсем другой рубль, что и зарплата всех граждан СССР была уменьшена в 10 раз. Одновременно дефляция преследовала и другую цель, после нее символического подкрепления золотым запасом требовало в 10 раз меньше бумажных денег, находящихся в обращении. Несмотря на обмен денег в соотношении 10 : 1, Билетами Государственного Банка СССР были денежные знаки нового выпуска, начиная с 10 рублей. Денежные знаки меньше 10 рублей остались казначейскими билетами, не обеспечиваемыми золотом. То же самое было и до денежной реформы, с той разницей, что новые 10 рублей соответствовали старым 100 рублям. Старые 50, 30 и 10 рублей, бывшие Билетами Госбанка, стали казначейскими билетами.

Но в целом вся реформа была экономически весьма полезной и нужной, и она оказала и оказывает положительное влияние на экономику страны. Полезной была и девальвация советских денег по отношению к иностранной валюте. Она упростила туризм в СССР и, что еще важнее, уменьшила валютный барьер для выезда советских граждан за границу. Каждый отдельный индивид, отправлявшийся за границу в командировку или для туризма, получал за ту же сумму в рублях много меньшую сумму валюты и для него цена поездки возросла. Но за ту же общую сумму валюты могло поехать за рубеж почти вдвое больше советских граждан.

Однако и новый курс, как оказалось, не являлся достаточно справедливым и адекватным сравнительной

покупательной стоимости разных валют. Достаточно указать, что когда в 1964 г. государство в связи с расходом больших количеств золота на закупки пшеницы в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, США, ФРГ, чтобы избежать голода из-за неурожайного лета 1963 г., начало закупки золота и золотых изделий у населения через специальные скупочные пункты, цена на скупаемое золото была около 4-5 рублей за грамм, то есть на 400% выше, чем по официальному курсу.

«Валютный барьер» уменьшился, но все же остался, и опять двусторонний. Поездка в СССР для иностранных граждан все равно оставалась слишком дорогим удовольствием, особенно для средних слоев. А между тем во всех странах принимались энергичные меры по поощрению международного туризма. Валютные же доходы «Интуриста» оставались невысокими и «планы» по сбору валюты из года в год не выполнялись. Стало очевидным, что новая девальвация рубля по отношению к иностранным валютам неизбежна, ибо прежнее двойственное положение рубля (простые рубли и инвалютные, «золотые») сохранилось.

В начале 1965 г. эта девальвация и была осуществлена, но опять, как и во времена введения «туристского» курса, неофициально. Был использован все тот же способ «клапана», чтобы привлечь иностранных туристов в СССР, без эквивалентного увеличения советского туризма за рубеж. Новая девальвация была проведена в форме введения в обращение совсем особой валюты, так называемых *«сертификатов»*. Кроме того, в Москве и в других крупных и курортных городах, доступных для иностранных туристов, были открыты специальные магазины и киоски фирмы «Березка» и Внешпосылторга, в которых товары советского и импортного производства продавались за иностранную твердую валюту (доллары, фунты, западные немецкие марки, гульдены, кроны и т. д.) и за «сертификаты» Внешпосылторга и чеки Внешторгбанка СССР по резко сниженным «благо-

приятным» ценам. На новом уровне были восстановлены НЭПовские «Торгсины». (На Украине фирма «Березка» выступает под названием «Каштан»). В Москве есть двухэтажный универмаг фирмы «Березка», валютный продовольственный магазин, более 10 больших специализированных магазинов и валютные рестораны при гостиницах.

Сущность нововведения состояла в том, что цены в этих магазинах в 3-5 раз меньшие, чем в обычной торговле для рядовых советских граждан, а качество и ассортимент товаров и качество обслуживания намного лучше. Теперь иностранец, приехавший в СССР, может не обменивать свои деньги по официальному невыгодному курсу, а тратить их без всякого обмена, пользуясь льготными ценами, которые в ряде случаев даже ниже, чем те, которые из-за разных пошлин существуют в его собственной стране. Некоторые вещи в Москве сейчас вообще можно купить только за иностранную валюту и «сертификаты» Внешпосылторга. Даже такие традиционные русские товары, как черная и красная икра.

Жизнь в СССР для иностранцев стала после 1965 г. в три-четыре раза дешевле, чем раньше, и это несомненно стимулировало иностранный туризм в СССР. Новые магазины «Березка» сделали поездку в СССР иногда даже выгодной. Икру в Москве можно купить в 4-5 раз дешевле, чем в Лондоне, фотоаппараты тоже в 2-3 раза дешевле, даже шотландское виски вдвое дешевле в Москве, чем в Шотландии, где цены на алкоголь очень большие из-за особых налогов, действующих только на территории Великобритании.

Но фирмы «Березка» и «Внешпосылторг», открыв в СССР всю эту торговлю, взяли на себя еще одну очень полезную функцию, способствующую экономии валюты. Мы имеем в виду возвращение в СССР части валютных заработков граждан СССР, работающих за границей.

В настоящее время многие тысячи советских граждан работают за рубежом, выполняя различные договорные проекты. Тысячи людей, инженеров, экскаваторщиков, бетонщиков и других рабочих трудятся на строительстве Асуанской плотины в ОАР. Сотни специалистов и рабочих создают металлургический комплекс в Индии. Сотни и тысячи рабочих и технических специалистов работают в Ираке, Сирии, Бирме, Алжире, в африканских странах. Много советских экспертов выполняет определенные функции в ЮНЕСКО, в МАГАТЕ, в ООН, в различных других международных организациях. Сотни корреспондентов, командированных, стажеров работают в разных странах. Дипломаты, работники торгпредств, авиакомпаний, моряки международных линий — все они получают свою зарплату в иностранной валюте. Раньше они всю эту валюту расходовали за границей на приобретение различных товаров и возвращались домой, обвешанные чемоданами с различными заграничными вещами. Существовало правило, по которому оставшуюся неизрасходованной иностранную валюту следовало полностью сдавать безвозмездно по возвращении домой. Поэтому каждый стремился, чтобы валюты не оставалось.

Теперь положение изменилось. Этим «загранработникам» разрешено иметь и привозить в СССР валюту. Вместо изымания ее, она обменивается на сертификаты в СССР или в посольствах, или же используется без обмена в валютных магазинах. На эти сертификаты товары в СССР продаются по международным ценам, а часто и ниже, что делает более выгодным купить какой-либо товар по приезде домой, чем везти его откуда-то из Бельгии или США, оплачивая лишний груз.

Кроме того, советским «загранработникам» при такой системе использования валюты не нужно платить таможенных пошлин, весьма высоких для некоторых товаров (например, для автомашин). Они могут покупать и те товары, которые раньше из-за невозможности везти их с собой не приобретались (мебель), а также

квартиры (стоимость квадратного метра за валюту в 3-4 раза ниже, чем за рубли).

С точки зрения экономической эта торговля приносит, по-видимому, определенную пользу, во всяком случае увеличивает валютный доход государства. Но с моральной точки зрения ее закрытый характер и необыкновенно низкие цены на дефицитные товары наносят ущерб идеологического характера. Вздутость цен на множество товаров в обычной торговле и несовершенство советской валютной системы становятся очевидными для всех, кто знаком с торговлей по сертификатам. Кроме того, само существование «шикарных» закрытых магазинов вызывает определенное недовольство тех, кого в эти магазины не впускают. Но информация о валютно-сертификатной торговле постепенно становится известной широкому кругу людей. В гостиницах на столиках лежат рекламы фирм «Березка» и «Внешпосылторга», их «Информационные бюллетени», зазывающие иностранцев (на английском, немецком и прочих языках), а также и советских «загранработников» (на русском). На многих из этих реклам проставлены цены в сертификатных рублях или долларах. Автомобиль «Волга» стоит 1130 сертификатных рублей (в обычной торговле он стоит 5600 рублей), автомобиль «Москвич» стоит 880 сертификатных рублей (обычных рублей за него нужно уплатить 4500), костюм, который стоит в нормальной торговой сети 130 рублей, за сертификаты продается в 5 раз дешевле, плащ «Болонья» стоит 7 сертификатных рублей и 60 обычных (эта разница широко используется студентами-иностранцами для спекуляции), радиоприемники, телевизоры, фотоаппараты и т. д. все это за сертификаты имеет в три-четыре раза меньшую стоимость. В Москве сейчас существуют более 20 таких магазинов и киосков. Реклама товаров проводится по западному образцу, вежливо, информативно, красивыми проспектами.

Вот лежит передо мною один из красивых, с иллю-

страциями «Бюллетеней» «Внешпосылторга» № 14. Читаю:

> «В/О «Внешпосылторг» доводит до сведения всех советских загранработников, что в Москве в мебельном магазине «Березка» № 20, ул. 1812 г., д. 12, имеется большой выбор мебели иностранного и отечественного производства. Мебель поступает из Чехословакии, ГДР, Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, Финляндии. Кроме мебели этих стран, в настоящее время в магазине имеются в достаточном количестве английские кровати и диван-кровати и кресла английской фирмы «Слумберланд». Эта фирма особенно известна своими кроватями — комфортабельными и долговечными...»

Далее идет более подробное описание конструкции кроватей и цен на них. Указаны адреса магазинов мебели «Березка» в других городах.

И далее крупным шрифтом реклама:

«ПРИОБРЕТАЙТЕ СЕРТИФИКАТЫ
ВНЕШПОСЫЛТОРГА

На сертификаты вы можете купить
в специально открытых в СССР
и хорошо оборудованных магазинах
по благоприятным ценам товары,
которые вас интересуют».

«ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ
НАШЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЭТО УДОБНО И ВЫГОДНО».

Такше рекламы распространяются через посольства, «Интурист», выдаются отъезжающим за границу. Их множество, на самые разные товары, продовольственные, электробытовые, телевизоры, одежду и все прочее.

Но и «загранработники» не равны перед лицом этой торговли; ведь не всякая валюта равноценна. «Информационные бюллетени», рекламирующие всякие транзисторы, магнитофоны, автомобили объявляют: ... *про-*

дажа производится на сертификаты без отличительной полосы». Что сие значит?

Сертификаты без полосы выдаются на свободно конвертируемую (твердую) валюту, доллары, фунты, гульдены, франки и т. д. Валюта экономически менее развитых стран (ОАР, Исландия, Финляндия, Индия и т. д.), но с капиталистической экономикой, обменивается на сертификаты с *желтой* полосой. С такой полосой вход в большинство магазинов «Внешпосылторга» закрыт. Сертификаты с *синей* полосой получают в обмен на валюту европейских социалистических стран, польские «злотые», чехословацкие «кроны» и т. д. Синяя полоса самая бедная, с нею можно придти только в два магазина, да еще в очереди постоять и купить лишь предметы одежды. За «желтые» сертификаты можно купить и технические изделия, но советского, а не импортного производства.

Сертификатно-валютные магазины зашторивают свои витрины: зачем простым гражданам видеть столь соблазнительные товары, за которыми в других местах занимают очередь с ночи, или ждут их по спискам много недель, или вообще никогда не встречают. На больших витриных стеклах магазинов занавеси фирмы «Березка» и надписи на иностранных языках. В дверях «швейцары». Наметанным взором осматривает швейцар каждого подходящего к дверям. Иностранцев он узнает сразу и вежливо распахивает двери. Но с советскими гражданами обращаются иначе. «... вам куда, у вас есть валюта?», «Нет». «Тогда проходите мимо, не загораживайте проход» и бесцеремонно преграждает путь. «... У вас сертификаты? Покажите! С желтой полосой... Здесь с желтой и синей нельзя, здесь только бесполосные. С желтой пройдите на Профсоюзную улицу».

Подходишь к такому магазину на Ленинском проспекте, возле универмага «Москва», запасшись десятицентовой монеткой из коллекции сына. Стандартный вопрос «У вас есть валюта?..» Не говоря лишних слов,

показываешь стражу центовик вместо пропуска, и он вежливо распахивает двери. Очередей нет, ласковые предупредительные продавцы, полный выбор любых товаров. Покупают в основном жены «загранработников» и иностранцы.

Итак выход для одностороннего привлечения иностранцев без новой девальвации рубля был найден. Нетрудно подсчитать, что после введения в СССР легальной валютной государственной торговли по сниженным ценам, покупательная способность иностранных конвертируемых валют выросла с 1947 г. в 9-10 раз! И это по отношению к советской валюте, без учета нескольких снижений цен в период 1948-1953 гг., одинаково отражавшихся на покупательной способности как отечественной, так и иностранной валюты.

Валютный барьер для иностранцев этим был практически ликвидирован, но такой же барьер для советских граждан остался, сохранился, несмотря на его явную экономическую вредность, несмотря на то, что он ставит «загранработников» в привилегированное экономическое положение за счет остальной части населения. В последнее время однако, эти привилегии были уменьшены, но не нормальным путем упорядочения валютного обмена, а введением «валютного оброка». Теперь все «загранработники», получающие зарплату по договорам с иностранными фирмами, по линии международных организаций, от приглашающей организации и т. д., имеют право считать своими не более 8-11 долларов в сутки, за вычетом «квартирных». Остальную валюту следует безвозмездно сдавать в посольства или по возвращении. А если не сдал — плати штраф в десятикратном размере советскими рублями.

Вся эта исключительно сложная система, как мне кажется, зашла в тупик и требует иных решений. Наиболее разумное из них — это снижение искусственно поднятых цен на некоторые товары и новая девальвация рубля примерно вдвое (с учетом того, что цены на про-

довольственные товары в СССР находятся на уровне среднеевропейских, а некоторые виды услуг, транспорт, связь, квартиры — ниже европейских и американских). Было бы разумно и политически исключительно важно сделать советские деньги твердой мировой валютой, конвертируемой свободно на другие основные валюты мира. Сейчас советские рубли запрещены к вывозу за рубеж и вся советская внешняя торговля базируется на государственных запасах золота и иностранной валюты. Мы выбрасываем на мировой рынок огромные количества золота, укрепляя этим финансовую систему капитализма. Нетрудно подсчитать, что если бы только в последние 5 лет советское золото не поступало на капиталистический рынок, доллар бы не устоял в недавнем финансовом кризисе. Девальвация доллара была неизбежна после снижения золотого запаса США до 10 миллиардов долларов. Он уже снизился с 18 млрд. долларов до 11 млрд. и дальнейшее падение золотого запаса прекратилось. А сколько в этих 11 млрд. бывшего советского золота? По данным перепечатанной в газете «За рубежом» (23-29 февраля 1968 г.) статьи из «Ю. С. Ньюс анд Уорлд Рипорт», издаваемой в Нью-Йорке, в 1965 г. на Лондонский золотой рынок поступило на 500 миллионов долларов советского золота для продажи капиталистическим странам, почти четверть всего поступившего в том году золота в фонды капиталистических стран. В 1963 и 1964 гг. на Лондонском рынке было продано еще больше советского золота, которое Н. Хрущев лихорадочно выбрасывал в капиталистический мир, чтобы прикрыть покупным хлебом результаты своих печальных авантюр в сельском хозяйстве. В конце 1963 г. только за несколько дней в Лондоне было продано 400 тонн советского золота (см. статью «Золотые потоки мира», «За рубежом», № 6, 1966). А ведь среднегодовая продажа золота на Лондонском рынке — 730 тонн, и это $^3/_4$ мировой продажи золота. Всего за 5 лет (1961-1965) СССР продал на международном капиталистическом рынке около 2500 тонн золота. В 1966 г.

СССР золото на мировом рынке не продавал, очевидно не так много его осталось в золотом запасе страны, размеры которого никому не известны. Но уже по тому, что были в 1966 году проданы некоторые ценности бывшей царской казны из Оружейной палаты и Эрмитажа можно придти к выводу, что эти запасы не безграничны, несмотря на энергичную добычу. (По предположениям западных экспертов среднегодовая добыча золота в СССР равна 200 тоннам).

Экономические преимущества перехода на конвертируемость валюты для промышленно развитой страны очень велики. В этом случае для покупок за рубежом может использоваться не только золото, но и собственная валюта, обеспечиваемая товарами. Сейчас СССР покупает за рубежом только на золото и иностранную валюту и это резко ограничивает наши международные возможности, заставляет отказываться от многих международных проектов, наращивать долги по международным платежам (даже по взносам в ООН), резко уменьшает объем поездок советских граждан за рубеж, возможности нашей помощи другим странам и вообще нашу политическую и экономическую деятельность в международном плане. Для того, чтобы иметь конвертируемую валюту не обязательно подкреплять всю ее золотым запасом, кажется только четверть или меньше, от массы денег, находящихся в обороте. Общий же объем всех мировых операций за год при 10 миллиардном золотом запасе может достигать десятков миллиардов долларов. США оперируют на мировом рынке своими долларами, теми, которые в ходу и внутри страны. Они оперируют десятками миллиардов долларов. Повторяю, что я не финансист и может быть говорю чепуху. Но мне очень странно, что и мы, золотодобывающая, экономически развитая великая страна, тоже *в основном оперируем на мировом рынке долларами,* частично английскими фунтами. Долларами американского происхождения. Старая, бедная Россия при

царях имела собственную мировую валюту при меньшем золотом запасе, или во всяком случае при меньшем производстве и добыче золота. СССР всячески добывает для своей экономики американскую и английскую валюты. И все из-за искусственно созданного валютного барьера, из-за нереального курса рубля, по которому ни одна страна с твердой валютой не согласится обменивать рубли.

Соединенные Штаты, расходовавшие огромные количества своей валюты за рубежом для достижения необходимых им политических и экономических целей, пустившись на авантюристическую «эскалацию» войны во Вьетнаме, в итоге подняли сумму расходов своей валюты до столь значительных величин, что даже в этой стране с ее исключительно развитой экономикой возникли финансовые трудности. В течение многих лет США выбрасывали за границу на содержание военных баз, армий в Европе и Азии, военную помощь и т. д. десятки миллиардов долларов. Только война во Вьетнаме уносит ежегодно около 20 милрд. долларов, из которых несколько миллиардов уплывают за пределы США не в виде техники, а в бумажной валюте. В итоге США сейчас оказались в затруднительном положении и принимают меры по ограничению вывоза собственной валюты за рубеж, включая уменьшение на 25% фондов, финансирующих ученых, выезжающих за границу и особый налог на зарубежный туризм, увеличивающий стоимость поездок в Европу (см. «Сайенс», том 159, № 3819, стр. 1080, 1968). Но в США такая ситуация возникла из-за избытка находящейся в мировом обращении собственной американской валюты, долларов США. Но разве не кажется странным, что и СССР, базирующий международное сотрудничество и туризм собственных граждан в капиталистические страны на получаемой им конвертируемой валюте, тоже из-за этого должен вслед за США внести еще новые ограничения в зарубежные поездки к тем, которые существовали.

Даже в СЭВ (Совет экономической взаимопомощи социалистических стран) все цены и балансовые расчеты ведутся в долларах, во всяком случае до конца 1968 г.). Какой-то экономист СЭВ однажды сказал: «... Не знаю, что бы мы делали, если бы не было свободно конвертируемой капиталистической валюты. Исчезла бы основа цен».

Советская валюта несомненно должна занять достойное место в экономической и политической жизни современного мира, но для этого прежде всего нужно ликвидировать «валютный барьер».

6. Государственная граница

Кто любит море, морские берега, кто любит лодочный спорт или яхты, аквалангм, морскую охоту, рыбную ловлю, морские пляжи, кто может быть и не любит всего этого, но просто живет вблизи морских берегов, все они, подумав, могут сообразить, что же в основном отличает советские морские берега от побережий других стран. Хотя очень немногие из них в натуре наблюдали жизнь прибережных зон где-нибудь на Средиземном море, но они очевидно видели приморские ландшафты и берега по итальянским, греческим, французским, английским, американским и прочим фильмам, на открытках, в иллюстрированных журналах.

Я и сам много раз бывал на берегах Черного моря, в районах, где летом собираются миллионы людей, теснящихся на пляжах и в воде. Видел я и Балтийское море, Финский залив. И всегда меня поражала пустынность моря. Я всегда удивлялся, почему море даже в тихую, не штормовую погоду не пестрит сотнями и тысячами лодок, белыми крыльями яхт и яликов, микрокатеров и моторных лодок. Курортные берега других стран всегда виделись мне по кинофильмам и открыткам до отказа заполненными морскими путешественниками на лодках и яхтах, любителями-рыбаками. По утрам сотни и тысячи рыбацких шхун и лодок отправ-

ляются на промысел, скрываются за горизонтом. Почему, думал я, в СССР почти никто не увлекается морским лодочным спортом? Почему даже в Ялте нет яхт-клуба, лодочной станции, базы для индивидуальных маломерных судов? Вся морская панорама по существу чиста, лишь рейсовые катера и теплоходы. Только иногда вблизи самого берега бултыхается санаторный «водный велосипед».

И только недавно я узнал, что все это потому, что вдоль морских берегов, на расстоянии 12 миль от берега проходит невидимая *государственная граница*. Из-за этой границы и запрещено свободное лодочное индивидуальное судоходство вдоль всех берегов Советского Союза, протянувшихся на много тысяч километров.

Но ведь и в других странах вдоль моря проходит граница, иногда даже в трех милях от берега. Почему же там люди могут пользоваться зоной «территориальных вод» и дальше, почему никто не заворачивает их обратно, не запрещает заводить лодок и яхт, не запрещает морских прогулок, морского отдыха, индивидуальной рыбной ловли? Тысячи лодок, парусных яликов и яхт больших и малых видны на рейдах возле любого европейского морского курорта и портового города, множество мелких катеров. Для них оборудованы защищенные пристани. Морской водный лодочный спорт и отдых исключительно популярны во всем мире, их масштабы непрерывно растут. Даже опасные и беспокойные в штормовом отношении берега Англии насыщены индивидуальным парусным и лодочным флотом, только небольших парусных яликов и яхт разного класса имеется в Англии, по описанию, приведенному в журнале «Англия» (№ 23, 1967) более 200 000. А к ним нужно добавить моторные лодки. Что же касается Японии и Китая, то там в прибрежных водах число лодок-джонок исчисляется миллионами.

Черное же море пустынно. Неисчерпаемые массы целебного морского воздуха пропадают зря. Оздорови-

тельные свойства крымского побережья именно в морском воздухе. Это главный и лучший в Европе легочный курорт. В силу многих причин именно воздух непосредственно над морской водой обладает основной лечебной силой. Крым засушлив и когда сухой воздух суши стекает к морю, то именно в самой прибережной части моря, еще не успевая насытиться водой, не став влажным, он под действием солнца и морской воды приобретает особый комплекс ионов, стимулирующих, как больной, так и здоровый организм. Сухой, сильно ионизированный чистый воздух прямо над морской водой — вот главная лечебная сила Крыма. Сидящим на берегу тоже перепадает этого воздуха, но только когда ветер дует с моря. Но он приходит на берег более влажным и смешан с пылью пляжа.

Но море, целебное море, недоступно, на горизонте вдали патрулируют пограничные суда, бдительно следящие за морской гладью. Врачи домов отдыха и санаториев привозят с моря морскую воду, и в физиотерапевтических кабинетах легочники, горловики, бронхитники вдыхают ее в распыленном состоянии. Это называется «ингаляция морской воды». Для этого существует специальный прибор — ингалятор. Все это, конечно, нужно, особенно зимой, когда на лодке не поплаваешь, или в штормовую погоду.

А в тихий летний день сколько сотен тысяч людей могли бы наслаждаться морем в самой яркой, активной, напряженной и приятной форме. Ежегодно в Крым приезжает полмиллиона больных и полтора миллиона здоровых. А на все Черноморское побережье почти 10 миллионов людей.

На Балтийском море еще строже. Ведь чужие земли, финские и шведские там ближе. Десятки километров берега, прекрасного пляжа в северной части Прибалтики, где до Финляндии около 100 миль, опутаны витками колючей проволоки, и к морю доступа нет. Вдоль берега каждый день ездит каток, утрамбовывает песок и

землю, чтобы все следы нарушителей были видны. А ведь до того, как Прибалтийские Республики были присоединены в 1940 г. к Советскому Союзу, ничего этого на берегу не было. Процветали здесь, сейчас увядшие, рыбацкие поселки, море кормило десятки тысяч людей, давало отдых сотням тысяч.

А сейчас лишь редкие небольшие лодки появляются в море и каждый раз с разрешения пограничной заставы, сообщающей о выходе лодки патрульным судам. Там, на расстоянии 12 миль от линии наибольшего отлива, граница, морской рубеж. На определенном расстоянии друг от друга вооруженные быстроходные крупногабаритные катера пограничной охраны. Они просматривают локаторами всю пограничную зону и сообщают друг другу о всех лодках и яликах вблизи берега. Радист одного катера выстукивает по радио другому. «...В квадрате 57 старик удит рыбу... Веду наблюдение... В случае захода в квадрат 77, сообщите...» С другого катера периодически сообщают о перемещениях одинокого рыбака. Как только он отдалился от берега, на расстояние, большее, чем километр, ему дают сигнал, а если не реагирует и удаляется, катер подходит к нему и доставляет на заставу.

При такой системе слежки за морем каждая рыбешка становится дороже золотой. Поэтому-то и не разрешают иметь на берегу много лодок. Только немногие местные жители добиваются разрешения на лодку, обычно это служащие пристаней, научные работники, работники милиции, партийный и советский актив, служащие санаториев и домов отдыха. Не знаю, нужно ли при получении разрешения на лодку заполнять какое-нибудь «Выездное дело», но по опыту одного из моих друзей, биохимика, работающего в нескольких километрах от Ялты, я знаю, что дело это не простое. Он добивался получения разрешения на лодку около трех лет. Но теперь, имея лодку, почти не пользуется ею. О каждом выходе в море нужно предварительно сообщить на по-

гранзаставу в Ялту по телефону, указать зону рыбной ловли. Нельзя отплывать дальше, чем на один километр от берега. Нельзя рыбачить вечером или ночью. Нужно сообщить на заставу фамилии и имена всех, кто будет находиться на лодке вместе с ее хозяином. Нужно эту лодку после плавания не просто вытащить на берег в безопасное от волн место, или поставить на якорь, если прогноз хороший, а отнести ее в специальный, опутанный колючей проволокой «загон», с воротами, запираемыми на замок и охраняемый вооруженным сторожем. Лодку следует также запереть замком. И это не потому, что хозяин сам боится кражи лодки. Таковы правила хранения лодок на побережье, чтобы возможный нарушитель границы не мог воспользоваться лодкой для бегства в Турцию. А ведь лодка не очень легкая, в ней всегда есть килограмм 80-100, ее одному не унести. Но и рыбацкие баркасы весом до тонны, тоже на руках или волоком тащат каждый день рыбаки Черноморья или Прибалтики в охраняемые зоны, тащат, надрываясь после тяжелой рыбацкой работы. А затем спускают на воду. Собственных, даже небольших яхт вообще иметь на рейде нельзя. У яхты большой киль, ее на берег вытаскивать часто нельзя, да и парус — вещь опасная, ведь на яхтах, даже небольших и по высокой волне не погибнешь, яхты — это морские суда, ежегодно на яхтах группы любителей переплывают Атлантический океан. В СССР имеется множество яхтклубов, но только на озерах и водохранилищах. На морях их нет, за исключением глубоко вдающихся в сушу заливов. Только ответственным работникам, приехавшим в правительственный санаторий или госдачу, можно испытать удовольствие морской прогулки на яхте. Ну и конечно, спортсменам-международникам, тренирующимся по этому виду спорта. Но для них есть две-три базы в определенных местах, вдали от людных курортов, где-нибудь в огороженных зонах.

Есть ли где-либо в мире какая-нибудь другая страна

с подобным режимом морского и курортного побережья? Есть ли разумные доводы, могущие оправдать лишение миллионов людей права наслаждаться и лечиться морской водой и воздухом моря, заниматься морским лодочным спортом? Можно ли понять экономические основы пренебрежения богатейшей продукцией моря, эксплуатацией его прибрежных районов для индрустрии отдыха, лечения, развлечений, спорта, индивидуальной рыбной ловли?

Нужно прежде всего строго различать военную и пограничную охрану морских и сухопутных границ. Несведующий человек думает, что все эти сложные ограничения использования богатейших ресурсов моря имеют какое-то оборонное значение. На самом деле все это совсем не так. Вся система пограничных ограничений по своему характеру не связана с военной охраной границ и военной разведкой. Охрана границ от возможного нападения и служба наблюдения за перемещениями войск по ту сторону от границ поручена совсем другим родам войск, входящим в Министерство обороны и руководимых Генеральным штабом армии. Пограничная служба входила до последнего времени в систему КГБ и ее задача преграждать путь одиночным и групповым нарушителям границы, ловить шпионов и диверсантов, засылаемых к нам иными странами.

Если верить кинофильмам и детективам о шпионах, то они нередко выбирают водный путь. Подплывая на подводной лодке к берегу, шпион последние несколько километров проплывает с аквалангом под водой и выходит в плавках на самом людном сочинском пляже.

Может быть, бывает и так. А может быть, приезжает шпион, как турист, свободно. А вместо него домой едет с тем же паспортом другой. Может быть, через финскую открытую границу пробираются к нам агенты, а может быть на парашюте по попутному ветру относит их километров за двадцать вглубь СССР. При современном масштабе межгосударственных туристических путе-

шествий приезд в ту или иную страну настоящего разведчика — это не проблема. Рисковать, перелезая через колючую проволоку где-нибудь на турецкой границе, или, переплывая на резиновой лодке Балтийское или Черное море, разумный иностранный агент не будет. Статистика показывает, что большинство реальных нарушителей — это подростки, поссорившиеся с родителями или одержимые романтикой путешествий. Иногда это контрабандисты. На советско-иранской границе в одно время немало было выловлено репатриированных армян. Приезжали они в первые годы после войны десятками тысяч из разных стран, активно зазываемые на родину. А когда в 1949 г. Берия стал проводить широкую чистку в их рядах, арестовывая недовольных или критикующих, немалое число их решило убежать туда, куда они уже один раз бежали от турецкой резни. Поэтому и укрепили иранскую границу сложной системой электрических проводов и колючей проволоки и постами через каждые несколько десятков метров, следящими за внутренней зоной, а отнюдь не за внешней. Иногда родичи стремятся попасть друг к другу в гости; через разрезанные границей села и кишлаки. Очень много таких случаев в Средней Азии, на Кавказе, в Молдавии.

Конечно, все это нежелательные нарушения порядка и правил. Следует за это штрафовать, как штрафуют в поездах за безбилетный проезд. Но с точки зрения логики и здравого смысла бороться с этими явлениями, содержа для этого полумиллионную армию пограничников, вооруженных всеми средствами техники, кормя полмиллиона собак, съедающих больше мяса, чем три миллиона человек, опахивая миллионы погонных метров «вспаханной полосы», и выключая из оборота десятки тысяч квадратных километров широченных пограничных зон, можно лишь утратив понимание пропорций разумного и неразумного. В пригородных электричках бригады контролеров проверяют билеты. И это правильно. В иной рейс контролеров нет, в другой

они зашли в вагон. Безбилетник знает, что проехать без билета можно, что он по теории вероятностей рискует штрафом в одном рейсе из 7 или 8, если не реже. Но риск есть и это заставляет возможных нарушителей брать билеты. Но нарушители все же тоже есть при такой вероятности штрафа. Чтобы полностью, на все 100% избежать безбилетних проездов нужно ввести на железных дорогах в 100 раз больше контролеров, чем сейчас. Нужно проверять билеты на каждом перегоне вдоль всего состава. Но тогда в иные часы на железной дороге будет больше контролеров, чем пассажиров, и дороги станут приносить лишь огромные убытки. Но наша пограничная служба работает именно по этому принципу тотальной круглосуточной охраны, с вероятностью задержания *каждого*. И конечно пограничников в десятки раз в СССР больше, чем возможных и реальных нарушителей границы. И в тысячи раз больше, чем опасных нарушителей границы. А на морских рубежах это соотношение еще сильнее в сторону нерентабельности. И все это без учета косвенного ущерба пограничных ограничений на море и на суше.

Одиночки, жаждущие приключений, всегда найдутся. Известный ленинградский физик Гамов в начале тридцатых годов пытался переплыть Черное море на лодке, чтобы уехать в Америку для проведения там какой-то работы. Его задержали патрули. Но потом он все же выполнил свой план, не вернувшись с какой-то международной конференции. В США он прославился, получил даже Нобелевскую премию. Биологам он известен тем, что первый в 1954 г. теоретически разработал проблему генетического кода. Но случаи таких побегов не могут не быть исключительно редкими, даже при полностью открытой границе.

Но нельзя из-за возможного авантюризма одиночек занимать охраной прибрежных районов десятки тысяч и отдалять от пользования морем миллионы людей. Это просто бесхозяйственный подход к использованию тех богатств, которыми одарила судьба, история и

география нашу страну, берега которой омывают 3 океана и 14 морей.

Это же относится к сухопутным границам, режим которых обходится нашей стране непомерно дорого. В былые времена, когда СССР был единственной страной, окруженной врагами, тотальная охрана границ может быть имела какое-то оправдание. Но ведь до войны пограничная служба никогда не была столь многочисленной и разветвленной, как сейчас. Советско-польская граница сейчас охраняется несравненно более бдительно, чем в 1940 г., когда на польской границе стояла миллионная гитлеровская армия. Советско-финская граница в настоящее время охраняется в зоне почти 150 километров шириной. Даже в период перед советско-финской войной и на Карельском перешейке не было такого режима охраны. У государства просто не хватало средств на столь дорогую охрану границ. Теперь мы богаче. И хотя нам реально со стороны Болгарии и Польши ничто в военном отношении не угрожает, хотя ясно, что Финляндия не нападет на Советский Союз, мы создали здесь сплошные линии заграждений и охраны, на много десятков километров в глубину своей территории.

Нельзя оспаривать того, что пограничная охрана нужна. Нужна и таможенная служба. Особенно нужна охрана беспокойных границ. Сейчас самая беспокойная граница — китайская. Сотни провокаций ежемесячно организуются китайской стороной. Но уже на охрану сложной двухтысячекилометровой горной границы с мирным Афганистаном мы тратим неоправданно большие силы и средства. Но особенно дорого обходится нашей стране граница с дружественными западными социалистическими странами, с Болгарией, Румынией, Венгрией, Чехословакией и Польшей.

Мы не готовы еще к двустороннему открытию своих границ даже с дружественными странами. Но к этому следует готовиться. Этого исторического события нам не

избежать. Останутся контрольные посты на дорогах и контрольные наряды, которые будут задерживать и штрафовать какую-то часть нарушителей, но времена, когда попытка перехода границы без разрешения властей карается заключением в лагерях на 6-7 лет и сопряжена с риском быть убитым на месте, отойдут в прошлое. Право убийства нарушителя границы, еще до выяснения его личности, если расстояние не позволяет задержать его другим способом (граница близко, а пограничник с автоматом далеко) должно быть, конечно, отменено. Ни одна нация в мире не имеет столь строгой уголовной ответственности за переход границы. Даже в Китае, с его жесточайшим террором и национализмом, охраны границ в нашем понимании нет. Гонконг, английская колония и страна, открытая для всего мира, соединялся с континентальным Китаем только мостом через пролив. И этот мост до самого последнего времени не охранялся пограничной охраной. Через него в Гонконг от преследований хунвейбинов бежали в 1966-67 гг. десятки тысяч китайцев. Лишь недавно Китай выставил здесь охрану, но в форме контрольных постов, которые не препятствуют переходу границы в связи с деловой активностью.

Нарушение границы — это по самой логике действия не преступление, а именно нарушение каких-то правил. Человек, в конце концов, может наткнуться на границу, просто собирая грибы или ягоды, заблудившись в туристическом походе или на охоте. Особенно в Карелии, излюбленном месте рыболовов и охотников. Здесь пограничная зона столь широка, что на запретной территории можно разместить целое европейское государство. Пограничные посты начинаются в 150 км от границы. В этой запретной зоне масса маленьких красивейших озер и рек, множество дичи и рыбы. По особым пропускам здесь разрешают охоту и рыбную ловлю номенклатурному активу. Как-то Министр сельского хозяйства СССР возил сюда на охоту Президента немецкой ака-

демии сельскохозяйственных наук и они убили с десяток отличных лосей. Но простым смертным вход на эту территорию закрыт, могут очевидно и застрелить, особенно ночью. Недавно, в связи с юбилеем пограничной службы, показывали в Обнинске киножурнал об охране границ. В центре сюжета — убийство нарушителя. Человек, неизвестный, бежал к границе. Зона была от него близко, а солдат, увидевший его, далеко. Он крикнул: Стой!.. Нарушитель не остановился. Тогда очередь из автомата срезала его возле самой границы. По ходу фильма оказалось, что это был, очевидно, агент, у трупа нашли пленки, оружие. Но это уже после убийства. Но ведь это мог быть и не агент, а просто психически возбужденный человек, или пьяный, не отдающий отчета в своих действиях.

Иногда применение оружия, по-видимому, оправдано. Это касается тех случаев, когда военно-разведывательный характер нарушения установлен. Мы знаем один такой случай — ракетный выстрел по самолету У-2, залетевшему в район Свердловска. Тогда «в плен» попал американский разведчик Пауэрс. Но в неясных случаях, даже при нарушении границы самолетом, стрельба по нему недопустима. В том же году, когда был сбит самолет У-2 (1960 г.), границу Болгарии в тумане нарушил неизвестный самолет. Болгары открыли по нему огонь и сбили. Но оказалось, что это был мирный пассажирский самолет, немного отклонившийся от курса и направлявшийся в Турцию. Погибли 60 невиновных пассажиров и члены экипажа. Весь мир тогда расценил этот акт, как неоправданную жестокость, как варварство. Болгария согласилась уплатить компенсацию. Ведь случаи потери курса, особенно в тумане, и сейчас нередки. В передаче последних известий на английском языке 29 августа 1967 г. (Би-Би-Си) пришлось мне услышать о следующем случае. Чехословацкий пограничник открыл огонь по семье из 4-х человек, пересекавшей границу с Австрией. Глава семьи, отец был убит уже на

австрийской территории. Один из детей ранен. А сколько жертв полегло у Берлинской стены. Капитаны советских судов в международных плаваниях имеют инструкцию — стрелять, если кто-либо из команды или экипажа пытается вплавь добраться до иностранного берега (при заходе в иностранные порты большей части экипажа многих судов не разрешают сходить на берег. Разрешают лишь тем, кто оформлен по типу поездки в капиталистическую страну. Иногда же пароход отправляется в международный рейс неожиданно и на борту много «неоформленных»). Есть ли у капитанов судов других стран подобные директивы? Я уверен, что нет.

Первый Декрет об Учреждении пограничной охраны и ее функциях, подписанный В. И. Ульяновым-Лениным и принятый ВЦК 28 мая 1918 г. не содержал указаний о возможности применения оружия до задержания нарушителей. А ведь время было тогда не мирное и через границу действительно переходило множество диверсантов и заговорщиков. Следующее «Положение» о государственной границе, принятое в 1927 г., резко усиливало режим охраны. Но и оно не было слишком жестоким. Затем принимались новые «Положения» о пограничной охране, все более и более строгие. В предвоенные годы это было как-то оправдано. Но самое строгое и обстоятельное «Положение» было принято в 1960 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о новом «Положении» о государственной границе СССР опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (№ 34/1018, 30 августа 1960 г.). Это детальное «Положение», в основном правильное и обоснованное, содержит, однако, два серьезных недостатка, которые в последующем должны быть изменены. *Во-первых,* «Положение» не указывает ширину пограничной зоны. В декрете 1918 г. было точно указано, что «пограничная зона распространяется на 7 верст вглубь Республики». Новое «Положение», вводя множество ограничений к

входу граждан в пограничную зону и ее использованию, ширину этой зоны не указывает и не лимитирует. Это позволяет произвольно расширять зону, иногда до сотни километров, как в Карелии. Но ведь очевидно, что стокилометровая пограничная зона — это абсолютнейшая нелепость и расточительство. *Во-вторых,* статья 39 нового «Положения» дает право на *«... применение оружия против нарушителей границы СССР на суше, в воде, в воздухе, в случае, когда задержание не может быть осуществлено другими средствами».* В пояснениях к статье указывается, что на море преследование и применение оружия может быть продолжено и за пределами территориальных вод СССР, если не удалось осуществить задержание нарушителя в территориальных водах.

Эта статья с точки зрения научной законности неправильна и аморальна. Она похожа на разрешение ревнивым супругам убивать друг друга при простом подозрении на измену. Ели бы в царской России было бы такое же «Уложение» о границах, сколько бы членов РСДРП сложили бы свои головы в пограничных зонах. И сколько бы вообще коммунистов и прогрессивных людей было бы убито, если бы другие страны ввели у себя обычай стрелять в нарушителей границы. Удивительно, что наша государственная мораль относится с поощрением к нарушителям границ, если они нарушают границы другого государства. Мы с восхищением пишем о ленинских агентах «Искры», нелегально переходивших границу России и перевозивших литературу. Мы отдаем должное мужеству В. И. Ленина, скрывшемуся через границу на паровозе в 1917 г. в почти тогда уже самостоятельную Финляндию. Мы не считаем переход границы *вообще* преступным деянием. Мы осуждаем, как преступление лишь переход советской границы, даже если это граница с соседним дружеским социалистическим государством.

Следовательно, статья 39 «Положения» о границе продиктована не научной логикой, а *ревностью.* Статисти-

ка, которая не может не быть неизвестной властям, показывает, что 99% так называемых «нарушителей» границы, если не больше (по неофициальным данным очеркиста, специализировавшегося на «пограничной» теме и часто бывавшего на заставах для сбора материала), это не вооруженные агенты, не шпионы, не злоумышленники. Это чем-то обиженные люди, иногда больные, иногда упрямые, иногда просто любители романтики, в большинстве местные жители, и наполовину незрелые подростки. Они не нужны никому и за границей и в большинстве случаев вскоре возвращаются, если удалось перейти рубеж. В других случаях их отправляет обратно охрана другой страны, очистив первоначально, как Остапа Бендера, перешедшего румынскую границу. Слишком обширна наша граница, миллионы и миллионы людей живут вблизи нее, подвергаясь ограничениям даже в простой прогулке в лес за грибами и ягодами. И нужно подумать о том, чтобы лишить их жизнь постоянного напряжения.

И еще об одном «нарушителе» границы хочется мне сказать несколько слов. О радиоволнах в диапазоне между 9 и 25 метрами. Зарубежные радиоприемники имеют обычно диапазоны волн, начиная с 9 или 11 метров. Иногда с 13. Это вполне понятно, так как этот коротковолновый диапазон является «дневным». Далекие передачи днем можно слушать только на диапазоне до 20 метров. Более длинные радиоволны днем не распространяются на большие расстояния из-за каких-то солнечных помех. С 25 метров коротковолновые передачи принимаются лишь вечером и ночью. Диапазон же до 20 метров ночью работает плохо. Преимущество приемников с диапазоном до 20 метров наша радиопромышленность отлично понимает и на экспорт готовит приемники обязательно с этим диапазоном. Такой экспортный приемник можно купить и в Москве, но за валюту или сертификаты без полосы. Для внутреннего рынка после войны (до 1941 г. этих правил не было) производятся радиоприемники только с диапа-

зоном с 25 метров. Волны в диапазоне от 9 до 25 метров *запрещены*. Радиомастера, которые за плату могут в мастерской встроить в приемник этот диапазон, при обнаружении таких действий преследуются в уголовном порядке.

Поэтому днем с помощью советских радиоприемников слушать на коротких волнах зарубежные передачи нельзя. То, что может сделать гражданин любой страны, советскому человеку не дозволено.

Причина такой «заботы» проста. Она связана с когда-то процветавшей практикой глушения иностранных радиопередач. Сейчас глушение сохранилось, но не всех радиостанций, а только не государственных, принадлежащих организациям. (С 1964 г. СССР вступил в конвенцию по международному радиовещанию и теперь не имеет права глушить *государственные* радиостанции других стран). Глушить волны в диапазоне 9-25 метров очень трудно. Они распространяются на далекие расстояния, многократно отражаясь от ионосферы. В результате этого они спускаются в ту или иную точку СССР сверху, под крутым углом. Для того, чтобы глушить эти волны, существующая сеть глушительных радиостанций должна быть слишком густой. Бюджет страны с такой сетью глушителей справиться не может. Те глушительные станции, которые существуют, тоже обходятся не дешево. В разгар глушительной кампании, например, между 1956 и 1960 гг., глушение поглощало значительно больше средств, чем радиовещание, так как диапазонов глушения было во много раз больше, а на каждый диапазон нужна радиостанция и не одна, а сеть станций по всему Союзу.

И опять здесь мы даем уникальный пример всему миру. Глушение передач ввел во время войны Гитлер. Мы тогда поступили проще и дешевле, отобрали у населения все радиоприемники и за владение приемником ввели строгое уголовное наказание. Может быть, во время войны эта мера и была оправдана. Но откры-

тием Гитлера после войны воспользовалась в мире только одна страна и она продолжает вот уже 23 года посылать в эфир на многих волнах дикий, безумный, невропатологический кошачий концерт. Какой для этого изобретен прибор, я не знаю. А хотелось бы посмотреть. И когда, вертя ручку своего приемника, я натыкаюсь на эту звуковую свистопляску, мне представляется микрофон, возле которого включена сирена и вращается железная бочка, набитая пустыми консервными банками и бутылками. А что подумают разумные существа на других планетах, если начнут ловить этот жуткий свист и лязг, вперемешку с кваканьем, посылаемый в эфир первым в мире социалистическим государством?*

7. Современные тенденции в развитии международной интеграции человечества

Несмотря на разнообразие политических режимов в современном обществе, и различие национальных традиций и обычаев, несмотря на резкие перепады экономических уровней стран, неравномерность распределения на земном шаре бедности и богатства, вопреки расовым предрассудкам, интеграция человечества несомненно происходит со все убыстряющейся скоростью и является главной тенденцией современности. Интеграция социальная, политическая, экономическая и биологическая. Острые конфликты и противоречия, возникающие то здесь, то там, как проявления политического или националистического экстремизма и империалистических и колониальных пережитков, не оста-

*) Этот раздел был написан в феврале 1968 г. Нельзя поэтому не отметить, что с 21 августа 1968 г. глушение всех государственных иностранных передач на русском, украинском и других языках народов СССР возобновилось с большой интенсивностью. Оно захватило даже диапазоны в 9, 16 и 13 метров, так как многие радиолюбители встроили себе эти диапазоны, да и иностранные приемники у граждан СССР стали обычным явлением. Возобновление глушения передач иностранных радиостанций было связано с попыткой закрыть доступ в СССР информации о событиях в Чехословакии.

навливают, а лишь замедляют этот процесс. Не препятствует интеграции и рост числа независимых, самостоятельных государств, главным образом в Африке и Азии, наоборот, он делает культурную и экономическую интеграцию менее болезненной, ненасильственной.

Процесс культурной и экономической интеграции человечества происходил и раньше, на всем протяжении обозримой истории, однако именно в последние два десятилетия он стал особенно стремительным, в связи с научно-технической революцией, ростом средств связи и комуникации, развитием средств обмена информацией научного, политического, экономического и идеологического характера.

В прошлые тысячелетия, столетия и десятилетия процесс интеграции часто принимал уродливые и жестокие формы военных и колониальных завоеваний, стремления отдельных политических систем и форм цивилизации и религии к мировому господству. Завоевательные войны Александра Македонского, римской империи, монгольских владык в древнее время, Наполеона в прошлом веке, Гитлеровской Германии и японских милитаристов уже на нашей памяти, все они в разбойничьей, уродливой, эгоистической и жестокой форме преследовали цель унификации человечества принудительным путем, но на основе подчинения всех других наций одной политической системе. К счастью, все эти попытки в своих крайних формах потерпели крах. Некоторые из них, если рассматривать общие последствия, принесли человечеству некоторую пользу (распространение греческой и римской культуры), другие — неисчислимый вред (монгольское иго, фашизм).

Наиболее благородной и научно обоснованной попыткой объединить человечество на идеологической и экономической основе были учения утопических социалистов и марксизм, появившиеся в прошлом веке. Вслед за этим появилась идея «всемирной революции». Но и

она оказалась нереальной. Построить социализм сразу во всем гетерогенном мире было нельзя. Но отдельные страны, в которых происходили пролетарские революции, вступали в неизбежный конфликт с капиталистическими государствами и это уменьшало конфликтоустойчивость мира. Лишь одной стране удалось устоять в этой борьбе — Советскому Союзу. Но военная интервенция и другие формы борьбы против Советской России привели к необходимости внутри России создать военно-пролетарскую диктатуру и даже ввести террор, мероприятия, в основе которых лежит не закон, а сила. Необходимость создания прочного и сильного в военном отношении государства потребовала не уменьшения «прибавочной стоимости», а возрастания ее. Возникшая централизация постепенно прогрессировала в диктатуру одной личности — Сталина. Это было не неизбежно, но это и не было случайно. В связи с тем, что демократические права граждан были урезаны, власть карательных органов гипертрофирована до возможности беззаконий, появление тирании Сталина было реализацией одной из возможностей развития новой общественной формации. Но и капитализм, размываемый кризисами и противоречиями, родил еще более жестокую форму тирании и произвола — диктатуры Муссолини и Гитлера, фашизм и национал-социализм. Мировой военный конфликт стал неизбежен, ибо мир управлялся не суммированным научным интеллектом, не мудростью и здравым смыслом, а патологическими, психически больными тиранами, маньяками, наделенными сверхмонархической властью. К счастью, наука к этому времени еще не изобрела атомное оружие, термоядерные бомбы и межконтинентальные ракеты и разразившаяся война не стала формой самоубийства всего цивилизованного человечества, не отбросила его на столетия назад.

Но здравый смысл и разумное начало, нашедшие в

лице Организации Объединенных Наций, способ мирного сотрудничества наций и их интеграции на основе каких-то универсальных принципов, среди которых «Всеобщая Декларация прав человека» занимает не последнее место, не восторжествовали во всем мире. Тирания, как форма управления странами, не исчезла и сохранила свою опасность для судеб мира. Наряду с мелкими и не очень опасными для всего человечества случаями личных диктатур и монархий в Африке, Южной Америке, Азии, наряду с локальными очагами слепого национализма, мы стали свидетелями уродливой националистической диктатуры в Китае, фанатически аномальной тирании, вооруженной атомным и термоядерным оружием. К большому сожалению, эта новая сверхопасная тирания возникла в непосредственном соседстве с нашей страной и на основе социалистической системы. И ее завоевательные тенденции, подогреваемые криками об империалистической опасности, реально устремлены на Советский Дальный Восток и Сибирь. Вызывает огромное беспокойство и другой процесс. Самая богатая и сильная страна мира, США, при наличии явственных демократических свобод и традиций, совершает очевиднейшее международное беззаконие и из нелепого упрямства и соображений престижа и влияния ведет бесперспективную и опаснейшую войну во Вьетнаме, то есть участвует, по существу, в гражданской войне. В этой войне, так же, как и в китайской «культурной революции», нет здравого смысла и реалистической заботы о будущем человечества. Вьетнамская война, которую ведут США, является результатом ошибочных решений руководящих деятелей этой страны, наличия в их руках слишком большой и недостаточно контролируемой власти. Мы видим, что ни социализм, ни буржуазная демократия не оказались в состоянии преградить путь к появлению политических диктатур, даже в условиях парламентарно-президентской системы. Любая же диктатура эгоцентрична и действует субъективно и поэтому часто неправильно, а это в

современном мире может привести к самоубийству человечества. Индивидуальный мозг, даже если это мозг «великого кормчего», может действовать на основе сопоставления 30-40 переменных величин и с очень смутной оценкой последствий принимаемых решений. Сейчас же необходимо для оптимальных решений сопоставлять и оценивать тысячи и десятки тысяч факторов и на большой срок вперед. Одних только самостоятельных государств в мире около 200. В этих условиях политическая диктатура, а тем более военная диктатура, изжили себя, как формы управления обществом, вступили в непримиримое противоречие с техническим и научным развитием современного мира. Они должны быть постепенно заменены особыми формами научной организации управления обществами, основанными на глубоком интеллектуальном анализе перспектив мира и предоставлении *главной силе мирового прогресса* — науке руководящих функций. Науке не только в узком смысле «научного социализма», а в широком смысле всей суммы сил, определяющих прогресс наших знаний.

Для Советского Союза, ныне стоящего в ряду великих держав, между крайними, опасными формами китайского тоталитарно-казарменного «социализма», а в действительности «маоизма» и американской военизированной империалистической «демократии», возникла благоприятная возможность разумной и научно обоснованной внутренней и внешней политикой стать реальной опорой прогресса и образцом для множества других стран. Я выделяю положение нашей страны именно в ряду великих держав по чисто практическим соображениям. Среди двухсот государств в нашем мире несомненно есть такие, в которых найдены лучшие решения между индивидуальными стремлениями людей и функциями общества, между властью и демократией, между социальной структурой и производительными силами, между благосостоянием семей и богатством общества, чем аналогичные решения в СССР, Китае, США, Великобритании, Франции, Германии или Индии.

Но опыт маленьких стран, неизбежно зависимых и входящих в те или иные блоки и группировки, плохо поддается распространению и подражанию. Мне кажется, что главное, что могло бы еще больше укрепить позиции СССР в современном мире — это показ того, что мы умеем разумно и всесторонне анализировать внутренние и внешние события, свободно критиковать собственные недостатки в прошлом и настоящем, открыв полную свободную возможность исторического и социального анализа тех событий и причин, которые привели когда-то к мрачным временам сталинского беззакония и произвола, пренебрежения правами личности, отсутствия демократических норм. Нам нужно показать, что к руководству страной допускаются люди действительно мудрые и чувствующие свою ответственность за судьбы всего мира, действительно лучшие люди нации. Это можно сделать прежде всего введением большей свободы печати и ограничениями возможностей и прав цензуры, что поведет к разрешению свободного обсуждения личных, политических и деловых качеств кандидатов на руководящие посты, к системе демократических выборов и к объективной оценке всех возможностей и последствий при принятии того или иного решения. Пока, может быть в меньшей степени, чем при Сталине и при Хрущеве, структура органов власти у нас такова, что она оберегает от критики и влияния снизу именно сами органы власти. Но в разумно построенном обществе структура органов власти должна в первую очередь оберегать народ и индивидуальных представителей народа от злоупотреблений со стороны органов власти, от беззаконий, от чрезмерной эксплуатации, от произвола.

При том изобилии непривлекательных черт и субъективизма, которыми проявляли себя в последние несколько десятилетий, как мир капитализма, так и социализма, следует полагать, что в течение ближайших нескольких поколений реальных возможностей для всемирного господства какой-либо одной из этих систем

не существует. Конфликт, возникший между СССР и Китаем показывает, что нет никакой уверенности в том, что полная ликвидация капиталистической экономики приведет к исчезновению межгосударственного антагонизма, гонки вооружений и возможности войн. Может быть, т. н. «сосуществование» на основе мирного соревнования разных социальных и политических систем это не временный продукт баланса сил уничтожения, а единственно возможный путь развития гетерогенного человечества, гетерогенного во всех отношениях. *И если признать политическую гетерогенность общества и социальные, экономические и идеологические различия стран и наций неизбежными, то главной силой, способной повести мир к спокойной и постепенной культурной, политической и экономической интеграции, является взаимовыгодное научно-техническое и культурное сотрудничество и свобода общения людей разных стран, свобода путешествий, свобода обмена информацией и идеями.*

Наука и техника создали в течение двух последних десятилетий такие массовые средства коммуникаций и общения людей, которые объединили весь мир в единую информативную систему. Всемирное радио и телевидение, развитие национального радиовещания для других стран, распространение газет и журналов, стремительный рост международного туризма и международной торговли сделали взаимное познание и взаимное влияние наций и стран объективной реальностью. Гражданин почти любой страны, обладающий достаточным уровнем интеллекта, формирует сейчас свое мировоззрение в связи с интернациональной информацией, подвергая отбору сведения, получаемые им из разных источников. Если национальная информация его не удовлетворяет, он заимствует ее из других источников. Это ведет к идеологической и политической гетерогенности любого общества и создает толерантность (терпимость) властей стран к наличию разных точек зрения у населения. Такого рода терпимость не всегда появ-

ляется без трений и на примере событий в собственной стране мы видим попытки сохранить ненормальную «монолитность» идеологии и образа мыслей далеко не лучшими средствами. Но все же общая тенденция пробивает себе дорогу и в нашей стране.

Современная техника создала такие формы производства, которые могут существовать и развиваться лишь на основе общемирового взаимодействия и национальной специализации. И такая специализация стала реальностью. Специализация, основанная на неравномерном распределении природных ресурсов, существует уже давно. Промышленность всей Западной Европы зависит от поставок нефти с Ближнего Востока или с еще более отдаленных мест, от поставок каучука из тропических стран, урана, алмазов, золота и массы других продуктов и сырья. В последние годы такого рода взаимозависимость распространилась с уровня сырья на уровень самых технических разработок. Многие технические проекты стали настолько дорогими и сложными, что возникла необходимость реализации их усилиями нескольких стран. Даже производство самолетов и автомобилей интернационализировано. Фирма «Фиат» затянула реализацию договорного строительства завода автомобилей для СССР, так как какие-то части комплекса, которые сами итальянцы получали из США, США не хочет поставлять для СССР. Во всей же Европе их не делают, считая более разумным получать из США. Часто не только производство, но и проектирование интернационализируется из-за отсутствия у одной страны всего комплекса необходимых для проекта ученых и инженеров. Столь же интернационально производство электронных машин, крупных судов, металлургического, химического оборудования, не говоря уже о ракетах и прочей военной технике. Столь мощная кораблестроительная держава, как США, заказывает сверхкрупно-тоннажные танкеры в Японии. Сейчас только что-либо простое и массовое, вроде авторучек и карандашей, можно производить в каждой стране не-

зависимо, да еще с наличием межфирменной конкуренции. «Общий рынок» возник в Европе не случайно и не случайно другие европейские страны стремятся присоединиться к нему. Не случайно образован и Совет экономической взаимопомощи*, разрабатывающий проекты дифференцировки в группе социалистических стран. К сожалению, степень кооперации в пределах СЭВ пока значительно слабее, чем в пределах «Общего рынка», не говоря уже о степени интеграции науки и человеческих сил. Может быть, именно ограничение свободного взаимодействия интеллектуальных сил в группе европейских социалистических стран и является тормозом к максимальной интеграции.

Но кроме информационных (радио, телевидение, печать) и промышленно-научных и экономических факторов интеграции человечества, огромную роль в этом процессе играет рост межнациональных человеческих взаимодействий, международный туризм. Этот туризм отражает многие аспекты международного сотрдничества и создает совершенно новую атмосферу во взаимоотношениях между народами.

Принципиальное изменение, возникшее в мире в последние 20 лет, состоит в скачкообразно резком росте благосостояния промышленно развитых стран Европы, Америки, в меньшей степени Азии. Этому соответствовал и рост благосостояния основных масс населения этих стран. За 20 лет мир стал в несколько раз богаче. Резко возросла производительность и интенсивность труда, но одновременно уменьшился рабочий день. Объем свободного времени, используемого для отдыха и развлечений, у основной массы населения значительно вырос. За период с 1946 по 1966 г. средняя продолжительность жизни людей в Европе и в других развитых странах увеличилась на 15 лет и, следовательно, увеличилось число пожилых и старых людей,

*) Название организации весьма неудачно. «Помощь» — явление эпизодическое и альтруистическое. Было бы лучше именовать организацию «Совет экономической кооперации».

их пропорция в массе населения стала значительной. А ведь это в основном пенсионеры, люди, у которых очень много свободного времени. За 20 лет человечество, в смысле роста благосостояния, сделало столько, сколько не было сделано за предыдущие 200 лет. Соответственно этому изменился и спектр интересов людей. Международный туризм, бывший еще недавно дорогим удовольствием «верхнего» слоя общества, стал в последние годы массовым, стал потребностью, модой, привычкой, обыденностью, простым делом. И не только в отпуск, на каникулы, а просто на конец недели на субботу и воскресенье, на «викэнд», служащий или рабочий может поехать на своем автомобиле в соседнюю страну, из Франции в Италию или Швейцарию, из Англии во Францию и т. д. Подсчитано, что средний срок пребывания иностранцев в Италии — это 2-3 дня, то есть это в основном короткие визиты, а не длительные путешествия по стране. Началось в мире великое перемещение и перемешивание людей, и это несомненно способствует стабилизации и развитию мирных тенденций значительно больше, чем общие манифесты тех или иных организаций. И если наша страна действительно хочет мира и безопасности, то мы должны эффективно включиться в этот эволюционный процесс, отбросив старые предрассудки и не обращая внимания на возможные отдельные осложнения. Мы должны приучить психологию нашего общества к свободе общения с другими народами и странами, избавить руководящие органы государства от чувств ревности при виде интереса, проявляемого советскими людьми к политическим, экономическим и социальным проблемам в других странах, к их жизни и их народам. У нас видят в таких тенденциях только одну их сторону — влияние процессов интеграции на идеологию советского общества. В то же время происходящая интеграция — это исключительно многосторонний процесс и очень полезный для жизни каждой нации. Это особенно чувствуют, конечно, малые страны. Для них интеграция имеет абсолютное жизнен-

ное значение. И мы являемся свидетелями того, как изоляционистские тенденции, господствующие в СССР, втягивают наших социалистических друзей в Восточной Европе в общеевропейскую интеграцию. Мы уже отмечали, что туризм в Югославию, Венгрию, Польшу, Чехословакию, Румынию из капиталистических стран в несколько раз больше, чем из Советского Союза. И наоборот, граждане этих стран чаще и свободнее ездят к своим капиталистическим соседям, чем в СССР. Даже маленькая Австрия, не имеющая морских курортов, разнообразия природы, пространств, с ее 8 миллионным населением, намного обогнала Советский Союз, как объект туризма, из Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии. И это понятно, так как туризм развивается на основе взаимности. Возникают неконтролируемые сверху силы притяжения и симпатии, ибо любой турист не изслирован от населения той страны, куда он приехал. Сближение государств сейчас, в период массового туризма, основано на сближении и дружбе людей в большей степени, чем на дружбе лидеров. Интерес к той или иной стране определяется в значительной степени теми знаниями, вернее, объемом знаний об этой стране, как прямыми, основанными на взаимном туризме, так и косвенными, связанными с получаемой о стране информацией из книг, газет, журналов, кино, по поступающим товарам, по радио и т. д. Наше население почти ничего не знает об Индонезии, об Австралии, о Новой Зеландии и поэтому события в этих странах нас не очень волнуют. Объем знаний наших людей о множестве других, даже близких стран, удивительно низок, так как прямая информация об этих странах тоже исключительно мала. Главным источником информации о заграница для советских людей стал в последние годы тенденциозный журнал «За рубежом», печатающий тщательно стселектированные переводы из иностранной прессы. Сухие отчеты о международном туризме свидетельствуют о том, насколько СССР отстал от общемировых тенденций к интеграции, насколько усили-

вается наша относительная изоляция от остального мира.

1967 год был объявлен «Годом международного туризма». К этому решению Генеральной Ассамблеи ООН присоединилась и наша страна. В связи с этим именно в 1967 г. стало обычаем изучать и подводить итоги туристической активности разных стран. Интересно привести серию цифр. В 1965 г. во всем мире, по данным ЮНЕСКО, зарегистрировано 115 миллионов прибытий иностранных туристов, в 1966 — 128 миллионов. (В эту цифру не входят нерегистрируемые международные поездки, например, из Норвегии или Финляндии в Швецию). Расходы туристов в 1966 г. составили 13 миллиардов долларов. По сравнению с 1958 г., т. е. за 8 лет, прирост числа туристов в мире составил 239%, это была самая быстроразвивающаяся отрасль экономики во всем мире. (См. «Бюллетень туристской информации», № 3, 1967 и «Курьер ЮНЕСКО», № 12, 1966 г.). Эти цифры относятся именно к туристам и не учитывают деловых международных поездок. Насколько высоки могут быть суммарные цифры международных поездок людей, можно судить по тому, что только авиакомпании в 1965 г. перевезли 180 миллионов международных пассажиров.

«Курьер ЮНЕСКО» (№ 12, 1966 г.) сообщает, что в Западной Европе международный туризм составляет сейчас в среднем 8% семейных расходов. За последние 10 лет число пересечений границ иностранными автомашинами возросло: в Испанию в 6 раз, в Данию в 6,5 раз, в Югославию в 30 раз и т. д. Из Англии в 1965 г. выезжали за границу 6 000 000 человек, из Италии 3 000 000, из Франции около 7 000 000. Пересекли Атлантику в 1965 г. для визитов в Европе 2 500 000 граждан США. Европа стала главным в мире объектом туризма. В 1950 г. в Европе было зарегистрировано 16 миллионов международных туристов, в 1963 г. — 66 миллионов, в 1966 г. — 99 миллионов. И это только частичные цифры. «Курьер ЮНЕСКО» признает, что в Европе удается зарегистрировать только 45% международных поездок

граждан, так как свободное безвизное передвижение граждан и обилие кемпингов для автотуристов, не прибегающих к услугам туристических фирм, создали трудности в регистрации числа находящихся в каждой стране иностранцев.

Африка в общем балансе международного туризма составляет около 1%, Азия и Австралия 2%, Ближний и Средний Восток 2,6%.

Некоторые страны пользуются особой популярностью, как объект туризма. На первом месте в мире стоит Испания, ее в 1965 г. посетили 17 миллионов иностранцев, и чистый доход от туризма составил более миллиарда долларов. На втором месте в 1965 г. была Италия, которую посетили 15-16 миллионов иностранных туристов. Туристическая прибыль Италии также в 1965 г. составила более миллиарда долларов. «Бюллетень туристской информации» (№ 7, 1967 г.) сообщает со ссылкой на журнал туристической статистики Италии, что в 1966 г. Италию посетили всего 26 миллионов иностранцев с туристическими и деловыми целями. Интересно распределение этих иностранцев, побывавших в Италии по нациям: 5 500 000 немцев из ФРГ, 4 600 000 французов, 2 622 000 австрийцев, 565 000 датчан, 1 006 000 бельгийцев, около 3 000 000 англичан, 1 705 000 американцев (из США) и т. д. На последнем месте в опубликованном списке стоит Пакистан. Из этой далекой страны приезжало в Италию 14 000 человек. Советский Союз оказался за пределами списка, в числе других стран, количество визитов из которых не превышало 10 000. Даже малюсенькие страны Европы несравненно обогнали Советский Союз по данному показателю. Из Норвегии Италию посетили 206 000 человек, из Ирландии — 88 000, из Финляндии — 111 000, из Люксембурга — 112 000. Среди социалистических стран на первом месте по числу туристических поездок в Италию была в 1966 году, естественно, Югославия, в Италии побывали 1 200 000 ее граждан.

Югославия — первая из социалистических стран, признавшая право на свободу путешествий и обеспечившая его соответствующими мерами. В результате этого, в 1966 г. Югославия перегнала по числу посетивших ее туристов Англию*. В Югославии побывало в 1966 г. 3 600 000 иностранных туристов, в 3 раза больше, чем в СССР. Англию в 1966 г. посетили 3 100 000 человек из-за границы. При распределении по европейским нациям на первом месте по числу визитов в Англию французы, на последнем — поляки. Их побывало в Англии всего 13 000 человек. Советский Союз и здесь вышел за пределы списка (меньше 10 000), отстав от Польши.

Советская туристическая статистика, к сожалению, тщательно скрывает распределение советских туристов, выезжавших за границу, по странам. Не сообщаются и цифры приезда иностранцев в СССР по их национальности. У нас публикуются лишь балансовые суммарные цифры, которые без дифференцировки по странам не могут быть объективно проверены и проанализированы.

В 1965 г. СССР по суммарным данным посетили 1 260 000 иностранцев. Между тем маленькую Норвегию в этом же году посетили 3 500 000 иностранцев (см. «Бюллетень туристской информации», № 6, 1967).

Издаваемый в СССР массовый туристический журнал

*) *Примечание в октябре 1968 г.* Первой страной в составе Варшавского пакта, законодательно осуществившей свободу въезда и выезда для своих граждан и свободу международного туризма, была Чехословакия. В результате этого возникла теоретическая возможность эмиграции немцев из ГДР через Чехословакию, а также эмиграция поляков, венгров и других граждан. Для того, чтобы это предотвратить, следовало бы рассматривать Чехословакию при решении вопроса о туризме, как капиталистическую страну. Возникшая проблема была одной из тех, которые другие страны Варшавского пакта пытались решить путем оказания Чехословакии «братской» помощи, введя в ЧССР полумиллионную армию и перекрыв ее границы с ФРГ и Австрией. Следует однако отметить, что в действительности, после осуществления в Чехословакии демократической системы международных связей, началась не эмиграция, а реэмиграция чехов и словаков, покинувших когда-то свою родину. Домой возвратились из-за рубежа десятки тысяч граждан, в основном интеллигенции. После оказания ЧССР дружеской союзной помощи, эти люди снова стали эмигрировать из страны. Покинуло ЧССР после августа 1968 г. около 70 000 человек.

«*Турист*» популяризирует только внутренний туризм. Даже в «Год международного туризма» этот журнал не поместил почти ни одной статьи о международных путешествиях советских граждан. Только в одном из номеров (№ 5) была опубликована сухая статья заведующего отделом информации «Интуриста СССР» В. Бабкина по вопросам международных путешествий. В. Бабкин несколько странным образом признал, что международный туризм в мире стал массовым.

> «... Страх перед революцией, — пишет он, — успехи социалистических стран, давление рабочего движения вынудили буржуазию идти на частичные уступки в отношении условий труда и социального обеспечения. Это явление проявилось, в частности, в демократизации социального состава туристов в капиталистических странах» (стр. 30).

К этим словам следовало бы посоветовать В. Бабкину провести сравнительный анализ социального состава международных туристов в СССР, особенно тех, кто отправляется в капиталистические страны (оплата туров в эти страны очень высокая). Уверен, что процент рабочих и крестьян среди советских интуристов будет ниже, чем у интуристов Англии или ФРГ.

По данным В. Бабкина, в 1966 г. за границу выезжало (в деловые и туристические поездки) 1 280 000 советских граждан. Хотя эта цифра по современным европейским масштабам весьма невелика, лично у меня она вызывает сомнение. Та статистика, которую «Бюллетень туристской информации» приводит со ссылками на иностранные туристические Бюллетени, показывает, что итоговые величины, приводимые Бабкиным, страдают преувеличением. При этом не менее 80% советского туризма приходится на 5 стран: Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию и Чехословакию.

Следует отметить, что советский зарубежный туризм отличается значительно меньшей контактностью с населением. Примерно на 95% это групповой туризм, а не индивидуальный. Группы и делегации советских ту-

ристов имеют строгую регламентацию программы. Между тем, по данным ЮНЕСКО, в международном туризме стал преобладать индивидуально-семейный. В 1965 г. он составил 90% общего туризма. 75% туристов путешествовали по Европе в собственных автомашинах. В связи с этим международный туризм для иностранцев был намного дешевле, чем для советских граждан. Францию в 1967 г. посетили 1 900 000 англичан и ирландцев. 56% из них останавливались не в отелях, а в автокемпингах. (Бюлл. тур. инф., № 1, 1968). В Японии открыты специальные удешевленные отели для международного молодежного туризма, где за полтора доллара в день предоставляется ночлег, завтрак и обед. Число иностранных туристов в Болгарию в 1967 г. достигло 2 миллионов человек, то есть намного превысило иностранный туризм в СССР. А ведь в Болгарии все население составляет 8 000 000 человек. Маленькую Австрию в 1966 г. посетили почти 7 миллионов иностранных туристов, причем число советских туристов оказалось за пределами опубликованной Австрией таблицы распределения визитов из разных стран. В Финляндии 3 миллиона жителей. Из них 1 миллион ежегодно бывает только в Швеции, причем 57% из них приезжают в Швецию для отдыха и развлечения.

Интересно отметить, что самая богатая страна — США в связи с бурным развитием международного туризма оказалась в трудном положении. Поездка через Атлантический океан не относится к числу дешевых (около 500 долларов самолетом в оба конца). Для более богатых американцев совершить такую поездку легче, чем для европейцев. Поэтому в Европу ежегодно приезжает намного больше американцев, чем в США европейцев. В 1966 г. заморские поездки совершили 2 975 000 американцев (в Европу, Азию, Африку), США же посетили из-за океана 1 360 000 человек. Американцы истратили за границей 4 миллиарда долларов (Бюлл. тур. информ., № 9, 1967). При той угрозе долларовой инфляции, которая возникла из-за колоссальных расходов США на

войну во Вьетнаме, на военную помощь другим странам и содержание своих заморских баз, такие расходы туристов представили финансовую проблему. На 1968 г. Правительство США ввело специальный налог на расходы долларов за границей и это по прогнозам снизит туризм из США в 1968 г. на одну треть. В то же время в США скопились большие излишки валюты некоторых стран (Цейлон, Бирма, Югославия, Польша, Тунис, ОАР, Индия, Пакистан, Конго, Гвинея, Израиль) и в эти страны американский туризм будет особенно поощряться (см. Сайенс (Science), том 159, № 3819, стр. 1080, 1968).

Можно приводить аналогичные цифры, данные, сопоставления и дальше. Они отчетливо говорят о том, что международное сотрудничество людей на всех уровнях стало потребностью в современном обществе. Возникло повсеместное желание сравнивать, изучать, наблюдать жизнь других наций и социальных систем. Разнообразие стран, расовое, политическое, культурно-историческое, стало фактором не отталкивания, а притяжения, развивающим взаимный интерес в такой же степени, как и разнообразие природных ресурсов и естественных богатств.

Резко вырос межнациональный семейный обмен детьми на длительные сроки. Это способствует прекрасному знанию иностранных языков и нравов других стран уже с детского возраста и вообще является прекрасным воспитательным приемом. Вся Европа покрылась сетью особых «юношеских» отелей, почти бесплатных, в которых все обслуживание ведется на общественных началах. Эти отели сделали международный и внутренний туризм для школьников любимой формой летнего отдыха, и это несомненно более прогрессивная, полезная и приятная форма отдыха, чем окруженные заборами летние лагеря для советских школьников.

На другом возрастном полюсе туризм стал особенно популярен. Возникли «передвижные общества» пенсионеров, живущих в домиках на колесах «трейлерах» и

перемещающихся из одной страны в другую. Это резко повышает тонус у пожилых людей, страдавших ранее от одиночества и незанятости.

Я, как геронтолог, видел наши советские дома для престарелых. Зрелище убогое и тяжелое. И здесь, в этом вопросе моя профессиональная цель совпадает с моей социологической целью, поставленной в настоящем исследовании. Международное сотрудничество, международный туризм, свобода передвижения не только полезны для науки, для техники, для развития общества, интеграции человечества. Они, оказывается, и просто полезны для здоровья и становятся хорошей формой решения некоторых важных вопросов геронтологии, той науки, с которой и начался мой интерес к проблемам, рассмотренным в настоящей работе.

Примечание в мае 1969 г.

В 1969 г. в «Бюллетене туристической информации (№ 2, стр. 1, 1969) были, наконец, опубликованы данные о числе туристов из СССР и в СССР дифференцированно по странам. Эти данные приведены в форме таблицы итоговых цифр за 1966-68 гг. Никаких комментариев к таблице «Бюллетень» не публикует. Поскольку мы уже приводили ранее некоторые сопоставления по материалам 1965-67 гг., то интересно проанализировать итоговые данные за 1968 г.

По данным Интуриста, в 1968 г. в СССР приезжало 1 686 160 иностранных туристов (1 083 292 из социалистических стран и 592 862 из капиталистических). Из СССР в 1968 г. выезжали в туристические поездки за границу 1 499 963 человека, среди них 804 328 в социалистические и 695 635 в капиталистические страны.

Общий баланс международного туризма СССР, при сравнении его с другими европейскими странами, попрежнему незначителен и в Европе по туристическим показателям Советский Союз занимает последнее место. Например Венгрию в 1968 г. посетили 4 миллиона иностранцев — это втрое больше, чем в СССР (Бюлл. тур. информации, № 1, 1969). Однако даже эти минимальные для европейской страны цифры, опубликованные Интуристом, при внимательном просмотре таблицы вызывают серьезное сомнение. Для примера возьмем раздел советского туризма в капиталистические страны. Раньше мы отмечали, что этот вид туризма для советских граждан особенно труден. Цифра в 695 635 казалось бы все же немалая, если учесть сложность оформления таких поездок. Достоверна ли она? Простой взгляд на распределение туристов по отдельным странам показывает, что она недостоверна. И при этом с многих точек зрения.

В таблице эта цифра суммируется из данных советского туризма в 16 основных в туристическом отношении стран (Австрия, Бельгия, Великобритания, Дания, Индия, Италия, Канада, Нидерландия, Норвегия, Финляндия, Франция, ФРГ, США, Швеция, Швейцария, Япония). Все остальные страны даны под рубрикой *«Прочие страны»*. В 1968 г. на долю 16 основных туристических стран приходилось 397 251 визитов из СССР, на долю *«прочих стран»* 298 384 визита. В 1967 г., по данным той же таблицы, *«прочие страны»* занимали еще

большую долю в советском туризме — 347 120 визитов. Что же это за «прочие капиталистические страны», на которые падает почти половина советского туризма? В Европе — это Греция, Исландия, Испания, Португалия, Люксембург, Монако, Сан-Марино. Однако в Грецию, из-за фашистского режима советский туризм почти отсутствует. С Испанией и Португалией у СССР дипломатических отношений нет и поэтому поездки советских граждан в эти страны единичны. Микро-государства, вроде Сан-Марино или Монако посещают в основном карточные игроки. В Америке «прочие страны» — это Южно-американские государства. Поездка в эти страны примерно на 400 рублей дороже, чем в США, да и не со всеми из них есть дипломатические отношения. Если же в США в 1968 г. побывало, по данным Интуриста, около 3 тысяч человек (минимальная цифра по группе указанных в таблице капиталистических стран), то в Южной Америке не могло побывать большое число. Остаются Африка и Ближний и Дальний Восток. В арабские страны из-за напряженной ситуации советский туризм был несомненно минимальным, в Индонезию, по-видимому, вообще не приезжал ни один турист из СССР. Про Филиппины, Тайланд и пр. говорить не приходится. Остается т. н. «Черная Африка» — на нее то и приходится почти половина советского туризма. Африка составляет 1%. Вряд ли она может составлять больше 1% и для советского туризма. Допустить, что в Африке и Азии в 1967-68 гг. побывало 600 000 советских туристов, конечно, нельзя. Это ведь намного больше, чем общая цифра всех советских туристов за два года в Западную Европу — основной мировой центр международного туризма. Произвольный характер итоговых цифр по «прочим странам» подтверждается и балансом обратного туризма в СССР. Из 16 перечисленных выше основных капиталистических стран в 1968 г. приехали в СССР 592 868 туристов. Из т. н. «прочих стран» только 92 915 человек. Для «прочих стран» создается слишком большой разрыв приезда в эти страны советских туристов и выезда из этих стран их собственных граждан. Туризм с «прочими странами» приносит Советскому Союзу большие валютные убытки, тем более, что вряд ли у нас есть излишки валюты этих стран. Туризм с основными капиталистическими странами обеспечивает прибыль. При этом убыточный туризм с «прочими странами» продолжается из года в год. Можно ли в это поверить? Не введены ли цифры по «прочим странам» произвольно, для поднятия итоговых данных, для видимого сбалансирования приезда в СССР и выезда из СССР?

Вызывает большое сомнение и слишком высокие показатели советского туризма в Японию. Таблица приводит цифру советских туристов в Японию в 1968 г. (71 169), которая значительно превышает советский туризм, например в Италию или Францию. Между тем стоимость поездки в Японию в два раза выше, чем во Францию. Из Японии в СССР приехало почти втрое меньше туристов и таким образом туризм в Японию также приносит Советскому Союзу валютные убытки.

Неясным остается при разборе таблицы и другой вопрос. Во многих поездках, особенно при туризме по морю (круизы), один человек за поездку посещает от 6 до 10 стран. Суммируя данные советских туристов в разных странах, «Интурист» не вводит никакой поправки в итоговых цифрах. Он, вместо числа советских туристов, дает по существу число визитов советских граждан в разные страны. Неизвестно также являются ли приводимые по странам цифры — цифрами туризма, или это общие цифры всех посещений данной страны, не только с туристическими, но и с деловыми целями, с включением сюда моряков торгового флота, строителей Асуанской плотины и т. д.

Особое положение в группе капиталистических стран по туризму в СССР занимает Финляндия. В 1967 г. из Финляндии в СССР при-

езжали 327 980 туристов, почти половина общего числа туристов из всех капиталистических стран. В 1968 г. туризм из Финляндии снизился до 192 025 человек, что составляло почти 30% всего туризма из капиталистических стран и 50% всего европейского туризма в СССР. А ведь в Финляндии проживает меньше 1% населения Западной Европы. То, что маленькая Финляндия составляет почти половину туризма в СССР из т. н. «валютных» стран, отчетливо показывает сколь слабо используем мы туристические возможности своей страны и сколь большую роль играет облегченный «безвизный» въезд финнов в СССР. Однако, поскольку визиты из Финляндии ограничиваются зоной Ленинграда и Эстонии и в основном составляют очень короткие одно-двух дневные поездки, то экономическое значение их не может быть очень большим.

Для экономических сопоставлений и вообще для получения правильных представлений о состоянии проблемы, Интурист должен публиковать не произвольные цифры «визитов», а данные о расходах и доходах международного туризма в СССР.

По группе социалистических стран в 1968 г. на первом месте по числу советских туристов была Польша (216 509 человек), на втором — Болгария (125 558).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЧТО БЫ АВТОР ХОТЕЛ СКАЗАТЬ НЕКОТОРЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ В СССР ПОЛИТИКУ И ПРАКТИКУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

1. «Интуристу»

Название вашей монопольной фирмы для международного туризма в СССР и из СССР сохранилось, как я чувствую, с тех времен, когда советских туристов за рубеж не было. Имелись лишь иностранные туристы в СССР и при этом в весьма скромном количестве. Сейчас в качестве придатка к прежней функции приходится вам обслуживать и советских туристов. Но вы почему-то делаете это очень странным образом. Я както, не найдя какой-либо конторы «Интуриста» в своем областном центре, приехал в Москву и зашел в центральную контору «Интуриста» для того, чтобы узнать, какую заграничную поездку мог бы предложить мне «Интурист» на осень 1967 г., на оставшиеся у меня неизрасходованными две недели отпуска. Я представил себе положение какого-нибудь мексиканца или шведа, перед которым стояла бы такая же проблема — отдохнуть две недели за рубежом. К его услугам были бы десятки туристических агентств и фирм. Туда только зайди, и выйдешь через полчаса с полной программой и билетами на все намеченные маршруты. Но я не был мексиканцем или шведом и поэтому поставил перед собой скромную задачу узнать в «Интуристе» о возможности для меня поехать в сентябре 1967 г. в одну только страну, в Чехословакию. Это было еще до смещения там Новотного и некоторых внутренних волнений.

Центральная контора «Интуриста», расположенная в монументальном здании бывшего Посольства США

возле гостиницы «Националь», порадовала меня четкой организацией и структурой отделов. На дверях кабинетов внушительные вывески «Директорат по Швеции», «Отдел Конгрессов», «Директорат по советскому туризму в страны Африки и Азии», «Директорат по малым странам», «Директорат по советскому туризму в Чехословакию, Венгрию и Польшу». В эту дверь я и постучался. Комната с несколькими столами и на стенах плакаты, рекламирующие красоты соответствующих стран. Над столом справа висел плакат с видом на морской курорт Болгарии, над столом слева панорама Праги. Здесь сидела девушка, ведавшая туризмом советских граждан в Чехословакию. Судя по статистике, в Чехословакию отправляется ежедневно 150 туристов, а в Болгарию почти 500, но посетителей в комнате не было. Я подошел к столу, за которым работала сотрудница по Чехословакии и изложил ей свое пожелание. Она сначала не могла меня понять, а когда поняла, посмотрела на меня так, как будто я, по крайней мере, свалился с Луны или с Марса.

«Простите, товарищ, но вы разве не знаете, что «Интурист» непосредственно отдельных граждан не обслуживает. Мы имеем дело только с организациями, министерствами и областными комитетами профсоюзов. Частными лицами мы не занимаемся».

«Как же так, начал спорить я, мне известно, что из-за границы к нам приезжают в основном индивидуальные туристы».

«Ну так это же избранцы. У нас же нужно пройти оформление. Обратитесь в отдел по иностранному туризму советских граждан при Московском Совете профсоюзов, там вам все разъяснят. Но сейчас все равно бесполезно, лимиты на этот год в Чехословакию исчерпаны».

Я отправился в Областной Совет московских профсоюзов, на улице Белинского. Небольшая комната, где сидели три инспектора по зарубежному туризму советских граждан, также не страдала от наличия посети-

телей, хотя здесь, казалось бы, сходятся нити международного туризма всей многомиллионной Москвы. Я опять изложил здесь свое пожелание. И опять реакция была отрицательной. «... Мы не оформляем индивидуальных туристов, только группы по представлению ведомств. Только ведомства могут рассматривать «Выездные дела». Вы должны обратиться по вопросам туризма в свое учреждение», — пояснил мне инспектор.

Итак, мне стало ясно, что агентства или фирмы, которые бы обслуживали советских граждан в области зарубежного туризма по тому же типу, по которому любая туристическая фирма в любой цивилизованной и нецивилизованной стране обслуживает своих граждан, в СССР нет. Международный туризм в СССР — это пока одна из форм деятельности государственных учреждений, заводов, институтов, министерств. Они являются посредниками между «Интуристом» и индивидуальным гражданином, захотевшим путешествовать. Нормально ли это? Конечно, нет. По существу такая структура зарубежного туризма лишает его главного качества, чувства отдыха, отрыва от служебной обстановки, от привычности. Даже за границей человека окружают его же сослуживцы, за ним бдительно смотрит руководитель группы. Выбирая для отдыха в период отпуска зарубежную поездку, никто не может быть полностью уверен, что это будет возможно, что поездку не отменят, что все стадии оформления будут успешно пройдены, что все не кончится лишь ощущением унижения, в результате ничем не аргументированного отказа.

Мне кажется, что «Интурист» должен относиться к советским гражданам столь же гуманно, как он относится к иностранцам. Нужно дать этой фирме новое название, например «Международный турист» и возложить на нее функции *оформления* индивидуальных туристов и групп, освободив от подобной обязанности другие советские учреждения. И следует, конечно,

упростить систему оформления, особенно для повторных путешествий. Это не только рационально, но и экономно. Сейчас оформлением туристических групп занимаются тысячи учреждений, сотни ведомств. Армия служащих проверяет в год не менее полутора миллионов «Выездных дел», «Автобиографий», тщательно анализируя все ответы на все вопросы, особенно присматриваясь к некоторым. При этом турист не знает, какое значение имеют эти некоторые, по сути дела унизительнейшие вопросы и ответы. Кто например, может предвидеть значение ответа на 17-й вопрос «Были ли Вы или Ваши родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, кто, где, когда, при каких обстоятельствах освобождены?»

Сидящие в различных «Иностранных отделах», эти служащие работают без норм, им в большинстве случаев нечего делать. Если перевести всю эту бумажную волокиту из бюджетных ведомств в туристическое агентство, работающее на хозяйственном расчете, по принципу рентабельности, то процедура оформления немедленно будет упрощена, а служащие загружены полностью. Число непроизводительно работающих людей в стране уменьшиться и те миллионы человекодней, которые пропадают зря на оформление анкет, справок, характеристик и прочего и на их проверку, будут использованы на что либо более достойное.

Если мы сделаем все это в ближайшие годы, то может быть вскоре Советский Союз догонит по международному туризму Болгарию или Финляндию.

2. Всесоюзному Географическому Обществу

Ваше общество имеет богатейшие традиции и многие годы пользовалось заслуженной славой. В вашем скромном доме в Демидовом переулке в Петербурге выступали с отчетами о своих экспедициях выдающиеся российские путешественники И. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай, Г. Грумм-Гржимайло, В. Семенов-

Тянь-Шаньский, Лангсдорф, Ю. М. Шокальский. Почти десять лет Президентом общества был Н. И. Вавилов, горячий энтузиаст ботанико-географических экспедиций.

Но мне кажется, что расцвет Географического Общества приходится все же на конец прошлого века. Некоторый подъем активности был заметен в конце двадцатых, начале тридцатых годов, а затем в развитии сухопутной экспедиционной географии наступила депрессия, не ликвидированная до настоящих дней. Даже бывший Президент Географического общества Н. И. Вавилов после 1934 г., до самого дня своего ареста в августе 1940 г., не получил разрешения ни на одну из зарубежных экспедиций, которые он хотел осуществить. На Международном Географическом конгрессе в Варшаве в 1964 г. от СССР было лишь два представителя.

Но и в наше время серьезные путешествия советских ученых по странам мира стали редкостью. В Антарктиду, или на Северный полюс для советского географа, ботаника, зоолога, этнографа, энтомолога, растениевода легче попасть, чем в экспедицию в Австралию, в Южную Америку, в Африку, в Индию, или Пакистан. Морские экспедиции на специальных судах стали явно преобладать над сухопутными.

Сколько у нас востоковедов, никогда не видевших стран ими изучаемых? Сколько африковедов, не бывавших в Африке? Сколько американоведов, не бывавших в Америке? Большинство! А сколько в СССР учителей географии, никогда не видевших чужой страны? Тоже большинство.

Как-то получилось так, что о других странах мы узнаем чаще из очерков журналистов или писателей, чем от географов и исследователей. За годы советской власти не было, в частности, ни одной серьезной географической поездки в Австралию и только недавно мы узнали об этой стране из путевых заметок писателя Даниила Гранина, там побывавшего («Месяц вверх ногами», Лениздат, 1966). Перед своей поездкой в Австралию Д. Гранин зашел в Институт антропологии и этно-

графии Академии Наук СССР в Ленинграде в отдел Австралии, чтобы узнать там от ученых все возможное об этой стране. Эпизод об этом посещении запомнился мне в книге сильнее всего.

Дан. Гранина встретили в институте эксперты по Австралии. Они показали писателю десятки книг, альбомов, карт, своих статей и трудов об Австралии. Но все эти труды писались авторами заочно. Сам Гранин далее говорит об этих австраловедах:

> «...Они улыбнулись как-то опечаленно. Никто из них, оказалось, в Австралии не был. Всю жизнь они изучали Австралию издали, как астрономы. Они знали про Австралию все. Ее краски, ее людей, запахи, легенды, песни, живопись. Точность их знаний я смог оценить, лишь вернувшись из Австралии. Я пришел в институт рассказать о поездке и не заметил, как стал слушать их рассказы.
>
> В тот первый раз Владимир Рафаилович повел меня в музей. В пустом полутемном зале сидели за стеклом пыльные аборигены, среди своих бумерангов, топоров и копьеметалок. Коллекции были составлены Миклухо-Маклаем и затем Ященко. С тех пор, как шестдесят лет тому назад Австралию посетил Ященко, особых пополнений музей не получил. Экспедиции не посылают. Владимир Рафаилович — один из тех наших австраловедов, которые изучают аборигенную жизнь во всех ее подробностях: его можно пустить к аборигенам, и никто не отличил бы его от любого обитателя аборигена. Но, сидя на Васильевском острове, Миклухо-Маклаем не станешь. Слушая его, я чувствовал, что он готов хоть на плоту, как Тур Хейердал, добираться до своей Австралии. Сколько возможных Миклухо-Маклаев, энтузиастов, мужественных, самоотверженных, несостоявшихся путешественников вынуждено проводить свою жизнь в этих комнатах, заставленных книжными шкафами» (стр. 17).

Большую часть наших сведений о современной, вернее недавней Южной Америке, об Африке, Азии, о быте населяющих эти континенты народов, узнавали мы в последние 15 лет из книг чешских инженеров-путешественников Иржи Ганзелка и Мирослава Зикмунда. А ведь география стала исключительно комплексной

наукой. Без географических исследований не могут развиваться ни современная ботаника, ни зоология. В пределах СССР имеется не более 1% общей суммы животных и растительных видов, населяющих нашу планету. Но для зоологов и ботаников нашей страны открыты свободно лишь ворота зоопарков и ботанических садов. Не могут развиваться без международных экспедиций почвоведение, растениеводство, этнография, антропология. Даже генетика требует сейчас обширных экспедиционных исследований и в составленные карты мирового распределения ряда наследственных болезней, крупнейшего достижения генетики человека последнего десятилетия, не было вложено почти ни одной крупицы советских генетико-географических исследований, за исключением тех, которые проводились внутри СССР. Да и здесь было сделано очень мало и многие карты такого рода не захватывают нашу страну.

Мой первый учитель профессор П. М. Жуковский, став в 1951 году директором Всесоюзного института растениеводства, пытался возродить вавиловские экспедиционные традиции. По ходу научной работы институту требовалась экспедиция в Южную Америку за дикими видами картофеля, произрастающего там, у себя на родине, в изобильном разнообразии. Институту нужны были иммунные виды для скрещиваний. Разрешение на экспедицию «пробивалось» несколько лет. Планировалась поездка группы сотрудников во главе с директором. Но через все разрешения на поездку успешно прошел лишь один человек — директор института. Даже главный специалист по картофелю, когда-то, под руководством Вавилова нашедший в Южной Америке много новых видов картофеля, не смог получить разрешения на экспедицию в 1956 г. П. М. Жуковский сначала хотел отказаться от поездки, но затем решил ехать. Много лет назад, в другой экспедиции в Малую Азию, он тоже два года бродил один. «Экспедиция состояла из нас одного...», писал он тогда в предисловии к своей книге «Земледельческая Турция».

Эту фразу ему пришлось повторить и в 1956 г., с той лишь разницей, что теперь ему было 70 лет и одному проводить полевые работы было нелегко, вести сбор растений, упаковку, отправку, да еще в тропической зоне. Но и в этой экспедиции было сделано очень много. А насколько больше можно было бы сделать, если бы вся намеченная группа, включавшая и молодежь, смогла бы совершить эту экспедицию.

А сколько волнующих путешествий совершили в последние годы иностранные моряки-одиночки, любители кругосветных маршрутов на маломерных судах и яхтах. Недавно узнали мы и о двух таких советских смельчаках, прошедших более тысячи километров в Ледовитом океане. Но почему только Ледовитый океан открыт для советских мореходов-любителей?

География — это наука, которая не может развиваться без романтики путешествий, без мужества и без любителей приключений, без риска неизведанных дорог. Сейчас возможно представить, что именно советские исследователи первыми побывают на Венере. Но в изучении собственной планеты мы явно отстаем. И виной этому не боязнь трудностей. Многим, очень многим легче перейти горы Тянь-Шаня, пробраться через тропические джунгли, пересечь Сахару и переплыть Тихий океан, чем преодолеть препятствия анкет, «выездных комиссий» и планов «человеко-валюто-дней».

3. Идеологической Комиссии ЦК КПСС

Идеологическая Комиссия ЦК КПСС контролирует в нашей стране и науку и печать и поэтому настоящая книга на своем несомненно трудном пути к опубликованию не может, по-видимому, миновать эту Комиссию. Тем более, что в ней мы неосторожно коснулись и вопросов идеологии. Вместо того, чтобы говорить о непримиримой борьбе идеологий, мы говорили о какой-то тенденции к интеграции (но и интеграция может быть

результатом борьбы). Поэтому мне хочется еще раз объяснить свою позицию, свои цели и задачи, поставленные при работе над этой книгой. Подождите, повремените объявлять ее «идеологической диверсией», «антисоветской», «антипартийной». Когда-то в 1963 г. другую мою книгу, научную монографию по синтезу белков, уже вышедшую из печати, в нашей же Комиссии, на специальном совещании редакторов, бывший заместитель Председателя Комиссии тов. Снастин тоже объявил примером «идеологической диверсии» только потому, что несколько страниц в этой книге были посвящены критике Т. Д. Лысенко, вернее его концепций о наследственности. Это же обвинение повторил бывший Секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев в речи на июньском идеологическом Пленуме ЦК КПСС 1963 г. Книгу тогда срочно изъяли из всех магазинов и выдрали в типографии крамольные страницы, заменив их нейтральным текстом. Но прошло немногих больше года и стало очевидно, что Лысенко действительно был псевдоученым, очковтирателем и его «материалистическая» биология оказалась блефом.

А сколько аналогичных историй можно рассказать из области химии, физики, юридических наук? «Краткий курс истории ВКП(б)», когда-то вершина марксистской мысли, сейчас под запретом. Бывшие «враги народа» реабилитированы, а их обвинители чувствуют себя очень неловко. История последних 15 лет учит нас *не спешить с выводами*, даже если они кажутся несомненными.

Само по себе понятие *«идеологическая диверсия»*, которое в последние годы очень часто применяют как обвинение и даже в судебных рассмотрениях, весьма субъективно и неопределенно. Оно научно безграмотно, абсурдно. Если идеология — наука, если коммунизм — наука, если марксизм-ленинизм тоже наука, то любая критика, любых положений этих наук — это тоже наука, а не «диверсия». В любой науке, если она не набор

пустых догм, всегда какие-то положения устаревают, требуют замены, всегда появляются новые идеи, новые положения, в связи с новой обстановкой, новыми условиями, новыми взаимосвязями. «Диверсия», с точки зрения смысла этого понятия, буквально означает акт саботажа или вредительства в лагере противника с помощью засланных туда, или завербованных на месте агентов. Следовательно, если наши идеологические противники, например, британские лейбористы или китайские маоисты публикуют критические положения о каких-то аспектах жизни в СССР, например, лейбористы о засилье цензуры и отсутствии свободы печати, а китайцы о слабости цензуры в СССР и ее неспособности предотвратить появление в печати ревизионистских статей, то это по существу не диверсия. Это критика извне. Но если такие же мысли начинают высказывать советские граждане, то это обычно называют диверсией, вернее «идеологической диверсией», а советские граждане, которым приходят в голову подобные мысли, считаются идеологическими агентами западных или восточных держав. Если же советский гражданин выскажет критические мысли на страницах зарубежной прессы, то это расценивается еще хуже, как акт «идеологического предательства», или даже как преступление.

В основе такого рода подхода нет никакого здравого смысла, не говоря уже о научной логике. Он основан лишь на принципе *непогрешимости*, принципе, который может быть лишь догматом религии и абсолютистской власти. Поскольку сложно устроенная государственная система и реальная жизнь, политическая и экономическая, не могут нормально существовать без критики и самокритики, без анализа ошибок, недостатков, оценок результатов работы и т. д., то возникла необходимость определить, какие формы критики являются «идеологической диверсией» и какие нет, какие могут считаться полезной самокритикой, способствующей развитию общества по пути к конечной цели — строительству коммунизма. Для правильного разграничения этих

вариантов и существует, насколько я понимаю, Идеологическая комиссия и отчасти цензура, вне ее задач по предотвращению утечки военных тайн.

И вот здесь то мне, как научному работнику, привыкшему анализировать факты, совершенно очевидно, что *никаких четких критериев для разграничения допустимых форм критики не существует.* Мы все видим, что то, что было можно и даже похвально делать несколько лет назад (например, ругать культ личности и вскрывать ошибки и преступления Сталина, хвалить «мичуринскую биологию», совнархозы, публиковать литературные произведения на «лагерную» тему, хвалить уклад жизни в Югославии и т. д.), сейчас уже нельзя, сейчас это уже попадает под понятие «идеологическая диверсия». Цензура в 1968 г. не пропустила бы в печать многих произведений 1960-1962 гг. если бы они были написаны не тогда, а сейчас. «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына был в 1962 г. опубликован в результате единогласного голосования Президиума ЦК КПСС и восторженно принят критикой и читателями, сейчас же эту повесть потихоньку изымают из публичных библиотек. Но ведь инструкции, на основе которых цензура меняет лицо прессы и направленность критики, строго секретны. Как же можно узнать различие между нормальной критикой и «идеологической диверсией» на каждый данный момент?

Разграничительные критерии разрабатываются, следовательно, теми кто определяет характер инструкций для цензуры и директив для ведущих редакторов изданий. Кто же они? Я думаю, что не ошибусь, если сделаю предложение, что эти директивы разрабатываются в Политбюро ЦК КПСС, в органе политического руководства, к которому все мы относимся с максимальным доверием. И тем не менее я не считаю такой порядок определения допустимых границ критики научно правильным. Если идеология общества в ее широком понимании — это наука, а не просто орудие политической власти, то орган власти государственной или полити-

ческой, не должен регламентировать допустимые пределы дискуссии. Он должен следить лишь за тем, чтобы дискуссия, критика, анализ проводились законными средствами. Если же орган власти, сам участвуя в дискуссии, применяет силу и нарушает собственные, им же установленные законы, грубо вмешиваясь даже в конституционные права участников диспута, то он превращает создаваемую при таких условиях идеологию не в науку, а в псевдонауку, догматику, собрание субъективных правил.

Если признать, что «идеологическая диверсия» есть не призрак, а нечто реальное, то с точки зрения строгой научной логики ею может быть не высказывание каких-то положений, противоречащих официальным или текущим, или господствующим в данный момент и даже разделяемых большинством, и не положений, сходных с теми которые признаются правильными в другой стране, а исключительно лишь нарушение законодательства в области распространения тех или иных положений, использование противозаконных средств той или другой стороной дискуссии.

Если критик какого-либо научного положения нарушает в споре закон, например, бьет своего противника дубиной по голове или распространяет о нем заведомую клевету, то он совершает преступление — *диверсию.* Если, наоборот, защитник какой-то научной теории бьет своего критика по голове, или затыкает ему рот, то и это действие может рассматриваться, как преступление, диверсионное.

Переходя в область идеологии, мы встречаем те же состношения между полемикой и «идеологической диверсией». Та сторона в споре, которая начинает нарушать закон, применяет тем самым и метод диверсии. И если власть, придерживаясь в данный текущий момент данной текущей точки зрения, использует в полемике с инакомыслящими противозаконные меры: нарушение тайны переписки, произвольное расширение

законных функций цензуры, увольнения с работы, судебное преследование с нарушением юридических процессуальных норм, заведомую клевету, ограничение гражданских прав и т. д., то такой способ идеологической борьбы является идеологической диверсией по отношению к идеологии коммунизма в целом. Марксистская, коммунистическая идеология есть нечто интернациональное, универсальное, распространяющееся во времени в прошлое и в будущее, развивающееся и дифференцирующееся, вместе с неизбежным увеличением объема информации. Главная цель коммунизма, как политической системы, по словам Карла Маркса, состоит в том, чтобы «...разрушить все отношения, при которых человек может быть унижен, порабощен или отвержен».

Интернациональный характер коммунистической идеологии и марксизма, как науки, делает нелепым ограничение любых научных дискуссий в этой области внутринациональными рамками. Никакая наука не может строиться по тому принципу, по которому строится идеологическая система в нашей стране, с теми ограничениями, которые существуют в нашей стране для распространения тех или иных идей. Нормальное развитие политических, экономических, философских наук, литературы, социологии и т. д. требует определенной свободы. Истина проверяется временем. Ограничение свободной дискуссии приводит к самым нежелательным последствиям. Здесь очень уместна следующая аналогия. Течение науки вперед можно сравнить с течением реки. Она воспринимает со своего бассейна множество отдельных ручейков и речек, становится все полноводней и, наконец, вливается в общее море познания. Если в русле реки ставится плотина с отверстием, не обеспечивающим прохождения через него всего объема воды, то часть воды задерживается, разливается за пределы обычного русла, образуя озеро, заполняющее все возможные впадины долины. Исчезнуть совсем эта вода не может, ибо она порождена вечным круговоротом.

Она растекается, ища выхода, образуя множество новых, мелких русел, скапливаясь в долине. Если отверстие в плотине слишком мало, то подъем воды в долине может быстро достигнуть такого уровня, что она польется через край и пойдет по старому руслу. Она может смыть и плотину. Но если плотина прочна и отверстие не слишком мало, то избыток воды лишь будет постепенно заболачивать долину.

Человеческое творчество по природе своей многообразно. Оно требует свободного русла. Если на пути его стоит такая плотина, то часть творческой энергии, продукции ума и таланта людей будет пропадать, не достигая общечеловеческого вечного моря познания. От того, что какое-то открытие пропало вместе с автором, не увидев света, от того, что чей-то замечательный роман исчез, никем не прочитанный, от этого все человечество потенциально проигрывает.

Когда-то, во времена «культа личности», этой лишней воде потока, не проходившей через узкое отверстие плотины, не давали разливаться в долине. Ее упрятывали в подземные резервуары, испаряли в огромных чанах. Долина оставалась сухой. Затем, на какой-то период отверстие плотины заметно расширили и через него стала проходить почти вся мощь потока. А потом снова начали сужать. И во все стороны потянулись ручейки. Ручейки «самиздата». Люди, живущие в долине, стали богаче и смелее, они стали делать для избытка воды небольшие каналы, орошать ею свою землю. Продукты творчества, не проходившие через плотину в главное русло, уже не исчезали. Из соседних долин, через водоразделы кто-то прорыл тоннели и часть лишней воды стали перекачивать туда, раз она не нужна вам, то уж пусть течет в общее море познания другим, не вашим руслом. Так вот и создалась ситуация, свидетелями которой мы все являемся. Официальные каналы печати очень узки, издательств мало, они не могут реализовать продукцию, создаваемую творческой интеллигенцией. А кроме этого, цензура и редакторская

остерожность преграждают путь многим работам и произведениям. И множество других заслонов. Но как земля все равно сочит воду, питая ею реки, так и люди творят, думают не всегда в зависимости от текущей конъюнктуры. Если продукт их творчества, рассказ, песня, роман или научная работа по истории, социологии, публицистический очерк или картина, обладая высокой художественностью, новаторством или силой истины, останавливается перед плотиной разных преград, он уже сейчас часто не пропадает. И это опять таки результат не только меньшего чем раньше страха перед последствиями, но и большего благосостояния народа, резко выросшего баланса свободного времени. Средствами размножения владеют теперь не только государственная власть, эти средства стали сейчас массовой принадлежностью населения, особенно интеллигенции. Научных работников сотни тысяч, интеллигенция техническая и учительская ведет свой счет миллионами, журналистов десятки тысяч. И у очень многих из них есть пишущие машинки, фотоаппараты, магнитофоны. И есть свободное время для того, чтобы скопировать ту или иную работу. Если даже половина процента этой массы людей готова уделить немного времени, чтобы иметь у себя ту или иную работу, то это уже обеспечивает размножение ее в тысячах экземпляров. Это и есть знаменитый «самиздат», новое явление в современном мире.

Распространение в списках некоторых произведений — явление само по себе, конечно, не новое, а древнее, как мир. Оно процветало и в царской России. Сколько стихов А. С. Пушкина ходили только в списках. Знаменитое «На смерть поэта» Лермонтова размножалось тогдашним «самиздатом», перепиской от руки. Я видел в коллекции одного любителя замечательное произведение Льва Толстого «Крейцерова соната» в «самиздатовском» варианте, аккуратно переписанное от руки и переплетенное в форме книги. «Крейцерова соната»

была сначала запрещена царской цензурой и долгое время не могла пробиться в печать.

И все же нынешний «самиздат» обладает многими специфическими чертами. Он возник сравнительно недавно не как какое-то скрытое, тайное дело, как раньше, ограниченное очень узким кругом людей, с небольшими «тиражами» и преимущественным распространением стихов, часто анонимных. В сталинские времена «самиздата» практически не было, все пресекалось в зародыше. Процветало лишь устное творчество политических анекдотов, особенно развившейся в первые годы «хрущевского десятилетия». Нынешний «самиздат», возникший волной уже в последние годы этого десятилетия, как реакция на начавшееся сдерживание творчества литературного, исторического, социологического и отчасти научного (в области биологии и сельского хозяйства), резко проявившегося в деятельности идеологического пленума в июне 1963 г., сразу заявил о себе скрытой, но мощной силой.

Остановленные возведенной плотиной, стали стихийно размножаться интеллигенцией не только стихи и небольшие литературные произведения, стенограммы выступлений и т. д., но и крупные работы, исторического, социологического и литературного характера. «Самиздат» захватил в свой поток повести и романы большого объема, обширные циклы песен и иногда, правда в очень редких случаях, переводы иностранных авторов. Даже крупные работы быстро размножались в сотнях и тысячах экземплярах и их по конвейеру, до полного истрепывания бумаги или фотобумаги читали десятки, а иногда и сотни тысяч людей в течение многих лет без остановки. Процесс имел цепной характер.

Но он имеет и свои законы, определяемые интересом читательской массы, людей думающих и думающих серьезно. Множество антисоветских произведений на русском языке, иногда засылаемых к нам из других стран, практически никогда не размножались нашей

интеллигенцией. Причина этого состоит не только в сильной традиционной осторожности к зарубежной антисоветской пропаганде, не только в более строгих законах по отношению к такой литературе, но прежде всего в том, что этот сорт литературы очень беден, убог, страдает слабым знанием наших внутренних проблем. Лично я просмотрел несколько таких работ, и они не вызвали у меня никакого интереса, за исключением книги с описанием событий в Венгрии в октябре 1956. Должен оговориться сразу, что прочитанные мною книги попали ко мне в руки не через НТС или какую-либо иную уголовно-наказуемую связь, а вполне респектабельным, номенклатурным путем. Существует несколько странная, но в общем полезная традиция наиболее серьезные, хотя и антисоветские книги, издаваемые на западе, печатать и в СССР, но небольшими «закрытыми» тиражами, распространяемыми затем по спискам среди общественных работников партийного и советского аппарата. Считается, что эти работники достаточно прочны идейно и для них подобные книги полезны, но не опасны. Эти книги не имеют продажной цены и все экземпляры пронумерованы. Обычно их производят от 1000 до 2000, но иногда тираж меньше, иногда же он равен 25-30, только для членов Политбюро. Большая часть экземпляров раздается по спискам без обязательного возврата и книги, полученные по списку, иногда разрешается держать в домашней библиотеке. Но если такая книга у владельца пропадет и будет найдена в свободной циркуляции, по номеру установят виновника, потерявшего бдительность, и ему, надо полагать, не поздоровится. Лично я в подобных списках не состоял, но иногда и такие книги удавалось прочитать в библиотеках отставных или умерших номенклатурных работников.

Не размножались и не вызывали заметного интереса у советской интеллигенции литературные произведения Тарсиса, Синявского, Даниеля, во множестве публиковавшиеся за границей и через какие-то каналы прони-

кавшие и в нашу страну. Мне не довелось их читать и я не буду предполагать причин отсутствия интереса к этим произведениям. И дело здесь вовсе не в уровне таланта. Я абсолютно уверен, что самый сверхталантливый детектив, самый сверхвыдающийся роман о царствовании Ивана Грозного, или гениальный труд по физике твердого тела не будут подхвачены массовым «самиздатом», если их отвергла официальная пресса. Эти работы могут читаться и в рукописи, подготовленной авторами, но процесс их восприятия все же пассивен. «Самиздат» подхватывает лишь такие работы, которые берутся мыслящей частью нашего общества на идейное вооружение, которые, будучи часто талантливыми, обладают также и гражданской силой, мужеством новых форм и подходов, глубиной мысли, находят отклик в человеческой душе своей безусловной правдой. Когда человек чувствует, что работа, которую он прочитал, должна быть обязательно прочитана и другими, что она меняет что-то к лучшему, что она зовет к ответу виновных и выявляет корни зла, чувствуемого всеми, тогда и читатель хочет помочь автору, он хочет вложить свой труд и свой голос и свой бюджет в сохранение и распространение прочитанного им произведения. «Самиздат» — это лучший оценщик качества произведений, чем официальная литературная критика. Я уверен, что если бы с 1963 по 1967 гг. вся книгоиздательская деятельность в стране прекратилась и все, что писалось в эти годы научного и художественного не издавалось, каталог «самиздата» серьезно бы не изменился. То, что в сотнях тысяч экземпляров выходит сейчас на книжные полки магазинов из недр издательств «Мысль», «Прогресс», «Советская литература», «Молодая гвардия», «Колос», все это вполне полезная литература, но вряд ли, задержи этот поток, он стал бы пробивать себе дорогу с помощью личных пишущих машинок и фотоаппаратов.

Когда, уже с конца 1962 г., Н. С. Хрущев начал вводить дополнительные цензурные ограничения, резко

усилившиеся в 1963 г. (чтобы не портить картины десятилетнего юбилея «нового курса»), он несомненно не предполагал возникновения такого явления, как «самиздат». К появлению «самиздата» власти не были готовы, законов, позволивших карать этот вид деятельности советских людей не было. Таких законов, научно и юридически обоснованных и не могло быть, так как вся эта деятельность населения лежала в форме личной, частной жизни. Столь же нелепо было бы карать людей за другие внеслужебные увлечения, «хобби», собирание марок, спичечных этикеток, рыбную ловлю, или игру в шахматы.

Нельзя процесс размножения произведений вменять в вину и авторам их. В конце концов, автор всегда вправе показывать и обсуждать свое произведение до его опубликования с любым числом людей. Если у автора нет оригинального договора с издательством, если его работа не выполнена, как служебное задание в рабочее оплачиваемое государством время, она остается его личной собственностью, право которой охраняется Конституцией. И как свою безусловную личную собственность, автор может свою рукопись показать любому другому человеку, подарить, послать по почте, сдать на хранение, изменить, переработать в соответствии с замечаниями или без них, а также и уничтожить или завещать. Он может ее и размножить законными способами за свой счет, разослать по редакциям, коллегам для отзыва и замечаний, возможным читателям для изучения их реакции, устроить читку и устное обсуждение. Все это вполне легальная, уголовно не наказуемая деятельность, даже, если выяснится, что произведение содержит серьезные «идейные» ошибки. Для того и нужно тщательно проверить работу еще в рукописи, чтобы исправить возможные недостатки.

В итоге же, суммированная легальная деятельность автора и гражданский патриотический долг читателей ведут иногда к размножению работы, особенно в тех случаях, когда читатель жизненным опытом чувствует,

что прочитанная им работа все равно «не пройдет» в официальную прессу. Уж что такое официальная пресса, каждый из нас знает.

Но столь ли безобиден труд, отвергаемый издательством? Столь ли безопасна рукопись, запрещенная цензором? Столь ли безопасна идея, распространяемая древним способом — ручной перепиской? Здесь мы переходим к явлению особому и тоже новому, избежать анализа которого мы не имеем права, ибо оно связано со всеми теми вопросами, которые были рассмотрены в настоящей работе. К явлению международных взаимосвязей в продукции духовных и материальных ценностей, к утечке задержанной плотиной воды в другие долины, через прорытые международными коммуникациями тоннели. Цепная реакция естественного, легального, индивидуального копирования какого-то, например, литературного или публицистического произведения и его распространение по частным каналам, частным коллекциям любителей, если она продолжается долго, а не затухает, исчерпав энергию и насытив узкий круг лиц, может распространиться и за пределы государственных границ. Международные перемещения людей ныне столь значительны, что избежать «утечки» свободно распространяемой частным путем информации за границу, столь же трудно, как и задержать в национальных рамках вирус гриппа. Кроме того, и это приходится допускать как вероятность, у иностранных служб, разведок и издательств, у эмигрантских организаций и у дипломатических представителей есть в нашей стране какая-то идеологическая и политическая платная агентура. Распространение работы «самиздатом» может на каком-то уровне привести ее в контакт со скрытым агентом такого сорта. И, наконец, мы стали в последнее время свидетелями того, что некоторые молодые люди, подобно недавно осужденным Галанскову и Гинзбургу, активно собирают произведения «самиздата», формируют из них сборники, вроде журнала «Феникс» и «Белой Книги» и отправляют за границу, не

скрывая этих своих действий. Ибо сама по себе отправка за границу какой-либо несекретной рукописи не может быть отнесена к разряду уголовных преступлений. Поэтому и судили Галанскова и Гинзбурга не за отправку рукописей, а за другие проступки, как раз судом и следствием не очень ясно доказанные (связь с НТС и валютные операции).

Но проникнув за рубеж, рукопись советского автора может найти там издателя, быть размноженной и переведенной на разные языки уже не индивидуальным, а современным промышленным способом. «Самиздат» превращается в «тамиздат». Затем через радио, с оказией, иногда, но редко, по почте возвращается на родину, где ее прочтут или услышат сотни тысяч или миллионы людей. Такой оборот дела и начал серьезно беспокоить те сферы в Советском Союзе, которым поручен контроль за прессой. Когда случаи такого рода были единичными, можно было их игнорировать. (Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», обративший внимание мировой общественности на скрытые формы русской литературы, попал за рубеж иначе, легальным путем, с разрешения издательства, намечавшего роман к изданию в СССР). Но в 1966-1967 гг. началась массовая «утечка» из СССР накопившихся «за плотиной» цензуры произведений. Сильное впечатление за границей произвела изданная во многих странах книга Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», рассказывающая о женских тюрьмах, лагерях и пересылках в период сталинского произвола и о мужестве и воле невинно осужденных советских патриотов и коммунистов. Эта книга, основанная на реальных фактах, на пережитом автором, книга-репортаж, талантливо написанный, распространялась в СССР более двух лет «самиздатом», после того, как ее отказались напечатать в ряде «толстых» журналов. За это время ее прочитали многие тысячи людей и в конце концов она попала в руки какого-то итальянца, который издал ее в Италии массовыми тиражами на русском и итальянском языках и обеспечил переводы на многие

другие языки. Такая же судьба постигла повесть Лидии Чуковской «Софья Петровна», опубликованную в Англии, рассказы Шаламова, крохотные рассказы А. И. Солженицына, знаменитое письмо А. И. Солженицына 4-му Съезду советских писателей, письмо поэта Андрея Вознесенского редактору «Правды», повесть Галины Серебряковой о сталинских лагерях, коллективные письма групп советской интеллигенции по разным поводам и множество других материалов и работ. Недавно зарубежное радио объявило, что в США публикуются повесть А. И. Солженицына «Раковый корпус» и роман «В круге первом». Повесть «Раковый корпус» несколько лет обсуждалась в литературных кругах, была даже в наборе в «Новом мире», но так и не вышла в СССР. На издание романа «В круге первом» также был еще в 1964 г. заключен договор с автором, но затем роман был конфискован. «Самиздат» вынес эти произведения за пределы страны и теперь они стали предметом «бизнеса» западных издателей*.

Почти во всех случаях западные издатели публикуют произведения советских авторов без договоров, без согласия автора и без согласия СССР. И советские авторы ничем не защищены от такого грабежа. Случается так, что за границу попал недоработанный вариант произведения, неполный, предварительный. Автор еще хотел бы потрудиться над ним с учетом замечаний. Перевод книги сделан не качественно, да и издательство, добывшее рукопись — это какое-нибудь бульварное или антисоветское эмигрантское издательство, снабжающее книгу своими дешевыми коментариями и домыслами. Автор, узнав о возможном издании книги, протестует, шлет запреты, но все это бесполезно. Торжествует «бизнес», коммерческая выгода, спекулятивный подход. Советского автора грабят, эксплуатируют, насилуют, и все это потому, что он не защищен перед лицом такого

*) Повесть «Раковый корпус» и роман «В круге первом» были опубликованы в США, Англии, Германии, Франции и Италии осенью 1968 г.

грабежа, перед таким пиратством. Почти все страны защищают авторские права своих граждан за рубежом путем присоединения к особым международным конвенциям об авторском праве и «копирайте» (праве копирования). Советский Союз до сих пор отказывался присоединиться к этим конвенциям (Бернская Конвенция и «Всемирная конвенция об авторском праве», вступившая в силу в 1955 г. и разработанная специальной комиссией ЮНЕСКО). Много раз нашей стране предлагали присоединиться к этим Конвенциям, но СССР отказывался сделать это. Но если бы наша страна отказывалась только от вступления в эти конвенции, то может быть грабеж, которому подвергаются советские авторы за рубежом, был бы меньше. Издателей там, хоть некоторых, беспокоили бы угрызения совести. Но сейчас совесть их не беспокоит. Не беспокоит она их потому, что в СССР также, вернее значительно шире, подвергаются такому же ограблению иностранные авторы и издательства. Так же, как когда-то мы, отказываясь от участия в конвенциях по патентам и лицензиям, считали более выгодным для себя заимствовать чужие изобретения, без выплаты иностранным изобретателям и держателям патентов причитающихся им отчислений, так и в книгоиздательском деле мы считаем допустимым издавать у себя переводы литературных и научных работ иностранных авторов, и просто репродукции этих работ без перевода, не выплачивая авторам этих работ гонорар и не спрашивая разрешения ни у издательств, имеющих договор с автором, ни у самих авторов.

Международные конвенции об авторском праве, оберегая интересы авторов и издательств, вступающих с автором в договорные отношения, предполагают, что автор имеет безусловное право на гонорар, не только с доходов от его книги, полученных издательством, заключившим с ним первичный договор, но и с доходов издательств, выпускающих переводы его произведения на другие языки. При этом издательство, имеющее пер-

вичный договор, так же, продавая право на перевод, получает определенную справедливую компенсацию. Ведь очевидно, что если книга первично вышла на немецком языке, то последующее ее массовое издание на английском, уменьшит доход от немецкого издания. Многие люди, знающие и немецкий и английский языки, могут предподчительнее покупать английский вариант. Не будь его, они купили бы немецкий. Правила конвенций имеют универсальную справедливость. Но Советский Союз, неизбежно осуществляющий массу переводов с иностранных языков (без этого просто невозможно представить жизнь развитого цивилизованного общества), в целях экономии валюты отказывается, как правило, выплачивать гонорар иностранным авторам и покупать лицензии на право репродукции и перевода. Только иногда т. н. «прогрессивным авторам», по ходатайству советских учреждений и общественных организаций, выплачиваются гонорары, но только в случае приезда автора в СССР. И поскольку Советские издательства могут публиковать иностранных авторов, как в переводе, так и на его родном языке (массовые тиражи «для изучающих иностранные языки»), поскольку эти переводы к репродукции нередко экспортируются и конкурируют с оригиналами на некоторых рынках (в социалистических странах, в Африке), выходя на эти рынки с очень низкими ценами, и поскольку все это делается контрабандно, без разрешения авторов и иностранных издательств, то и иностранные издательства, в качестве контрмеры, распоряжаются любыми советскими изданиями и произведениями советских авторов, не считаясь с интересами авторов или советских издательств. Советский автор, если вдруг его работа, не будучи изданной в СССР, была размножена «самиздатом» и вынесена за рубеж, может избежать использования ее в антисоветских целях, издания на русском языке эмигрантскими кругами, в передачах на русском языке по иностранному радио и для прочих форм политической спекуляции, приносящих ущерб ро-

дине, только одним путем. Он должен заключить с иностранным серьезным издательством официальный договор. В этом случае, даже советский автор защищается международными конвенциями, законами об авторском праве. Он полностью контролирует все формы своего произведения и может запретить использование его в антисоветских целях, предохранить от искажений, переводов на другие языки, издания на русском языке бульварными издательствами, экранизации и от прочих акций, наносящих ущерб его чувству партиотизма, приносящих вред родной стране. В сложившейся сейчас ситуации, практика прямых договоров советских авторов с зарубежными издательсвами — это меньшее зло, чем бесконтрольное издание за рубежом неизданных в СССР произведений. Следует, между прочим, указать, что Агентство печати «Новости», имеющее в СССР статус фирмы, а не государственного агентства, нередко продает зарубежным издательствам право на перевод произведений советских авторов, которые по тем или иным причинам не были опубликованы в родной стране. Но частные лица, за очень немногими исключениями, от прямых договоров с иностранными издательствами обычно воздерживаются, даже если опасность политических спекуляций с их произведениями за границей стала реальной. Причина этому — традиционная осторожность в контактах с иностранными органами прессы и отсутствие нормальных каналов для деловых обсуждений такого рода проблем с иностранными издательствами. В результате же автор, который мог бы защитить себя, свое произведение и свою страну с помощью международного правового законодательства, становится объектом произвола, стихии, эксплуатации.

Из изложенного ясно, что ликвидировать «самиздат», как несомненно ненормальное явление в культурном государстве, можно лишь двумя путями: разрешением советским авторам вступать в договорные отношения с иностранными издательствами, либо присоединением Советского Союза к международным издательским и

авторским конвенциям. Некоторые недальновидные люди предлагают другой путь, путь преследований авторов, чьи произведения распространяются неофициально, читателей таких произведений и тех, кто решается копировать рукопись, неизданную официальной прессой, и самих рукописей, с помощью их конфискации. Но этот способ в нынешних условиях может дать только обратный эффект. И это хорошо видно на истории последних произведений А. И. Солженицына. Как только писатель начал подвергаться преследованиям, как только его архив и рукописи романа «В круге первом» были конфискованы на частной квартире органами КГБ, так сами произведения А. И. Солженицына начали распространяться «самиздатом» массовыми «тиражами». Роман «В круге первом», который уже по договору принадлежал «Новому миру» и поэтому не распространялся и не читался без разрешения редакции никем, после конфискации рукописей, став «запретным», начал распространяться и размножаться, и его прочитали тысячи людей.

Не нагнетание страха и репрессии, а честное международное сотрудничество стран и людей, лежащее в рамках интернациональных правовых норм — вот реальный выход из того положения, в которое наша страна зашла, ограничивая свободу творчества. Творчество в любых его формах и проявлениях — это главное богатство человечества, главная сила общественного развития, основная наша надежда и самая сильная гарантия лучшего будущего.

Обнинск, Калужской области
Июнь 1967 — май 1968
Добавления и примечания
Октябрь 1968 — июнь 1969.

ТАЙНА ПЕРЕПИСКИ ОХРАНЯЕТСЯ ЗАКОНОМ

ВВЕДЕНИЕ

Руководство любой страны и любой партии всегда и несомненно из лучших побуждений хотело бы с максимальной точностью знать мысли и чувства граждан, их отношения к различным событиям и явлениям. В демократическом обществе, при наличии реальной свободы слова и печати, необходимые в этом направлении сведения можно легко получить из газет, журналов, книг, политических памфлетов и листовок, из передач радио и телевидения, на митингах и собраниях. Все эти средства информации существуют именно для того, чтобы выражать *различные* мнения. Противоположность суждений неизбежна в гетерогенном обществе. Научный анализ данных проводится обычно особыми институтами общественного мнения.

То, что именно свобода печати является реальным критерием свободного, демократического общества с наибольшей яркостью подчеркнул основоположник научного коммунизма Карл Маркс в своих статьях о цензуре и свободе печати.

> «...Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преображает материальную борьбу в духовную... Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости...»
>
> (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, Изд. второе, т. I. К. Маркс, «Дебаты о свободе печати», стр. 65, Москва, 1955)

В обществах с недемократическим режимом свобода печати и свобода дискуссий во все времена человеческой истории подвергались многочисленным ограничениям.

В этих условиях средства массовой информации, как также отметил еще К. Маркс, в оценке различных событий и явлений прежде всего отражают мнение руководства.

> «... Деморализующим образом действует одна только подцензурная печать. Величайший порок — лицемерие — от нее неотделим... Правительство слышит *только свой собственный голос.* Оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, чтобы он поддерживал этот самообман».
> (К. Маркс, там же, стр. 69. Подчеркнуто К. Марксом)

Проявление критических суждений и мнений и свобода дискуссий возможны и в этих условиях, но они обнаруживаются лишь в средствах конфиденциального обсуждения, в личных беседах друзей и в личной переписке граждан. Переписка — это тоже, по существу, личная беседа людей, разделенных между собой тем или иным расстоянием. Естественно поэтому, что если руководство стран, имеющих исключительно *подцензурную печать*, хотело бы знать все оттенки общественного мнения, то оно должно поставить под тайный контроль все формы конфиденциального обмена информацией. Оно должно было бы создать армию тайных осведомителей, наладить систему подслушивания телефонных переговоров и квартирных бесед и ввести секретную проверку личной переписки граждан. Иногда подобная практика применяется и в настоящее время. «Страна тотального шпионажа», под таким заголовком как-то прочел я в журнале «За рубежом» (№ 45, 1966 г.) статью* о системе слежки в США. Современная наука и вековая практика создали для этих целей обширный арсенал эффективных средств.

Общественное мнение всегда, однако, выступало против тайной слежки за населением страны. И Советский Союз шел в этом отношении в первых рядах. Принятая

*) Отрывок из книги O. Garrison, *The Spy Government*, New York, 1967.

в 1936 г. самая демократическая советская КОНСТИТУЦИЯ, не только зафиксировала основные демократические права граждан на свободу печати, совести и собраний, но и установила в статье 128-ой принцип о том, что *тайна переписки охраняется законом.* В соответствии с этим и Уголовный Кодекс РСФСР и кодексы других советских республик предусматривают, что нарушения тайны переписки частными лицами и государственными учреждениями подлежат преследованию по закону (УК РСФСР, Статья 135, Изд. Юрид. лит., Москва, 1968 г.).

Положение о соблюдении тайны переписки было затем включено и во «ВСЕОБЩУЮ ДЕКЛАРАЦИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА», принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. В 1966 г. этот же принцип был записан в Международный Пакт о гражданских и политических правах, также принятый Генеральной Ассамблеей ООН.

> «Никто не может подвергаться произвольному и незаконному вмешательству в его личную или семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции, или незаконным посягательствам на его честь или репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»

гласит статья 17 этого Пакта, в разработку которого Советский Союз внес существенный вклад.

В истории СССР, как мы знаем, был период, когда Правительство оказалось вынужденным нарушить принцип тайны переписки. Это произошло во время Отечественной войны 1941-1945 гг., когда по всей стране была введена т. н. «военная цензура» корреспонденции. Это мероприятие, положительное значение которого весьма спорно, отвлекало от полезного труда десятки тысяч т. н. «военных цензоров», вело ко множеству необоснованных обвинений, вело к уничтожению множества писем и мешало людям узнавать новости друг о друге. Но теоретически «военная цензура» была одним

из средств военной тактики борьбы с врагом, мешала распространению паники и военной тайны. Военная цензура была открытой, обязательной для всех. Государство не скрывало ее существования и отменило ее сразу, как только закончилась война. После войны принцип о соблюдении тайны переписки снова обрел в СССР свою прежнюю конституционную силу.

Соблюдение тайны переписки почтовой службой есть нечто такое, что не подлежит сомнению в любой цивилизованной стране. Даже в стране, имеющей цензуру печати. Вскрытие личных писем и тайное чтение их какой-либо организацией кажутся сейчас делом столь аморальным, недостойным и позорным, что поверить в его планомерное осуществление так же трудно, как поверить в возможность сознательного нарушения церковью тайны исповеди.

Главный закон почты — это абсолютная честность. Тому, как проявляется этот закон в современном сложном и противоречивом мире и посвящена настоящая работа.

1

ПЕРВЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ПОЧТОЙ

Работа эта посвящена главным образом международной переписке, так как именно в этой сфере вопрос о соблюдении принципов тайны корреспонденции всегда стоял наиболее остро. Для научного работника международная переписка — необходимый элемент подготовки исследований, форма связи с мировой наукой. Международную корреспонденцию я начал в 1955 г. Именно в это время Советский Союз кончил свою бесплодную борьбу с т. н. «космополитизмом» в науке и обратил внимание своих ученых на необходимость серьезного изучения достижений науки и техники за рубежом.

Главным элементом моей международной корреспонденции в это время был обмен оттисками научных работ с коллегами и, иногда, короткие письма и открытки, связанные с этим обменом. С некоторыми биохимиками и геронтологами, работающими в других странах, возникла постепенно постоянная личная переписка, затрагивавшая и не только сугубо научные вопросы. К жизни и работе советских коллег зарубежные ученые проявляли в этот период также большой интерес. За несколько лет я отправил и получил больше тысячи бандеролей, писем и открыток и почта во всех случаях действовала безупречно. Постепенно я проникся к почте полным доверием и убедил многих своих товарищей по работе в пользе международного обмена информацией.

Когда-нибудь в почтовых исследованиях будут опубликованы статистические сведения о международных связях советских граждан. Кривая роста числа международных писем несомненно пойдет вверх с 1954 года и будет идти на подъем много лет. Этот процесс

сначала будет сосредоточиваться в Москве и других столичных городах, а затем захватит и провинцию. Люди поверили в честность и надежность почты и в этом было главное. Старые предрассудки изживались, конечно, с трудом и я встречал и встречаю пока немало людей, которые не решаются написать письмо за границу, даже если это ответ на полученное письмо. Но эту болезнь может излечить только время и благоприятный опыт.

Первый загадочный почтовый казус произошел в моей практике только после многих лет переписки, в 1960 г. Один из моих биохимических корреспондентов прислал из Англии эмоциональное письмо, написанное от руки каким-то невообразимо трудным почерком. После долгой расшифровки этого почерка, я понял, что англичанин возмущался тем, что русские коллеги не приехали на какую-то совместную конференцию в Лондон, не приехали всей делегацией. Для них были забронированы за счет Оргкомитета места в гостиницах, доклады включены в программу, их встречали в аэропорту. Но никто не прибыл и даже не предупредил об этом заранее. Последнее обстоятельство больше всего и возмущало британца. — Могли бы хоть телеграмму или письмо прислать, — восклицал он.

Лично я к этой конференции не имел отношения, и почему не приехали в Лондон мои соотечественники, не знал. Но мне было известно, что как раз незадолго перед этой конференцией некто Голуб, научный работник из Свердловска, находясь с делегацией советских ученых в Голландии, вдруг, уже перед отъездом домой, попросил полицию о предоставлении убежища, а затем давал какие-то скандальные интервью, передававшиеся по радио*. В связи с этим и в поездки других научных делегаций могли на время внести ненужную осторожность.

*) Голуб, между прочим, примерно через год, разочаровавшись в Голландии, попросил разрешения на возвращение в СССР. Разрешение ему дали, но по прибытии в СССР арестовали, судили и приговорили к 7 годам лишения свободы в лагерях строгого режима.

Я выразил сочувствие своему английскому коллеге, но все же сказал, что если кто и виноват в срыве поездки советских ученых на конференцию, то, конечно, не сами ученые, и возмущаться их поведением не следует. Письмо в Англию по этому вопросу я отправил авиа-заказным. Из дальнейшей переписки с коллегой стало, однако, ясно, что данного моего письма он не получил. Я отправил ему копию, известив об этом открыткой. Но и копия письма к нему не дошла. Расследовать судьбу пропавших писем я тогда не стал, я еще не знал как это делать.

Во второй раз загадочная пропажа моих писем произошла только в 1961 г. В английском журнале «Нейчур» (Природа) была опубликована одна теоретическая схема-модель синтеза белка. По поводу этой модели у меня возникли новые соображения, которые я изложил на двух страничках и послал в редакцию. В этом журнале есть постоянный раздел «Письма к Редактору», в котором печатаются небольшие экспериментальные и теоретические научные сообщения, требующие быстрого опубликования. В каждом выпуске журнала, выходящего еженедельно, публикуется от 30 до 50 таких коротких сообщений. Мне было, конечно, известно, что отправка статей советских авторов за границу сопряжена со множеством стадий и актов, подтверждающих, что приведенные в статье данные не составляют государственные тайны. Но я полагал, что эти правила следует применять к экспериментальным статьям. Заметка-отклик, как я думал, не требует такой сложной и длительной процедуры, ибо по самой сути она представляет собой быструю и личную реакцию на ту или иную публикацию.

Послав в «Нейчур» свою заметку, я не получил, однако, из редакции обычного извещения о получении статьи. Тогда я послал ее вторично в письме с извещением о вручении. Но это извещение не вернулось назад. Я запросил редакцию открыткой о судьбе моей статьи,

но получил быстрый ответ о том, что статья в редакции не была получена. Посылать заметку в третий раз я не стал.

Но в остальном почта работала безупречно и два легких облачка не заслонили голубого неба. С 1961 по 1967 гг. почтовое небо было для меня безоблачным. Иногда, очень редко, случалось, что какое-нибудь письмо и пропадало, но высланная копия достигала адресата, и это меня удовлетворяло. В обратном направлении все письма и бандероли также шли в полной сохранности. За все это время произошел лишь один случай пропажи высланных мне важных материалов, но и он, в конечном итоге, разрешился к удовлетворению обеих сторон.

Мой коллега, проф. Ж., выслал мне в 1965 г. заказной бандеролью серию опубликованных статей и с ними три рукописи, еще не появившиеся в печати. Проф. Ж. работал в области истории биологии и эти рукописи разбирали некоторые события из истории советской биологии. В сопроводительном письме, высланном отдельно, проф. Ж. просил высказать критические замечания по поводу этих рукописей. Получив бандероль, я, однако, нашел в ней оттиски печатных статей, но не обнаружил никаких рукописей. Немедленно я отправил в Международный почтамт в Москве письмо с просьбой о розыске утраченных рукописей. Я указывал, что должен вернуть их автору с замечаниями. При этом я, конечно, не был уверен, что рукописи изъяты почтовой или таможенной службой в СССР. С равной вероятностью это могла сделать и почта США, если в США существуют столь же сложные правила отправки рукописей за рубеж. Но когда через две недели я получил в служебном конверте Международного почтамта эти исчезнувшие рукописи, доверие к почтовым ведомствам обеих стран было восстановлено. В конверт было вло-

жено и сопроводительное письмо следующего содержания:

Международный почтамт
14 января 1966 г. № 10/8-К

Обнинск, Калужской обл. Институт медицинской радиологии. Ж. А. Медведеву.

На Ваше письмо от 27. 12. 65. сообщаю, что при выемке корреспонденции из мешка, поступившего из США, выпало вложение, а определить из какой именно бандероли оно выпало не представлялось возможным. И поэтому выпавшее вложение было оставлено на хранение в Международном почтамте до востребования его адресатом.

Прилагается при сем три статьи на 61 листе.

Начальник эксплуатационного отдела *В. Данин*

Бандероль была снабжена особым металлическим зажимом, который исключает простое «выпадение» вложения. Но поскольку печатные материалы, в согласии с международными конвенциями, могут быть подвергнуты законному таможенному досмотру, то выемка и просмотр вложений бандеролей с печатными произведениями представляет собой обычную практику. Согласно правилам Международного почтового союза, печатные произведения можно пересылать по сниженному, льготному тарифу. Но этот тариф разрешается лишь в тех случаях, если книга или статья отправляется в открытой, незаклеенной бандероли, легко доступной для инспекции. Если же отправитель прочно запечатывает конверт, то он должен отправлять его по тарифам письма, значительно более высоким.

В конце 1967 и в начале 1968 гг. пропажи писем несколько участились. Я не получил два письма от Доктора Р. из Англии, в которых он детально обсуждал некоторые события, касавшиеся моей заочной лекции по проблеме старения в Шеффилде (разрешения на поездку в Англию для этой лекции я не получил), а также некоторые общие вопросы авторского права. Доктор Р. был так поражен пропажей своих длинных и написанных от руки, без копий, писем, что в последующем уже

не решался обсуждать в переписке какие-нибудь вопросы. Наша корреспонденция, не прерывавшаяся с периода годичной командировки Доктора Р. в Москву в 1958-59 гг., где он работал вместе со мной в лаборатории биохимии Тимирязевской сельскохозяйственной академии, после пропажи этих писем практически прекратилась. Пропавшие письма не были заказными, но я все же запросил Центральное Бюро рекламаций Международного почтамта об их судьбе. В ответ я получил письмо Зам. директора Международного почтамта Е. Малкова (№ б/--вх. 1243/3), в котором он сообщал, что произвести какую-нибудь проверку по моему заявлению «...к сожалению не представляется возможным, так как простая почта на пути своего следования не регистрируется в почтовых документах».

В феврале 1968 г. выяснилось, что я также не получил два письма, высланные мне из США уже упоминавшимся проф. Ж. Эти письма, к счастью, были заказными и их судьба могла быть изучена. На мой запрос тот же Е. Малков без всякого промедления ответил следующим письмом:

> 6 марта 1968 г
> № б/н-вх. 442/3, тов. Ж. А. Медведеву
>
> На Ваше заявление от 3 марта 1968 г. сообщается, что вся корреспонденция, поступающая в Международный почтамт, отправляется по назначению своевременно. Для того, чтобы установить поступление заказных писем, необходимо с Вашей стороны указать почтовые номера и точную дату отправления их из США.

Даты писем были мне известны из открытки проф. Ж., а номера, естественно, нет. Я запросил своего коллегу открыткой и через две недели получил от него авиаоткрытку, в которой он сообщал, что отдельно заказным авиа-письмом выслал мне фотокопии почтовых квитанций на два ранее пропавших письма. Этих фотокопий я, однако, тоже не получил.

Этим, по существу, ограничивались фиксированные

пропажи корреспонденции в этот период. При теоретическом анализе они, конечно, не доказывают возможности нарушения тайны переписки какой-либо цензурой. Все эти пропажи составляли намного меньше 1% от общего объема моей корреспонденции за прошедший период, и эта величина лежит за пределами достоверности. Ведь пропажа писем, даже заказных, явление в каком-то размере обычное для любой почтовой службы и предусмотрена конвенциями и соглашениями Всемирного почтового союза. Именно поэтому в этих конвенциях предусмотрена компенсация отправителю или адресату за пропажу заказного письма, за исключением тех случаев, когда пропажа почтового отправления произошла в результате т. н. фактора «непреодолимой силы» (шторм, пожар, катастрофа самолета и т. д.). Для стран-участников Всемирного почтового союза компенсация за пропажу заказного письма очень высока — 25 золотых франков за каждое письмо. Чтобы колебания курсов валют не отражались на размерах компенсации, Конвенция специально указывает, что каждый франк должен соответствовать 322 миллиграма золота 0,900 пробы. Советский Союз входит во Всемирный почтовый союз и последний устав союза был ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР 27 февраля 1959 г. Соответственно и Устав почтовой службы СССР предусматривает высокую компенсацию за утрату международного заказного письма — 7 руб. 35 коп., почти в 15 раз больше чем оплачивается утрата почтой внутреннего заказного письма. Поскольку все это столь строго регламентируется, то очевидно, что почта считает возможным наличие пропаж писем из-за разных случайных причин и принимает в связи с этим серьезные страховые обязательства перед отправителем и адресатом.

Но все же я не мог не задумываться даже над редкими случаями пропажи писем в своей корреспонденции. Какая-то чувствовалась в них определенная тенденция. Где-то в глубине сознания возникала мысль: нет ли в

пределах почтового ведомства какой-то скрытой цензуры, выборочно проверяющей некоторые письма. Возможность тотальной проверки я считал, конечно, весьма маловероятной.

Поскольку переписка с зарубежными коллегами была неизбежной, то я решил все же более подробно познакомиться с правилами, регламентирующими работу почты в этом отношении. Я внимательно просмотрел «Почтовые правила СССР» и «Устав почтовой службы СССР», а также учебники инженеров связи и почтовых операторов. Гипотезу о возможности даже выборочной цензуры писем пришлось отвергнуть. Почтовые правила СССР строго запрещали вскрытие и чтение любых писем, даже при условии соблюдения служебной тайны. Те письма, которые из-за неправильного адреса и при отсутствии обратного адреса нельзя было ни вручить, ни отправить обратно, подлежали спустя определенный срок уничтожению по акту без предварительного вскрытия, хотя вскрытие в этом случае может быть и помогло бы установить нужные адреса.

Почте разрешалось осуществлять «выемку» и проверку корреспонденции только лиц, находящихся под судом или следствием, но для такой акции было необходимо предварительное решение суда или прокурора. Это делалось в целях следствия и с тем, чтобы помешать преступникам общаться между собой. Однако, и в этом случае письма к подсудимому должны были доставляться, с тем, чтобы он не знал о тайной проверке своей корреспонденции. Содержание переписки тоже в этом случае сохранялось в тайне. Законодатель справедливо полагал, что если у подследственного лица возникнут подозрения о том, что его переписка проверяется, то он будет вести ее так, чтобы обмануть или запутать следствие. Непосредственное чтение писем в этом случае проводит следователь, а не работник почты. Ничего общего с цензурой это явление не имеет.

Почта была, таким образом, вне подозрений. Но кроме почты, на пути международной корреспонденции есть

еще одна самостоятельная служба — Государственный таможенный контроль. У него особые права и полномочия и они вполне законны и оправданы в современном мире, насыщенном контрабандой. Таможенные службы есть в каждой стране. В Советском Союзе таможенные правила содержат обширные списки запрещенных к ввозу и вывозу товаров, материалов и печатных произведений, но письма, *имеющие характер личной переписки* под таможенный контроль не попадают и должны следовать по назначению беспрепятственно. Тотальное вскрытие писем таможне не разрешается, но она может вскрыть и проверить письмо, вызывающее по внешнему виду подозрение в нем недозволенных вложений, например взрывчатых или ядовитых веществ. При этом, согласно утвержденному Советом Министров СССР «Таможенному Кодексу СССР» и «Положению о материальной ответственности почты за утрату международных почтовых отправлений», любой факт конфискации отправления таможней подтверждается «актом, заверенным в надлежащем порядке таможней и предприятием связи». О конфискации сообщают отправителю или адресату и только в этом случае он не вправе считать отправление «пропавшим» и требовать за утрату компенсации.

Если же таможня не имеет оснований для уничтожения отправления или его конфискации, но признает отправление нарушающим таможенные правила СССР, то оно подлежит возвращению отправителю с соответствующим разъяснением. Один мой коллега, выславший за границу рукопись книги, вскоре получил ее обратно с разъяснением о том, что рукописи подлежат отправке за границу только с формой 103м. Мне самому дважды пришлось столкнуться с подобным положением. В 1961 году я выслал двум коллегам небольшую книжку тезисов докладов конференции по геронтологии, проведенной Московским обществом испытателей природы. Вскоре обе бандероли вернулись назад с разъяснением о том, что согласно таможенным правилам разрешается

высылка за границу только тех книг, которые имеют указание продажной цены. Книги, не имеющие цены, считаются изданными для служебного пользования и к высылке за рубеж не разрешаются. Это обстоятельство, между прочим, с расширением международных связей научных учреждений привело к тому, что сейчас издания такого рода почти всегда имеют продажную цену.

Изучение почтовых и таможенных правил, таким образом, создавало уверенность в полной безопасности моей переписки. Почта была верным другом, помогавшим мне и другим советским гражданам налаживать международное сотрудничество. Она была инструментом взаимопонимания и мира. Она была надежным хранителем наших мыслей и дискуссий и делала все это за весьма скромную оплату, ибо почтовые тарифы в СССР ниже, чем в других странах.

2

ПРОБЛЕМА ОБРАТНОГО АДРЕСА

Кривая роста международной переписки советских граждан и особенно советских ученых, как уже отмечалось, неуклонно шла вверх после 1954 г. Эта кривая отражала и рост научной информации, свободно получаемой в порядке обмена из-за рубежа. Процесс этот был крайне полезен для всей советской науки и переоценить его влияние невозможно. Однако, в начале 1967 года на пути полезнейшей во всех отношениях международной активности советских ученых возникло сложное почтовое препятствие, резко задержавшее обмен научной информации. Это непонятное и вредное препятствие было проблемой *обратного адреса,* проблемой, на которую раньше никто не обращал никакого внимания.

В 1967 г. сотрудникам научных учреждений, а также, по-видимому, и других учреждений СССР, Международный почтамт в Москве и областные почтамты стали неожиданно возвращать назад уже отправленные простые письма, бандероли и даже стандартные запросные открытки для оттисков. В канцелярии нашего большого института эти возвращенные отправления, с уже погашенными в Обнинске марками, накапливались горой. На каждом из них была приклеена этикетка Международного почтамта или Калужского почтамта со следующим текстом: *«Отправителю: Возвращается для оформления по списку, ф. 103м.»* Заказные же письма просто не принимались на почтах. Сотрудницы почт, быстро взглянув на обратный адрес, тут же возвращали письмо со словами: «Письмо с обратным служебным адресом принимается только с формой 103м». Если же отправитель, уже заклеивший письмо, начинал убеждать почтового оператора, что письмо не содержит материалов, предназначенных для публикации (форма

103м ранее требовалась для рукописей, направляемых для издания и прошедших через Главлит) и имеет характер личной или деловой переписки, то ему обычно отвечали: «Перепишите обратный адрес, вместо служебного укажите ваш домашний адрес».

Следовать такому совету отправитель обычно колебался, так как вспоминал давние, но пока никем не отмененные директивы, согласно которым ученые не должны указывать в своей международной переписке *домашних адресов,* а только институтские. Домашние адреса ученых ряд лет назад почему-то считались нежелательными для сообщений их за границу. Кроме того, помещать в качестве обратного домашний адрес в научной переписке, например при запросе или отправлении оттиска, это что-то весьма нелепое. Ставить после фамилии не номер квартиры и дома, а название лаборатории и института считается элементарной нормой подобной переписки, ибо это сразу служит указанием на степень профессиональной близости, на общность проблематики исследования, доказывает, что отправитель — активно работающий научный сотрудник, а не пенсионер и не любитель, коллекционирующий оттиски. Научный адрес — это просто традиция в переписке ученых, это *право* научного работника, лишение которого представляет собой просто унижение. Подавляющее большинство переписки ученых всегда велось по служебным адресам.

Теперь без формы 103м это стало невозможным и поток писем и других отправлений сразу иссяк, так как подготовка формы 103м для каждого случая оказалась делом обременительным. Форма 103м готовится в трех экземплярах и обязательно подписывается руководителем учреждения и скрепляется гербовой печатью. В этой форме указывается точный адрес получателя и характер вложения. Кроме того, при подготовке формы 103м отправитель должен сдать письмо в канцелярию института открытым для проверки и с копией. Руководитель учреждения несет в этом случае ответствен-

ность за содержание письма, и поэтому он или специальные помощники читают отправляемые письма и опрашивают автора зачем то и почему это. Если раньше научный работник мог писать коллеге от руки, то теперь письмо должно быть напечатано на машинке с копией. Для текстов на русском языке это несложно, но машинки с латинским алфавитом пока не очень распространены. Если раньше, готовя письмо на английском или французском языке, сотрудник не очень стеснялся ошибок в грамматике, главное, чтобы было понятно, то теперь от него требуют безупречного знания иностранного языка. В масштабах института все это суммировалось в довольно большую работу, и в канцеляриях приходилось выделять специальных экспертов по международной переписке. При этом многие учреждения, включая и наш институт, оформляя таким образом всю личную переписку, как служебную, оплату корреспонденции целиком возлагали на авторов писем.

То, что учреждения брали на себя отправку всей корреспонденции сотрудников, могло бы стать прогрессивным начинанием. Некоторые зарубежные коллеги и советские ученые, работавшие в иностранных лабораториях, рассказывали, что за рубежом практика отправки почты сотрудников через канцелярии или библиотеки является обычной. Это позволяет сотрудникам избавить себя от почтовых расходов, связанных с научной перепиской и особенно рассылкой оттисков. На каждую печатную статью приходит 200-400 запросов, а почтовые тарифы за рубежом выше, чем в СССР. Но такой порядок не подразумевает, естественно, служебной цензуры писем. Он, кроме того, вводится добровольно *самим учреждением, а не почтой.* Почте, по самому простому здравому смыслу, должно быть абсолютно безразлично — кто отправляет письмо, сам ученый или его институт через какого-нибудь клерка и какой при этом стоит обратный адрес, домашний или служебный. Для почты важно только, чтобы письмо

было оплачено по тарифу и содержало какие-то адреса.

Новый же порядок, с которым советские граждане столкнулись в 1967 г., устанавливался почтой. В этом была главная нелепость. Почта не имеет право вмешиваться в процедурную часть подготовки письма, а обратный адрес для простого письма вообще не имеет принципиального значения. По Уставу связи СССР, принимается к отправке оплаченное письмо, опущенное в почтовый ящик, даже если на нем нет никакого обратного адреса, а только адрес получателя, адрес доставки. Обратный адрес — это по вековой традиции, лишь тот пункт, куда письмо следует вернуть, если адресат не найден. Кроме того, обратный адрес пишется главным образом не для почты даже, а для самого адресата — куда ему писать ответ. Отправитель при этом указывает тот адрес, который считает для этого более удобным, и в этом его неоспоримое право. Это один из элементов конфиденциальности переписки, потому и возникают адреса «до востребования» и «абонементные почтовые ящики», потому что разную корреспонденцию человек желает получать по разным адресам и почты всего мира это учитывают. Почта не имеет права ставить какие-то особые условия по поводу обратного адреса, а тем более возвращать обратно *простое* письмо или открытку, опущенные в почтовый ящик и оплаченные марками и с понятным адресом следования. На обратный адрес вообще в этом случае не следует смотреть, на него смотрит лишь почта конечного пункта, если адресат выбыл или не может быть найден. Между тем вынутые из почтовых ящиков и погашенные письма повсеместно возвращались отправителям и приходили назад через несколько дней, а иногда и через неделю. Они производили на отправителей удручающее впечатление.

Объем переписки несомненно стал падать, а соответственно этому стал уменьшаться и приток информации из-за рубежа. Процесс этот продолжался почти полтора года.

Я не знаю, пытался ли кто-нибудь протестовать по

поводу столь нелепой и противоестественной ситуации, ущемлявшей гражданские права и без сомнения наносившей ущерб советской науке.

Лично я иногда сдавал письма с формой 103м, но чаще указывал в качестве обратного адреса персональный абонементный почтовый ящик на обнинской почте. Абонементный ящик не был, конечно, профессиональным адресом, но все же он не создавал тех моральных трудностей в научной переписке, которые возникали при необходимости указывать только домашний адрес. В то же время я был избавлен от унизительных распросов в научно-методическом отделе по поводу своих писем, почему я пишу так, а не иначе, кто такой проф. Д., которому я отправляю письмо, а кто такой Д-р М., которого я упоминаю в письме с критическим оттенком и т. д.

Однажды я отправил в Москве простыми бандеролями ряду коллег оттиски статьи, опубликованной на английском языке. Статья была по молекулярным аспектам старения и на обложке оттисков вслед за фамилией автора был указан и его служебный адрес, как это всегда делается и в советских и в иностранных журналах. По старой привычке я и на конвертах указал свой обратный профессиональный, а не домашний адрес. На конверты были наклеены очень красивые марки и я опустил их в большой почтовый ящик для бандеролей в помещении почты К-9 в здании Министерства связи СССР. Все конверты, как это требуется при отправке почты с печатными вложениями, были открытыми.

Спустя 6 дней все бандероли вернулись назад с погашенными марками и наклейками «Оформить по списку 103м». Явная нелепость действий почты была очевидна. Ведь если бы я вообще не указал им обратного адреса, бандероли спокойно отправились бы за границу. Возвращая бандероли назад, почта наносила мне и материальный ущерб — каждая бандероль была оплачена по тарифам авиапочты.

Советское законодательство создает много трудностей при попытке граждан получить разрешение по тем или иным правовым вопросам. По ним обычно нет возможностей для т. н. «частного обвинения». Но когда дело касается материального ущерба, наносимого гражданам любой службой, здесь у суда нет возможности уклониться от рассмотрения дела. И почта это знает. В действиях почты по незаконному возвращению уже отправленной и принятой корреспонденции был настолько явный произвол с нанесением материального ущерба, что я немедленно написал подробный протест Министру связи СССР и отправил его вместе с коллекцией возвратившихся конвертов. В заявлении (от 14 июня 1968 г.) я отмечал, что во всем мире ученые ведут переписку, указывая профессиональные адреса и почта не имеет право в это вмешиваться. Я настаивал на том, что требовать форму 103м для уже опубликованных в СССР или за границей материалов нелепо — печатные работы могут по существующим почтовым правилам свободно отправляться за границу. Я настаивал и на том, что обратный адрес — это вообще частное дело отправителя, это адрес, на который ему удобно получить ответ. И не более того. Почта не имеет права ставить советским ученым какие-то унизительные условия. Она должна обеспечивать *связь*, а не контроль за корреспонденцией. Вопрос со стороны почтового оператора — «Какое вы сдаете письмо, личное или служебное?» — уже, по моему мнению, нарушает принцип тайны переписки.

Примерно через два месяца я получил ответ на это заявление. Заместитель Начальника Главного почтового управления Министерства связи тов. В. Мацнев письмом от 8 августа 1968 г. (ГУПС-303) официально сообщал, что почтовым предприятиям Москвы дано указание принимать письма от граждан с обратным служебным адресом без формы 103м. Но в том случае, если в обратном адресе нет фамилии отправителя, а

только название учреждения, письма должны считаться служебными и отправляться с формой.

Когда я в очередной раз отправлял в Москве заказную корреспонденцию, сотрудница почты, помнившая наши прежние споры, посмотрев на обратный адрес, с облегчением сказала: «Вот теперь я могу принять эти письма. Мы получили письменное разрешение оформлять и такие письма обычным путем... А ведь что удивительно, нам раньше не разрешали этого делать, но все указания были устные, на инструктажах, а за ошибки штрафовали или лишали поощрений. Сейчас же пришло письменное разъяснение...»

Проблема обратного адреса была, как будто, разрешена. Но и тот факт, что она вообще появилась и существовала полтора года, заставлял неизбежно о многом задуматься. Почему она возникла? Ответ на этот вопрос может пока иметь форму гипотезы. Дважды работники международной почты, с которыми я спорил из-за отказа принимать письма без формы 103м, отвечали мне: «А почему вы не готовите форму, ведь ваше письмо с формой дойдет на несколько дней быстрее...» Можно поэтому допустить, что письма с формой 103м и письма обычного типа проходят где-то в обработке разными каналами. Пропускная способность этих каналов и объем соответствующей корреспонденции должны соответствовать друг другу. Расширение международной переписки вызвало некоторое нарушение равновесия. Канал для свободной переписки перестал справляться с потоком писем, а канал служебной, проверенной корреспонденции оказался недогруженным. В связи с этим почта искусственными незаконными мерами попыталась уравнять оба потока.

Эта гипотеза не предполагает обязательной цензуры свободной корреспонденции. Разница может возникать и на таможенной стадии. Служебные письма и бандероли с формой 103м нет нужды подвергать таможенному досмотру, они надежно проверены администрацией. Форма 103м снимает с почты ответственность за со-

держание отправления. Перекладывая проверочные функции хотя бы за часть отправлений на учреждения, почта пытается немного «разгрузиться». Возвращая письма обратно, почта однако зашла в этих стремлениях слишком далеко, она стала наносить материальный ущерб клиентам. Это был опасный путь. Следовало полагать, что разрешив отправку писем с профессиональным адресом, Министерство связи все же попробует найти способ облегчить себе работу. И действительно по учреждениям директора начали издавать специальные приказы, требующие от сотрудников оформления переписки через канцелярии. Бюрократические меры были возложены на бюрократические органы. Почта же, как сфера обслуживания, сервиса, опять повернулась дружеским лицом к своим постоянным клиентам.

3

ЗАГАДОЧНЫЙ ПАРАДОКС МОСКОВСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

В 1967 г. я взялся помочь своему московскому другу в разрешении одной очень важной для него проблемы, требовавшей, кроме всего прочего, довольно интенсивной международной переписки. Он долго не брался за нее, так как не имел достаточного опыта международной корреспонденции. Кроме того, у него были живы старые предрассудки о нравах почты и о возможностях исчезновений писем и следует отметить, что эти предрассудки не были беспочвенными. Но они основывались на слишком старом опыте и я с некоторым трудом убедил его, что времена изменились и почте теперь можно доверять. Друг согласился с моим планом, но при условии, что мы будем дублировать переписку. Он писал и отправлял письмо на русском языке, а через несколько дней я готовил перевод на английский язык и отправлял по тем же адресам, добавляя к письму свой сопроводительный текст, высказывая собственную точку зрения. Переписка эта продолжалась около года и имела определенный успех. Обсуждавшаяся проблема была частично решена к полному удовлетворению моего друга. Отмечу попутно, что проблема была не научной, а скорее правовой. Но в данном случае важно другое. Дублировать переписку мы решили по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы облегчить получателю чтение письма — наличие перевода к русскому оригиналу действительно оказалось полезным. Во-вторых, чтобы повысить шансы «получательности». Мы допускали, что если в каком-то неизвестном учреждении письма проходят тайную цензуру, то письмо, написанное по-русски, и письмо на английском языке должны проходить через разные отделы этого учреждения. При

этом интеллектуальный средний уровень контролеров, читающих английские тексты, должен быть выше, чем у тех, которые знают только русский язык. Чтобы разбираться в разных почерках иностранного языка требуется какое-то образование. Но люди с образованием по иностранным языкам должны меньше бояться за свое положение и обладать меньшим средним числом предрассудков. Это, по нашей гипотезе, могло обеспечить большую проходимость «английских» писем. Но как показала практика, наша гипотеза сама по себе была предрассудком, ибо в этой переписке ни русские, ни английские письма не пропадали. Но, тем не менее, наш метод позволил неожиданно сделать открытие совсем другого рода.

Обычно мой друг и я в дублирующих письмах адресовались к одному и тому же лицу, и всего у нас было семь таких основных корреспондентов в разных странах (Франция, ФРГ, США, Швеция, Англия, Италия, Дания). Эти корреспонденты иногда отвечали нам разными письмами в разное время, но иногда одно и то же письмо. Ответ высылали в оба адреса одновременно, моему другу — оригинал, мне — копию.

По мере переписки ситуация, которую мы выясняли, становилась все более и более интересной, и, однажды, просматривая свой обнинский абонементный почтовый ящик в городском узле связи, я обнаружил письмо из Гамбурга, содержавшее весьма благоприятные для моего друга сведения. Письмо было отправлено из Гамбурга авиапочтой 27 апреля 1967 г. и прибыло в Обнинск, согласно почтовым штампам, 2 мая, то есть через 5 дней. Это была очень хорошая скорость, особенно если учесть, что авиапочта в Обнинск идет из Европы через Москву, причем после Москвы письмо идет обычными простыми каналами связи, так как Обнинск авиапочтой не обслуживается. Из Москвы же даже внутренняя почта приходит в Обнинск на второй-третий день. Полученное мною из Гамбурга письмо было копией

письма, отправленного моему другу в Москву на домашний адрес. 5 мая, будучи в Москве, я зашел к нему, чтобы обсудить это письмо, но был весьма удивлен, узнав, что основного оригинала он не получил. Через три дня письма еще не было и мы решили, что оно пропало. Но неожиданно оно прибыло. Московский штамп имел дату — 11 мая. Гамбургский штамп был таким же, как и на моей копии, 27 апреля, причем гашение с особой рекламой указывало, что письма были отправлены одновременно с одной и той же гамбургской почты.

Разрыв во времени получения одновременно отправленных писем мог быть, конечно, случайным. Второе письмо могло при сортировке попасть в простую почту и следовать в Москву земным путем. Однако 12 июля 1967 г. я получил подобное же письмо-копию, отправленное из Парижа 6 июля в 20 час. 30 мин. из почтового отделения № 8. (Французские штампы указывают время с точностью до получаса). Одновременно и с той же почты отправленный оригинал был проштампован в Москве только 17 июля. Оба письма шли авиапочтой. И, наконец, письмо-копия, отправленное мне из США авиапочтой 11 января 1968 г. и полученное в Обнинске, Калужской области 20 января, опередило оригинал, высланный в тот же день с нью-йоркской почты в Москву, на 8 дней. Все эти парные конверты хранятся с тех пор у меня, как интереснейшие филателистические сувениры. С них я начал коллекцию такого рода почтовых парадоксов.

Но моему другу было не до шуток. Загадочное явление могло, по его мнению, означать только одно, что его почта где-то задерживается для просмотра, тогда как почта на имя Ж. А. Медведева идет беспрепятственно. Всю переписку по обсуждавшейся проблеме мы тщательно хранили, включая конверты и квитанции. Собрав за 1967 г. все конверты (16 штук у моего друга и 19 у меня) мы тщательно просмотрели все штампы от-

правки и получения. Картина была поразительной. Письма на московский домашний адрес к моему другу шли из разных стран Европы и из США от 11 до 18 дней, причем все они отправлялись авиапочтой. Письма из этих же стран, посланные на мой обнинский служебный или абонементный адрес, находились в пути от 6 до 9 дней. Хотя эти письма отправлялись в разное время и не совпадали по текстам, а иногда и по языку, но все же разница в скорости доставки в целом не вызывала сомнений. Полученный результат не давал нам другого объяснения, кроме высказанного выше. А поскольку у моего друга были старые предубеждения, то он, убедившись в проверке своей корреспонденции, прекратил опять международную переписку. К счастью, основная цель по данной проблеме была достигнута, и это несколько смягчало неприятный характер сделанного открытия.

Однако спустя несколько месяцев ясно обнаружилось, что казавшееся бесспорным объяснение ошибочно и не доказывает избирательной цензуры писем моего друга. Новые интересные факты выявили значительно большую сложность этого парадокса.

В начале 1968 г. меня обеспокоили пропажи нескольких заказных писем из США. Я не исключал того, что они могли пропасть не на участке США—Москва, а по дороге в Обнинск из Москвы через Калугу. Обычная переписка из Москвы в Обнинск следует без захода в областной центр, так как Обнинск находится ближе к Москве и расположен на железной дороге Москва—Киев. Калуга же стоит несколько в стороне от этой железной дороги и прямые почтовые киевские поезда, сбрасывающие почту в Обнинске, в Калугу не заходят. Однако, международные письма в Обнинск иногда следуют через Калугу. Международный почтамт иногда, очевидно, помещает всю калужскую почту в один мешок. На письмах, как известно, нет штампов промежуточных почт и установить попадание письма сначала

в Калугу трудно. Но иногда это обнаруживается по особым штампам, фиксирующим повреждения конверта или бандероли в дороге. Этот штамп: «Получен Калужской конторой связи в поврежденном виде» изредка появляется на конвертах. Иногда Калуга случайно ставит при сортировке и круглый обычный штамп.

Чтобы обезопасить свою корреспонденцию от пропаж, я решил приобрести абонементный почтовый ящик и в Москве. Получить в Москве абонементный почтовый ящик нелегко, они есть лишь на крупных почтах и обычно давно забронированы. Но случайно мне удалось приобрести абонементный почтовый ящик на одной новой почте в центре города, где эти ящики были только что установлены. Пользование абонементным почтовым ящиком намного удобнее, чем почтой «до востребования», да и плата за него очень скромная, всего 2 рубля в год. Таким образом, у меня оказалось два персональных абонементных ящика, один в Обнинске, другой в Москве. После этого я сообщил своим постоянным корреспондентам дополнительный Московский адрес и просил тех из них, кто столкнулся с пропажей писем, важные письма высылать с копией, посылая оригинал в Обнинск, копию в Москву, или наоборот. Шансы на пропажу сразу двух писем, высланных на разные адреса, сводились почти к нулю.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что письмо, отправленное из США авиапочтой, приходит в Обнинск на несколько дней раньше, чем его копия, одновременно отправленная в Москву. В моей коллекции хранятся четыре пары конвертов, высланных одновременно и с одного пункта в Москву и в Обнинск на мое имя авиапочтой. Вот сроки их прибытия на конечный пункт:

Все эти письма были от одного и того же лица из Калифорнии. В Обнинск они доставлялись в среднем в два раза быстрее (6, 8, 12 и 6 дней в Обнинск и 13, 16, 28 и 14 дней в Москву).

Кроме этих парных одинаковых писем, я в 1968-

Дата отправления из США	*Дата прибытия в Обнинск*	*Дата прибытия в Москву*
25. 3. 1968	31. 3	7. 4
20. 1. 1969	28. 1	5. 2
19. 2. 1969	3. 3	17. 3
18. 3. 1969	24. 3	2. 4

1969 гг. получил на Московский адрес ряд писем, как из США, так и из Европы без одновременной высылки копий в Обнинск. Но эти же адресаты в другие сроки писали мне и по Обнинскому адресу. Если сгруппировать полученные письма и открытки от одних и тех же адресатов, высланные в Обнинск и в Москву, то получится следующая картина. Я не делал никакой избирательной выборки для московской почты — никаких других писем на московский ящик, кроме указанных ниже, я не получал. Моя обнинская почта была более обширна и в таблице указаны сроки писем от тех же самых адресатов, высланные в том же месяце.

Письмо № 7 с необычной для Обнинска медлительностью доставки приходилось на декабрь 1968 г., когда из-за новогодних поздравлений объем почты резко возрастает и доставка писем замедляется.

Торможение моей московской почты было вполне очевидным. Не было никаких оснований думать, что письма в СССР из других стран авиапочтой идут разное время до Москвы, в зависимости от того, куда они адресованы в СССР. Ведь Международный почтамт в СССР только один, находящийся в Москве, и он уже определяет дальнейшую судьбу писем в разные пункты СССР. Два письма прибывают из США в этот почтамт одновременно, но то из них, которое далее следует в Обнинск доставляется исключительно быстро. Письмо же по Московскому адресу с московского же международного почтамта доходит за 7-10 дней. Но ведь внутренняя московская почта доставляется в пределах

Таблица 1. Продолжительность следования писем одних и тех же отправителей в Обнинск и в Москву

Тип письма	*Сроки доставки в днях* в Обнинск	в Москву
Простое из Англии	8	15
Авиа из США — заказное	7	12
Авиа из США	7	15
Авиа из США — заказное	9	17
Авиа из США	8	15
Авиа из США — заказное	7	7
Авиа из США	16	19
Авиа из США — заказное	9	21
Авиа из США	7	12
Открытка из США — авиа	6	18
Открытка из США — авиа	6	12
Авиа из Франции	5	13

Москвы очень быстро, в этот же день или на следующий. В том числе и моя собственная на тот же абонементный ящик. Значит не только к моему другу, но и ко мне московская почта относится подозрительно. В Калуге же и в Обнинске меня знают, доверяют и поэтому не проверяют моей корреспонденции. Объяснение странное, но логичное.

Но можно было сделать и другое, более вероятное предположение. Можно было допустить, что нет никакой избирательной цензуры моей московской почты или почты моего друга, а просто вся вообще московская международная почта обрабатывается очень медленно из-за очень большого объема московской корреспонденции. Писем же из-за рубежа в Калужскую область очень мало и поэтому их обработка не требует много времени. Московский отдел международного почтамта или, наоборот, международный отдел московского почтамта хронически не справляется с разборкой и сорти-

ровкой обильной московской почты и письма подолгу лежат в очереди, тогда, как калужская почта обрабатывается в Москве или в Калуге с нормальной скоростью. Это предположение я проверил несколькими путями.

Во-первых, я сравнил свою собственную московскую почту 1960-1962 гг. (я тогда жил и работал в Москве), с московской почтой 1968-69 гг. Идея была следующей. Если дело обстоит в медленной обработке, связанной с «затовариванием», то прежние скорости должны быть выше, так как объем переписки с иностранцами в 1960 г. был все же меньше, чем в 1969 г., а особенно в первой половине 1968 г. (Чехословацкие события повлияли отрицательно на поток писем в СССР).

В своих архивах я разыскал несколько старых конвертов от писем, полученных мною в Москве в 1960-1962 гг. и несколько открыток того же периода. Из Англии было три простых письма, находившихся в пути 7, 11 и 8 дней, авиаписьмо из ФРГ шло 9 дней, пять авиаписем и две авиооткрытки из США шли соответственно 10, 13, 9, 8, 8, 3, и 11 дней. 3 дня — это был рекорд, не перекрытый ни разу и до настоящего времени ни в одном из писем из Европы и США, которые я видел. Дата на штампе места отправки не вызывала сомнения — она совпадала с датой, проставленной на открытке отправителем. Но может быть возникла ошибка на штампе получения.

Хотя число сохранившихся у меня конвертов от старых писем невелико, цифры в среднем все же ясно отличаются от современных в лучшую сторону. Да и просто по памяти я могу сказать, что в 1956-1962 гг. я получал в Москве авиаписьма из США за 7-9 дней.

Второй способ проверки выдвинутого предположения состоял в определении сроков доставки писем другим адресатам в Москве и в Обнинске, по возможности тем, кто ведет только сугубо научную переписку. К настоящему времени я записал сроки доставки авиапочтой в Москву около 80 писем из США и Западной Европы 14-15 научным работникам (на служебные адреса) и

25 писем такого же рода пяти обнинским адресатам. Московские адресаты работают в разных учреждениях в разных районах города и обслуживаются разными почтовыми отделениями. Эти данные отчетливо показали, что международная авиапочта доставляется к жителям Обнинска намного быстрее, чем к жителям Москвы. В среднем на неделю. Но и в московской почте, помимо 12-16 дневных сроков, иногда попадаются 6-7 дневные, вскрывающие потенциальные, неиспользованные возможности московской почты.

В одном случае мне выписали сроки доставки авиаписем из Франции к московскому научному работнику на домашний адрес. Все эти письма были от одного и того же лица, с которым научный работник ведет постоянную личную переписку. 19 писем, все в 1969 г., шли из Франции до Москвы (прямое воздушное сообщение 3-4 раза в неделю) следующее число дней: 15, 13, 12, 19, 20, 16, 17, 11, 12, 16, 17, 16, 21, 16, 20, 25, 21, 17, 10.

В своей корреспонденции за 1969 г. я нашел 9 писем из Франции от разных лиц. Сроки доставки их из Франции в Обнинск были следующими: 5, 4, 5, 6, 6, 7, 9, 5, 5 дней.

И, наконец, в-третьих, можно допустить, что почта в Обнинск идет почему-то особенно быстро. В другие же места Советского Союза международная почта возможно доставляется столь же долго, как и в Москву. Пока у меня не очень много данных, чтобы изучить вопрос под этим углом зрения, но и то немногое, что я знаю не подтверждает исключительности именно обнинской почты. В 1969 г. летом, будучи в Крыму, я просмотрел у некоторых коллег сроки доставки к ним международных авиаписем. Они варьировали от 6 до 9 дней (одно из Аргентины шло 14 дней). Мой коллега из Ульяновска, имеющий много лет обширную международную переписку, обобщил по моей просьбе данные по срокам доставки к нему авиаписем из США и Западной Европы в период 1967-1969 гг. Средний срок следования писем в Ульяновск был также 7-9 дней.

Можно полагать, что когда Министерство связи познакомится с результатами приведенных исследований, оно проведет свой собственный более обширный анализ «московского парадокса» и примет необходимые меры для лучшего обслуживания московских адресатов. Придется ли при этом увеличить штаты сотрудников или повысить уровень автоматизации и механизации тех или иных процессов, это уже москвичей не касается. Но они вправе требовать, чтобы Москва, которая по уровню обслуживания продуктами питания и промышленными товарами несомненно обеспечивается лучше, чем другие города страны, не подвергалась столь явной и оскорбительной дискриминации в области международной переписки.

Интересно отметить, что в обратном направлении за границу письма, наоборот, из Москвы достигают адресатов быстрее, чем из Обнинска и других городов, как этого и следовало ожидать по нормальной логике. Письмо, отправленное из Москвы в США приходит туда на 2-3 дня раньше, чем письмо, отправленное в США из Обнинска или из Ялты. Это я давно и вполне достоверно установил по ответным письмам своих адресатов. Опытный адресат всегда в ответном письме пишет: «Ваше письмо от (указание числа) я получил вчера...» Кроме того, это подтверждается большой коллекцией вернувшихся мне из США и из Западной Европы «Уведомлений о вручении». На этих «Уведомлениях» ставятся даты отправления, получения адресатом и возврата. Из Москвы в США авиаписьмо в среднем идет 6-8 дней, а иногда и 5 дней, скорость вполне приемлемая.

Почему на «выходе» из Москвы международные письма обрабатываются значительно быстрее, чем на «входе», достоверно неизвестно. Может быть, писем на выходе намного меньше. А может быть (снова лезут в голову глупые гипотезы), проверять русские письма легче, чем иностранные. Ответ на этот вопрос должно дать Министерство связи.

4

ЕЩЕ ОДИН СТРАННЫЙ ПАРАДОКС МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЧТЫ

Один из моих знакомых, к которому я обратился с вопросом по поводу сроков доставки писем, обратил мое внимание на полученное им авиапочтой письмо из Лондона. Это письмо прибыло к нему за 7 дней. — «Почти дореволюционная скорость!» — с восторгом воскликнул он. Возраст моего знакомого приближался к 80 годам и работу старой русской почты он помнил.

Это восклицание заставило меня задуматься. Ведь ни в России, ни в Европе в те времена не было авиапочты. Письма из Лондона шли в Россию по железной дороге или морем. Экспрессная линия железной дороги через всю Европу достигала Москвы не меньше, чем за трое суток. Сейчас же регулярное беспосадочное сообщение с Лондоном по воздуху занимает 4 часа. Из Нью-Йорка в Москву самолетом летают 4 раза в неделю, и продолжительность полета равна 11-12 часам.

Но все же утверждение моего знакомого следовало проверить, память старого человека не слишком надежный источник информации. В этот же день я специально навестил другого коллегу, который, помимо научных интересов, был очень серьезным филателистом. Он собирал русские марки и особенно т. н. «земские» русские марки и, кроме марок, также старые конверты с марками. В отдельной коробке у него лежали конверты международной почты. Их было немного, около 30. Я тщательно выписал по штампам сроки отправления и получения этих писем. Получалась следующая картина, которую я привожу целиком в целях большей достоверности той совершенно невероятной скорости, в которую мало кто из современных адресатов и отправителей может поверить. При рассмотрении данных

Таблица 2. Сроки доставки международной почты в Россию и из России в 1875—1914 гг.

Пункты отпр. и получ.	*Штамп отправл.*	*Штамп получ. (ст. стиль)*	*Срок доставки*
Манчестер—Ковенск. губ.	14.5.1900	5.5	4 дня
Манчестер—Динабург (Приб)	5.6.1885	28.5	4 дня
Хамбледон (Англ)—Петербург	6.9.1904	27.8	4 дня
Рай (Англ)—Петербург	30.7.1905	21.7	4 дня
Лондон—Мозжейка (Приб)	25.7.1898	15.7	3 дня
Ливерпуль—Рига	16.8.1897	8.8	4 дня
Лондон—Петербург	24.8.1897	16.8	4 дня
Виттергем (Аангл)—Петербург	24.8.1905	14.8	3 дня
Лондон—Петербург	20.8.1903	9.8	3 дня
Мединхен (Англ)—Петербург	25.7.1904	15.7	3 дня
Финсберн (Англ)—Петербург	21.12.1903	12.12	4 дня
Лондон—Петербург	15.7.1904	9.7	7 дней
Женева—Петербург	17.2.1880	9.2	4 дня
Берн—Ессентуки	22.7.1913	15.7	6 дней
Берлин—Петербург	9.2.1908	30.1	5 дней
Берлин—Кунцево	16.7.1912	6.7	3 дня
Стокгольм—Москва	26.6.1906	17.6	4 дня
Брюссель—Москва	17.8.1890	10.8	5 дней
	Старый стиль		
Петербург—Лондон	2.2.1879	18.2	4 дня
Рига—Лондон	24.8.1913	8.9	3 дня
Петербург—Лондон	18.3.1913	3.4	4 дня

таблицы следует учесть, что в России на штампах указывались даты по «старому» стилю, отставшие от европейских на 12 дней до 1900 года и на 13 дней в период между 1900 и 1917. Только Октябрьская революция покончила с этим отставанием.

Особенно удивительна исключительная равномерность цифр. Отправитель, по-видимому, мог точно знать

когда его письмо будет получено, а это ведь иногда очень важно.

Когда я рассказывал об этом явлении знакомым, то большинство мне не верило. 3 дня из Англии до Петербурга без всякой авиапочты казались чем-то нереальным. В феврале 1970 г., однако, в «Литературной газете» (№ 6, 4, 11) появилась большая статья, в которой было показано, что и внутренняя почта в России доставлялась намного быстрее, чем сейчас. Сроки доставки писем из Москвы в Петербург, из Москвы в Калугу и т. д. были в 2-3 раза быстрее, чем сейчас. Статья резко критиковала за это Министерство связи. При сравнении с дореволюционным временем, авторы статьи приводили сроки доставки писем Льва Толстого по штампам на конвертах, хранящихся в фондах писателя.

Этот путь навел и меня на интересную мысль. Ведь у классиков русской литературы была и международная переписка и в архивах несомненно хранятся конверты от международной переписки русских писателей. Но оказалось, что соответствующие данные можно получить и не прибегая к изучению архивов. В полных собраниях сочинений последние тома обычно содержат переписку классиков с указанием дат писем. По примечаниям и по ответным письмам легко устанавливаются сроки доставки почты в те времена. Вот несколько примеров. Антон Павлович Чехов написал из Ниццы (юг Франции) письмо брату в Россию 7 окт. 1897 г. (См. письмо № 2012, том 17, Собр. соч.). Ответ на это письмо от брата Ал. Чехова датирован 11 октября 1897 г. (См. примеч. к письму № 2012). 22 ноября 1897 г. Чехов пишет из Ниццы письмо в Россию Соболевскому. Ответ Соболевского на это письмо датирован 25 ноября. (См. письмо № 2048 и коментарии к нему, том 17).

Даже новогодняя международная почта в те времена не задерживалась из-за перегрузки. Новогоднее письмо Ан. П. Чехова брату из Ниццы в Россию датировано 28 декабря 1897 г. Ответ на него от Ал. Чехова датирован 1 января 1898 г. (См. письмо №2085). Столь же быстро

передвигались между Францией и Россией не только письма, но и корректуры чеховских рассказов. Конечно, не все корреспонденты Чехова отвечали ему сразу по получении писем и на ответах часто стоят даты, отличающиеся от даты полученного письма на 5, 6, 7 и т. д. дней. Но минимальные сроки в 3-4 дня показывают именно способности почты.

Эта же картина подтверждается перепиской И. С. Тургенева, подолгу жившего за границей, А. М. Горького и других писателей. Даже письма В. И. Ленина, отправленные из Франции и Швейцарии обычной почтой, приходили в Симбирск к родным с такой же быстротой, хотя у царского правительства были основания, чтобы подвергать письма В. И. Ленина цензуре.

Уже в начале двадцатых годов письма Сергея Есенина из США (Есенин был в США в 1922 г.) прибывали в СССР за 20-25 дней морской почтой, которая сейчас доставляет письма и бандероли из США за 40-50 дней.

Выше мы рассматривали т. н. «московский парадокс» на материалах *авиапочты* из США и из Европы. Если вспомнить эти данные, то становится очевидным, что современная авиапочта доставляет письма *медленнее,* чем простая дореволюционная почта, и даже намного *медленнее,* если речь идет о письмах, адресованных в Москву. Ну а как обстоит дело с простой, наземной почтой из-за рубежа в СССР? По-видимому отставание в доставке писем по железной дороге еще резче?

Приведу некоторые цифры для 1969 г. по имеющимся в моей коллекции конвертам от писем разным адресатам в Москву, в Ленинград и в Обнинск.

Резкое отставание скорости московской почты от обнинской сохраняется, как и следовало ожидать, в отношении простой почты. Более того, почти безразлично отправляется ли письмо из Франции авиапочтой или простой. Оно идет равным образом крайне медленно. Это лишний раз доказывает, что задержка происходит за счет *внетранспортного периода* доставки. Литера-

Таблица 3. Сроки доставки международной простой почты из Западной Европы в СССР в 1969 г. (в днях)

Англия—Москва 15, 13, 13, 17, 9, 14, 12, 20, 10, 13, 21, 16
Англия—Обнинск 5, 7, 6, 5, 7, 8, 6, 8, 7, 7, 8, 8
Франция—Москва 11, 11, 14, 10, 16, 17, 16, 10
Франция—Обнинск 5, 7, 12, 7, 8
ФРГ—Обнинск 22, 16, 11, 12, 18, 18
Франция—Ленинград 7, 13, 13, 15, 9
Италия—Обнинск 12, 19, 11
Испания—Москва 41, 36, 34, 40, 29, 27, 39

турная газета критиковала почту за то, что по сравнению с Россией внетранспортная обработка писем внутренней почты увеличилась на 1-2 дня. Но внетранспортная обработка писем международной почты в Москву увеличилась в среднем на 10 дней! Из социалистических стран Восточной Европы письма идут и в Москву и в Обнинск довольно быстро, за 4-5 дней. Но в 1969 г. внетранспортная обработка писем из Чехословакии резко возросла — они стали приходить на 15-20 дней! Это уже слишком резкое замедление. Неизвестно с чем можно его сравнить. Письма Белинского и Герцена в начале 19 века, до постройки первой железной дороги в Европу двигались намного быстрее. Бальзак получал от своей невесты из Украины во Францию письма тоже быстрее. В избранных произведениях Б. Спинозы (Госполитиздат, 1957) приведена обширная переписка Спинозы с коллегами в период 1660-1680 гг. Из Германии в Англию к Ольденбургу письма Спинозы доходили иногда за 4-5 дней, в Голландию за 3 дня. Я еще не добрался до переписки Ломоносова из Петербурга с коллегами в Западной Европе. Если придется быть в архиве Академии Наук, то может быть я найду на этот счет какие-нибудь точные данные. Но не исключено, что и Ломоносов получал из европейских научных центров информацию быстрее, чем получает ее по почте современный сотрудник МГУ.

5

ВЛИЯЕТ ЛИ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНОГО АВИАПИСЬМА (заказное, простое, открытка, бандероль и т. д.) НА СРОК ЕГО ДОСТАВКИ АДРЕСАТУ?

Каждый человек, отправляющий и получающий международные письма, невольно, автоматически следит за сроками их следования. Посылая письмо или просто запрос на оттиск печатной статьи, он неизбежно прикидывает в уме когда ему ждать ответ. Он по опыту знает все приводившиеся выше сроки авиа и простой почты, хотя статистическим учетом сроков доставки занимаются очень и очень немногие. Сам я начал систематическую регистрацию сроков доставки писем и бандеролей очень давно, еще в пятидесятых годах. Это было необходимо. Если я запрашивал оттиск научной статьи, то на библиографической карточке этой статьи я всегда ставил дату отправки запроса, а когда статья приходила, то на этой же карточке отмечалось, что оттиск прибыл, и ставилась дата. Таким образом, по своему личному каталогу я всегда мог знать, какие работы у меня получены в оригинале и какие нет. Регистрацию сроков прибытия писем я начал лишь с 1967 г. На некоторые из описанных выше явлений я уже тогда обратил внимание. Уже отмечалось, что скептики считают, что главной причиной торможения международной почты является цензура. Цензура бандеролей с печатными произведениями законна и практикуется многими странами. Она предусмотрена и международными почтовыми правилами. Но цензуры писем не должно быть, она абсолютно незаконна. Но скептики не всегда верят в строгое соблюдение законов. Объяснить, например, «московский парадокс» цензурой легко, но доказать это очень трудно и лично я не был склонен верить в существование цензуры писем. Во всяком случае, мысль о возможности цензуры никогда не влияла на содержание

моих писем. Один из моих друзей, с которым я поделился своими сомнениями, даже посмеялся надо мной: «Вы как тот Рабинович из анекдота — опять проклятая загадка» (Любовник всякий раз тушил свет, и Рабинович не мог считать свою жену вполне уличенной).

Одним из источников моих сомнений был тот факт, что в моей личной переписке, которая, как мы видели, доставлялась в Обнинск довольно быстро, не было видимой зависимости между характером почты и сроком ее доставки. Заказные письма из США находились в среднем в пути столько же дней, как и простые запросные открытки на оттиски и даже как обычные возвращаются по авиа «Уведомления о вручении», не содержащие никакого смыслового текста. С этими уведомлениями цензуре то уж явно делать нечего. Они, следовательно, не должны тормозиться при доставке. Чтобы проиллюстрировать этот факт приведу некоторые цифры. В 1968-69 гг. полученные мною на обнинский абонементный ящик заказные авиаписьма из США имели следующие сроки доставки: (в днях) 7, 6, 6, 6, 10, 9, 5, 6, 5, 7, 7, 8, 10, 7, 7, 10, и т. д. Средний срок доставки по 30 письмам — 7,2 дня. Также из США авиауведомления о вручении моих писем возвращались со следующей скоростью: 6, 7, 8, 5, 10, 7, 7, 8, 5, 9, 7, 6, 9, 9, 10, 9, 10. Средняя скорость: 7,6 дня. Несколько писем и уведомлений шли с очень медленной скоростью, от 23 до 31 дня. Но, по законам статистики такие очень уклоняющиеся данные не учитывают при расчете средней, относя их к действию случайных факторов. В нашем случае это могло быть связано с попаданием авиаписьма в простую почту.

Некоторые другие средние цифры я приведу без всей суммы исходных данных. Эти цифры характеризуют мою почту в 1968-69 гг.

Открытки-запросы на оттиски по авиа доставлялись мне из США в среднем за *7,5 дня* (расчет по 70 открыткам), из европейских стран *за 6,2 дня.*

Уведомления о вручении из Зап. Европы доставлялись по авиа за 6,4 дня.

Авиа-открытки с текстом из США приходили на служебный адрес за 6,8 дня, на абонементный ящик за 6,2 дня.

Авиаписьма из США (не заказные) — на служебный адрес — 8,1 дня, на абонементный ящик — 6,8 дня.

Авиаписьма из Европы (в основном Англия и Франция) — на институт — 6,0 дня, на абонементный ящик — 6,5 дня. Соответственно заказные — 7,1 дня и 5,8 дня.

Авиабандероли с печатными вложениями доставлялись в среднем за 7,8 дня (из США).

Рекорды скорости. Один раз я получил письмо из Нью-Йорка за 4 дня. Из Англии за 4 дня пришли 2 авиаписьма из 25. Из США три раза почта доставляла письма за 5 дней из Нью-Йорка и 4 раза из других штатов. Одна бандероль с оттиском из США пришла за 4 дня. Одно уведомление из Франции пришло за 4 дня, два из США за 5 дней. Один запрос на оттиск из США пришел за 4 дня, два за 5 дней.

4-5 дней из США в Обнинск кажутся абсолютно несовместимыми с цензурой. Но скептик может и здесь найти поводы для сомнений. Ведь печатные произведения, скажет он, обязательно подвергаются законному таможенному досмотру и проверке, а средняя скорость их доставки авиапочтой примерно та же, что и у писем. Кроме того, скажет он, при отсутствии слишком большого объема корреспонденции, цензор, находящийся на линии прохождения обнинской почты, не задерживает писем на длительный срок. Открыть, прочитать, заклеить, на все это требуется не более часа. Если нужна фотокопия, то и это процесс быстрый. Даже если каждое письмо задержать на сутки, то это не внесет заметных изменений в общую картину, при том большом количестве переменных величин на пути международной почты и при отсутствии ежедневных авиарейсов такая задержка не может быть обнаружена никакой математической обработкой. Отсутствие разницы в доставке

писем со сложным текстом и простых бланков уведомлений о вручении, скажет скептик, тоже ни о чем не говорит. Может быть, цензор по инструкции должен обрабатывать всю корреспонденцию последовательно, как на конвейере, не пропуская и уведомлений. В бланк уведомления получатель, кроме росписи, может «вогнать» мелким почерком и пару фраз. Наконец, скептик может согласиться на компромиссный вывод о том, что цензура имеет не тотальный, а выборочный характер. Цензор по каким-то признакам выбирает из общей почты некоторые письма и с ними работает. В этом случае письма, попавшие к нему в руки, задерживаются на пути в Обнинск до 10-13 дней, остальные доходят до адресатов за 5-8 дней. Не исключено, что цензор имеет списки фамилий лиц, которых следует проверять, но ни Ж. А. Медведев, ни его друзья в этот список не входят, ввиду их несомненной лояльности и нежелания получать в письмах из-за рубежа наркотики, взрывчатку и даже марки, тоже входящие в список запрещенных к пересылке вещей.

Единственным доводом скептика, имеющим какое-то основание, является тот, который обращает внимание на наличие цензуры или таможенного досмотра печатных произведений, идущих, тем не менее, с той же скоростью. «Таможенный досмотр» печатных вложений — это, конечно, их цензура, то есть проверка содержания текста. Но это законная цензура, не нарушающая тайну личной переписки. В том, что цензура печатных вложений существует, никто из людей, систематически получающих из-за рубежа научную и прочую литературу не сомневается. Помимо особых цифровых штампов, которые контролер ставит на самом печатном вложении и на конверте, это видно по отношению к самим бандеролям. Если бандероль в крупном конверте с несомненными признаками печатного вложения была отправителем заклеена, то контроль ее вскрывает и довольно грубо. К адресату в СССР она приходит вскрытой. Если она была в «мягком» конверте, то он в нескольких

местах вспорот ножом, чтобы проверить нет ли в трухе между двойными стенками конверта каких-либо недозволенных вложений. Таможня не стесняется этих знаков своего внимания к почте, ибо считает, что они законны. Письма же приходят адресатам без признаков вскрытия. Хотя цензура печатных произведений не нарушает тайны переписки, тем не менее некоторые особенности этой цензуры следует рассмотреть, так как любая цензура, открытая и тайная должна иметь общие черты. Ведь если обнаруживается, что какую-то информацию нельзя получать в форме печатных работ, то вряд ли проверяющие органы были бы счастливы узнать, что эта информация может проникать в форме личных писем. Заходя на проблему тайны переписки с этой неожиданной стороны, мы ставим задачу следующим образом. Давайте посмотрим, от какой иностранной информации нас стараются оградить, что нам нельзя получить с помощью почты и прочитать? Кто нас в этом направлении оберегает и как все это делается? После этого нам легче будет продолжать разговор и об охране законом тайны личной переписки.

6

ПРОВЕРКА ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ С ПЕЧАТНЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ СТРУКТУРА ЗАГРАДИТЕЛЬНОЙ СЕТИ

Из-за рубежа в СССР, как и в любую другую страну, поступает по почте огромное количество печатных материалов различного характера. Без такого потока внешней информации жизнь развитого, культурного и индустриального общества уже невозможна. Но поскольку у каждого почти государства в современном мире есть либо враги, либо недоброжелатели, то этот поток информации, кроме полезных, с точки зрения государственных органов, сведений, может содержать и вредные. Его поэтому стараются в той или иной мере фильтровать, и это обычная, предусмотренная законом практика. В СССР официально такие функции возложены на таможенный контроль и, по-видимому, как мы увидим в дальнейшем, на особую организацию, известную под названием ГЛАВЛИТ. Почему она получила такое название и что оно означает, я не знаю, но несомненно это можно узнать по постановлениям правительства в двадцатые годы, когда Главлит был учрежден, как некая временная мера, для временной замены цензуры. Постановление о функциях и статусе Главлита тогда было опубликовано.

Открытую, легальну цензуру, как известно, уничтожила еще Февральская революция 1917 г. Это было очень важным событием в истории России. Впервые после 1790 г. наша страна получила свободную печать. (До 1790 г., как известно, императрица Екатерина II разрешала создание «вольных типографий». Но после того, как А. Н. Радищев в домашней типографии напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву», царское самодержавие вынуждено было усилить цензуру).

Отмена цензуры способствовала бурному развитию социалистической и большевистской прессы и дальнейшему развитию революции. Цензура в руках самодержавия и в руках любого антидемократического режима является мощным орудием подавления всех видов свободы. Наиболее ясно эту сущность цензуры вскрыл Карл Маркс:

> «...Цензура не уничтожает борьбы — писал он — она делает ее односторонней, она превращает ее из открытой борьбы в тайную, а борьбу принципов превращает в борьбу бессильного принципа с беспринципной силой. Истинная, коренящаяся в самом существе свободы печати цензура, есть *критика*. Она тот суд, который свобода печати порождает внутри себя. Цензура — есть и критика в качестве монополии правительства. Но разве критика не теряет свой разумный характер, когда она является не открытой, а тайной, не теоретической, а практической, когда она действует не острым ножом разума, а тупыми ножницами произвола...»
> (К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание соч.. т. I, стр. 59-60, М., 1955)

Цензура, по определению К. Маркса, это «...шарлатан, вгоняющий сыпь вовнутрь, чтобы не видеть ее, не заботясь нисколько о том, что она может поразить более нежные внутренние части тела» (там же, стр. 64).

Не менее энергичным противником цензуры был и В. И. Ленин. Известны его пламенные слова:

> «...Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати, до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру!.. За эти требования сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови».
> (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 125)

«Цензура» — какое это отвратительное слово, — сказал как-то Луначарский, первый советский нарком просвещения.

В первые годы после Октябрьской революции в цензуре действительно не было необходимости, так как буржуазные и меньшевистские и другие подобные им

органы печати были закрыты. В период НЕПа, однако, был введен сугубо временный контроль за прессой в форме ГЛАВЛИТА в центре и ОБЛЛИТОВ и ГОРЛИТОВ на местах. Функции этой организации по отношению к внутренней прессе не входят в задачу настоящего исследования. И мы, может быть, вообще рады были бы не затрагивать любых других функций Главлита, если бы не пришли к заключению, что Главлит, по-видимому, оказывает добровольную помощь таможенным органам на путях международной корреспонденции и, прежде всего, на путях обмена печатными произведениями. Такое сотрудничество между таможней и Главлитом вполне естественно, так как таможенникам, конечно, трудно *читать* тексты, тем более иностранные. У Главлита же на этот счет значительно больший опыт и возможности.

Сотрудничество почтово-таможенных органов с Главлитом на путях международной почты выводится нами из сравнительно простых признаков, из анализа специальных отметок, которые делаются на бандеролях и печатных произведениях, поступающих из-за рубежа, а также на основе анализа характера информации, которая не проходит через заградительную сеть.

Мы ни в коей мере не оспариваем права суверенного государства контролировать поток печатных произведений через границу. Это право признано и Международными почтовыми конвенциями и международным правом. Таможенный контроль это вполне законное дело и список товаров, попадающих в запретные — это внутреннее дело любой страны. Это же относится и к печатным произведениям. Некоторые страны запрещают ввоз и засылку в страну порнографической литературы, другие страны задерживают книги милитаристского характера, Египет наверняка не пропускает израильскую литературу, Китай всякую вообще. В американском журнале «Сайенс» года три назад я читал статью о работе нью-йоркской почтовой таможни. В

статье критиковалась цензура этой таможней печатных работ, прибывающих из СССР. В год, как указывала статья, нью-йоркская центральная таможня конфискует около миллиона отправлений с печатными произведениями пропагандистского характера.

В связи с законностью инспекции печатных произведений, почтовые международные правила предусматривают, что бандероли такого типа должны быть открытыми, легко доступными для инспекции. Для этой цели за границей производится много моделей пакетов и конвертов с зажимами, завязками, кнопками, слабыми заклейками и т. д. для международной отправки книг, газет, журналов и оттисков статей. На бандеролях ставятся надписи «печатное произведение», «книга» и т. д. Почта СССР тоже не заклеивает бандероли с печатными вложениями, отправляемые за границу, а просто обвязывает их веревкой.

Почему мы считаем, что к делу проверки международной корреспонденции, содержащей печатную продукцию, подключен и Главлит?

Уже давно, когда я только начинал вести обмен оттисками статей и собирать этим простым и эффективным методом необходимую мне для работы научную литературу, я обратил внимание на крупные номерные штампы, стоящие на каждом пакете с оттиском. Эти номера, обычно фиолетового цвета, с цифрами, высотой в 10 мм и шириной около 5 мм, стоят почти всегда внизу справа от адреса получателя. Иногда они стоят «боком» и даже «вверх ногами». Много лет меня эти штампованные цифры не интересовали, как не интересуют получателя штампы гашения марок. Примерно в 1960 г. я обратил внимание на то, что эти штампы номеров исчезли с пакетов, прибывающих из социалистических стран, из Польши, Венгрии, Болгарии и других. Но на конвертах с оттисками, поступающих из капиталистических стран они сохранились до настоящего времени.

На самих оттисках статей, обычно справа вверху над заголовком, тоже стояли номера, сделанные фиолетовым штампом. Но эти номера были совсем иного рода. Цифры по размерам были меньше (4 мм высота и 2 мм ширина каждого знака), а главное, эти цифры были вписаны в особый двойной треугольник, примерно следующим образом: (<346, <498, <856). Эти цифры с 1960 г. неожиданно исчезли со всех оттисков, социалистических и капиталистических. Но они остались на книгах и журналах, прибывающих из капиталистических стран. На журналах они обычно стояли на обложке в верхнем правом углу, а на книгах над заголовком в верхнем правом углу на внутреннем титульном листе. Эти же значки я встречал и на журналах в библиотеках. Но и эти цифры меня долгое время не интересовали. Серьезно задумался я над их значением только в 1967 г., когда столкнулся с явлением пропажи печатных произведений.

Я уже отмечал раньше, что до 1967 г. письма ко мне и от меня пропадали крайне редко. Но печатные работы пропадали еще реже, во всяком случае я этих пропаж не замечал. Однако в 1967 г. мой друг в США в порядке книжного обмена (он был заинтересован в получении из СССР литературы по истории естествознания) подписал меня через Американскую Ассоциацию Содействия науке на издаваемый этой ассоциацией журнал «Сайенс». (В русском переводе это означает «Наука»). Журнал этот еженедельный и считается одним из наиболее интересных. Получая периодически журнал, я обратил внимание на то, что часть номеров ко мне не доходит. Я запросил редакцию, но меня уверили, что высылаются все номера. Тем не менее, за 1967 г. я недополучил 10 выпусков. (В 1968 г. пропало 12 номеров из 52). Международный почтамт на мой запрос по этому поводу не ответил. Я обратился с жалобой в Министерство связи, но ответа и оттуда не получил.

Кроме журнала «Сайенс» в 1967 г. пропали высланные

мне из США две бандероли с художественной литературой в дешевом, т. н. «карманном» издании и две работы, посвященные истории израильско-арабского конфликта.

Все эти странные пропажи литературы, несомненно не содержавшей никакой антисоветской пропаганды, заставили меня серьезно задуматься. Не расширяет ли таможня круг конфискаций и почему эти конфискации не сопровождаются какими-то актами, уведомлением адресата о причинах конфискации, как это требуется по закону? Почему остаются без ответа мои заявления? Раздражение, связанное с этим явным, но непонятным произволом со стороны какой-то службы на пути международной корреспонденции и заставило меня обратить внимание на непонятные цифры на бандеролях и печатных работах. Я решил, что они имеют какое-то отношение к этим делам. В начале 1968 г. я взялся за более внимательное изучение этой стороны в работе почты. К этому побудило меня исчезновение на пути ко мне выпуска журнала «Сайенс», в котором была опубликована важная статья о достижении в борьбе с лейкозом. На публикацию этой статьи мне указали в переписке, как на пример оригинального биохимико-генетического решения задачи. Этот же номер журнала был конфискован и на пути в Государственную библиотеку им. Ленина и в другие библиотеки. Поскольку в лаборатории мы начинали в это время работу с этим же антилейкозным фактором, то я все же, конечно, разыскал этот журнал через одного академика и одновременно с чтением статьи обнаружил, что выпуск журнала был конфискован на пути к подписчикам из-за пустяковой социалогической заметки. Можно было представить, сколько другой полезнейшей научной информации теряет советская наука из-за подобной практики, и это вызывало тревогу.

Я начал с анализа номерных крупных штампов. Большие конверты для оттисков иностранного произ-

водства очень удобны для хранения различных бумаг. Я поэтому имел дома и в лаборатории множество таких конвертов от ранее присланных мне оттисков за ряд лет. Они были от литературы на английском языке, но прибывали из разных стран: США, Англии, Франции, ФРГ и т. д. На большом листе бумаги я выписал все попадавшиеся номера с указанием страны, из которой был выслан оттиск и даты отправки и получения (по почтовым штампам). Максимальный из встречавшихся в моей почте номеров был 139.

Первый вопрос, который я себе поставил заключался в том *кто и где ставят эти номера?*

Всего в обработке было около 400 конвертов с номерами. Если расположить их в последовательном порядке и точками отмечать сколько конвертов имели однаковый номер, то получалась следующая картина:

```
 1 ..                    27 .....................
 2 ..                    28 .....................
 3 .                     30 .
 4 .............         32 ..........
 6 ......                34 ..
 9 ...                   35 .
10 ..................    36 ..........
12 ...                   37 ....
13 ...........           43 ...
14 .........             44 .
15 ............          45 .
18 ............          47 ..................
19 ............          48 ............
22 ..............            и т. д. до 138 ..  и 139 .
23 .  24 .  26 .......
```

Из возможных 140 номеров встречались только 61 номер, остальных (3, 7, 8, 11, 16, 17 и т. д.) в этом списке не было. Между 115 и 133 не попадалось ни одного номера. Кроме того, некоторые номера были перегружены (10, 22, 27, 28, 54, 57, 75 и т. д.), другие недогружены (1, 2, 5, 23, 24 и т. д.).

Первый вывод, который я сделал состоял в том, что встречающиеся на разных бандеролях и в разное время одинаковые номера сделаны одним и тем же физическим штампом. Это было легко видно по тонким особенностям цифр.

Второй вывод состоял в том, что эти номера ставятся в Москве. Бандероли, которые время от времени приходили на мой старый московский адрес и доставлялись мне потом с оказией, имели точно такие же номера. Кроме того, другие адресаты в Москве получают оттиски с этими же номерами на конвертах. Это я проверил более, чем по 50 случаям. Среди «московских» номеров не было ни одного, который бы не встречался и в обнинской почте.

Номера эти были хаотичны по отношению к адресатам. В этом состоял третий вывод.

Из других выводов нужно отметить следующие: *Номера хаотичны по отношению к странам и датам отправки и получения.* Из Швеции и США бандероли могут иметь одинаковые номера и почти любые из отмеченных выше. Бандероли, прибывшие в один день из одной и той же страны, могут иметь разные номера.

Смысл этих номеров явно ускользал, так как не выяснив природы их дифференцировки, нельзя было понять и их значения.

Я попытался дифференцировать их по другим признакам. Прежде всего по языкам. Иногда мне присылали и немецкие работы. Пять бандеролей с работами на немецком языке имели номера 8, 83 и 141. Ни один из этих номеров не встречался ранее в английской группе номеров. Работы из ФРГ на английском языке шли под номерами, встречавшимися и на бандеролях из США, Англии, Новой Зеландии и т. п. *Значит не исключена дифференцировка по языкам.* Чтобы проверить это, я собрал в разных местах около 40 конвертов, в которых в Москву и в Обнинск прибыли бандероли с печатными произведениями на разных языках. *Дифференцировка*

по языкам была совершенно очевидной. Немецкие работы привлекали к себе номера 8., 61..., 59..., 141. и 62.... Печатные произведения на французском языке имели на бандеролях номера: 5.. 20.. 45. 51. 58. Первые четыре номера не встречались в группе английской литературы. Не встречались в английской группе шведские, датские и финские номера 60, 73 и 137. Японские работы шли под номерами 17 и 70; югославский оттиск имел на бандероли номер 116, итальянский 63. Все эти номера не попадались на бандеролях с литературой на английском языке из этих же стран.

Следовательно, все эти номера ставятся группами сотрудников, имеющих языковую дифференцировку. Назовем эти группы отделами. Есть самый большой английский отдел, немецкий отдел, французский, японский, скандинавский и т. д.

Далее я попытался установить, как дифференцируются номера в самом большом английском отделе. Для этого я отдельно записывал номера на бандеролях с оттисками биологической, химической и медицинской и физической литературы, на книжных каталогах, на рекламах приборов и прочей лабораторной техники, на бандеролях с журналами «Сайенс» и двумя геронтологическими журналами, которые я систематически получаю. Выводы были следующими: *Нет никакой дифференцировки номеров по отраслям знания.* Нет различий в характере номеров при сравнении оттисков с рекламами и каталогами. Книги идут в бандеролях с такими же номерами, как и оттиски, книги гуманитарные и художественные имеют номера, встречающиеся и на бандеролях с оттисками по биохимии. *Однако бандероли с журналами имеют свои особые журнальные номера.*

За два года, например, я зафиксировал для журнала «Сайенс» следующие номера, выставленные на оболочках бандеролей: 10, 19, 26, 28, 35, 69, 102, 105, 112, 130, 134, 137. Некоторые из этих номеров встречаются и на

бандеролях с оттисками (10, 19, 26, 28), но это, как правило, номера очень редко, по 1-2 раза попадавшиеся на бандеролях «Сайенс». В основном на этих пакетах ставятся номера 102, 105, 112, 130 и 134, которые в группе оттисков никогда не встречались. Эта дифференцировка вполне четкая; номер 130 является, при этом, главным, он был выставлен на бандеролях с «Сайенс» 43 раза, то есть в 50% всех случаев. Номер 102 был выставлен 21 раз, 134 — 6 раз и 112 — 5 раз. На эти четыре номера приходится 80% всех случаев. По-видимому, в «английском отделе» есть сектор журналов, вернее *«сектор периодической литературы»* и сектор *«непериодической литературы»* (книги, оттиски, рекламы). Непериодические номера ставятся иногда на журналы, когда бандероли с ними по ошибке забрасываются в другой отдел.

Этот вывод о двух отделах по английскому языку подтверждается и номерами на бандеролях с геронтологическими журналами. Для них я записал за два года следующие номера: 41.. 64..... 92.. 94... 100. 102... Ни один из этих номеров не встречался в группе оттисков. В Москве мне удалось достать конверты и почтовые обертки журналов и газет, поступавших в одну редакцию в 1969 г. Это были в основном гуманитарные издания и газеты общего типа, вроде «Таймс». Среди англо-американских поступлений я записал следующие номера на оболочках бандеролей: 41, 24, 35, 64, 80, 92, 48, 104, 112. Кроме 24, 48 и 104 ни один из них не попадался мне в группе оттисков, реклам и книг. Но эти три «непереодических» номера встречались по разу. Остальные встречались по 5-7 и более раз. «Геронтологические» и «гуманитарные» журнальные номера 102 и 112 попадались и для журнала «Сайенс».

Отделение периодической от непереодической литературы, конечно, рационально. Оттиски и книги индивидуальны, они идут хаотически, как и письма, группировать их невозможно, нужно просмотреть каждый.

Журналы же идут партиями, десятками одинаковых выпусков. Газеты могут идти сотнями и тысячами одинаковых выпусков. Читать и проверять их хаотически нет смысла, достаточно проверить один номер и по нему решать судьбу остальных выпусков за эту дату. Все эти данные позволяют предположить, что *дифференцировка номеров на бандеролях по языкам и типу литературы отражает дифференцировку сотрудников какой-то организации. При этом каждый сотрудник имеет свой персональный номер и хотя и не очень строго, но приспосабливается к определенным потокам литературы.* (Например № 130 к журналу «Сайенс»).

Персональные номера-штампы ликвидируют обезличку сотрудников по проверке бандеролей. Если на контроле обнаружат, что прошел оттиск какой-нибудь антисоветской статьи или запрещенная книга, то сразу видно, кто в этом виноват — № 10 или 137. Подобная система применяется и в промышленности: у контролеров и браковщиков есть свои персональные номера. На книгах и прочих изданиях в подборках выходных данных всегда стоит особый словный номер редактора Главлита (Т-03201, Т-05239, БФ-34036 и т. д.). На книгах двадцатых и начала тридцатых годов сотрудники Главлита не стеснялись называть вместе с номером свою принадлежность и давали свой гриф следующим образом: «Уполн. Главл. Б-23035», или «Ленгорлит № 20245», «Ленинградский Областлит № 56918» и т. д. В этих пятизначных номерах сочетаются и номер сотрудника и еще что-то, по-видимому, номер издания по списку Главлита.

Таким образом, номера на оболочках бандеролей — это результат деятельности определенной линии контролеров. Их около 140, и они разбиты на отделы по рабочим языкам и на сектора в пределах отделов по группам периодической и непериодической печати. Поскольку эти контролеры ставят свои персональные номера на конвертах и оболочках бандеролей, то следует

полагать, что они входят в состав таможенно-почтовой проверки отправлений. При этом они относятся к линии проверки именно печатных произведений, так как на пакетах с химическими реактивами и образцами материалов, прибывающими из-за рубежа, есть различные другие отметки таможенного контроля, но подобных номеров нет.

Перейдем теперь к другим номерам, вписанным в двойной треугольник. Они ставятся на титульных листах книг и журналов. На оттисках их после 1960 г. нет. Эти «титульные» номера имеют много общих черт с крупными бандерольными номерами, но они, по-видимому, имеют более серьезный характер. Их ставят тоже сотрудники, но какой-то другой службы. На разных бандеролях может стоять один и тот же номер, например 130 на бандеролях с журналом «Сайенс». Сам же журнал может при этом иметь *разные* «титульные» номера (118, 185 и т. д.). Наружные бандерольные номера попадаются и на бандеролях из социалистических стран. «Титульные» номера ставятся только на журналах и книгах, поступающих из капиталистических стран.

От оболочки бандероли отправление освобождается получателем. Если бы проверочный знак имел какое-нибудь значение для самой почтовой службы, то он ставился бы на оболочке бандероли. Выставленный непосредственно на книге или журнале, он имеет значение для получателя или для судьбы самой книги, независимо от почтовой упаковки. Поскольку этот номер не является простым номером, а вделан в двойной треугольник, то он сочетает функцию личной ответственности и такого-то *знака*. На зарубежных книгах довоенного издания и на старых иностранных журналах мне попадались подобные номера, вделанные в одинарный треугольник и в кружок. Это подтверждает догадку, что мы имеем дело с каким-то особым знаком.

Для того, чтобы выяснить природу и значение этих

номерных «титульных» значков, мы провели с ними ту же работу, как и в предыдущем случае, проанализировав дифференцировку этих значков в зависимости от многих факторов. При этом число использованных в обработке случаев было намного большим, так как кроме собственной библиотеки и фондов института, мы могли записывать эти знаки на журналах и книгах коллег, в библиотеках и на книжных выставках зарубежной литературы.

Прежде всего отметим, что эти знаки ставятся в СССР в основном, если не исключительно, в Москве. Некоторые, подмеченные при анализе данных правила, излагаются ниже в систематическом порядке.

Правило № 1. Имеется и выставляется на книгах и журналах 500 «титульных» номеров, вделанных в двойной треугольник. До 1960 г., когда эти же номера выставлялись и на оттисках отдельных статей, их было тоже 500.

Правило № 2. Каждый одинаковый номер в разное время и на разных изданиях сделан одним и тем же физическим штампом.

Это говорит в пользу того, что номера являются *персональными* и отражают проверку литературы определенным сотрудником. Материал, из которого сделаны штампы отличаются прекрасной прочностью, что позволяет использовать их много лет подряд. На различных изданиях очень часто встречается, например, № 303. У этого весьма продуктивного номера есть, однако, дефект в написании нуля; в нижней части нуля характерная зацепка в форме запятой (<3Q3). Этот характерный номер я обнаружил на нескольких выпусках журнала «Сайенс» и журнала по геронтологии в собственной библиотеке, полученных в 1966-68 гг., на четырех полученных мной книгах (одна из Японии и три из США), на множестве медицинских и прочих журналов в библиотеках, на книгах по языкознанию, одна из которых издана в 1958 г. Этот номер я встречал на двух

оттисках, поступивших ко мне в 1956-1957 гг. Этот же знакомый нуль с хвостиком я увидел в библиотеке на канадском справочнике, поступившем в библиотеку в 1947 г.! Номера 340 и 343 имеют характерные особенности цифр. У номера 340 на штампе цифра 4 сближена с нулем и нуль неправильной формы. У номера 343 первая цифра соприкасается со второй и вторая с третьей. Эти уникальные номера я встречал на старых оттисках из США (1959 г.), на книге по гемопоэзу, прибывшей из Англии (1968 г.), на разных изданиях в библиотеках за ряд лет.

Это правило проверено на многих случаях.

Правило № 3. Существует достаточно четкая, хотя и не абсолютная специализация номеров по языкам изданий.

Абсолютное разделение не обязательно, так как сотрудник, владеющий штампом с номером 100, может знать и два языка, немецкий и английский или французский и итальянский. Но поскольку большинство несомненно владеет только одним иностранным языком, то дифференцировка по языкам должна быть.

Из 500 номеров, примерно 120 разных номеров (от 4 до 498) приходится на английский язык, около 30 на немецкий, 20 на французский и т. д. Практически все журналы на финском языке контролируются номером 168. Этот же номер захватывает и норвежский язык. Журналы на японском языке контролируют четыре номера (83, 120, 149, 460), и т. д. Все рабочие материалы по этому правилу приводить нет необходимости; они занимают много места и постоянно пополняются. Дифференцировка по языкам совершенно отчетлива, хотя, например, в группе немецкого языка только 24 номера «чисто» немецкие; 5 захватывают и немецкую и английскую литературу. Три французских номера знают и английский язык. Итальянский номер 124 знает и испанский язык.

Правило № 4. Имеется достаточно ясная, но не абсо-

лютная дифференцировка на журнальные и книжные номера, то есть по принципу проверки периодической и непериодической литературы в разных «отделах».

«Титульные» номера-штампы распределяются между 1 и 500. Но 90% всех номеров на журналах (проверено на сотнях случаев) падают на номера между 100 и 300. *Книжные* номера в 80% случаев — это номера до 100 и между 300 и 500. Дифференцировка по языкам вписана в эту главную дифференцировку. На оттисках, получавшихся до 1960 г., были только «книжные» номера. Я списал номера с пятидесяти оттисков 1955-58 гг. и обнаружил, что все они укладываются между 1 и 100 и 300 и 500 (050, 405, 343, 437, 328, 411, 077, 340 и т. д.).

Правило № 5. Не существует специализации «титульных» номров по странам издания, если журналы из разных стран издаются на одном, например, английском языке.

На английских изданиях публикуемых в Англии, США, Австралии, Голландии, Японии, могут стоять одни и те же номера.

Правило № 6. Ни в группе журналов, ни в группе книг, нет никакой видимой дифференцировки номеров по отраслям знания.

Сотрудник английского отдела с номером, например 130, с одинаковым успехом просматривает и ставит свой штамп на технических, биологических, медицинских и прочих научных журналах, а также на исторических, языкознанческих, политических и библиографических журналах. Бывая в библиотеках, я в течение почти двух лет записывал «титульные» номера на разных журналах в открытых доступах Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (ГБИЛ), Всесоюзной Гос. библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ), Центральной медицинской библиотеки (ЦМБ) и др. При дифференцировке по отраслям знания и при регистрации частоты встречаемости номеров, *точками* получилась следующая картина:

Наиболее «нагруженные» номера по всем отраслям

Таблица 4. Распределение «титульных» номеров по отраслям знания в группе журналов на английском языке

Технические	*Медико-биологич.*	*Гуманитарные*	*Библиографические*
		4.	
			49.
83.			
101.			
	105.	106...	
	106....		
110...	110.....		
	.....		
118.			
	125.....	125..	
126...	126.....	126...	126.....
	130.		
	128.		
130.....	130.....	130.....	130.....
	.....	.....	.....
	.....		.....
	.....		...
	.....		
	и т. д. до наивысшего номера 498		

были одинаковыми. Это 130, 145, 147, 160, 179, 185. Номера выше 300 попадались, как единичные, за исключением 303 с дефективным нулем. Он и в группе журналов работал за пятерых. Просто какой-то гений проверочной службы.

В группе журналов мы обработали около 20 технических, 70 медико-биологических, 50 гуманитарных и 28 справочно-библиографических названий журналов, разные тома и выпуски каждого журнала.

В группе книг мы списали номера примерно с 500 разных изданий на разных языках. В группах естественных и гуманитарных изданий очень много совпа-

дающих номеров и на первом месте по продуктивности в обеих группах № 303. Совпадения номеров между разными специальностями значительно чаще, чем между разными языками. Справочники и энциклопедии проверялись этой же группой номеров.

Правило № 7. Одни и те же выпуски одного и того же журнала, находящиеся в разных библиотеках и в личном пользовании, обычно имеют одинаковые «титульные» номера.

Например, выпуск журнала «Сайенс», № 3864, у меня дома, в ГБИЛ, в ВГБИЛ и в Биоотдел. АН СССР имеет один и тот же редкий для «Сайенс» номер 470, а выпуск 3865 во всех четырех хранениях получил «титульный» номер 185. Одни и те же выпуски журнала «Джеронтолоджист» у меня и в ЦМБ имеют одни и те же вделанные в треугольник «титульные» номера 179, 184 и 303. Это правило я проверил по многим журналам в разных библиотеках. Это связано с тем, что журналы идут в СССР к подписчикам партиями из зарубежных издательств, много экземпляров одного и того же выпуска в одном мешке. Если этого нет, то их где-то сначала сортируют по названиям и затем один сотрудник, проверяя номер, ставит свой штамп на всей партии.

Правило № 8. Хотя нет специализации по отраслям знания, тем не менее каждый данный журнал попадает не к любому из 200 сотрудников с номерами между 100 и 300, а к небольшой группе сотрудников из 3-5 человек.

Это какая-то пока неясная дифференцировка журнальных контролеров с «титульными» номерами. Если расположить, например, «Сайенс» по датам выхода, а затем записать последовательно титульные номера, то получится следующая картина: 112, 112, 112, 112, 130, 130, 130, 407, 407, 303, 303, 436, 436, 185, 185, 175, 303, 303, 470, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 158, 158, 158, 156, 156, 156, 185, 185, 185, 185, 185, 185, 185, и т. д.

Отчетливо видно, что номера идут группами, два ме-

сяца проверяет один, затем полгода другой и т. д. Такое же правило обнаруживается по другим журналам. «Брэйн Рисэрч» по датам имеет титульные номера: 130, 303, 303, 130, 130, 160, 130, 160, 160, 160, 160. Журнал Канадской медицинской Ассоциации проверяется последовательно номерами 147, 147, 147, 147, 147, 130, 130, 130, 184, 184, 184, 184, 184, и т. д. Правило проверено по тридцати журналам биологического и гуманитарного направления.

Возможно, что эта дифференцировка связана с комнатами, в которых сидят сотрудники журнального отдела. В одну комнату поступают по списку такие-то журналы, в другую другие, и число столов в комнатах определяет число номеров в группе, привязанной к данному журналу. Ничего другого мы пока не смогли предположить.

Гипотеза № 1. О разрешительном и запретительном значении «титульных» номерных штампов.

Журналы приходят в СССР из-за границы партиями. «Сайенс» и «Нейчур», очевидно по двести-триста экземпляров каждого выпуска, причем каждый экземпляр упакован отдельно и имеет адрес подписчика. Мешок с журналами одного выпуска попадает, например к № 185 и, он, естественно, не перелистывает каждый экземпляр. Он знает, что все они одинаковы и поэтому ему нужно внимательно просмотреть только один верхний экземпляр стопки журналов, а потом всю стопку сбросить на конвейер, ведущий в адресную сортировку. И, однако, штамп 185 стоит *на каждом* экземпляре. Но зачем № 185 делает такую большую лишнюю работу, ведь штамповка титульных листов тоже требует времени? Очевидно, как мы уже предполагали, эти штампы имеют какое-то значение для адресатов, в основном библиотек, либо для каких-то последующих этапов движения данной бандероли. Дальнейшее наше предложение, возникшее давно, заключалось в том, что номер в треугольнике — это *разрешительный значок*. Журнал

или книга с таким значком следует дальше. Не исключено, что сотрудник этой линии контроля имеет два типа штампов, один треугольный — разрешительный, — другой, иного рода, *запретительный*. Издания с запретительными штампами ко мне, естественно, не попадали, ибо они идут, очевидно, в спецхраны библиотек, или вообще уничтожаются.

Но однажды случайно я встретил значок, имеющий, по всей видимости, подобное запретительное значение.

В 1968 г. мне обязательно нужно было прочитать одну статью в журнале «Сайенс», статью содержавшую методику, важную для текущего опыта. Я знал об этой статье из переписки. Но выпуск журнала с этой статьей ко мне не поступил. Я поехал в Москву в библиотеку, но оказалось, что этот номер журнала не поступил и в московские центральные библиотеки. На запрос к директору ГБИЛ, я получил разъяснение (см. след. раздел), что данный выпуск журнала поступил в «спецхран» и для чтения его следовало иметь специальное ходатайство дирекции и Первого отдела института. Я, однако, не стал связываться со спецхраном и поступил иначе.

Моя подписка на «Сайенс» обеспечивается книжным обменом и не была зарегистрирована «Союзпечатью». В СССР через «Союзпечать» тоже можно подписаться на этот журнал, но подписчик будет получать не оригинал, а фотоофсетную репродукцию, приходящую с 6-7 месячным опозданием и с различными изъятиями, на плохой бумаге и заметно дороже. Но по особым лимитам в СССР разрешена подписка на иностранные журналы оригинальных изданий для академиков АН СССР. И если академик оформил подписку через соответствующий отдел, то он должен получать все выпуски; таможня не должна проводить конфискаций.

Один из академиков, которого я знал, ныне покойный, имел такую «разрешенную» подписку на «Сайенс», и я попросил его разрешить мне просмотр журналов за

1968 г. Комплекты журнала стояли у него в институтском кабинете. Я быстро нашел нужный мне номер и сразу обратил внимание на то, что вместо знакомого мне треугольника на обложке журнала, справа вверху стоял странный *двойной шестигранник* с обычным для «Сайенс» номером 185 внутри. Этот шестиугольник очень напоминал формулу химического соединения бензольного ряда.

Такие же шестигранники были и на некоторых других выпусках журнала, и дома я установил, что это как раз те выпуски, которых я в 1968 г. не получил и которые не были записаны в каталог открытого доступа Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина.

Закономерно было предположить, что шестигранник представлял собой *запретный цензурный знак*. Это подтвердил и академик, сказав, что выпуски «Сайенс» с таким значком (он назвал его «гайкой») он не может, по правилам, разрешать выносить из института.

Я не стал подводить академика, рисковавшего из-за обычного американского журнала получить какое-то взыскание, и прочитал нужную статью в его служебном кабинете. Но «гайку» я запомнил и при случае следил, не встречу ли я ее еще где-нибудь. Однажды я увидел ее на обложке французского политического журнала на столе сотрудника центральной газеты, в другой раз на американском журнале «Ньюсвик».

Уже недавно коллега рассказал мне, что в библиотеке его института после 1964 г. много иностранных журналов выставили из «спецхрана» в открытый доступ (после многих лет закрытого хранения). Как легко было выяснить — они попали в «спецхран» из-за критических статей о Т. Д. Лысенко и «мичуринской биологии». Коллега обратил внимание, что на титульных листах этих журналов стояли не обычные пронумерованные треугольники, а шестиугольники, перечеркнутые чьей-то росписью. По-видимому, «рассекречивание» изданий

требует «снятия» запретительной «гайки» каким-либо уполномоченным или ответственным работником.

Этого небольшого числа фактов все же достаточно, чтобы предположить, что у каждого из 500 сотрудников службы проверки есть два вида номерных личных штампов, один треугольный-*разрешительный*, другой шестиугольный-*запретительный*. На некоторых изданиях ставится треугольник-разрешаю, на других — шестиугольник-запрещаю. И форма штампов подобрана, очевидно, с глубоким смыслом, по типу эмблем. В двойном треугольнике цифра-номер стоит у открытого выхода, двойной треугольник как бы выталкивает ее из себя, — иди на волю, служи людям. В двойном шестиграннике цифра замкнута, закрыта со всех сторон, замурована двойной решеткой. Книга с таким значком приговаривается к заключению в «спецхранах».

Но ведь есть издания, которые не поступают и в «спецхраны», которые подлежат уничтожению. Чтобы приговорить книгу к такой судьбе, по-видимому, существует еще какой-то особый значок. Его-то я никогда не видел. По аналогии можно допустить, что он напоминает собой что-либо вроде перекладины.

Гипотеза № 2. О средствах доставки адресатам изданий с запретительными знаками.

Запретительная «гайка» на печатном произведении по всей видимости означает, что данное произведение не может быть получено частным лицом и должно быть конфисковано. Но ведь такая литература идет и в адрес учреждений, которым разрешено ее выписывать, в адрес библиотек, где есть сейфы, спецхраны и закрытые читальные залы. Если редакции какой-либо газеты или журнала разрешено получать профильные газеты и журналы из-за рубежа, в том числе и буржуазные, то ведь эти газеты и журналы, даже с «гайками», должны доставляться почтой в редакцию.

Но из капиталистических стран газеты и журналы отправляются в СССР в открытых бандеролях. Отпра-

витель заранее не знает будет ли на издании стоять треугольник или гайка. Можно ли в таком случае доверять обычной почте доставку адресатам изданий с «гайками»? Ведь их тогда смогут прочитать работники почты, почтовых вагонов, почтальоны, сотрудники учреждений. Допустить подобную ситуацию, конечно, нельзя — ведь издание с «гайкой» — это, очевидно, уже секретный материал. По-видимому, он следует в разные города также особой «спецпочтой». Этот вопрос мы оставляем без ответа. Отметим лишь следующую деталь, давшую повод для размышлений.

На письмах и бандеролях, поступающих к адресатам обычной почтой, ставится штамп гашения с датой в месте отправки и штамп почты доставки местной почты, обслуживающей адресата. В Москве это разные Г-9, А-8, К-9 и т. д. или сортировочные городские узлы связи. В Обнинске — это городской узел связи. Но однажды мне подарили пачку конвертов от бандеролей международной почты, среди которых было много конвертов с грифами иностранных журналов и газет типа «Таймс», «Штерн» и т. д. На этих конвертах стоял красный штамп Международного почтамта. Штампа другой доставочной почты на них не было. Я заключил, что московские организации, получающие такую почту, посылают за ней ответственных работников с доверенностями прямо на международный почтамт и получают там под расписку издания с «гайками» и укладывают их в запирающийся портфель. А как поступают работники учреждений областного масштаба? Берут периодические командировки в Москву? Очевидно все же нет. Но и им приходится, наверное, путешествовать за этой почтой на почтамты в областных центрах. Во сколько рабочих дней обходится государству эта параллельная система спецсамодоставки корреспонденции с «гайками» никто, конечно, не подсчитывал.

О некоторых явлениях, выходящих за рамки общих правил

Явление № 1. Не все научные журналы, поступающие из капиталистических стран, имеют общесоюзные «титульные» номерные знаки.

Я получаю из США два геронтологических журнала «Джеронтолоджист» и «Джорнал оф Джеронтолоджи». Каждый из них выходит раз в квартал, но первый более популярный, второй более академический. На выпусках первого журнала (я имею комплект с 1961 г.) всегда стоят «титульные» номера в треугольнике, на выпусках второго журнала никаких номеров нет, только крупные номера на оболочках. В ВГБИЛ нет номерных штампов на европейских и американских реферативных научных журналах, на некоторых химических и медицинских. В ЦНБ почти половина комплектов журналов имеет не обычные номера всесоюзной службы в треугольнике, а какие-то особые крупные «титульные» номера от 1 до 20 с дифференцировкой по языкам (4, 11, 17 — английские, 6 и 3 — французские, 19 — немецкий и т. д.). Эти же номера стоят на многих иностранных журналах, поступающих в Фундаментальную библиотеку АМН СССР. Легко установить, что на журналах более общего характера (общемедицинские журналы, медицинские популярные журналы, журналы по психиатрии, по социальной медицине и т. д., Американский журнал народного здоровья, Лансет, Британский журнал психиатрии, Калифорнийская медицина и т. д.) ставятся общесоюзные штампы в двойном треугольнике. Очевидно они проходят через главную систему проверки. Специализированные медицинские журналы (Акта гастроэнтерологика, Урология, Рак и т. д.) имеют более местные «титульные» номера, выставляемые, по-видимому, каким-то ведомством Министерства здравоохранения.

В библиотеках институтов Академии Наук СССР ряд сугубо научных журналов («Хромосома», «Анатомический архив» и т. п.) тоже не имеют треугольных

штампов. Они не имеют и титульных номеров медицинского типа. Но они имеют дифференцированные по языкам номерные знаки на задней обложке.

Не имеют «титульных» разрешительных номеров издания Организации Объединенных Наций и ее специализированных отделов, типа ЮНЕСКО, ВОЗ, МАГАТЕ.

Возможно, что в связи с ростом поступающих в СССР периодических изданий из-за границы (число журналов в мире удваивается каждое десятилетие), 500 человек треугольно-шестиугольной линии проверки перестали справляться с потоком литературы. Перед ними встала та же проблема, как и перед воздухоплавателями на воздушном шаре. Можно попытаться раздуть сильнее шар, чтобы справиться с опасностью снижения. Но можно и начать постепенно сбрасывать балласт. Руководители организации подошли к решению вопроса по-государственному. Сначала сбросили баласт изданий из социалистических стран — в них ведь есть цензура печати. Затем сбросили с проверки оттиски научных статей; слишком их стало много. Потом пошли в ненужный балласт кое-какие сугубо научные журналы. И шар продолжал свой полет на прежней высоте.

Явление № 2. Художественная и детская литература, поступающая из капиталистических стран по личным адресам, не имеет, как правило, «титульных» проверочных штампов.

Это явление очень интересно и мало понятное. Но оно существует. На полученных лично мною из Англии и США в 1964-68 гг. 12 художественных произведениях литературы (романы, пьесы, публицистика), 8 детских книжках и двух изданиях по социологии никаких номерных штампов на титульном листе нет. На всех научных книгах из США и Англии они есть. У нескольких моих коллег в Москве и в Обнинске — такая же картина.

Может быть, художественная и социальная литература вообще не проверяется? Это маловероятно, так

как процент «потерь» и пропаж в этой категории почти самый большой. У меня лично он составлял около 50%. Кроме того, я имел возможность убедиться, что, например, американская, британская и немецкая (из ФРГ) художественная литература в фондах ГБИЛ имеет обычные книжные треугольные «титульные» номера. На книжных выставках ВГБИЛ художественная литература также с разрешительнми номерами.

Почему же эти книги в частные руки попадают без номеров? Это, очевидно, результат сложного сочетания факторов. На научной книге ответственный сотрудник уверенно ставит свой разрешительный треугольник. Какую-нибудь политическую книгу или шпионский роман о Джеймсе Бонде он также уверенно запрещает к дальнейшей отправке, проставляя на них «гайку». Может быть есть даже особый список запрещенных книг, в который он успевает заглянуть. Но вот попал к нему в руки роман Уэллса, пьеса Шоу или детская книга про Алису в стране чудес. Или даже детектив Агаты Кристи. Запрещать получение этих изданий нет никаких оснований. Но и тщательно читать их тоже нельзя — дневной нормы проверки в листах не выполнишь. Научную литературу можно только просмотреть, все равно ведь непонятно. Вот и колеблется владелец двух штампов. Не пропустишь «Алису в стране чудес» — отправитель и адресат начнут протестовать, тем более, что бандероль заказная. Пропустишь со своим номером — опасно, ведь книга будет циркулировать. Вдруг через много лет окажется, что и Алису с Агатой нельзя читать, а персональный номер докажет, кто этого не предвидел. В библиотеки без номера посылать нельзя — вернут обратно из-за неясности. А к индивидуальным получателям можно отослать и без треугольника и без гайки, он по этому поводу жаловаться не будет.

Явление № 3. Журналы и газеты коммунистических партий, поступающие из капиталистических стран в

библиотеки и для свободной продажи, не имеют «разрешительных» номеров.

Продающаяся в СССР коммунистическая пресса Англии, США, Франции и других стран (Морнинг Стар, Юманите, Уоркер и др.) не имеют номерных штампов. Штампы эти имеют несомненно цензурный смысл и выставлять их на коммунистических изданиях сочли, естественно, неудобным. Но эта литература тоже, конечно, очень тщательно проверяется и поступает в продажу с большими проблемами, а индивидуальная подписка на коммунистические газеты из капиталистических стран не разрешается. Ведь публикуемые в этих газетах статьи не всегда соответствуют интересам советской политики и дают более подробное освещение некоторых событий, которые в отечественной прессе часто не упоминаются из-за недостатка места.

Например, в период событий в Чехословакии в августе и в сентябре 1968 г. прекратилась продажа в Москве всех коммунистических изданий из Западной Европы. Не поступали они и в открытые доступы библиотек. В конце сентября начала появляться сначала «Юманите», а через некоторое время и другие газеты, но с периодическими проблемами.

Иногда тиражи этих газет задерживаются из-за совершенно недопустимой перестраховки. Например, британская коммунистическая газета «Морнинг Стар» за 4 декабря 1969 г. была изъята из продажи и не поступила даже в Гос. Библиотеку им. В. И. Ленина в зал периодики только потому, что на второй полосе опубликовала короткое письмо читателя неодобрительно комментировавшего исключение писателя А. И. Солженицына из Союза советских писателей. Номер газеты, от 10 декабря 1969 г., в котором было помещено письмо другого читателя, одобрившего исключение и вступившего в полемику с первым по этому вопросу, продавался в Москве и поступил в библиотеки.

Когда британские или итальянские коммунистические

газеты конфискуются в СССР из-за изложения вместе с советской и китайской версией пограничных инцидентов, это, конечно, глупо, но в цензурном отношении понятно — цензура обязательно имеет какие-то указания по столь важному государственному вопросу. Но конфисковывать весь тираж «Морнинг Стар», поступающей в СССР каждый день в количестве не менее 20.000 экз. и продающейся по 8 коп. за экземпляр, из-за маленького письма в редакцию частного лица с изложением его частного мнения, по решению Рязанского отделения Союза писателей — это не только крайне глупо, но и убыточно для государства, оплачивающего оптовую подписку на эту газету за год в иностранной валюте.

Еще одна гипотеза

В заключение отдела уместно, конечно, задать вопрос: Кому же принадлежат треугольные и шестигранные разрешительные и запретительные знаки, выставляемые на титульных листах, прибывающих из-за границы книг. Что это за организация, насчитывающая 500 ответственных сотрудников, знающих множество иностранных языков и очевидно не менее того же числа не столь ответственных сотрудников обслуживающего аппарата. 1000 человек — это огромное здание или ряд зданий меньшего размера, это не менее 300-400 комнат. Раньше мы предположили, что большие номера на обложках бандеролей ставит почтово-таможенный контроль. Там 140 человек, знающих разные языки, и они проверяют все бандероли, с оттисками, с любыми журналами, из всех стран. Если таможня что-то конфискует, она по закону, по своему кодексу, сообщает об этом. Акты таможни о конфискации известны многим, особенно филателистам, ведущим контрабандный обмен марок. Таможня не имеет права делать какие-либо знаки на вложениях в бандероли, ставить на вещах свое клеймо.

Клеймение книг и журналов таможенным кодексом не предусмотрено. Таможенник мог бы конфисковывать и литературу, если бы та или иная попавшая к нему в руки книга была бы в *списке* запрещенных книг. Но текущие журналы и газеты не могут еще быть в таких списках. Таможенник осматривает и проверяет, он дырявит мягкую оболочку бандероли, может и вскрыть ее без стеснения, если она заклеена, но читать книги и журналы он не в состоянии. *Таможенная служба не могла бы ставить на журналах особые знаки, которые запрещают библиотекам и директорам институтов выдавать эти журналы читателям.* Власть таможни над научными изданиями не может простираться до такого всемогущества.

В СССР есть только одна организация, обладающая необходимыми полномочиями контроля за прессой. Это ГЛАВЛИТ. Все знают, что Главлит контролирует издания в СССР. Но может быть у Главлита есть Международный отдел. Хорошо известно и то, что почта имеет указание разрешать к отправке за границу только те рукописи и печатные материалы, которые имеют визу Главлита. Для публикации за границей можно выслать по почте только «литованный» материал с формой 103м. Но может быть и из-за границы на полки библиотек и в частные руки может попадать только «литованный» материал? И треугольное или шестиугольное клеймо — это знаки Главлита?

Чтобы с большей уверенностью обсуждать этот вопрос, необходимо коснуться еще одной важной проблемы международной почтовой связи — проблемы конфискаций печатных произведений на путях их следования от отправителя к адресату.

7

ПРОБЛЕМА КОНФИСКАЦИЙ И ИЗМЕНЕНИЙ ПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРИБЫВАЮЩИХ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

Суверенное государство, как мы уже отмечали, имеет право законными средствами ограждать себя от свободного проникновения из-за рубежа нежелательной литературы. Вражда между государствами, к сожалению, явление пока весьма обычное, и она находит в первую очередь отражение в печати. Сложные политические, экономические и военные конфликты между государствами возникают из-за многочисленных и разнообразных причин идеологического, территориального, исторического, расового, религиозного и социально-классового характера. Но поскольку вооруженные столкновения в эру атомно-водородного и ракетного оружия стали слишком опасными для всего мира, то на смену «горячей» войне приходит т. н. «холодная» война, важным средством которой является печать. Печать становится оружием и каждая страна создает у себя средства защиты от враждебной пропаганды. Главным из них является конфискация враждебной печатной пропаганды таможенными органами. Право таможенных конфискаций распространяется и на литературу, прибывающую из-за рубежа по почтовым каналам и такого рода действия предусматриваются и международными почтовыми соглашениями, при соблюдении известных процедурных норм.

Во многих случаях контроль за печатной пропагандой из-за рубежа дело не только законное, но и полезное, так как ведет в итоге к ослаблению враждебной пропаганды, к ослаблению объема «холодной войны». Ведь если оружие «холодной войны» не достигает цели, то и производство этого оружия должно уменьшаться.

В то же время несомненно, что всякая защита должна иметь разумные пределы. Ограждение страны от вредной пропаганды не должно превращаться в изоляцию. Слишком строгая фильтрация печатной информации наносит стране уже заметный ущерб, экономический, научный, культурный, приводит к отставанию от общемирового прогресса. Цензура печатных произведений, прибывающих из-за рубежа, — дело в высшей степени деликатное и участвовать в этом деле должны не только какие-то тайные службы малокомпетентных контролеров, а прежде всего те, кому эта литература необходима. Баланс пользы и вреда всяких «ограждений» очень подвижен и любое расширение сферы конфискаций, любой универсализм и бюрократизм в этой области быстро приводит к тому, что этот баланс в области контроля за потоками литературы и прежде всего научной литературы становится отрицательным.

В настоящем исследовании мы, конечно, не можем выносить окончательных суждений, ибо объем наших знаний в этой области слишком ограничен и сама эта область наглухо закрыта от общественного объективного изучения. *Однако мы сразу должны заявить, что всякое вмешательство цензурно-таможенных служб в международный обмен научной информации безусловно вреден и абсолютно недопустим.*

Одно дело — средства массовой информации, предназначенные для бесконтрольного распространения (газеты, массовые журналы, листовки и т. п.), которые можно обозначить понятием «пропаганда». Другое дело — научная литература, и не только естествознание, но и философия, экономика, политика, статистика и т. д. На путях этой литературы не должно стоять *никаких* заслонов. Но и к средствам массовой информации следует подходить разумно, с соблюдением правовых принципов. Если говорить об СССР, то, по-видимому, следует отнестись с пониманием к конфискации таможенными органами специально антисоветской литера-

туры, засылаемой без запросов и партиями в те или иные адреса. Но если тот или иной гражданин, в порядке обмена литературой с коллегой, выписал из-за рубежа обычную газету или журнал, например, хорошо известные журналы «Штерн» или «Шпигель», «Сатурдей Ивнинг Ньюс» или «Лайф», или всемирно известные газеты «Таймс», «Нью-Йорк Таймс» или «Обсервер» и т. п., то не должно быть никаких оснований для того, чтобы конфисковывать эти издания, адресованные гражданину СССР для его личного изучения.

Государство вправе не допускать подобные международные или иностранные издания для свободной продажи, что издавна и делается в СССР. Но оно не должно лишать *права* того или иного гражданина СССР прочитать эти издания, если он счел желательным сделать это для пополнения своих знаний по той или иной проблеме. Любой человек имеет безусловное право получить максимальный объем информации о том или ином событии в мире, которое его интересует. Советская же пресса, даже центральная, уже давно и очень сильно отстала от самого низкого уровня в объеме ежедневно публикуемой информации о событиях в мире. ТАСС рассылает во все газеты *одну и ту же* информацию крайне ограниченную по объему. О событиях за пределами СССР любая центральная газета сообщает ежедневно в 20-30 раз меньше сведений, чем любая главная газета США, Англии или Франции сообщает о событиях, происходящих за пределами этих стран. Даже коммунистические западные ежедневные газеты «Унита», «Юманите» и «Морнинг Стар» печатают намного больше ежедневной информации, чем «Известия» или «Правда» («Унита» в 4-5 раз, «Морнинг Стар» в 2 раза). А ведь в Англии всех членов коммунистической партии около 15 тысяч человек. Понимая, что центральные газеты из-за недостатка бумаги являются совершенно недостаточным источником текущей информации о мировых событиях и могут создавать тем самым о них

ложные представления, ТАСС готовит для ответственных работников особую «закрытую» газету-бюллетень, т. н. «Белый ТАСС», в котором ежедневно не менее 100-200 страниц. Этот «Белый ТАСС» предназначен для тех ответственных работников, которые не знают иностранных языков и не могут читать зарубежные газеты. Но если какой-нибудь гражданин СССР, знающий иностранный язык захотел, например, узнать подробности о таком выдающемся событии в истории мировой цивилизации, как первые полеты человека на Луну и высадка на лунной поверхности, то он имеет безусловное право сделать это. Но это нельзя сделать по советской прессе; центральные газеты освещали эти события крайне скупо, небольшими заметками на третьих страницах, как нечто не слишком интересное и важное. Китайская печать вообще ничего не сообщила читателям о полетах на Луну, даже коротенькой заметки по этому поводу не появилось в китайской прессе. Но если гражданин СССР все же заинтересовался подробностями и решил через друга или коллегу выписать из Англии или Бельгии или США подборку газет или еженедельников за период полета на Луну, или прочитать эти газеты в какой-либо библиотеке, то получить и прочитать эти газеты и журналы его *безусловное право,* подтверждаемое декларациями и пактами о правах человека. Никакая цензура не должна этому помешать. И это относится не только к событиям в космосе.

Сейчас это право у гражданина СССР нарушается, и нарушения эти осуществляются почтово-таможенной цензурой и Главлитом. Ограничивая права на получение информации, эти органы приносят большой вред развитию общества, ограничивая его культурные ресурсы, его политическую зрелость. Цензура выполняет роль няньки, которая решила и по прошествии грудного возраста питать человека с ложечки и через соску манной кашей и теплым молоком, не позволяя ему выходить на улицу. Но организм, воспитанный без контакта с

внешней средой, не обладает и достаточным иммунитетом, его защитные реакции не развиваются, способность противостоять вредным влияниям подавлена. Адаптация к внешней среде остается на низшем уровне. Даже идеологические работники в своей контрпропагандве не обладают нужной силой в борьбе и в соревновании идей. Этих работников много, но они ослабли и закостенели, закрытые заботливым колпаком цензуры.

Цензура почтовых отправлений закрывает путь сотням и тысячам изданий *нормального* типа не только по личным, индивидуальным адресам, но и в государственные публичные и научные библиотеки. Тот факт, что в главной Государственной и центральной библиотеке им. В. И. Ленина, в научном зале, в котором занимаются только научные работники и в зале текущей периодики нельзя прочитать старейшую, всемирно-известную британскую газету «Таймс», да и вообще ни одну британскую газету, кроме коммунистической «Морнинг Стар» в некомплектном виде — это явление недопустимое для современной цивилизованной страны, а тем более для такого великого государства, как СССР.

Но когда почтово-таможенная цензура решает судьбу не массовой, а научной литературы, когда она конфискует или задерживает научные журналы, монографии, когда она обесценивает подписку или предписывает библиотекам, что можно и что нельзя включать в каталоги и в общие фонды, то подобная практика представляется мне, как высшая степень чиновничьего идиотизма и бюрократической тупости, как абсолютный произвол. Эти действия цензуры приносят не только политический, идеологический и культурный вред обществу, они тормозят его научное, техническое и промышленное развитие. Этот вред нельзя преувеличивать, но нельзя его и игнорировать. Один мой американский коллега, узнав, что научный журнал со статьей, на которую он хотел обратить мое внимание, не был мною получен, и не был получен даже в основных московских библиоте-

ках, хотя другие выпуски этого журнала были в наличии, воскликнул (в письме) с искренним удивлением «... Невозможно понять, как такое крайнее расширение цензуры может быть кому-нибудь выгодным ...»

Но может быть я преувеличиваю и все это давно не так. Может быть все это давно в прошлом и сейчас в цензурно-таможенном пограничном минном поле есть достаточное число хорошо обозначенных проходов? Может быть цензура уже не бьет молотком по голове, чтобы убить севшего на нее комара?

Обратимся, однако, к фактам, имеющимся в нашем распоряжении. К фактам 1967-69 гг. и относящимся главным образом к сфере науки. Я начну рассмотрение с проблемы судьбы в СССР одного из самых выдающихся общенаучных журналов, с американского и международного журнала «Сайенс» (Наука), о котором мы уже несколько раз упоминали ранее. Этот журнал издается Американской Ассоциацией содействия науке с 1848 г., то есть более 120 лет. Как и аналогичный британский журнал «Нейчур», он выходит еженедельно, 52 номера в год. В связи с этим он избран научной интеллигенцией для быстрой публикации наиболее важных исследований в различных областях естествознания, в биологии, химии, физике, геологии и т. д. В этом журнале изредка публикуются и работы советских авторов (в «Нейчур» они появляются чаще). Журнал «Сайенс», как и британский «Нейчур» не относится к группе научно-популярных журналов. Он публикует оригинальные статьи, написанные сугубо профессиональным языком и рассчитан на специалистов. В этом его отличие от советских журналов «Природа» и «Наука и жизнь», с которыми иногда сравнивают «Нейчур» и «Сайенс». В действительности в СССР нет эквивалентов журналам «Сайенс» и «Нейчур», нет не только по научному уровню, но и по общественному значению. Журналы «Сайенс» и «Нейчур» являются не только профессионально-научными, они также являются органами, выражающи-

ми политические, экономические, общественные и социальные взгляды ученых США и Великобритании, они являются демократическими рупорами научной интеллигенции, своего рода газетами ученых. По анкетам ЮНЕСКО, журналы «Сайенс» и «Нейчур» стоят на первых местах в списке наиболее читаемых профессиональных научных журналов. Ни один серьезный ученый, ни в одной стране не обходится без просмотра и чтения этих журналов. Около четверти научных работников регулярно читают только эти журналы и это, очевидно, обеспечивает их минимумом научной информации.

В политическом отношении журнал «Сайенс» всегда занимал в США самые прогрессивные позиции. В своих разделах «Новости и взгляды» и «Письма в редакцию», а также в еженедельных передовых статьях «Сайенс» откликается на все важнейшие мировые события, открывая часто дискуссию, стараясь оказать этим воздействие на общественное мнение. В этом отношении «Сайенс» часто оказывается в оппозиции к политике Правительства США по многим вопросам, особенно по вопросу о Вьетнамской войне. Это признает и советская печать. Сравнительно недавно в журнале «Новый мир» (№ 8, стр. 219-225, 1968 г.) была опубликована статья Дм. Сухарева «Чистая наука и грязная война», специально посвященная разбору позиции журнала «Сайенс» по вопросам Вьетнамской политики американского правительства. Автор статьи анализирует материалы журнала «Сайенс» за конец 1967 г. и начало 1968 г. Он с большой похвалой и симпатией отзывается о смелой позиции журнала, предоставляющего возможность ученым высказать свое отрицательное отношение к политике президента Джонсона. В статье «Нового мира» подробно разбираются опубликованные в «Сайенс» материалы об антивоенных выступлениях ученых, об их отказе вести разработки по заявкам военного ведомства, даже при наличии щедрого финансирования. «Само

обсуждение этой проблемы», — пишет Дм. Сухарев, — «начавшееся еще в весенних выпусках журнала (речь идет о 1967 г. Прим. Ж. М.), вряд ли приводит в восторг государственную администрацию, привыкшую считать, что ученым надлежит делать то, за что им платят». Анализируя антивоенные настроения американских ученых, их критические выступления в адрес правительства, рассказывая о солидарности британских ученых, Дм. Сухарев приводит, в частности, материалы из номеров журнала 3799, 3791, 3816, и 3864. Я не знаю в каком фонде Дм. Сухарев читал эти выпуски журнала «Сайенс», но в открытых фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина их не было. Не получил их и я по своей обменной подписке. Только через полгода после выхода соответствующих номеров в библиотеки поступили их суррогаты, т. н. фотоофсетная репродукция журнала, изготовляемая Всесоюзным Институтом научной и технической информации (ВИНИТИ). Эти «копии» журнала «Сайенс» перед репродукцией подвергаются сложным хирургическим вмешательствам, в результате чего некоторые статьи оригинальных номеров не попадают в «копии». В копиях указанных выше номеров как раз статьи на общественно-политические темы были изъяты. Они были изъяты «тупыми ножницами произвола», хотя в них не было ничего антисоветского; наоборот, выражаемая в статьях точка зрения на политические события была ближе к советской, чем позиция американского руководства. По-видимому, цензура в ВИНИТИ имеет указание не допускать в «Сайенс» политических статей вообще, либо не имеет времени разбираться в политических оттенках мнений, либо не хочет показывать того, что американским ученым, по крайней мере, позволено в печати обсуждать то, что советские ученые в своей печати могут обсуждать лишь по образцу старого политического анекдота о критике президента Эйзенхауера. (Анекдот этот известен в разных вариантах. Один из них следующий.

Американец, восхваляя свободу слова у себя в стране, говорил русскому коллеге: — Вот я могу выйти на площадь и кричать: Долой президента Эйзенхауера! и мне ничего не будет. На это русский отвечал: — Подумаешь, я тоже могу выйти на площадь и кричать: Долой президента Эйзенхауера! и меня за это даже похвалят».)

Я уже упоминал, что как подписчик «Сайенс» не получил в 1967 г. ряд выпусков. Но я заметил это только в конце года, сортируя номера журнала по порядку. В 1968 г. я был более внимательным. В первой половине года я недополучил номера 3816, 3817, 3820, 3821, 3827, 3832, 3834, 3841, 3842. Как регулярный читатель журнала, я, естественно, стремился просматривать *все* выпуски, и поэтому я попытался прочитать недостающие номера в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина. Но к своему огромному удивлению, я не нашел в каталоге библиотеки и в каталоге зала текущей периодики именно этих выпусков. Все остальные номера журнала там были. Я поехал во Всесоюзную библиотеку иностранной литературы (ВГБИЛ), но и там, упомянутые выше номера, кроме одного, отсутствовали. Репродукции ВИНИТИ этих номеров тоже еще не подоспели.

Такое совпадение недостающих номеров наводило на мысль о том, что они были почему-то изъяты цензурой. Но такая методика казалась мне странной. По старым временам я помнил, что если в журналах «Сайенс» или «Нейчур» появилась какая-нибудь нежелательная статья, например про Т. Д. Лысенко или о судьбе Н. И. Вавилова (таких статей было много в период 1948-54 гг.), то эти статьи тщательно вырезались цензурой. Иногда при этом задевались и другие статьи, но немного. Зачернялся тушью и заголовок статьи в Оглавлении. (Но в списках статей за год в последнем выпуске тома цензор не догадывался зачернять заголовок и это давало возможность при желании узнать характер изъятой статьи). В старые сталинские времена приходилось мне

видеть и другие журналы с вырезанными страницами или участками страниц. Цензура вырезала то, что ей не нравилась, но остальное научное содержание журнала сохраняла для использования. Подход был грубый, но здравый. Цензура в то время не стеснялась демонстрировать свою работу. Затем такие подрезанные журналы исчезли и я думал, что с цензурой научных иностранных журналов покончено. Курс на мирное сосуществование и сотрудничество в области науки прекратил старую варварскую практику. И вдруг я открываю, что это далеко не так, что цензура в настоящее время не только изымает какую-нибудь заметку с помощью ножниц, но и прячет от читателя весь журнал со всем его позитивным научным содержанием, только бы не проявлять своего цензурного лица. Читатели, может быть, не заметят пропажи выпусков, а может быть, не будут искать причин некомплектности томов. Но такое предположение казалось невероятным, в конце концов, может быть действительно журналы пропадали в дороге, или не высылались подписчикам по недосмотру редакции. Эту возможность следовало проверить прежде всего. В сентябре 1968 г. я написал в редакцию «Сайенс» письмо, сообщая им, что как подписчик «Сайенс» очень огорчен пропажей некоторых номеров в 1967 г. и в 1968 г. и хотел бы узнать, все ли номера были высланы европейским подписчикам, не было ли жалоб от других получателей. Какие выпуски журнала не были получены, я пока не сообщал, чтобы не пугать редакцию длинным списком. Письмо было послано заказной авиапочтой, с уведомлением о вручении. Зная, что письма иногда пропадают, я на всякий случай на следующий день тем же путем послал копию письма из Московского почтамта. Оба письма были адресованы редактору журнала, профессору Адельсону.

Однако в предполагаемые сроки я не получил ни ответа, ни уведомлений о вручении. Я снова послал такое же письмо, а копию его направил одному из коллег в

Вашингтоне и попросил переслать его в редакцию. Еще по давнишним трудностям с заметкой, посланной в «Нейчур», можно было предположить, что переписку с журналами таможня может проверять на недозволенные вложения более внимательно. Этот вывод оказался, по-видимому, правильным. Письмо в редакцию опять пропало, а письмо-копия к коллеге достигло и его и затем редакцию. Об этом можно было судить по вернувшемуся «Уведомлению о вручении». Вскоре пришел и ответ из редакции, подписанный Управляющим редактором (Манаджинг Едитор), доктором Робертом Ормесом.

> «...Я сожалею, — писал он, — что Вы не смогли получить некоторые выпуски «Сайенс», но я не могу объяснить этого. Экземпляры журнала отправляются сразу всем подписчикам каждую среду, но возможно, что возникает нерегулярность при погрузках на морские суда в Нью-Йорке. Если Вы пришлете нам список пропавших копий за 1967 г. и 1968 г., то мы будем рады выслать Вам снова замену. Если же Вы не хотите этих старых номеров, то мы можем продлить Вам бесплатную подписку на три месяца, чтобы компенсировать пропавшие экземпляры».

Доктор Ормес благородно принял ответственность на себя. Я совсем коротко поблагодарил его за любезность и сообщил номера журналов, которые хотел бы получить за 1967 и 1968 гг. Впоследствии я получил заказными бандеролями четыре из ранее пропавших выпусков (№№ 3789, 3791, 3816 и 3817). Может быть и другие номера были высланы, но пропали. Однако снова эксплуатировать любезность редакции я не стал.

Почему пропал в первый раз № 3789 я не знаю; по-видимому, случайно из-за фактора «непреодолимой силы», так как он не содержал политических или социальных заметок. Но № 3791 был несомненно изъят из-за статьи, озаглавленной «Создатель Русской Бомбы», с портретом академика И. В. Курчатова. Эта статья впоследствии не вошла и в репродуцируемый ВИНИТИ для советских подписчиков суррогатный вариант жур-

нала. Заодно цензоры Всесоюзного института научной и технической информации при репродукции изъяли из данного номера одно из писем в редакцию (с критикой химического и бактериологического оружия), редакционную передовую статью с критикой бюджетной комиссии по науке американского конгресса, и еще пару заметок. Заголовки изъятых статей исчезли при фоторепродукции и из «Оглавления».

Однако, изъятие статьи о И. В. Курчатове из журнала и задержка следовавших по почте номеров лишь доказывали, что цензоры не читают *серьезно* статей в журнале. В погоне за производительностью труда они быстро решают судьбу изданий по некоторым поверхностным признакам. А может быть просто есть инструкция, запрещающая публиковать материалы о «Русской Бомбе». В действительности же статья «Создатель Русской Бомбы» (стр. 912-913) представляла собой рецензию на изданную в СССР книгу «И. В. КУРЧАТОВ», написанную близким другом и сотрудником Курчатова А. В. Головиным. Книга эта вышла в издательстве «Атомиздат» в 1967 г. Поскольку книга о Курчатове была по существу первым опубликованным в нашей стране рассказом об истории создания в СССР атомного оружия и о роли в этом деле акад. И. В. Курчатова, то естественно, что она не могла пройти незамеченной и в США. «Сайенс» опубликовал упомянутую рецензию, весьма хорошую и рекомендовал перевод книги на английский язык. Фотографию И. В. Курчатова редакция получила из фотохроники ТАСС и под фотографией указано: «Получена благодаря любезности «Совфото».

«Сайенс» № 3816 также был изъят без каких-либо серьезных оснований. Если сравнить оригинал журнала с полученной спустя полгода библиотеками суррогатной копией ВИНИТИ, то можно обнаружить, что из советской репродукции журнала изъята короткая редакционная статья о работе Американской Ассоциации

содействия науке, статья не содержавшая никакой критики в адрес науки социалистических стран, а также удалены страницы 750-757. Они содержали отчет о заседаниях этой Ассоциации, биографию ее нового президента. В репродуцированной копии имеется также странное пустое место на стр. 723, прямо посредине рецензии на две книги американских авторов. При сравнении с оригиналом обнаруживается, что из рецензии изъяты *два параграфа,* в которых приводятся высказывания Фрейда и Бертрана Рассела по вопросам психоанализа. В этих параграфах встречается термин «научный материализм», и это очевидно напугало цензора. Между тем автор рецензии приводит его в положительном смысле.

И, наконец, последний из попавших ко мне «запрещенных» выпусков, «Сайенс» № 3817. При репродукции в ВИНИТИ в нем были изъяты: два письма в редакцию (о необходимости контроля за рождаемостью и о вреде курения), передовая статья с обсуждением интересной моральной проблемы (о противоречии между правом человека на конфиденциальность и публикацией в медицинских статьях исследований с описанием болезней определенных пациентов), а также четыре статьи из раздела «Новости и Комментарии». В одной из этих статей приводится фотография вручения медали проф. Кистяковскому. Вручает медаль президент Джонсон. Здесь же напечатана выдержка из речи Джонсона на этой церемонии. Остальные три изъятые статьи посвящены также внутренним проблемам американской науки.

Следует отметить, что изъятия такого рода производятся отнюдь не для экономии бумаги за счет статей, не представляющих никакого интереса для советских читателей. Репродукционные изъятия по возможности маскируются и это требует дополнительных усилий. Приходится резать и монтировать по новому «Оглавление», чтобы заголовки удаляемых статей не выдавали

действий цензуры. Но нельзя менять порядок страниц в журналах, ведь при библиографических ссылках авторы должны правильно указывать страницы цитируемой статьи. Поэтому, чтобы скрыть следы цензуры, при изъятии небольших статей в 1-2 страницы, монтажники заменяют их совсем уже бесполезными рекламами из других выпусков журнала. Если же изъята порядочная порция текста, то рана в журнале так и остается открытой. Но чтобы подписчик не вернул номер назад как бракованный, внизу под оглавлением в английском журнале стоит фраза по-русски: «В номер не включены несколько страниц».

Справедливости ради следует отметить, что изъятия подобного рода производятся не только при репродукциях для советских подписчиков тех номеров журнала, которые не доходят до библиотек и индивидуальных подписчиков оригинального издания. Что-нибудь вырезается цензурой ВИНИТИ при репродукции практически каждого выпуска «Сайенс». Эта цензура действует независимо и более свирепо, чем та, которая стоит на почтовых каналах. По-видимому, Главлит рассматривает такую репродукцию, как внутреннее издание, распространяемое затем через «Союзпечать». Поэтому и применяет к нему инструкции для внутренней прессы. Либо просто нужно, чтобы созданный в ВИНИТИ отдел кастрации не бездействовал и был равномерно загружен во времени. Второе предположение даже более вероятно, так как большинство изъятий необъяснимы и бессмысленны, они лишь уродуют привычный облик журнала. Чаще всего удаляются, заменяемые рекламами, передовые редакционные статьи и Письма в редакцию. Если смотреть и сравнивать оригинал и копию не выборочно, а по порядку, как они следуют в библиотеки, то можно обнаружить следующую картину. Из № 3793 изъяты при репродукции два письма в редакцию с обсуждением новых книг о Г. Менделе, изданных к 100-летнему юбилею открытий законов наследствен-

ности (стр. 1119-1120), и редакционная передовая о политике приема студентов на факультеты (стр. 1126). Из № 3794 изъяты стр. 1282-1286 со статьей о событиях в одном американском колледже в Орегоне и с информацией о дискуссии в Национальной научной фондовой организации (NSF). В № 3795 опять изъята передовая статья о конференции Американской Ассоциации содействия науке и стр. 1414-1416 о работе американской Ассоциации политических наук. В № 3796 при репродукции изъяты письма в редакцию, передовая и страницы 1533-1542 с рядом интересных статей о взаимодействии науки и политики. В № 3797 изъята передовая статья о проблемах студентов-негров (стр. 96-100). В № 3798 цензоры изъяли информационную статью о бюджете на науку в США на 1968 г. (стр. 230-233), причем статью критическую, озаглавленную «Деньги для науки. Перспективы на будущий год мрачные». Но может быть эти «мрачные» цифры, выраженные миллиардными числами, цензоры решили не сообщать советским ученым, которые вообще не знают своего бюджета на науку и открыто не обсуждают его. В № 3799 изъята передовая статья о книге Уэстина «Конфиденциальность и свобода» с критикой системы подслушивания, а также подробная статья о федеральном бюджете на науку (стр. 357-360) и т. д.

Список этих изъятий почти по всем номерам можно продолжать как назад, в 1966, 1965 гг., так и в нынешнее время: в 1968 и 1969 гг. до тех номеров, к которым в данный момент приготовлены репродукции ВИНИТИ. (В 1969 г. репродукция журналов ВИНИТИ очень запаздывала, на 9-10 месяцев). Почти все изъятия в 1969 г. касались обсуждения журналов внутренних научных проблем и международных проблем, связанных с американской политикой. (Изымались все статьи по дискуссии за отмену в США призыва в армию, о принципах изготовления оттисков статей, о разногласиях между президентом Никсоном и научными ассоциациями по

поводу назначения ведущих научных администраторов, об университетских свободах и т. д.)

Однако деятельность цензуры по прочистке репродуцируемых ВИНИТИ журналов не имеет прямого отношения к теме настоящей работы и мы не будем углубляться в этот вопрос. Отметим только, что в СССР на языке оригинала «переиздается» таким образом около 500 иностранных научных журналов. Это делается ради экономии валюты, чтобы не покупать подписку на оригиналы для множества научных библиотек. В список распространяемых через «Союзпечать» копий ВИНИТИ входят почти все наиболее важные научные журналы США, Англии, Франции, ФРГ. Но, к сожалению, копии запаздывают на 5-7 месяцев и из-за этого большинство научных учреждений, особенно вне Москвы, узнает о научных разработках в соответствующих отраслях знания с полугодовым опозданием, то есть с опозданием на полный исследовательский цикл. Этим ВИНИТИ способствует хроническому отставанию советской науки от современного мирового уровня и увеличивает число повторных разработок. Даже в физические институты, в которых технические разработки отличаются крайней дороговизной, поступают вне Москвы, только копии ВИНИТИ. Я полагаю, что убытки от подобной практики намного перекрывают валютную экономию по линии Комитета по печати.

Возвращаясь к работе почты, я должен отметить, что открытие конфискаций выпусков «Сайенс» подействовало на меня крайне удручающе. Бессмысленность этих действий была слишком очевидна. Сидят где-то малограмотные чиновники, вроде цензора № 303 с испорченным нулем, и проверяют торопливо все, от английской граматики и журнала «Сайенс», до монографии по геронтологии. Ведь если только в моей личной библиотеке около 10 изданий имеют № 303, то сколько вообще литературы приходится на одного такого цензора в день. И в этой спешке цензор решает куда следует ставить

треугольник и куда запретительный шестиугольник, изолируя советских ученых от такого рода изданий. Неужели, думал я, Советское Правительство больше доверяет этой безымянной группе пронумерованных чиновников, этим пяти сотням запуганных инструкциями людей, чем почти миллионной армии советских ученых? Не может этого быть, по-видимому, эта практика просто осталась незамеченной со старых сталинских времен.

Чтобы как-то обратить внимание на столь нелепый, убыточный для советской науки произвол почтово-таможенной цензуры в отношении печатных научных работ, я написал два письма-заявления. Одно из них было адресовано в Международный почтамт, другое Директору Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. В первом письме я обращал внимание почтового ведомства, что практика конфискации научных журналов на пути к подписчикам (в качестве примера приводился журнал «Сайенс») является незаконной и наносит ущерб научной работе. Я указывал какие номера журнала не были мною получены и просил объяснить причины их конфискации, указать кто принял такое решение и по возможности вернуть мне задержанную литературу.

Директору Государственной библиотеки я, как постоянный читатель журналов «Сайенс» и «Нейчур», пожаловался на некомплектность томов и указал на серию номеров этих важнейших журналов, которые не поступили в научный зал текущей периодики.

Ответа из Международного почтамта не последовало, хотя незадолго перед этим был опубликован специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР о порядке рассмотрения ведомствами и учреждениями заявлений и жалоб граждан. Этот Указ устанавливал месячный срок как предельный для ответа на заявления и жалобы и грозил бюрократам, не отвечающим на заявления, различными наказаниями.

Из Библиотеки им. В. И. Ленина с большим опозда-

нием, но все же пришел ответ. Временно исполняющая обязанности Зав. отделом комплектования О. Дьяконова в письме № 25/946 от 24 декабря 1968 г. сообщала, что в фондах библиотеки есть все номера журнала «Сайенс». Однако, писала она, —

> «...Перечисленные Вами номера этого журнала: 3821, 3827, 3832, 3834, 3841, 3842, 3846 получены библиотекой своевременно, но хранятся не в зале текущей периодики, а в фонде № 13 отдела. Там же хранятся и два номера (5157, 5160) журнала «Нейчур» (Лондон), упоминаемого Вами. Библиотека не решает вопроса о месте хранения периодических изданий, поэтому не переставляет по собственной воле журнал из одного фонда в другой».

В очередной визит в библиотеку я спросил сотрудницу зала периодики, могу ли я получить данные выпуски из фонда № 13. Ответ был отрицательным. Фонд 13 был закрытым фондом, «спецхраном», и туда могли проходить по особым разрешениям и ходатайствам учреждений лишь люди, имеющие т. н. «допуск», подобный тому, который необходим для визита в секретный институт. Иностранные журналы и отечественные военные объекты засекречивались одинаковым образом.

Поскольку из Международного почтамта ответа не было, и пропавшие журналы тоже не были мне возвращены, то я написал туда снова, указав при этом, что пропажи журналов продолжаются. Кроме этого, я написал жалобу в Министерство связи. В этой жалобе я не оспаривал права таможни на конфискацию, но я напоминал, что согласно закону и Таможенному Кодексу СССР (утвержден Указом Президиума Верхов. Совета СССР от 5 мая 1964 г.), таможня должна извещать о конфискации заинтересованное лицо и указывать мотивы конфискации и характер нарушения таможенных правил. (Врученное Постановление таможни о конфискации может быть обжаловано в двухнедельный срок в Главное Таможенное Управление, или в Народный Суд. Если обжалования не подано, решение о конфиска-

ции вступает в силу только по истечении срока, предоставленного для обжалования.) Я обращал внимание Министра связи СССР, что периодические пропажи журналов и книг не сопровождаются никакими актами или постановлениями таможни и в этом случае нельзя решить связаны ли они с конфискациями, или это просто воровство, которое надлежит расследовать в уголовном порядке.

Ответов на эти новые письма я не получил. Но пропажи журнала «Сайенс» как ко мне, так и в библиотеки все же уменьшились. В 1969 г. пропали всего 3 номера из 52. Правда, многие номера приходили очень поздно и не по порядку (в июне я, например, получил январский номер), но о такой возможности предупреждала сама редакция, известив подписчиков в Европе, что из-за двухмесячной забастовки докеров в нью-йоркском порту в декабре 1968—январе 1969 г. в доставке журналов подписчикам могут возникнуть перебои.

В письме из Библиотеки им. В. И. Ленина обращает на себя внимание фраза о том, что библиотека не решает вопроса о месте хранения периодических изданий и не имеет права переставлять по собственной воле журналы из одного фонда в другой. Кто же решает этот вопрос? Вне всякого сомнения — это простирающаяся над Государственной библиотекой власть шестиугольного клейма. В отделе комплектования отбирают треугольники от шестиугольников и только с треугольниками отправляют издания в открытые фонды. Шестиугольники идут в фонд № 13, в спецхраны и хоронятся там надолго. И заметка то, из-за которой поставлен шестигранник, давно уже потеряет актуальность, а библиотека все же не может по собственной воле переставить журналы из одного фонда в другой.

Государственные библиотеки, как надо для справедливости отметить, в целом от деятельности цензуры получают известные выгоды, так как значительная часть конфискаций печатной продукции по личным

адресам сдается таможней и Международным отделением Главлита в спецхраны библиотек, а иногда и в открытые доступы. Один ленинградский коллега, находившийся в длительной командировке в США, незадолго перед возвращением домой, решил отправить большую часть книг, купленных и подаренных ему в США, морской почтой. Он хотел разгрузить ею и багаж и, кроме того, отправка книг морской почтой намного дешевле, чем оплата их, как сверхнормативного багажа при возвращении домой самолетом.

К сожалению он просчитался. Больше половины отправленных по почте книг он не получил. Каково же было его удивление, когда спустя некоторое время он встретил одну из «пропавших» книг в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Он заказал в библиотеке по имевшемуся у него списку другие «пропавшие» книги и большая часть из них оказалась в наличии в фондах библиотеки с его росписью. Но попытка получить их обратно была безуспешной. Книги уже считались собственностью государства.

Такое пиратство, между прочим, явление обычное и распространяется на разнообразные издания. Многие «карманные» и обычные издания художественной литературы на разных языках в фондах ГБИЛ и ВГБИЛ поступают и в закрытые и в открытые фонды из таможенных «конфискаций». Валютные ресурсы библиотек очень ограничены, а Госкомитет по печати не рекомендует расходовать их на беллетристику. Но это касается не только беллетристики. Мой коллега выслал из США московским генетикам 6 экземпляров своей книги «Генетика, Эволюция, Общество». Трое из них, включая и автора настоящего очерка, получили книгу в целости и сохранности. Трое других не получили. К одному из них, проф. А., пришла твердая упаковка бандероли с адресом, но внутри книги не было. Несмотря на заявление проф. А. в Международный почтамт и отправку туда оболочки бандероли, книга не была ему возвращена. Но спустя некоторый срок я увидел точно такую же

книгу на стендах новых поступлений ГБИЛ. Ее проверял тот же самый цензор № 455, который проверял и экземпляр прибывший ко мне. Поскольку проверка книг хаотична, то это свидетельствует о том, что книга в ГБИЛ была из той же подарочной партии. Но за высылку проф. А. пустой коробки от бандероли кто-нибудь в цензуре получил выговор. Упаковочную коробку следовало, по правилам, конечно, уничтожить.

Интересно отметить и еще один казус, косвенно связанный с обсуждаемой проблемой. Проф. М. завещал свою научную библиотеку в дар одной из вузовских библиотек. У него было много иностранных книг, привезенных из зарубежных поездок. На этих книгах не было цензурных треугольников и представители библиотеки сначала отказались везти их к себе, ссылаясь на то, что они не имеют права ставить в свои фонды «нелитованные» книги. Впоследствии вопрос был улажен вызовом сотрудника, просмотревшего и проштамповавшего эти книги.

Но совсем уже курьезный случай крайней подозрительности цензуры произошел в 1965 г. в моей лабораторной практике. По заявке лаборатории институт получил из США комплекты дополнительных роторов и запасных частей к американским центрифугам типа Спинко. Ящик из США прибыл на склад института, но согласно инструкции распечатать его можно было лишь в присутствии представителей «Машприборинторга» или «Медимпорта», чтобы проверить комплектность в соответствии с заявкой и убедиться в отсутствии дорожных повреждений.

После того, как все было проверено, представитель «Медимпорта» тщательно собрал всю упаковочную бумагу и попросил вынести ее во двор и сжечь. Я сначала не хотел этого делать, так как ящик с оборудованием следовало еще перевозить со склада в лабораторный корпус и упаковочная амортизация отнюдь не могла этому помешать. Представитель, однако, настойчиво объяснил, что таковы строгие указания Главлита. Всю

упаковочную макулатуру из капиталистических стран надлежит сжигать, так как она содержит часто иностранные газеты и журналы. И он был, между прочим, прав, хотя и недостаточно внимателен. В коробочках с мелкими деталями, которые представитель не распечатывал, я впоследствии действительно нашел макулатурные обрезки калифорнийских газет и журналов примерно за 1962 г. Но они были нарезаны так мелко, что было очевидным, что попали они в тару именно для амортизации, а не для пропаганды.

8

ТАЙНЫ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА»

«Черный кабинет» — это исторический термин. Как свидетельствует «Энциклопедический Словарь» издателей Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, (книга № 45, С. Петербург, 1898 г.), «КАБИНЕТ ЧЕРНЫЙ — учреждение, в котором вскрываются частные письма». Происходит это название от основанного Королем Франции Людовиком XIII и Кардиналом Ришелье в 17 веке специального отдела французской почты, вскрывавшего и проверявшего корреспонденцию. Из этого отдела чиновники, как крепостные, не могли уволиться до конца жизни. Если кто-либо уходил оттуда, то только в Бастилию. Чтение чужих писем стало особенно любимым делом следующего короля, Людовика XIV. Французская Революция уничтожила «Черный Кабинет», но впоследствии Наполеон расширил эту службу.

Нарушения тайны переписки имеют столь же древнюю историю, как и сама переписка и еще древнеримская почта приобрела в этом отношении кой-какой опыт. Возможно именно поэтому нарушения тайны переписки получили в мировой литературе название *«перлюстрация»* от латинского слова «перлюстро» — обозреваю. Следует отметить, что некоторые факты по истории перлюстрации я узнал только в связи с подготовкой настоящей работы, уже после того, как случились многие из описанных здесь событий. Эти события, по существу, и пробудили во мне интерес к историческим аналогиям. Даже термин «перлюстрация» я впервые встретил в 1969 г. Я его сначала не очень хорошо понял и открыв для справки Большую Советскую Энциклопедию (т. 32, 1955 г.) прочитал по этому поводу следующее:

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ — тайное вскрытие государственными органами пересылаемой по почте корреспонденции. Возникшая еще в античную эпоху, перлюстрация получила распространение в Западной Европе, начиная со средних веков. Во Франции при Людовике XIII для этой цели был создан специальный орган, т. н. «черный кабинет». В России перлюстрация стала широко применяться в 18 в. При Екатерине II она служила важным средством политического сыска. П. подвергалась переписка многих видных русских прогрессивных деятелей и писателей 18-19 вв. (А. И. Радищев, А. С. Пушкин и др.) В СССР тайна переписки охраняется законом (Конституция СССР, ст. 128).

«Энциклопедический Словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданный в конце прошлого столетия, дает в статьях «Перлюстрация» и «Тайна корреспонденции» значительно более подробную информацию по этому вопросу. В России, согласно материалам этой энциклопедии, первым ввел цензуру писем еще Петр I. Он повелел иметь для этого на Почтамте «искусного человека». Но Петр I распорядился вскрывать и читать лишь письма из враждебной Швеции. Этим путем Петр I обнаружил два заговора и установил тайные связи с врагами царевича Алексея.

Екатерина II в 1779 г. повелела доставлять ей с Почтамта тайно вскрытую корреспонденцию дипломатических представительств иностранных держав. Но и письма самой Екатерины II к западным либералам, например, к Вольтеру, вскрывались и читались во Франции. Александр I уже учредил специальный «черный кабинет» и поручил ему проверку не только международной, но и выборочно внутренней корреспонденции, частных писем сановников и дворян.

Но «Энциклопедический Словарь», давая критическую оценку этой деятельности русских царей прошлого, указывает, что с царствования Александра II с деятельностью «черного кабинета» было якобы покончено. 24 февраля 1868 г. Александр II издал «Высочайшее повеление», запрещавшее вскрывать и читать письма даже

лиц, находящихся под следствием, или под гласным надзором полиции. Это, согласно Повелению было необходимо «...ввиду невозможности допустить обнаружение частной корреспонденции без явного нарушения общественного доверия к Почтамту и Телеграфу, в подрыв основной цели сих учреждений».

Однако Александр III восстановил право судебных властей изымать и тайно читать корреспонденцию лиц, находящихся под следствием.

Для современников Пушкина и Гоголя перлюстрация писем, повидимому, не была тайной. Вскрытие и чтение писем Губернским Почтмейстером ярко показано Гоголем в комедии «Ревизор».

> «...В одном уже вот так и слышу: «Эй не распечатывай! Пропадешь как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как надавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей Богу мороз. И руки дрожат и все помутилось».

После Февральской революции 1917 г., а затем и после Октябрьской революции в печати появилось несколько статей о деятельности «черных кабинетов» в России. Наиболее подробное и компетентное освещение этого вопроса имеется в брошюре С. Майского «ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ» (из воспоминаний бывшего цензора). Издательство «Былое», Петроград, 1922 г. Эта брошюра есть в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (шифр по каталогу: W $\frac{262}{475}$)

Майский прослужил 10 лет перед Революцией в цензуре иностранных газет и журналов в Петербургском Почтамте. При этой цензуре и находился тайный «черный кабинет», занимавшийся перлюстрацией писем. Официальное название «черного кабинета» было «Секретная Экспедиция». По свидетельству С. Майского в газетно-журнальную цензуру Петербургского Почтамта подавались по особому туннелю подъемником все без исключения иностранные бандероли для просмотра. В

чем была сущность их проверки Майский не описывает, но он сообщает, что:

> «Цензорами иностранных газет и журналов состояли главным образом люди весьма почтенные, все с высшим образованием и служившие, кроме цензуры, где они были заняты только по утрам и в дежурные дни по вечерам, еще и в других учреждениях, в Министерстве иностранных дел, в университете, или учителями средних учебных заведений...» «Были среди них и выдающиеся лингвисты-полиглоты, читавшие на 15-20 языках, а один на 26 языках...»

В «черный кабинет» из газетно-журнальной цензуры вела замаскированная дверь, сделанная «под шкаф», и ключи от этой двери были только у сотрудников «черного кабинета».

> «...В «черный кабинет» из экспедиции почтамта поднималась специальной подъемной машиной вся корреспонденция иногородняя и иностранная и секретные чиновники по адресам и почеркам определяли нужно ли данное письмо перлюстрировать или нет. Лет 15 назад отбор писем для перлюстрации из-за увеличения объема почты был перенесен в экспедицию почтамта и проводился специальными тайными чиновниками. В день отбиралось для перлюстрации 2-3 тысячи писем».

С. Майский объясняет и принципы отбора писем для перлюстрации. Основная масса писем не представляла никакого интереса для Министерства внутренних дел и Департамента полиции и изучение их не имело смысла. Поэтому важно было умело отобрать интересные письма. В первую очередь вскрывались письма дипломатические, письма политэмигрантов и письма по особым спискам Департамента полиции. Против каждой фамилии в этом списке стояли указания «особо строгое наблюдение», «точная копия», «фотография» или даже «представить в подлиннике». Кроме этого, «черный кабинет» перлюстрировал письма крупных сановников, персонала царского двора, Министров, Губернаторов, Начальников главных управлений и т. д. Этим путем

были вскрыты многие злоупотребления, например как Министр путей сообщения распорядился провести стратегическую железную дорогу не по указанному в проекте направлению, а через имение своей жены и т. д.

Принцип отбора писем для перлюстрации по внешнему виду и почеркам (если имя отправителя не указано) был очень прост.

> «Различие между мужским и женским, взрослым и детским почерками, — отмечает бывший цензор, — очевидно всем. Столь же очевидно различие между мужицким и интеллигентным почерками. Но кроме этого аристократ пишет не тем почерком, как бюрократ, его почерк обычно нервно-крупный, остроконечный. У бюрократа уверенный, резкий. Литераторы пишут бисерным четким почерком, коммерсанты — каллиграфическим, революционеры — неотделанным, почти ученическим, а анархисты отличаются грубостью и несуразностью почерка, напоминающего почерк малограмотных».

Письма вскрывались обычно небольшим костяным ножичком, который вводился в удобный для вскрытия клапан письма (верхний, нижний или боковой). Применялся также и пар. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой через небольшое отверстие бил тонкой струей горячий пар. Держа в левой руке письмо, перлюстратор направлял струю в то место, которое вскрывалось ножичком и пар облегчал и ускорял процесс. В петербургском «черном кабинете» вскрытием писем занимался всего один сотрудник, он открывал около 1000 писем за 2 часа. Чтением занимались 4 человека, снимали копии 2 и один занимался фотографией. Вместе с другими экспертами (по печатям и т. д.) всего работали в этом деле 12 человек. В Москве тоже был свой «черный кабинет», но меньше; в нем работали 7 человек. В Варшаве «черный кабинет» имел 5 сотрудников, в Одессе тоже 5, в Киеве 4, в Харькове, Тифлисе, Томске, Вильнюсе, Риге и других крупных городах «черные кабинеты» имели только по 2 сотрудника.

Письма, запечатанные сургучными печатями, требовали большего внимания, но именно в этом деле русский «черный кабинет» достиг совершенства и был значительно впереди других европейских стран. Во времена Екатерины II процесс вскрытия писем с печатями был сложным. Дело заключалось в том, что нужно было изготовлять новую печать, которой после перлюстрации запечатывался конверт. Со старой сурчной печати делался восковой слепок. По нему изготовлялась гипсовая форма. С гипса снимался свинцовый негатив и по нему делалась уже печать. В семидесятых годах 19 века был изобретен в России новый метод с использованием серебряного порошка с амальгамой, но он обладал рядом недостатков. Примерно в 1907 г. один талантливый чиновник изобрел специальный прибор для изготовления поддельных печаток из твердого металла и очень быстро. По докладу Столыпина царю этот чиновник был награжден орденом Владимира 4-ой степени «За полезные и применимые на деле открытия».

В результате технических усовершенствований, в «черном кабинете» были печатки, идентичные печаткам всех дипломатических представительств и миссий, и копии личных печатей сановников.

Долго приходилось возиться лишь с конвертами, прошитыми на швейной машине.

Не без гордости С. Майский говорит: «Черные кабинеты» существовали везде, но справедливость требует сказать, что нигде в мире «черный кабинет» не работал так чисто, как в России и особенно в Петербурге».

Из крупных сановников, как отмечает автор брошюры,, лишь граф Игнатьев умел спасаться от внимания «черного кабинета». Будучи послом в Турции, он знал о практике перлюстрации писем в европейских странах и догадывался о методах отбора. Поэтому впоследствии он свои письма отправлял всегда в простых, незаказных письмах, в грошевых конвертах, полежавших вместе с селедкой и мылом. Адрес на конвертах он про-

сил писать своего лакея и адресовал их не своим друзьям-сановникам, а обычно их дворникам. И его письма проходили свободно.

Были в работе «черного кабинета» и курьезы. В спешке несколько раз письма отправлялись без вложения. Однажды в конверт от письма к послу Нидерландов были вложены бумаги испанского посольства. Но даже это не обнаружило русский «черный кабинет». Из дальнейшей переписки было видно, что подозрение всегда падало на австрийский «черный кабинет», так как почта в Россию шла через Австрию. Австрийский же «черный кабинет» был хорошо известен посольствам своей грубой работой.

Письма дипломатов перлюстрировались столь быстро, что никто не мог заподозрить цензуру. Если мешок с почтой сдавался из посольства к вечернему поезду, то он и отправлялся вечерним поездом, за какой-нибудь час вся почта в мешке была уже перлюстрирована. Дипкурьеры посольств в большинстве были подкуплены и сами приносили почту в условное место для перлюстрации.

Информация, получаемая «черным кабинетом», докладывалась в соответствии с ее характером Министру внутренних дел, Начальнику Департамента полиции или даже Начальнику Генерального штаба. Избранные материалы еженедельно докладывались лично царю. Особый сотрудник представлял Николаю II в запечатанном конверте выдержки и изложения из писем, перепечатанные на машинке по темам. Царь, получая пакет, сразу откладывал все дела и погружался в чтение. Екатерина II, Александр I, Николай I и Александр II, по словам Майского, всегда охотно читали отчеты «черных кабинетов», но Александр III отказался читать чужую переписку, сказав, что ему это не нужно.

В условиях монархических режимов в Европе в прошлом веке и в начале нынешнего, при наличии острых конфликтов между ними, нарушения тайны переписки

в тот период были очевидно очень частыми и не вызывали серьезного удивления у тогдашней общественности, несмотря на официальные признания принципа соблюдения тайны переписки в Конвенциях созданного в 1874 г. Всемирного Почтового Союза. Даже британская почта, имевшая репутацию лучшей в мире и функционировавшая в стране, всегда гордившейся своим уважением к законам, не была безупречной. Это хорошо видно по переписке Карла Маркса и Фридриха Энгельса, живших в Англии в эмиграции. Маркс жил в Лондоне, а Энгельс в Манчестере и интенсивная переписка между ними составляет несколько томов их Сочинений.

Письма в Англии в тот период заклеивались и дополнительно запечатывались сургучными печатями. Из Лондона в Манчестер письма шли не более одного дня; почта в Англии славится быстрой доставкой. Но и за один день, судя по переписке основоположников научного коммунизма, их письма успевали перлюстрироваться и иногда имели грубые повреждения. Их письма за границу, особенно в Пруссию, часто пропадали совсем, и поэтому наиболее важные письма на родину они всегда посылали с оказией. Даже в переписке между Лондоном и Манчестером им приходилось прибегать к различным приемам, чтобы обмануть британскую почту. Более важные письма Энгельс посылал не на домашний адрес Маркса, а на адреса друзей, которые затем передавали письма Марксу. Я процитирую здесь несколько замечаний Маркса и Энгельса по их письмам, свидетельствующих насколько серьезно приходилось им считаться с перлюстрацией. Число подобных цитат легко может быть увеличено в десятки раз.

«...Твой пакет для «Revolution» и «Tribune» был вскрыт, даже не дали себе труда снова заклеить его». (Маркс—Энгельсу от 3 марта 1852 г., Соч., т. 28, стр. 23, Изд. 2)

«Посылаю тебе обратно конверт твоего письма, полученного сегодня; по-видимому, была сделана неудавшаяся попытка вскрыть его».

(Энгельс—Марксу, 24 сентября 1852 г., там же, стр. 122)

«Конверт предыдущего письма, который ты прислал

мне обратно, без сомнения пытались вскрыть. Но явно неловко и безрезультатно».

(Маркс—Энгельсу, от 28 сент. 1852 г., там же, стр. 126)

«...Твое сегодняшнее письмо ко мне было вскрыто, судя по тому, что не все четыре уголка конверта были хорошо запечатаны...»

(Энгельс—Марксу, 27 окт. 1852 г., там же, стр. 137)

«Дорогой Энгельс! Насчет нашей переписки мы должны принять меры. Несомненно, что в Министерстве Дерби у нас есть компаньон по чтению наших писем. Поэтому я не могу писать тебе абсолютно ничего такого, что не считаю желательным довести в настоящий момент до сведения прусского правительства...»

(Маркс—Энгельсу, 25 окт. 1852 г., там же, стр. 134)

Энгельс советовал Марксу посылать письма в конвертах от коммерческой почты и обеспечивал его для этого необходимыми материалами.

«...Также прилагается коммерческая печать, — писал он Марксу. Твоя старая вейдемейровская гербовая печать и неуклюжее, никуда не годится. Употребляй также и на письмах в Манчестер какую-нибудь другую шестипенсовую печать. Время от времени посылай Шнейдеру заказные письма менее важные, чтобы ввести этих молодцов в заблуждение и заставить их думать, что мы отказались от посылки писем конспиративным путем из-за отсутствия адресов. В том, что люди, адреса которых ты получишь вместе с этим письмом, доставят письма куда нужно, не может быть никакого сомнения».

(Энгельс—Марксу, 28 октября 1852 г., там же, стр. 147)

«...Если тебе нужно написать мне о важных вещах, делай это по адресу: Г-ну А. Джонсону, эсквайру, Английский банк, отдел слитков».

(Маркс—Энгельсу, от 28 октября 1852 г., там же, стр. 146)

В Англии денежные банкноты обычно посылали в письмах. Но, будучи уверенными, что их письма вскрываются, Энгельс и Маркс не решались проводить пересылку денег в письмах, боясь, что они могут быть украдены цензорами. В то же время Маркс постоянно нуждался в финансовой помощи Энгельса, занимавшегося коммерческой деятельностью на фабрике своего отца. Поэтому классики политической экономии выработали

простой прием, чтобы обезопасить посылаемые деньги. Банковский билет (в 5, 10 или 20 фунтов стерлингов) Энгельс разрезал пополам. Одну половинку он посылал непосредственно Марксу, а другую кому-нибудь из друзей, условное имя которого Энгельс сообщал Марксу лишь в следующем письме. Маркс шел к этому другу, получал недостающую половинку банкноты и затем разменивал ее в банке. Поэтому переписка друзей пестрит абзацами следующего характера:

«Дорогой Маркс! Ты вероятно уже получил билет в 5 ф.ст., половинку которого я послал вчера прямо тебе, а половинку в конверте на имя Лапуса».
(Энгельс—Марксу, 2 марта 1852 г., там же, стр. 25. Лапус — условный псевдоним Вильгельма Вольфа)

«Дорогой Маркс!.. Посылаю первую половинку десятифунтового билета... Вторая половинка последует или сегодня со второй почтой, или завтра».
(Энгельс—Марксу, 21 мая 1852 г., там же, стр. 59)

«Дорогой Маркс! Прилагаю половинку билета в 20 ф.ст. — P/E 90 138. Вторую половину вышлю следующей почтой, ибо у меня нет второго адреса».
(Энгельс—Марксу, 1 июня 1853 г., там же, стр. 211)

Эти примеры можно было бы продолжать и дальше. Они относятся к британской почте. Хорошо хоть письма не пропадали. Что же касается прусской почты, то она не только вскрывала и конфисковывала письма Маркса (например в период лечения Маркса в Карлсбаде в 1875 г., см. том 34, Соч.), но даже в ряде случаев фальсифицировала эти письма, подделывая почерк Маркса. (См. примечания, № 242, т. 28, стр. 594). Одно из таких подделанных «писем Маркса» фигурировало на Кельнском процессе. (Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов, Соч., т. 8, стр. 475-477).

Как показывают свидетельства бывшего цензора С. Майского, в старой России печатные издания, поступавшие из-за рубежа, подвергались цензуре. По-видимому, некоторые из них конфисковывались. Но поскольку цензура носила сугубо тайный характер, никаких специальных отметок на книгах и журналах не ставилось. На иностранных книгах и журналах дорево-

люционного издания никаких номерных штампов нет. На выставке в ГБИЛ я видел самое первое издание «Капитала» К. Маркса на немецком языке, поступившее в Библиотеку Румянцевского Музея (Так называлась ГБИЛ до Революции) еще в 1867 г. На книге нет ни цензурных отметок, ни печатей «спецхрана». Нет подобных ограничительных значков на книгах «Положение рабочего класса в Англии» (Ф. Энгельс) и «Критика политической экономии» (К. Маркс), изданных в 1845 и в 1859 гг.

Но однажды я встретил и следы царской цензуры. В старой немецкой энциклопедии, например, статья «Финляндия» полностью замазана тушью. Эта страна, когда-то самостоятельная, входила в состав Российской Империи и немецкую трактовку истории Финляндии русская цензура не принимала.

После Революции более тщательная проверка печатных *научных* изданий, прибывающих из-за рубежа, началась примерно в 1926 г. На титульных листах книг в этот период появились первые номерные штампы. Цифры были крупнее, чем сейчас и вделаны в кружок (26). Сколько в тот период было цензоров и как они распределялись по языкам и прочим признакам, я, конечно, не подсчитывал. В небольшой выборке записанных мною номеров штампов при беглом просмотре открытого доступа ВГБИЛ высший номер 31. В 1930 г. служба проверки печатных зарубежных изданий была реорганизована и расширена. Номера в кружках были отменены более близкими к современным, вделанным в треугольник. Однако треугольник не был тогда еще двойным, и сами цифры были вдвое крупнее и толще ($<$71). Штампы были четкими, яркими, хорошо заметными. Такие номера встречаются на зарубежных научных изданиях вплоть до начала войны. В небольшой выборке, которая у меня есть, записаны следующие номера: 1, 9, 28, 33, 40, 71, 73, 84, 94, 142, 174, 175.

Мелкие блеклые номера современного типа, вделан-

ные в двойной треугольник, появились примерно с 1947 года. то есть в самый горячий период борьбы с космополитизмом во всех областях. Их сразу было много — 500, и это число сохранилось до настоящего времени, хотя объем поступающей в СССР из-за рубежа литературы возрос с тех пор не менее, чем в 10 раз. Вместо увеличения числа сотрудников цензура разумно отказывалась от многих видов проверок. Сначала треугольные номера перестали появляться на печатной продукции социалистических стран, затем на оттисках статей, высылаемых из всех стран, потом на некоторых сугубо специальных научных журналах. Кроме того, по-видимому, повышалась производительность труда за счет различных полезных и применимых на деле открытий и изобретений.

Цензура печатных произведений из-за рубежа была таким образом после Революции и полностью восстановлена и значительно расширена. *Но были ли вместе с этим восстановлены и «черные кабинеты» для проверки личной корреспонденции?* На этот кардинальный вопрос истории русской почты ответить с полной определенностью очень трудно, так как фактов для анализа слишком мало. Публикация С. Майского и ряд других статей о «черном кабинете» в период 1919-1922 гг. говорят о том, что старый русский «черный кабинет» прикратил свое существование сразу после Февральской революции 1917 г. Возникла ли впоследствии потребность восстановления цензуры частных писем?

С точки зрения юридической какие-то оборудованные для квалифицированного тайного вскрытия писем кабинеты при крупных почтамтах должны существовать, так как закон в СССР разрешает перлюстрацию переписки лиц, находящихся под следствием. А ведь число таких лиц в периоды сталинских репрессий исчислялось миллионами. Хотя статистика преступности, к сожалению, не публикуется, но, по-видимому, и в настоящее время ежегодно осуждаются за различные уголов-

ные преступления десятки тысяч людей. Для проверки их переписки в ходе следствия нужны какие-то аналоги «черных кабинетов». Кроме того, следствие долгое время имеет скрытый характер, начинаясь с выявленного преступления, а не с ареста преступника. В начальный период следствия может быть много подозреваемых, на переписку которых может быть наложен тайный арест по санкции прокурора. Это еще больше расширяет объем цензуры писем. Закон, однако, (Уголовный Кодекс РСФСР; Статьи 12 и 74 УПК РСФСР) не разрешает и в этом случае разглашения содержания переписки и обнаружения самого факта проверки корреспонденции. Перлюстрация должна производиться тайно и *письма обязательно доставляются адресатам.*

«Энциклопедический словарь правовых знаний» (Изд. Сов. Энц., 1965 г.), разъясняя понятие «тайна переписки», указывает, что:

> «Советское государство обеспечивает сохранение в тайне всех видов почтовой, телеграфной, а также радио и телефонной корреспонденции граждан. Нкто в СССР не может знакомиться с личной перепиской гражданина. Исключение из этого правила допускается лишь в тех случаях, когда ознакомление с перепиской необходимо в целях раскрытия преступлений или обнаружения преступника — но только следственными органами и по специальному постановлению, санкционированному прокурором».

Поскольку для проверки писем подследственных и подозреваемых в совершении преступления лиц необходимо эти письма сначала отобрать из общего потока корреспонденции и поскольку таких лиц, например, на данный момент в Москве или Ленинграде может быть не меньше ста, а может быть и тысячи, то при почтамтах должна существовать какая-то дополнительная тайная сортировка, имеющая список лиц для отбора их корреспонденции. Переносить эту работу в почтовые отделения нельзя, так как переписка преступников может вестись по условным адресам, до востребования, на

абонементные ящики и т. д. Но отбор писем по спискам, утвержденным городской прокуратурой, может проводиться и на крупных сортировочных узлах, на больших прижелезнодорожных почтамтах и т. д. Очевидно также, что незаметное вскрытие писем и бандеролей, копирование их, снятие печатей на ценных письмах и т. д. — все это работа профессиональная, требующая навыков и опыта. Она требует и соблюдения тайны и должна проводиться в помещениях оборудованных и изолированных от любопытных взоров даже других работников почты. А ведь это и есть подобие «черных кабинетов». И все же это совсем другое.

«Черный кабинет» удостоился этого мрачного названия не за деятельность по проверке писем лиц, совершивших преступления или подозреваемых в совершении определенного преступления. Он был назван так именно обществом за деятельность, которая сама имеет характер преступления, за постоянное нарушение закона, за произвол, осуществляемый с разрешения исполнительной власти.

«Черный кабинет», как мы видели из рассказа Майского, имеет право цензуры любой корреспонденции и его деятельность лимитируется только количественными возможностями персонала. 12 человек в Петербургском Почтамте могли проверять не больше 3000 писем в день. Это был их предел, их норма, их дневная выработка, их потолок. Для цензуры этих 3000 писем не требовалось никакой санкции суда или прокурора, члены «черного кабинета» могли читать любое письмо, взятое из потока почты. Почта старой России, как известно из статистики, обрабатывала в год около 600 миллионов писем. Если примерно подсчитать возможности «черных кабинетов» Москвы и других городов, то через цензуру ежедневно в России проходило не менее 20.000 писем. Это составит около 6 миллионов в год, то есть 1% от всей переписки. И от этой цензуры никто не был застрахован. Она имела чисто пиратский характер и поэтому народ повесил на нее пиратский черный флаг.

Свергнув самодержавие, народ ликвидировал и его пиратские органы, уничтожил «черные кабинеты» тотальной слежки за гражданами России. И не было оснований думать, что что-то подобное могло возродиться вновь в правовом государстве.

Между тем есть немало предрассудков и скептиков на этот счет, полагающих, что, помимо законной проверки корреспонденции лиц, находящихся под следствием, существует и выборочная цензура корреспонденции вообще и прежде всего международной корреспонденции.

Эти предрассудки основываются чаще всего на двух явлениях, более или менее широко известных. Во-первых, на довольно частых фактах пропажи писем, знакомых многим, ведущим международную переписку. Во-вторых, на возвращении к отправителям писем с теми или иными недозволенными вложениями (марки, небольшие статьи), характер которых мог быть выявлен только после вскрытия письма, отправленного по классу личной корреспонденции.

Но пропажа писем, даже нередкая, все же не является абсолютным прямым доказательством цензуры писем. Ведь даже в случае законной проверки по санкции прокурора, закон не разрешает *уничтожать* письмо. Не занимался уничтожением писем и старый российский «черный кабинет», считавший своим профессиональным долгом работать «чисто». Наблюдаемый в международной переписке некоторых известных мне лиц завышенный процент пропаж писем может быть связан с разными причинами. Это может быть недобросовестность некоторых работников почты, ворующих письма с красивыми иностранными марками (примеры такого рода известны и почте, и международный почтамт имеет специальный штамп «Письмо получено с поврежденной маркой», выставляемый на письмах при наличии повреждений, чтобы отвести подозрения от советских почтовых работников), может быть действие «факторов

непреодолимой силы», а также более крупные похищения почты, из-за содержащихся в ней ценностей. За границей в письмах разрешается пересылка денег и поэтому профессиональные преступники могут интересоваться почтой с этой стороны. В одном английском кинофильме я видел как тангстеры украли целый почтовый вагон.

В случае пропажи писем заказного характера, отправитель может подать рекламацию и почта обязана провести расследование и сообщить результаты. При этом она также выплачивает компенсацию. Трудно думать, что почта согласилась бы нести расходы, связанные с целенаправленным уничтожением писем. В моем архиве есть два интересных документа, показывающих как почта объясняет возникающие в некоторых случаях факты пропажи писем. Один из этих документов относится к международной почте, другой к внутренней. Лица, передавшие мне эти документы, разрешили привести их в настоящем исследовании. Начну с документа, касающегося пропажи заказного письма из Москвы в Рязань. Это ответ на рекламацию, поданную тов. Л. Б. Терновским по поводу его письма.

Министерство связи Союза ССР
СВЕРДЛОВСКИЙ УЗЕЛ СВЯЗИ
МОСКОВСКОГО ПОЧТАМТА

№ 564/С 6 января 1970 г.
Москва, М-452, Балаклавский пр. д. 4, корп. 6 кв. 431
тов. Терновскому Л. Б.

На Ваше заявление, о розыске заказного письма № 997/2 с уведомлением, отправленного из Москвы К-9, 18 ноября 1969 г. с адресом: Рязань-12, пр. Яблочкова I кв. 11 на имя СОЛЖЕНИЦЫНА А. И. сообщаю, поданное Вами письмо своевременно отправлено по назначению, однако, на пункт назначения письмо не поступило, установить место и виновного в утрате письма, к сожалению не представилось возможным.

За недоставку письма адресату приношу Вам свое извинение. На основании закона о материальной от-

ветственности Вам будет выслано возмещение в сумме 50 коп.; сборы за пересылку — 14 коп., всего 64 коп.

Начальник Свердловского узла связи
Московского почтамта *Сорокин*

Второй документ в известной степени сходен с первым.

МИНИСТРУ СВЯЗИ СССР

Заявление

9 февраля 1969 г. в Московском почтовом отделении К-9 мною сдано (Квитанция № 198) заказное с обратным уведомлением письмо Союзу Чехословацких Писателей. Письмо это до сих пор не доставлено, как я вижу:

1) из того, что не возвратилось обратное уведомление;

2) из новой телеграммы Союза Чехословацких Писателей от 20 февраля, полученной мною сейчас.

Я не придал бы внимания этому случаю, если бы с апреля 1968 г. не обнаружил бы и не установил с точностью *уже многих фактов перехвата* моей корреспонденции, писем, бандеролей и телеграмм, как внутрисоюзной, так и международной.

Я считаю, что это перешло, наконец, через край. Я требую, чтобы в Министерстве связи был расследован данный случай (Москва, К-9, квит. 198, 9. 2. 69) и

— было бы установлено и объяснено мне, кем именно и по каким мотивам было перехвачено это мое письмо;

— виновник этого был бы наказан;

— само письмо доставлено по адресу.

Если все это не будет сделано Министерством связи, я соберу все известные мне случаи перехвата моей корреспонденции за предыдущий год, документирую их и подам жалобу Председателю Совета Министров СССР на *почтовый разбой* в Министерстве связи. Ибо никак иначе это назвать нельзя.

А. И. Солженицын

На это заявление спустя три месяца и две недели поступил следующий ответ:

Международный Почтамт
№ 198/679/3
7 июня 1969 г. Рязань-12, Пр. Яблочкова I кв. 11
тов. Солженицыну А. И.

На Ваше заявление от 22. 2., адресованное в Министерство связи СССР, сообщаю, что заказное письмо № 198 от 9/2-69 из Москвы, с адресом ЧССР, Союз Чехословацких Писателей, было направлено из Международного почтамта по назначению своевременно.

Однако по сведениям почтовой службы ЧССР, им не удалось установить дальнейшую судьбу вышеуказанного отправления и они дали свое согласие на выплату возмещения отправителю. По этому вопросу Вы можете обратиться к Начальнику Рязанского почтамта.

С уважением
И. о. Начальника Международного почтамта
Б. Ястребов

Загадочные пропажи писем имели место, как уже отмечалось, и в моей собственной международной корреспонденции. Явление это действительно странное и необъяснимое даже с позиции признания реальности «черного кабинета». Судя по историческому опыту, «черные кабинеты» не имели полномочий на конфискацию писем, ибо это обнаруживало бы существование «черных кабинетов», а допустить раскрытие подобной тайны власти не могли, это подрывало законный характер самой власти. В России, судя по рассказу автора брошюры о «черном кабинете», долгое время интересовались личностью автора одной анонимной, изданной в Англии книги о скандальных тайнах Российского Императорского двора. С помощью «черного кабинета» удалось установить, что автор книги был приближенный к царю барон. Министр внутренних дел доложил об этом Николаю II. Николай II принял это к сведению, но не отдалил от себя барона, чтобы не раскрывать этим актом источник полученных сведений. Тайна «черного кабинета» была выше тайн царского двора.

Второй источник предрассудков и скептицизма о соблюдении тайны переписки исходит от филателистов, ведущих международный обмен марок. Согласно тамо-

женным правилам, высылка почтовых марок внутри конвертов (гашенных, иностранных, советских и т. д.) запрещена. Международный обмен марок считается монополией государства.

Но филателисты часто нарушают это правило, посылая марки в обычных конвертах, замаскированных под частное письмо. В большинстве случаев такие письма действительно проходят за рубеж и обмен марок с иностранцами процветает. Но иногда (примерно в одном случае из 20-30) филателист получает отправленное письмо назад. Письмо вскрыто, марок нет, но вместо них вложен акт о конфискации содержимого, как объекта контрабанды. Отправителю напоминают, что он нарушил таможенные правила.

Эти конфискации создают впечатление выборочной проверки небольшого процента международных писем таможней. Но это явление не нарушает тайны переписки, так как содержание личных писем таможню не интересует. Вскрывать *письма,* не вызывающие подозрений на недозволенные вложения, таможня тоже не имеет права, но может быть есть какой-нибудь прибор, устанавливающий наличие марок внутри конверта, например по флюоресценции красок под действием мягкого рентгеновского облучения или рельефу проглаживаемого особым катком письма. Технически это возможно и таможня вправе пользоваться любыми техническими средствами для обнаружения контрабанды. Но таможня и «черный кабинет» — это совершенно разные вещи.

Кроме этих двух общих факторов, питающих слухи о нарушениях тайны переписки, мне известны несколько отрывочных фактов, которые при некоторых обстоятельствах могли быть истолкованы и не в пользу почты. Однако они допускали и другие варианты объяснений и использовать их как строгие *доказательства* нарушения почтой закона о сохранении тайны переписки, например, в открытом судебном разбирательстве было бы весьма и весьма трудно.

В собственной внутренней и международной переписке я до самого недавнего времени исходил из доверия к почте. Наличия выборочной проверки небольшого числа международных писем я не исключал, но меня это не беспокоило. В целом почта обеспечивала все мои связи с иностранными коллегами и друзьями и редкие осложнения не приводили к каим-либо недоразумениям. Некоторые странности в поведении международной почты я почувствовал только во второй половине 1968 г., т. е. почти в то же время, которое отмечает и А. И. Солженицын, говоря о начавшемся по отношению к нему ПОЧТОВОМ РАЗБОЕ.

9

ЛИЦО «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА» СОВРЕМЕННОЙ ПОЧТЫ

Таможенно-почтовые правила в СССР являются очень сложными и допускают разнообразные толкования того, что можно и что нельзя посылать за границу. Весьма неопределенны и полномочия таможенных органов по отношению к письмам. Согласно почтовым правилам, международное *письмо* может иметь вес до 2 кг. То есть «письмо» может быть достаточно крупным пакетом, содержащим вместе с личным посланием то или иное вложение, книгу, рукопись, материалы и т. д. Бандероль отличается от «письма» отсутствием вложений, имеющих характер личного послания. Все отправления, не имеющие личных посланий, отправляются по резко сниженному тарифу и в этом, с точки зрения почты, состоит главная разница между «письмом» и «бандеролью». Поскольку различные вложения дешевле отправлять по типу «бандероли», то отправитель редко комбинирует личное письмо, например, с книгой в одном пакете; он посылает личное письмо отдельно и книгу отдельно — бандеролью.

По международным почтовым правилам, таможенному досмотру подлежат лишь отправления, имеющие наклеенную на них при отправлении таможенную декларацию. Заказная или простая бандероль проверяется при отправлении почтовым оператором и далее должна следовать беспрепятственно, если почтовый оператор не счел нужным снабдить отправление таможенной декларацией. Обычные же стандартные письма, вложенные в стандартный конверт и весящие до 20 г вообще не должны поступать в таможенные органы. Таможня — это совсем другое учреждение, имеющее самостоятельный устав. *Принимая письмо, имеющее по всем признакам характер личного послания, почта СССР, как*

и почта любой другой страны, дает полную и безоговорочную гарантию его доставки адресату с соблюдением абсолютной тайны переписки.

К сожалению, принцип «тайны переписки» в истории почты очень часто нарушался. Именно поэтому в сознании людей очень устойчивы предрассудки о том, что почте нельзя доверять. И я не могу обманывать читателя утверждением о том, что и я полностью доверял принципу соблюдения абсолютной тайны переписки. Но меня этот принцип не очень беспокоил. Меня интересовал лишь принцип *обязательности доставки.* В моей переписке не было ничего секретного и я был бы готов вообще не запечатывать писем, если бы почта принимала их открытыми. К сожалению, почта принимает письма только в заклеенном виде, беспокоясь о возможности выпадения письма при транспортировке.

Один древнеримский философ, как известно из истории, всегда отправлял свои письма открытыми. Почта тогда была медленной и он, зная природу человека, считал, что курьер просто из любопытства и от дорожной скуки будет открывать и читать перевозимые письма. Чтобы при этом не повреждался пакет, древний философ отправлял свою почту открытой. Этот же подход не был чужд и моей переписке. У меня не было тайн от почты, но я безусловно хотел, чтобы мои письма доходили до адресата. На всякий случай, я их часто отправлял поэтому заказными и с уведомлением о вручении. Я также не сомневался в том, что если какая-нибудь проверка писем и существует, то она имеет выборочный характер. Проверять всю международную почту СССР, как я был уверен, просто невозможно, для этого нужно было бы иметь очень большой штат цензоров, а это противоречит принципу глубокой секретности подобной антиконституционной практики. Поскольку, однако, письма, даже заказные, иногда загадочным образом пропадали, то для гарантии доставки

послания, я иногда высылал и копию письма; пропажа двух писем одного типа при выборочном характере контроля за перепиской была очень маловероятной. Выработав эмпирически эти правила, я без всяких приключений обеспечивал свои научные и личные связи с зарубежными друзьями и за 13 лет переписки (с 1955 по 1968 г.) не имел никаких поводов для серьезных беспокойств о судьбе своих писем.

В процессе переписки с постоянными корреспондентами я обычно применял заимствованное у опытных людей очень полезное правило последовательной нумерации писем. Каждое мое письмо к постоянному адресату, кроме даты, имело и номер, указывающий на очередность. Обычно о своевременной доставке письма отправитель судит по ответу. Но при постоянной переписке далеко не всякое письмо по своему характеру требует ответов. Один ответ может быть на серию писем. В этом случае нумерация писем очень полезна. Если пропадает, например, письмо № 13, то, получив после № 12 не 13, а № 14, адресат будет знать, что тринадцатое письмо, очевидно, пропало и сообщит об этом. Кроме того, как я полагал, последовательная нумерация писем должна иметь определенное психологическое значение для воображаемого цензора, так как пропажа такого письма сразу заметна и для адресата и для отправителя. Более важные письма я обязательно отправляю не только заказными, авиа и с уведомлением о вручении, но и с наклейкой «экспресс», «с нарочным», за что дополнительно почта взимает 18 коп. Днем позже я еще дополнительно извещаю адресата о высылке письма художественной открыткой. Такая художественная авиаоткрытка не содержит обратного адреса, подпись на ней неразборчива, но адресат неизбежно узнает по содержанию от кого она пришла. Текст открытки обычно самый краткий, и главное в нем это уведомление

адресата о том, что ему выслано письмо. Для этого текст открытки может быть, например, следующим:

> «Дорогой Др. Л. В заказном письме, которое я отправил Вам вчера авиапочтой, я забыл сообщить, что Ваше письмо от 12 мая прибыло ко мне очень быстро и поэтому мой запоздалый ответ зависел не от почты, а был связан с моим отсутсвием в течение недели».

Все эти предосторожности, от которых почта лишь получает дополнительный доход, возникали постепенно, как неизбежная реакция на пропажу даже заказных писем. Такие пропажи, хоть и редкие, были все же реальностью, с которой приходилось считаться.

В первой главе я уже упоминал, что в первой половине 1968 г. пропажи писем стали почему-то более частыми. Это явление продолжалось и во второй половине 1968 г. В середине августа 1968 г. по переписке с профессором Л., американским генетиком, которого я знаю с 1962 г., стало ясно, что мое июльское письмо к нему, имевшее № 34, не было получено. Письмо было коротким, около одной страницы на английском языке, но важным, ибо содержавшиеся в нем вопросы требовали обсуждения. Содержание письма не было связано с генетикой и оно отличалось от нашей обычной переписки с проф. Л. Я в этот период серьезно занимался изучением возможных социальных последствий международной интеграции научных исследований. Сообщив проф. Л. вкратце о круге своих интересов в этой области, я поинтересовался какие работы в этой области, опубликованные в США, мне следовало бы прочитать. Проф. Л. также интересовался социальными аспектами науки и особенно вопросами кооперации в исследованиях проводимых в СССР и в США.

Я выслал проф. Л. копию письма № 34, отправив его опять по авиа, с уведомлением о вручении и с наклейкой «экспресс». Однако уведомление (также авиа) в ожидаемые сроки не вернулось и проф. Л. известил

меня открыткой (в ответ на мою открытку), что письмо № 34 не было им получено.

В октябре 1968 г. мне предстояло послать два очередных письма в Нью-Йорк к М-ру Т., представителю научного издательства. Это издательство предполагало опубликовать в переводе на английский язык одну мою научную работу и в моих письмах я просто сообщал М-ру Т. короткие списки коллег в США и в Европе, которым от моего имени прямо из издательства следовало послать копии этой работы, в качестве подарка (после ее издания). Оба письма в Нью-Йорк были авиазаказными и с уведомлениями, но учитывая недавнюю печальную судьбу письма № 34 к проф. Л., я через 3 и 4 дня выслал в Нью-Йорк копии этих писем. Мне было важно, чтобы они достигли адресата к определенному сроку и поэтому я не стал дожидаться сведений о судьбе высланных ранее оригиналов. В положенный срок ни одно из четырех уведомлений не вернулось назад, и в ответ на сопровождавшую письма открытку М-р Т. сообщил, что писем со списками коллег он не получил.

В это же время я отправлял в Лондон письмо своему коллеге в области геронтологии, Д-ру В., весьма пунктуальному корреспонденту, всегда в течение нескольких лет сразу отвечавшему на мои письма. Д-р В., проявляя большой интерес к геронтологии, возглавлял научную организацию, созданную специально для развития международного сотрудничества ученых в области медицинской химии. Когда он бывал в отъезде, на письма отвечал заместитель или секретарь. Письмо к Д-ру В. по своей проблематике было сходным с письмом № 34 к проф. Л. Поскольку коммуникация с проф. Л. оказалась «поврежденной» и может быть из-за плохой работы почты США, то я попытался получить нужный мне ответ от английского коллеги, весьма компетентного именно в этой области.

Уведомление о вручении к письму в Англию вернулось через две недели со штампом Лондона (но без под-

писи Д-ра В., а с каким-то непонятным росчерком), однако ответа на письмо не последовало. Хотя уведомление о вручении имело правильно указанный адрес получателя и отправителя, но это было совсем не то уведомление, которое я сам заполнял при отправке письма. Возвратившееся уведомление заполнял человек, путавший латинский алфавит с русским и мне было совестно, что кто-то в Лондоне мог прочитать столь безграмотную смесь английского и русского языков. Даже фамилия адресата была написана смесью русских и английских букв. Происхождение этого странного уведомления так и осталось неясным, так как из дальнейшей переписки с Д-ром В. было видно, что данного письма он не получил.

Эти почтовые события меня крайне удивляли. Это было совсем новое явление, не укладывавшееся ни в одно ранее выработанное представление о работе почты, ни в одну из гипотез о возможном характере контроля писем. Дело в том, что вся остальная переписка этого периода, за исключением упоминавшейся ранее пропажи нескольких писем и журналов «Сайенс», шла нормально. Исправно поступали по запросам оттиски статей, благополучно доходили до адресатов мои оттиски. Как раз в этот период шла очень интенсивная переписка с американским издательством «Пленум Пресс», принявшим решение о переводе на английский язык моей книги «Молекулярные и генетические механизмы развития», вышедшей в издательстве «Медгиз» в Москве в августе 1968 г. Договор о переводе книги был заключен не лично со мною, а с объединением «Международная Книга», и я получил из этой внешнеторговой организации предписание, что всю переписку с американским издательством я должен вести через них. Однако, это было слишком сложно и после того, как меня один раз заставили два часа ждать в Бюро пропусков Министерства внешней торговли на Смоленской площади, а потом, так и не выдав пропуск, выслали ко мне в парадную курьера «Международной Книги»,

чтобы он взял у меня подготовленную бандероль с марками, содержавшую оригиналы рисунков, я махнул рукой на столь важную организацию и стал вести переписку с «Пленум Пресс» самостоятельно. Эта переписка содержала поправки и дополнения к русскому тексту, оригиналы и английские подписи к рисункам и другие материалы. Хотя все это предназначалось для публикации и не подходило под понятие «личная переписка», тем не менее ни одно из многочисленных писем этой серии не пропало.

В начале ноября 1968 г. по всем пропавшим в августе, сентябре и октябре письмам я сдал в Международный почтамт заявления-рекламации, с приложением к ним квитанций. Однако Центральное Бюро рекламаций этого почтамта, ранее довольно быстро отвечавшее на заявления, на этот раз хранило полное молчание.

В середине декабря у меня вновь возник повод для международной переписки, несколько выходивший за рамки обмена биохимической и генетической информацией. Как-то прослушивая вечером передачи по радио, я наткнулся на передачу из Лондона на русском языке интересной статьи-очерка академика А. Д. Сахарова, посвященной проблемам интеллектуальной свободы, международного научного сотрудничества и опасности атомной войны. Статью А. Д. Сахарова я читал в рукописи в начале 1968 г.; она некоторое время циркулировала среди ученых в Москве. Факт публикации ее за рубежом был для меня новостью. Академик А. Д. Сахаров, один из наиболее известных советских физиков, Герой Социалистического Труда (дважды или трижды) принял в 1963-64 гг. очень энергичное участие в борьбе с засилием в биологии лысенкоизма и я в тот период два раза с ним беседовал. Естественно, что я стал внимательно слушать передачу из Лондона. Радиостанция Би-би-си передавала статью Сахарова не полностью, а в изложении и я надеялся, что они может быть пропустят то место статьи, где А. Д. Сахаров с большой похвалой отзывался о рукописи книги моего брата Р. А.

Медведева по истории и генезу сталинизма и выражал сожаление, что эта, как он говорил «замечательная» книга, «написанная с позиций марксизма-ленинизма» до сих пор не напечатана. Но этого не случилось. Диктор Би-би-си особо выделил именно это место статьи А. Д. Сахарова. На следующий день статью Сахарова снова передавали по радио и уже не только из Лондона. Ее стали передавать и из ФРГ и из США. Из этих передач я узнал, что статья А. Д. Сахарова опубликована в разных странах в переводе на многие языки.

Публикация статьи А. Д. Сахарова, громко называвшейся за рубежом «Манифестом Сахарова», была лично для него печальным событием, хотя содержание статьи было глубоко патриотичным. (И действительно, А. Д. Сахарова сразу отстранили от работы в стратегически важном секретном учреждении, от чего, конечно, в первую очередь пострадало само это учреждение). Но меня, помимо судьбы Сахарова, обеспокоила и судьба книги моего брата, так как книга эта не была еще закончена, а к ней, благодаря статье А. Д. Сахарова, привлекалось международное внимание. Сам А. Д. Сахаров читал предварительный вариант в рукописи и как раз в конце 1968 г. Р. А. Медведев начал новый цикл переработки и дополнения рукописи, намереваясь после этого представить ее в ЦК КПСС для обсуждения и определения ее дальнейшей судьбы. Как член КПСС мой брат не мог предлагать рукопись такой книги ни в одно из советских издательств, прежде чем она не будет рассмотрена в ЦК КПСС. Поэтому распространение информации об этой большой (около 1400 стр. на машинке) работе в декабре 1968 г. было несколько преждевременным. Но оно, тем не менее, произошло.

Привыкнув к быстрым решениям, я, даже не советуясь с братом, решил написать трем коллегам просьбу держать меня в курсе дела о тех комментариях, которые будут появляться в зарубежной прессе относительно статьи А. Д. Сахарова, особенно в том вопросе, который связан с обсуждением в статье книги моего брата. Мои

коллеги были биологами, но с более широким, чем только биология диапазоном интересов и это были друзья, которые помогали мне много лет предотвращать возможность пиратского издания за рубежом моей собственной рукописи по истории генетической дискуссии, которая с 1962 г. широко распространилась в СССР и попала и за границу. В 1967 г. специальная комиссия из представителей трех академий и отдела науки ЦК КПСС (во главе с вице-президентом АН СССР акад. Н. Н. Семеновым и президентом АМН СССР Н. Н. Блохиным) единогласно рекомендовала последний вариант моей книги для издания в издательстве «Наука», но реализация этого решения затягивалась. В начале 1968 года мне стало известно, что старый вариант этой книги анонсирован для издания на русском языке в антисоветском журнале и я, чтобы помешать этому, одобрил план издания этой работы в серьезном научном издательстве в переводе на английский язык. Вся деятельность в этом направлении, начинавшаяся в феврале 1968 г., была связана с интенсивной перепиской по различным адресам, и ни одно из нескольких десятков писем, отправленных и полученных мною по этому делу, *не пропало.*

Все эти объяснения необходимы для того, чтобы представить более наглядно важный вопрос между содержанием писем и их судьбой в почтовых каналах.

Письмо с просьбой выяснить для меня комментарии печати на статью А. Д. Сахарова и сообщить о всех случаях упоминания о работе моего брата я адресовал проф. Л., заведующему кафедрой генетики, который не раз оказывал не только мне содействие в различных делах. Он сыграл важную роль в ликвидации трудностей, возникших на пути вручения международной генетической премии проф. Тимофееву-Ресовскому Н. В. заведующему отделом, в который входила и моя лаборатория. Эта премия (Кимберовская) была присуждена Н. В. Тимофееву-Ресовскому Национальной Академией Наук США в 1966 г. Отец проф. Л. был русским и, хотя

сам проф. Л. никогда не жил в СССР, он прекрасно знал русский язык и поддерживал широкие дружеские связи с советскими генетиками. Но я также решил послать копию моего письма к проф. Л. двум другим ученым, которые тоже могли оказать содействие в получении нужной информации. Один из них, проф. К., был известным английским геронтологом, интересовавшимся кроме геронтологии и социальными проблемами, третий, проф. Ж., был историком биологии. Всех троих я знал не только по переписке. Проф. Ж. дважды приезжал в СССР (в 1962 и в 1965 гг.), проф. К. участвовал в 1967 г. в конференции по проблеме старения в Киеве и с проф. Л. я виделся на Менделевском Симпозиуме в Чехословакии в 1965 г. Все трое знали русский язык и поэтому мое письмо было написано по-русски. Кроме того, все трое моих корреспондентов знали друг друга по литературе, так как у каждого из них были интересы в области генетики.

Высылка одного письма сразу по трем адресам была с моей стороны мерой безопасности доставки. То, что письмо может быть прочитано цензурой, меня не беспокоило. После серии пропаж писем в конце 1968 г. и после отсутствия всякого ответа из Бюро рекламаций я уже не сомневался, что цензура писем не только есть, но что она резко усилилась. Тема моего письма была слишком специфической, чтобы надеяться на легкий проход через цензурные ограждения. Поэтому-то я и высылал три одинаковых письма в разные адреса, полагая, что не каждое письмо все же попадает в проверку. Я не исключал, что, может быть, именно проф. Л. занесен в списки для особого контроля, тем более, что мое письмо к нему за № 34 дважды пропало. Переписка с проф. Ж. также имела раньше случаи пропажи писем, но британский геронтолог К. никак не мог еще попасть в какие-нибудь цензурные списки. Поэтому, как я предполагал, если письма к проф. Л. и Ж. будут потеряны, я всегда смогу попросить потом проф. К. переслать им

из Англии копию моего письма. Таким был мой план прохода через воображаемую цензуру. Но это было еще не все. Если отправить все три письма с одной и той же почты одновременно, то они могут оказаться в одном и том же мешке у одного и того же цензора. Этого следовало избежать. Нужно было отправить письма в разные дни с разных почт. Но и это было не все. Допустимо, пслагал я, что сортировщики писем в списках для цензурного отбора имеют не фамилию проф. Л., а фамилию отправителя Ж. А. Медведева. В этом случае все письма Ж. Медведева из разных почт все равно попадут к одному и тому же цензору. Поэтому в дополнение к основным письмам этим трем адресатам, направляемым по экстра классу (авиазаказными, экспресс и с авиауведомлениями о вручении), я подготовил еще ряд копий, которые спустя несколько дней намеревался отправить простыми, а не заказными авиаписьмами. На заказных письмах адреса были напечатаны на пишущей машинке, на простых написаны от руки небрежным почерком. Обратный адрес на них был указан иначе. На двух письмах был указан мой обнинский абонементный ящик без фамилии отправителя, а третье письмо было в новогоднем поздравительном конверте и вообще не содержало обратного адреса, только адрес получателя. Итого предстояло отправить шесть писем с идентичным вложением. Время для этого тоже было подходящее, как раз перед Новым годом. Число международных писем в этот период резко возрастает, наверное раз в 20-30 и если цензура в обычные дни работает с определенной нагрузкой, то при резком многократном увеличении потока писем вряд ли в столь секретное учреждение мобилизует на подмогу временных работников со стороны. Это ведь не уборка картошки. Неизбежно придется увеличить процент «пропускаемости» без тщательной проверки.

Подготовив столь тщательно эту операцию, я, конечно, не сомневался в успехе. Естественно, что каждому

из адресатов посылалась, кроме того, поздравительная новогодняя открытка, в которой между прочим в конце указывалось и на отправку подробного письма *от 17 декабря*. Заказное письмо проф. Л. было отправлено 17 декабря 1968 г. из почтового отделения К-9 в издании Министерства связи, письмо проф. К. утром 18 декабря из Главпочтамта, и письмо проф. Ж. вечером 18 декабря из почтового отделения Г-19. Простые авиаписьма с дополнительными копиями были посланы между 20 и 24 декабря, причем только одно из них отправлялось из Москвы. Второе письмо было отправлено из Обнинска, а третье из Ленинграда, куда один мой друг уезжал в командировку. Таким образом, обеспечивалась разная проекция писем по отношению к многоликому цензурному контролю.

Прошли, однако, 10 дней января, но ни одно из уведомлений не вернулось. От всех трех адресатов пришли ответные открытки. Они благодарили за новогодние поздравления, но сообщали, что не получили письма, датированного 17 декабря. Я все же не беспокоился, так как допускал, что новогодняя почта из-за перегрузки может следовать с замедлением.

Но 13 января 1969 г. я получил ответ от проф. К. на совсем другое письмо, с обсуждением некоторых геронтологических вопросов, отправленное ему 27 декабря, то есть на 10 дней позже того письма-копии, которое было послано ему по экстра классу. В этом ответе проф. К. снова сообщал, что не получил письма от 17 декабря и выражал по этому поводу недоумение.

К середине января мне стало ясно, что я недооценил, по-видимому, способностей и возможностей цензуры и что все шесть писем «пропали». Весьма раздраженный подобным пиратством я подготовил для проф. К. еще одну копию этого письма и приехал с ним непосредственно на Международный почтамт в Москве. Письма оттуда идут сразу за границу. Здесь я оформил это письмо опять как авиазаказное, экспресс и с уведомле-

нием о вручении и к этому письму сдал Заявление для Начальника Центрального Бюро рекламаций Международного почтамта. Бюро рекламаций находится в этом же здании и его представитель постоянно дежурит в операционном зале. В заявлении я указывал на возможную пропажу письма отправленного проф. К. 18 декабря и сообщал, что вновь отправляемое заказное письмо за № таким-то является копией этого письма. Я просил проследить, чтобы эта копия не пропала.

Этим заявлением, приложенным к отправляемому письму, я ставил Международный почтамт в трудное положение. С моей стороны все было сделано строго по закону. Представительница Центрального бюро рекламаций в ответ на мой прямой вопрос — существует ли в СССР почтовая цензура и вскрываются ли частные письма, полностью наличие какой-либо цензуры отрицала. Я показал ей подготовленное письмо и просил проверить все ли оформлено правильно. Более того, я предложил ей прочитать письмо прежде, чем оно будет запечатано. Но от этой цензурной функции, она естественно, отказалась. После этого между моим письмом и проф. К. оставался только прямой самолет Москва—Лондон и британская почта, имеющая репутацию лучшей в мире.

Прошло, однако, 24 дня, а никакого уведомления о вручении я назад не получил. Неясной оставалась и судьба всех прежних декабрьских писем.

11 февраля 1969 г. ко мне после заседания Ученого Совета Института подошел Начальник «Первого Отдела» Института (раньше такие отделы назывались «особыми» или «спецотделами») и пригласил к себе в отдел для небольшой беседы.

Вежливо предложив стул, он обратился ко мне с вопросом:

— Вы получили копию письма Начальника Международного почтамта товарища Асланова?

— Нет, — ответил я, — не получал.

— Не может этого быть, — очень удивился мой собеседник, — вот у меня лежит письмо товарища Асланова от 30 января, на нем указано, копия: Ж. А. Медведеву, Абонементный почтовый ящик 25, Обнинск, Калужской области.

— Не знаю, — пожал я плечами, — но могу Вас заверить, что никакой копии я не получал.

Тогда, несколько помедлив, Начальник Первого отдела вынул из большого сейфа большой конверт, а из него извлек три знакомых мне конверта. Я сразу увидел, что два из них являются моими заказными письмами к проф. Л. и К., а третье представляет собой письмо проф. К. только недавно отправленное в Международном почтамте. Марки были погашены, а конверты распечатаны.

Дальнейшая беседа показала, что Начальник Первого отдела хорошо знаком с содержанием писем и даже хотел узнать ряд дополнительных подробностей об обсуждавшихся в нем делах. Я, конечно, немедленно пресек всякие попытки обсуждать свою личную переписку. Тогда мой собеседник стал настаивать на том, что я нарушил инструкцию о переписке, обязывающую посылать за рубеж все письма только с формой 103м. Я же объяснил ему, что соблюдать инструкцию, которая мне неизвестна, я не могу. Инструкция была мне показана, но, как следовало из вводной части, она относилась только к исполнителям секретных работ, которыми я не занимался. Тем не менее Начальник Первого отдела попросил меня представить ему объяснительную записку по поводу своих действий и соблюдать сугубую конфиденциальность относительно предмета нашей беседы. Я обещал выполнить эту просьбу, но при условии, что и он будет соблюдать такую же конфиденциальность, и ни факты возвращения моих писем, ни тем более их содержание, не будут сделаны предметом гласности и все останется между нами. Поскольку мой со-

беседник нарушил и очень скоро свое обещание, то и я, естественно, стал свободен от соблюдения своего.

На следующий день я принес в Первый Отдел объяснительную записку. В ней я отмечал, что перехваченные письма имели личный характер, не были связаны с моей служебной деятельностью в институте медицинской радиологии и посвящены вопросам, которые не имеют никакого отношения к медицине. Они не содержали вложений запрещенных таможенными правилами СССР. «Тот факт, — писал я, — что письма были возвращены, причем не отправителю, а в спецотдел, вскрыты и прочитаны разными людьми, является преступлением, предусмотренным Уголовным Кодексом РСФСР, нарушением конституционных гарантий и нарушением Почтового Устава СССР».

Я требовал немедленного возвращения мне этих писем. Кроме этого, я написал резкий протест по поводу актов произвола в Министерство связи СССР.

Забегая немного вперед, следует сказать, что 21 февраля 1969 г. я действительно получил на абонементный почтовый ящик письмо тов. Асланова, отправленное из Международного почтамта в Москве. Письмо было «заказное-служебное», но, судя по почтовым штампам, оно проделало очень странный путь, прежде чем попало в мой абонементный ящик. Из Международного почтамта оно, как свидетельствует штамп, было отправлено в Обнинск по моему адресу 3 февраля. Но прибыло почему-то не в Обнинск, а в Калугу, хотя Калуга расположена на 100 км. дальше от Москвы и в стороне от главной железнодорожной магистрали. Почтовый штамп «Калуга-областной» имеет дату 5 февраля. По ошибке в Москве письмо могло быть положено в мешок с Калужской почтой. Но в Калуге письмо почему-то задержалось. В Обнинске письмо оказалось только 21 февраля, что удостоверено Обнинским штампом. Где письмо пролежало 16 дней, остается неизвестным. По-видимому, из Международного почтамта оно

было отправлено вместе с партией международной почты и поэтому в Калужском почтамте попало в «специальную экспедицию». Там его на всякий случай прочитали и в недоумении отложили; посылать отправителю копии писем, раскрывающих тайную цензуру, показалось калужским экспертам верхом легкомыслия. Но поскольку я письменно удостоверил в объяснительной записке, что никакой копии от Асланова не получал, то эта записка, после того, как о ней сообщили Асланову, вызвала беспокойство о судьбе копиии его письма. Проверив по регистрации путь следования этого письма, Асланов сдвинул его дальше; все равно, судя по моей объяснительной записке, он видел, что я уже знаком с этим письмом.

На письме тов. Асланова не было никаких пометок о его секретности; пришло оно ко мне обычными почтовыми каналами и поэтому я считаю возможным привести здесь его полностью.

Международный почтамт
Министерство связи
СССР
30 января 1969 г.
№ 30

Начальнику
Первого Отдела
Института медицинской
радиологии АМН СССР,
тов. Шевалдину А. М.
Обнинск, Калужской обл.

Копия: Обнинск, Калужской обл.
Абонементный почтовый
ящик № 25
Медведеву Ж. А.

При письме № 0401 от 31 декабря 1968 года Международный почтамт направил Вам три письма, отправленные за границу сотрудником Вашего института, Доктором Медведевым.

Тов. Медведев обратился в Международный почтамт с просьбой переотправить в Лондон письмо от его имени.

Поскольку Международный почтамт не предоставляет услуг по переотправке корреспонденции, направ-

ляем Вам письмо тов. Медведева с просьбой разъяснить ему порядок отправления писем за границу.

Приложение:

Начальник Международного почтамта
Министерства связи СССР
(В. Асланов)

Таким образом, я стал обладателем интересного документа. Этот документ говорил о многом. Из разговора с Начальником Первого отдела, когда я бурно протестовал по поводу нарушения закона о тайне переписки, я узнал от него, что письма мои были якобы вскрыты «случайно» таможней, по подозрению на наличие в них недозволенных к пересылке марок. Но хотя марок там не оказалось, из-за повреждения оболочки писем, возникших при вскрытии, их нельзя было отправлять дальше и они поэтому были возвращены в институт. Получалось, что никакой цензуры нет, а виновата небрежность таможни. Письма же были прочитаны уже по возвращении в институт и. о. директора Института В. П. Балуда, поскольку он имеет право читать служебную корреспонденцию, отправляемую с формой 103м. То, что письма не служебные выяснилось слишком поздно и «тайна переписки» была нарушена случайно, по недоразумению. Но коль скоро она была нарушена, содержание писем показалось В. П. Балуде подозрительным и он решил принять меры к расследованию.

Таким образом, готовясь к вызову меня для беседы в спецотдел, организаторы этого дела придумали подходящую версию, чтобы скрыть «черный кабинет», тайна которого не должна была выходить на поверхность. Они не учли только мою наблюдательность и небрежность Начальника Первого отдела, показавшего мне возвращенную корреспонденцию. Никаких «повреждений» конверты не имели, вскрытие было сделано очень чисто, отклеен только верхний клапан и запечатать и отправить письма дальше, раз вложения марок

не обнаружили, не представляло для «таможни» никакого труда.

Но в новом письме Асланова по поводу пересылки копии в Лондон, ссылаться на ту же версию о таможне и контрабандных марках было уже нельзя. Пришлось сочинить уже явно вздорное утверждение о том, что «... Международный почтамт не предоставляет услуг по переотправке корреспонденции». Как будто почте не все равно, посылает ли отправитель в запечатанном конверте оригинал письма или копию. Почта может заботиться лишь о правильности адреса и наличия достаточного количества марок. А я оплатил марками максимально возможный тариф.

Были в этом деле и другие интересные детали. Мои заказные письма первой серии отправлялись 17-18 декабря. Обратно в институт их вернули 31 декабря, причем вернули, как мне стало известно из беседы в спецотделе, не почтой, а нарочным под расписку Начальника этого отдела. На втором письме Асланова тоже стояли на первом месте адрес и имя Начальника Первого отдела. Откуда его имя вообще было известно в Международном почтамте? Во второй раз письмо к проф. К. опять пролежало где-то две недели, прежде чем его вернули по тому же адресу, хотя это была всего лишь копия. Куда делись не заказные, а простые авиаписьма? Их, очевидно, просто уничтожили.

Главный просчет цензуры в этих действиях состоял в том, что они, конечно, решили, что Институт медицинской радиологии в Обнинске относится к режимным, закрытым учреждениям. Их, по-видимому, ввело в заблуждение слово «радиология», трудно было подумать, что работы по радиации вдруг не засекречены. Может быть к мысли о режимности института приучило их и то, что остальная почта института следовала всегда с формами 103м. Если бы эти предположения были бы верными, то как сотрудник секретного учреждения нарушал известную цензуре инструкцию о порядке пере-

писки с иностранцами, распространяющуюся на исполнителей секретных работ. Возвращение моих писем в спецотдел цензура и рассматривала как донос о таких нарушениях. Какое мне по той же инструкции грозило наказание, служебное или уголовное, я не знаю, может быть, подписывая свое письмо, видел он меня уже в камере следственной тюрьмы.

Но, к счастью, наш институт вполне открытый и даже с международным статусом. Приезжают к нам и иностранцы и не только на экскурсию, но и для работы в лабораториях. Правда это бывает весьма редко. Поэтому никакого «состава преступления» в моих почтовых операциях не было, мои внеслужебные занятия не подлежали посягательствам со стороны разных «спецотделов». Этого и не учли сотрудники «черного кабинета». Я представляю себе их удивление, когда, выпустив по Медведеву столь мощный залп его же собственными письмами, они через несколько дней наткнулись в разбираемой почте на все те же копии письма к проф. Л., посланные в США в необычном оформлении.

10

МЕСТЬ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА»

Лицемерный цинизм, с которым были вскрыты и направлены «Первым» отделом мои письма, меня очень возмутил. Я платил почте по высшему тарифу за услуги, а она не только уничтожала мои письма, это казалось ей недостаточным, не только делала на их основе доносы в органы тайной слежки, но и попыталась нанести мне очевидный ущерб по служебной линии. В тот же день, когда я вернулся после беседы с тов. Шевалдиным домой, я подготовил еще 2 копии письма к проф. Л. и 13 февраля вечером поехал в Москву, чтобы отправить их из Главпочтамта. У меня был один оригинальный план.

На Почтамте есть два стенда, где продают художественные конверты и открытки всех типов. Некоторые любители коллекционируют не только марки, но и конверты, и почта СССР печатает теперь конверты с различными портретами, эмблемами, картинками и т д., оставляя для адреса очень немного места. Другие страны таких разрисованных конвертов не выпускают, так как это затрудняет быструю сортировку писем. Приехав на почтамт, я быстро нашел то, что искал. В конце 1967 г. Министерство связи СССР выпустило специальный конверт, посвященный 50-летнему юбилею органов государственной безопасности и к нему особый вкладыш с той же эмблемой, на случай, если граждане СССР захотят поздравить друг друга со столь знаменательной и радостной датой. К удивлению почтового ведомства такая идея пришла в голову немногим, и конверты с эмблемой органов государственной безопасности раскупались не слишком быстро. Эта эмблема коричневого цвета изображала щит и меч. К рукоятке меча была прикреплена красная звезда, а на щите белыми буквами

было написано: «50 лет ВЧК-КГБ». (Между этими сокращениями тире подразумевало, как известно, еще несколько названий — ОГПУ, НКВД, МГБ). Меч рассекал внизу какое-то растение с ягодами, по-видимому, ядовитыми.

Кроме этих конвертов с вкладышами, почта СССР к этой же дате выпустила юбилейную марку с той же эмблемой. Я купил таких конвертов и марок. Затем я вложил в конверты копии писем, наклеил нужное количество марок с изображением эмблемы и отправил эти письма заказной почтой. В сопроводительной записке на вкладышах я написал каждому из адресатов (проф. Л. и К.), что это копия письма, которое несколько раз пропадало. Теперь я высылаю его в особом конверте и с особыми марками, выпущенными в честь 50-летия органов государственной безопасности.

> «Я полагаю, — писал я, — что посланное в таком конверте письмо, наконец-то будет под защитой закона о сохранении тайны переписки. Если же и на этот раз оно пропадет и не достигнет Вас, то это будет означать, что, отпраздновав свое пятидесятилетие, КГБ сделало и почту своим цензурным отделением по проверке мыслей и действий советских граждан».

Отправив письма, я на следующий день спокойно занялся текущей работой в лаборатории. Прошло несколько дней. 19 февраля днем, когда я уже собирался удалиться из кабинета на обеденный перерыв, вдруг зазвонил телефон. Секретарша директора сообщила мне, что меня вызывают к директору института и за мной выслана личная машина директора (Административный корпус в соответствии с каким-то непродуманным проектом был построен, вместе с клиниками, в нескольких километрах от экспериментального сектора и поэтому общаться с администрацией, бухгалтерией и прочими службами сотни сотрудников экспериментального сектора могут лишь с помощью 30-минутных экскурсий на переполненных автобусах). Через не-

сколько минут к подъезду лабораторного корпуса № 2 подъехала знакомая «Волга» и впервые за 6 лет работы в институте я совершал рейс из экспериментального сектора в административный корпус в комфортабельных условиях. Зачем меня вызвал директор, я не имел ни малейшего представления, но впервые оказанная мне честь и необычайная вежливость и предупредительность создавали самые лучшие предчувствия. Незадолго перед этим я подал заявление с просьбой разрешить мне поездку в Чехословакию в марте 1969 г. по приглашению Директора Музея Г. Менделя в Брно, и я подумал, что по этому заявлению может быть принято положительное решение.

Секретарша директора, обычно надменная и грубоватая даже в общении с пожилыми профессорами, с готовностью вскочила при моем появлении и любезно с улыбкой открыла обитую дорогой кожей массивную дверь, ведущую в длинный, как у министра, кабинет директора института. Войдя, я сразу почувствовал, что попал в «ловушку». Директор института, только что приступивший к обязанностям после долгой болезни, был мрачен и официален, а за длинным столом заседаний сидела группа людей, состав которой не предвещал ничего хорошего. Директор жестом предложил мне сесть. Справа от меня сидел В. П. Балуда, заместитель директора по экспериментальному сектору. Он же был в это время секретарем партийной организации. Дальше от В. П. Балуды сидел проф. К. С. Шадурский, заведующий отделом фармакологии и член Бюро горкома КПСС. Еще дальше сидел Начальник Первого Отдела А. М. Шевалдин. Напротив меня сидел незнакомый мне человек, явно не ученый, но, по-видимому, хозяин положения, так как только перед ним лежала какая-то папка с документами.

— Мы пригласили вас, — сказал после некоторого периода молчания директор института Г. А. Зедгенидзе, — чтобы серьезно поговорить о некоторых ваших по-

ступках и прежде всего в вашей странной переписке с иностранцами.

Извинившись, я сразу перебил его и объяснил, что никогда не пишу личных, частных писем в служебное время и не отправляю их через канцелярию института. Поэтому у меня нет поводов для обсуждения этого вопроса с администрацией института. Меня, в свою очередь, перебил сидевший напротив незнакомый человек. — Да, но таможенные органы, заподозрив в некоторых ваших письмах марки, случайно вскрыли их, и мы, познакомившись с содержанием вашей переписки, не можем оставить этого без последствий.

— Вы ведь писали капиталистам, — подал голос Начальник Первого отдела, — а они могли взять и напечатать ваши письма в своих буржуазных газетах.

— Извините, — сказал я, обращаясь к неизвестному и стараясь соблюдать спокойствие, — но кто вы такой и почему вы читаете письма, которые совсем не вам написаны, ведь за это можно по Уголовному Кодексу получить до 6 месяцев принудительных работ?

— Перед вами работник горкома партии, товарищ Копылов, — ответил за него директор.

В этот момент позвонил телефон. Директор, извинившись, снял трубку, а затем вышел в приемную поговорить по параллельному телефону, чтобы не посвящать всех нас в содержание разговора. Пока он отсутсвовал и все, поджидая его, молчали, я вспомнил кто такой Копылов. Небольшой человек с профессионально въедливым взглядом, сидевший напротив меня, занимал в Обнинске пост Заведующего Идеологическим отделом горкома КПСС.

Мне было известно несколько историй о его бурной идеологической деятельности по «нормализации» положения среди ученых и интеллигенции г. Обнинска. В результате этой деятельности незаметно кончила свои дни Обнинская команда КВН, когда-то прославившая наш город телевизионной победой над командой города

Дубна. Тихо умирал традиционный еженедельный «День ученых», так как после снятия симпатизировавшей организаторам «Дня» заведующей Домом культуры все приглашения для выступлений на «Дне ученых» подлежали теперь утверждению на Бюро горкома КПСС. Даже центральное лекционное Бюро Московского дома литераторов получило по ходатайству Обнинского горкома серьезный выговор за то, что выдало путевку на лекцию в Обнинске известному писателю В. А. Каверину, лекция которого произвела на работников горкома отрицательное впечатление. Но наибольшую известность С. Н. Копылов получил благодаря созданному им «персональному делу» против редактора местной газеты, способного журналиста М. Лохвицкого. За время своей работы на этом посту М. Лохвицкий сделал местную газету действительно интересной. Сын Лохвицкого, учившийся в 9-м классе, в сочинении на тему «А. С. Пушкин и его время», поддавшись непонятным веяниям, написал примерно следующее:

> «... Способы расправы с инакомыслящими и литераторами во времена Пушкина были такими же как и сейчас. Это были доносы, клевета, тайная слежка. Но тогда все же было проще, можно было вызвать своего противника на дуэль ...»

Жена Копылова, работавшая учительницей в этой школе, услышав в учительском разговоре об этой фразе, рассказала обо всем мужу. Копылов сразу начал идеологическое расследование, с вызовом учителей не сообщивших своевременно о таком антисоветском сочинении. Отец юноши был обвинен в неправильном идейном воспитании сына, припомнили ему и симпатии к некоторым «либеральным» физикам. С формулировкой «за потерю партийной бдительности» он был выведен из состава пленума горкома КПСС, исключен из партии и уволен с работы. Из Обнинска ему пришлось уехать. С женой Копылова коллеги по школе перестали здороваться, и ее перевели в другую школу. Итак,

передо мной сидел профессиональный любитель «персональных дел». Он вызвал меня на политическую дуэль и пригласил своих секундантов.

Директор вскоре вернулся, но тут же сразу в кабинет вошел его заместитель по клиническому сектору с двумя врачами и сообщил нам, что по графику Г. А. Зедгенидзе нужно обязательно пройти очередную медицинскую процедуру и нарушать режим они не могут, тем более, что вскоре начнется партийное собрание. Поскольку директор действительно только что выздоровел после сложного перелома ноги, то Копылову пришлось согласиться с потерей одного секунданта. Г. А. Зедгенидзе удалился, избежав, таким образом, интересного собеседования. Ведение заседания взял на себя С. Н. Копылов. Сначала он всячески стремился обсуждать содержание моих писем, выяснить подробно кто такие проф. Л., К. и Ж., где и как я с ними познакомился, откуда они знают русский язык и т. д. Но поскольку беседа в этом направлении не давала «комиссии» необходимого для протокола материала и натыкалась на мое серьезное отношение к статьям самой демократической советской конституции, то разговору неожиданно был придан совсем другой, общеполитический оборот.

— Как вы относитесь к событиям в Чехословакии? — спросил вдруг Копылов.

— Там происходили разные события, — ответил я, — к одним я отношусь положительно, других не одобряю.

— Не старайтесь быть наивным человеком. Нас интересует ваше отношение к интернациональной акции социалистических стран и введению союзных войск Варшавского договора для помощи чехословацкому народу.

— Я полагаю, что свое мнение по этому вопросу мне не обязательно высказывать среди людей, которых я не знаю достаточно хорошо, — ответил я.

Копылов тогда начал энергично развивать свой тезис,

который уже несколько раз публиковался в местной газете «Вперед». Суть его сводилась к тому, что руководитель научного коллектива должен быть не только научным руководителем, но и идейно-политическим. (В результате проведения этого тезиса в жизнь в Обнинске уже были уволены или понижены в должности несколько заведующих лабораториями). После этого он уже как официальный представитель горкома попросил меня разъяснить свое отношение к «интернациональной акции» социалистических стран, оказавших братскую помощь народам Чехословакии.

Тогда я ответил, что своих взглядов никому не навязываю, но и не боюсь их высказать тем, кто ими серьезно интересуется. Если мои собеседники очень хотят их узнать, то я могу удостоверить, что считаю помощь чехословацкому народу необходимой, но не одобряю тот способ, которым она была оказана. Введение войск без всякого предупреждения на территорию суверенной страны я считаю весьма рискованной ошибкой.

Этим я, конечно, сразу дал заседанию «комиссии» богатую пищу для разговоров.

— Вы не одобряете политики Партии и Правительства!

— Вы не понимаете, что такое интернациональный долг.

— Вас не интересует судьба чехословацкого народа, которому угрожала агрессия со стороны неонацистской Германии. — и т. д.

Когда эта тема была исчерпана (а в бумажке, лежавшей перед Копыловым было еще немало пунктов), проф. Шадурский перешел вдруг на темы прошлой дискуссии в области генетики, вспомнил о моей неопубликованной работе по истории этой дискуссии, когда-то ходившей по рукам. — Ведь надо признаться, — отметил фармаколог, — что это была дешевая, лживая работа, она намеренно сгущала краски, стремилась

подорвать доверие к советскому общественному строю.

Я напомнил Шадурскому, что в свое время он иначе относился к этой работе, защищал ее и дважды просил ее у меня прочитать, один раз для себя, другой раз для сына-студента.

Разговор перешел на отказ от издания этой работы в СССР и возможность появления ее перевода в США. Судя по всему, «комиссия» была в курсе не только тех моих писем, которые были перехвачены в последнее время. Я разъяснил им свою позицию в этом деле. Она сводилась к тому, что если какие-то черновые, еще не совсем законченные варианты той или иной работы, научной, публицистической или литературной стихийно и независимо от автора распространяются и попадают часто за границу по разным каналам, то права авторов по отношению к незаконному использованию этих работ должны защищаться государством, участвующим в международных конвенциях по защите авторских прав. Все государства это делают. Но СССР почему-то отказывается вступать в соглашения и конвенции о международной защите авторских прав. Поэтому советским авторам, которым угрожает «пиратское» издание не авторизованных рукописей различными бульварными или антисоветскими издательствами, наживающимися на контрабандной спекуляции чужими работами, следует использовать индивидуальные средства защиты, единственно им доступные. Наиболее нормальную защиту дает заключение правового договора с серьезным издательством. Такой договор автоматически лишает все другие издательства возможности публиковать работу контрабандным путем. Мне также угрожала провокация со стороны антисоветского журнала, добывшего где-то старый вариант работы, возможно со множеством искажений, а Издательство Академии Наук, в которое я передал рукопись, еще в 1965 г. и которое имело более 50 положительных отзывов и решение специальной комиссии, рекомендовавшей работу для издания, не делало ничего, чтобы защитить мои права и отказывалось

заключать договор. Поэтому мне и пришлось согласиться с доводами своих зарубежных друзей, предлагавших противопоставить что-то серьезное готовившейся провокации антисоветского журнала. В результате этого, я снял многолетнее «вето» на издание научного варианта этой работы за рубежом.

Этот подход к проблеме вызвал снова бурную реакцию моих собеседников, которые считали, что в любой ситуации, связанной с международными аспектами, нужно всегда обращаться за помощью к государственным и партийным органам, а не развивать самостоятельную деятельность.

Время шло, пора было заканчивать заседание, но меня еще не распросили по многим, заранее запланированным вопросам. Копылов прервал правовую дискуссию, сверился с бумажкой и начал задавать новые вопросы:

— На чем основаны ваши взаимоотношения с писателем Солженицыным?

— Знакомы ли вы с Павлом Литвиновым? — с Гинзбургом и Галансковым?

— Ваше отношение к Павлинчуку?

— Какие общественно-политические издания вы выписываете?

— Участвуете ли вы в политических семинарах?

— Почему плохо воспитываете своего сына? — и т. д.

Не интересовала «комиссию» лишь моя научная работа в институте и работа лаборатории.

Беседа продолжалась почти три часа, но директор так и не вернулся с медицинской процедуры.

На следующий день работа в лаборатории шла, как обычно. Мы провели инъекцию меченого радиоактивным тритием уридина группе животных, чтобы затем изучать синтез рибонуклеиновых кислот в ядрах контрольных и облученных животных, и готовились к взятию у них проб крови. Но тут меня опять вызвали по телефону. — Товарищ Медведев, — сообщала секре-

тарша директора, — не уходите, пожалуйста, из лаборатории, к вам выехал курьер из дирекции.

Через несколько минут к лабораторному корпусу подъехала все та же директорская «Волга». Девушка, развозившая по отделам различные приказы, обычно всегда приезжала в служебном автобусе. На этот раз у нее было какое-то сверхсрочное дело и ей предоставили директорскую машину.

Увидев меня в лаборатории, она с облегчением вздохнула.

— Жорес Александрович, вас просили познакомиться с приказом директора и расписаться в его получении, — сказала она, раскрывая папку.

Приказ был кратким. На основании каких-то параграфов положения о конкурсах и какого-то приказа Министерства здравоохранения об упорядочении количественного состава лабораторий «... освободить Ж. А. Медведева от должности заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии. Штатный состав и материальное оборудование лаборатории молекулярной радиобиологии передать в лабораторию радиационной генетики ...»

Приказ был совершенно неожиданным и незаконным. Хотя я расписался *в получении* приказа, но сам листочек с приказом курьер отказалась мне оставить, хотя это полагалось по правилам. Я стал настаивать, чтобы показать копию хотя бы заведующему лабораторией генетики, которому вдруг без его согласия зачисляли мой «штатный состав» и передавали все оборудование. Но девушка-курьер сказала, что ее просили обязательно привезти приказ обратно. Приказ был датирован 19 февраля, то есть его составили сразу после заседания «комиссии». По-видимому, формулировки приказа не вполне соответствовали кодексу законов о труде и в последующем предполагалось его как-то отредактировать.

После «комиссии» я допускал, что меня могут понизить в должности, перевести в старшие сотрудники. Я

был готов и к тому, что на мою должность объявят конкурс и постараются не избрать меня на новый срок, выдав плохую в политическом отношении характеристику. В Обнинске уже больше года шла «чистка» научных учреждений от «политически незрелых» ученых, и уже до меня в разных институтах уволили около 15 научных работников, хотя они и не вели международной переписки. Моего друга, физика Валерия Павлинчука в конце 1967 г. уволили из физико-энергетического института за чтение неизданных рукописей. Но его увольняли более гуманно, в связи с лишением «допуска к секретным работам». Понимая, однако, что жить совсем без работы трудно, его не просто увольняли на улицу, а переводили бухгалтером в жилотдел. Администрация понимала, что физик-теоретик может справиться и с бухгалтерскими обязанностями. Столь же гуманно поступили и с другим моим другом — заведующим лабораторией дозиметрии излучений в физико-химическом институте. Его тоже лишили «допуска» за похвальные отзывы о творчестве писателя Солженицына, участие в организации выступления В. А. Каверина и за активное участие в похоронах Валерия Павлинчука (он умер летом 1968 г. от воспаления легких, осложненного нефритом). Но его опять-таки не просто уволили на улицу, а зачислили переводом на должность инженера по сантехнике в жилищно-коммунальном отделе. Администрация не без оснований полагала, что кандидат химических наук вполне может разобраться и в проблемах канализации и водопроводства. Но созданную им лабораторию не закрыли, а назначили нового временного заведующего. И это было правильно. Ведь лаборатории создаются много лет для определенной цели и не на личные, а на государственные средства.

Мою же лабораторию, как следовало из приказа, вообще закрывали, хотя она, по существу, была еще только недавно создана и не успела окупить научной

продукцией вложенных в оборудование больших государственных средств. И лаборатория и ее проблематика были предусмотрены в структуре института задолго до того, как я стал в нем работать, тематика лаборатории входила в проблему, записанную в т. н. «Государственный народно-хозяйственный план». Решение о ликвидации лаборатории было нелепым, оно наносило ущерб уже не Ж. Медведеву, а делу, ради которого создавался в Обнинске огромный радиологический и радиобиологический комплекс. Даже без нового конкурса, здесь же в институте можно было найти временного заведующего, которого затем можно было бы избрать и по конкурсу. Ведь только по балансу института оборудование лаборатории оценивалось в несколько сотен тысяч рублей. Это ведь только Копылову для работы нужен лишь телефон и письменный стол.

Мне была непонятна и формулировка приказа. В ней все противоречило законам о труде. Для увольнения нужен какой-то повод. Научного работника можно уволить если он не избран по конкурсу, но конкурс на мою должность не объявлялся, а срок прежнего еще не истек. Можно уволить «по сокращению штатов», но в феврале сокращений штатов обычно не бывает, да и институт все еще не достроен и штаты каждый год прибавляют. Можно уволить в связи с лишением «допуска», но это только в закрытых учреждениях с секретной тематикой. Увольнять с работы по политическим и религиозным мотивам Кодекс законов о труде (КЗоТ) не разрешает, так как это противоречит и международным конвенциям о труде, которые СССР ратифицировал. Советские законы, чтобы не было произвола, разрешают увольнение сотрудников лишь по какой-нибудь определенной статье КЗоТ и при условиях, предусмотренных этим сводом законов.

Все эти своды законов есть в отделе кадров. Но приказ в отношении меня писался 19 февраля, очевидно сразу, как только я покинул кабинет директора. Заглядывать в КЗоТ было некогда. Почему так торопились

остается неизвестным. Может быть уже 19 февраля нужно было куда-то сообщить о том, что меры приняты, Медведев уволен. Может быть даже в «черный кабинет», или связанные с ним более светлые кабинеты. Потом уж отдел кадров подберет нужные статьи закона. Так оно и случилось. Я еще занимался описью и передачей оборудования в лаборатории генетики и не успел зайти в отдел кадров для того, чтобы выяснить точные мотивы увольнения, как получил по почте из отдела кадров института оцененный в 10 рублей пакет с сургучной печатью. В нем мне прислали мою «Трудовую книжку», не дожидаясь, когда я, сдав дела, приду сам за ней. В ней в разделе, связанном с моей деятельностью в Обнинске, после нескольких благодарностей «за добросоветсный труд» стояла запись: «*Уволен, как несоответствующий занимаемой должности*» (Приказ по институту № 71 от 19.02.1969 г.).

В библиотеке я взял КЗоТ и нашел там эту удобную и емкую статью. Однако ни один из критериев для применения этой статьи не подходил к моему случаю. Да и если бы и подходил, то и в этом случае увольнение оставалось незаконным. Дело в том, что для определения «соответствия должности», занимаемой в научных учреждениях по конкурсу, необходимо решение Ученого Совета. Закон был логичным. Раз ученый избирается на должность по конкурсу в результате рассмотрения его достоинств Ученым Советом, то и его недостатки должны быть рассмотрены Ученым Советом. Поскольку директор института не имеет права зачислять научных работников без конкурса и решения Ученого Совета, он не имеет права и увольнять их без конкурса и решения Ученого Совета, за исключением, конечно, тех случаев, когда сотрудник увольняется «по собственному желанию». Меня на должность заведующего лабораторией тоже избрал Ученый Совет и избрал единогласно. Это избрание было утверждено специальным решением Президиума Академии медицинских наук. Чтобы мое увольнение считалось законным тре-

бовалось новое решение Ученого Совета и новое решение Президиума АМН СССР. Только этим коллегиальным органам было дано законом право определять «соответствие должности» заведующего лабораторией. Это закрывало дорогу произвола и гарантировало интересы государства, выделяющего значительные средства для финансирования определенных работ. Это создавало стабильность и правопорядок и страховало бюджетные ассигнования от потерь в результате произвола, эгоизма и личных конфликтов. Законодатель все же понимал, что нужная стране наука зависит в первую очередь от ученых, а не от сотрудников горкома или парткомиссий. Ученых нужно, конечно, воспитывать, но вложенный в них капитал следует беречь. Это был разумный подход. Закон был на моей стороне и я чувствовал, что смогу быстро добиться восстановления на работе, во всяком случае до тех пор, пока «штатный состав» и «материальное оборудование» останутся на местах.

11

ЗАКОН И ПРАВО ПРОТИВ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА». ПЕРВЫЙ ЭТАП

Когда я закончил передачу оборудования и «штатного состава», была уже середина марта. Я специально затягивал, несмотря на давление сверху, этот процесс, для того, чтобы распорядиться ресурсами лаборатории наиболее разумно. Оборудования было много и передавать его только в лабораторию генетики было нелепо, большая часть приборов не имела для генетиков никакой ценности. «Штатный состав» тоже не подходил по тематике к лаборатории генетики, да и над самой этой лабораторией, возглавлявшейся проф. Тимофеевым-Ресовским, ученым мирового класса, нависла опасность разгрома, было известно, что Калужский обком и обнинский горком усиленно рекомендовали дирекции института и АМН СССР уволить Тимофеева-Ресовского на «заслуженную» им пенсию. Перегружать лабораторию генетики моим «штатным составом» было нецелесообразно. Поэтому я постарался распределить «штатный состав» между несколькими другими лабораториями близкого профиля (биофизики, биохимии, генетики, радиобиологии), с тем, чтобы каждый сотрудник мог сохранить свою тему и не прерывать экспериментальной работы. Соответственно между этими лабораториями распределялось и оборудование, а наиболее сложные приборы перешли в общее пользование всего лабораторного корпуса. Но мы все же неофициально договорились не разрушать сложившейся системы оборудованных помещений, по крайней мере, месяца три. За это время я надеялся восстановиться на работе, добившись отмены незаконного приказа.

Но сохранить лабораторию в неприкосновенности даже столь короткий срок оказалось трудной задачей.

Три комнаты, оборудованные для химических исследований были сразу отданы соседям снизу, хотя химических анализов у них не было. Обнаружив, что сотрудники продолжают работу на своих прежних рабочих местах, заместитель директора В. П. Балуда приказал им срочно перебазироваться в те этажи и корпуса, где находились их новые начальники.

Через три или четыре дня после упомянутого выше приказа о ликвидации моей лаборатории в институте было созвано закрытое партийное собрание. На повестке дня, судя по объявлению, был лишь один вопрос: «Идейный уровень научного работника». Докладчиком на эту тему был объявлен С. Н. Копылов. Можно было предполагать, что он скажет на этом собрании несколько слов и обо мне.

Как я потом узнал, обо мне говорилось в его докладе не несколько слов, а значительно больше. При этом Копылов уже изложил историю переписки Медведева с иностранцами совсем иначе, чем это было на самом деле. Он рассказал и о содержании писем, вернее изложил свое понимание их содержания, но отказался зачитать текст письма, когда его кто-то из присутствовавших попросил об этом. Чтобы все же прикрыть деятельность «черного кабинета» Копылов заявил, что Медведев пересылал в письмах запрещенные таможенными правилами марки и это дало основание таможне вскрыть эти письма. Но, *кроме марок* там были вложены и письма. Таможня, конечно, не читала писем, но поскольку эти письма *были написаны на служебных бланках института* и имели вид официальной служебной переписки, поэтому письма и возвратили в институтскую администрацию, а не отправителю. Так, благодаря контрабандному обмену марками и незаконному использованию сугубо служебных бланков и удалось случайно познакомиться с перепиской Ж. Медведева. А о чем же он писал в своей «служебной» переписке на бланках дирекции института? Все, конечно, слушали,

затаив дыхание. Заведующий лабораторией, занимающийся контрабандой, прикрываемой служебными бланками, с попутным стремлением под видом переписки с «друзьями» совершить идеологическую диверсию. Совсем как в детективном романе.

Отработав репертуар, Копылов этот же доклад прочитал и в других институтах и учреждениях города. При этом он дополнял его разными другими фантастическими подробностями. Где-то он сказал, что я послал за границу рукопись книги своего брата, а на собрании работников парка культуры и отдыха, совместно с работниками предприятий службы быта, он обвинил меня в попытках «реабилитации Сталина» и, рассказывая об увольнении Медведева, сообщал, что Ученый Совет института забаллотировал его на выборах за плохую научную работу.

Чтобы помешать всем этим слухам и клевете, я решил разослать своим коллегам точную копию моего письма проф. Л. Тайна переписки все равно была нарушена, так уж пусть все знают точный текст этого письма, а не его искаженное изложение в публичных выступлениях Копылова. С имевшейся у меня машинописной копии я перепечатал для начала 7 экземпляров, точно воспроизводя даже расположение текста, чтобы было видно, что это письмо не могло быть написано на бланках института, у которых гриф института занимает верхнюю часть листа. К копии письма проф. Л. я приложил свой сопроводительный текст, в котором объяснял, что это точная (по всем параметрам) копия моего перехваченного письма, что оно не было написано на бланках администрации института, не содержало вложенных в конверт почтовых марок для обмена, и, как видно из текста, имело действительно сугубо личный и конфиденциальный характер. Цель же всей лжи, распространявшейся об этой переписке на партийном собрании, как отмечал я в сопроводительном письме, достаточно ясна. Во-первых, она нужна, чтобы как-то оправдать нарушение

тайны переписки, охраняемой Конституцией и законами СССР. Во-вторых, чрезмерные обвинения, особенно в области «связей с иностранцами», всегда успокаивают совесть тех коллег, которым все же нужен какой-то подходящий предлог, чтобы не предпринимать мер для защиты своего товарища по работе.

(Отвлекаясь от темы, следует отметить, что подобный *«метод диффамации»*, по-видимому, серьезно разработан и преподается на каких-нибудь особых совещаниях, как очень удобный способ хотя бы временного «охлаждения» сторонников на собраниях и заседаниях. Слишком уж он часто применяется. В 1962 г. на одно расширенное заседание, собранное для обсуждения и осуждения моей работы по истории генетической дискуссии в Тимирязевской сельскохозяйственной Академии, пришло много ученых, подготовившихся защищать эту работу. Однако, услышав из вводного сообщения директора академии Г. Лоза о том, что по имеющимся у него сведениям из *некоторых* источников, Ж. А. Медведев пытался тайно опубликовать эту работу в *подпольной типографии* в Киеве, защитники этой работы остались безмолвными, а некоторые даже выступили с критикой. Второй случай подобной диффамации носит более серьезный характер. Когда в 1963 г. на заседании Государственного Комитета по Ленинским премиям стало очевидно, что наибольшие шансы получить премию по художественной литературе имеет повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», член Комитета, тогдашний Секретарь ЦК ВЛКСМ Павлов выступил с заявлением о том, что по имеющимся у него сведениям А. И. Солженицын отбывал наказаные за уголовное преступление и не реабилитирован, что он был в плену и т. д. Этим он обеспечил отрицательное голосование. Когда же спустя короткий срок другой член Комитета А. Т. Твардовский, достав точные документы, показал, что все это *ложь*, что А. Солженицын был боевым офицером Советской армии до своего незакон-

ного ареста в 1944 г., что он полностью реабилитирован, то Павлов охотно принес извинения. Но главная цель диффамации была уже достигнута.)

Свое «опровержение» (первые 7 экземпляров) я разослал по почте ряду заведующих лабораториями нашего института, прежде всего тем, кого считал достаточно объективными и честными учеными. Таких ученых было в нашем институте, конечно, не 7 человек, и я предполагал в ближайшее время продолжить рассылку этих материалов уже не в форме машинописных копий, а в виде более достоверной фотокопии самого первого оригинала, который я, еще в декабре, перед отправкой по почте переснял в свою архивную фильмотеку. (После того, как стали известны случаи уничтожения и конфискации архивов некоторых лиц, я считаю целесообразным микрофильмировать документы своего научного архива, чтобы не оказаться при подобной же ситуации в беспомощном положении).

Но уже на следующий день, после отправки предыдущей партии писем, я понял, что мой план борьбы с дезинформацией рухнул. Пять из 7 моих писем были сразу же сданы в партийный комитет или директору. Директор института и секретарь парткома, подозревая, что писем было больше, начали вызывать всех заведующих лабораториями и руководителей групп и требовать от них выдачи писем Медведева. Большинство не получало от меня писем, но их упорно просили и уговаривали сдать письма, «ради их же собственных интересов». На очередном партийном собрании резкой критике подвергся сотрудник, член КПСС, который по его словам *уничтожил,* а не сдал в партком мое письмо. Получив вечером мое письмо, он не стал дожидать начала следующего рабочего дня, а сразу же позвонил на квартиру директора института, сообщил об этом письме, и немедленно лично отнес его на квартиру директора и оттуда же позвонил Медведеву и отругал его за подобные письма. Насколько я помню этот телефонный

разговор, он в форме заявления, очень громко сообщил, что не доверяет мне, не сочувствует и не одобряет моих действий с самого начала. После этого он сразу повесил трубку, чтобы не выслушивать моих возможных аргументов. Поскольку у этого коллеги предвиделась длительная служебная поездка в Австрию, то я вполне понимал причины его столь быстрой реакции. А ведь до этой перспективы (которая так и не осуществилась) он был совсем другим человеком.

Было ясно, что расчитывать в Обнинске на поддержку «общественности» мне не приходится. Оставалось расчитывать только на поддержку закона. Закон в правовом государстве — это единственная действительная и абсолютная гарантия справедливости.

Следить за строгим соблюдением законов в СССР, согласно Конституции, должна Прокуратура. Прокурор, в случае нарушения должностными лицами законов СССР и, в частности, законов о труде, может давать необходимые указания администрации. При нежелании администрации подчиниться указаниям, сделанным в порядке «прокурорского надзора», прокурор может передать дело в служебные органы, и решению народного суда по трудовым конфликтам любой администратор обязан безусловно подчиняться.

Прокурору г. Обнинска, старшему советнику юстиции Ф. Я. Митрофанову, я написал очень подробное заявление, указав на незаконный характер моего неожиданного увольнения с должности, которая, согласно нормам закона, занимается и освобождается строго по конкурсу. Я отметил незаконный характер «комиссии», после заседания которой меня немедленно уволили. «Комиссия», как я указал, заседала практически в отсутствие директора института и возглавлялась лицом, которое в институте не работает и не обладает вообще административными полномочиями. О назначении и функциях «комиссии» меня не уведомляли и она вообще, по-видимому, не имела официального статуса. На заседании

«комиссии» не присутствовал мой непосредственный начальник-заведующий отделом, в который входила моя лаборатория и вопросы научной работы, выполнения плана и т. д. «комиссию» не интересовали. Решать «ссответствие должности» такая комиссия не имела никакого права. Сам приказ об увольнении не был ничем мотивирован. Поскольку ни один из пунктов КЗоТ об основаниях для увольнения не был даже выдвинут в приказе и процедура увольнения нарушала законодательство о порядке зачисления и увольнения лиц на конкурсные должности, то я просил прокурора дать указание о восстановлении меня на научной работе, а в случае отказа администрации института сделать это, возбудить судебное дело о незаконном увольнении.

Через несколько дней меня вызвали в Прокуратуру. Помощник прокурора вежливо сообщил, что они очень внимательно ознакомились с моим заявлением, но, к сожалению, не имеют возможности вмешаться в это дело. Оказывается, кроме *Кодекса Законов о Труде,* есть еще т. н. *«Комментарий к Кодексу Законов о Труде».* Этот «Комментарий» является систематическим разъяснением Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР о том, как, при каких условиях и в каких пределах возможно применение той или иной статьи закона. Этот «Комментарий», как я увидел при беглом просмотре, являлся, по существу, параллельным более подробным сводом законов, он был разбит на параграфы к статьям закона и эти параграфы могли использоваться как самостоятельные дополнения к законам, значительно расширяя при необходимости сферу их применения. Согласно этому «Комментарию» (Раздел 5, Статься 47, §90), увольнения могли обжаловаться через Прокуратуру или суд лишь в том случае, если они относились к рядовым работникам. Увольнение *руководящих* работников не подлежало обжалованию в суде и могло быть опротестовано лишь в восходящем административном порядке. Всякие «заведующие», «началь-

ники», «руководители» были лишены судебно-прокурорской защиты и это, как я понял, вполне естественно в обществе с бюрократической централизацией всех систем управления.

Получив в Прокуратуре разъяснения, я незамедлительно написал протест по поводу незаконного увольнения Президенту Академии медицинских наук СССР академику В. Д. Тимакову. В. Д. Тимакова я лично знал, когда он еще не был президентом Академии. Он был по специальности микробиологом с генетическим и биохимическим уклоном и в совсем недавнее время активно поддерживал мою книгу по истории генетической дискуссии. Я полагал поэтому, что он постарается мне помочь.

В заявлении президенту АМН СССР я отмечал те данные своей научной квалификации и научной работы в Обнинске, которые давали право считать себя «соответствующим должности», на которую я был избран в 1965 г. после трех лет работы в качестве старшего научного сотрудника формировавшейся под моим руководством лаборатории. Это избрание было утверждено Президиумом АМН СССР и очередной срок для переизбрания наступал лишь в мае 1970 г. Я отмечал также, что разрушение только что созданной лаборатории несомненно вредит делу, прекращает начатые исследования и что поспешность, с которой все это было сделано была совершенно неоправданной. В заключение я просил Президента АМН СССР принять меры к восстановлению меня на научной работе, хотя бы в должности старшего сотрудника, поскольку ликвидация лаборатории была уже свершившимся фактом.

Ровно через месяц я получил ответ из Президиума АМН СССР. Письмо на бланке АМН СССР от 22 мая 1969 г. (№ 13-16/17) гласило: (неправильные падежи и окончания слов в письме — это ошибки составителя)

Уважаемый тов. Медведев!

Президиум Академии медицинских наук СССР не имеет оснований для отмены решения дирекции Института медицинской радиологии АМН СССР о Вашем увольнении по п. «в» ст. 47 КЗоТ. При рассмотрении данного вопроса институт руководствовался параграфом 36 Комментариев к законодательству о труде (Москва, 1966), гласящий «при решении вопроса об увольнении по непригодности работников, деятельность которых связана с выполнением педагогических и культурно-воспитательных функций, с работой по подбору и подготовке кадров, должна учитываться не только квалификация и трудоспособность этих работников, но также их моральный облик, поведение в коллективе и в быту» (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 29/XII-1962 г.).

И. о. Главного Ученого Секретаря
Президиума АМН СССР,
академик АМН СССР
А. Снежневский

Опять та же ситуация. Я ссылался на закон, а меня били Комментарием к закону. Но Комментарий этот в свою очередь требовал комментариев. Мое поведение в коллективе и в быту не было омрачено никакими конфликтами. Несколько лет подряд мне в Институте медицинской радиологии был доверен общественностью пост Председателя товарищеского суда и я сам разбирал в коллективе случаи конфликтов и т. н. мелких преступлений (кражи спирта, прогулы и т. д.). Следовательно меня уволили, согласно разъяснению А. Снежневского, за *«моральный облик»*. Но что это такое в правовом отношении? На этот счет ведь тоже нужны комментарии Верховного суда. Моральных принципов много, они разнообразны и какой из них нужно нарушить, чтобы уже не быть достойным для «педагогических и культурно-воспитательных функций» и для работы, связанной с «подбором и подготовкой кадров»? Ведь мораль — это понятие субъективное. Бывает например христианская, религиозная мораль, и, между прочим, именно эта мораль, несмотря на повсеместное

распространение атеизма, служит попрежнему эталоном «морального уровня». Если Верховный суд РСФСР имел в виду именно евангельские и библейские моральные прописи, то мое увольнение было явно незаконно. Но ведь есть и другая мораль. Есть мораль обывательская, мораль мещанская, мораль преступная, военная мораль, революционная мораль. Существует и постоянно цитируется разбитый на тезисы т. н. «Моральный Кодекс строителя коммунизма», изложенный в Программе КПСС, заимствующий в основном общераспространенные религиозные моральные принципы. Мораль, как ее определяют толковые словари, — это нечто касающееся принципов плохого и хорошего, способность отличать плохое от хорошего. Верховный суд РСФСР разрешил увольнять специалистов, учителей, профессоров, начальников, директоров, ученых за их «моральный облик», независимо от квалификации и деловых качеств. Но он не установил на каком уровне между «низким» и «высоким» моральным обликом уже можно уволить человека по «несоответствию должности». Этот сложный вопрос он разрешил решать «комиссиям» с Копыловым во главе. Но может быть в этих комиссиях заседают люди с низким моральным уровнем? Может быть тот, что спрашивает обзавел у себя в лаборатории любовницу? Может рядом с ним сидит антисемит и доносчик, энергично и радикально боровшийся с «космополитизмом» в 1951-52 гг., присмиревший на много лет после того, как выжившие жертвы его доносов вышли из тюрьмы в 1953 г.? Может еще дальше сидит один из начальников режима в спецлагерях, снявший после 1955 г. свою военную форму? Может передо мною сидит циник, не имеющий никаких моральных принципов? Да и сам громадный в 100 квадратных метров кабинет, отделанный с восточной роскошью за государственный счет — это соответствует моральным критериям Верховного суда РСФСР? А вот там за шторой потайная дверь ведет в еще один «конфиденциальный» кабинет с ванной, санузлом, массажной комнатой и прочими

приспособлениями для личного отдыха владельца кабинета. И все это отделано, как у персидского шаха. Это может быть тоже соответствует моральному кодексу строителя коммунизма? Каждому по потребностям, от каждого по способностям. Ванна и массаж, конечно, улучшают настроение руководящего работника в средине его насыщенного рабочего дня.

«Кто из вас без греха? Пусть первый бросит в нее камень!», — сказал как-то, судя по библейской легенде, Христос, — и все вокруг него не двигались. Их мораль не была безупречной. Но те, кто собрались в этом персидском кабинете вокруг меня, не поколебались забросать меня камнями. Может быть, и они не были безгрешны, но им было заранее гарантировано отпущение грехов, и Верховный суд РСФСР снисходительно смотрел на их «моральный уровень». Ведь и сам Верховный суд, выдавший через свои различные коллегии *миллионы* справок о посмертных реабилитациях «за отсутствием состава преступления», тоже ведь не всегда строго стоял на страже закона и постепенно устанавливать в стране правовые принципы — нелегкий процесс. Во всяком случае, он еще не дошел до той стадии, когда я мог бы надеяться на восстановление на работе в Обнинске. Нужно было искать другой выход из создавшегося положения.

Я решил быстро завершить подготовку нескольких ранее начатых обзоров, публикация которых обеспечивала определенные гонорары в близком будущем. Но этот план очень быстро выявил свою нереальность. В конце мая я получил письмо из Издательства «Медицина». Главный редактор этого издательства, Г. Островерхов писал:

> «Издательство «Медицина» сообщает, что при повторном рассмотрении плана издания сборника «Молекулярные и функциональные основы онтогенеза» признано целесообразным провести его сокращение за

счет ряда материалов, в том числе и Вашей статьи «Морфогенез и старение гемоглобин синтезирующих систем».

Я поехал в издательство узнать в чем дело. Ведь сборник был уже в производстве. Моя статья, имевшая обзорно-теоретический характер, была написана по заказу самого издательства и по официальной просьбе Главного редактора сборника. Но в издательстве я узнал еще более печальные новости. Была удалена и другая моя статья из советско-польского руководства по генетике, тоже находившегося уже в производстве. Эта статья, называвшаяся «Генетика старения», была не самостоятельной, а представляла 25-ую главу руководства и была связана с другими главами. Ее изъятие нарушало логическую структуру руководства и требовало изменений в остальной части книги. Эта глава также была написана по заказу издательства и на основе договора, который теперь нарушался в одностороннем порядке.

Причины этого произвола оставались непонятными, но один из сотрудников издательства, увольнявшийся на пенсию по случаю 70-летия, оказался более смелым, чем другие. Он вывел меня в коридор и объяснил, что, хотя подробности о причинах изъятия моих статей ему неизвестны, но он слышал, что это связано с моей перепиской с иностранцами.

«Черный кабинет» уже дотянулся и сюда.

Я поехал в Издательство «Мир», чтобы заключить договор о каком-нибудь научном переводе. Это дало бы мне, при хорошей книге, полезное занятие и передышку на полгода. Когда-то увольнявшиеся с работы после 1948 г. генетики и биологи выкручивались с помощью переводов. Проф. Д. А. Сабинин, уволенный из Московского Университета, не имея возможности устроиться на работу, прежде чем покончить жизнь самоубийством, сделал переводы двух прекрасных книг по физиологии растений. Хотя заведующим редакцией биологической

литературы этого издательства, специально созданного для публикации переводов с иностранных языков, был тогда лысенковец И. Глущенко, обеспечивать план переводов он мог только с помощью специалистов, знающих и предмет и иностранные языки. Проф. А. А. Баев перевел для этого издательства в 1948 г. замечательную книгу «Динамическая биохимия», изданную в 1949 г. Однако на титульном листе не была указана фамилия переводчика, а лишь фамилия редактора перевода, акад. В. А. Энгельгардта. В то время это было понятно. А. А. Баев находился в заключении, но лагерная администрация позволила ему сделать этот перевод и воспользоваться гонораром. Издательство тоже знало, что переводчик — заключенный, и поэтому не поставило его имя на титульном листе книги.

В издательстве меня приняли хорошо, сведения о моем увольнении сюда еще не достигли и я не стал их об этом информировать. Около двух лет назад я редактировал для этого издательства перевод книги Дж. Боннера «Молекулярная биология развития», и поэтому моя способность сделать перевод новой книги не вызывала у них сомнений. Мне был предложен список книг из плана переводов, на которые еще не было договоров, и я с радостью увидел в нем книгу проф. Маркерта (США) по генетике развития. Проблема соответствовала моим интересам и проф. Маркерт был мне известен. Оригинал книги издательством не был еще получен, только ее реклама, но я взялся быстро достать и оригинал, попросив его у самого автора, и сотрудников издательства это очень устраивало; валютные лимиты для выписки книг из-за рубежа были и у них ограничены. Мы обо всем договорились и я уехал домой в бодром настроении. Но уже на следующий день вечером сотрудник издательства, узнавший где-то мой обнинский телефон, позвонил мне по междугородней связи и аннулировал заказ под предлогом, что он, якобы, уже раньше был обещан другому. Я выразил готовность взяться за перевод еще какой-нибудь книги из плана

издательства. «Пожалуйста, — был ответ, мы всегда рады сотрудничать с вами, но для заключения договора по нашим новым правилам необходимо представить справку с места работы с указанием занимаемой должности».

И здесь уже «черный кабинет» наложил свое «вето».

В одном биологическом журнале, узнав о моих неприятностях, пообещали: «Не беспокойтесь, мы вас обеспечим работой. Вам будут направлять статьи для внутренних рецензий и внештатного редактирования». Мы подробно обсудили эту возможность, определили круг тем, лежащих в пределах моих профессиональных возможностей и согласовали все с редактором журнала. Но ни одна статья из этого журнала ко мне так и не поступила.

Я стал наводить справки о возможности сотрудничества с институтом научной и технической информации. Этот институт издает множество реферативных журналов, в частности, по биологии и биохимии. Для этой работы им всегда нужны внештатные референты, знающие иностранные языки. В пятидесятых годах я активно сотрудничал в реферативном журнале по биохимии. Но в 1969 г. и этот источник был закрыт для безработных научных работников. Для получения внештатной реферативной работы и сюда нужно было представить справку с постоянного места работы, с указанием должности.

Как-то в этот период ко мне подсел в библиотеке знакомый сотрудник биологического отдела в одном научно-популярном журнале. Он уже знал о ситуации и думал как мне помочь. «Не могли бы вы написать для нас серию небольших статей о новинках науки. Правда, как вы понимаете, они пойдут без подписей или под псевдонимом. Но гонорар вы получите». Я поблагодарил его, но от подпольной научно-популярной работы отказался. Условия были слишком сложными, ибо «псевдоним» должен был принадлежать реальному лицу, кото-

рое получало бы гонорар и передавало бы его мне. Если «черный кабинет» узнает про такое «соглашение», мой добровольный «псевдонимодаритель» может быть тоже будет уволен с работы.

Рука «черного кабинета» чувствовалась повсюду.

Но, помимо этих чисто житейских проблем, оставалась нерешенной другая, изначальная. Как все же обеспечить получение профессором Л. копии моего письма от 17 декабря 1968 г. и пропавшего еще в августе 1968 г. письма под № 34? Посланные в юбилейном конверте с эмблемой ВЧК-КГБ заказные письма опять не достигли адресатов. Нужно было придумать что-либо еще, чтобы миновать заслоны «черного кабинета».

Как работает цензура поступающих по почте иностранных и печатных изданий я уже тогда понимал. Но на основе каких принципов работает цензура писем частной переписки было не совсем ясно. Письма с текстами данного характера пропадают независимо от числа отправленных копий, адресата, отправителя и способа отправки. Это объективно доказывает цензуру *всех* международных писем, а не выборочную проверку, которую я раньше считал более вероятной. Но почему же тогда, судя по опыту филателистов, не пропадают *все* письма с вложением коллекционных марок, а лишь ничтожное их меньшинство. Ведь высылка марок в международных письмах считается контрабандой и действительно легально запрещена таможенными правилами. Как раз в декабре 1968 г., когда я столкнулся с «черным кабинетом», один мой коллега высылал серию конвертов с марками в качестве «Новогоднего подарка» своим друзьям-филателистам. Все эти письма свободно прошли через систему контроля, хотя были простыми и даже без обратного адреса; их изъятие не приносило бы почте никаких беспокойств и рекламаций. Неужели эти письма не вскрывались?

Единственное предположение, которое можно было сделать, состояло в том, что «черный кабинет», — это

действительно только *цензура* писем. Он не подменяет функций таможни и его не интересуют мелкие контрабандисты, которые советской идеологии не угрожают, которые не подходят под понятие «идеологической диверсии». Таможенный контроль не имеет полномочий проверять все письма тотально — его сфера это бандероли и посылки. Письма он проверяет выборочно, некоторые, отобранные по каким-то особым таможенным признакам. Но может быть «черный кабинет» умышленно не обращает внимания на марки, ведь мог бы он переправлять такие письма в таможню уже вскрытыми. Известны ведь «черному кабинету» таможенные правила. Но он все же не помогает таможне, хотя служат они одному государству. Дело, по-видимому, в том, что таможня — открытое законное учреждение. Конфискуя письма с марками для коллекционного обмена, таможня ведь должна составлять акты и уведомлять об этом отправителей. Иначе конфискованное отправление все равно должно считаться «пропавшим» и за него придется платить высокую компенсацию. Число же филателистов очень большое и если каждое письмо с марками актировать, то всем станет ясно, что вскрываются и проверяются все письма. А это не входит, согласно международным конвенциям, в функции таможни. Почте тогда совсем перестанут доверять, а это подорвет и основы «черного кабинета», ценность информации, получаемой методом перлюстрации.

Но абсолютной достоверности тотального контроля международных писем все-таки не было и после пропажи моих 8 писем. Может быть все три моих адресата входили в какие-то списки для избирательной проверки. Может быть проверка имеет все же избирательный характер, но списки, подлежащие проверке имен, очень большие и все мои постоянные адресаты уже в них занесены.

Во многих странах сортировка писем проводится сейчас особыми электронными машинами, т. н. «компюте-

рами», специализированными производными электронных вычислительных машин. Вся британская почта «компютизирована», и на эту тему уже есть несколько кинокомедий. «Компютерная» сортировка писем основана на создании машин, способных читать адреса или, что для машин намного проще, особые пяти-шестизначные цифровые или буквенные коды адресов. Соединенные Штаты Америки разбиты сейчас на 100.000 почтовых зон, и у каждой зоны свой код (60208, 21126 и т. д.), который указывается после названия штата. В Великобритании введены смешанные буквенно-цифровые коды, каждый для одного определенного почтового отделения. Сортировку писем по кодам ведут автоматы.

Известно, что СССР отстает от технического прогресса в деле сортировки писем. Судя по ряду публикаций в журнале «Вестник связи», сортировка писем в СССР во многих случаях ведется пока вручную, но на крупных узлах связи уже широко внедряются полуавтоматы. О техническом застое в сортировке писем говорит статья в «Литературной газете» «Меченые атомы» (4 февраля 1970 г.). Но ведь «черный кабинет» мог приобрести для себя и импортный почтовый «компютер». Если машина может «читать» номера, ее память можно заставить читать и имена. Можно вводить в ее программу имена лиц, вызывающих интерес «черного кабинета». Если внести в машинную память *Ж. А. Медведева*, то и его постоянных корреспондентов тоже могли ввести в машинную память. Идет обработанная Международным почтамтом почта в такую машину и здесь электронная память сортирует ее по категориям. Из главного выхода по транспортеру сходит поток писем, не внушающих подозрений отправителей и адресатов. Шкивочек поменьше выносит письма, требующие проверки. Он по особому туннелю вводит их в «черный кабинет». Значит в моих неудачах виновата, возможно, машина и ее я должен как-то перехитрить. Я должен так оформить конверт, чтобы он попал в основной поток, а не на выход в «черный кабинет». Но даже если

технический прогресс в «черном кабинете» не достиг еще такого прогресса и инструкции требуют проверки *всей* частной международной корреспонденции, то и в этом случае какие-то могут быть возможности пробиться через этот плотный заслон. Ведь работает здесь много людей, у них разные вкусы, разные потребности, разные взгляды на жизнь, неодинаковая психология. Есть, наконец, просто очень ленивые цензоры, которые все же должны как-то выполнить свою дневную норму. Может через такого письмо имеет шанс проскочить и без проверки. Может быть не все цензоры одинаково черные, может быть есть среди них серые, просто смуглые, еще молодые, недостаточно испорченные своей противозаконной, аморальной деятельностью, которую нужно скрывать даже от близких людей. Может быть в этом высоко оплачиваемом ремесле попадаются люди, имеющие какие-то остатки совести, которым опротивел их грязный труд?

Но, может быть, все это иллюзии? За много лет уже произошел отбор подходящих кадров, которым нравится их разнообразная работа. Они каждый день с волнением и радостью берут в руки уже вскрытый технической службой конверт и с наслаждением садиста чувствуют в своей власти незадачливого отправителя, какого-нибудь своенравного интеллектуала, поверившего во Всемирную Декларацию прав человека. А может быть и зарплата секретным чиновникам «черного кабинета» идет сдельно-прогрессивно-премиальная, зависящая не только от числа проверенных, но и от числа задержанных писем? Но в любых случаях пробиться через эти ворота можно было лишь увеличивая число ударов, подавая в них мяч с разных углов, с разного расстояния, с разной силой. Какой-нибудь из ударов и приведет мяч в сетку. В конце февраля я стал проверять эту гипотезу, сначала на более «легком» письме № 34, которое «пропало» раньше только 2 раза. Я подготовил 7 копий этого письма на русском языке и 7 копий на английском. Они были напечатаны на

листочках тонкой почтовой бумаги. Письма на русском языке были напечатаны на бумаге советского производства, письма, написанные по-английски — на импортной бумаге. Каждый экземпляр письма умещался на одном листке бумаги. Затем я стал отправлять это письмо коллегам, включив в группу адресатов, кроме проф. Л., К. и Ж., еще двух английских друзей З. и Х. Один из них был физик, другой биолог. Переписка с ними началась лишь недавно и в ней не было ранее пропаж писем. Письма отправлялись в разных вариантах. Были применены следующие способы разнообразить отправку писем, в какой-то мере учитывающие неоднократные указания Фридриха Энгельса, дававшиеся им Карлу Марксу и обеспечивавшие им возможность обмена информацией. Некоторые из методов классиков научного коммунизма я уже цитировал. К ним можно добавить еще ряд из письма Энгельса Марксу 27 октября 1852 г. (Соч. т. 28, стр. 137-138, Изд. 2, Москва, 1962 г.):

> «...Но адреса, в частности, на письмах, отправляемых по почте, пусть пишут попеременно различными почерками, и пакеты, посылаемые через экспедиционную контору, должны сдаваться не одним и тем же отправителем и не в одном и том же месте...»

Имея в виду указание В. И. Ленина, что «марксизм — это не догма, а руководство к действию», я постарался развить эту классическую схему и применил следующие варианты.

Во-первых, письма отправлялись не только с разных почт, но и из разных городов.

Во-вторых, в разное время на протяжении всего марта.

В-третьих, разными классами почтового сервиса (заказные с уведомлением, просто заказные, простые авиа, авиа-экспресс). Я допускал, что простые авиаписьма могут просматриваться более поверхностно, так как они не регистрируются и ответственность за них меньше.

В-четвертых, письма, как отмечалось, были написаны

на двух языках, чтобы двигаться через разные по языкам отделы цензуры.

В-пятых, адреса на письмах были оформлены по-разному, напечатаны на машинке, написаны от руки разными почерками и варьировали по характеру. На некоторых конвертах не было указано ни имени адресата, ни имени и обратного адреса отправителя. Адрес был просто служебный: Кафедра генетики или Лаборатория физики такого-то университета. Иногда обратный адрес был указан, но в Москву, до востребования и подпись на английском языке совсем неразборчивая, что-то вроде смеси букв М и Ж. В самом письме, тоже с такой же неразборчивой подписью и написанном от руки не было обычного в английской переписке официального обращения с полным титулом. Я обращался к своему адресату фамильярно, как к близкому другу, называя его по имени, притом сокращенному, вроде: Дорогой Дейв, или Дорогой Боб! При этом я полагал, что мои коллеги, бывшие руководителями этих лабораторий или кафедр, получив письма, по содержанию несомненно поймут кто автор письма.

В-шестых, одно письмо было послано в специальном конверте для международных поздравлений с 8-марта и с особым вкладышем для поздравления женщин с этим днем. Этот вкладыш содержал поздравление жене проф. Л. и был послан на ее домашний адрес. Но в нем было дополнительно и письмо № 34 для ее мужа.

В-седьмых, я применял еще одну хитрость. Два «английских» письма я отправил в конвертах немецкого производства с немецкой наклейкой «Мит Люфтпост», то есть авиапочтой. Они были посланы в разное время из почтового отделения при гостинице «Националь». Это почтовое отделение (№ 600) обслуживает иностранных туристов. Я допускал, что письма иностранцев попадают в какое-то особое отделение «черного кабинета».

В-восьмых, два письма были «под филателиста». Они отправлялись в конвертах с серийными космическими

марками и со «спецгашением», которое проводится в Москве в «День Космонавтики» 11 апреля каждого года. Конверт с таким гашением — это ценный филателистический сувенир и в день космонавтики на почтамтах выстраиваются длинные очереди любителей для проведения такого гашения. В этот день только в Москве отправляются за границу тысячи подобных филателистических конвертов с небольшими записками для видимости. Каждый филателист гасит спецпечатью десятки конвертов. В этом потоке были и мои письма.

С рядом подобных вариаций в течение марта-апреля были посланы разным адресатам и еще 12 копий ранее «пропавшего» письма проф. Л. от 17 декабря. Всего за два месяца было послано 26 экземпляров этих двух писем. Кроме них была у меня, конечно, и другая текущая переписка, проходившая нормальным путем, без всяких тонкостей.

К маю мне стало ясно, что все 26 копий этой «горячей» серии, по-видимому, «пропали». Ни уведомлений, ни подтверждений о получении я не имел, хотя по другой переписке и из Англии и из США были уведомления о вручении. Дальнейших попыток отправить по почте указанные два письма проф. Л. я уже не осуществлял. Тратить деньги, которые начислялись на баланс «черного кабинета», не имело больше смысла.

В конце концов, подумал я, почтовая цензура — это, несомненно, отделение Главлита. И если она мешает мне установить какой-то контроль за проникновением за рубеж сведений о каком-то беспокоящем Главлит произведении, если она не доверяет, чтобы мои надежные друзья узнали определенную, необходимую для такого контроля минимальную сумму сведений, то это недоверие делает Главлит и его почтовые отделения ответственными за все возможные последствия. Заниматься почтовым разбоем на путях открытой, легальной переписки легко, но предотвратить кражу рукописей, ставшую повальным бедствием для советских

авторов, Главлит не может. Защитить права советских авторов за рубежом от пиратских изданий, от коммерческого грабежа Главлит тоже не может. Для этого нужно признать международные конвенции об авторских правах, но Главлит не хочет расширения и законного оформления реальных *прав авторов*. Главлит не за права, Главлит за бесправие, Главлит не за закон, Главлит сам по многим своим функциям над законом и вне закона. Но может быть я все же не прав, может быть СССР все же строгое правовое государство и Конституция СССР обязательна для исполнения любой государственной службой. Это можно было легко проверить. В моем случае нарушение законов об охране тайны переписки было налицо. И не только о нарушении *тайны* переписки. Помимо пренебрежения к тайне переписки, почта прибегала к прямому шантажу, сообщая сведения о переписке не только в тайные органы наблюдения, но и на службу, в горком, в дирекцию, для их публичного обсуждения. Почта наносила и материальный ущерб отправителю, уничтожая *оплаченные* по высшему разряду письма. Все это создавало полную возможность обратиться с заявлениями в Прокуратуру и в суд, в органы *независимой* юридической системы, стоящей, согласно Конституции, на страже законов социалистической страны.

Мой дальнейший план был прост. Многие из пропавших писем последней серии были заказными. По ним я должен был подать в Центральное бюро рекламаций Международного почтамта заявления с приложением квитанций. Если расследование не покажет вручения писем адресатам, Бюро рекламаций обязано официально известить адресата о пропаже писем и выплатить за них денежную компенсацию, по 7 рублей 35 коп. за каждое заказное письмо, плюс почтовые издержки отправителя. За все письма, пропавшие с осени 1968 г., мне должны были выплатить около 200 рублей. Безработный не мог игнорировать такую сумму. Кроме того, это помогло бы мне воспользоваться услугами про-

фессионального адвоката, чтобы возбудить затем дело о нарушении тайны переписки, пользуясь имевшимися у меня на этот счет неопровержимыми доказательствами, которые «черный кабинет» довольно легко предоставил в мое распоряжение.

Ранее, в конце 1968 г. и в январе 1969 г., я уже направлял в Международный почтамт ряд рекламаций по поводу розыска пропавших писем. Ответа на эти рекламации не было. На мою жалобу по поводу задержки расследований, направленную в Министерство связи СССР, я получил в феврале следующее письмо из Международного почтамта (от 5 февраля 1969 г. № 298/вх. 118/3):

Обнинск, Калужской области А/Я. 25,
гр. Медведеву Ж. А.

По Вашим заявлениям проводится проверка. О результатах будет сообщено дополнительно.

Зам. начальника Международного почтамта
(Б. Ястребов)

Но после этого никаких дополнительных сообщений не последовало. В начале мая 1969 г. я подготовил заявления в Центральное бюро рекламаций о судьбе 14 заказных писем, из которых 7 было с уведомлениями о вручении. В заявлениях указывались даты и даже часы отправления каждого письма, номер почты, номера квитанций, адреса получателей и отправителя. Иногда это были безымянные адреса, кафедра такая-то, абонементный ящик такой-то. К заявлениям были приложены почтовые квитанции. 14 мая я сдал эти заявления непосредственно дежурному представителю Центрального бюро рекламаций в здании Международного почтамта тов. Литвиновой. Она была крайне удивлена столь большим, первым за ее практику, числом одновременно подаваемых рекламаций. Тем не менее, она сверила, как полагается, квитанции с заявлениями, расписалась на копиях заявлений и на квитанциях и взыскала с

меня марками положенную плату за каждое заявление. Бюро рекламаций тоже не работает бесплатно. За каждое разыскиваемое письмо взимается дополнительно по 18 коп. Но за розыск заказного письма с уведомлением о вручении почта, однако, денег не взыскивает, это расследование, по правилам, проводится бесплатно.

После вручения рекламаций мне предстояло, однако, выдержать довольно большой срок, прежде чем я мог начинать следующую стадию борьбы с нарушителями советских законов. Судьба писем, указанных в рекламациях, была мне ясна, и я понимал, что Центральное бюро рекламаций будет проводить «расследование» максимально возможный срок, прежде чем признает официально, что письма «пропали». После такого официального признания пропажи писем отправитель имеет право на получение компенсации. Но максимальный возможный срок, который Международная Почтовая Конвенция 1964 г. устанавливает для розыска корреспонденции, — это 6 месяцев. Конечно, Конвенция требует, чтобы розыск корреспонденции производился в возможно более короткие сроки. Но поскольку должен быть указан и какой-то предел, если призыв о быстром расследовании не принимается во внимание, то этот предел и равен 6 месяцам. Если за этот срок судьба разыскиваемого письма не установлена, то оно все равно, согласно Конвенции, считается «пропавшим» и требует компенсации. Раз за 6 месяцев почта не смогла убедиться в факте вручения письма адресату, она должна признать его гибель и прекратить розыски. Учитывая этот срок, ожидать окончательного ответа по последней главной серии рекламаций раньше, чем к концу ноября не приходилось. Нужно было запастись терпением.

А между тем следовало подумать и об устройстве на новую работу, поскольку попытки восстановиться в Обнинске не увенчались успехом. Изучение особенностей работы почтового ведомства было, конечно, инте-

ресным занятием, но оно не вполне удовлетворяло мои научные инстинкты биохимика и, кроме того, не сопровождалось зарплатой, столь необходимой в современном обществе. Можно было бы, наверное, содержать семью на доходы от пропажи писем, 7 руб. 35 коп. за каждое пропавшее письмо могли обеспечить прожиточный минимум, даже если отправлять по одному только «пропавшему» письму в день, не злоупотребляя страховыми фондами Министерства связи СССР. Два письма в день, что совсем не сложно при наличии пишущей машинки, обеспечивали бы мне доход больший, чем на прежней должности. Но я не пошел по этому легкому пути.

Согласно существующим положениям, все должности в научных учреждениях, начиная от младшего научного сотрудника и до заведующего лабораторией, занимаются строго по конкурсу, на основе голосования ученого совета института или факультета и рекомендаций специальной конкурсной комиссии. Но одним из главных документов, обязательно представляемых на конкурс, вместе с копиями дипломов и списком печатных научных работ, является т. н. научно-общественная ХАРАКТЕРИСТИКА. Эту «характеристику» подписывают директор, секретарь парторганизации и председатель месткома того учреждения, в котором научный сотрудник работает в данный момент или работал перед участием в конкурсе на новую должность. В сравнительно недавнее время «характеристики» требовали не только для научных работников, но и для многих категорий рабочих и служащих. Но затем Совет Министров СССР специальным постановлением отменил необходимость «характеристик» для устройства на работу во всех сферах производства и обслуживания, сохранив однако значение характеристик для научных и учебных заведений.

Поскольку без характеристики вновь поступить на работу в научное учреждение было невозможно, то я обратился в отдел кадров своего бывшего института с

просьбой подготовить и оформить мне этот документ в возможно более короткие сроки. Проект характеристики был быстро составлен руководством отдела где я работал (зав. отделом, парторг отдела и профорг) и передан на подпись в дирекцию института. После этого прошел месяц, но характеристика так и не вышла из этой предварительной стадии. Я, естественно, подал новое заявление, с просьбой ускорить этот процесс.

Спустя несколько недель, уже летом, меня пригласили прийти в дирекцию. Заместитель директора, секретарь парткома и председатель месткома, поджидавшие моего появления вместе с нач. отдела кадров, проводившей меня в кабинет, вежливо осведомились, в какой институт я намереваюсь подавать документы на конкурс. — Сообщите нам адрес этого института и мы вышлем туда вашу характеристику, — сказал заместитель директора, — либо пускай они вышлют нам запрос о вашей характеристике. — Я, естественно, отказался от такой странной процедуры, объяснив им, что по закону они обязаны выдать мне *открытую* характеристику. — Нет такого закона! — прервал меня секретарь парткома, — на руки мы вам характеристику не выдадим.

Столь низкий правовой уровень руководства института меня очень удивил. По опыту нескольких ранее уволенных в других институтах ученых, я уже знал, что если администрация не торопится с выдачей характеристик, то можно обратиться к прокурору и после его санкции характеристика все же выдается. Так поступил, в частности, мой друг В., которого с должности заведующего лабораторией дозиметрии излучений перевели инженером-сантехником в жилотдел. Впрочем его характеристике нельзя было завидовать. Авторы этой характеристики, указав сначала, что тов. В. является старшим научным сотрудником и кандидатом химических наук, что он за время работы в лаборатории опубликовал более 20 научных работ в области дозиметрии излучений, переходили затем к негативной части.

«В течение последних двух лет, — писали они, — тов. В., как руководитель лаборатории и как член Совета Дома ученых совершил ряд грубых политических ошибок — игнорировал общеинститутские политические мероприятия, с похвалой отзывался о людях, протаскивающих чуждые советской действительности взгляды. Своими действиями создавал общественное мнение, противоречащее политике нашей Партии и Правительства... Учитывая указанные выше грубые политические ошибки тов. В. дирекция и общественные организации филиала ФХИ не рекомендуют допускать тов. В. к конкурсу на занятие должностей в научных учреждениях».

За всеми этими зловещими формулировками в «характеристике» тов. В. скрывались три факта: Зав. лабораторией В. не явился на собрание института, созданное для поддержки вступления советских войск на территорию Чехословакии. Он же написал в «Литературную газету» письмо с критикой статьи, осуждавшей писателя А. И. Солженицына (в июне 1968 г.). (Каким-то неизвестным путем копия этого письма попала в Обнинский горком КПСС). Он же собирал среди друзей деньги на венок умершему другу, физику Валерию Павлинчуку, незадолго до смерти уволенному с работы.

Заключительная формулировка «характеристики» тов. В., конечно, противоречила советскому законодательству о труде, запрещающему дискриминацию при приеме на работу по религиозным или политическим мотивам. Она противоречила и Международной Декларации прав научного работника, подписанной и представителями СССР*. Но кто думал об этих правовых нормах при составлении характеристики?

Вооружившись Кодексом законов о труде (КЗоТ) и книгой «Комментарий к законодательству о труде» (Изд. Юрид. лит., 1966 г.), я составил новое заявление в

*) Эта Декларация (см. журнал «Мир Науки», № 4, 1969 г.) в разделе «Выдача характеристики при перемене работы говорит, в частности, следующее: «Организация, выдающая характеристику, должна предварительно обсудить ее с научным работником лично... Этот документ не должен содержать ничего такого, что могло бы нанести ущерб научному работнику...».

дирекцию института, сославшись на соответствующие статьи и параграфы, регламентирующие вопрос о характеристиках. Одновременно я написал протесты Прокурору г. Обнинска и Президенту АМН СССР и просьбу обязать дирекцию института следовать в этом вопросе определенным правовым нормам, предусмотренным законом. На всякий случай я цитировал в этих заявлениях соответствующие положения КЗоТа и Комментариев к нему. Отмечая в «Комментариях к статье 42» необходимость характеристик для научных работников и преподавателей высших учебных заведений, законодатель четко устанавливал, что «... администрация обязана выдавать работникам открытые характеристики. Посылка «закрытых» (секретных) характеристик из одного учреждения в другое запрещается» (стр. 77).

Закон, таким образом, был на моей стороне. Это быстро подтвердила и Академия медицинских наук и не столь быстро Прокуратура г. Обнинска. Обе инстанции прислали мне ответы о том, что дирекция института получила указание о выдаче мне конкурсной характеристики. Однако руководство института попрежнему отказывалось следовать положениям КЗоТа. К моменту, когда истекал срок расследования по моим рекламациям Международному почтамту, то есть к ноябрю 1969 года, в дирекции института было уже три «указания» из Прокуратуры и два из АМН СССР, но «характеристика» все еще не была готова, и это блокировало мои возможности устроения на новую работу и уехать из Обнинска. Но это, вместе с тем, давало мне много свободного времени для исследования новой для меня сферы почтовых проблем. Так и стала рождаться книга, которую читатель видит перед собой.

Срок расследований судьбы «пропавших» писем истекал, но Центральное бюро рекламаций хранило молчание. Ни писем оттуда не поступало, ни, тем более, перевода с денежной компенсацией, предустмотренной Почтовым Уставом СССР. Пришлось поехать на Международный почтамт для разъяснений.

Меня приняли на почтамте лично начальник Центрального бюро рекламаций Кравцова и начальник эксплуатационного отдела Данин, вышедшие в общий операционный зал Почтамта. (Непосредственно в Бюро рекламаций «посторонним» вход воспрещен). В руках у Кравцовой было довольно толстое «досье» с перепиской только по моим делам. Листая бумаги этого «досье», она вежливо мне объяснила, что сразу после моих заявлений Бюро рекламаций делало запросы о судьбе моих писем почтовым администрациям США и Великобритании, но до сих пор, несмотря на напоминания, ни та, ни другая почты не прислали ответов на запросы. По ее разъяснениям получалось так, что все мои письма, судьба которых расследуется, были своевременно отправлены за границу и об этом имеются регистрационные отметки в каналах прохождения заказных постпакетов. Но дальнейшую их судьбу проследить было нельзя так как британская и американская почты полностью игнорировали усилия Бюро рекламаций. Получалось, что письма пропали где-то на территориях Англии и США.

По всему было видно, что тов. Кравцова действительно искренно верит в то, что письма пропали где-то за границей. Перед моими глазами листались в «досье» настоящие, а не поддельные бланки международных почтовых запросов Бюро рекламаций, цветные формы на двух языках. Все это не было мистификацией, все было аккуратно скреплено в последовательном порядке. Бюро рекламаций, судя по всему, действительно искало мои пропавшие письма, но не находило их.

Было очевидно, что и почтовое ведомство озабочено случившимся. Об этом говорило и письмо, полученное незадолго перед этим в ответ на мою жалобу в Министерстве связи СССР о том, что Международный почтамт слишком затянул расследование по поданным рекламациям. Это письмо от 6 октября 1969 г., подписанное Начальником отдела организации Главного почтового

управления тов. А. Смирновым, сообщало мне, что Главное управление «... дало указание Международному почтамту ускорить розыск писем, отправленных Вами за границу».

По всем почтовым отметкам Международного почтамта пропавшие письма были оформлены, как отправленные за границу. Это ведь были заказные письма и их номера были занесены в реестры постпакетов-мешков, оформленных для доставки на почтовую экспедицию аэропорта. На Международный почтамт почта собирается со всего Советского Союза и заказные письма, например, с Московского почтамта приходят сюда с реестром, в котором указаны номера писем. Собирая оформленные международные письма в мешок почты Москвы не дифференцируют их по странам. В реестры к постпакетам из серии заказных писем вносятся номера писем, независимо от того идут они в США или в Англию. Эти реестры остаются на Международном почтамте. Разборку по странам ведет Международный почтамт и на заказные письма, например в Англию, собираемые в почтовый мешок между 13 и 13-30 мин. составляется новый список-реестр, который сопровождает мешок дальше. Мои письма в этих списках почамта к мешкам с международной почтой, подготовленной к погрузке на самолет, были. В этом Международный почтамт через Бюро рекламаций убедился. Но что было с письмами дальше, Кравцова не знала. По ее уверениям, если они пропали, то пропали где-то дальше, в Англии, или на пути в Англию. Поэтому Бюро рекламаций и готовило запрос в Англию о судьбе пропавшего письма. Мне был известен случай, когда мой коллега, письмо которого в Англию не достигло адресата, подал, как и я, рекламацию и месяцев через 5 получил ответ из Бюро рекламаций. В этом ответе, та же Кравцова сообщала: «... заказное письмо № 292 от 9/XI-68 г. было утеряно при пересылке к месту назначения, о чем мы очень сожалеем». Коллеге даже выплатили за пропавшее письмо 7 руб. 35 коп. Но когда у него пропало и

второе письмо к тому же адресату, то на заявление ему уже не прислали ни объяснения, ни компенсации.

Что означает эта формула «пропало при пересылке к месту назначения»? Значит было отправлено из СССР, но не было получено в Англии. На конечном пункте советской почты в Международном почтамте есть отметка об отправке письма, но на начальном пункте приемки советской почты в Англии самого письма не оказалось. Но ведь при этом не было действия факторов «непреодолимой силы» раз уплачена компенсация.

«Утеряно при пересылке к месту назначения» — как это удобно сформулировано. Сразу вспоминаешь другую столь же удобную формулу — «Убит при попытке к бегству».

Беседа с Кравцовой и Даниным убеждала меня в одном, в том, что непосредственно контактирующие с клиентами работники Международного почтамта к пропаже писем не причастны. Мешок с международной почтой, уже сформленной к отправке, попадает в «черный кабинет» уже после прохождения через службы почтамта. Между «черным кабинетом» и почтамтом нет прямого сотрудничества, и что делается в «черном кабинете», сотрудники почтамта, по-видимому, не знают. Традиции старого «черного кабинета», отгороженного даже от официальной газетно-журнальной цензуры (это была «гласная» цензура), были сохранены.

Вход в «черный кабинет», по свидетельству С. Майского

> «...был замаскирован большим желтым шкафом, казенного типа, через который «секретные чиновники» из служебного кабинета старшего цензора проходили в «святая святых».

Международная почта в Петербургский «черный кабинет» тоже подавалась после того, как она была оформлена к отправке и заделана в общие постпакеты. Дипломатическая почта при этом, после оформления,

закрывалась в особые мешки с дополнительными посольскими замками и печатями. Но «черный кабинет» легко справлялся не только с печатями, но и с любыми замками.

> «Одно из посольств, — свидетельствует Майский, — отправляло свою почту в особом кожаном мешке с мудреным замком и за пломбой, но эти предосторожности тоже не спасали его дипломатическую корреспонденцию от перлюстрации, так как вскоре после получения первого мешка «черный кабинет» обзавелся ключем от его замка и щипцами для накладывания таких же пломб. Имелись даже запасные веревки, несколько своеобразные, на случай нужды в них».

Конечно, Международный почтамт в Москве в наше время не создавал для «черного кабинета» таких проблем, но «черный кабинет» там создавал проблемы для почтамта, не удовлетворяясь только перлюстрацией писем. Изъятие писем было новым этапом в многовековой истории «черных кабинетов», но теория и практика объяснений пропаж не была достаточно разработана и моя настойчивость создавала новую проблему.

ЗАКОН И ПРАВО ПРОТИВ «ЧЕРНОГО КАБИНЕТА». ВТОРОЙ ЭТАП

В конце ноября 1969 г. я понял, что пропали еще два моих письма к проф. Л. в США, отправленные с уведомлениями о вручении в сентябре. Эти письма не имели никакого отношения к проблемам, обсуждавшимся в ранее пропавших письмах и их пропажа была неожиданной, так как с мая 1969 г. все мои письма очень быстро поступали адресатам и я сам получал письма из-за рубежа с необыкновенной четкостью и быстротой. Мне уже начинало казаться, что «черный кабинет» испытывает искреннее раскаяние о том, что произошло с моей перепиской, и теперь старается загладить вину, обрабатывая мои письма вне очереди. И вот опять пропажа сразу двух писем к одному и тому же адресату. Естественно, что я сразу же написал рекламации, указав при этом, что я все еще жду ответов на ранее поданные заявления. В начале января 1970 г. на эти рекламации пришел следующий ответ от Кравцовой.

тов. Медведеву Ж. А.

По Вашему заявлению от 28/XI относительно розыска заказных писем № 716 и № 903 просим Вас зайти к Начальнику Международного почтамта тов. Асланову Б. И. с 9 до 17 час. ежедневно (кроме субботы и воскресенья) в удобное для Вас время.

И ни слова по существу старых и новых заявлений.

Поэтому, прежде чем вступать в беседу с Аслановым, я направил ему официальное заявление, в котором, ссылаясь на существующие правила о материальной ответственности почты за судьбу международной корреспонденции и предельные сроки для расследования

по поданным рекламациям, просил уплатить мне компенсацию за письма, пропавшие в период с декабря 1968 г. по апрель 1969 г. При этом я приложил к заявлению список и номера писем и указал на даты подачи рекламаций. В ответ на это заявление я получил письмо от Кравцовой, в котором говорилось «Вторично прошу Вас для окончательного решения вопроса по Вашим заявлениям зайти к Начальнику Международного почтамта т. Асланову Б. К....»

Выражение *«окончательного решения»* меня несколько насторожило и я решил идти к Асланову не один, а с юристом, тем более, что мой конфликт с почтамтом достиг той стадии, когда дело уже следовало в форме иска передавать в суд. И в этом мне могла потребоваться квалифицированная юридическая помощь, так как ранее я никогда в жизни с исками в суд не обращался. Однако найти юриста, который бы взялся за мое дело, оказалось совсем нелегко. Я побывал в четырех крупных московских юридических консультациях, но никто из работавших в них адвокатов не согласился взяться за подготовку иска к Международному почтамту и проведение его в суде. Обычно они ссылались на занятость или полное отсутствие опыта и знаний в почтовом законодательстве. Судя по первому впечатлению, судебных дел с почтамтом никто в Москве ранее не вел. Не получив квалифицированной юридической помощи, я все же попросил своего друга В. пойти со мной на эту ответственную беседу с Аслановым, где мне пообещали «окончательное решение». Я просто хотел иметь хотя бы свидетеля этой беседы.

3 февраля 1970 г., согласовав по телефону визит на 16 часов, и предупредив еще нескольких друзей о том, что мы отправились за «окончательным решением», В. и я приехали на Международный почтамт на Комсомольской площади. Представительница Бюро рекламаций выписала нам пропуски и провела в кабинет Начальника Почтамта, расположенный на верхнем

этаже. Проходя по лестнице, я обратил внимание, что небольшое современное здание Международного почтамта фактически пристроено к длиннейшему, метров на 100, корпусу, проникающему на запрещенную, закрытую часть территории Ленинградского вокзала. Этот корпус был служебной частью Международного почтамта.

В кабинете Начальника почтамта меня поджидали пять человек. Двоих я уже знал — это были Кравцова и Данин. Сам Асланов оказался кавказского вида мужчиной, лет 50. Он представил мне своего заместителя, Малкова и еще одну женщину. Приветствовали они меня довольно радушно, как близкого знакомого.

Однако, В. Асланов неожиданно обратил внимание на то, что я вошел не один. — А вы кто такой? — не слишком вежливо обратился Асланов к моему другу.

Я объяснил, что пригласил коллегу, так как у него тоже есть ряд вопросов к Международному почтамту и мне хотелось бы, чтобы он принял участие в беседе.

— Я приглашал только вас, а не вашего коллегу, — возмутился Асланов. — С вашим коллегой нам беседовать не о чем. Я попрошу вас выйти, товарищ, — обратился Асланов к моему другу, — и подождать в приемной.

Мой план иметь свидетеля рухнул. Я остался один против пяти. Беседа сначала носила спокойный характер. Перед Аслановым лежало мое толстое «досье». Он мне, как и раньше Кравцова, объяснил, что все мои письма Международный почтамт своевременно отправил за границу, но почему они не дошли до адресатов пока неизвестно, так как ни американская, ни британская почты до сих пор не ответили на запросы Международного почтамта. — Вот можете познакомиться с копиями наших запросов, отправленных за границу после ваших рекламаций. И он передал мне пачку заполненных бланков.

Бланки желто-зеленого цвета, судя по всему, действительно были копиями запросов по моим рекламациям. В

стандартные формы были впечатаны даты и номера моих писем и адреса на английском языке. Все было в порядке. Но среди бланков я с удивлением увидел и запросы по письмам, которые сам же Асланов с сопроводительными инструкциями вернул в спецчасть Института медицинской радиологии. Бюро рекламаций и их искало в Англии и в США.

Я осторожно напомнил Асланову об этом, сославшись на тот факт, что он был столь любезен, что прислал мне тогда копию своего сопроводительного письма в спецчасть, с просьбой разъяснить мне правила переписки.
— Ведь эти-то письма не отправлялись за границу, — отметил я, — я их собственными глазами видел вскрытыми. Почему же по ним тоже есть бланки международных запросов? Может быть такая же мистификация возможна и по другим отправлениям?

И тут вежливой беседе пришел конец. Асланов стал грубо кричать на меня и ему по очереди поддакивали его подчиненные.

— Что вы намекаете на цензуру. Никакой цензуры нет. Мы работники советского учреждения, а вы нас оскорбляете. Вы знаете, что таможня имеет право вскрывать не только посылки и бандероли, но и письма, если есть основания подозревать в них недозволенные вложения или материалы, наносящие ущерб государству.

— Но что же такое было в моих письмах, что бы нарушало таможенные правила и наносило ущерб государству? — спросил я.

Этот вопрос вызвал некоторую растерянность присутствующих. Ответа у них не было. Ни Асланов, ни другие совершенно очевидно не знали содержания моей переписки, хотя именно Асланов возвращал их в Первый отдел. Предо мной были все же «гласные» работники почты, а не «черного кабинета». Они моих писем не читали, для них существовала тайна переписки. Но они

прикрывали нарушения тайны переписки какой-то другой службой, не делившейся с ними своими секретами. Они посылали запросы за границу, подписывали письма в Первые отделы, но тайны «черного кабинета» были тайнами и для них. Запросы за границу Бюро рекламаций несомненно тоже проходили через фильтры «черного кабинета» и за рубеж посылались только те, которые не относились к перехваченным письмам. Не раскрывать же перед зарубежными коллегами своих акций по ликвидации некоторых писем.

В беседу вмешался заместитель Асланова — Малков.

— Почему вы все время говорите о пропаже писем? Вы докажите нам, что ваши письма пропали.

Я ответил, что расследованиями и доказательствами занимается Бюро рекламаций по сути своих функций. Уведомления о вручении ко мне не вернулись; адресаты сообщили, что они моих писем не получили. Для меня этого достаточно, чтобы предъявить рекламации.

— Это не объективные доказательства. Ваш адресат может быть просто не хочет вам отвечать, — предположил Малков, — поэтому он и пишет, что письмо не получил. Уведомление ведь может и пропасть, оно ведь следует, как простое письмо и нигде не регистрируется. Да вы если и получили его, можете говорить, что его не было, доказать обратное мы не можем. Для нас объективным доказательством пропажи письма является сообщение об этом заграничной почты. По вашим письмам мы таких сообщений пока не получили.

(Здесь Малков невольно объяснил мне, почему в СССР не принимают для отправки за границу заказные письма с *заказными* уведомлениями о вручении. Во внутренней переписке можно отправить заказное письмо с заказным же уведомлением о вручении. Международные почтовые правила и Конвенции предусматривают возможность заказных уведомлений и в международной переписке. Но почтовые правила СССР в этом пункте расходятся с Конвенцией и разрешают только простые уведомления.)

Я напомнил Малкову статьи 42 и 43 Всемирной почтовой Конвенции 1964 г., которые считают возможным признание пропажи письма в том случае, если действительная судьба письма не была установлена в течение 6 месяцев после подачи отправителем заявления в Бюро рекламаций. При этом, согласно Конвенции, Администрация подачи письма имеет право выплатить отправителю компенсацию за счет той из других администраций, участвовавших в перевозке почты, которая, получив в установленном порядке заявление, не разрешила вопрос в течение 5 месяцев. Это напоминание более или менее точно воспроизводило действительный текст Конвенции. — Следовательно, отметил я, — вы можете уплатить мне возмещение в советской валюте, взыскав соответствующие суммы с британской и американской почтовых служб, которые просрочили допустимые сроки расследования, после получения ваших запросов.

Тут вдруг вскочил со своего стула Данин — Начальник эксплуатационного отдела. — Вы что решили обогащаться за счет советского государства, — почти закричал он, — ничего у вас не выйдет! Никаких денег вы не получите! Вы же видите, — обратился он к своим коллегам, — это одна кампания с Цукерманом. У него и фразы точно такие же, как и у Цукермана.

— Извините меня, — прервал я столь горячий порыв, — но я не знаю никакого Цукермана.

— Оставьте пожалуйста, — вмешался Асланов, — мы все видим, что с Цукерманом вы заодно. Только и у него ничего не выйдет. Он нам так уже надоел, что мы скоро ему по суду предъявим иск за все расходы, которые почтамт понес из-за его кляуз. Он с нами по всем судам судился, но все равно ничего не высудил. Теперь же мы сами предъявим иск, а потом и вам предъявим, и вы оплатите по суду все наши расходы по вашим рекламациям. Вы думаете, что нам все эти расследования дешево стоили. Из-за вас с Цукерманом мы с марта меняем всю систему оформления уходящей

с почтамта за границу почты. Раньше мы в списках, сопровождавших мешки с заказными письмами, указывали все номера этих писем. Теперь этого больше не будет. Американцы будут принимать от нас заказную почту только по числу отправлений, а не по нумерам отправлений. Мешок, в нем 100 писем и все. А номера они потом сами, если захотят, будут включать в свои реестры.

Мне сразу стало ясно, в чем состоит хитрость новой системы. До сих пор почтамт, готовя почту, например, в США, составлял реестр на каждую партию. Процедура заполнения таких реестров указана в Международных почтовых правилах. В реестрах, кроме направления доставки, указывался номер каждого заказного письма. Реестры заказных писем шли за границу вместе с постпакетами и оставались в Международном почтамте США в качестве документа, по которому, в случае необходимости, можно было проверить поступление письма. Но ведь мешки с почтой из Международного почтамта не сразу грузились в самолет, а поступали в «черный кабинет» на проверку. Если бы дело проверкой и ограничивалось, то все было бы в порядке. Но «черный кабинет» незаконно перехватывал некоторые письма, в том числе и заказные. Переписывать реестры из-за этого было слишком сложно, да и на самом почтамте была копия прежнего списка. Поэтому из реестра, по-видимому, просто вычеркивали номер изъятого письма и он в таком виде сопровождал мешок с почтой за границу. Иностранцы при небольшой сообразительности сразу видели какое письмо было изъято. А поскольку розыск письма может вести не только отправитель, но и адресат, то слишком частое зачеркивание номеров в реестрах создавало бы неблагоприятное впечатление. Если же мешок с почтой сопровождает только справка о числе находящихся в мешке писем, то следы работы «черного кабинета» легко маскировать. При изъятии из мешка 2-3 писем, всегда можно заменить их другими, чтобы общее число, указанное в справке,

соответствовало числу писем. Кроме того, у американцев не будет основного документа, по которому можно начинать розыск пропавшего письма. Если теперь послать запрос, то американцам придется искать письмо по своим реестрам, составляемым к заказным письмам из разных стран, направляемым в данный штат или большой город. Не находя номера «пропавшего» письма, они может быть и пришлют нужную формулу о пропаже письма. Эти ответы на запросы можно будет показывать и клиентам, возлагая вину за пропажу на заграничную почту. А может быть и доллары удастся получать с американской почты или франки с французской. Впрочем, вряд ли согласятся иностранные почтовые администрации оплачивать валютой почтовый разбой.

Увидев, что Асланов разъясняет мне некоторые специфические детали почтовых операций, я немедленно спросил его о причинах «Московского парадокса», то есть о том, почему международные письма к московским адресатам доходят значительно медленнее, чем к адресатам в других городах.

— Этого не может быть, — заявил Асланов.

Я привел ряд фактов, пообещал прислать ему большую партию конвертов московской и обнинской доставки из США и других стран.

Тут в разговор вступил Заместитель Асланова — Малков.

— Почему же, это вполне возможно. В Калужскую область приходит в сутки очень мало писем из-за границы и Калужский почтамт их обрабатывает без задержки. В Москву же ежедневно прибывают десятки тысяч международных писем. Московский почтамт поэтому не всегда быстро справляется с их сортировкой и обработкой. Но Международный почтамт тут не причем. Мы сортируем письма по направлениям и московские письма сразу отправляем на Московский почтамт. Если хотите знать, в 1969 г. поток писем из-за рубежа

уменьшился и нашим людям было почти нечего делать. Дольше 3-4 часов письма у нас не лежали, можете мне поверить.

Если этому действительно поверить, то получалось так, что на «выходе» и на «входе» перлюстрацией писем занимались разные «кабинеты». Московскую почту на «выходе» проверял «черный кабинет», получавший почту после оформления ее на Международном почтамте, а почту из-за границы по московским адресам проверял «черный кабинет» при Московском почтамте и здесь-то возникала задержка из-за плохой работы перлюстраторов. Такая дифференцировка могла возникнуть по многим причинам. Международные письма из СССР за границу сначала смешаны с внутренней почтой и отфильтровываются от нее не на Московском почтамте, а на территориальных узлах связи, ведущих сортировку почты.

Отправитель может сдавать их и непосредственно на Международном почтамте. Проверять международную почту независимо во многих местах нерационально. Но проверка почты имеет сложную функцию. Понять истинную суть письма можно лишь в связи с пониманием личности его отправителя или адресата. Но интерес к определенным личностям и сбор сведений об их поведении и деятельности децентрализован по областям. «Досье» на Ж. Медведева лежит где-то в Калуге, и только ответственный за это «досье» сотрудник по настоящему сознает важность того или иного письма Ж. Медведева с точки зрения перлюстрации или перехвата. Конечно, есть личности, как например А. И. Солженицын, которыми серьезно интересуются где-то и в Москве, но в Рязани его тоже не оставляют без внимания. Однако, большинство обычных персон представляют интерес лишь как объекты областного наблюдения. В этом случае их корреспонденция должна бы проверяться в областном «черном кабинете», но осуществить такую проверку очень трудно. Ж. Медведев, хоть и живет в Калужской области, но многие письма отправ-

ляет из Москвы. И так же поступают многие другие граждане г. Обнинска. Житель Тулы может послать письмо за границу из Ленинграда или из Сочи во время летнего отпуска. Поэтому и пришлось централизовать проверку писем на «выходе» из СССР. Тем более, что по разработанному кем-то сценарию «пропадают» письма только после прохождения через Московский Международный почтамт «при пересылке к месту назначения». Если бы перехват писем, отправляемых за границу, проводили бы областные почты, то Центральное бюро рекламаций при Международном почтамте не обнаруживало бы их в списках писем, отправленных за границу и отправителям «пропавших» писем приходилось бы платить компенсацию.

С «входящей» же корреспонденцией дело обстоит проще. Международный почтамт сортирует ее по областям и в особых пакетах отправляет для проверки в областные почтамты, оставляя для централизованной цензуры лишь бандероли с печатными произведениями. Личную переписку граждан, например, Калужской области, конечно, с большим пониманием прочитают сотрудники в Калужской области. Кроме того, содержание «исходящих» и «входящих» международных писем — это две совершенно разные проблемы. Информация, которую нельзя сообщать за границу и информация, которую нельзя получать из-за границы весьма различны и классифицированы несомненно в разных инструкциях. Во всех этих вопросах Московская почта занимает действительно особое положение, в Москве расположен дипломатический корпус, Министерство, Академии и т. д. и международных писем в Москву прибывает наверное больше, чем в остальную часть Советского Союза. Да ведь и сам Международный почтамт в Москве открыт только с 1962 г., очевидно в связи с ростом областной международной корреспонденции. До 1962 г. никакого Международного почтамта не существовало и вся заграничная почта из СССР и в СССР

проходила, по-видимому, через какой-то отдел Московского почтамта.

Все это я быстро соображал во время беседы с работниками Международного почтамта. Но и объяснение Малкова не делало «московский парадокс» вполне понятным.

— Но почему все же московская почта из-за границы задерживается столь долго после поступления на Московский почтамт? — спросил я снова у Малкова, — ведь даже десятки тысяч международных писем в день — это капля в море внутренней почты, обрабатываемой и доставляемой адресатам в Москве. Здесь счет идет на миллионы, но мы хорошо знаем, что письмо, отправленное в Москве утром, к московскому же адресату, попадает к нему или с вечерней доставкой или на следующий день. А международное письмо, уже не в почтовом ящике, а в Почтамте проходит этот же путь за неделю?

На этот вопрос Заместитель начальника отвечать не стал.

Под конец беседы я коснулся проблемы конфискации печатных произведений и других вложений в корреспонденцию таможенными органами. Всякая конфискация, отметил я, если она законна, должна сопровождаться актом, о котором сообщают адресату или отправителю, указывая мотивы. Только в этом случае нарушения таможенных правил не будут повторяться, а конфискация не выглядит как пропажа или кража почтовых отправлений. В этой связи я коснулся и конфискаций журнала «Сайенс» в моей личной подписке.

В комментариях по этому вопросу Асланов был категоричен.

— Ваша подписка не зарегистрирована в «Союзпечати» и мы ее не признаем как подписку. Поэтому все поступающие номера мы рассматриваем как самостоятельные издания и таможня имеет право конфисковывать, если к тому имеются основания. Что же касается того, чтобы извещать вас о таких конфискациях, — мы

этого делать не обязаны. Нет такого закона, чтобы извещать о конфискациях!

Я очень пожалел, что плохо подготовился к беседе в Международном почтамте и не взял с собой копии специальной печатной инструкции Министерства связи СССР *«Положение о материальной ответственности за утрату международных почтовых отправлений»* (Связьиздат).

Пункт № 5 этого «Положения» гласит:

> «Органы Министерства связи Союза ССР освобождаются от материальной ответственности за международные почтовые отправления в следующих случаях:
>
> а) когда отправления конфискованы таможней и факт конфискации подтвержден актом, заверенным в надлежащем порядке таможней и предприятием связи.

Далее идут пункты б. в. г. и др. о действии факторов «непреодолимой силы», истечении сроков розыска и т. д. Необходимость составления актов конфискации и уведомления отправителя о конфискации предусмотрена и «Таможенным Кодексом СССР».

Я, конечно, изложил содержание беседы в Международном почтамте очень кратко. В действительности она продолжалась более часа и была намного острее, постоянно отвлекаясь в сторону от существа дела. Меня все присутствующие по очереди обвиняли в отсутствии советского патриотизма, в том, что я оскорбляю советскую почту недоверием, что мои связи с иностранцами подозрительны. Асланов даже усомнился в моей научной компетенции. Я же все время без заметного успеха пытался объяснить им, что почта — это сфера обслуживания, а не милиция или КГБ, что главный принцип почты — это ответственность перед *индивидуальным* клиентом, который оплачивает услуги почты и все гарантии почты, включающие безопасность и тайну переписки.

Вечером того же дня я стал наводить справки о таин-

ственном Цукермане, судившемся с Международным почтамтом. В этом деле он был в СССР, по-видимому, первым. Когда-то, лет 100 назад, Карл Маркс, столкнувшись с пропажей и фальсификацией своих писем в Пруссию, намеревался возбудить в Лондонском суде дело против прусской почты. — «Если мы и не имеем средств заставить прусскую почту быть честной, то хотя бы можем опозорить ее перед лондонской публикой». — восклицал он в одном из писем к Энгельсу. Но эту свою идею Маркс так и не осуществил. А если бы он сдвинул эту глыбу международного права и разоблачил бы перед всем миром лицемерие буржуазной почты, то и первое в мире государство, построенное на принципах марксизма, вряд ли решилось сохранять столь отвратительный пережиток монархических режимов, как перлюстрация и перехват корреспонденции личного характера.

Удалась ли эта задача Цукерману?

Через два дня я уже имел телефон Цукермана. Через неделю я имел возможность получить у него интервью и прочитать внушительное дело о его тяжбе с Международным почтамтом. Суть этого дела сводилась к следующему. Я излагаю ниже ход событий очень кратко и с разрешения Б. И. Цукермана.

Б. И. Цукерман работает научным сотрудником в одном из химических институтов и по специальности физико-химик и математик. Но он, кроме того, хорошо знает историю права и благодаря математической памяти и математической логике, оказался не только прекрасным знатоком законов, но и способным толкователем законодательных актов. Благодаря этому он часто оказывал своим друзьям весьма квалифицированную неофициальную юридическую помощ. Благодаря этому же, по свидетельству ряда лиц, знавших Б. И. Цукермана много лет, он обычно не оставлял без внимания и изучения то или иное нарушение закона, с которым сталкивала его судьба. Так произошло и в случае с Международным почтамтом.

В конце 1968 г. Б. И. Цукерман отправил коллеге в Англию, в Оксфордский университет, письмо, безусловно имевшее характер личной переписки. Письмо, однако, пропало, не дойдя до адресата. Тогда в январе 1969 г. Б. И. Цукерман подготовил три копии этого письма и отправил их в Англию заказными и с уведомлениями о вручении, но не одновременно, а с интервалами (16, 19 и 21 января), причем одно из них было отправлено из почтового отделения К-9, а два из Почтамта. Эта тактика была почти такой же, какую применил и я месяцем раньше, но, как и в моем случае, она не спасла писем Цукермана от пропажи. Уже в феврале, по продолжавшейся переписке с коллегой из Англии, Б. И. Цукерману стало ясно, что все три письма пропали. В связи с этим в конце февраля 1969 г. Б. И. Цукерман по всем правилам заявил рекламацию, которая была принята для расследования в Центральном Бюро рекламаций Международного почтамта.

Когда истек предельный 6-месячный срок, отпущенный Международной Конвенцией для подобного расследования, и по той же Конвенции отправленные письма могли считаться «пропавшими», ответа из Бюро рекламаций еще не было. В связи с этим Б. И. Цукерман обратился к Начальнику Международного почтамта Б. Асланову с заявлением о выплате компенсации, 22 рублей 05 коп. Поскольку Бюро рекламаций при телефонном запросе Цукермана уверяло его, что письма пропали в Англии и что Британская администрация ничего не отвечает на направленный ей запрос, то Цукерман в своем заявлении Асланову, естественно, отмечал, что столь безответственное отношение Британской почты к заказным письмам не может быть терпимо и Международный почтамт СССР, обязанный из-за этого выплачивать компенсацию за пропажу, должен, согласно Конвенции, взыскать эту сумму с Британской почтовой администрации в золотой валюте. Основывая свои претензии о компенсации, Б. И. Цукерман, чтобы избежать недоразумений, цитировал в заявлении Статью 43, пункт

2 «Всемирной Почтовой Конвенции» 1964 г. (ратифицированной и СССР), в которой говорилось, что «*выплата возмещения должна быть произведена в возможно более короткий срок, но не позднее шести месяцев со дня, следующего за днем подачи рекламации*».

Заявление Б. И. Цукермана о компенсации было подано 22 августа 1969 г., ровно через 6 месяцев после подачи рекламации.

Начальник Международного почтамта тов. Асланов оставил заявление Б. И. Цукермана без ответа. Спустя месяц, основываясь на Указе Президиума Верховного Совета СССР о порядке рассмотрения заявлений и жалоб граждан должностными лицами, Б. И. Цукерман написал жалобу Министру связи СССР Н. Д. Псурцеву на противоправные действия Б. Асланова и просил Министра устранить нарушения Международной почтовой Конвенции и Почтового Устава СССР. На эту жалобу из Министерства связи СССР примерно через месяц был получен следующий ответ:

10 октября 1969 г.

гр. ЦУКЕРМАНУ Б. И.

По Вашему заявлению на имя Министра связи СССР была проведена проверка, в результате которой установлено, что заказные письма № 187, 290 и 142, адресованные Вами в Англию, нашей службой направлены по назначению.

Международный почтамт по Вашему заявлению запросил почтовую службу Англии, с просьбой сообщить когда и кому вручены указанные письма.

Однако, до настоящего времени окончательного ответа от английской почтовой службы не получено.

Международный почтамт вновь обратился в Англию, с просьбой ускорить розыск Ваших писем.

Если будет получен ответ об утрате Ваших писем, то Вам будет выплачено возмещение за счет английской почтовой администрации.

Зам. Начальника Главного почтового Управления
Б. Аментов

Содержавшаяся в письме Аментова формула, ставившая выплату компенсации от давно просроченного

ответа английской почты, была совершенно незаконной, нарушающей признанные Почтовым Уставом СССР статьи Всемирной почтовой Конвенции. Четкое правовое мышление Б. Цукермана не могло с этим мириться и 22 ноября 1969 г. он направил заявление Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко с просьбой опротестовать решение Министра связи СССР, как противоречащее закону. Б. И. Цукерман в этом заявлении писал:

«... ссылаясь на ст. 43 Всемирной почтовой Конвенции, я исчерпывающе аргументировал мое право получить возмещение *немедленно,* не дожидаясь результатов дальнейшего расследования. Я разъяснил также, что выплата должна быть произведена за счет почтовой администрации Англии, поскольку она, «получив в установленном порядке заявление, не разрешила вопроса в течение пяти месяцев».

Своим решением по моей жалобе Министерство связи СССР продемонстрировало заведомую отрешенность от закона. Оно не снизошло до того, чтобы попытаться хоть как-то отвести мои аргументы. Оно сочло излишним хотя бы намекнуть на закон, которым должно было руководствоваться, принимая решение. Единственный мотив, непосредственно усматривающийся в этом решении (поскольку оно обусловливает выплату возмещения получением ответа из Англии) — это стремление любыми средствами, попирая закон, избавить английскую почтовую администрацию от заслуженной расплаты.

Я призываю Вас исполнить свой долг и опротестовать противозаконное решение.

Прокуратура СССР сравнительно быстро ответила на заявление Б. И. Цукермана следующим письмом: (без номера)

Цукерману Б. И.

Ваше заявление, поступившее в Прокуратуру СССР, направлено 28 ноября 1969 г. за № 1/1062-68 на рассмотрение Нач. Главного почтового Управления М-ва связи СССР, откуда Вам будет сообщено о результатах рассмотрения.

Прокурор отдела
(подпись) — неразборчива

Направляя жалобу на Почтовое Управление, в это же Управление Прокуратура СССР сама нарушила законный порядок рассмотрения жалоб и заявлений, предусмотренный специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР. В связи с этим Цукерман снова обратился с жалобой к Генеральному Прокурору СССР, обращая его внимание на неправильные действия Прокурора одного из отделов Генеральной Прокуратуры. Б. И. Цукерман отметил при этом, что эти действия противоречат не только Указу Президиума Верховного Совета СССР о порядке рассмотрения заявлений и жалоб, но и Положению о Прокурорском надзоре в СССР, статья 14 которого гласит, что

> «...Прокурор обязан принимать и рассматривать заявления и жалобы граждан на нарушения закона, проверять эти заявления и жалобы в установленные законом сроки и принимать меры к восстановлению нарушенных прав в защите законных интересов граждан».

На это новое заявление Б. И. Цукермана в Прокуратуру СССР ответа вообще не последовало, даже по истечении «установленных законом сроков».

В связи с категорическим отказом Международного почтамта выплатить компенсацию за пропавшие письма Б. И. Цукерман подал в Сокольнический районный народный суд г. Москвы (по месту нахождения «ответчика») подробное и обоснованное исковое заявление «О взыскании возмещения за утраченные заказные отправления». Заявление было составлено по всем правилам юридической науки и опиралось на прочные гарантии Всемирной почтовой Конвенции, ратифицированной СССР и утвержденной Правительством «Почтового Устава СССР».

Районный суд, вызвал 14 октября 1969 г. обе стороны (Почтамт был представлен Даниным — начальником эксплуатационного отдела), после краткого обсуждения, не входя в юридическую сторону дела, принял решение:

«предоставить сторонам срок для внесудебного решения дела до 1 декабря 1969 г.».

Это решение Цукерман обжаловал подробным и юридически обоснованным заявлением в Московской городской суд. Судебная Коллегия по гражданским делам Мосгорсуда, вызвав обе конфликтующие стороны, в итоге *постановила:*

> «Определение Сокольнического районного народного суда от 14 октября 1969 г. оставить без изменений, а жалобу Цукермана без удовлетворения».

Б. И. Цукерман незамедлительно обжаловал это решение Мосгорсуда заявлением Председателю Верховного Суда РСФСР с просьбой «о принесении протеста в порядке надзора». В этом заявлении он подробно показал полную юридическую несостоятельность решений Московского и районного судов. Однако Верховный Суд РСФСР не стал входить в детали юридической аргументации Б. И. Цукермана. Начальник отдела жалоб Верховного Суда РСФСР прислал Цукерману письмо от 24 ноября 1969 г., в котором говорилось:

> «Ваша жалоба направлена для рассмотрения Председателю Московского городского суда с просьбой сообщить Вам результат рассмотрения».

Московский суд, естественно, подтвердил свое прежнее решение, указав, однако, в новом письме к «истцу», что

> «ответчиком приняты необходимые меры для розыска отправленных Вами писем. Ответы от Министерства почты и телеграфа Великобритании не получены».

Московский суд принял без всякого сомнения версию об ответственности именно английской почты и уповал на фунты стерлингов, которые предполагалось получить за три пропавшие письма Б. И. Цукермана. Но Цукерман не хотел дожидаться иностранной валюты, поскольку Конвенция гарантировала ему компенсацию от

«Администрации подачи отправления». Он снова обжаловал решение Мосгорсуда в Верховный Суд РСФСР. На этот раз Верховный Суд рассмотрел жалобу и письмом от 25 декабря 1969 г. сообщил, что она «оставлена без удовлетворения».

Между тем срок для «внесудебного решения дела» истек, а стороны не пришли к соглашению, да и пропавшие письма не были найдены. Цукерман поэтому снова обратился в Сокольнический народный суд. 22 декабря 1969 г. этот суд (дело № 2-2484) назначил «открытое досудебное заседание», пригласив на него конфликтующие стороны. «Открытое *досудебное* заседание» было новым словом в юридической практике, нарушающим существующие процессуальные нормы. Цель этой формы была многообразной, но главная задача состояла в том, чтобы избежать *судебного* заседания и не создавать прецедента суда над почтамтом. Нужно было сделать все, чтобы до суда дело не дошло. Поэтому и заседание назвали «досудебным». Выслушав заявление представителя Почтамта о том, что поиски пропавших писем продолжаются и не все возможности исчерпаны «досудебное» заседание суда *определило:*

> «Принятие заявления гр. Цукермана Б. И. к производству суда считать ошибочным и его иск к Международному почтамту прекратить».

Подписали это «определение» *Народний судья* Карпович и *Народные заседатели* Замятин и Пендик.

Это решение Сокольнического народного суда Б. И. Цукерман решительно обжаловал в Московский городской суд, отметив, что оно незаконно и нарушает процессуальные нормы. Протест был исключительно детальным и юридически аргументированным. Московский суд на этот раз не смог игнорировать убедительную аргументацию истца. Было совершенно очевидно, что иск совершенно законный и уклоняться от его удовлетворения следовало каким-то другим более дипломатическим способом.

12 января 1970 г. Судебная Коллегия Мосгорсуда по гражданским делам рассмотрела заявление Б. И. Цукермана и *определила:*

> «Определение Сокольнического районного народного суда от 22 декабря 1969 г. изменить, — иск Цукермана Б. И. к Международному почтамту о взыскании 22 руб. 05 коп. оставить без рассмотрения».

Это было уже юридической победой Цукермана. Дело не прекращалось, а оставлялось пока без рассмотрения поскольку Почтамт требовал дополнительного срока для поисков писем. Он еще надеялся получить ответ от Британской почты. Но возможности поисков не были вечными. Согласно той же Всемирной Конвенции, рекламации принимаются для расследования только в течение 12 месяцев после подачи отправления. Срок расследования по уже поданным рекламациям и срок возможного заявления рекламаций — это совсем разные вещи. Срок расследования, согласно Конвенции, не может превышать 6 месяцев, после чего отправление может считаться пропавшим, если оно не найдено. 12 месяцев — это тот срок, в течение которого отправитель может подать заявление о розысках заказного письма. Если с момента отправления письма прошло больше 15 месяцев расследования уже невозможны, так как почтовые органы могут не сохранять свыше срока архивную документацию. Поэтому почтамт к 15-месячному сроку с момента отправления писем уже исчерпывал абсолютно все возможности розыска писем и они раз и навсегда должны были быть признаны утраченными. Эти 15 месяцев были пределом и Британской почты, если она действительно получила запрос и занималась розысками пропавших писем. 15 месяцев со дня отправления последнего из трех писем истекали 21 апреля 1970 г. и 22 апреля всякие розыски уже должны были прекратиться. 22 апреля Б. И. Цукерман мог снова возобновить свой иск к почтамту, если к этому дню

компенсация ему не была бы выплачена, или письма его не были бы найдены.

Но Б. И. Цукерман решил не ждать этого дня и разрешить спор раньше наиболее справедливым образом. Поскольку все официальные данные говорили о том, что виновником пропажи писем является Британская почта, Цукерман пришел к единственно правильному выводу — он решил уступить свое право на компенсацию британскому адресату. Виновная в пропаже Британская почта должна была выплатить компенсацию гражданину Англии, а не Цукерману. Всемирная почтовая Конвенция справедливо предусматривает, что право на возмещение в равной мере имеет и отправитель и адресат, так как неизвестно кто из них в большей мере пострадал от утери корреспонденции. Они, кроме того, могут разделить возмещение в той или иной пропорции по взаимной договоренности. Таким образом Цукерман освобождал Международный почтамт и от хлопот и от расходов и предлагал решение наиболее разумное при создавшейся ситуации. Можно было надеяться, что такая традиционно правовая страна, как Великобритания, обеспечивала адресату все возможности принудить по закону британскую почту к уплате компенсации за потерянные ею заказные письма.

Б. И. Цукерман в строгом соответствии с пунктом 3, статьи 39 Всемирной почтовой Конвенции составил заявление об отказе от компенсации в пользу английского адресата и обратился в Первую Московскую нотариальную контору с просьбой заверить на этом заявлении подпись. Такого рода действия нотариуса предусмотрены положением о *«Нотариате»* в СССР.

Однако нотариальная контора совершить это нотариальное действие отказалась. Цукерман пытался протестовать и доказывать неправомочность отказа, но Заместитель Старшего Государственного Нотариуса А. Яковлева в письменном *«постановлении»* сообщил, что такого рода заявления заверяются только с разрешения

Валютного Управления Министерства финансов СССР.

Б. И. Цукерман сразу же обжаловал отказ Нотариальной конторы заверить его подпись в Бауманский районный народный суд, и в своем заявлении после детального юридического обоснования неправильности отказа просил суд обязать нотариуса выполнить соответствующее нотариальное действие. Да и по простой логике было ясно, что Валютное Управление в СССР не может запретить британскому гражданину взыскать компенсацию с британской же почты. Суд, однако, приняв жалобу и вызвав стороны на заседание, *определил:* «Ходатайство заявителя отклонить».

Тогда Б. И. Цукерман, как этого требовал нотариус, обратился с заявлением к Начальнику Валютного Управления Министерства финансов СССР тов. Н. В. Мошкину с просьбой выдать разрешение на передачу права компенсации за утрату отправлений британскому адресату, поскольку официальные органы уведомили его, что ответственной за пропажу является британская почта. Валютное Управление быстро ответило, что по данному вопросу Цукерману следует обратиться в Министерство связи СССР. Круг снова замкнулся. Пытаясь раскрыть его, Цукерман опротестовал ответ Валютного Управления в жалобе на имя Министра финансов. Однако Заместитель Министра финансов Ф. Манойло прислал Цукерману письмо, сообщая, что «данное Вам Валютным Управлением разъяснение является правильным и основано на соответствующих решениях Правительства СССР».

Выхода не было, оставался только один путь, снова обращаться в Сокольнический районный народный суд.

Исхода этого суда и я ждал с большим нетерпением. Ведь если Цукерману удалось бы со своими тремя пропавшими письмами форсировать судебную преграду и захватить небольшой плацдарм, то в этот прорыв и я мог бы ввести тяжелую артилерию из 20 пропавших заказных писем и ударить по «черному кабинету». Но

больших надежд на захват плацдарма не было. Ничто пока не говорило о том, что суд действительно будет стоять на страже закона. Законы СССР были против «черного кабинета», но служители закона пока были заодно с «черным кабинетом» и, жертвуя своим святым профессиональным долгом, всячески старались скрывать и охранять от общественного осуждения его преступную деятельность.

23 апреля 1970 г. Б. И. Цукерман снова подал исковое заявление к Международному почтамту в Сокольнический народный суд. Заседание суда по данному иску было назначено на 7 мая. Поскольку заседания по гражданским делам являются открытыми, я тоже приехал в Москву, чтобы присутствовать на слушании этого дела.

В небольшом зале заседаний к началу судебного разбирательства все места были заняты, но представителя ответчика не было. Я уже подумал, что он не явится и этим сорвет рассмотрение дела. Но это предположение, к счастью, оказалось ошибочным. Ровно в 13 час 05 мин. в зале заседаний показался Начальник эксплуатационного отдела Международного почтамта Данин, который вошел в зал почему-то не из коридора, а из «совещательной комнаты» суда. Вслед за ним появился и суд — народный судья и два народных заседателя. Судья объявила состав суда — народный судья Алейникова и заседатели Петров и Коваленко. После этого все сели и судебный процесс начался.

Первым слушалось дело о взыскании алиментов. Оно было быстро решено и суд перешел к рассмотрению иска Б. И. Цукермана. Судья предоставил слово истцу для изложения существа его претензий. Б. И. Цукерман подробно изложил историю своего дела и правовую основу искового заявления. Он также привел все доводы, свидетельствующие о том, что письма, о которых шла речь, действительно пропали. После этого суду была предоставлена возможность задавать вопросы истцу. Оба заседателя безмолвствовали до самого конца

заседания и все вопросы задавала Алейникова. И интонация и выражение лица и поза народного судьи были подчеркнуто презрительными. Такой же характер имели почти все ее вопросы к Б. И. Цукерману.

— Где вы работаете?

— Кто пручил вам вести переписку с иностранцами?

— Знают ли на вашей работе об этой переписке?

— Какой характер имела ваша переписка?

— Не могла ли она причинить ущерб нашему государству?

— Может быть ваш адресат просто не хочет иметь с вами никакого дела и выбрасывает ваши драгоценные письма?

— Нам известно кое-что еще о вашей деятельности, тов. Цукерман. Нам известно, что вы занимаетесь незаконной подпольной адвокатской практикой.

— А вы что там что-то записываете? — обратилась вдруг Алейникова к сидевшему рядом с Цукерманом бородатому мужчине, — это ведь не международный процесс. Я запрещаю вам делать записи.

Б. И. Цукерман спокойно отвечал на все эти вопросы, повысив голос только в ответ на обвинение в занятиях подпольной адвокатской практикой. — Это утверждение является клеветой, — заявил он.

После ответов истца слово было предоставлено Начальнику отдела Международного почтамта. Он сразу отклонил иск, сославшись на то, что доказательств пропажи писем нет. Английская почта почему-то, по его словам, не ответила на 8 запросов, посылавшихся ей по поводу писем Цукермана. Причем на все другие запросы нашего почтамта Англия всегда отвечала быстро и точно. Причины ее молчания по поводу писем Цукермана совершенно непонятны. (Данин намекал: не находится ли Цукерман в особом сговоре с английской почтовой администрацией). В деле, заявил Данин, — есть данные о том, что письма были Международным почтамтом отправлены за границу и поэтому вся ответ-

ственность за их судьбу лежит на английской почтовой службе.

Затем истец получил возможность задать ряд вопросов ответчику. Главными были два вопроса, об арбитраже и об иске британской почте. Б. И. Цукерман привел выдержки из Почтовой конвенции, согласно которым советский почтамт в данном случае должен предъявить английской почте иск, ибо администрация, не отвечающая в положенные сроки на запрос, несет и материальную ответственность. Если же она отказывается это делать, то вопрос передается в специальную арбитражную инстанцию при Бюро Всемирного почтового союза.

Данин ответил, что из-за 22 рублей СССР не станет беспокоить международную организацию и предъявлять британской почте подобный иск.

Народный судья в своих вопросах Данину прежде всего выяснила во что обошлась почтамту вся работа по проверке рекламаций Цукермана. Потрясая папкой, Данин заявил, что на проверке и выяснении претензий Цукермана в почтамте вот уже год занят целиком специальный сотрудник с окладом 85 рублей в месяц. — Ведь всю переписку необходимо переводить на французский язык, который является официальным языком Международного почтового союза.

После того суд удаляется на совещание. Через 10 минут суд появляется снова. Все встают. «Именем Союза Советских Социалистических Республик, — торжественно объявляет Алейникова, — иск Цукермана о взыскании компенсации за утрату почтовых отправлений *отклоняется*».

Истец проиграл дело в первой инстанции. Но закон предоставлял ему право обжаловать это решение в 10-дневный срок.

13

ОХРАНА ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЧТЕ

Почти каждый взрослый человек на земле получает и посылает письма, но далеко не каждый имеет международную корреспонденцию. Поэтому людей в первую очередь могут волновать проблемы внутренней переписки. И есть немало людей, которые по разному относятся к соблюдению норм международного и внутреннего гражданского права. Между тем очевидно, что Администрация, которая не уважает ею же подписанные международные конвенции, неспособна уважать и внутренние законы. Не соблюдая принципы тайны личной переписки в международной корреспонденции, система «Черных кабинетов», этих пиявок почтового ведомства, не может уважать и тайны внутренней корреспонденции и в этом она верна двухсотлетней традиции. Здесь возникают лишь проблемы количества и качества, проверять все семь миллиардов ежегодно отправляемых в СССР писем не только невозможно, но и неинтересно. Очень редко возникает при перлюстрации внутренней почты необходимость уничтожения писем и это-то ведет к сравнительно редкой частоте конфликтов почты с клиентами, подобных тем, которые были описаны выше. Лично я никогда не конфликтовал с почтовым ведомством по поводу внутренней переписки, всегда получавшейся мною исправно. Но некоторые факты о частичной проверке и внутренней корреспонденции, с которыми и мне пришлось неизбежно столкнуться, заставили меня задуматься и об этой стороне проблемы. Изложу их по порядку.

Впервые мысль о возможности нарушения тайны переписки во внутренней почте возникла у меня в начале 1968 г. В январе-феврале 1968 г. в Обнинск приехала особая, назначенная высшими инстанциями со-

циологическая и партийная комиссия, проверявшая умонастроения и идейно-политический уровень научно-технической интеллигенции города. Где-то возник вопрос — целесообразны ли вообще в идейном отношении т. н. «научные» городки и следует ли выделять ученых в такие изолированные научные сообщества. Ученым и специалистам города эта комиссия раздала около 2000 особых сложных «анонимных» анкет с разнообразными вопросами, иногда следовательского характера — (слушаете ли вы иностранные передачи, какую читаете политическую литературу, ваше мнение о советской литературе, ваш любимый советский писатель и т. д.). В вестибюлях институтов стояли урны, в которые эти анкеты должны были опускаться теми, кто их заполнил. Доклад комиссии обсуждался затем в высших инстанциях и какие там подводились итоги «анонимного» опроса общественного мнения мне неизвестно. Но интеллигентный секретарь горкома КПСС тов. Федоров был после этого освобожден «за мягкотелость» и к нам в город срочно перебросили из сельского райкома более твердого и решительного секретаря, который и начал осуществлять «нормализацию» обстановки.

В период работы этой социологической комиссии я получил как-то из Москвы приглашение на одно интересное заседание Научного Совета по биологии развития и с удивлением обнаружил, что меня приглашают на совещание, которое состоялось два дня назад. Судя по штампам на конверте и штампу гашения, письмо шло из Москвы до Обнинска 8 дней! Раньше почти всегда письма приходили в Обнинск на второй, редко на третий день. 100 километров по железной дороге, всего не более двух часов езды. Случайно подобная задержка, конечно, возможна. Но и другие письма из Москвы и Ленинграда в ближайшие за этим дни также достигали моей квартиры за 7-8 дней. Я обеспокоенно подумал о возможности перлюстрации моих писем внутренней переписки. Но распросив коллег из своего

института и некоторых знакомых из других институтов города, с удивлением обнаружил, что и к ним письма доходят с большим опозданием. Это привело, по ряду рассказов, к нескольким конфликтам из-за того, что ученые не смогли приехать на какие-то важные совещания в Москве, на которые их вызывали. После окончания работы социологической комиссии, почта снова стала работать нормально. У меня, конечно, нет оснований, чтобы связать работу комиссии с неполадками в доставке обнинской переписки (газеты, естественно, доставлялись своевременно), но я не исключаю, что некоторые недостающие сведения об умонастроениях в городе могли в этот период выясниться и с помощью «Черного кабинета».

Во второй раз я обратил внимание на проблемы внутренней почты тоже случайно и сравнительно недавно. Американский коллега из Национального института рака, с которым я вел ранее переписку по поводу возможности получения особого ферментативного препарата для лечения острого лейкоза, угрожавшего жизни дочке моих знакомых, приехал летом 1969 г. на Конгресс по переливанию крови в Москве, сообщил мне письмом о своей готовности оказать всяческое содействие в лечении больной девочки. Свое письмо коллега уже после Конгресса отправил на мой Обнинский адрес из Москвы в конверте Посольства США. На длинном конверте мой адрес (институтский) был отпечатан на машинке на русском языке и обратный адрес (Посольство США, ул. Чайковского 19-21, Москва, СССР) был также на русском языке. Он был отпечатан типографским способом в левом верхнем углу конверта. Никаких иностранных слов, требующих перевода, на конверте не было и он должен был идти ко мне в потоке внутренней почты не более двух-трех дней. Письмо было отправлено простой почтой в Москве 15 сентября 1969 г. Марка погашена штампом московского почтового отделения Г-9, расположенного недалеко от Посольства. На штампе гашения стоит дата 15. 9. 69 и цифра 12,

указывающая время гашения, 12 часов дня. Но письмо почему-то не пошло сразу в Обнинск, как это бывает с обычными письмами, отправленными в Москве. На оборотной стороне письма стоит красный штамп Международного почтамта — 1. В центре штампа дата 25. 9. 69. Десять дней письмо находилось неизвестно где, а потом очутилось на Международном почтамте, который внутренней почтой вообще не должен заниматься. В Обнинск письмо поступило 28 сентября, о чем свидетельствует обнинский штамп. В институте я к этому времени уже не работал. Но вместо того, чтобы переслать мне это письмо или вернуть его почте с просьбой о переадресовании, институтская администрация заинтересовалась конвертом из посольства США. Оно пролежало в институте где-то очень долго и я получил его у секретарши директора только 3 февраля 1970 г., причем грубо, с повреждениями вскрытым. Последнее обстоятельство без сомнения было самодеятельностью институтской администрации. К моменту получения мною письма, коллега был, конечно, давно дома, да и сам препарат, о котором шла переписка, не требовался. С большим опозданием я, конечно, поблагодарил его за любезность и извинился за поздний ответ, причиной которого, как я отметил, было блуждание его письма, связанное с переменой места работы. Коллега ответил на мое письмо, но опять через посольство. Но на этот раз он прислал в Посольство свое письмо на мой адрес (Абонементный ящик) в обычном американском конверте, а в посольстве на него только наклеили советскую марку и бросили в почтовый ящик. Адрес на конверте был напечатан на машинке по английски, но в Посольстве приписали по русски: д-ру Медведеву А. А. Обнинск. И опять письмо проделало тот же путь, но быстрее. Штамп I-9 датирован 2. 4. 70. 11. На обороте стоит красный штамп Международного почтамта с датой 6 апреля. В Обнинск оно прибыло 9 апреля.

Обдумывая этот случай, я вспомнил несколько рассказов лиц, получивших приглашения на прием в По-

сольства, приходившие к ним уже после того, как приемы состоялись. По-видимому, зная эту особенность почты, различные творческие союзы (Союз писателей, Союз Композиторов и т. д.), академии наук и другие организации всегда просят посольства направлять приглашения на официальные приемы не по домашним или служебным адресам приглашаемых, а передавать их оптом в Секретариаты или Президиумы. Там иностранные конверты запечатывают в советские конверты служебного типа и в таком виде они уже вручаются почтовой службе, по-видимому, после некоторой фильтрации. Не исключено, что и для посольств медлительность московской почты не секрет и поэтому на небольшие приемы они посылают приглашения с курьерами, не доверяя их почте.

Приключения посольского конверта наводило на мысль о том, что из внутренней почты изымаются для проверки конверты иностранного типа, попадающие под статус «международной корреспонденции». Это предположение я быстро и легко проверил с положительным результатом. Расскажу только о двух случаях такой проверки, они в последствии были повторены с рядом вариаций. Из Москвы в Обнинск на абонементный ящик я выслал два конверта. Один обычный, советский, другой иностранный, с грифом фирмы, но содержащий адрес на русском языке. Письмо в советском конверте пришло на второй день, без всяких следов вскрытия. Письмо в иностранном конверте, опущенное в один и тот же почтовый ящик, пришло на девятый день и с явными следами вскрытия. Это письмо было заклеено водонепроницаемым синтетическим клеем «Суперцемент», и чтобы открыть его «Черному кабинету» пришлось долго экспериментировать. Во второй раз эта же схема была применена при посылке письма из Москвы в Москву. Задержка иностранного конверта была меньшей (3 дня), но его тоже вскрывали, вызвав повреждения клапанов.

Обычная внутренняя почта, прибывавшая ко мне до

самого последнего времени, не перлюстрировалась, но перепиской других граждан «Черный кабинет» интересуется более серьезно. Писатель А. И. Солженицын в последние годы очень часто обнаруживал пропажу писем к нему, даже заказных. Некоторые его корреспонденты сообщали ему потом, что за письма к писателю, до него не дошедшие, они затем вызывались и прорабатывались. Однажды академик Виноградов пригласил А. И. Солженицына в фонетический кабинет для записи на магнитофонную ленту некоторых произведений писателя в фонотеку института. Дата записи согласовывалась путем переписки. Неожиданно академика Виноградова вызвали к секретарю фрунзеновского района партии и предложили отменить намеченную фонетическую запись. Но он, к сожалению, уже не мог этого сделать, так как запись состоялась накануне. Однако неоднократные заявления А. И. Солженицына о том, что его внутрисоюзная корреспонденция не только перлюстрируется, но и перехватывается, встречались некоторыми моими знакомыми с известным скептицизмом. Иногда и у меня возникали сомнения на этот счет, так как мои письма к писателю всегда доходили. Однако, чтобы проверить эти сомнения, я совсем недавно провел небольшой опыт. В Москве живут родственники жены А. И. Солженицына и он в этой квартире, когда бывал в Москве, часто ночевал или даже жил два три дня. (Больше трех дней в Москве нельзя жить без прописки). Как я предполагал, за этой квартирой в связи с этим могло быть установлено наблюдение, включавшее и почтовый контроль. Из Обнинска в Москву в начале апреля 1970 г. я отправил два заказных письма на этот адрес. Одно письмо было на имя хозяина квартиры. Другое письмо было тоже на его имя, но в скобках стояла приписка (для А. И. Солженицына). Но прежде чем отправить эти письма, я отклеил нижний клапан конвертов и затем заклеил прочно и нижний и верхний клапаны синтетическим клеем «Суперцемент», который не реагирует ни на какое отпаривание. (Обычные почто-

вые клеи очень легко отпариваются и теряют скрепляющие свойства просто во влажной камере при комнатной температуре). Адресатов я предупредил, чтобы они не вскрывали письма до моего прибытия.

Оба письма, отправленные из Обнинска 3 апреля прибыли к адресату 6 апреля, то есть без существенной задержки. Однако письмо, содержавшее приписку (для А. И. Солженицына), в отличие от другого, имело грубые следы вскрытия. Сначала перлюстратор попробовал открыть верхний клапан письма, засовывая в обычный зазор вверху клапана какой-то острый предмет. (Слой клея у стандартных конвертов не доходит до конца клапана и всегда остается зазор для »вентиляции« письма). Но я заклеил верхний клапан до конца и он не поддавался. Повредив слегка левый верхний угол клапана, перлюстратор стал открывать тем же способом нижний клапан письма. Но и он не поддавался. Тогда он, потеряв терпение, грубо вскрыл нижний клапан, с надрывами в нескольких местах и стал вытаскивать письмо. Но письмо не вылезало, так как было слегка подклеено к нижнему клапану письма. Тогда он выдрал письмо с куском клапана, прочитал его, выругался очевидно с досады, так как коротенькая записка не содержала ничего интересного, и вложил обратно, не обращая уже внимания на то, что вкладывает его перевернутым на другую сторону. Чтобы заклеить письмо снова, он мазнул небрежно по краям клапана обычным почтовым клеем, снова приклеив письмо к нижнему клапану, но уже с другой стороны. Я его потом, срезав осторожно борт конверта, вынул с приклеенным кусочком клапана на той стороне, которая была повернута к лицевому чистому листу конверта. На другой стороне сложенного письма выдрался кусок, приклеившийся к клапану конверта.

Солженицын, однако, не одинок в проявленном со стороны «Черного кабинета» внимании. Уже упоминавшийся нами Б. И. Цукерман, с помощью такого же метода водонепроницаемого заклеивания обнаружил, что

часть его внутренней переписки перлюстрируется. Если все, кто хочет обезопасить свою почту от любопытства тайной цензуры, станут применять синтетические клеи и прочную заделку обеих клапанов конвертов, то в рядах сотрудников «Черных кабинетов» произойдет замешательство. Производительность труда резко снизится. Вскрыть обычный конверт, как уже упоминал Майский в своей брошюре, не представляет труда. Он легко вскрывается часто без всякого пара, так как слой клея, особенно на нижнем клапане весьма незначителен и не доходит до края клапана. Это обстоятельство уже было, как известно, описано в художественной литературе. Немногие читавшие повесть «Раковый Корпус» А. И. Солженицына обратили внимание на небольшой эпизод в конце повести, когда герой романа, торопясь на поезд, отправлял письма.

> «...Олег прочел, сложил, вложил, хотел заклеить (с детства помнил он детективный роман, где все начиналось с путаницы конвертов) — но не тут-то было! Лишь утемнение на скосах конверта обозначало то место, где по ГОСТ-у подразумевался клей, а не было его конечно...»
>
> «...То же было и на втором конверте: отемненная полоска, совсем не клейкая. Всегда Олег почему-то думал, что это не случайно...»

Я уже упоминал раньше статью в Литературной газете от 4 февраля 1970 г., озаглавленную «Меченые атомы». В этой статье критиковалась работа почты за плохую и медленную доставку писем во Всесоюзном масштабе. По данным проведенных газетой экспериментов, письма внутрисоюзной корреспонденции достигают сейчас адресатов в два-три раза медленнее, чем это происходило 70 лет назад.

Газета задает Министерству связи СССР два основных вопроса: *Почему письма идут так долго?* и *Почему письма идут с разной скоростью?*

Министерство пытается объяснить это теорией «затоваривания», связанного с большим объемом корреспон-

денции. И «Литературная газета» как-то принимает эту теорию, считая, что выход в механизации и автоматизации сортировки. Между тем теория «затоваривания», то есть возникновения «очередей» на обработке писем, не выдерживает никакой критики. Она абсолютно ошибочна с математической точки зрения. Если канал обработки неспособен пропускать с определенной скоростью весь поток писем, то, естественно, создается очередь. Но эта очередь при этом должна прогрессивно возрастать, а сроки доставки прогрессивно уменьшаться. В короткий срок в динамической системе циркуляции почты возникнет критическая перегрузка, которая может вызвать полную дезорганизацию доставки. Между тем этого не происходит. Кроме того, газеты, например, доставляются быстрее писем, хотя по объему и весу газетная почта намного обширнее, чем личная переписка. Значит дело не в затоваривании, а в наличии дополнительных ступеней обработки, которых нормально можно было бы избежать. Какой вклад в общее замедление потоков корреспонденции вносит «Черные кабинеты» сказать трудно, но совершенно очевидно, что в прежние царские времена «Черные кабинеты» справлялись со своей задачей и быстрее и качественнее.

> «Письма, перлюстрированные в России, — заверяет С. Майский, в брошюре «Черный кабинет» — как бы хитро они заделаны не были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия, даже для самого опытного глаза, даже опытный глаз перлюстратора зачастую не мог уловить, что письмо уже было однажды вскрыто...»

А о скорости работы «Черных кабинетов» в старые времена не приходится и говорить, она была намного быстрее, чем в настоящее время.

14

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ, ПОЧТОВЫЕ ЗАГАДКИ, ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

В процессе работы над главной темой настоящего исследования и в процессе обсуждения его с коллегами и различными людьми, а также просто по собственным воспоминаниям и опыту, мне становились известными некоторые интересные случаи, загадочные происшествия, дополнительные оттенки анализа явлений, которые так или иначе не помещались в общей логической и сюжетной линии этой книги. Я просто не мог детально разработать этих ответвлений от общей темы и они иногда повисали в воздухе, не будучи подкрепленными новыми фактами. Тем не менее, я все же хочу изложить здесь некоторые из этих случаев, в надежде на то, что читатели может быть заинтересуются тем или иным из них и смогут содействовать их дальнейшей разработке. В настоящей науке даже отрывочный факт важен и может пригодиться другим исследователям той же или смежных проблем.

а. Трудности редкого языка

Легко, конечно, проверять письма, написанные по русски, нетрудно наладить контроль за письмами на английском, французском, немецком, испанском и прочих распространенных языках. Но что делать, если письмо написано на языке африканского племени ибо или на языке какого-то из народов острова Цейлон? Ведь такие письма могут попадаться крайне редко, да и печатные произведения на этих языках попадают в СССР в очень ограниченных количествах.

Мы уже приводили свидетельство Майского о том, как справлялась с этой задачей старая российская цен-

зура. Нижеследующий рассказ бросает некоторый свет на то, каким образом справляются с этой задачей сейчас.

Есть на земле небольшая островная республика, в которой меньше миллиона жителей. Однако народ этой страны, хоть и небольшой, имеет собственный уникальный язык, причем этот язык тщательно оберегается от иностранных и «международных» слов. Для таких общих в большинстве языков слов, как «мотор», «автомобиль», «лайнер», «бомба», «интеллект», «силует», «армия» и т. д. в этом языке создаются новые слова с оригинальными корнями. А поскольку пропорция подобных слов, благодаря техническому и научному прогрессу, увеличивается, то изучение этого языка все более и более усложняется. В Москве в разных учебных заведениях учится несколько граждан этой страны. По каким-то признакам у некоторых студентов этого землячества возникло подозрение о перлюстрации их переписки, возможно кто-нибудь заметил следы вскрытия. При обсуждении этого вопроса, они, однако, отвергли реальную возможность перлюстрации, учитывая сложность языкового барьера. Почтовая цензура, по их мнению, не могла иметь сотрудника, знающего с достаточным совершенством столь редкий язык, изучить который, не пожив хоть немного в этой стране, было весьма трудно. Да и практически, иметь в цензуре сотрудника со столь редким лингвистическим опытом для проверки крайне небольшого числа писем, казалось студентам нерациональным. Тем более, что страна была дружественной.

В Москве было не более двух-трех научных работников и журналистов, знавших язык этой страны. Один из них был очень дружен с землячеством, бывал неоднократно в их стране, писал о ней очерки, имел там постоянных друзей. У кого-то из студентов неожиданно возникла мысль о том, не является ли этот их советский друг экспертом, которого в случае нужды и привлекают

к чтению их писем. Студенты решили проверить эту идею. Во время каникул, проведенных на родине, созрел следующий план. В стране была одна деятельница С., хорошо знакомая советскому лингвисту, активно участвовашая в работе Комитета дружбы с СССР. Она была родственницей одного из студентов. С ней договорились о следующем. Она, живая и здоровая, не будет обращать внимания на сообщения о своей смерти и выражения соболезнования в переписке между студентами в Москве и их друзьями на родине. Такая переписка вскоре началась. Из страны в Москву и обратно были направлены письма с выражением большого горя по поводу безвременной смерти С. Через некоторое время на приеме в посольстве, куда был приглашен и советский лингвист, он подошел к группе своих друзей-студентов и с большим огорчением сказал родственнику С. — «Мне сообщили о смерти С. Ах, какая это большая потеря для страны и для всех нас. Я хочу выразить Вам свое искреннее соболевание . . .»

б. Осложнения, связанные с рассеянностью

Гражданка Р., проживающая в Москве, получила в 1968 г. бандероль от родственника из США. В бандероли, кроме адресованного ей пакета, она с удивлением обнаружила письмо без конверта. Письмо было адресовано советскому адресату и отправлено из Франции. Гражданка Р. вернула это письмо на Международный почтамт с соответствующим заявлением.

Известный советский ученый рассказал мне как-то, что он однажды получил из Англии запечатанное письмо от английского коллеги, но в конверте вместе с письмом, он с удивлением обнаружил рукописный реферат этого же письма, написанный на русском языке. То, что этот реферат составлен отправителем исключалось. Отправитель не знал русского языка и ему было известно, что его русский коллега, неоднократно бывавший в Англии, прекрасно владеет английским. Адресат естественно решил, что это следы цензора, который, составляя конспект письма, забыл по рассеянности свой листок и запечатал его затем вместе с письмом. Ученый в сильном возмущении написал протест в высшие инстанции, приложив к нему письмо и конспект его на русском языке. Цензуру после этого, конечно, не отменили, но виновнику ошибки, по-видимому, объявили выговор и проработали его на профсоюзном собрании «Черного кабинета».

Но и в этой рассеянности современный «Черный кабинет» лишь повторил ошибки старого Петербургского. Мы уже упоминали описанный С. Майским случай, как были перепутаны при перлюстрации испанские и нидерландские письма. Более интересным был случай с запонкой цензора.

«При вскрывании одного из мешков с дипломатической почтой, — свидетельствует Майский, — произошел забавный курьез: перлюстратор уронил в него, конечно случайно, свою золотую запонку от манжет. Посольство в Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда нашел ее на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил и этим способом инцидент был исчерпан. Эти запонки были с монограммою, но буквы монограммы оказались «О. В.», то есть одинаковыми в русской азбуке с иностранным алфавитом, в противном случае, какая-нибудь русская буква «Ж» или «Ф» навели бы, конечно, иностранное посольство на неожиданные размышления».

(ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ, стр. 17-18, 1922 г.)

в. Проблемы мира и социализма

Международный коммунистический журнал «Проблемы мира и социализма», редакция которого расположена в Праге, в 1962 г. после одной проблемной статьи о противоречиях современного капитализма, предложил читателям прислать свои отклики и замечания по существу обсуждавшихся вопросов. Один из таких откликов послал ответственный работник московского издательства, член КПСС. Это была заметка на трех страницах, напечатанная на машинке. Работник издательства послал свою заметку по почте сразу в Прагу. Он знал, что статьи из СССР попадают в советскую группу при редакции и в ней есть представитель Главлита. Отправка материалов в этот журнал приравнивается поэтому к отправке статей в любой советский журнал на территории СССР. Спустя некоторое время, откликнувшийся на призыв «Проблем мира и социализма» товарищ, был вызван к директору издательства, на столе у которого лежал распечатанным отправленный в Чехословакию конверт. Работникам издательств высокого ранга полагается знать все секретные инструкции Главлита и поэтому директор не особенно стеснялся, объявляя своему подчиненному служебный выговор за отправку заграницу «нелитованных» материалов, предназначенных для публикации. Письмо было возвращено директору издательства Главлитом. Автор статьи, однако, тут же позвонил в Отдел печати ЦК КПСС и получил разъяснение о том, что журнал «Проблемы мира и социализма» выходит за рамки общих правил, и корреспонденция в адрес этого журнала приравнена к внутрисоюзной корреспонденции.

Как выяснилось, благодаря настойчивости оскорбленного сотрудника издательства, «Черный кабинет» не знал инструкции об особом статусе «Проблем мира и социализма» и, по-видимому, задерживал всю почту в этот журнал от читателей, следовавшую не по служебным каналам. После этого, Главлит сделал почтовой цензуре необходимые указания.

г. О профессиональной репутации при решении сложной задачи

Мы уже отмечали неоднократно, что старый российский «Черный кабинет» очень дорожил своей профессиональной репутацией и старался так проводить перлюстрацию, чтобы следов ее не было заметно. Нынешняя цензура, добавив к перлюстрации пиратскую практику перехвата и уничтожения писем, решительно отошла от этой благородной и гуманной традиции. Но мне было интересно, сохранилась ли профессиональная честь у технической службы «Черного кабинета». Чтобы проверить это, я провел следующий простой опыт.

В Англию с небольшим интервалом я отправил два заказных письма с уведомлениями о вручении. Одно письмо было отправлено 10 февраля из Москвы и имело обратным адресом мой московский абонементный ящик. Другое письмо отправлялось 13 февраля из Обнинска и имело обнинский обратный адрес. Вложение в каждый конверт было безобидным — оттиск моей короткой статьи из журнала «Цитология». Печатные оттиски статей пропускаются беспрепятственно. Но несмотря на такое безобидное вложение, оба конверта были прочно заклеены синтетическим водонепроницаемым клеем, как по верхнему, так и по нижнему клапанам. Открыть такие конверты без повреждений было невозможно. Но поскольку в них нельзя было обнаружить ничего запретного, то как я полагал, они и после повреждения будут отправлены дальше, так как «Черный кабинет» уже знал, что А. Ж. Медведев подает рекламации на каждое пропавшее письмо и уже подготовил дело для суда по вопросу о компенсации. Увеличивать сумму этой компенсации на 15 рублей для почты не имело смысла. Но главная хитрость опыта заключалась в следующем. Оба письма были посланы к несуществующим адресатам и британская почта должна была вернуть их мне «*за ненахождением адресата*». Редкие случаи возвратов

такого рода у меня за много лет раньше случались из-за ошибок в адресе и я знал, что это такое.

Готовя опыт, я допускал, что почта не решится отправлять за границу сильно поврежденные цензурой конверты и переложит в новые конверты содержимое писем. Поэтому я на всякий случай сфотографировал подготовленные к отправке письма, чтобы иметь образцы для сравнения. Первым вернулось письмо в Обнинск. Судя по штампам оно достигло Англии за 7 дней, то есть 20 февраля. 23 февраля Британская почта, не обнаружив по указанному адресу нужного адресата, отправила письмо обратно и оно вернулось в Обнинск 6 марта. Увидев его я был потрясен от удивления. По всему верхнему и боковому сгибам конверт был заклеен полосками коричневой бумаги, явно не британского происхождения. Тщательный осмотр письма выявил следующее. Не справившись с вскрытием клапанов, цензор просто вскрыл письмо по верхнему сгибу тупым орудием, чтобы придать видимость спонтанного повреждения, а потом заклеил бумажной полоской. Но на обратном пути письмо было снова вскрыто, так как боковая бумажная полоска наклеена поверх британского штампа, закрывая его край. Московское письмо пришло в Англию через 10 дней и было возвращено обратно 24 февраля. Обратный путь его был однако очень долгим. В своем абонементном ящике я обнаружил его с двумя штампами на обороте. Один штамп принадлежал «Международному почтамту № 1» и имел дату 20 марта. Другой штамп принадлежал почтовому отделению Г-19 и имел дату 25 марта 70 г. Письмо также вскрывалось дважды, сверху и сбоку, но разрезы заклеивались прозрачной липкой лентой. Несколько лет назад такая лента доказывала бы ответственность британской почты за вскрытие письма, но в настоящее время прозрачная липкая лента выпускается и в СССР и поэтому вопрос о том, где было вскрыто письмо оставался открытым.

Конечно, почта всегда будет оправдываться и уверять, что письмо на сгибах истерлось из-за длительной до-

ставки и тряски в мешках и вид у писем действительно был затрепанный, особенно по краям. Но я учитывал возможность подобных оправданий. Поэтому я послал в Англию еще одно, третье письмо, практически не заклеивая его, лишь слегка увлажнив конец верхнего клапана. Это письмо, отправленное 15 февраля, вернулось 7 марта в отличном состоянии.

д. О привилегиях некоторых корреспондентов

В газете «Известия» 7 мая 1969 г. (№ 107) была напечатана большая статья *«Битая ставка г-на Сионского»*. В статье подробно описывалось, как московский житель Александр Храбровицкий свободно переписывается с г-ном Сионским, сотрудником эмигрантско-антисоветской организации «Народно-трудовой союз» (НТС) и работником разных шпионских центров. За сотрудничество с НТС, центр которого находится в ФРГ, по советским законам привлекают к судебной ответственности и известно несколько случаев такого рода, освещенных в печати. Однако Храбровицкий не только свободно получал по почте от Сионского (в статье подробно описана его шпионская биография) множество писем в течение ряда лет (более 200 писем), но и большое количество антисоветской литературы. Как говорит статья, литература шла и получалась ящиками. Более того, Храбровицкий вовлек в эту переписку других граждан в разных городах, и этим гражданам тоже начала приходить по почте антисоветская литература на русском языке. Дело это удалось прекратить только благодаря жалобе каких-то неназванных сотрудников одной университетской библиотеки, которые протестовали по поводу того, что к ним в библиотеку из НТС присылалась по почте во множестве самая махровая антисоветская литература на русском языке.

Мы видим в этом случае полную свободу переписки. Никаких конфискаций в таможне, никаких пропадающих писем. Может быть это эксперимент, которому дали созреть специально для статьи? Почему «Черный кабинет» предоставил Сионскому и Храбровицкому такие привилегии? Может быть переписка Храбровицкого имела служебный характер и сдавалась на почту с формой 103м? Фамилия Храбровицкого оказалась, как я выяснил, известной ряду московских писателей. Им тоже Храбровицкий писал смелые письма, предлагая

свои услуги по налаживанию связей со «свободным» миром. Свою переписку с И. Эренбургом, которого Храбровицкий храбро разоблачал за компромис, он даже пытался сделать достоянием «самиздата».

Я сначала подумал, что «Храбровицкий» — это нереальная фигура, а псевдоним, но мне рассказали, что человек с такой фамилией существует реально и кажется продолжает работать, а не уволен «по несоответствию должности». Поскольку я лично с ним не знаком, то обсуждать причины его возможностей успешного преодоления всех рифов «Черного кабинета» я не буду. Возвращаясь к все той же брошюре Майского о «Черном кабинете», можно высказать гипотезу о том, что Сионскому должно быть известен особый знак, проставляемый на письмах, не подлежащих перлюстрации. Майский пишет, что после перлюстрации на письмах выставлялся какой-то особый, незаметный для адресата знак, свидетельствовавший, что письмо прошло проверку. Это избавляло письмо от вторичной перлюстрации в каком-нибудь другом «Черном кабинете», например, Московском или Тифлисском, куда оно следовало из-за границы через Петербург. Кроме того, письма некоторых особ, даже частные, не подлежали перлюстрации (например, письма Министра внутренних дел, Начальника полиции и др., т. е. всех тех, кто был посвящен в тайну «Черного кабинета» и получал его отчеты).

Но другой известный мне случай переписки с Сионским можно трактовать с большей определенностью. Некоторое время тому назад я узнал, что один московский работник, член КПСС и сотрудник ответственного учреждения, в своей частной жизни ведет активную переписку с г-ном Сионским и получает от него книги на русском языке, изданные за границей, в том числе издания сексуально-эротического жанра. Более того, будучи за рубежом в туристической поездке, этот сотрудник посетил г-на Сионского и беседовал с ним как представитель каких-то «либеральных кругов». Когда

его кто-то недавно упрекнул за эту экстравагантность, то он ответил, что об этом кому надо известно. Но лично я в этом и не сомневался уже несколько лет назад. Этого человека я узнал через своего друга Валерия Павлинчука, уже упоминавшегося в настоящей работе. И уже тогда он вызвал у меня подозрения на возможность «двойной игры», но Валерий Павлинчук не прислушался к моим советам, и это стоило ему дорого. Дело это, если его кратко рассказать, заключалось в следующем. Еще в 1963 г. группа прогрессивных физиков, воодушевленная в своей работе курсом на демократизацию и разоблачение «культа личности», провозглашенного XX и XXII съездами КПСС, стала ядром общественной активности в Обнинске. Эти физики, работавшие в физико-энергетическом институте, с которого и начался город Обнинск, организовали при своем Доме Культуры еженедельный «День ученого», ставший своего рода дискуссионным клубом и приобретшим в городе огромную популярность. На «День ученого» приглашались из Москвы писатели, литературные критики, композиторы, режиссеры, общественные деятели. Выступали с большим успехом в этом клубе писатели В. Дудинцев, К. Симонов, В. Тендряков, В. Каверин и другие, литературовед В. Дакшин, режиссер М. Ромм, поэт Рождественский и многие другие известные деятели советской культуры. Приезжал даже маршал Г. К. Жуков, родина которого расположена вблизи нашего города. В группе физиков, проявивших и развивших столь ценную инициативу, центральной фигурой был тогда еще аспирант Валерий Павлинчук, парторг теоретического отдела.

Однажды к нам приехал старый коммунист (видевший В. И. Ленина), оратор, историк, известный своими выступлениями против «культа личности» и за восстановление ленинских норм в партийной жизни. Он сделал на вечере «День ученого» прекрасный доклад. После доклада актив «Дня ученого» устроил в его честь ужин. На этом ужине выяснилось, что старый коммунист при-

ехал из Москвы не один. Его сопровождал приятель, пожилой человек, быстро нашедший общий язык с молодыми физиками. Этот «приятель» затем пригласил Валерия Павлинчука к себе в Москву, подружился с ним и стал снабжать его «для обнинских друзей» некоторыми произведениями «самиздата», а иногда и книгами на русском языке, изданными за рубежом. У нас с Павлинчуком был общий друг, заведующий лабораторией в другом институте, прекрасный человек и замечательный ценитель литературы. Этот друг не интересовался политическими проблемами, не относившимися к художественной литературе. Однажды, получив от нового московского «либерала» какую-то рукопись «только на два дня», Валерий из-за болезни не мог отвезти ее в Москву и попросил сделать это любителя литературы. Тому не очень хотелось участвовать в этом деле, но Валерий уговорил его, сказав, что он может не называть себя, а просто представиться, как «товар. Павлинчука». Любитель литературы приехал к пожилому партийному «либералу», сказал, что он товарищ Павлинчука и передал ему пакет с рукописью. Приятно поговорив с новым знакомым, наш обнинский сотрудник стал прощаться. Пожимая ему руку, московский «либерал» вдруг сказал:

> «Знаете, «товарищ Павлинчук» — это как-то очень неопределенно. Не могли бы вы сказать мне свои настоящие координаты, имя и фамилию. А то как-то неудобно, мы с вами поговорили, а кто вы такой я не знаю».

Обнинский коллега представился по всей форме. — «Вот теперь мы действительно знакомы» — сказал с удовлетворением москвич, и тут же вынув записную книжку записал в нее фамилию нового знакомого и его обнинский телефон.

Этот эпизод, о котором мне коллега рассказал, почему-то меня насторожил и я подробно распросил Павлинчука о его знакомом. Рассказ Валерия не вызывал у меня сомнений, хотя я тогда и не знал о переписке

«либерала» с Сионским. Он всегда интересовался тем, кто прочитал ту или иную работу, которую он давал Павлинчуку, а если Валерий сам доставал что-то новое и привозил ему, то он обязательно спрашивал, от кого Павлинчук получил эту рукопись. Ради сценарного эффекта он всегда назначал Валерию встречи в каких-нибудь необычных местах, хотя договаривались они об этих встречах по домашнему телефону москвича. Среди них была, например, встреча в 10 час. вечера в вестибюле гостиницы «Москва». Доверчивый Павлинчук рассказывал все об обнинских делах. Когда дело созрело, развязка была простой. Валерий получил для чтения «криминальную» книгу Джиласа, ее у него нашли в отделе. В столах теоретического отдела провели обыск, обнаруживший ряд других работ. В. Павлинчука исключили из КПСС, уволили с работы в связи с лишением «допуска». Над другими сотрудниками теоретического отдела устроили партийный процесс, некоторых уволили, других понизили в должности, объявили выговоры и т. д. Через некоторое время был лишен «допуска» и уволен «товарищ Павлинчука» в другом институте. Директора Дома культуры тоже уволили и состав оргкомитета «Дня ученого» был переформирован. На эти «Дни» стали приглашать литераторов и деятелей другого направления и о чем они там говорят я не знаю, так как больше не посещаю это «мероприятие».

Московского либерала, ведущего переписку с г-ном Сионским, я потом встретил еще раз на похоронах Валерия Павлинчука, умершего летом 1968 г. от воспаления легких. Заболев, он долго не обращался в больницу, а когда его почти в бессознательном состоянии отвезли туда, было уже поздно. Хронический нефрит, которым страдал Павлинчук, не давал возможности для активной химиотерапии и почки не справлялись с повышенной нагрузкой.

е. Встреча со слушателями

В передачах иностранных радиостанций на русском языке есть особый раздел «Встречи со слушателями». Не только государственные радиостанции типа Би-Би-Си и «Голос Америки», но и специально антисоветская радиостанция «Свобода» в своих передачах для СССР каждый раз сообщают «Ждем ваших писем, пишите нам по адресу»: и медленно по буквам диктуют свои адреса. А радиостанция «Свобода» изо дня в день по нескольку раз в сутки передает специальное объявление. В этом объявлении радиостанция выражает сомнение в возможности построения коммунистического общества и просит слушателей из СССР писать ей о том, что они понимают под словом коммунизм, верят они или нет в возможность построения коммунистического общества. А потом по буквам диктуют свой почтовый адрес в Западном Берлине. «Пишите нам по адресу!» взывает «Свобода», «Ждем ваших писем!». Этот же призыв радиостанция повторяет после каждой тематической антисоветской передачи, для «конспирации» меняя иногда в объявлениях номер своего почтового ящика в Западном Берлине (лагеркарте). Старый почтовый ящик мол наверное уже не годится, даем вам по буквам для переписки номер нового. И так каждый день. А иногда все эти радиостанции передают полученные ими письма, для «конфиденциальности» не сообщая имена отправителей, говоря просто «студент из Горького» или «рабочий из Смоленска». Какие письма доходят по почте до этих радиостанций, я не знаю и пишут ли по объявляемым адресам советские граждане, я тоже не знаю. Но я могу сравнить все эти призывы писать письма по берлинскому, западно-германскому или французскому адресам радиостанции «Свобода» с ароматной приманкой в тех сетях, которые расставил на путях международной почты «Черный кабинет». Иногда он, конечно, и пропускает в Зап. Берлин то или иное «оппозиционное» письмо, чтобы не иссушать источ-

ник вдохновения радиовещателей. Но в целом «Черный кабинет», несомненно, с благодарностью относится к подобным объявлениям по радио, помогающим ему выявлять тех, кто еще верит в принцип соблюдения тайны переписки. А верят ли в этот принцип эксперты по русским делам в этих радиостанциях?

ж. Можно ли читать письмо, не вынимая его из конверта?

Мы уже отмечали, что в Петербургском «Черном кабинете» многие письма вскрывались просто костяным ножичком, или в дополнение к нему тонкой струей пара их особого прибора. Почтовый клей советских конвертов содержит большой процент крахмала (посинение от иода) и набухает особенно легко не только при повышенной температуре, но и просто во влажной камере. Достаточно подержать такие конверты над водой в закрытом ящике при комнатной температуре и они легко открываются.

Но иногда письма заклеены синтетическим водонепроницаемым клеем или особой клейкой лентой, которая тоже не поддается отпариванию. Как быть с ними, если из-за характера письма цензор все же не хочет, чтобы конверт имел явные следы вскрытия. Мне приходилось слышать три гипотезы на этот счет.

Согласно первой гипотезе, письмо можно читать, вообще не вскрывая, в инфракрасных лучах на особом экране. Но для многократно сложенных писем, это, повидимому, нелегко.

По другой гипотезе, через надрыв сбоку или снизу письма, или через зазор клапана цензор может вытянуть письмо наружу, накрутив его в особом приборе на тонкий стержень. Такие надрывы сбоку или сверху (как бы от тряски в дороге) встречаются на иностранных конвертах очень часто.

Третья гипотеза состоит в том, что через такой надрыв или через зазор в клапане в письмо можно ввести тонкий оптический прибор, вделанный в эластичную трубочку, и поворачивая его к разным сторонам сложенного листка легко читать текст, длинные конверты заграничного производства, в которое письмо вкладывается сложенным только в одной плоскости, делают это особенно легким. Такие оптические системы подобны «глазкам», которые сейчас рекомендуют вделывать в дверь. Он дает большое поле зрения даже когда

придвинут к объекту вплотную. Эти приборы почти идентичны оптическим гастроскопам и цистоскопам. Сейчас врач, вводя через мочеиспускательный канал тонкую эластичную трубочку, может и освещать и обозревать (перлюстрировать) стенки мочевого пузыря. Особенно совершенны, как говорят, японские цистоскопы. Не исключено, что сотрудники «Черного кабинета», которые благодаря своему занятию должны обладать необыкновенной эрудицией, действительно используют в своей работе самые новейшие технические достижения.

3. Ваша фамилия у нас на контроле

В конце 1969 г. я был обеспокоен долгим следованием ко мне из США бандероли с книгами от проф. Х. Это была художественная литература, около 10 «карманных» романов, которые служат хорошим «чтивом» в электричке. Я решил на этот раз прямо позвонить в тот отдел Международного почтамта, который отвечает за печатные произведения. Но ведь так по телефону не спросишь — где у вас журнально-книжная цензура? Я стал изучать штампы Международного почтамта. На квитанциях, которые в Международном почтамте выдают при приеме заказных писем в общем оперативном зале, стоит штамп, на котором указано: *«Международный почтамт-6»*. Это означает, что открытое для всех отделение Международного почтамта именуется Цехом № 6. На Главном московском Почтамте на ул. Кирова такой же оперативный зал, это, судя по штемпелям, Цех № 8. Далее я обратил внимание на то, что при приеме заказных писем в отделении К-9 в здании Главного Телеграфа на ул. Горького, номера писем заносятся в реестр, на котором стоит гриф *«Международный почтамт-2»*. По-видимому цех № 2 собирает международную почту из СССР с разных других почт. Но на конверте из посольства США и на копии письма Асланова в первый Отдел института был штамп *«Международный почтамт-1»*. Этот же штамп «Международный почтамт-1» был на всех конвертах от бандеролей, подаренных мне в одной московской редакции, причем это были бандероли с изданиями, которые, по-видимому, несут на себе «шестигранник», а не двойной треугольник. Штамп «Международный почтамт-1» я встретил и на одном реферативном медицинском журнале, очень тонком, который посылается без конверта, адрес указывается прямо на обложке этого журнала. В центральной Медицинской библиотеке этот журнал имел штампы «Международный почтамт-1», в нашем институте в Обнинске только штамп обнинской почты.

Но на одинаковым по датам выпусках этого журнала, несмотря на разные круглые почтовые штампы, стоит обычно один и тот же контрольный личный номер крупного типа (например 62 или 10). Значит, и обнинские номера проходят через цех № 1, но он на них своих штампов не ставит. Из всего этого я заключил, что цех № 1 первым контактирует с печатной продукцией, прибывающей из-за рубежа и цензурное отделение, очевидно, числится при нем. Удалять их друг от друга территориально нерентабельно.

Придя к такому выводу, я позвонил по официальному, указанному на всех бланках, телефону Международного почтамта-1, то есть цеха № 1. В ответ — зачем мне этот номер, я солидно объяснил, что недополучил ряд номеров журнала по международной подписке. Мне сообщили телефон, но судя по номеру, Цех № 1 располагался в другом здании (294-62-72). Цифрами 294 начинается и телефон Начальника Прижелезнодорожного вокзала при Казанском вокзале, гигантского здания, больше 100 метров в длину и имеющего 12 этажей в каждой из двух широких боковых секций. В этом доме, объемом не менее 400 000 кв. метров можно, конечно, разместить и Международный почтамт-1 со всеми его службами, ибо зачем, естественно, прижелезнодорожному почтамту 12 этажей. (Но может быть я и ошибаюсь в этом вопросе о расположении интересующих меня цехов). Я позвонил по указанному номеру. Кто-то поднял трубку. Авторитетным тоном я стал отчитывать цех № 1 за пропажу журналов «Сайенс» по моей подписке и частную пропажу книг. Слушавший меня, сначала растерялся, а затем стал спрашивать с кем он имеет дело. Я назвал свою фамилию и имя. Голос собеседника сразу изменился. С нотками уважения он категорически отрицал всякую возможность каких-нибудь пропаж в моей почте.

— Ваша фамилия, товарищ Медведев, — сказал он, — стоит у нас *на контроле*. (Он выделил это слово

интонацией). Все, что приходит на Ваше имя, сразу отбирается и отправляется по назначению. Пропасть ничего не может, мы за это отвечаем.

Куда отправляется по назначению, — этого он не сказал. Но с 1970 г. Международные письма стали прибывать ко мне медленнее. Не так медленно, как в Москву, но все же заметно медленнее, чем в 1968 и 1969 г. Средняя скорость прибытия авиаписем из США поднялась с 7,2 до 11 дней. Очевидно это плата за высокую честь иметь свое имя *на контроле.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже не знаю, что сказать в заключение этой работы. Могу сказать читателям только одно. Если будут у вас, дорогие читатели, какие-нибудь замечания, дополнения и высказывания по этой рукописи, не присылайте их мне по почте, ни по обнинскому, ни по московскому адресам. Передайте их лично.

Обнинск. Сентябрь 1969 — апрель 1970 гг.

Читатель узнает, как «черные кабинеты» конфискуют научные книги и периодические издания и осуществляют цензуру личной корреспонденции. Во всем этом Жорес Медведев усматривает диверсионные действия со стороны правительства. «Если власть, — пишет он, — придерживаясь в данный текущий момент данной текущей точки зрения, использует в полемике с инакомыслящими противозаконные меры: нарушение тайны переписки, произвольное нарушение законных функций цензуры, увольнения с работы, судебное преследование с нарушением юридических процессуальных норм, заведомую клевету, ограничение гражданских прав, и т. д., то такой способ идеологической борьбы является идеологической диверсией по отношению к идеологии коммунизма в целом».

Жорес Александрович Медведев родился в 1925 году в Тбилиси. После получения ученой степени кандидата биологических наук в 1950 году он работал в Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева в Москве. Этот период совпал с возвеличением Трофима Лысенко и его псевдонаучных сподвижников. В деле разоблачения лысенковщины, Жорес Медведев сыграл важную роль: им на эту тему написана особая книга. В 1962 году он был избран на должность заведующего лабораторией молекулярной радиобиологии в Институте медицинской радиологии Академии Медицинских Наук СССР в г. Обнинске. Публицистическая деятельность Жореса Медведева привела в 1969 году к его увольнению из института. К концу 1970 года он был зачислен в лабораторию белков и аминокислот в НИИ физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных в г. Боровске, Калужской области.